

Д.Л.м 35

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVII

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

Р е д к о л л е г и я :

Д. С. Лизачев (ответственный редактор),
М. А. Салмина, О. В. Творогов

Рецензенты: *А. Х. Горфункель, А. М. Панченко*

ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. М. БУЛАНИН

О некоторых принципах работы древнерусских писателей

Изучение истории текста литературных памятников Древней Руси отличается некоторыми существенными особенностями. Разрабатывая принципы текстологии применительно к литературе нового времени, Б. В. Томашевский выделил следующие этапы в истории художественного произведения. «I. Подготовка: а) замысел; б) собирание материалов; в) планировка; II. Создание произведения: г) черновые наброски; д) первая редакция; III. Отделка произведения: е) работа над чистовым текстом; ж) обработка повторных изданий».¹ Для большинства древнерусских литературных произведений мы не имеем материалов ни об одном из этапов в истории текста, которые выделены Б. В. Томашевским и которые предшествуют окончательному варианту памятника. Если история литературных произведений нового времени изучается в первую очередь на основании черновиков, то специалистам по древнерусской литературе в большинстве случаев приходится иметь дело с беловым текстом. «Древнерусские литературные произведения представлены почти только беловиками, т. е. рукописями с законченным текстом, — предназначенные для чтения, они отражают конечный результат работы».²

Понятно, какое значение имеют для изучения древней литературы автографы русских средневековых писателей, сохранившиеся до нашего времени; последние годы были особенно плодотворны в отношении поиска автографов древнерусских писателей. На сегодняшний день выявлены рукописи, переписанные рукой известных писателей Древней Руси (Нил Сорский, Максим Грек), известны сочинения целого ряда писателей с авторской правкой (митрополит Даниил, Максим Грек, Симеон Полоцкий) и, что особенно ценно, собственноручные списки произведений древнерусских авторов (Зиновий Отенский, Симеон Полоцкий, Аввакум, Епифаний — союзник Аввакума). Но даже обнаружение автографа — факт сам по себе очень важный — мало что меняет в общей картине, поскольку и в этом случае ученый имеет перед собой уже связный текст и не знает, что ему предшествовало. Творческая лаборатория древнерусских авторов остается в основном скрытой от современных исследователей.

Некоторые материалы, собранные за последние десять лет, несколько изменили эту ситуацию. В 1972 г. И. М. Кудрявцев опубликовал статью, посвященную исключительно интересному старообрядческому сборнику XVII в. (ГБЛ, ф. 17, собр. Барсова, № 883).³ В этом сборнике содержится

¹ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959, с. 87.

² Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 39.

³ И. М. Кудрявцев. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников. — В кн.: Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 33. М., 1972, с. 148—212.

набор выписок из различных книг (между прочим в колоннитулах он так и озаглавлен: «Выписки из книг»), составленный протопопом Аввакумом. Источники выписок Аввакума весьма разнообразны: это Беседы Иоанна Златоуста на послания апостола Павла, Книга о вере, Кириллова книга, поучения Ефрема Сирина, корпус сочинений Дионисия Ареопагита, Пролог и др. Справедливо оценивая значительность находки, И. М. Кудрявцев пишет: «Это список черновиков и набросков сочинений протопopa Аввакума, выписей и заметок по поводу тех или иных штудированных им книг, иными словами, список части его архивных материалов, дающий возможность (разумеется, лишь в какой-то мере) уяснить его замыслы, интересы, приемы работы и многое другое, т. е. проникнуть в творческую лабораторию одного из самых замечательных писателей XVII в.»⁴

Недавно были обнаружены несколько подборок выписок, относящихся к более раннему периоду в истории древнерусской литературы — они принадлежат Максиму Греку. Это, во-первых, подборка выписок из Лексикона Свиды, грандиозной византийской энциклопедии X в.; подборка эта была найдена Н. В. Сеницыной в прижизненном сборнике сочинений Максима Грека (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264, л. 305—315) с его собственноручной правкой.⁵ Во-вторых, это две статьи, часто встречающиеся в составе сборников сочинений Максима Грека («Григория Богослова „От слова еже о нищелюбии“»; «Григория Богослова о нищелюбии») и представляющие собой набор выписок из слов Григория Богослова.⁶ Наконец, это выписки из Хроники Георгия Амартола и некоторых других источников в сборнике ГИМ, Синодальное собр., № 791, достаточно убедительно атрибутированные Максиму Греку.⁷ В известной мере такой же характер носит комплекс антилатинских статей и выписок, составленный Максимом Греком и сохранившийся в нескольких сборниках XVI—XVII вв.⁸

Наконец, молодой новосибирский ученый А. И. Плигузов установил, что окончательноному варианту «Поморских ответов», составленных в XVIII в., но тесно связанных с традициями древнерусской письменности, предшествовали рукописи, содержащие выписки по основным темам, разбиравшимся в этом сочинении.⁹ Нужно думать, что в процессе дальнейшего изучения древнерусской литературы будут сделаны и другие находки такого рода.¹⁰

Следует сразу же отметить, что сами по себе перечисленные находки не являются сенсацией. Дело в том, что составление подборок выписок, иногда объединенных общей темой или распределенных по различным рубрикам, — явление обычное в древнерусской письменности. В данном случае важен другой факт: удалось установить, что древнерусские пи-

⁴ Там же, с. 153.

⁵ Н. В. Сеницына. Максим Грек в России. М., 1977, с. 58—60. Небольшая подборка выписок из Свиды находится также на л. 170 об.—171 этого сборника.

⁶ Д. М. Буланин. К изучению переводческой деятельности Максима Грека. — РЛ, 1978, № 3, с. 121.

⁷ Б. М. Клосс. Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками». — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975. с. 55—61; Д. М. Буланин. Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 269.

⁸ Д. Буланин. «Окружное послание» константинопольского патриарха Фотия в древнерусских рукописях XVI—XVII вв. — *Palaeobulgarica*, t. V (1981), № 2, с. 35—54. Нужно, правда, отметить, что в этот комплекс наряду с выписками входят и цельные произведения («Окружное послание» Фотия, «Слово на латиню» Максима Грека).

⁹ Наблюдения А. И. Плигузова пока не нашли отражения в печати. Ср. А. И. Плигузов. Авторские сборники основателей Выговской пустыни. — В кн.: Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982, с. 103—112.

¹⁰ Ср., например, выписки из Хронографа на черновой стадии его создания: Б. М. Клосс. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980, с. 159—168. Впрочем, поскольку Хронограф — заведомо компилятивный памятник, эти собрания выписок не столь выразительны, как указанные выше.

сатели, будь то Максим Грек, Аввакум или авторы «Поморских ответов», включали отдельные выписки в состав своих оригинальных сочинений, т. е. использовали свои собрания выписок как заготовки, или «цитатники». Активное использование этих подборок выписок, «цитатников», свидетельствует о том, что они представляли собой в Древней Руси вполне определенный, начальный, этап в истории создания оригинального произведения или произведений. И. М. Кудрявцев показал на многочисленных примерах, как использовал протопоп Аввакум в своем творчестве те материалы, которые сохранились во вновь найденном сборнике XVII в. Выписки из Свиды, сделанные Максимом Греком, также не прошли бесследно в его трудах — многие из них вошли в состав оригинальных сочинений писателя.¹¹ То же следует сказать о наборе выписок Максима Грека из слов Григория Богослова,¹² о его выписках в сборнике Синодального собрания, о комплексе антилатинских статей, а также о выписках, предшествовавших окончательному тексту «Поморских ответов». Думается, что приведенные материалы дают возможность говорить о какой-то общей закономерности, характеризующей работу древнерусского писателя, и позволяют сделать некоторые выводы о принципах, на которых строилась эта работа.

Черновые наброски писателей нового времени выглядели по-разному: И. С. Тургенев, например, имел обыкновение составлять формуляры на всех героев будущего произведения, в которых указывал их имена, годы рождения и т. д.; Ф. М. Достоевскому важен был в первую очередь сюжет задуманного романа — это отчетливо проявилось в его черновиках.¹³ Уже это своеобразие, неповторимость черновики различных писателей очень характерны для литературы нового времени, когда интерес представляет именно своеобразная и неповторимая индивидуальность каждого писателя. При всем различии этих черновики им присуща одна общая черта: процесс творчества писателя, его творческая мысль обычно отражаются в черновиках уже на самой начальной стадии создания того или иного сочинения.

Отношение к литературе и писательскому труду в средние века было принципиально иным. С точки зрения средневекового человека культура не знает старения, это сумма вечных и вневременных идей,¹⁴ а призвание писателя — передать, сообщить эти идеи. Литературный вымысел не ценился в древности — средневековый писатель в наименьшей степени «сочинитель», т. е. литератор в современном смысле этого слова.¹⁵ Особым было отношение к самому процессу письма, к его общественным функциям: по средневековым представлениям далеко не всякое произведение, далеко не всякая мысль заслуживали письменной фиксации. В литературу проникало лишь то, что было подчинено литературному этикету. Согласно определению Д. С. Лихачева, литературный этикет «слагается из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо

¹¹ Д. М. Буланин. Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека, с. 282—283.

¹² Выписку из подборки, озаглавленной «Григория Богослова „От слова еже о нщцелюбии“», Максим Грек использовал в «Слове противу тшацихся звездозрением предрицати о будущих. . .» (Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 1. Казань, 1859, с. 411).

¹³ Подробнее см.: Б. В. Томашевский. Писатель и книга, с. 87—153.

¹⁴ А. М. Панченко. История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 193—194.

¹⁵ Ср., в частности, значения слов «съчинити», «творити»: Срезневский, т. III, стб. 866, 934—937. Интересно в этой связи, что обычное для культуры барокко уподобление творчества писателя творчеству бога было воспринято русскими традиционалистами как кощунственное и еретическое (А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 176). Об этой особенности средневековой культуры подробно см.: E. R. Curtius. European Literature and the Latin Middle Ages. Princeton, 1973, p. 397—401.

сообразно своему положению; из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Перед нами, следовательно, этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный». ¹⁶ По словам Д. С. Лихачева, «стремлением подчинить изложение этикету, создавать литературные каноны можно объяснить и обычный в средневековой литературе перенос отдельных описаний, речей, формул из одного произведения в другое». ¹⁷ Отсюда анонимность большинства литературных памятников Древней Руси, что объясняется не только скудостью наших сведений об авторах, но и эстетической установкой древнерусских писателей. Отсюда зыбкость границы между автором, редактором и писцом того или иного сочинения, отсюда и весьма распространенная в средние века практика приписывать свое произведение другому, более авторитетному автору. ¹⁸ Особенности средневековой литературы хорошо иллюстрируются найденными подборками выписок: оказывается, прежде чем приступить к написанию собственного сочинения, древнерусский писатель собирал выписки из чужих авторитетных трудов, а затем включал некоторые из этих выписок в состав своих произведений.

Обнаруженные подборки выписок, позволяющие приподнять завесу над творческой лабораторией древнерусского писателя, вполне согласуются с нашими представлениями о специфике книжной продукции Древней Руси. Хорошо известно, что большая часть древнерусских литературных произведений дошла до нас в составе сборников разнообразного состава. «Связь, которая существует между дошедшими до нас литературными произведениями и составом включивших их в себя сборников, может быть очень различна — от самой тесной по содержанию до минимальной, от исторически сложившейся до случайно создавшейся в единственном списке в результате механической работы последнего писца или даже просто переплетчика, соединившего различные по содержанию и разновременные рукописи». ¹⁹ Распространение сборников — характерная черта книжной культуры Древней Руси. В них проявилась общая тенденция средневековой культуры — рассматривать каждую книгу как энциклопедию или, по выражению А. С. Орлова, как книгу, представляющую «круг знания», ²⁰ что в свою очередь объясняется особым отношением в средние века к книге — вместительцу вечных идей. ²¹ Подборки выписок древнерусских писателей можно рассматривать как сборники в миниатюре или как сборники в сборниках: как сочинения в сборниках выписки эти могут быть извлечены из одного произведения или из нескольких, могут быть объединены общей темой или собраны бессистемно и т. д. Поэтому-то выписки эти не осознавались в Древней Руси как черновики в подлинном смысле слова: позднейшие переписчики копировали подборки выписок, придавая им тем самым самостоятельное значение.

Среди целого комплекса задач, которые возникают в связи с изучением подготовительных выписок таких выдающихся писателей, как Максим

¹⁶ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979, с. 90.

¹⁷ Там же, с. 88.

¹⁸ См.: М. И. Сухомлинов. О псевдонимах в древней русской словесности. — СОРЯС, т. LXXXV, 1908, с. 441—493.

¹⁹ Д. С. Лихачев. Текстология, с. 233. О сборниках см. также: Р. П. Дмитриева. 1) Изучение русских рукописных четких сборников XV—XVI вв. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 85—95; 2) Четкие сборники XV в. как жанр. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 150—180.

²⁰ А. С. Орлов. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды. — Доклады Академии наук СССР—В, 1931, № 3, с. 41.

²¹ См.: А. М. Панченко. 1) История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко, с. 194—195; 2) Переход от древней русской литературы к новой. — В кн.: Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980, с. 135—142. О символике книги в средние века и другие эпохи подробно см.: E. R. Curtius. European Literature and the Latin Middle Ages, p. 302—347.

Грек, протопоп Аввакум, авторы «Поморских ответов», интересной представляется следующая: найти в самом тексте произведений древнерусских писателей отражение принципов их работы, в которых, как кажется, проявились некоторые характерные черты средневековой литературы вообще. Было бы безнадежной затеей искать у древнерусских авторов откровенных признаний о процессе их творчества, признаний, столь характерных для литературы нового времени;²² литературный этикет, которому была подчинена средневековая письменность, не допускал таких признаний. Зато особенности творчества писателей XI—XVII вв. — соби́рание выписок из авторитетных источников и последующее их использование в своих собственных сочинениях — нашли яркое воплощение в этикетных формулах древнерусской литературы, связанных с писательским трудом.

Широкое распространение «общих мест», или, по терминологии Д. С. Лихачева, «этикетных формул», — хорошо известная особенность литературы Древней Руси. Об этикетных формулах русской средневековой литературы писали не раз, однако конкретная разработка этого вопроса еще только начинается. По словам Д. С. Лихачева, «литературный этикет Древней Руси и связанные с ним литературные каноны нуждаются во внимательном исчерпывающем описании и „каталогизации“». ²³ Этикетные формулы, связанные с трудом писателя и книжника в Древней Руси, весьма разнообразны, и в мои задачи не входит сколько-нибудь исчерпывающее их описание. Такая этикетная формула, как уподобление работы писателя или писца плаванью на корабле,²⁴ или разработанная система образов, основанная на метафоре: пища плотская — пища духовная,²⁵ несомненно заслуживают монографического исследования. В данном контексте интерес представляют прежде всего те этикетные формулы, в которых отражаются представления о самих принципах писательского труда, о начальной стадии работы древнерусского книжника, которая, как мы видели, заключается в соби́рании выписок из авторитетных источников.

Такие этикетные формулы без труда могут быть найдены в сочинениях тех самых писателей, подборки выписок которых были обнаружены за последние годы. Хорошо известно то место в сочинениях Аввакума, где он сравнивает свою работу со сбором подаяния: «Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостыню просящу. . . У богато́ва человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богато́ва гостя, ис полатейего хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадских людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрал кошел, да и вам даю, жителям в дому бога моего». ²⁶ Более традиционны образы, обнаруживающиеся в сочинениях Максима Грека. В «Слове на латинов» находим знаменитое сравнение писательского труда

²² Ср. классические примеры: «Осень» А. С. Пушкина, «Как делать стихи» В. В. Маяковского и др.

²³ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, с. 102.

²⁴ См.: E. R. Curtius. European Literature and the Latin Middle Ages, p. 128—130. О различных метафорах, связанных с плаванием по морю, ср.: J. Kahlemer. Seesturm und Schiffbruch als Bild im antiken Schrifttum. Hildesheim, 1934; Т. А. Миллер. Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста. (Опыт сопоставительного анализа). — В кн.: Античность и современность. М., 1972, с. 360—369; А. П. Каждан. «Корабль в бурном море». К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей. — В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976, с. 3—16.

²⁵ E. R. Curtius. European Literature and the Latin Middle Ages, p. 134—136; С. В. Полякова. «Всякого добра добрейша суть книжное поучение». (Об усвоении Аввакумом метафоры съедания слова). — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 188—190.

²⁶ РИБ, т. 39. Л., 1927, стб. 548.

с работой пчелы: «Хотех и аз пчелам поревновати, — пишет Максим Грек, — летающим убо по всяким цветом, но не от всех събирающим мед».²⁷ В Слове «на люторы», которое А. И. Иванов атрибутирует Максиму Греку,²⁸ писатель говорит, что он, «яко же пес от крупиц, падающих от трапезы господей своих по мере дарования Христова», выбирает из творений «святых апостол, и пророк, и преподобных отец».²⁹ Таким образом, древнерусский писатель, приступая к работе, обращается к авторитетным для него произведениям и делает из них выписки, как нищий собирает милостыню, как пчела облетает цветы, как пес питается объедками своих хозяев.

Поскольку речь идет об «общих местах», этикетных формулах, было бы нелепо думать, что в приведенных образах непосредственно выражаются взгляды на принципы писательского труда именно Максима Грека или Аввакума. Однако в возникновении и распространении какой-то этикетной формулы выражаются некоторые общие закономерности развития литературы в определенный период; исследование генезиса, вариаций и модификаций той или иной этикетной формулы или целого их комплекса проясняет в известной мере эти общие закономерности. В использовании этикетных формул, отражающих принципы труда писателя, проявляются не индивидуальные взгляды отдельного автора, но взгляды, характерные для целой литературной эпохи. Поэтому представляются небесполезными некоторые замечания по истории тех этикетных формул, которые мы нашли в сочинениях Максима Грека и протопопа Аввакума.

Начну с наиболее традиционной формулы — сравнения труда писателя с работой пчелы. Очень рано обнаруженное сходство между жизнью пчелиной семьи и жизнью человеческого общества послужило основой для широко распространенного у разных народов и в разные исторические эпохи переноса отдельных свойств человека на пчелу.³⁰ Основанная на этом переносе и весьма разработанная в древнерусской и неразрывно связанных с ней южнославянских литературах символика пчелы могла бы стать темой самостоятельной работы.³¹ Для наших целей, однако, достаточно будет отметить лишь основные моменты в развитии этой символики. Значительно огрубляя сложную систему метафор, связанных с пчелой, можно наметить два основных направления, по которым шло использование этого образа в славянской письменности.

Наиболее популярным было восходящее к византийской литературе сравнение с пчелой святого, монаха или вообще добродетельного христианина. Кирилл Философ «протекова весь мир. . . , яко бчела, богоразумия мед пресвятый в сердца вьлагая верующим в единого Христа, на землю пришьдьшаго»;³² Кирилл Туровский говорит о «мнишьскаго образа трудолюбивой бчеле»;³³ Тырновский патриарх Иоаким I, «яко трудолюбивая

²⁷ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 1, с. 236.

²⁸ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 117—118. Правда, атрибуция А. И. Иванова представляется малоубедительной; большинство исследователей признают автором этого сочинения Артемия, игумена Троицкого (РИБ, т. 4. Пб., 1878, стб. 1201—1266). Поскольку нас интересуют «общие места», вопрос об авторе этого произведения для нас в конце концов не имеет большого значения.

²⁹ РИБ, т. 4, стб. 1205.

³⁰ Ad de Vries. Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam—L., 1974, p. 41—43.

³¹ Ср.: D. Tshizewskij. Umkehrung der dichterischen Metaphern. Topoi und anderer Stilmittel. — Die Welt der Slaven, 1961, Jahrgang VI, H. 4, S. 339—340.

³² И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, кн. 1, вып. III. СПб., 1867 (№ XXVIII), с. 68.

³³ И. П. Еремеев. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, с. 417. У Григория Богослова, к которому восходит это место, сравнения монаха с пчелой нет. По словам А. Никольской, «природа, вполне реальная у Григория Богослова, становится рядом символов у Кирилла Туровского» (А. Никольская. К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе (Несколько описаний весны). — СОРЯС, т. CI, 1928, № 3, с. 435).

пчела не почивает, уче ихъ мнишьскому сану, еже на путь спасения»;³⁴ по словам митрополита Феодосия, «егда в святей церкви начнется о Павле беседа», благочестивая паства стекается туда, «яко же пчелы на събрание цветов отвсюду»;³⁵ митрополит Филипп «в тленном телеси яко съблотен на земли поживе, пчелинному трудолюбию и благостроению боголюбно подобяся».³⁶ Типичная для стиля барокко проповедь Антония Радивиловского целиком построена на сравнении Антония Печерского с пчелой.³⁷ Отчасти эта метафора объясняется распространенным представлением о необычайном трудолюбии пчелы. Несомненно, однако, что метафора основана в первую очередь на древнем, восходящем к античной культуре убеждении в особой чистоте, девственности пчелы.³⁸ Многие античные натуралисты считали, что пчелы не производят потомство, но собирают его на растениях:

Плотский чужд им союз: не истощают любовью
Тел своих, не рожают детей в усилиях тяжких.
Новорожденных они со сладких злаков и листьев
Ртом берут, назначают царя и малюток-квиритов,
Строят сызнова двор и все царство свое восковое.

(Вергилий. «Георгики», IV, 198—202;
пер. С. Шервинского).

Именно на этом убеждении зиждется церковная символика пчелы, особенно развитая и разнообразная в средневековой латинской литературе.³⁹ Этим объясняется также происхождение устойчивой метафоры «монах — пчела», часто встречающейся в памятниках древних славянских литератур.

Интереснее другое направление, по которому шло использование образа пчелы в средневековой славянской письменности: пчела в этом случае связывалась с работой писателя или, шире, с искусством слова. Так, например, в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» читаем: «Пчелы ничим же хужьше ему быти разумею, медоточныя глаголы испущая, цветонных словес сот сплетая, да клетца сладости сердцу исполнить»;⁴⁰ или в «Беседе Кирилла Философа» — «Брате Варфоломею, прииди ко мне, аки пчела к цвету, и приклони уши свои ко глаголаню уст моих, да насладиши гортань свой словесы моими паче меду и сахару».⁴¹

Особенно важны для нас те случаи, когда образ пчелы иллюстрирует принципы работы писателя, т. е. когда используется этикетная формула, обнаруженная в сочинениях Максима Грека. Так, например, в похвале царю Симеону в Изборнике 1073 г. сказано: «Яже акы бѣчела любодельна с всякого цвета псаню събрав акы в един сътъ»;⁴² в Житии Авраамия

³⁴ Х р. К о д о в. Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на Българската Академия на Науките. София, 1969, с. 46.

³⁵ Записка В. М. Ундольского о неизвестном сочинении м. Феодосия. — ИОРЯС, т. II, 1853, стб. 327.

³⁶ Н. Никольский. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизвестным текстам. — ПДПИ, вып. CLXXXVIII. СПб., 1916, с. 23.

³⁷ Антоний Радивловский. Огородок Марии Богородицы. Киев, 1676, с. 223—230. Метафора монах—пчела оказалась очень устойчивой, ср. следы ее (в перевернутом виде) у А. С. Пушкина:

«Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой».

³⁸ Последнее верно в отношении рабочей пчелы (*apis mellifera*). Впрочем, известно, что если в улье погибла матка, рабочая пчела приобретает способность откладывать яйца; поскольку из этих яиц выводятся самцы — трутни, такие пчелы называются трутовками (И. Х а л и ф м а н. Пчелы. 4-е изд. М., 1963, с. 48).

³⁹ Reallexikon zur deutschen Kunstgeschichte. Herausgeg. von O. Schmitt, 16 Lieferung. Stuttgart, 1939, col. 545—549 (статья L. Stauch).

⁴⁰ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 361.

⁴¹ Е. Петухов. К вопросу о Кириллах — авторах в древней русской литературе. — СОРЯС, т. XLII, 1887, № 3, с. 18.

⁴² Б. Ст. Ангелов. Похвала царю Симеону. — В кн.: Изборникъ Свято-слава 1073 г. М., 1977, с. 248.

Смоленского о святом говорится,⁴³ что он был, «яко делюлюбивая пчела, вся цветы облетаючи и сладкую собе пищу приносящи и готовящи, тако же и вся от всех избирая и списая ово своею рукою, ово многыми писци»;⁴⁴ наконец, Даниил Заточник так говорит о себе: «Бых, яко пчела, падая по различным цветом и совокупля медвяны сот; тако и аз, по многим книгам избирая сладость словесную и разум».⁴⁵ К той же этикетной формуле восходит, конечно, название известного переводного сборника изречений «Пчела».

Комментируя приведенные слова Даниила Заточника, И. Н. Жданов утверждал, что в основе распространенного в древней славянской письменности сравнения писателя с пчелой лежит библейский текст: «Или иди ко пчеле, и увеждь, коль делательница есть, делание же коль честное творит: ея же трудов царие и протии во здравие употребляют, любима же есть всеми и славна: аще силою и немощна сущи, но премудростию почтена произведеса» (Прит., 6, 8).⁴⁶ Хотя это место из «Книги Притчей» неоднократно использовали христианские авторы (РГ, t. 29, col. 173; t. 32, col. 268), думаю все же, что утверждение И. Н. Жданова не совсем справедливо. Начать с того, что в Священном писании вообще мало разработана символика пчелы, причем с пчелами, как правило, сравниваются неприятели (Втор., 1, 44; Пс., 117, 12; Ис., 7, 18).⁴⁷ Кроме того, в приведенном тексте речь идет не о работе писателя; пчела здесь служит образцом трудолюбия, что совсем необычно для ветхозаветной традиции.⁴⁸ Истоки интересующей нас этикетной формулы — сравнения работы писателя с трудом пчелы — нужно искать в другом месте — в античной культуре.

Связь образа пчелы с искусством слова в древней греческой и римской литературах была очень прочной.⁴⁹ Марк Теренций Варрон называет пчел «птицами Муз» («О сельском хозяйстве», III, 16, 7). Широко распространен был в древности рассказ о том, как пчелы садятся на губы, устраивают во рту улей или вскармливают медом знаменитых писателей и поэтов (Гомер, Платон, Пиндар, Софокл, Вергилий, Лукан).⁵⁰ Названия «пчела» удостоились многие древние авторы — Сапфо («Греческая антология», II, 69), Ксенофонт (там же, II, 392; Лексикон Свида, см. Ξενοφῶν), Эринна («Греческая антология», VII, 13,1); особенно прочно название «пчела»

⁴³ Авраамий Смоленский был известен современникам не только как святой, но и как писатель. Ему приписывается, хотя и малоубедительно, «Слово о небесных силах». См.: С. Ш е в ы р е в. История русской словесности, ч. III. 2-е изд. СПб., 1887, с. 213—2. 6.

⁴⁴ Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Приготовил С. П. Розанов. СПб., 1912 (Памятники древнерусской литературы, вып. 1), с. 5.

⁴⁵ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Подгот. к печ. Н. Н. Зарубин. Л., 1932, с. 33.

⁴⁶ И. Н. Жданов. Слово Даниила Заточника. — В кн.: Сочинения И. Н. Жданова, т. 1. СПб., 1904, с. 294.

⁴⁷ Об образе пчелы в Ветхом завете см.: I. P h. G l o s k. Die Symbolik der Bienen und ihrer Produkte in Sage, Dichtung, Kultus, Kunst und Bräuchen der Völker. Heidelberg, 1894, S. 145—151; Н. А. Е л е о н с к и й. Очерки из библейской географии, т. II. Представители животного царства в св. Земле. СПб., 1897, с. 17—19.

⁴⁸ Примером трудолюбия в Ветхом завете обычно служит муравей, сравнение с которым и читалось в первоначальном тексте «Книги Притчей» (Прит., 6, 6).

⁴⁹ О символике пчелы в античной культуре см.: I. P h. G l o s k. Die Symbolik der Bienen. . . , S. 157—218; G. R o b e r t - T o r n o w. De apium mellisque apud veteres significatione et symbolica et mythologica. Berolini, 1893; A. C o o k. The Bee in Greek Mythology. — The Journal of Hellenic Studies, vol. XV (1895), p. 1—24; L. B o d s o n. ΓΕΡΑ ΖΩΙΑ. Contribution à l'étude de la place de l'animal dans la religion grecque ancienne. Bruxelles, 1978, p. 20—43. О сравнении писателя с пчелой см. также: W. H. R o s c h e r. Nektar und Ambrosia. Leipzig, 1883, S. 71—72.

⁵⁰ Позднее этот рассказ был перенесен на Амвросия Медиоланского, Иоанна Златоуста, Исидора Севильского, св. Доминика, Бернарда Клервоского. В славянской традиции этот рассказ мне известен только в Житии Иоанна Рильского: И. И в а н о в. Жития на св. Ивана Рилски с уводни бележки. — Годишник на Софийския университет, 1935/1936, Историко-филологически фак-т, кн. XXXII, с. 35.

закрепилось за Софоклом из-за «сладости» его речи (διὰ τὸ γλυκύ).⁵¹ Весьма популярным было также интересующее нас сейчас сравнение работы писателя и работы пчелы: «Говорят же нам поэты, что они летают, как пчелы, и приносят нам свои песни, собранные у медоносных источников в садах и рощах Муз» (П л а т о н. «Ион», 534 а—b, пер. Я. М. Боровского); тот же образ: П и н д а р. 10 Пифическая ода, 53—54; А р и с т о ф а н. «Птицы», 749—751; Л у к р е ц и й. «О природе вещей», III, 10—12; Г о р а ц и й. «Оды», IV, 2, 27—32; С е н е к а. Нравственные письма к Луцилию, LXXXIV, 5; П л у т а р х. «Как следует юноше слушать поэтические произведения», 11.

Для дальнейшей истории метафоры «писатель — пчела» особенно интересно изречение псевдо-Исократ, который советует обучающемуся подражать пчеле («К Демонику», 6); изречение это, что очень показательно, вошло в состав древнерусской «Пчелы»: «Яко же бчелу видим, по всем садом и зельем летающе от когождо их полезная приемлюще, тако же и уноши учащесе философы и на высоту мудростью хотяще възити и отвсюду лучшая собирають». ⁵² Заимствуя из сочинений античных авторов образ пчелы, облетающей цветы, отцы церкви именно таким образом рекомендовали пользоваться языческими книгами: брать из них то, что полезно христианину, и оставлять все, что несовместимо с евангельским учением. В знаменитом слове Василия Кесарийского «О том, как молодым людям извлечь пользу из языческих книг» читается такое наставление: «Итак, вы должны изучать сочинения, во всем подражая пчелам. Ведь они и не на все цветы одинаково садятся, и даже с тех, на которые сядут, не стремятся унести все, но берут то, что им необходимо для работы, а прочее оставляют нетронутым. И мы, если мы благоразумны, соберем из этих сочинений то, что близко нам и соответствует истине, а остальное оставим» (PG, t. 31, col. 569). По словам Григория Назианзина, так обучался сам Василий Великий, подражая в трудолюбии пчеле, «которая со всякого цветка собирает самое полезное» (PG, t. 36, col. 512). Следовать примеру пчелы, благоразумно извлекая из языческих книг только полезное, рекомендуется и в послании к Селевку (PG, t. 37, col. 1580); о том же пишет Иоанн Дамаскин (PG, t. 94, col. 524).

Вероятно, к наставлениям отцов церкви о том, как нужно обращаться с языческой мудростью, и восходит в конечном счете распространенная в средневековой славянской письменности этикетная формула — сравнение труда писателя с работой пчелы. Как пчела, облетающая цветы, древние авторы и книжники заимствовали все лучшее из лучших и наиболее авторитетных сочинений, выбирали самое ценное из самых ценных источников. Заготовками, собранными писателем-пчелой с самых прекрасных цветов словесности, являются подборки выписок Максима Грека, Аввакума или авторов «Поморских ответов». Возникнув как наставление обучающемуся, с течением времени эта этикетная формула прочно вошла в обиход средневековых писателей, поскольку отчетливо выражала самые принципы их труда.

Устойчивой этикетной формулой является другой образ, который, как мы помним, Максим Грек использует для характеристики принципов работы писателя — образ пса, питающегося объедками своих хозяев. Это сравнение находим у многих древнерусских авторов. Например, в «Послании многословном»: «Прием, яко пес от крушиц, падающих от трапезы господий, боговидных и духоносных святых мужей, апостолов и их преем-

⁵¹ «Жизнь Софокла», 20; Схолии к Аристофану, «Ось», 462; Гезихий (Fragmenta Historicorum Graecorum, vol. IV. Parisiis, 1851, p. 175); Лексикон Свида, см. *Σοφοκλήης*.

⁵² В. Семенов. Древняя русская пчела по пергаменному списку. — СОРЯС, т. LIV, 1893, № 4, с. 167.

ник, и иже по них учителей и настолник»;⁵³ в предисловии к певческой азбуке: «Но яко пес крупицы, падающыя под трапезою господей своих, собирает, тако и аз древних песнорачителей от их преводов сле воедино собрав, написав».⁵⁴ Устойчивость этой этикетной формулы объясняется просто — она восходит к евангельскому тексту (Матф., 15, 27; Марк, 7, 28). Важно, однако, что слова женщины хананейки («Ей, господи: ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господей своих») были использованы средневековыми авторами для того, чтобы выразить свое отношение к принципам работы писателя. Подборки выписок Максима Грека, Аввакума, авторов «Поморских ответов» являются такими «крупницами», собранными после трапезы их великих предшественников.

Из интересующих нас этикетных формул наименее стандартен образ нищего, собирающего подаяние, использованный протопопом Аввакумом. Тем не менее мы включаем сравнение Аввакума в число устойчивых формул, потому что оно является частным случаем «общего места» более широкого масштаба. Это так называемая самоуничижительная формула, в которой авторы декларативно заявляют о своем невежестве, о своей неучености и т. д.⁵⁵ Кроме того, развернутое сравнение писателя с нищим основано на метафоре съедания слова — устойчивом мотиве средневековой литературы (см. примеч. 25).⁵⁶ Поэтому представляется натяжкой утверждение Н. С. Демковой о том, что аввакумовское сравнение восходит к «Шестодневу» Иоанна Экзарха.⁵⁷ Иоанн Экзарх сравнил свою работу со строительством храма, а себя с неимущим зодчим, который обращается к богачам за материалами: «Не о себе мы есмь съставили, нъ ово от Екъсамера светааго Василия истовая словеса, ово же и разумы от него въземлюще, такожде и от Иоаня, а другое от других. . . Яко же се бы кто минуем владыкою и мимоходещю владыце възхотел би храм ему сътворити, не имущю ему чим сътворити, шед би к богатым, съспросил от них: от ового мърморь, от другааго брьселита, ти стены би възградил, мраморомь помостил».⁵⁸

Хотя приведенный текст нельзя, на мой взгляд, считать непосредственным источником этикетной формулы Аввакума, сам по себе образ, созданный древнеболгарским писателем, представляет значительный интерес. Будучи, с одной стороны, частным случаем все той же «самоуничижительной» формулы,⁵⁹ сравнение писателя с зодчим, собирающим стро-

⁵³ Послание многословное. Сочинение инокa Зиновия. По рукописи XVI века. Изд. А. Попов. — ЧОИДР, 1880, кн. 2, с. 13.

⁵⁴ ГБЛ, ф. 210, собр. Одоевского, № 2, л. 2. Ср. в Житии Сергия Радонежского: «Аще бо и вси достойни, но аз недостойн есмь, влеком и жадаю, да поне крупницам трапезы избранных причастник буду: могут бо и множество крупниц насытити алчущих душа» (Л е о н и д, а р х и м. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и похвального ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. — ПДПИ, т. 58. СПб., 1885, с. 146).

⁵⁵ D. Č u ž e v š k y j. 1) Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik. — In: Festschrift für Max Vasmer. Wiesbaden, 1956, S. 111—112; 2) Umkehrung der dichterischen Metaphern, Topoi und anderer Stilmittel, S. 349—351; Д. М. Бу л а н и н. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей. — РЛ, 1980, № 3, с. 137—142. О «самоуничижительной» формуле подробно см.: E. R. C u r t i u s. European Literature and the Latin Middle Ages, p. 83—85, 407—413.

⁵⁶ Между прочим, с метафорой этой связаны и две разобранные выше этикетные формулы. Ср. особенно близкие параллели к аввакумовскому образу: «От источьника евангельскааго изым и от пира Златоустааго възвзем възвем, папаяю вы отъчасти» (А. Горск и й, К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 2. М., 1859, с. 425); «Ибо аз днесь пириик вам, аще бо и не свое раздаваю, но взаим взем от пира Златоустааго» (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3. СПб., 1897, с. 88).

⁵⁷ Н. С. С а р а ф а н о в а - Д е м к о в а. Иоанн Экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, с. 370—371.

⁵⁸ R. A i t z e t m ü l l e r. Das Hexaameron des Exarchen Johannes, Bd I. Graz, 1958, S. 43—45.

⁵⁹ A. L ä g r e i d. Der rhetorische Stil im Šestodnev des Exarchen Johannes. Wiesbaden, 1965 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, t. IV), S. 75—77.

ительные материалы, выразительно демонстрирует, с другой стороны, суть работы средневекового писателя — он собирает выписки из авторитетных трудов, как строитель необходимые ему материалы. В древней славянской письменности были в ходу и другие этикетные формулы, которые отражали принципы писательского труда. В византийской и славянских литературах широко было распространено, например, уподобление писателя или книжника человеку, который собирает или выращивает цветы. На этой этикетной формуле основаны, конечно, такие заглавия книг, как «Лимонарь», «Цветник», «Цветы дарований», «Вертоград многоцветный» и многие другие.⁶⁰ Думаю, что варианты такого рода этикетных формул (которые сами по себе были очень устойчивыми), отражающих одни и те же взгляды на труд писателя, взгляды, присущие всем средневековым авторам, могли создаваться *ad hoc*.

Итак, средневековый писатель, начиная работать, обращается к авторитетным произведениям и делает из них выписки, составляет специальные подборки этих выписок, как пчела облетает цветы, как пес кормится объедками своих хозяев, как нищий собирает подавание, как зодчий собирает строительные материалы или как садовник выращивает цветы. Пожалуй, лучшим комментарием к разобранным нами этикетным формулам может послужить предисловие к сборнику изречений с замечательным заглавием «Сот пчельный».⁶¹ В этом предисловии предельно ясно выражен смысл, который вкладывали в средние века в такие этикетные формулы: «Сего же ради книга сия тако названа есть „Сот пчельный“, поне же преподобный Максим Исповедник подобну сей книгу от многих святых книг собрав и „Пчелою“ нарече ю. Такожде и монах некто Антоний подобне потрудився и от различных книг воедино собрав, „Пчелою“ же ю нарече. Инии же из многих историй воедино собравше ин книгу „Цветник“, ин же „Вертоград“ нарече. Не без разсуждения же тии собиратели, но в лепоту по приличным зело вещем тако книги нарекоша, яко „Цветник“, „Вертоград“ и „Пчела“. Поне же яко в чувственном вертограде многия и различныя древа обретаются, плоды имуще благи ко вкушению и ко увеселению зрящым я, такожде и во цветнике премногия изрядныя цветы ови веселят зриающих на ня, ови же потребни суть ко врачеванию недугов и ко иным вещем многия угодни обретаются, сице в мысленных вертоградах и цветниках, се есть во святых книгах, кийждо может всякия богодухновенныя словеса зрети во увеселение, и прохладждение, и во уврачевание недугов своих. „Пчелою“ же нареченна есть книга того ради: яко же пчела от многих цветов воедино собирает, и сот устрояет, и медом исполняет, сице собиратель от многих богодухновенных писаний яко же пчела воедино трудолюбне собрав, ради сладкоглаголивых словес тако нарече. Подобне аз сию от многих святых богодухновенных отец писаний, такожде и внешних, сиречь прежде благодати бывших, философов премудрых словес собранную книгу нарекох „Сот пчельный“, поне же дивне различными богодухновенными святых отец учения и премудрыми философскими словесы преудобренна и преисполненна, поистинне аки сот вся медвенною сладостию изобилне устроена».⁶²

⁶⁰ См.: Д. С. Л и х а ч е в. Поэтика древнерусской литературы, с. 106.

⁶¹ БАН, 33. 1.12. Сборник переписан в 1695 г. Алексеем Коробовским.

⁶² В. И. С р е з н е в с к и й. Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913, с. 192—193.

В. В. КОЛЕСОВ

Ритмика «Слова о полку Игореве»

(К вопросу о реконструкции)

Из многих проблем, интересующих современного исследователя «Слова о полку Игореве», на первый план все чаще выходит проблема поэтической техники, поэтики литературного текста в широком смысле, реконструкции текста в плане его эстетических функций. Каждый этап разработки такого традиционного для русской филологии текста, как «Слово о полку Игореве», определяется своим кругом задач и всегда основывается на результатах предшествующих изысканий. Так, реконструкция ритмики «Слова», интересующая русистов издавна, не могла стать предметом изучения без филологической критики текста, которая позволила прояснить ряд мест, искаженных переписчиками (для наших целей важны те, которые не нарушают ритмической структуры текста, а следовательно, и ритма, но делают текст осмысленным: ср. *путьцу—пътицу, рострена к усту, Ходына и др.*); без углубленного изучения народнопоэтических произведений в сравнительно историческом и типологическом отношении; без акцентологической реконструкции текста, начатой еще трудами Ф. Е. Корша и Р. Нахтигала, — как бы мы ни относились к спорным вопросам древнеславянской поэтической техники, м е с т о у д а р е н и я в слове и сочетании слов остается началом и концом всякой ритмической реконструкции, а только в последние годы здесь достигнуты значительные успехи (ср. труды Хр. Станга, В. А. Дыбо и других славистов). Сегодня достоверность акцентной реконструкции достигает уже значительной степени,¹ что позволяет приступить к следующему этапу реконструкции текста.

Хотя некоторые вопросы метрики затронуты в этой работе, основным предметом изучения является ритмика «Слова». Метрический ряд понимается как единица ритмической стихотворной речи, измеряемой стопой, — ритмика в широком смысле есть видоизменение этих метров (если их существование доказано), которое определяется художественными задачами. Таким образом, мы будем рассматривать словесное ударение как основной элемент ритма; при этом решение вопроса о том, стихотворное ли произведение «Слово о полку Игореве» или нет, не обязательно, хотя ясно, что «Слово» — поэтическое произведение. На последнем особенно настаивают поэты-переводчики как старшего,² так и младшего поколений.³ Все рассуждения такого рода можно суммировать следующим образом.

¹ Сводная акцентная реконструкция «Слова» предложена автором: В. В. Колесов. Ударение в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 23—76.

² Из недавних публикаций см.: С. В. Шервинский. Смысловое ударение как стихологический элемент. — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов. М., 1963, с. 399 и след.; V. I. Stelleckij. Zur Frage des altrussischen Versbaus im schrifttum des 12. und 13. Jahrhunderts. — Zeitschrift für Slawistik, 1976, Bd XXI, H. 3, S. 282—296.

³ Ср., например: А. Чернов. Комментарий. — В кн.: «Слово о полку Игореве». М., 1981, с. 126—205.

Все древнерусские поэтические произведения стихотворны, следовательно, и «Слово» должно быть стихотворным произведением. Таково общее суждение, из которого всегда исходили и исходят современные поэты. Между тем обе посылки нуждаются в уточнениях.

Большая посылка, утверждающая, что все древние поэтические произведения написаны стихами, неточна потому, что на самом деле все вообще древние тексты отличаются четким, подчас причудливым в своих сплетениях, а иногда и просто разговорным ритмом. Ритмика создавала художественный текст уже в самых древних произведениях славянского словесного искусства, без нее они просто не могли бы существовать во времени, потому что невозможно запомнить большой текст без скрепляющего его части ритма.⁴ Это были «многоstopные» и притом «разностопные» размеры, которые в греческой поэзии именовались *к о л о н а м и* (т. е. членами) текста.⁵ Таким образом, вся древнерусская литература оказывается «поэтической», поскольку вся она ритмизована — и летописи, и даже деловые тексты, например послания от одного князя к другому, поскольку гонимые заучивали их наизусть как стихи и исполняли их перед адресатом.⁶ Как показывают реконструкции Р. Пиккио, такие ритмические отрезки текста, искусственно составленного ритмическими колонами, соотносены с реальным членением словесного текста со словосочетаниями, осознавались книжными людьми вплоть до XVII в. и легли в основу классической русской литературы (Гоголь, Тургенев, Достоевский — см. труды А. Белого, Р. Пиккио и др.). Даже писцы, переписывавшие подобные тексты, еще в XVII в. осознавали их границы и пытались передать это особыми знаками нотации. Б. И. Осипов в специальном исследовании показал, что установление пробелов между словами в русских рукописях началось с границ ритмических зон — словосочетаний или других синтаксических фрагментов.⁷ Все эти исследования показывают, что, строго говоря, ритмизован любой текст, поскольку в нем имеются слова со словесным ударением: чередование ударных и безударных слогов собственно и создает ритм. В этом смысле важна и конструктивна статья А. М. Панченко, специально исследующая вопрос о древнерусском «книжном» стихотворстве.⁸ В известном смысле именно в ней была преодолена старая

⁴ О своеобразной направленности на ритм как на текстообразующую доминанту всей средневековой словесной техники в последнее время много пишут историки, философы, литературоведы, ср., например: «Если не музыка, то во всяком случае „ритмика“ — универсальная теория числовой гармонии — составляла существенную часть средневекового мировоззрения» (Г. Г. Майоров. Формирование средневековой философии. М., 1979, с. 382). Эта направленность определялась характером «древнего языка», многими, в том числе и просодическими, его особенностями, в том числе и у славян; об этом вполне определенно говорил уже И. И. Срезневский (И. И. Срезневский. Мысли об истории русского языка. М., 1959, с. 70—74. Первое изд. в 1849 г.).

⁵ Ср.: «Попробую указать на план учета ритмических элементов прозы; они — многостопия; греки такие многостопия называли колонами (членами); в прозе колоны стиха берутся элементами; прозаическая строка образует лейтмотив; она подобна строфе; прозаическая строка слагает целый отрывок (от красной строки до красной)» (А. Белый. Мастерство Гоголя. М.—Л., 1934, с. 219—220). В последние годы изоколический принцип членения древнерусского текста активно изучает Р. Пиккио, который представил оригинальную методику исследования и добился очень интересных результатов. См. его работы: R. Picchio. 1) On the Prosodic Structure of the Igor Tale. — *Slavic and East European Journal*, 1972, XVI, 2, p. 147—162; 2) Structure isocoliche e poesia slava medievale. — *Ricerche Slavistiche*, 1972, № 17, p. 419—445; 3) The isocolic Principle in Old Russian Prose. — In: *Slavic Poetics*. The Hague—Paris, 1973, p. 299—331; 4) Models and Patterns in the Literary Traditions of Medieval Orthodox Slavdom. — In: *Xenia Slavica*. The Hague—Paris, 1975, p. 149—161, и другие работы.

⁶ См.: Д. С. Лихачев. Русский посольский обычай XI—XIII вв. — ИЗ, т. 18. М., 1946, с. 42—55.

⁷ Б. И. Осипов. История русского письма. Автореф. докт. дис. Л., 1979, с. 32 и след.

⁸ А. М. Панченко. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 256—273.

и весьма устойчивая традиция отечественного литературоведения считать, что «в русской феодальной книжности не было специально стихотворных жанров, и если встречались в прозе ритмичность, рифмование или „напевность“ — это шло от эпоса».⁹ Стало ясным, что на самом деле подобная ритмичность текстов — настолько естественное свойство древней славянской речи,¹⁰ что отрицать ее по меньшей мере неосмотрительно. Так обстоит дело с большей посылкой разбираемого здесь суждения: ритмичность в широком смысле присуща не обязательно «стихотворному» тексту, и чем дальше в глубь времен, тем более справедливо это утверждение.

Меньшая посылка того же суждения, утверждающая, что «Слово» — поэтическое произведение, также не безупречно. Жанровая принадлежность этого произведения, как известно, неопределенна: его называют и ораторской прозой, и поэмой, и былинным сказанием. Однако бóльшая посылка в ее критически осмысленном виде покрывает меньшую, потому что уже сейчас совершенно определенно мы можем сказать, что «Слово» — ритмически организованное произведение, которое талантливо и во всех подробностях отражает поэтику своего — переходного во многих отношениях — времени. Поскольку ритмика произведения создается не только чередованием ударений, но еще и сложным переплетением внутренней рифмовки, чередованием звуков и т. д., вопрос усложняется. Он усложняется и в связи с гипотезой о музыкально-вокальном характере «Слова», которое исполнялось в музыкальном сопровождении; это должно было накладывать свой отпечаток на словесную структуру текста, в частности, повышать роль речитативных фрагментов. Во всяком случае рассуждать о ритме вообще — занятие неблагоприятное, поскольку ритм — это данность и заданность конкретного текста, поэтическая его доминанта, тот незаметный для непосвященных внутренний стержень, на который нанизывается смысловой текст, в результате чего и создается поэтический текст. В таком случае особую информативную силу получает само произведение, даже если оно дошло в неисправном виде.

Прежде всего некоторые типологические особенности текста указывают на то, что он является ритмически организованным, т. е. в широком смысле стихотворным.

Ему присуща интонационная замкнутость речевых отрезков, которая даже теперь, много веков спустя, осознается по ряду вторичных признаков: синтаксические структуры и повторы, организованные с помощью вспомогательных слов (*уже. . ., уже. . ., уже. . .; и. . ., и. . ., и. . .*; и др.), каденции (*о Русская земля, уже за шеломянем еси*), также связанные с повторением ритмически общей единицы текста (*за землю Русскую. . .*). С этим же связан синтаксический параллелизм основных членов предложения, которые повторяются в определенном порядке (подлежащее — сказуемое — дополнение или сказуемое — подлежащее — дополнение).

Важны эвфонические особенности текста, связанные с его звучанием и также повторяющиеся в определенных фрагментах; особенно явственно они выделяются при расстановке древнерусских акцентов:

сѣ мое,
а́ то мо-
ѣ же.

Аллитерация или ассонанс сопровождают ритмические отрезки, выделенные на основе древнерусского акцента, и косвенно подтверждают рит-

⁹ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII вв. М.—Л., 1945, с. 342.

¹⁰ Для историка языка это положение стало аксиоматичным, ср.: A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, vol. I. Lyon—Paris, 1950, ch. III. Le rythme; С. Матхузэрова. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976, гл. III. Теория стиха.

мичность самого текста, ср.: *попѣтѣша погѣныя плѣкы половѣцкыя*, где чередуются взрывные согласные.

Выявляя все особенности такого рода, можно было бы уточнить и реконструкцию самого поэтического текста. Например, единственная строка, не вошедшая в реконструкцию Ф. Е. Корша и часто обсуждаемая как вставка, в этом отношении явно искажена: *страны рады, гради веселы* — можно предполагать сочетание *грати ради, вси весели*.¹¹

Чередование сильных и слабых ударений в том смысле, в каком они указаны в акцентологической реконструкции,¹² также свидетельствует о ритмичности «Слова».

Анализ ритмического строя удобнее всего начать с формально-статистической характеристики текста.

В сохранившейся части текста «Слова» употреблено 2112 ударений при общем числе слогов 6175. Вторая цифра в известном смысле условна: она не учитывает еще 369 слогов, которые составляли когда-то гласные ъ и ь в слабой позиции. В современном произношении такие гласные не сохранились, но при воспроизведении старинных песен некоторые исполнители их «поют», поскольку те участвуют в создании сложного ритмического рисунка стиха. Тогда и сочетание *А Святославъ мутенъ сонъ виде въ Киевѣ на горахъ* следовало бы представить следующим образом:

А Святосла́во
Мутено со́во видѣ
Во Кіевѣ на гора́хо

с очень краткими, но вполне определенными гласными *о* на конце слов. Впоследствии, уже после XII в., разрушение прежней системы стихосложения в значительной мере было связано с изменениями в языке и прежде всего с падением редуцированных гласных ъ, ь. Если при подсчете слогов учесть и такие гласные, в «Слове» окажется 6544 слога; следовательно, каждый третий слог здесь является ударным. Перед нами — трехстопный размер, что полностью соответствует фонетической и просодической структуре древнерусского слова (а также излюбленным размерам народной поэзии), потому что среднее число слогов в словоформах равно было трем.¹³

В действительности же в «Слове» не может быть характерной для современного стихосложения силлабо-тонической системы; только подделка XVIII в. произвольно дала бы стиховые строчки в такой системе, однако оригинальный текст XII в., разумеется, их не содержит. Это тонический стих с выделением ладовых, т. е. основных, постоянных по ударению слогов и с «пропевом» — некоторым удлинением всех прочих подударных слогов, которые отражали нисходящий по тону, скользящий, неуловимый и неустойчивый акцент, варьирующий в каждом отдельном стихотворном тексте. Совмещение ладового, скользящего и безударного слогов и создавало особую мелодическую насыщенность каждого стиха и произведения в целом.¹⁴ Таким образом, на 2112 ударений в тексте «Слова» приходится: устойчивых 1630 (77%), рецессивных — 361 (17%), а также несколько скользящих ударений в словосочетании (типа *синѣ море*) — 121 (6%). Особенно важны ударения с древней новоакутовой интонацией (таких чуть больше тысячи) — именно они создают основную ритмическую решетку всего текста. Таким образом, поэтически важные ладовые, попевные и безударные слоги соотносятся с акцентологически достоверными устой-

¹¹ В. В. Колесов. Ударение в «Слове о полку Игореве», с. 37.

¹² Там же, с. 26—32.

¹³ См.: В. В. Колесов. Именная акцентуация в древнерусском языке. Докторская диссертация. Л., 1968, с. 15 (машинопись).

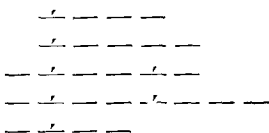
¹⁴ Подробное изложение основных свойств древнерусской просодии, необходимых для понимания древней поэтической системы, см.: В. В. Колесов. Ударение в «Слове о полку Игореве», с. 26—32.

после первого сильного (смыслового) ударения.¹⁸ Такова основная форма древнего славянского сказового стиха, основанного на синтаксической просодии: важным является выделение начал стихов, тогда как строка кончается антикаденцией, а строфа — каденцией. Эта реконструкция уже полностью совпадает с тем, что мы находим в тексте «Слова», включая и чередование ладового и скользящего ударений (сильное—слабое у К. Тарановского), из которых мы учитываем только два сильных, тогда как для К. Тарановского, не делающего различия между акцентологической и поэтической системами, все четыре ударения в стихотворной строке представляются одинаково важными. Значительных расхождений между этими мнениями нет, потому что все они основываются на одном и том же фактическом материале. Различия в числе слогов или ударений, а также в качестве этих ударений также определяются характером материала. Однако можно определить и то общее, что объединяет различные точки зрения. Для древней славянской системы стихосложения важно определенное количество ударений на определенное число слогов в стихе, причем соотношение между слогами и акцентами таково: 12 слогов соответствуют сумме 2×2 ударений, размещенных в произвольном порядке. Поскольку все-таки не среднестатистическая величина решает вопрос в поэтическом тексте, рассмотрим несколько фрагментов «Слова».

Длина стихотворной строки в этом тексте колеблется от 5 до 15 слогов (от 6 до 16 при учете слабых *ъ, ь*) — всегда нечетное их число в первом случае и четное во втором. Перед нами в сложном чередовании, но во вполне определенной последовательности проходят ряды либо предельно сжатых, либо, наоборот, растянутых во времени стихотворных строк. Некоторые из них чрезвычайно велики (почему и возникает необходимость в их разбиении); самая длинная по формальным и содержательным признакам строка — в «Сне Святослава» (этот фрагмент вообще насыщен именно длительными периодами):

- (5) сѣпахут(ъ)ми
 тѣпцими тѣльѣ
 погѣных(о) толкѣвин(о)
 великѣй жемчѣг(о)
 на лѣнѣ
 и нѣгуют(ѣ)мя.

Последняя записанная здесь строка — своеобразное ритмическое завершение длительного музыкального отрывка (явление частое в поэтике «Слова»). Синтаксически эта строка представляет собою единый кусок текста, который должен укладываться в одну стихотворную строку. Это удостоверяется и анафорически (предыдущие строки также начинались с имперфектов в сочетании с клитическим, т. е. ритмически ослабленным, местоимением: *одевахуть мя. . . , черпахуть ми. . .*), и акцентологически, поскольку в строке два сильных ударения с новоакутом (*тѣпцими* и *толкѣвин*), хотя по характеру своему столь же сильными могут быть и исконно акутовые *сѣпахуть, нѣгують, погѣныхъ, жемчѣгъ*. В результате мы получаем два ладовых ударения с четырьмя сильными (неподвижными) и двумя второстепенными, скользящими ударениями (*тѣльѣ, на лѣнѣ*), т. е. трехдольник, который читается колонами, указанными в разбиении строки, по следующей схеме (дополнительное ударение в строке с числом слогов более пяти):

¹⁸ К. Тарановский. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI—XIII вв. — American Contributions to the Sixth Intern. Congress of Slavists, I. The Hague, 1968, p. 382.

В тексте «Слова» довольно много совершенно коротких строк, например в описании побега Игоря из плена (4). Если учесть, что этот фрагмент расположен между двумя рядами многосложных строк, станет ясным замысел автора. Движение, динамика, бег передаются быстрой сменой ритма, замедлением или ускорением стихотворных строк, четким ритмом начала строки и речитативным скольжением ее конца. В то же время длинные, затянутые чрезмерным числом слогов строки как бы застывают в раздумье, в тревоге, в перечислении фактов или действующих лиц. Видимо, существовала какая-то разница и в исполнении таких разных строк — басовая партия раздвинутых строк и высокие голоса кратких строк (если верно предположение, выдвинутое недавно, что «Слово» исполнялось как кантата). Кроме анафор и синтаксических повторов в тексте граница стиха определяется еще и своеобразной системой стиха: анапест в начале строки — хорейское, дактилическое окончание. Таким образом, формальной границей стиха можно было бы считать наибольшее расстояние между словесными ударениями сильного типа (ладовое ударение):

- (6) грѣзы твоѣ / по землямъ тѣкуть,
отворяеши / Къеву врата,
стрѣляеши / с ѳтня злата столѣ
сѣлтани / за землями.
- (7) То было в ты рати / и съ ты пѣльи,
а сѣце и рати / не слышано:
съ заранья до вечера / с вечера до свѣта
летѣть стрѣлы / калѣные,
грѣмлють сѣбли / о шелѣмы,
трещѣть копы / харалужные
въ пѣли незнаемъ / среди землѣ половѣцкык...

Длина строки довольно устойчива (10—12 слогов), однако, как ясно из примера 5, она может колебаться в значительных размерах, особенно потому, что там невозможно обнаружить пауз, отделяющих отдельные колонны друг от друга. Границы строк в таких случаях определить затруднительно, их можно разбить и на колонны, и на стихи, как в следующем случае:

- (8) Долго ночь мѣркнеть,
заря свѣтъ запада,
мгла поля покрѣла,
щѣкотъ славии ѳспѣ,
гѣвор галичь убудѣ,
русичи / великая поля
черлеными щиты / преградѣша,
пщучи себѣ чти / а князю славы.

Синтаксическое членение дает такое разбиение, акцентологически же первые пять строк — полустихия.

В строках с числом слогов более пяти обычно возникает второстепенное ударение, которое заполняет акцентные пробелы. Можно сказать, что ритм текста создается расположением ладовых ударений, что соответствует определенной музыкальной фразе. Чем шире «просветы» между ладами, тем раздольнее речь, в напряженных же участках текста речь сжимается до абсолютного лада, члененного анафорически:

- (9) Игѣрь / снѣть,
Игѣрь / блѣть,
Игѣрь / мѣслию
пѣля мѣрить.

В тексте «Слова» довольно много совершенно коротких строк, например в описании побега Игоря из плена (4). Если учесть, что этот фрагмент расположен между двумя рядами многосложных строк, станет ясным замысел автора. Движение, динамика, бег передаются быстрой сменой ритма, замедлением или ускорением стихотворных строк, четким ритмом начала строки и речитативным скольжением ее конца. В то же время длинные, затянутые чрезмерным числом слогов строки как бы застывают в раздумье, в тревоге, в перечислении фактов или действующих лиц. Видимо, существовала какая-то разница и в исполнении таких разных строк — басовая партия раздвинутых строк и высокие голоса кратких строк (если верно предположение, выдвинутое недавно, что «Слово» исполнялось как кантата). Кроме анафор и синтаксических повторов в тексте граница стиха определяется еще и своеобразной системой стиха: анапест в начале строки — хорейческое, дактилическое окончание. Таким образом, формальной границей стиха можно было бы считать наибольшее расстояние между словесными ударениями сильного типа (ладовое ударение):

- (6) грѣзы твоѣ / по землѣмъ тѣкѹтъ,
отворѣши / Кѣеву врата,
стрѣляеши / с ѳтня златѣ стода
саѣлтани / за землѣми.
- (7) Тѣ было в ты рѣти / и съ тѣмъ полкъ,
а сѣце и рѣти / не слышано:
съ зарѣнья дѣ вѣчѣра / с вѣчѣра дѣ свѣта
летѣть стрѣлы / калѣные,
грѣмлють сабли / о шелѣмы,
трещѣть копыя / харалѹжные
вѣ поли незнаемъ / средѣ землѣ половѣцкык...

Длина строки довольно устойчива (10—12 слогов), однако, как ясно из примера 5, она может колебаться в значительных размерах, особенно потому, что там невозможно обнаружить пауз, отделяющих отдельные колоны друг от друга. Границы строк в таких случаях определить затруднительно, их можно разбить и на колоны, и на стихи, как в следующем случае:

- (8) Дѣлго ночь мѣркнеть,
зарѣ свѣтъ запаѣла,
мглѣ поля покрыла,
щѣкотъ славыи ѹспѣ,
гѣвор гѣличь убѹдѣ,
русѣчи / великая поля
черленѣми щѣтѣ / преградѣша,
пѣщучи себѣ чти / а князю славы.

Синтаксическое членение дает такое разбиение, акцентологически же первые пять строк — полустихия.

В строках с числом слогов более пяти обычно возникает второстепенное ударение, которое заполняет акцентные пробелы. Можно сказать, что ритм текста создается расположением ладовых ударений, что соответствует определенной музыкальной фразе. Чем шире «просветы» между ладами, тем раздольнее речь, в напряженных же участках текста речь сжимается до абсолютного лада, члененного анафорически:

- (9) Игѣрь / спѣть,
Игѣрь / бѣдѣть,
Игѣрь / мѣслию
полѣя мѣрѣть.

парному принципу (см. примеры 13 и 14), что весьма характерно для древнеславянской языческой поэзии и долго сохранялось (в виде отрицательного сравнения) в русской народной поэзии. Напротив, если поэтический повтор принадлежит самому автору «Слова», такие стихи состоят из трех членов сопоставления (см. примеры 3 и 4), что стало обычным значительно позднее. Это еще одно свидетельство того, что автор «Слова», отталкиваясь от старой поэтической традиции, желая «петь не по замыслению Бояню», но хорошо зная эту традицию, стоит в самом истоке новой для восточных славян поэтической техники, а необходимость изменений диктуется существенными изменениями русского языка, произошедшими на протяжении XII в.

Из всех статистических и фактических примеров, как кажется, следует тот вывод, что ритмика «Слова» складывалась из многих составляющих, определяясь и стихотворным «размером», и характером стихотворной строки, и строением строфы, и типом интонирования, и синтаксическим членением смыслового текста, и эвфоническим наполнением стиха. Несколько слов о тех характеристиках ритма, которые еще не представлены здесь, необходимо сказать в заключение.

Ритмическое стихосложение возможно в языках с релевантным количеством (т. е. с фонологическим противопоставлением долгих слогов кратким), силлабическое стихосложение — в языках с фиксированным ударением (неподвижным, или одноместным, — речь идет, конечно, не о заимствовании «размера», а о его органическом происхождении из языка); тоническое стихосложение обычно в языках с равномерным чередованием ударений. Следовательно, в древнерусском не могло быть силлабического стиха (о культуре заимствованного книжного стихотворства здесь не говорим), а ритмическое стихосложение могло существовать в XI в., но никак не позже, оно вполне вероятно в поэзии Бояня и его современников, но не в поэтике XII в. Основным типом стихосложения в тексте «Слова» следует признать тонический как максимально соответствующий языковому строю древнерусского языка.

Действительно, все части «Слова» по своему поэтическому строю делятся на попевки Бояня с ритмическим стихом, на поэтические тексты автора «Слова» (плач Ярославны, бегство князя, разговор Кончака с Гзой и др.) и на речитативные куски собственно ораторского слова. Два последних варианта поэтического текста явно тоничны, но в поэтическом описании текст организован ярче в ритмическом отношении, чем это представлено в «речитативе», достаточно взглянуть на законченный фрагмент любой части памятника, ср.:

15)

Мблвить Гаа Кончакови:

— Ажѣ соколь / къ гнѣздѹ лѣтѣть,
соколица / рострѣляевѣ
своими
злаченѣми
стрѣлами!

Рече Кончакъ къ Гзѣ:

— Ажѣ соколь / къ гнѣздѹ лѣтѣть,
а вѣ сокольца / опутаевѣ
красною
дѣвицею!

И рече Гзакъ къ Кончакови:

— Ащѣ его опутаевѣ / красною
дѣвицею,
ни нама будеть / сокольца,
ни нама красны / дѣвицы,
то почнуть наю / птицы бити
въ поли половецкомѣ!

Совмещение всех этих принципов и приводит к перебивам ритма в тексте.

Границы строфы довольно легко определимы по перебивке ритма, по возникновению скользящего ударения, которое сменяет серию ладовых ударений; повтор обозначает начало строфы (см. *Ярославна рано плачет*. . .). Однако понятие строфы в тексте «Слова» весьма условно. Прежде всего они не равномерны по числу слогов. Так, в плаче Ярославны число слогов в трех строфах соответственно равно 91—76—61, каждая последующая на 15 слогов меньше предыдущей. Кроме обращения к ветру, Днепру и солнцу в начале заплачки (которое скорее можно принять за конец ее: здесь изложено решение Ярославны лететь на помощь князю) находим еще 46 слогов (*Ярославнынъ голосъ слышитъ*. . .), что опять-таки на 15 слогов меньше, чем в 3 строфе. 91—76—61—46 — таков «каскад напряжения», усиливающийся к тому же чередованием очень длинных строк со сжатыми до пределов одного ладового ударения. «Каскад напряжения» в строфическом членении текста наблюдается и в других местах, например в обращении Святослава к князьям: ко Всеволоду — 92 слога, к Рюрику и Давиду — 92 слога, к Осмомыслу — 138 слогов (на 46 больше), к Роману и Мстиславу — 187 (на 49 слогов больше) и т. д. (затем следует испорченный текст, в котором каскадное увеличение нарушается — в обращении ко Всеславу).

Объем строфы определяется на основании синтаксического членения текста, интонирование также сопровождает строение строк и строф: и стих, и строфа конечным пределом членения имеют реальное предложение или словосочетание с определенным порядком слов (причем инверсия характерна для начала строк или строф, тогда как завершающие части фрагментов всегда характеризуются прямым порядком слов, обычным для древнего языка), расположением безударных слов и т. д. Синтаксическая конструкция никогда не искажается в угоду ритму, а переносы вообще невозможны. Все это — дополнительное основание для совмещения лингвистических и ритмических особенностей текста и взаимной их проверки. Эвфонические средства ритмизации очень важны в тексте «Слова» (см. и наблюдения А. Чернова); неясно, насколько осознанно применяет автор аллитерации, ассонансы, внутреннюю рифмовку и вокалические вставки, но они буквально переполняют текст «Слова» (см. примеры 1, 10, 13). Их ритмическая функция несомненна уже в силу их периодичности.

М. А. МОМИНА

Вопросы классификации славянской Триоди

Гимнография занимала большое место в древнерусской литературе, однако этот жанр остается пока совсем неизученным.

Кирилл и Мефодий и главным образом их ученики и последователи в сравнительно короткое время перевели на славянский греческие гимнографические книги, которые содержали сотни песнопений. Так, славяне познакомились с замечательной византийской поэзией V—XIV вв. В этих переводных гимнографических сборниках, к которым относятся служебная Минея, Октоих, Триодь, Стихирарь, Кондакарь, Ирмологии, мы находим произведения лучших поэтов Византии и Ближнего Востока: Романа Сладкопевца (VI в.), Андрея Критского (ок. 660—ок. 726 гг.), Иоанна Дамаскина (ум. 749 г.), Космы Маюмского (ум. ок. 777 г.), Федора Студита (ум. 826 г.), Кассии и многих других.

Под влиянием переводной гимнографии славяне стали сочинять свои песнопения. Так, в Болгарии были написаны службы Дмитрию Солунскому, Клименту Римскому, Кириллу и Мефодию, на Руси — Борису и Глебу, Феодосию Печерскому и другие.

Кроме того, в древнейших оригинальных произведениях славянской литературы цитировалась переводная гимнография. Так, Владимир Мономах неоднократно цитирует в «Поучении» отдельные тропари из Триоди.¹

В «Повести временных лет» под 1015 г. летописец, рассказывая о трагической участи Бориса и Глеба, вводит в текст им похвалу, сочиненную в форме акафиста с так называемыми *хиретисмои*, т. е. со строками, начинающимися с «радуйся» (*χαίρε*).²

С другой стороны, образы гимнографии широко использовались, например, в гоимлетической литературе. Так, в слове на неделю новую, т. е. на Фомино воскресенье, Кирилл Туровский предлагает развернутый поэтический образ весны: «Днесь весна красується, оживляючи земное естество, и бурнии вѣтри, тихо повѣвающее плоды гобъзують, и земля съмена питаючи, зеленую траву ражаеть».³ Образ весны здесь не случаен. В каноне Иоанна Дамаскина на этот день в первом тропаре первой песни читаем: «Днесь весна душам, зане Христос от гроба, яко же солнце, воссияв тридневный, мрачную бурю отгна греха нашего».⁴ Даже если Кирилл Туровский, как полагал еще М. И. Сухомлинов,⁵ находился под влиянием византийского автора, например Григория Богослова, у которого есть сходный

¹ Р. М а т ъ е с е в. Текстологические заметки о произведениях Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 192—201.

² Повесть временных лет, ч. I. Текст и перевод. М.—Л., 1950, с. 93—94.

³ И. П. Е р е м и н. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 416.

⁴ Триодь цветная. Московская патриархия, 1975, с. 38.

⁵ М. И. С у х о м л и н о в. О сочинениях Кирилла Туровского. — СОРЯС, т. 85, 1908, с. 304—308. Из последних работ на эту тему укажем статью Ю. К. Бегунова «Три описания весны» (Зборник историје књижевности. Српска академија наука и уметности, одељење језика и књижевности, књига 10. Београд, 1976, с. 269—277).

образ, то все равно эта связь гомилетики и гимнографии очень значительна.

Изучение славянской гимнографии может много дать не только литературоведам, но и лингвистам, которые уже неоднократно привлекали для своих исследований списки гимнографических книг, изучая отдельные языковые явления.

Но методы и мастерство перевода византийской поэзии, использование ее стилистики в оригинальных произведениях славянской гимнографии языковедами за редким исключением⁶ почти не изучались.

Кроме того, в этом очень нуждаются и византинисты, поскольку славянские переводы сохранили много того, что утрачено в греческой письменности. Например, невозможно изучение четверопеснца Великой субботы знаменитой греческой поэтессы IX в. Кассии без знания его славянского перевода и славянских редакций, потому что он сохранился только в нескольких греческих списках, а в славянских встречается довольно часто. Или, например, очень много даст текстологам-византинистам для изучения кондаков Романа Сладкопевца, канонов Андрея Критского, Иоанна Дамаскина, Космы Маюмского и других авторов привлечение славянского перевода, который, как известно, очень точно отражает оригинал. Славянский перевод помогает выяснить ряд сложных проблем.

Настоящая работа посвящена вопросу классификации списков одной из распространеннейших гимнографических книг — Триоди.

Триодь — это богослужебная книга, которая содержит переменные части богослужения для подвижных дней начиная с воскресенья Мытаря и Фарисея и кончая Воскресеньем всех святых.⁷ Слово «Триодь» (τριόδιον — трипеснец) происходит от определенного рода песнопений, характерных только для этой книги. Эти песнопения — каноны — состоят из трех песен и потому называются трипеснцами. Они исполняются в будние дни, в то время как на воскресенье полагаются полные каноны из 8, реже 9 песен, а на субботы — четверопеснец — τετραφόνιον.

Но в Триоди помимо трипеснцев, четверопеснцев и полных канонов есть и другие виды песнопений: седальны, стихиры самогласны и подобны, светильны, кондаки с икосами и различного рода тропари. Паремийные чтения и синаксари были позднее включены в Триодь. Таким образом, эта книга содержит несколько сот песнопений, различные чтения и потому очень сложна по составу.

Триодь как гимнографическая книга изучалась сравнительно немного. Из исследователей Триоди в первую очередь можно назвать И. А. Карабинова, автора замечательного исследования Постной части Триоди, не устаревшего до сих пор.⁸ Польский ученый Ежи Русек посвятил ряд статей проблемам языка Триоди.⁹ Молодой болгарский ученый Георгий Попов недавно впервые доказал, что в древнейших списках Триоди есть ряд песнопений, написанных Константином Преславским.¹⁰

⁶ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений. — В кн.: Теория и критика перевода. Л., 1962; A. Filonov Gove. Literalism and Poetic equivalence in the old church slavonic translation of the akathistos Hymn. — International Journal of slavic Linguistics and poetics, XXII, Lisse, 1976; М. Мулиц. К вопросу о художественном мастерстве в древнейших славянских переводах служебных Миней. — В кн.: Симпозиум 1100 годишнина од смртта на Кирил Солунски. Македонска академија на науките и уметностите. Скопје, 1970.

⁷ Мы рассматриваем трифόνιον и πεντηχοστάριον, т. е. в славянской терминологии Постную и Цветную Триодь как две части одной книги.

⁸ И. А. Карабинов. Постная Триодь. СПб., 1910.

⁹ I. Rusek. 1) Deklinacja i użycie przymiotków w triodzie Chtudowa. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964; 2) Из лексиката на среднебългарски Триоди. — Известия на института за български език, кн. XVII, София, 1969; 3) O pierwotnym pizektadzie Triodu. — Sławia orientalis, г. XXVIII, № 4, 1979.

¹⁰ Г. Попов. 1) За едно споменаване на триевичници в битолския Триод. — Старобългарска литература, 1978, № 3; 2) Новооткрито сведение за преводаческа

Для того чтобы ввести славянский перевод Триоди в круг памятников, которые могли бы изучать литературоведы и лингвисты, слависты и византологи, следует произвести тщательный анализ каждого песнопения, и только тогда станет понятной история всего текста Триоди.

Первым шагом на этом пути мы считаем объединение в группы всех сохранившихся полных и неполных списков Триоди XI—XX вв., а также печатного текста, который имеет различные чтения в разных изданиях. Список одной группы и будет составлять тип Триоди. Особенно велико разнообразие списков до XIV в. После правки богослужебных книг на Афоне и Евфимием Тырновским это разнообразие исчезает, хотя можно и здесь выделить несколько групп списков.

Эти многочисленные отличия списков по составу песнопений, их расположению, по разночтениям объясняются, по нашему мнению, двумя причинами: разнообразием греческих списков Триоди и непрерывной правкой славянами перевода с X по XX в. по очень различающимся греческим спискам.

Норберт Капшаунз делит все греческие Триоди на три типа: иерусалимский, константинопольский и студийский.¹¹

Но в эти три типа разнообразия Триодей не укладывается. Например, к константинопольскому типу относятся такие разные триоди, как Vat. Grec. 771 (XI в.) и Barb. 484 (1120).¹² Если в первой самогласные стихирь, собранные все вместе, помещены в начале списка, то во второй они стоят в тексте там, где полагается им быть. Если вторая содержит трипесенцы Федора Студита и неакростихованные трипесенцы Иосифа на будние дни, то первая — помимо этого еще акростихованные трипесенцы Иосифа и трипесенцы Климента.

Славяне перевели Триодь до 916 г.¹³ и с тех пор непрерывно редактировали ее текст, сверяя с греческой. Это продолжалось, как показывает исследование текстов, вплоть до XX в. Триоди разного типа в списках XII, XIII, XIV вв. имеют одни и те же тексты в разных редакциях, однако иногда даже в одном списке попадаются разные редакции одного и того же песнопения. Например, вечерний самогласен понедельника пятой седмицы помещен в двух местах в Шафариковской Триоди (ГПБ, Ф.п. I, 74, л. 67 об. и 70).¹⁴ Или в Цветной Триоди по списку Соф., № 110, XIV в. тропарь «на бог господь» «Егда славни ученицы» встречается на л. 12 об. и на л. 20 об. в двух разных редакциях.

В XIV в. была правка и новый перевод (редакция) на Афоне, как пишут сами справщики.¹⁵ Затем этот новый перевод (редакция) был в свою очередь неоднократно правлен, как показывают рукописи. Так, в XVII в. в Киеве была создана еще одна редакция, причем Триодь была дополнена вновь переведенными текстами, например, службой Паламе Патриарха Филофея. Никоновские справщики опять же заново редактировали тексты.

дейность на български книжовници от Света гора през първата половина на XIV в. — Български език, 1978, кн. 5; 3) Новооткрита оригинална старобългарска част в текста за Триода. — Български език, 1978, кн. 6.

¹¹ N. S a r r u i n s. 1) Le Triodion. Étude historique sur sa constitution et sa formation. — Thèse, PIOS, 1935; 2) L'histoire de livres liturgiques grecs. — Studi Byzantini, 1940, N 6.

¹² Помимо употребительных в ТОДРЛ условных сокращений в данной статье приняты следующие: Вол. — ГБЛ, Вологодское собр.; НБИБ — Народная библиотека им. Ивана Вазова (Болгария, Пловдив); НБКМ — Народная библиотека им. Кирилла и Мефодия (Болгария, София); Пог. — ГПБ, собр. Погодина; Свдв. — ИРЛИ, Северодвинское собр.; Син. — ГИМ, Синодальное собр.; Соф. — ГПБ, Софийское собр.; Тип. — ЦГАДА, Типографское собр.; Тит. — ГПБ, собр. Титова; Хлуд. — ГИМ, собр. Хлудова; ЮАЗУ — Archiv Jugoslavenske Akademije znanosti i. umjetnost (Югославия, Загреб); Варб. — собр. кардинала Барберини в Ватикане; Crypt. — библиотека Криптоферратского монастыря (Италия); Sin. — библиотека монастыря Св. Екатерины на Синае; Vat. — библиотека Ватикана (Италия, Рим).

¹³ А. Милев. Гръцките жития на Климент Охридски. София, 1966, с. 140.

¹⁴ И. А. Карабинов. Постная Триодь, с. 220.

¹⁵ Г. Попов. Новооткрито сведение. . . , с. 404.

Славянам попадали греческие списки, отличающиеся составом, расположением песнопений, чтениями, и новый славянский список оказывался копией греческого. Очевидно, песнопения, которые уже были в славянском списке, лежащем перед справщиком, переносились с некоторыми поправками, а то и без поправок, в новый список, а другие, отсутствующие в славянском, тут же переводились. Таким образом, текст Триоди «мозаичен», он состоит из песнопений, которые переведены не одновременно, не в одном месте. Некоторые переведены один раз и редактировались, другие переведены только один раз и больше не редактировались, третьи же, по-видимому, переводились несколько раз.

Например, такие списки, как Тип., № 137, XII в. (рус.), ЮАЗУ, IV. d.107, XIII в. (болг.), ГПБ, Ф. п. I, 92, XIV в. (серб.), Соф., № 680, XIV в. (рус.), содержат разные типы Триоди, потому что они отличаются по составу, многие песнопения имеют разные редакции, например, акафист Богородице, и в то же время кондак 1 гласа Романа Сладкопевца на мясопустную неделю «Егда придеши боже» в этих списках не имеет ни одного различия. Кроме того, древнейший русский кондакарь XI в.¹⁶ содержит текст этого кондака, абсолютно совпадающий с текстом в Триодях. Кондак 8 гласа на Пасху «Аще и во гроб» Романа Сладкопевца имеет только два различия,¹⁷ отражающих греческие (в списках Соф., № 110, XIV в. (рус.) и ГПБ, Ф. п. I, 74, XIII в. (болг.)), относящихся к двум разным типам Триоди. С другой стороны, в этих же типах Триоди редакции акафиста Богородице настолько отличаются, что их можно было бы считать разными переводами.

Прежде чем приступить к изучению славянской Триоди надо произвести классификацию ее типов. Профессор И. Карабинов справедливо писал применительно к греческой Триоди: «Трудно и даже невозможно говорить о редакциях Постной Триоди, потому что почти каждая рукопись непременно имеет какие-либо особенности: правильнее будет вести речь о типах Постной Триоди, т. е. о совокупности известных преобладающих черт, свойственных той или иной группе рукописей. Такими характерными чертами служат особенности состава известной Триоди и порядок его расположения».¹⁸ То же самое можно отнести и к славянской Триоди. Так делает и Карабинов, выделяя 5 типов греческой и славянской Триодей. К I типу он отнес ряд греческих сводных Триодей, содержащих трипеснцы, седальны, подобные стихирь Федора Студита, Иосифа, Климента. Например, списки Vat. Grec. 771 (XI в.), Sin. 734, 735 (X в.). Славянских таких не найдено. Ко II типу относится более краткий вид Триоди, но сохраняющий, однако, прежнее расположение: все небольшие песнопения (стихирь, седальны) собраны вместе, а затем идут трипеснцы. Из славянских Триодей Карабинов относит сюда список Тип., № 137, XII в. (рус.). К III типу относятся Триоди, в которых самогласные стихирь ставятся после трипеснцев. Сюда относятся Карабиновым списки Син., № 319, XII в. (рус.) и Соф., № 84, XIV в. (рус.). К IV типу относятся многие греческие Триоди начиная с XII в., сложившиеся под влиянием иерусалимского устава. Поэтому в них есть службы малых вечереи. Из славянских Триодей сюда относят те, которые появились в результате исправления на Афоне в XIV в. В XIII—XIV вв. появляется, по мнению И. Ка-

¹⁶ Амфилохий. Кондакарий в греческом подлиннике XII—XIII вв. М., 1879, с. 140.

¹⁷ 1) пропевавъ (Соф., № 110, л. 45 об.) — проповедь (ГПБ, Ф. п. I, 74, л. 133 об.) — *φθεγγόμενος — ἐκήρυξας*, 2) подая воскресение (Соф., № 110, л. 45 об.) — живот и воскресение (ГПБ, Ф. п. I, 74, л. 133 об.) — *παρέχων ἀνάστασιν — ζωὴν καὶ ἀνάστασιν*. Два первых греческих чтения указаны в издании: Sancti Romani melodi cantica, ed. Paul Maas and G. A. Truganis, Oxford, 1963, p. 223. Два вторых чтения можно легко восстановить по славянским, так как они укладываются в стихотворный размер. Этот пример может показать, как важно привлечение славянских списков для реконструкции греческого текста.

¹⁸ И. А. Карабинов. Постная Триодь, с. 208.

рабинова, новый, V, тип Триоди, который отличается наличием канонов Федору Тирону Иоанна Евхитского, а также службой Григорию Паламе. Сюда относятся славянские печатные Триоди Киевская и Никоновская. Эта предварительная классификация очень важна, так как она позволяет хорошо ориентироваться в том море списков Триоди, с которым сталкивается исследователь.

Из последних работ следует отметить интересную статью Л. Славевой,¹⁹ где дается несколько иная классификация Триодей. Выделяются 4 типа по степени сложности структуры службы. К I типу относятся Триоди с очень простой структурой службы. Например, Загребская (ЮАЗУ, IV d. 107), которую исследовательница считает древнейшей, Шафариковская (ГПБ, Ф.п.1, 74) и другие. Ко II типу относятся Триоди с утренними стихирами «на стиховне» и паремиями, как например Орбельская Триодь (ГПБ, Ф.п., 102). К III типу относятся Триоди еще более сложные, с некоторыми добавлениями, например БАН, 13. 1.4. Наконец, IV тип составляют Триоди, в которых есть великая и малая вечерня и синаксари.

Чем древнее Триодь, тем проще структура службы (это касается не только Триоди, но и других богослужебных книг). Такая зависимость правильно отмечена исследовательницей. Но не только это определяет тип Триоди. Например, список Тип., № 137, XII в. и список ГПБ, Ф.п. I, 74 содержат очень простую Триодь по структуре службы, но оба списка очень отличаются по составу песнопений, имеют множество различий.

Цель данной статьи — дать несколько иную классификацию типов Триоди.

Исследование многих списков славянской Триоди — болгарских, русских, сербских — начиная с XI в. до печатных Триодей XVII в. показало, что лучше всего классифицировать Триоди по составу канонов на недели (воскресенья), четверопеснцев на субботы, трипеснцев на будние дни и их расположению. Стихиры и другие формы песнопений не учитываются. На основе этого принципа мы выделяем 9 типов Триоди. Покажем это на примере только канонов на недели (воскресенья) Великого поста (четыредесятницу).²⁰ См. таблицу на с. 30.

Нами в таблице не помещен II тип, Битольский: текст оказался нам недоступным. Но эта Триодь несомненно должна быть выделена, поскольку она содержит трипеснцы Климента и оригинальные славянские акростихованные трипеснцы Константина Преславского.²¹

В таблице нет IV типа, представленного списком ЮАЗУ, IV, d. 107, Загребского, так как все службы недель в этом списке те же, что и в Шафариковском типе, но в четверопеснцах и трипеснцах этот тип имеет ряд особенностей. Например, в субботу 5-й седмицы помимо канона 4 гласа Иосифа «Христову книгу» есть еще два трипеснца: 5 гласа «Меча и огне не убоявшаяся» и 4 гласа «От тебе роса искапова»; в Шафариковской вместо этих двух трипеснцев ставится канон 8 гласа «Память творяще мучеником».

Или еще пример: в Великую пятницу в Загребской Триоди помещаются трипеснец 6 гласа «Умывши ноги» и канон 6 гласа Богородице «Обещаного видя», а в Шафариковской — только трипеснец 8 гласа «Приготовися вечера».

В таблице не помещен VI тип, «Жеравинский», который представлен всего четырнадцатью листами. Сравнение их обнаружило некоторые особенности в расположении канонов, наборе трипеснцев. Например, в неделю сырную полагается канон 4 гласа Андрея Критского «Постися господь человечески», который в других Триодях становится в сырную среду.

¹⁹ Л. Славева. За старословенской Триод. — Slovo, 22, Zagreb, 1972.

²⁰ Хотя мы и рассматриваем Постную и Цветную Триоди как одну книгу, но состав канонов четверопеснцев и трипеснцев Цветной Триоди сравнительно однообразен, поэтому нагляднее обратиться к Постной части Триоди.

²¹ Г. Попов. Новооткрыта оригинална старобългарска част в текста за Триода.

Тип Триоды и шифр списка, который представляет этот тип

Дни	I Шафариковский, ГПБ, Ф.п.1,74	III Моисей Киянина, Тит., № 137	V Гимовский, Свн., № 319	VII Орбельский, ГПБ, Ф.п.1, 102	VIII Евфимиевский Тит., № 1983	IX Никоновский, Печатная Триодь постная 1656 г. и цветная 1661 г.
1. Воскресение	гл. 4. Ликоствующе мудростию днесь.	гл. 2. Пресветлый пост.	гл. 4. Играюще с веселием. гл. 3. Зачало плодие.	гл. 4. Ликоствующе мудростию днесь. гл. 3. Начало плодию.	гл. 4. Играюще с веселем. гл. 5. Благодать мне дати.	гл. 4. Плещуще с веселием. гл. 5. Благодать мне дати.
2. Воскресение	гл. 4. Милует тя. гл. 4. Постився господь.	гл. 5. Все удивимся.	гл. 4. Постився господь. гл. 5. Все удивимся.	гл. 2. Пресветлый пост.	гл. 8. Восприимше теплыми слезами.	гл. 8. Восприимше теплыми слезами. гл. 4. Риторов божествени.
3. Воскресение	гл. 1. Просвещение днесь.	гл. 1. Поклонение днесь.	гл. 5. Исцели мя. гл. 1. На месте крапиве.	гл. 1. Просвещение днесь.	гл. 1. Торжества день.	гл. 1. Торжества день.
4. Воскресение	гл. 5. Уподобихся аз.	гл. 5. Сподобихся аз.	гл. 5. Сподобихся аз.	гл. 5. Сподобихся аз.	Служба по мине Иоанну Лествичнику.	гл. 5. Уподобихся Христе. гл. 8. В свет невестственный.
5. Воскресение	гл. 8. К вратом.	гл. 8. К вратом.	гл. 6. Сокрушенным сердцем.	гл. 8. К вратом.	Нет канона, но в более поздних есть. гл. 8. Уподобихся богатством. гл. 8. Сокрушенным сердцем.	гл. 8. Оставил мя еси. гл. 6. Любовию светоную.

При характеристике каждого типа следует учитывать порядок расположения песнопений по принципам И. Карабинова и наличие или отсутствие паремий и синаксарей, а также деление Триоди. Триоди бывают полные, т. е. такие, которые содержат Постную и Цветную Триоди вместе, и деленые. При этом деление бывает двоякого рода: Постная Триодь содержит службы до утрени пятницы с седмицы Великого поста, а Цветная начинается с вечерней той же пятницы. Это I тип деления. Ко II типу мы относим следующий: Постная Триодь кончается вечерней Великой субботы, а Цветная начинается службой Пасхи.

Итак, выделяется 9 типов славянской Триоди.²²

I тип — Шафариковский (по названию списка ГПБ, Ф.п.1, 74, XII—XIII вв., болг.). Сюда же относится сербский список ГПБ, Ф.п.1, 68, XIII—XIV вв., листок XI в., София, БАН, № 37, София, НБКМ, № 1157, XIII в.²³ Расположение 3-го типа. Полная.

II тип — Битольский. София, БАН, № 38, XII в., болг. Этот список содержит многие трипеснцы Климента Студита, что является большой редкостью и для греческих списков, и трипеснцы Константина Преславского. Мы считаем, что расположение песнопений в Битольской Триоди — 2-го типа, так как начинается будничная служба с трипеснцев, затем расположены седальны, 2 подобных, 2 самогласных стихиры. Полная или деленая, судить трудно, так как рукопись сохранилась фрагментарно.

III тип — Триодь Моисея Киянина, Тип., № 137, XII в., рус., но переписана непосредственно с болгарского оригинала, на что указывает орфография, особенно в начале рукописи. Расположение 2-го типа. Полная.

IV тип — Триодь Загребская, ЮАЗУ, IV, d. 107, болг. По III принципу такая же, как Шафариковская, но в наборе канонов, четверопеснцев и трипеснцев, не говоря о стихирах, имеет ряд особенностей, о чем говорилось выше. Расположение песнопений 3-го типа. Полная.

V тип — Гимовский, Син., № 319, XII в.; Соф., № 84, XIV в.; Пог., № 41, XIV в.; ГПБ, Ф.п.1, 680, XIV в.; Вол., № 241, XIV в., содержит только каноны, трипеснцы, четверопеснцы. Соф., № 110, XIV в.; Свдв., № 232, XV в. Эти списки все русские. К тому же, судя по разночтениям, мы предполагаем, что этот тип Триоди цитировал Владимир Мономах. Расположение песнопений 3-го типа. Деленая. Деление I типа.

VI тип — Жеравинский. От этой Триоди сохранилось 6 отрывков, болгарских, относящихся к XIII в. Это БАН, 4.5.14; БАН, 4.9.14^a; БАН, 24.4.10 (Жеравинская); БАН, 32.5.22; Пог., № 50; Пог., № 53.

Все эти листки (14) написаны сходным почерком, имеют одинаковые языковые особенности и одинаковое кодикологическое оформление. Текст их не повторяется. Тщательное сличение позволяет установить, что эти листы происходят не только из одного скриптория, но и из одного кодекса.²⁴ Составители описания этих листов сообщают, что, по мнению проф. Б. С. Ангелова, четыре листа этой рукописи находятся в Софии, в Народной библиотеке (№ 574). Сравнение этих листов с другими списками Триоди обнаружило некоторые особенности в расположении канонов, наборе трипеснцев, о чем было сказано выше. Расположение песнопений 3-го типа. Полная.

²² Ряд списков, которые нам известны, не отнесены к какому-нибудь определенному типу из-за недостаточной изученности, например список Цветной Триоди Тип., № 138 и Триоди Тип., № 139 и др.

²³ Об отнесении этих двух последних к Шафариковскому типу см. ниже.

²⁴ Пергаментные рукописи библиотеки Академии наук. Л., 1976, с. 43—45.

VII тип — Орбельский. ГПБ, Ф.п.І, 102, XIII в. (Орбельская Триодь); Хлуд., № 133, XIII в.; БАН, 4.5.13, XIII в.; БАН, 4.5.17, XIII в.; БАН, 4.5.16, XIII в.; БАН, 4.5.9, XIII—XIV вв.; НБИВ, № 53, XIII в.; БАН, № 39, XIII в.; НБКМ, № 579, XIII в.; НБКМ, № 933, XIII в. (Аргирова); Хлуд., № 138, XIV в.; Пог., № 40, XIV в.; БАН, № 41, XIV в. Все это болгарские рукописи. Но среди них попадаются и сербские, например София, БАН, № 41. Мы предполагаем, что сюда же относится и Копитарова Триодь (Люблина, университетская библиотека, Cod. Кор. 9),²⁵ судя по некоторым данным, которые опубликовал Г. Ильинский.

По-видимому, этого же типа была ныне утраченная Триодь Григоровича (об этом ниже). Списки этого типа очень разнообразны. Несмотря на это есть целый ряд существенных черт, которые их объединяют и четко противопоставляют другим типам. Это набор и расположение канонов, трипеснцев, четверопеснцев и наличие паремийных чтений. Возможно, более тщательное изучение в дальнейшем позволит выделить здесь не один, а несколько типов. Пока что можно лишь увидеть, что здесь существует несколько подтипов, судя по разночтениям, отражающим греческие, и составу стихир. Например, Хлуд., № 133 очень близка к пловдивской Триоди и к списку София, БАН, № 40; список Пог., № 40 близок к сербской Триоди — София, БАН, № 41. Орбельский список ближе к I группе, чем ко II. Особо стоит Аргирова Триодь (НБКМ, № 933, XIII в.), не имеющая, например, трипеснцев Андрея Критского в Великую среду и пятницу, а также канона 6 гласа «Обешена вижду».

По-видимому, этот тип Триоди был широко распространен в XIII и XIV вв. в Болгарии и неоднократно правился по греческому оригиналу, что еще раз свидетельствует об интенсивной редакторской деятельности у южных славян в это время. Расположение песнопений 4-го типа. Полная.

VIII тип. Сюда относятся списки, которые отражают правку XIV в. на Афоне во времена Евфимия Тырновского. Поэтому мы называем этот тип Афонским, или Евфимиевским. Такой тип Триоди отражает Иерусалимский устав, в то время как предыдущие типы составлены по Студийскому, который дошел до нас в очень малом количестве славянских списков. Например, Син., № 330, XII в.; Соф., № 1136, XII в., а по-гречески неизвестен.²⁶ Рассматриваемый тип очень широко распространяется и существует во многих сотнях списков на Руси, Болгарии, Сербии в течение шести веков. Много изменений произведено в составе канонов, трипеснцев, четверопеснцев. Например, на неделю блудного сына становится канон 2 гл. «Иисусе боже кающаяся...», на седмицу сырную — трипеснцы Иосифа, в первые четыре дня этой седмицы начинается канон Андрея Критского, в 1-ю субботу поста ставится канон 4 гл. Иоанна Евангелиста «Всех превышший», в 4-ю неделю поста в большинстве списков, а также в печатных изданиях полагается служба по Минею Иоанну Лествичнику и т. д. Этот тип Триоди находим в издании Фиоля (Краков, 1491), в венецианском издании 1561 г., в острожском издании 1598 г., в московском издании 1590 г. Конечно, этот тип Триоди на протяжении нескольких веков несколько раз правился, поэтому предварительно можно выделить по чтениям несколько подтипов. Например, болгарский список ГПБ, Ф. п. І, 55, XV в. сохранил любопытную правку в сторону большей грецизации. Кроме того, как и список ГПБ, Ф.п.І, 125, XV в., в котором есть следы той же правки, список ГПБ, Ф.п.І, 55 в 4-ю неделю поста имеет канон 5 гл. о «впадшем» в разбойники. Впоследствии никоновские справщики будут пользоваться этой правкой и так же, как и киевские справщики,

²⁵ Г. Ильинский. Копитарова Триодь XIII в. — Русский филологический вестник, т. 55, ч. 1 и 2, Варшава, 1906, с. 199—215.

²⁶ «Устав Студийский» по списку XII в. Фрагменты. — В кн.: Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 109—110.

включат этот канон наряду с каноном Иоанну Лествичнику в службу 4-й недели поста.

К XV, XVI, XVII вв. относится большое количество русских и болгарских списков Триоди, которые несомненно были правлены по различным греческим оригиналам. Например:

	Евфимиевский	Правна XV в.
1 к.	акаф. рабъ — ὁ δούλος	раби — οἱ δούλοι
5 к.	акаф. вѣрным — τῶν πιστῶν	персомъ — τῶν περσῶν
5 к.	акаф. просвѣщаючи — φωτίζουσα	хранящи — φυλάττουσα
12 к.	акаф. свѣта — φως	тела — χρωτός
12 к.	акаф. спасение — σωτηρία	представитель — προστασία
1 нед.	стих. отуждение — ἀλλοτριώσιν	избавление — ἀπολύτρωσιν

на „Ги вз“.

Кроме того, есть различия в стихирах. Например, в вечер субботы сырной на «Господи возвах» ставятся стихиры подобны 6 гласа: «Зиждитель. . .», «Одежду. . .», «Раю всечестный», в то время как, например, в других списках, болгарских XVI в. (БАН, 13.1.19), находим стихиры 5 гласа: «Увы мне, Адам. . .», «Подвиг добродетели. . .», «Адам из рая. . .». Расположение песнопений 4-го типа. Деленая.

IX тип. Киевская и Никоновская Триоди. Первая появилась в Киеве.²⁷ Архимандрит Печерской лавры Елисей Плетенецкий около 1616 г. устроил типографию и пригласил иеромонаха Памву Берынду — знатока греческого языка, который заведовал печатанием книг во Львове. Уже при Захарии Копыстенском (в 1627 г.) киевская типография выпустила Постную Триодь, а в 1631 г. — Цветную. В этом типе не только исправлены, заново отредактированы по греческому оригиналу тексты Евфимиевской Триоди, но и добавлен ряд больших песнопений. Так, на сырную седмицу ставятся вторые трипеснды, переведены второй канон Иоанна Евхаитского на 1-ю субботу поста гласа 6 «Чудный во святых», канон патриарха Мефодия на неделю православия, синодик на этот день, служба Григорию Паламе и т. д. Синаксари переведены Тарасием Левовичем Земкою на украинский, по-видимому, с греческого. Этот тип Триоди держался в Киеве до 1727 г., униаты в Почаеве напечатали такую Триодь в 1744 г., а во Львове — в 1753 г.

Никоновская Триодь появилась в результате русского исправления богослужебных книг в XVII в. в Москве при патриархе Никоне. В 1656 г. была издана Постная Триодь, а в 1661 г. — Цветная. В послесловии к первой едва ли не главный справщик Епифаний Славинецкий пишет, что книга была исправлена «съ греческихъ и харатейныхъ славенскихъ, и сербскихъ, древнихъ книгъ».²⁸ Следовательно, справщиками были использованы греческая Триодь, а также, как показало исследование, Киевская Триодь, по-видимому, Евфимиевская правленая Триодь, о чем свидетельствуют некоторые чтения. По составу Никоновская Триодь ничем не отличается от Киевской. Единственная существенная разница состоит в том, что здесь другое деление на Постную и Цветную: 1-я кончается вечерней службой Великой субботы, а 2-я начинается службой на Пасху, в то время как в Киевской было принято деление, что и в Евфимиевской: Постная кончается службой в пятницу 6-й недели, а Цветная начинается с Лазаревой субботы.

Киевская и Никоновская Триоди почти полностью совпадают по составу, за небольшим исключением. Разница может быть увидена только в «малых» формах песнопений. Например, на неделю Мытаря и Фарисея Киевская Триодь 1627 г. ставит кондак 2 гласа «Мытаря иногда», а Нико-

²⁷ И. А. Карабинов. Постная Триодь, с. 233—242.

²⁸ Там же, с. 238—242.

новская — кондак 4 гласа «Фарисеева убежим». Расположение песнопений 4-го типа. Деленая.

Из перечисленных нами 9 типов славянской Триоди I, IV, V, VI имеют 3-й тип расположения песнопений, II, III — 2-й, VII, VIII — 4-й, IX — 5-й. К тому же I, III, IV, VI, VII типы — это полные Триоди, а V, VIII, IX — деленые. Относительно II типа это неизвестно.

Все эти 9 типов отличаются не только составом песнопений, их расположением, структурой службы, но и, что очень важно, различиями. Причем мы имеем в виду различия не списков, а редакций текста. Такие различия могут быть двух типов. 1. Различия на славянской основе. 2. Различия на греческой основе, которые отразились в славянском тексте.²⁹

Примером различий первого типа служат: *избыти* — *избавитися* — ἐλευθέρω, *дивитися* — *ужасатися* — ἐξίστημι, *бразда* — *нива* — ἡ ἄρουρα, *розга* — *лоза* — ἡ κλήμα. Чаще всего это синонимы. Примеры различий второго типа: *варварскаго* — *многобожественнаго* — τῆς βαρβάρου (PG, t. 92, col. 1340) — τῆς πολυθέου (Син., греч. 217. л. 165), *просвещающи* — *обогачиши* — φωτίζουσα (PG, t. 92, col. 1344) — πλουτίζουσα (Vat. Grec. 339, л. 21 об.).

Различий второго типа в славянских списках гораздо больше, чем это принято думать. Для того чтобы определить, к первому или второму типу относится различие, надо перевести их на греческий; если окажется, что оба слова (или словосочетания, или предложения) совпадут по количеству слогов и по месту ударения, то эти различия будут относиться ко второму типу, если нет — то к первому. Этот метод основан на том, что греческая гимнография написана силлабо-тоническим размером. В греческих рукописях очень много различий. Но они никогда не нарушают размер. Таким образом, по славянскому тексту можно легко восстановить греческие чтения.

Славянские переводы все время правились по различным греческим спискам, которые отличались чтениями, что отражалось при правке.

Каждый тип Триоди имеет свой набор таких славяно-греческих различий, которые отличают его от другого типа.

Так, например, VIII тип Триоди и IX отличаются от всех старших типов следующими чтениями в акафисте:

	Старшие типы	VIII тип	IX тип	Греческие чтения
ик. 1	град	раб	раби	ἡ πόλις—ὁ δοῦλος—οἱ δοῦλοι
ик. 3	встание	възвание	възвание	ἡ ἀνάστασις—ἡ ἀνάκλησις
ик. 9	прежде	обаче	обаче	πρὶν—πρὶν
ик. 2	сохраниши	просвещающи	просвещающи	φωτίζουσα—φωτίζουσα
	како глаголеши	како глаголеши	предглаголеши	πὸς λέγεις—προλέγεις

Или V тип отличают от других типов следующие чтения в кондаке на Пасху:

	V тип	Остальные	Греческие чтения
1.	Падшим подая воскресение	Падшим живот и воскресение	τοῖς πεσοῦσι παρέχων ἀνάστασιν— —τοῖς πεσοῦσι ζωὴν καὶ ἀνάστασιν
2.	Провещав	Проповедав	φθεγγάμενος—ἐκήρυξας

Таким образом, каждый тип будет описан только тогда, когда мы не только перечислим состав его песнопений и опишем их расположение, но и укажем различия. При этом следует иметь в виду, что различия первого типа можно учитывать только тогда, когда есть несколько списков данного типа Триоди, в противном случае мы не будем знать, образовалось ли это чтение за счет переписки или редактирования.

²⁹ Для простоты мы будем приводить примеры только лексические. Они взяты из акафиста, который помещается в Триоди в субботу 5-й недели поста.

Внутри каждого типа Триоди существуют славяно-греческие различия, на основании которых мы можем выделить уже редакции в пределах этого типа.

Например, Киевская и Никоновская печатные Триоди одинаковы по составу. Единственная разница между ними — в делении и в небольших песнопениях. Встречаются такие славяно-греческие различия, по которым мы устанавливаем, что Киевская и Никоновская Триоди принадлежат к двум разным редакциям.

	Киевская	Никоновская	Греческая
Нед. 1. стих. на «Гл. вв.»	чудный	дивный	θεσπέσιος
	второнедельная отражающе ³⁰ (325)	двоседмиче- текуще (226) ³¹	διαβόλιμα τρέποντες πενήτων
Нед. 1 стих. сам.	нищимъ	убогихъ	
гл. 8	народословаше	навляюще	δημοσιεύοντες (247) ³²
муч. к этой стих.	оуврачуете (326)	исцѣляете (226 об.)	θηραπεύετε (248)
Пон. 2. стих. на «Гл. вв.»	совершающи	любящи	στέργουσα
	прилежание милосердь чужины (337)	пробывание благоутробенъ бездны (234)	ἐπιμονήν εὐσπλαγχνός τέλαγγη (254)

Среди наших примеров — часть различий, возникших на славянской почве, но некоторые отражают греческие. Например, существительным «прилежание» переводилось греч. ἐπιμονή, которое и находим в греческом печатном тексте, но «пробывание» в значении «настойчивость, упорство» соответствовало греч. παραμονή. Так как оба слова имеют одинаковое количество слогов и ударение на одном и том же слоге, мы предполагаем, что в том греческом тексте, которым пользовался никоновский справщик, и было παραμονή.

Такие же примеры можно привести в других случаях. Несомненно, выделенный нами Орбельский тип делится на множество редакций, которые отличаются славяно-греческими различиями.

Окончательное деление Триоди на типы и редакции будет возможно только тогда, когда каждое песнопение будет текстологически изучено, выявлены все различия и, конечно, будет исследован язык переводов.

При отнесении того или иного списка к определенному типу Триоди возникает ряд сложностей. Такой сложностью, например, является вопрос о делении Триоди на Постную и Цветную. Мы рассматриваем Постную и Цветную Триоди как одну книгу, что подтверждается исследованиями старших типов этой книги у греков и славян. Но позднее Триодь была разделена у греков, что отразилось и на славянской книге. При этом делении было двойного рода.³³ Единство этих двух книг всегда осознавалось греками и славянами так же, как единство 12 книг Минеи. Поэтому Триоди Постная и Цветная создавались комплектами, как и месячные Минеи. Для нас сложность заключается в том, чтобы установить принципы отнесения двух списков Постной и Цветной Триодей к одному типу. Это относится к V, VIII, IX типам Триоди, так как остальные типы представляют собой полную Триодь. Для IX типа, 2-го подтипа (Никоновской), это не представляет трудностей, так как Постная Триодь, относящаяся к нему, должна кончатся вечерней службой Великой субботы, а Цветная должна

³⁰ ТриодіоN, снѣсть. Трипѣснецъ. Киев, 1627.

³¹ ТриодѣоN, снѣсть. Трипѣснецъ. Москва, 1656.

³² ТриодіоN, ἐν Ρώμῃ, 1879.

³³ М. А. М о м и н а. Постная и Цветная Триоди. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, ч. II. М., 1976, с. 391—393.

кончатся вечерней службой Пасхи. Труднее всего устанавливается связь обеих частей Триоди для старшего периода до XIV в. Мы предлагаем устанавливать это на основании прежде всего текстологических данных путем привлечения таких книг, как Кондакари, триодные Стихирари, которые содержат пераздельно кондаки и стихиры на четырехдесятницу и пятидесятницу.

Нами установлено, что кондаки русских кондакарей XI—XIII вв., например Благовещенский и другие, имеют ту же редакцию, что и Триоди V типа (Гимовского). Таким образом, если редакции кондаков Постной и Цветной Триодей будут совпадать с редакцией, например, кондаков из Благовещенского Кондакаря, то из этого следует, что такая Цветная Триодь является продолжением этой Постной. Так, нами установлено, что список Цветной Триоди Соф., № 110, XIV в. является продолжением Постных Триодей Гимовского типа. По-видимому, таким же образом можно опираться и на Стихирари. С этой же целью можно привлекать палеографические и кодикологические данные. Так, например, рукопись Соф., № 110, XIV в. имеет сходный почерк и оформление с рукописью Пог., № 41, XIV в., содержащей Постную Триодь, что заставляет предположить происхождение из одного скриптория.

При установлении типа Триоди мы преимущественно пользовались достаточно хорошо сохранившимися списками. Но, как известно, в хранилищах находится очень много отдельных листочков из древних Триодей. Нам кажется, что в ряде случаев, конечно, с большей или меньшей достоверностью, можно определить, к какому типу Триоди принадлежала рукопись, из которой были вырваны эти листки. Прежде всего следует посмотреть состав, последовательность, расположение песнопений на таких листках. Это очень важный для определения признак.

Например, шесть листов из болгарской Триоди XIII в. (БАН, 4.5.13) содержат часть вечерни в пятницу 6-й недели поста, часть песнопений и паремий в субботу Лазаря, неделю Цветную, часть службы в Великий Пяток, часть службы вечерни Великой субботы. Оказалось, что состав стихир «на хвалитех» в Лазареву субботу тот же самый, что и в Орбельской Триоди. То же самое можно сказать и о стихирах на «Господи воззвах» в Великую пятницу. Последнее особенно важно, так как Орбельский список имеет особый состав таких стихир, отличный от других списков Триодей не только иных типов, но и того же. Кроме того, нет разночтений второго типа в названных песнопениях. Это позволяет отнести эти листки к Орбельскому типу. По-видимому, и список был похож на Аргирову Триодь, например, или на список Пог., № 40, а именно на Орбельский список. Листок БАН, 4.5.17, который содержит отрывок службы на вторник 6 седмицы, по-видимому, относится к той же рукописи по палеографическим и языковым данным. Исследователя не должен смущать тот факт, что рукопись БАН, 4.5.13 содержит часть Цветной Триоди, а листок БАН, 4.4.17 — часть Постной Триоди, так как Триодь Орбельского типа была полной.

Или другой пример — Триодь Григоровича. Об этой болгарской рукописи XIII в., ныне утраченной, известно из работы И. И. Срезневского,³⁴ где приводится служба 12 тропарей, которая очень менялась по составу тропарей и стихир. Мы предполагаем, что эта Триодь относилась к вышеупомянутому Орбельскому типу, так как в эту службу 12 тропарей включены не только паремии, но и евангельские и апостольские чтения, а это было возможно до правки XIV в. по нашим наблюдениям только в таком типе Триоди. Кроме того, в каноне сырной субботы в 6-й песне добавлен тропарь в честь Кирилла и Мефодия. Такое добавление опять же характерно для Орбельского типа.

³⁴ И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, с. 117—120, 331—343.

Если текст относится к песнопениям, имеющимся во всех типах Триоди, то следует смотреть на разночтения второго типа. Это дает возможность с большой долей вероятности отнести этот отрывок к Триоди определенного типа.

Например, отрывок 1 лист Триоди, хранящийся в Софии под шифром БАН, № 37, XI в., описанный и опубликованный Кодовым,³⁵ мы относим к Шафариковскому типу, так как при сравнении обнаружилось, что в этих двух списках нет разночтений второго типа, зато они есть, если сравнивать с Орбельской и Загребской Триодами. Например: *прославимъ* (София, БАН, № 37, ГПБ, Ф. п. I, 74, л. 58) *доѣѣзюев* — *ублажаемъ* (ЮАЗУ, IV d. 107, л. 76. об.) *αγαδουον*.

Или другой пример. Сравнение 2-й песни трипеснца в пяток 3-й седмицы, нескольких стихир, кондака, написанных на 14 листах пергамента рукописи начала XIII в., хранящейся в Софии под шифром НБКМ, № 1157, показывает большую близость к Шафариковской Триоди и полное отсутствие первого и второго типов разночтений заставляет предположить, что это остатки списка того же типа. Имеющиеся немногие разночтения, возможно, относятся к списку, но не к редакции.

Из выделенных нами 9 типов VII, VIII, IX типы отражают хронологическую последовательность. Относительно первых шести это пока не совсем ясно. Какой тип появился первым? Этот вопрос мы оставляем открытым. Возможно, некоторые типы появились одновременно в разных местах. Например, I и III, или II и III, или III и V. Несомненно, что несмотря на различие все эти типы обнаруживают в большинстве песнопений один перевод, хотя и в разных редакциях. Это позволяет думать, что самым древним был какой-то один тип Триоди, на основе которого впоследствии стали создаваться и другие типы. Этот древнейший перевод редактировался в разных славянских областях, состав древнейшего типа Триоди стал меняться: переводились некоторые песнопения, которые отсутствовали в древнейшем типе. Все это делалось на основе сверки с греческой Триодью. Отсюда такое разнообразие славянской.

Кроме того, следует заметить, что некоторые типы славянской Триоди обнаруживают большее сходство, а некоторые меньшее. Например, Шафариковский, Загребский и Жеравинский типы близки между собой: они обнаруживают большое сходство в наборе песнопений, чтениях, все они имеют 3-й тип расположения песнопений, они полные. От них резко отличается из старших, например, V тип. Особо стоит III тип — Триодь Моисея Киянина.

К сожалению, мы видим, что количество списков, распределяющихся по типам, неравномерно. Конечно, здесь сыграло свою роль время. Но с большой осторожностью можно предположить, что в какой-то, хотя и небольшой, степени это отражает распространенность различных типов в Триоди. Например, от XIII—XIV вв. до нас дошло сравнительно большое число полных списков Триоди, а еще больше отрывков. И все они, за редким исключением, относятся к Орбельскому типу, что позволяет сделать вывод о большой распространенности этого типа. То же самое можно сказать о распространенности Гимовского типа на Руси. Но возможно ли сделать вывод, что III тип Триоди (Моисея Киянина) был малоупотребителен на основе того, что пока у нас есть только один такой список? По-видимому, нет. Но это можно осторожно предположить относительно Битольской Триоди, которая имеет в своем составе большое число трипеснцев Климента Студита. Триодь Климента Студита, по-видимому, мало была распространена в ту пору. Об этом свидетельствует то, что она, будучи соединенной с Триодью Федора и Иосифа, сохранилась только в трех греческих списках: Срупт. А. β. VIII, Хв; Sin. 734—735, X в.; Vat. Grec. 771, XI в.

³⁵ Х р. К о д о в. Фрагмент от старобългарски ръкопис с глаголическа присписка. — В кн.: Климент Охридски. 916—1966. София, 1966, с. 124—131.

Как показывает исследование, переводческая и редакторская деятельность в Болгарии была очень оживленной. По-видимому, в каждом болгарском монастыре это делалось. Поэтому, когда справщики брали греческие списки, они не находили там трипеснецов Климента Студита, а только трипеснцы Иосифа и Федора, которые они и правили. Поэтому Триоди Иосифа и Федора многократно исправлялись и изменялись в соответствии с греческими оригиналами. Битольский же тип с трипеснцами Климента Студита оставался изолированным, в то время как остальные типы Триоди, содержащие песнопения вышеуказанных авторов, были широко распространены.

Итак, нами были выделены 9 типов Триоди. Конечно, это только одна из попыток дать классификацию просмотренных нами списков, установить критерии определения типа. Привлечение новых списков и дальнейшее углубленное изучение каждого типа даст возможность уточнить эту классификацию и, может быть, выделить новые типы и подтипы в уже выделенных.

И. Н. ЛЕБЕДЕВА

К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога

В одном из разделов старейшего русского библиографического списка, озаглавленного «От правил святых апостол о книгах, ихже подобает чести и внимати, и ихже не внимати, ни чести, в извещении о добрых Нового закона»,¹ наряду с творениями Афанасия Александрийского, Анастасия Синаита, Симеона Нового Богослова, Ефрема Сирина и Максима Исповедника указана и Повесть о пустынноике Варлааме и царевиче индийском Иоасафе. Внесение Повести в один раздел с произведениями столпов византийской богословской традиции показывает, как высоко оценивал Повесть русский книжник, несмотря на то что по своему жанровому характеру Повесть резко отличается от святоотеческих творений: это памятник повествовательной литературы, близкий к восточной сказке, со множеством небольших вставных новелл-притч. Созданная в Центральной Азии² Повесть широко распространилась в переводах и переработках среди народов Европы, где она стала восприниматься уже не как литературный памятник, а как жизнеописание святых угодников божиих, некогда реально существовавших. Поэтому главные ее герои стали почитаться как святые в грузинской, греческой, римско-католической и русской церквях. Уже в грузинскую служебную Минею первой редакции, составленную на рубеже X—XI вв., как полагают, выдающимся деятелем грузинской культуры Евфимием Святогорцем, внесено песнопение в честь царевича Иоасафа (любопытно, что к песнопениям в честь греческих святых в этой Минее добавлено всего два грузинских гимна — просветительнице Грузии Нине и царевичу Иоасафу).³ В греческой церкви память царевича Иоасафа празднуется 26 августа, самое раннее упоминание об этом находим в греческой рукописи 1301 г. (Cod. Paris. Coisl. 223).⁴ В качестве святых римско-католической церкви оба главных персонажа Повести — Варлаам и Иоасаф — уже фигурируют в агиографическом сборнике «Золотая легенда» Якопо из Варацце (XIII в.).⁵ Римский Мартиролог помещает память обоих святых под 27 ноября.⁶ И, наконец, в древнерусском Прологе есть не только памяти Варлаама и Иоасафа, но и девять отрывков из По-

¹ К. Калайдович. Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1824, с. 127, 209.

² Б. И. Кузнецов. Повесть о Варлааме и Иоасафе (К вопросу о происхождении). — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 238—245.

³ Ц. Джгама. Новый вариант песнопения об Иоасафе. — В кн.: Известия Института рукописей АН Груз. ССР, вып. III. Тбилиси, 1961, с. 47—50 (на груз. яз.). Приношу глубокую благодарность Ц. Джгама, которая перевела свою статью на русский язык и представила перевод в распоряжение автора данной статьи. См. также: М. Н. Кавтара. Грузинская гимнография XVII—XVIII веков (Тексты и разсказания). Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1980, с. 7.

⁴ Н. Delehaye. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxellis, 1902 (Prologium ad Acta sanctorum Novembris), col. XLI, 92560.

⁵ И. Н. Голенищев-Кутузов. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972, с. 216—222.

⁶ Martyrologium Romanum. Romae, 1601, p. 287.

вести. Русская церковь поминает Варлаама и Иоасафа 19 ноября (по старому стилю). В позднем средневековье в Европе были известны мощи царевича Иоасафа: в 1574 г. дож Венеции преподнес реликвии святого португальскому королю Себастьяну, а в 1633 г. мощи находились уже в монастыре св. Сальватора в Антверпене.⁷

Но особенно широко Повесть о Варлааме и Иоасафе распространилась в книжности разных народов как памятник учительной литературы. Популярности Повести более всего способствовало то, что система христианского вероучения была изложена в ней общедоступно и занимательно, в форме поучений, притч и диалогов. Прямая речь составляет в Повести около трети четвертых всего текста. Трудно назвать какой-либо другой литературный памятник, кроме разве что Александрии, который получил бы такое распространение. В средние века Повесть о Варлааме и Иоасафе существовала более чем на тридцати пяти языках народов, населяющих Азию, Европу и Африку. Но ни у одного народа Повесть не получила такой популярности, не имеет такой богатой рукописной традиции, как в русской книжности XIII—XVIII вв.

Изучение русской рукописной традиции Повести практически только начинается. Но уже первые шаги на этом пути подтвердили предположение А. И. Соболевского о существовании двух старославянских переводов, один из которых сделан на Руси.⁸ Предпринятая нами предварительная классификация списков Повести показала наличие в списках XIII—XVI вв. по крайней мере пяти групп текстов, из которых две являются основными.⁹ Первая группа, самая многочисленная, единственная, в составе которой сохранились списки XIV в. Эта группа списков содержит сербский перевод Повести, сделанный, по-видимому, на Афоне не позже середины XIV в. Этому переводу будет посвящена отдельная статья, поэтому мы не будем останавливаться на нем. Вторая выделенная нами основная группа содержит другой перевод Повести. Он сохранился в пяти списках XVI в. Как мы полагаем, он сделан на Руси. Подробное обоснование этого предположения — дело будущего, пока что мы будем называть этот перевод русским. Его содержат следующие рукописи: 1) ГПБ, Соловецкое собр., № 208 (513);¹⁰ 2) ГБЛ, собр. Большакова, № 410;¹¹ 3) ГИМ, собр. Хлудова, № 60;¹² 4) Львов, Центральная научная библиотека им. Стефаника, собр. Креховского Василианского монастыря, № 419;¹³ 5) Львов, Центральная научная библиотека им. Стефаника, собр. Львовского народного дома, № 25 (98а).¹⁴

Хотя все пять списков датируются XVI в., оказалось, что существуют данные, позволяющие судить о значительно более раннем времени этого перевода, и содержит их русский Пролог. Уже старейшие рукописи Пролога содержат отрывки из Повести о Варлааме и Иоасафе, в частности

⁷ Barlaam et Ioasaph. With an English translation by H. Mattingly and G.-R. Woodward. Introduction by D.-M. Lang. London—Cambridge, Maas., 1967, (The Loeb Classical Library, 34), p. VII.

⁸ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. 4—5. А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. 1. 4-е изд. СПб., 1911, с. 535.

⁹ И. Н. Лебедева. О древнерусском переводе Повести о Варлааме и Иоасафе. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 247—252.

¹⁰ Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1885, с. 247—248.

¹¹ Г. П. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в имп. Московском и Румянцевском музеях. Пг., 1915, с. 338—339.

¹² А. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 99—119.

¹³ I. Franko. Barlaam i Ioasaf. Starohriistianьskij duhovnij romaj i ego literaturna istorija. — В кн.: Записки Наукового товариства імені Шевченка, т. VIII. У Львові, 1895, Приложение, с. I—XVI.

¹⁴ И. С. Свенцицкий. Церковно- и русско-славянские рукописи Публичной библиотеки Народного дома во Львове. — ИЮЛЯ, т. IX, 1904, кн. 3, с. 361—363.

притчи, рассказанные Варлаамом. Естественно, возникает вопрос: вошли в состав Пролога части одного из переводов или извлечения были сделаны из греческого текста специально для Пролога? Сопоставление проложных статей с текстами сербского и русского переводов Повести показало, что тексты из Пролога совпадают с русским переводом.¹⁵ Значит, статьи были внесены в Пролог из русского перевода, т. е. ко времени складывания той редакции Пролога, в составе которой есть статьи из Повести, уже существовал русский перевод Повести. Это позволяет датировать русский перевод по крайней мере серединой XIII в. (к этому времени относится старейший список Пролога со статьями из Повести). Ниже мы увидим, что эту дату можно отодвинуть дальше еще на один век. Но есть в этом и другая сторона. Установление непосредственного источника некоторых проложных статей, каким является русский перевод Повести, представляет нам редкую возможность, какой не было пока для других славянских текстов Пролога, ближе подойти к истории складывания самого Пролога, а также представить себе методы работы русского книжника. Какие именно части Повести о Варлааме и Иоасафе выбрал русский книжник для внесения в Пролог, одновременно или в разное время были включены в Пролог эти части, как обрабатывался при этом текст Повести — решение этих вопросов и составляет задачу данной статьи. Эти вопросы решаются в статье на основе изучения старейших списков Пролога, относящихся к XIII—XIV вв.

Пролог — самая распространенная четья книга в древней Руси. Из 1493 рукописей XI—XIV вв., сохранившихся в отечественных библиотеках и архивах, 88 являются списками Пролога.¹⁶ История Пролога «является одним из наиболее запутанных вопросов в истории русской литературы».¹⁷ Пролог представляет собой переведенный с греческого языка Синаксарь, или Менологий — сборник кратких житий или памятей святых, извлеченных из служебной Миней и расположенных по дням церковного календаря. В литературе нет единого мнения о времени и месте появления Пролога в славянских литературах.¹⁸ Наиболее обо-

¹⁵ И. Н. Лебедева. О древнерусском переводе. . . , с. 250—251. Извлечения из русского перевода по Соловецкому списку изданы: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Подгот. текста, пер. и коммент. И. Н. Лебедевой. — В кн.: Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980, с. 196—225.

¹⁶ Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно). — В кн.: Археологический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 177—272 (далее: Пс).

¹⁷ М. Н. Сперанский. История древнерусской литературы. М., 1920, с. 205.

¹⁸ Библиография Пролога весьма обширна. Большая ее часть указана в статье: Ю. К. Бегунов. «Слова» пресвитера Козмы Болгарского в составе Пролога. — Slavica, XXXV, š. 3. Praha, 1966, s. 381—382. Назовем лишь основные труды, а также исследования, изданные после 1966 г.: Сергей, архим. Полный месяцеслов Востока, т. 1. М., 1875, с. 216—289, приложение, с. 130—191; 2-е изд., т. 1. Владимир, 1901, с. 303—322, приложение, с. 548—607; Н. И. Петров. О происхождении и составе славяно-русского Пролога (иноземные источники). Киев, 1875; М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. — ИОРЯС, т. XXVI, 1923, с. 143—206; перепечатано в кн.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 36—42; V. Moštin. Slavenska redakcija Prologa Konstantina Mokisijskog u svetlosti vizantijsko-slavenskih odnosa XII—XIII vijeka. — In: Zbornik Historijskog instituta Jugoslavenske akademije, vol. 2. Zagreb, 1959, s. 17—68; Б. С. Ангелов. Из историята на руско-българските връзки. София, 1972, с. 47—60; Н. Ю. Бубнов. Славяно-русские Прологи. — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей. . . , вып. 1. М., 1973, с. 274—296; Ю. К. Бегунов. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, с. 41—50; Е. А. Фет. 1) О Софийском Прологе конца XII—начала XIII в. — В кн.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977, с. 78—92; 2) Новые факты к истории древнерусского Пролога. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 53—70. Следует назвать также издание, посвященное Прологу старопечатному: Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978.

снованной представляется в настоящее время концепция В. Н. Мошина, который полагает, что греческий Синаксарь был переведен на старославянский язык в Киеве около 1132 г.¹⁹ Вскоре после перевода к тексту Пролога были добавлены новые жития и памяти, как переводные, так и русские, а также сказания, притчи, проповеди и другие поучительные тексты; взятые из переводной и оригинальной южнославянской и русской литератур. Общепринято в настоящее время признание двух редакций Пролога — первой, более краткой, и второй, пространной.²⁰ Обе редакции составлены русскими книжниками, которые пополнили состав Пролога текстами, взятыми из самых распространенных произведений византийской литературы: Патерика, «Луга духовного» Иоанна Мосха, «Лавсаика» Палладия Еленопольского, Пандектов Никона Черногорца, творений Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Нисского, Ефрема Сирина, аввы Дорофея, Повести о Варлааме и Иоасафе и других. Произведения оригинальной южнославянской и русской литератур главным образом анонимны, кроме Слов Козмы Пресвитера; выявление этих текстов в составе Пролога еще не закончено. Такой сложный мозаичный состав сделал Пролог настоящей хрестоматией византийской и славянской литератур, притом книгой подлинно народной. Уже краткие жития в составе греческого Синаксаря были рассчитаны на чтение вслух во время церковной службы. Они должны были рассказать слушающим о тех, кого церковь поминала в этот день, передать слушающим самое главное, чем прославился данный святой: подвиги, чудеса, мученичества. Краткий рассказ о святом должен был воздействовать на мысли и чувства людей самых разных. Поэтому синаксарные жития — не краткие сухие биографические справки, а небольшие по объему легенды, сказания о чудесах и мученичествах. Совершенно права Л. И. Сазонова, утверждающая, что проложные жития — «это особый вид агиографического жанра, а не простое механическое сокращение жития-образца».²¹ Этот жанр был создан специально для византийского Синаксаря. И поразительно, насколько русские книжники освоили этот жанр, обработав таким же образом внесенные ими в Пролог статьи, и житийные, и поучительные. В итоге русский Пролог стал сборником очень органичным, очень устойчивым, очень читабельным для людей самого разного уровня грамотности; многие его тексты обнаруживают большую близость к произведениям фольклора.

Пролог оказал свое влияние и на русскую литературу последующего времени. М. О. Скрипиль назвал Пролог «своеобразным литературным гербарием, сохранившим и передавшим новым литературам огромное собрание сюжетов».²² Недавно О. А. Державина проанализировала влияние Пролога на творчество Н. С. Лескова и Л. Н. Толстого.²³ Все вышесказанное свидетельствует о том, что Пролог заслуживает самого тщательного изучения как созданная русскими книжниками учительная энциклопедия, которая в течение многих веков была настольной книгой русского человека.

Уже в старейшем списке первой редакции Пролога — Софийском, № 1324²⁴ — мы находим шесть статей, озаглавленных «Притча святого

¹⁹ V. Mošin. Slavenska redakcija Prologa. . . , s. 47—48.

²⁰ Е. А. Фет, которая в последнее время успешно занимается изучением Пролога, определила еще и третью редакцию, созданную в Пскове в XV в. См.: Е. А. Фет. Новые факты к истории древнерусского Пролога. . .

²¹ Л. И. Сазонова. Проложное изложение как литературная форма. — В кн.: Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978, с. 31.

²² История русской литературы, т. 1. Под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия. М.—Л., 1941, с. 104.

²³ О. А. Державина. Пролог в творчестве русских классиков XVIII—XX вв. и в фольклоре. — В кн.: Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978, с. 164—168.

²⁴ Пс, с. 198, № 158. Рукопись подробнейшим образом описана в кн.: Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, вып. II. СПб., 1907, с. 154—219.

Варлаама». Та часть Софийского Пролога, которая содержит эти притчи, датируется исследователями XIII веком; И. И. Срезневский датировал ее серединой XIII в.²⁵ Софийский список содержит сентябрьскую половину Пролога; особенностью списка является то, что поучительные тексты находятся отдельно от основной житийной части, в конце рукописи. В эту так называемую дополнительную часть, в ноябрьский ее раздел, и включены притчи из Повести. Это притчи, которые Варлаам рассказывает царевичу, иллюстрируя ими положения христианского вероучения. Всего в Повести восемь притч (не считая евангельских) в поучениях Варлаама, и одна притча рассказана отрицательным персонажем, волхвом Февдой. Естественно, что притчей Февды составители Пролога не заинтересовались, а из восьми притч Варлаама в Софийском Прологе мы находим пять. Расположены они в составе Пролога не в том порядке, в котором следуют в Повести.

Приводим перечень притч из Повести в составе Софийского Пролога.

1) 19 ноября, л. 233—234. «Притча святого Варлаама о времени сем веце» (притча об инороге).

2) 20 ноября, л. 234—235. «Притча святого Варлаама о ходящих в мнишьский чин» (притча о серне).

3) 22 ноября, л. 236 об.—237 об. «Поучение святого Варлаама о животе и смерти» (притча о царе на один год).

4) 23 ноября, л. 237 об.—238 об. «Поучение святого Варлаама к Асафу о крестьянстве житии» (притча о царе и разумном советнике).

5) 28 ноября, л. 241 об.—243. «Слово о притчах святого Варлаама о богатых и убогих» (притча о трубе смерти и четырех ковчегах).

Первой в Пролог включена притча об инороге, которая в Повести идет третьей.²⁶ В тексте Повести притча не имеет специального заглавия, как и остальные притчи. Лишь в некоторых списках переписчики выделяют ее, называя «Притчей об инороге». Сопоставление проложного текста с притчей из русского перевода Повести показывает, что притча включена в Пролог целиком, дословно, изменения сделаны в начале и в конце текста. В Повести изложению притчи предшествует длинная, сложной конструкции фраза, в которой автор Повести обличает тех, кто красоту этого мира любит больше, чем жизнь будущую, и уподобляет этих людей человеку, убегающему от бешеного инорога. В Прологе эта фраза заменена другой, короткой: «Сего света человеком житие маловременно». В Повести притча заканчивается столкновением образа медовой капли. Автор проложной статьи ставит здесь запятую и продолжает текст назиданием избегать греховных обольщений мира сего и тем обрести жизнь вечную (см. текст притчи, приложенный в конце статьи).

Почему эта притча включена в Пролог первой из всех притч Варлаама? Это притча в самом классическом виде, каждый образ ее — аллегория. Притча известна в мировой литературе во многих вариантах.²⁷ Содержание ее в Повести таково. Человек, преследуемый бешеным инорогом, падает в ров, но успевает ухватиться за ветви растущего во рву дерева и опереться на выступ рва. Осмотревшись, он видит двух мышей, черную и белую, подгрызающих корень дерева, на дне рва — страшного дракона, а у ног —

²⁵ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1882, с. 122.

²⁶ Текст притчи об инороге из русского перевода Повести опубликован по Креховскому списку, см.: *И. Ф р а н к о. Варлаам и Иоасаф. . .* — В кн.: *Записки Научного товариства имени Шевченка*, т. VIII, 1895, с. 22—23. По Соловьевскому списку, см.: *Повесть о Варлааме и Иоасафе. . .*, с. 202—204.

²⁷ См.: *А. Н. Веселовский. О славянских редакциях одного аполога Варлаама и Иоасафа.* — В кн.: *Записки АН*, т. XXXIV 1879, с. 65—66; *И. Ф р а н к о. Притчата за еднорога и нейният български вариант.* — В кн.: *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*, XIII. София, 1896, с. 570—620; *А. И. К и р п и ч и к о в. Греческие романы в новой литературе. Повесть о Варлааме и Иоасафе.* Харьков, 1876, с. 232—234.

четыре змеинные головы. С ветвей дерева тем временем капает мед, и человек, забыв об опасностях, устремляется к меду. Толкование притчи: инорог — образ смерти, вечно преследующей потомков Адама; ров — мир, полный бед и опасностей; дерево, подгрызаемое мышами, — жизнь человека, поглощаемая сменой дня и ночи; змеинные головы — четыре стихии, из которых составлено человеческое тело; дракон — чрево ада, пытающееся поглотить человека; мед — удовольствия мира, отвлекающие человека от мысли о спасении.

Притча об инороге из Повести о Варлааме и Иоасафе получила широкое распространение не только в русской письменности, будучи переписываемая в составе многочисленных сборников, но и явилась сюжетом для изображений в византийском, западноевропейском и русском искусстве. Сначала это были изображения в общем цикле миниатюр греческих рукописей, содержащих Повесть, а затем притча получила распространение как самостоятельный назидательный сюжет в лицевых Псалтирях, в живописи, скульптуре, прикладном искусстве.²⁸ Самое раннее изображение на тему притчи (вне иллюстративных циклов в греческих списках Повести) — в греческой Лондонской Псалтири 1066 г., самое раннее в русском искусстве — на пластине новгородских Васильевских врат 1336 г. Изображения на тему притчи есть на полях русских псалтирей — Киевской 1397 г., Угличской 1485 г., Ипатьевской XVI в.; в сербской Мюнхенской Псалтири конца XIV в., на новгородских иконостасах XVI в.

Следующей в Прологе идет притча о серне; в Повести она является последней в поучениях Варлаама.²⁹ Иоасаф просит учителя взять его с собой в пустыню. Варлаам отвечает ему притчей, которую составитель Пролога назвал «О ходящих в мнишский чин». Сопоставление проложного текста и притчи в русском переводе Повести показало, что и эта притча включена в Пролог целиком, дословно, кроме последней фразы Варлаама, являющейся истолкованием притчи: «Сим же образом боюся, да не будет на нас, аще со мною последьствовати имаши, да не излещен буду твоего сужительства и многом злом ходатай буду другом моим». Вместо этой фразы автор проложной статьи дал свое толкование, вдвое большее, чем текст самой притчи, и поясняющее именно то содержание, которое вкладывает в эту притчу Варлаам.

Третья в Прологе притча из Повести — притча о царе на один год; в Повести эта притча идет пятой,³⁰ и названа она «Поучение о животе и смерти». Основной текст притчи включен дословно, оставлено и самое начало аллегорического истолкования, но далее составитель проложной статьи добавил свое толкование, близкое, с одной стороны, к тексту Повести, а с другой — к проложному толкованию притчи об инороге.

²⁸ Библиография сюжета обширна, указываем основные труды. Е. Ред и н. *Материалы для византийской и древнерусской иконографии*. 3. Притча о сладости мира сего. — *Археологические известия и заметки*, 1893, № 12, с. 437—443; Ф. И. Бусл а е в. Сравнение одного рельефа на портале пармского баптистерия с миниатюрами Угличкой псалтири XV в. — В кн.: Ф. И. Бусл а е в. *Сочинения*, т. 1. СПб., 1908, с. 243—248; В. Н. Л а з а р е в. *Васильевские врата 1336 г.* — В кн.: В. Н. Л а з а р е в. *Русская средневековая живопись. Статьи и исследования*. М., 1970, с. 204—206; S. Der Nersesian. *L'illustration du roman de Barlaam et Joasaph*. Paris, 1936, p. 63—68, pl. XXIII-87, LXVIII-267; J. - W. E i n h o r n. *Das Einhorn als Sinnzeichen des Todes: die Parabel von Mann im Abgrund*. Berlin—New York, 1972 (*Frümittelaterliche Studien*, 6); *Der serbische Psalter*. Facsimile Ausgabe des Cod. slav. 4 der Bayerischen Staatsbibliothek München. Textband unter Mitarbeit von S. Dufrenne, S. Radojčić, R. Stichel, I. Sevdenko. Hrsgb. von H. Betling. Wiesbaden, 1978, S. 23, 187; Г. И. В з д о р н о в. *Исследование о Киевской Псалтири*. М., 1978, с. 51, 140—141. Другие исследования указаны в работах В. Н. Лазарева и Г. И. Вздорнова.

²⁹ Издание притчи см.: I. Ф р а н к о. *Варлаам і Йоасаф*. . . — В кн.: *Записки Научного товариства ім. Шевченка*, т. X. 1896, с. 30; *Повесть о Варлааме и Иоасафе*. . . , с. 212.

³⁰ Издание притчи см.: I. Ф р а н к о. *Варлаам і Йоасаф*. . . , т. VIII, с. 25—26. *Повесть о Варлааме и Иоасафе*. . . , с. 208—210.

Следующая притча — о царе и его разумном советнике; в Повести она занимает шестое место.³¹ Составитель Пролога назвал ее «О крестьянъстем житии». Притча передана в Прологе дословно, но не до конца, опущена большая часть диалога царя с советником. Далее автор проложной статьи дает собственное истолкование образов притчи, в Повести толкования притчи нет.

Наконец, последней в Софийском Прологе идет притча о трубе смерти и четырех ковчехах;³² в Повести это первая притча в поучениях Варлаама. Она названа в Прологе «О богатых и убогих» и приведена целиком, без сокращений и добавлений. Действительно, этот текст трудно сократить или добавить к нему что-либо: истолкование образов притч содержится не столько в словах, сколько в действиях благоразумного царя. У этой притчи очень четкая трехчастная структура, каждая из частей носит законченный характер. Тот, кто выбирал и обрабатывал притчи из Повести для Пролога, проявил подлинный литературный вкус, не подвергнув этого текста искажениям.

Следует еще отметить, что под 24 ноября в Софийском Прологе (а также и во всех других списках Пролога) помещена небольшая статья с названием «Слово притца святого Варлаама о еретицех и идолослужителех». Содержание притчи: у богатого человека было стадо овец, которое пасли пастухи; из-за небрежения пастухов овцы стали пастись вместе с дикими козлами и домой уже не вернулись. Толкование: человек — Христос; овцы — христиане; пастухи — епископы и священники; стадо козлов — еретики. Текст заканчивается наставлением епископам и священникам поучать еретиков без лености и испытывать твердость их веры после раскаяния. Такой притчи в Повести о Варлааме и Иоасафе нет, это псевдоэпиграф, по-видимому, произведение самого русского книжника, обнаруживающее близость к слову Козмы Пресвитера «К епископом и попом, пасущим стадо Христово»,³³ которое, кстати, вошло во вторую редакцию Пролога.

Приписывание этой статьи в Прологе Варлааму говорит о том, что притчи Варлаама, извлеченные из Повести, стали восприниматься как самостоятельный литературный жанр, в котором и обработал свою притчу о еретиках ее составитель.

Таким образом, в текст первой редакции Пролога, представленной Софийским списком, были включены пять притч из Повести о Варлааме и Иоасафе. Но после того как Е. А. Фет убедительно доказала, что дополнительная часть Софийского Пролога (содержащая притчи Варлаама) представляет собой выписки из какого-то полного проложного текста,³⁴ мы не могли бы делать определенных выводов по данным одного лишь Софийского списка: его переписчик мог выписать из своего источника не все статьи, относящиеся к Повести. Но существуют и другие списки Пролога, в которых дополнительная часть объединена с житийной и которые содержат те же пять притч, что и Софийский Пролог. Это списки XIII—XIV вв. Типографские № 154, 155 и 158, хранящиеся в ЦГАДА.³⁵ Поэтому мы вправе сделать вывод, что эти списки вместе с Софийским представляют собой первый этап включения текстов из Повести в Пролог.

³¹ Издание притчи см.: I. Франко. Варлаам и Иоасаф. . . , т. VIII, с. 27—28. Повесть о Варлааме и Иоасафе. . . , с. 210—212.

³² Издание притчи см.: I. Франко. Варлаам и Иоасаф. . . , т. VIII, с. 17—18; Повесть о Варлааме и Иоасафе. . . , с. 198—200. Текст этой притчи из старопечатного Пролога см.: Д. В. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III. СПб., 1881, с. 64—66 (по лубку XVIII в.); Литературный сборник XVII в. Пролог, с. 202—204.

³³ Слово Козмы см. в кн.: Ю. К. Бегунов. Козма Пресвитер. . . , с. 140—141.

³⁴ Е. А. Фет. О Софийском Прологе. . .

³⁵ Пс, с. 214, № 451, 452 и 454.

Е. А. Фет, характеризуя первую редакцию Пролога, замечает, что «внесение литературных статей было единовременным».³⁶ Наблюдения над текстами из Повести в составе Пролога приводят к иному выводу. Есть ряд списков первой редакции Пролога, в которых к пяти притчам из Повести добавлена еще одна статья «Слово о видении святого Асафа». Это списки XIV в. Троицкий № 33 (ГБЛ) и Типографские № 157 и 159 (ЦГАДА).³⁷ «Слово о видении» представляет пересказ трех отрывков из Повести, скомпонованных в единое целое, смысл которого — постепенность духовного возрастания человека. Содержание первого отрывка таково. Перед уходом Варлаама в пустыню царевич просит его взять для пустынников золота. Варлаам отвечает: «Как, будучи нищим, хочешь поделиться с богатыми? Впрочем, придет время, разбогатеешь и сам, но сделаешься скуп даже для отца своего». Отрывок второй: после искушения, подсказанного волхвом Февдой, царевич увидел во сне прекрасный небесный град, в котором он захотел остаться, но в ответ на свою просьбу услышал: «Если хочешь быть здесь, продолжай свои подвиги». В третьем отрывке после крещения отца и всей Индии Иоасаф уходит в пустыню к Варлааму. После смерти Варлаама царевич видит во сне тот же прекрасный город, где его встречают ангелы с двумя венцами. На вопрос Иоасафа о венцах ему отвечают, что один венец для него, а другой для его отца. Иоасаф возмущается тем, что уравнили в подвигах его, крестившего всю страну, и его отца, ничем не отличившегося. И тут явился ему Варлаам и напомнил о прежних словах своих: «Когда разбогатеешь, то сделаешься скуп даже для отца». Варлаам велел царевичу и дальше пребывать в монашеском подвижничестве, что тот и сделал.

Хотя статья о видении Иоасафа представляет собой не извлечение из текста Повести, а лишь пересказ, по некоторым выражениям можно узнать, что пересказ сделан на основе того же русского перевода Повести, из которого были извлечены и включены в Пролог пять притч Варлаама. Чтобы убедиться в этом, приводим параллельные тексты статьи из Пролога «Слово о видении святого Асафа» по рукописи ГБЛ, Троицкое собр., № 33, из сербского перевода Повести по списку ГПБ, Софийское собр., № 1365, XIV в. и из русского перевода по Креховской рукописи № 419, XVI в. (Львовская Центральная научная библиотека им. Стефаника). Сопоставляется не весь текст проложной статьи, а лишь большая часть третьего отрывка.

*Софийск., № 1365,
л. 132*

*Пролог Троицк., № 33,
л. 145 об.—146*

*Креховск., № 419,
л. 111—112 об.*

... близ гроба седе плачяся, и седа и успе, и виде страшна мужа она. . . в преславный светлый въведше его в град. . . Входящю же ему в врата, и сретаху его друзии просвещени светом, венци имуще в рудех и неизреченною блистающюся добротю. . . Выпрашающю же Иасафу. . . «Твой убо един, рекше, за многыа души еже спасл еси. . . украшаем же множае мнишеским житием. . . Другий же. . . отцю твою подобает ти дати. . .» Иоасаф же негодуя. . .» И како возмож-

Седе плачяся искрь гроба его. Седящю же ему и успе. И виде страшни оны мужи. Введоша и во оную неизреченную радость и в пресветлый он град. Входящю же ему в врата усретоша и етери светлыи, венца два носяще пресветла, рядною светлостью сияюще. Выпрашающю же о нею Асафу, и глаголаша: «Твой ест един, зане многи души спасе и постничеством украшен. Другий же отца твоего, но тобою дан будеть ему». Асаф же негодуя рече: «Како равен даров сподобися отцю со мною ничтоже тружышюся?» Явися ему Варлам, глаголя: «Асафе,

... искрь гроба седе плачяся. Седящю же ему и успе, и виде страшна мужи оны. . . въведоста и в великую оную пажить и светлый. . . град. . . Входящю же ему в врата. . . етери усретоша и, велиим светом сияеми, венца имущи в рудех, неизреченною красоту имуще. Выпрашающю же Иасафу. . . отвечаша. . . «Твой един. . . зане многыа душа спасе ты, украшен же на постническом житии. . . другой же отцю подобает ти дати. . .» Иоасаф же негодова: «Даров получити отцю моему покаания ради токмо, тружышюся мне толма?» . . . и мя-

³⁶ Е. А. Фет. Новые факты . . . , с. 54.

³⁷ Пс, с. 230, № 735; с. 251, № 1152 и 1153.

но, рече... отцю моему поллучити дарединого ради цюкаанна». . . . абие мяшеша Варлама видя. . . глаголюща: «Не сеи ли суть словеса моа, Иасафе, якоже некогда глаголах ти, егда разбогатеши, тогда неподатлив будеши. . . ныне же како негодуеши о равней чести отца твоего, а не паче возвеселишися душею. . . »

не рех ли ти древле, егда будеши богат, тогда будеши скуп и неподатлив. Какое негодова ныне равночестна отцю, а не паче взвеселися душею о немь».

шеша Варлама видя. . . и глаголюща: «Не сеи ли словеса моа, Иасафе, их же бе некогда глаголах ти, егда пребогатеши, тогда неподатлив будеши. . . ныне же како негодова равночестна отчаа, а не паче возвеселися душею. . . »

Сопоставление текстов показывает, что пересказ был сделан по русскому переводу Повести. В пользу предположения о более позднем по сравнению с притчами Варлаама внесении этой статьи в текст первой редакции Пролога говорит не только наличие соответствующей рукописной традиции, но и метод, которым обработана эта статья, коренным образом отличный от способа обработки притч. Объединение в одно связное и целостное повествование пересказа трех отрывков, находящихся в разных местах текста Повести (например, по Соловецкому списку № 208 это листы 147, 264 и 336), потребовало от составителя этой статьи хорошего знания текста и литературного таланта. Составитель проложной статьи старался донести до древнерусского читателя мысль о постепенности духовного возрастания человека, о трудности преодоления эгоизма и себялюбия даже в таком подвижнике, как царевич Иоасаф, оставивший царство ради пустынножительства. Эта статья вносит некоторые коррективы к тому, что Л. И. Сазонова пишет об идеальном образе героев проложных рассказов.³⁸

Трудно сказать, насколько была понятна читателю мысль, вложенная составителем в статью о видении Иоасафа; может быть, для этого надо было знать содержание самой Повести и представлять характер ее героев. Да и притчи Варлаама, включенные в Пролог, вызывали желание узнать, кто их рассказывает и к кому они обращены. Поэтому во второй редакции Пролога его текст пополнился еще пятью статьями из Повести. Старшие списки Пролога, содержащие эти статьи, — рукописи XIII—XIV вв. Типографские № 153 и 164 (ЦГАДА).³⁹ Приводим названия этих статей по Типографскому Прологу № 153. 1) 17 ноября, л. 124 об. «Святого отца нашего Варлаама пустытника». 2) 17 ноября, л. 125—126. «Слово учение Варлаама к Иасафу, паче рещи и нам». 3) 18 ноября, л. 126 об.—128. «Преподобного отца нашего Иасафа пустытника, сына Авенира царя». 4) 25 ноября, л. 148 об.—149 об. «Страсть святою отцю нашею, еуже живу сожже Авенир царь». 5) 27 ноября, л. 153—154. «Святых отец пустынных 1 мних».

Первая из этих пяти статей, включенная под 17 ноября, — краткое житие Варлаама, пересказ основного сюжета Повести, в этом пересказе самого текста Повести почти нет. Проложная статья — труд русского книжника, внимательно прочитавшего Повесть и пересказавшего то, что относится к Варлааму. И тем не менее мы явственно видим, что Повесть пересказана по ее русскому переводу, а не по сербскому. Снова сопоставим тексты Пролога по Типографскому списку № 153, сербского перевода по Софийской рукописи № 1365 и русского перевода по Креховскому списку № 419.

Софийск., № 1365,
л. 20

Типогр., № 153,
л. 124 об.

Креховск., № 419,
л. 41 об.

. . . мних некто премудр,
божественным житьем и словом кра-
сим. . .

. . . мних егер премудр,
божественным житьем и
словом украшен. . .

. . . мних егер премудр
о божественных и словом
украшен. . .

³⁸ Л. И. Сазонова. Проложное изложение. . . , с. 30.

³⁹ Пс, с. 214, № 450 и 455.

Отметим, что житийные тексты из Повести, первым среди которых в Прологе идет житие Варлаама, так же как и притчи и остальные тексты, включены в Пролог среди ноябрьских текстов. Это, по-видимому, можно объяснить тем, что под 16 ноября в Прологе помещена память мученика Варлаама Антиохийского (IV в.). Не сочли ли русские книжники, включившие в первую редакцию Пролога притчи Варлаама из Повести, что Варлаам Антиохийский и Варлаам пустынный, обративший к спасению индийского царевича, — это одно и то же лицо? Житийные же тексты были включены рядом с притчами. Таким образом, во второй половине ноябрьского раздела Пролога читатель прочитывал все тексты из Повести, кроме одного.

Этот один текст нам и осталось охарактеризовать. Он находится в Прологе среди текстов на 16 апреля (в некоторых списках на 13 апреля) и озаглавлен «Притча святого Варлаама о печали житейстей и о суетнем богатстве» (притча о трех друзьях).⁴⁰ К сожалению, не сохранилось ни одного полного списка Пролога первой редакции на весь год, поэтому мы не можем судить, была ли эта притча в первой редакции и когда она была включена в Пролог — вместе с пятью другими притчами или позже, со статьей о видении. Мы не можем сказать также, добавлена ли она вместе с житийными статьями или отдельно, в другое время. Старейшие списки мартовской половины Пролога, содержащие эту притчу, датируются XIII—XIV вв., это Типографские Прологи № 168 и 170 (ЦГАДА).⁴¹

Проложная притча о трех друзьях — это пересказ притчи из Повести, сокративший и сюжет повествования, и толкование. Трудно определить с первого взгляда, по какому из двух переводов Повести сделан этот пересказ. Сопоставим для этого части текстов проложной притчи по Архангельскому Прологу Д 2, XIV в. (БАН СССР),⁴² сербского перевода (Софийск., № 1365) и русского перевода (Креховск., № 419).

Софийск., № 1365,
л. 54об.

Архангельск., Д 2,
л. 34

Креховск., № 419,
л. 37

... два убо от сердца
почитааше...

Двух же любяше и чтя-
ше...

... двою с любовию
чтяше...

л. 55

л. 34об.

л. 37об.

Помниши ли, о друже,
колико насладился еси
от мене чести...

Помниши ли, друже, кол-
ку прия от мене честь...

Помниши, о друже, ко-
лико от мене прия честь...

л. 35

л. 38

... Аз бо пойду перед
тобою, аз умолю о тебе
царя... Дерзай убо,
дружебниче, не печалуй...

Аз бо иду преже тебя ко
царю и умолю царя... Да
не буди, друже, уже в пе-
чали...

... аз бо преже тебе дойду
к царю... не буди в скорбе
и печале...

л. 55об.

л. 38об.

Третий же друг прези-
раемый тяжкий, иже не-
приступен...

Третий друг есть мило-
стыни не временны, ни ми-
мотекый...

Третьей же друг есть ми-
мотекый временный...

Сопоставление текстов показывает, что и эта притча представляет собой обработку текста из русского перевода Повести. Но эта обработка текста совсем иная, чем в пяти притчах Варлаама, включенных в первую редакцию Пролога. По своим особенностям притча о трех друзьях из Пролога

⁴⁰ Издание притчи см.: Франко. Варлаам і Йоасаф. . . , т. VIII, с. 23—25; Повесть о Варлааме и Йоасафе. . . , с. 204—206.

⁴¹ Пс, с. 214, № 446 и 448.

⁴² Пс, с. 269, № 1454.

ближе к житийным статьям из второй редакции Пролога. Еще раз повторяем, у нас нет твердых оснований для суждения о том, когда притча о трех друзьях была включена в состав Пролога и почему ее включили в апрельские тексты, а не в ноябрьские.

Итак, в конечном счете в составе второй редакции Пролога оказались одиннадцать статей, относящихся к Повести о Варлааме и Иоасафе: шесть притч, четыре житийных текста, поучение и рассказ о видении Иоасафа. Из всех существующих в настоящее время списков Пролога только один Спасо-Прилуцкий Пролог XIV—XV вв. (ГПБ, собр. СПб. ДА, А.1.264),⁴³ единственная рукопись, содержащая проложные тексты на весь год, включает весь комплект текстов из Повести.

Одиннадцать проложных статей, являющихся извлечениями из Повести или пересказами ее, почти исчерпывали все основное содержание Повести. Из притч Варлаама лишь две — о соловье и о богатом юноше и дочери бедняка — не вошли в Пролог, но это две новеллы, не содержащие аллегорических толкований и потому мало соответствующие общему стилю статей Пролога. Не вошла в Пролог также речь Нахора, большое самостоятельное произведение внутри Повести, представляющее собой памятник позднеантичной литературы — Апологию Аристида. Включенная в Пролог Повесть широко распространилась в огромном количестве списков Пролога, вытеснив по сути дела полный текст русского перевода, который дошел до нас лишь в пяти списках XVI в.

Теперь мы можем подвести некоторые итоги тому, что относится и к истории русского Пролога, и к русскому переводу Повести.

1. Мы видели, что включение текстов Повести в Пролог происходило не одновременно, а по крайней мере в три этапа, два из которых относятся к первой редакции Пролога (пять притч — первый этап; слово о видении Иоасафа — второй), третий — ко второй редакции (четыре житийных текста и слово Варлаама о крещении). О притче о трех друзьях нельзя сказать ничего определенного; не исключено, что она представляет собой четвертый этап. Таким образом, текст Пролога формировался постепенно, даже в пределах одной редакции. Это было бы интересно проследить по другим статьям, взятым из других источников.

Хотя включение Повести о Варлааме и Иоасафе происходило не одновременно, оно было сделано тем не менее на основе одного и того же текста, а именно русского перевода Повести. Это значит, что в то время, когда формировался русский Пролог, в русской книжности был в обращении лишь один перевод Повести — русский.

2. Проложные тексты Повести показывают, как пополнение агиографической части Пролога происходило иногда под воздействием текстов назидательных: сначала в Пролог были включены притчи Варлаама, затем в первой же редакции рассказ о видении Иоасафа, который тоже можно отнести к житийному жанру, и, наконец, во второй редакции четыре собственно житийных текста. Это наблюдение заставляет с большим вниманием отнестись к текстам назидательного характера в составе Пролога. Е. А. Фет справедливо замечает, что обычно все выводы о Прологе делаются на основании житийной части, без обращения к текстам учительным.⁴⁴

3. Включенные в Пролог статьи из Повести являются не просто переводными текстами, но в неменьшей степени творчеством русских книжников. Это относится не только к толкованиям притч в Прологе, составленных на русской почве, но и к пересказам Повести, представляющим собой самостоятельные русские произведения. Кроме того, написанная

⁴³ Пс, с. 269, № 1455 и 1459. См. также: Д. И. Абрамович. О Спасо-Прилуцком Прологе С.-Петербургской Духовной академии. — В кн.: Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905, с. 282—288.

⁴⁴ Е. А. Фет. Новые факты. . . , с. 54, примеч. 4.

именем Варлаама проложная притча о еретиках и идолослужителях — на самом деле целиком русская статья. Это заставляет более внимательно отнестись и к другим статьям Пролога, даже надписанным именами каких-либо авторов или рассказчиков.

Поэтому русский Пролог надо рассматривать как произведение в большой степени оригинальное, лишь основанное на переводном памятнике, каким явился греческий Синаксарь. Синаксарь не получил такого широкого распространения в византийской письменности, как Пролог в русской; в греческих рукописях гораздо чаще встречаются сборники подробных житий в редакции Симеона Метафраста. Русский Пролог, сравнительно быстро вышедший из церковного употребления, стал книгой для повседневного домашнего или келейного чтения.

4. Мы уже отмечали, что наличие в Прологе извлечений из русского перевода Повести позволяет датировать сам русский перевод. Старейший, середины XIII в., Софийский список Пролога со статьями из Повести свидетельствует о том, что к середине XIII в. русский перевод Повести уже существовал и был использован для пополнения Пролога. По всей вероятности, точной даты перевода мы никогда и не узнаем, но существует еще одно датирующее обстоятельство: известен факт использования притчи Повести (о царе и разумном советнике) замечательным мастером древнерусского красноречия Кириллом Туровским в XII в. в его «Повести к Василию игумену о белоризце». Первым на связь «Повести о белоризце» с притчей Варлаама обратил внимание Ф. И. Буслаев. Он отметил, что Кирилл Туровский заимствовал сюжет «не прямо из истории о Варлааме и Иоасафе, а из притчи, помещенной из этой книги в Прологе, под 23 числом ноября».⁴⁵ Предположение Ф. И. Буслаева, высказанное еще в 1861 г., осталось незамеченным последующими исследователями творчества русского Златоуста, как часто называют Кирилла. М. И. Сухомлинов также обратил внимание на сюжет из притчи в «Повести о белоризце» и пробовал сопоставить текст Кирилла Туровского и текст Повести о Варлааме и Иоасафе, но воспользовался не русским, а сербским ее переводом. Очевидно, именно поэтому М. И. Сухомлинов и пришел к выводу, что Кирилл Туровский заимствовал свой сюжет из Повести о Варлааме и Иоасафе, но изменил его «под влиянием какого-либо рассказа восточного происхождения».⁴⁶ Иван Франко пошел еще дальше в утверждении, что Кирилл Туровский взял свой сюжет не из переводного греческого источника, а из источника еврейского, причем не письменного текста, а устной традиции.⁴⁷

Но анализ текста «О белоризце» показал, что прав был Ф. И. Буслаев: Кирилл Туровский использовал притчу из Повести о Варлааме и Иоасафе именно в ее проложной форме, причем он использовал не только сюжет притчи, но и толкование ее, сочиненное русским книжником. Сопоставим частично тексты проложной притчи «О крестьянстве житии» по Софийскому Прологу № 1324 и «Повести о белоризце» Кирилла Туровского по изданию И. П. Еремина.⁴⁸

*Софийск., № 1324,
л. 237—238об.*

Слышях некоего царя бывша, зело добре смотряща своего царства, кроток же и милостив под ним сущим людем.

*Повесть Кирилла... мнixa
к Василию игумену... о белоризце...*

В некоем граде беаше царь зело кроток, благ же и милостив, добре смотряще о своих людах; сим же точию едином — не

⁴⁵ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, с. 127.

⁴⁶ М. И. Сухомлинов. О сочинениях Кирилла Туровского. — В кн.: Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. СПб., 1858, с. XLVI—LVII; см. также: М. И. Сухомлинов. Исследования по древнерусской литературе. — СОРЯС, т. LXXXV, 1908, с. 325—331.

⁴⁷ И. Франко. Притча про сплнца и хромця. СПб., 1905 (Отд. оттиск из «Сборника по славяноведению», вып. II), с. 9—11.

⁴⁸ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 348—351.

Слим же едином блазняшеся, яко же не имаше благоразумного просвещения... Рече убо единою царь...: «...изыде же и походиве по граду». И видиста светлую зарю в горе оконца сияющую и к тому оконцю очи приложиста и узреста под землю место яко вертеп жилище, в нем же бе седя мужь в последней нищете живя и худыми рубы оболчен... И глагола царь...: Оле чудо, друже... худое се и каыное житье... веселитя...

бе разумен... обаче искаше времени потребна... В един же час... рече царь: «Изидем и походим по граду...»... узреста светлую зарю, оконцемь от пещеры исходяща. И к тому приникнув оконцю, видеста внутрь вертепа жилище, в нем же седяще мужь, в последней нищете живя, худыми оболчен рубы... царь... рече: «Оле чудо, мои друзи, видите, како худое се и потаеное житие честнее нашея державы веселитя...»

Толкование

...никого же бо Христос не нудит к себе, но вещьми разум дает. Тех познавших его вводит в царство свое небесное... Исход же есть царство небесное, еже есть слышати душеполезно слово. Пещера же глубокая церкви, пророки дозрима и апостолы устроена... жена же в рубы оболчена и правдою препоясана, поеть же сладкую песнь... кровь святую и от нея живот вечный...

... еже слышати душеполезное учение... Никого же бо Христос к покоянию нужею влечет, но вещьми разум дает, да от тех познавшим его и в небесное вводит царство.

Пещера же глубокаа — церкви есть монастырска, пророки дозрима, апостолы устроена...

...целомудрием оболчени и правдою поясани...

...жена... сладкую поющи песнь... святую свою кровь в живот вечный.

Приведенные тексты наглядно свидетельствуют о том, что источником для Кирилла Туровского послужила проложная притча «Поучение святого Варлаама о крестьянстве житии».

Но в этой же «Повести о белоризце» Кирилл Туровский использовал еще один текст из Пролога — притчу Варлаама «О ходящих в мнишьский чин», вернее, ее толкование. Приводим параллельные тексты по тем же источникам, что и в предыдущем случае.

Соборск., № 1324, л. 234 об.—235

... Не бойся, малое мое стадо...
стократичею примет живот вечный.

*Повесть о белоризце*⁴⁹

... Не бойся, малое стадо...
... стократичею примет и живот вечный наследить.

В. П. Виноградов назвал творческий метод Кирилла Туровского художественной мозаикой.⁵⁰ Действительно, заимствованные из проложных статей образы, отдельные фразы и выражения настолько органично впеваются в собственный текст Кирилла Туровского, что стоит большого труда узнать их и вычлениить в первоначальном виде.

Если справедливо предположение Л. Геца о том, что «Повесть о белоризце» — одно из ранних произведений Кирилла, написанное им еще до принятия епископского сана,⁵¹ то значит, уже к середине XII в. существовала первая редакция Пролога с включенными в нее притчами Варлаама. Это означает также, что Повесть о Варлааме и Иоасафе была переведена на русский язык раньше этого времени.

Соблазнительно думать, что Повесть о Варлааме и Иоасафе, как и многие другие произведения византийской письменности, переведена в XI в. в Киеве при Ярославе Мудром. Есть некоторая возможность связать приход Повести на Русь с путешествием на Афон Антония, основателя Киево-Печерского монастыря. Об этом путешествии рассказывает Повесть временных лет под 1051 г.⁵² По-видимому, местом построения Антония был

⁴⁹ Там же, с. 352 (чтение Уваровского списка).

⁵⁰ В. П. Виноградов. Уставные чтения, вып. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915, с. 115.

⁵¹ L. - K. G o e t z. Die Echtheit der Mönchsreden des Kyryll von Turov. — Archiv für slavische Philologie, Bd 27, 1905, S. 191.

⁵² Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, с. 105.

Иверский монастырь,⁵³ где в начале XI в. Евфимием Святогорцем была создана греческая версия Повести. Антоний несомненно мог знать о Повести и даже принести в Киев ее греческий список. То, что Повесть была переведена в Киеве, а не на Афоне, очевидно: никаких следов этого перевода в югославянской письменности нет; с Афона же перевод Повести обязательно должен был распространиться среди других славянских народов, как это было с другими переводами, сделанными на Афоне, в частности с сербским переводом Повести.

Некоторое подтверждение тому, что Антоний знал о Повести, можно найти в имени Варлаам, которое Антоний дал одному из своих пострижеников, будущему игумену Киево-Печерского монастыря.⁵⁴ Преставление игумена Печерского Варлаама традиция относит к 19 ноября, дню памяти Варлаама и Иоасафа. И не случайно, может быть, один из списков Повести находится в одном сборнике с Киево-Печерским Патериком.

Итак, первое же прикосновение к одной из составных частей русского Пролога — извлечениям из русского перевода Повести о Варлааме и Иоасафе — дало некоторые новые данные и для литературной истории Пролога, и для определения времени и места перевода Повести. Несомненно, дальнейшее изучение других составных частей Пролога и их источников принесет новые, может быть и неожиданные, результаты.

⁵³ Повесть временных лет, т. II, с. 384.

⁵⁴ Повесть временных лет, т. I, с. 106.

А. М. ПАНЧЕНКО, Б. А. УСПЕНСКИЙ

Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха

Статья первая

В новой и новейшей историографии поведение Ивана Грозного часто рассматривают как аномальное, как проявление индивидуальной психологии либо психопатологии. По существу такой подход означает отказ от научной интерпретации: Грозный предстает как необъяснимый эксцесс на фоне правильно развивающегося исторического процесса. Не вдаваясь в недоступную нам область психологии этого человека, отметим, что его кажущееся из ряда вон выходящим поведение имеет аналогии в русской истории — именно в типе поведения русского монарха. С Иваном Грозным сопоставим Петр Великий, и такое сопоставление помогает понять концепции обоих этих деятелей — при том, что эти концепции в принципе различны.

Культурный миф уже в XVII в. рисует Ивана старосветским, благочестивым «царем-батюшкой»;¹ Петр же всегда изображается реформатором в европейском платье, демиургом новой, европеизированной России. В этом есть явное упрощение, ибо и в Иване обнаруживаются черты реформатора (даже признаки западной ориентации),² тогда как Петр может быть вписан в национальную модель поведения.³ Вообще сходство их очевидно, причем оно вряд ли в полной мере может быть объяснено сознательной ориентацией. Когда сознательный момент исключен или факультативен, совпадения имеют особенно большое значение. Признать их случайностью — значит признать свое бессилие, значит уйти от объяснения.

Сопоставления обоих монархов делались уже при жизни Петра. Берхгольц описывает, как 27 января 1722 г., вскоре после Ништадтского мира и сразу по принятии Петром императорского титула, в Петербурге праздновали день рождения цесаревны Анны Петровны: на триумфальной арке под титулом *Petro Magno, Patri Patriae, Totius Russiae Imperatori* «с правой стороны сделано было в натуральную величину изображение Ивана Васильевича I (в царской короне), положившего основание нынешнему величию России, с надписью: *Inscipit* (начал). С левой же стороны, в такую же величину и в новой императорской короне, изображен был теперешний император, возведший Россию на верх славы, с надписью:

¹ Ср. толкование протопопа Аввакума на 44 псалом (РИБ, т. XXXIX. Л., 1927, стб. 458).

² Ср. настойчивое возведение генеалогии Рюриковичей к Августу, попытки укрепить династические связи с Западом, «стремление к морю» (Ливонская война), переговоры насчет убежища в Англии, назначение иностранцев опричными воеводами, ориентацию опричнины на европейскую орденскую практику (об этом аспекте опричнины см.: И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963, с. 150—155).

³ См.: Б. А. Успенский. *Historia sub specie semioticae*. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 286—292.

Perfecit (усовершенствовал)».⁴ Конечно, имеется в виду общность целей Ливонской войны Ивана и Северной войны Петра. Но сопоставление двух монархов к этому не сводится. Важен мотив величия России, притом подчеркнуто, что оба государя — первые: Иван — первый царь, а Петр — первый император (Иван IV назван Иваном I явно по аналогии с Петром).

Люди петровского времени сравнивали не только внешнюю политику обоих монархов, но и семейную их жизнь. В одном из экземпляров календаря на 1718 г. имеются записи (их всего три), сделанные рукой современника: «26 июня: сей год означился смертию ц[аревича] Алексия Петровича, и число сме»; «18 октября: сего числа Евдокия царица, в монахинях Елена, пострижена, 1-я жена царя Петра I»; «21 ноября: сего числа умре Грозного сын Иоанн, 1582, от удара тростью».⁵ Итак, смерть царевича Алексея прямо связывается со смертью царевича Ивана. Тем самым связываются их отцы.

Попробуем описать совпадения в поведении Петра и Грозного, не претендуя ни на исчерпывающий перечень, ни на классификацию по степени важности.

В обоих случаях имеет место разделение предшествующей культуры на две противоположные; каждая из них осмысляет противостоящую как свой антипод, как антикультуру. Так, Иван IV разделяет Россию на две антагонистические части, на опричнину и земщину. Младший его современник дьяк Иван Тимофеев видит в этом именно раздвоение: царь «всю землю державы своей, яко секирою, наполю некако расече».⁶ Земским было оставлено обычное платье, опричникам дана новая одежда. Это не только внешняя примета. Тот же Тимофеев смотрел на опричников почти как на иноверцев. По его словам, Грозный, учредив опричнину, «во гневе своем разделением раздвоения едины люди раздели и яко двоеверны сотвори». В самом деле, опричники должны были клятвенно отказываться от общения с земскими, что напоминает ограничения в общении, принятые в случае конфессиональных расхождений. Вдобавок опричники отрекались от отца и матери и тем самым автоматически оказывались в положении изгоев, противопоставленных «миру». В свою очередь они сходным образом глядели на людей из земщины. Согласно Г. Штадену, «опричники устраивали с земскими такие штуки, чтобы получить с них деньги или добро, что и описать невозможно. И поле (судебный поединок, божий суд, — А. П., Б. У.) не имело здесь силы: все бойцы со стороны земских признавались побитыми; живых их считали как бы мертвыми».⁷ Итак, опричнина и земщина — это разные миры. Одна часть воспринимает другую как потустороннюю.

Петр тоже «рассек» Россию надвое. Он переделал высшие сословия в венгерское, потом в «саксонское и немецкое» платье. Он обрил бороды, оставив их лишь крестьянам и духовенству, причем запрет носить бороды на государственной службе сохранялся вплоть до времен Александра III. Разница во внешнем облике и здесь символизирует глубокое культурное расслоение. И при Иване, и при Петре новая одежда дается привилегированной части общества. Конфессиональный момент опять-таки налицо, ибо борода, как и русское платье, разделяют старую и новую веру. В сознании консервативных слоев петровские реформы наслаивались на реформы никоновские. Нет ничего удивительного в том, что выступления против Петра имели, как правило, конфессиональную окраску.

⁴ Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721—1725, ч. 2. М., 1902, с. 41.

⁵ Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.—Л., 1955, с. 216, № 248.

⁶ РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стб. 271. Ср. наблюдения С. Б. Веселовского в его книге «Исследования по истории опричнины» (М., 1963, с. 49—51).

⁷ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925, с. 86.

До Петра европейское платье воспринималось на Руси как потешное,⁸ а немец, т. е. человек с Запада, — как ряженный (ср. у Гоголя черта в немецком платье — поздний отголосок этой традиции). Недаром ходили толки, что Петр «нарядил людей бесом, поделали немецкое платье».⁹ Такими же ряженными представляли в свое время и опричники Грозного; знаменательно, что Г. Штаден называет опричнину «игрой» (die Spil).¹⁰ От «ряженных» жителей Кукуя — один шаг до петровских потешных, из которых выросла русская гвардия. Она с самого начала получила преимущество перед традиционным войском, стрельцами. Сходные привилегии давались опричному войску. Когда опричник бился или тягался с земским, земский был наперед обречен на поражение.¹¹ Когда потешные устраивали баталии со стрельцами, потешным тоже была обеспечена победа.¹²

Разделение выражается и территориально. Пока существует опричина, к ней каждый год приписываются новые города, уезды, даже монастыри. Москве Иван противопоставляет Александровскую слободу и Вологду. Первая — это личная резиденция царя (иностранным послам твердят, что царь уехал туда для «прохлады», для отдыха), а вторая призвана быть столицей новой России. В Вологде Грозный строит Успенский собор (называемый также Софийским) по образцу московского, который в свою очередь через владимирский Успенский собор преемственно связан с киевской Софией. При Петре роль Александровской слободы играет Преображенское, роль Вологды — Петербург. Хотя территориальное разделение государства выражено не столь наглядно, все же постройка Петербурга воплощает именно эту идею. Он, по словам Феофана Прокоповича, олицетворяет новую, «златую», Россию в противовес России прежней, «древяной».¹³

Петр, строя Петербург, запрещает по всей России строительство каменных зданий; так создается не только образ России будущего, но и образ России прошлого — России деревянной, которая должна контрастировать с Россией каменной и обречена на гибель. Совершенно так же Иван занимается не только созданием и укреплением опричнины, но и разрушением земщины, старого уклада. В обоих случаях новое создается за счет старого, как его антипод.

⁸ К 1684 г. относится документально засвидетельствованный случай (видимо, один из первых), когда «немецкое платье» предназначалось для русских. Оно было заказано как потешное. В столбцах дворцовых приказов значится, что в немецкое платье были одеты «карлы» царского двора. Его шил портной Немецкой слободы Степан Иванов (Е. Ю. М о и с е н к о. Мастера-портные «немецкого платья» в России и их работы. — В кн.: Труды Гос. Эрмитажа, т. XV. Л., 1974, с. 143).

⁹ М. И. Л и л е е в. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв., вып. I. Киев, 1895 (Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, т. XIV), с. 208.

¹⁰ Г. Ш т а д е н. О Москве Ивана Грозного, с. 152.

¹¹ По словам Г. Штадена, после учреждения опричного двора «великий князь послал в земщину приказ: судите праведно, наши виноваты не были бы» (там же, с. 86).

¹² М. М. Богословский так пишет о потешных боях под Кожуховым в 1694 г.: «Действуют две армии, но разного состава: в одну входят новые солдатские полки, другая сформирована исключительно из стрельцов. Первой дана активная роль, она — нападающая; стрельцам отведена пассивная оборона. Солдатским полкам Петр оказывает явное пристрастие, не сдержанное хотя бы малой долей такта. Он сам в качестве «бомбардира» стреляет бомбами из мортир в стан стрельцов, сам подводит мину под их укрепления. Заранее осужденные на поражение, они в заключение маневра подвергаются позору: отнятые у них знамена волочат по земле» (М. М. Б о г о с л о в с к и й. Петр I. Материалы для биографии, т. I. Б. м., 1940, с. 206). Итак, солдатские полки «нового строя», наряженные в новое европейское платье, призваны одерживать победы над стрельцами, одетыми в традиционную русскую одежду: поражение стрельцов предрешиено так же, как предрешиено переряживание России в европейское платье.

¹³ Ф е о ф а н П р о к о п о в и ч. Слова и речи, ч. I. СПб., 1760, с. 113.

Раздвоение России распространяется на личность монарха. Два облика у России — два облика у царя. Грозный называет себя князем Иваном Московским, покидает Кремль и селится на Петровке, играя в простого боярина. На трон он сажает ряженого царя Симеона Бекбулатовича, шлет ему челобитные, выходит из саней при въезде в Кремль, вообще всячески подчеркивает свое зависимое положение подданного. Петр — это не только царь, это и Петр Михайлов, бомбардир, урядник, шаутбейнахт и т. д. Он также назначает ряженого короля (Konich), князь-кесаря Ромодановского (сперва Федора Юрьевича, потом его сына Ивана), от которого и получает все высшие чины. Как и Грозный, он не въезжает во двор «монарха», оставляя одноколку у ворот. В потешных церемониях Петр целует князь-кесарю руку и тоже демонстрирует верноподданническое смирение.

У Грозного и у Петра было две иерархии и две номенклатуры чинов. В XVI в. это чины опричные и чины земские, а полтораста лет спустя — чины думные, московские и городовые, с одной стороны (они унаследованы от старой Руси), и новые чины и должности, с другой — тайные советники и генерал-адмиралы, сенаторы и фискалы, комиссары, генерал-прокуроры. . . Петр включает в новую административную систему и церковь, превращая ее в духовную коллегию. При вступлении в должность члены Синода приносят присягу монарху, провозглашая его «крайним судиею» этой коллегии. Хотя духовенство и не включается в таблицу о рангах, но для священников со временем учреждаются ордена и знаки отличия (офицерскому темляку соответствует поповский набедренник). Те же поползновения проявляет Иван Грозный, распространяя принцип местничества на духовную сферу: «Тогда же царь государь дал троецкому игумену Ионе Сергиева монастыря место под чудовским архимандритом, а кириловскому игумену Афонасию подо андрониковским архимандритом, а пафнутиевскому иосифовскому под богоявленским игуменом, а прежде того те игумены в местех не бывали» (курсив наш, — А. П., Б. У.).¹⁴

Похожи друг на друга «опричный монастырь» Грозного и «всешутейший собор» Петра, при том, что оба эти института не имеют precedентов в русской истории. С точки зрения традиционной аудитории они выглядят как откровенное святотатство. Грозный в Александровской слободе имитирует монашеские обряды, сам играет роль игумена, опричники наряжаются чернецами. Наряду с пародированием иноческого обихода, что само по себе должно было восприниматься как кощунство, опричный монастырь узурпировал реальные элементы церковной жизни и быта. Так, митрополит Филипп Кольчев кощунство видел уже в том, что опричники надевали «тафьи», т. е. монашеские скуфейки;¹⁵ необходимо иметь в виду, что ношение монашеского платья не монахами считалось на Руси совершенно недопустимым. Тот, кто надел это платье даже случайно, обязан был принять постриг.

Современники писали, что Грозный служил обедню как священник (als ein anderer Papst).¹⁶ Трудно решить, правда это или вымысел, но самые толки весьма характерны. Кощунственным озорством выглядело поведение Ивана на свадьбе герцога Магнуса Ливонского и двоюродной племянницы царя княжны Марии Владимировны Старицкой в Новгороде в 1573 г.: вместе с молодыми иноками царь плясал «под напев Символа веры св. Афанасия». ¹⁷ Петрей сообщает, что Грозный «шевал иногда на

¹⁴ ГПБ, Софийско собр., № 1516, л. 55 об. (см.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, с. 113). Ср. Пискаревский летописец (ПСРЛ, т. XXXIV. М., 1978, с. 180).

¹⁵ Н. М. Карамзин. История государства Российского. 3-е изд., т. IX. СПб., 1831, с. 98, 118—119.

¹⁶ Так пишет пастор П. Одерборн в своем сочинении об Иване Грозном (1585 г.). См.: И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в., с. 204, 213.

¹⁷ S. Hennig. Liffländische Churländische Chronica. — In: Scriptores rerum Livonicarum, Bd II. Riga und Leipzig, 1848, S. 262.

своих пирах Символ веры Афанасия и другие молитвенные песни за столом и находил в том удовольствии».¹⁸ Древнерусские поучения специально предостерегают против такого поведения, расценивая его как славословие не богу, а бесам. «В пиру пьяным пети святого пения» — значит обречь душу на вечную муку.¹⁹

Что касается петровского «всешутейшего собора», то негативное отношение к нему традиционалистов общеизвестно. Ср. хотя бы типичную реакцию кн. И. И. Хованского, отпрыска семьи, почитавшей древнее благочестие: «Имали меня в Преображенское и на генеральном дворе Микита Зотов ставил меня в митрополиты, и дали мне для отречения столбец, и по тому письму я отрицался, а во отречении спрашивали вместо „веруешь ли” — „пьешь ли”, и тем своим отречением я себя и пуще бороды погубил, что не спорил, и лучше было мне мучения венец принять, нежели было такое отречение чинить».²⁰ Герой этого эпизода испугался, что его принуждают участвовать в сатанинском действе. Для кн. И. И. Хованского существовала лишь одна система ценностей — православная, и он рассуждал по принципу «третьего не дано». С этих позиций «всешутейший собор» представлялся именно как сатанинское явление, а не как звено в процессе секуляризации культуры, в «эмансипации смеха».²¹

Разумеется, реакция современников на действия Ивана Грозного и Петра очень часто не адекватна идеям этих монархов. Однако показательна не только стихийная одинаковость этой реакции в XVI и в XVIII вв., но самая ее серьезность. Традиционалисты не могли и не хотели закрыть глаза ни на опричный монастырь, ни — спустя полтора века — на «всешутейший собор», не хотели списать их на счет государевых прихотей, удали, озорства. Серьезность их реакции вполне соответствует серьезности монарших замыслов, которая угадывается за смеховой и пародийной оболочкой.

Опричный монастырь обнаруживает несомненную связь с включением в опричнину реальных монастырей (Воскресенского Горичьего, Махрищского, Симонова).²² Показательно, что близких к нему и участвовавших в опричной политике архиереев Иван Грозный трактует в качестве ряженных, не настоящих. Поэтому он в момент опалы считает себя вправе снять с них епископское облачение и нарядить скоморохом либо медведем. Так царь поступает с новгородскими владыками Пименом (в 1570 г.) и Леонидом (в 1575 г.). Опричники в глазах Грозного — это люди, наряженные монахами, а приверженные опричнине монахи — лишь по одежде иноки. Что до «всешутейшего собора», то он столь же несомненно связан с церковной реформой Петра. Пародия на патриарха (князь-папа) предшествует реальному, в высшей степени серьезному упразднению патриаршества.

Мы говорили о пространственном «рассечении» земли при Иване и Петре. Нечто подобное происходит и с временем: оно рассекается на старое и новое, на прошлое и будущее. Оба монарха окружают себя молодыми людьми, и это не мелочи их частной жизни. Характеризуя последнее опричное правительство, Таубе и Крузе отмечали, что при особе Ивана остались

¹⁸ П. Петрей де Ерлезунда. История о Великом княжестве Московском М., 1867, с. 363.

¹⁹ Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. I. Харьков, 1916, с. 174—175.

²⁰ Г. Есипов. Раскольниковы дела XVIII столетия, т. I. СПб., 1861, с. 68—69; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VIII (т. 15—16). М., 1962, с. 101. Ср. обличение 1705 г. на «всешутейший собор» (С. А. Белокуров. Материалы для русской истории. М., 1888, с. 539).

²¹ Об «эмансипации смеха» см.: А. М. Панченко. О смене писательского типа в Петровскую эпоху. — В кн.: «XVIII век», сб. 9. Л., 1974, с. 125—127; История русской литературы в четырех томах, т. I. Л., 1980, с. 358—377.

²² П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, с. 94—95, 103—104; С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, с. 157, 174, 177.

одни «молодые ротозеи».²³ Голиков, смиренный почитатель Петра, перечисляя «Страленберговы нарекания» на своего кумира (они отражают ропот консервативных «некоторых тогдашних московских бояр»), два из них передает так: «(2) Что определял к себе молодых людей без разбору. . . , благородных и неблагородных; (3). Что тем молодым людям дозволял осмеивать бояр, наблюдающих старинные обычаи».²⁴ Налицо попытка скомпрометировать средневековую идею единства рода, попытка дискредитировать, если можно так выразиться, родовую личность — единую личность, которая раз за разом воплощается в лестнице поколений.²⁵

У Ивана первый шаг к такой дискредитации — отрицание рода в целом как «дурного», попытка опорочить его и обесчестить. В полемике с действительными или мнимыми противниками Грозный с примечательным постоянством использует свою генеалогическую эрудицию (кстати сказать, поистине блистательную). Он насмехается над кн. Александром Полубенским, возводившим свою генеалогию к баснословному Палемону, якобы родственнику Нерона: «А пишешься Палемонова роду, ино то палаумова роду».²⁶ Он называет опальных Квашниных презренным, скороморшым, «дудиним племенем», намекая на прозвища живших в середине XV в. братьев Дуды, Пищали, Самары и Розлады Квашниных.²⁷ «Извыкосте от прародителей своих измену учинити. . . , — пишет он кн. Курбскому. — И понеже еси порождение исчадья ехиднова, посему такой яд отрыгаеши».²⁸ Беглый вассал платит сюзерену той же монетой: «Аще и зело многогрешен есми и недостоин, но обаче рожден бых от благородных родителей. . . , иже тоя пленицы княжата не обыкли тела своего ясти и крове братии своей пити, . . . яко первые дерзнул Юрей Московский в Орде на святого великого князя Михаила Тверского».²⁹ (Грозный — восьмое колено от Ивана Даниловича Калиты, брата Юрия Московского). Это не просто *argumentum ad personam*, «последний способ» спора по мизантропической классификации Шопенгауэра в его «Эристической диалектике»,³⁰ когда диспут переходит в брань в адрес противника (тут — фамильной чести противника). Это вмешательство в историю, попытка переделать ее, приспособить к своекорыстным интересам, насилие над нею, потому что у почтенного рода отнимаются «честь и слава», завоеванные им на протяжении столетий.

Одновременно идея единства рода сменяется идеей отцов и детей, когда одно поколение противопоставляется другому. Грозный того же Курбского укоряет в ничтожестве сравнительно с предками: «Вся ваша храбрость и мудрость ни к единому их сонному видению подобно».³¹ В административной практике царь постоянно нарушает принцип старшинства, «произвольно выбирает из большого количества размножившихся служилых родов того или иного человека, не считаясь совершенно со службой его отца и деда и ближайших родственников».³² Московские разговоры

²³ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — Русский исторический журнал, кн. 8, Пг., 1922, с. 54—55. Молодое окружение Грозного состояло, конечно, не только из «ротозеев»: из этого кружка вышел будущий царь Борис Федорович Годунов.

²⁴ И. Голиков. Деяния Петра Великого, ч. I. М., 1788, с. 1—2.

²⁵ См.: В. Л. Комарович. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 84—104.

²⁶ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 203.

²⁷ Там же, с. 202. Ср.: А. М. Панченко. «Дудино племя» в послании Ивана Грозного князю Полубенскому. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси, с. 151—154.

²⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 25.

²⁹ Там же, с. 109.

³⁰ A. Schopenhauer. Der handschriftliche Nachlass. Teilsammlung. Hrsgb. von Arthur Hübscher. Bd III. Berliner Manuskripte (1818—1830). Frankfurt a. M., 1970.

³¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 36.

³² С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых земледельцев. М., 1969, с. 259.

о том, что Грозный натравливал младших родичей на старших, передал Флетчер.³³ Иногда это выливалось в трагическую форму: по сведениям Курбского, царь вынудил своего фаворита Федора Басманова зарезать отца.³⁴ Так в опричном дворе Ивана, а потом и в окружении Петра проявляется и воплощается мысль о прерывистости времени. В обоих случаях аналогична лишь принципиальная трактовка времени — при том, что отношение к прошлому и к будущему совершенно различно.

Противопоставлению старого и нового времени, «рассекаемого» поколениями, в каком-то смысле соответствует противопоставление своего и чужого. Установке на молодое поколение аналогична установка на иностранцев. Для Петра это не нуждается в аргументах.

Но сходным образом ведет себя и Грозный: он позволяет лютеранам завести в Москве церковь, охраняет ее (взыскивая с митрополита за некую причиненную ей обиду), хвалит немецкие обычаи.³⁵ Среди опричников мы видим иностранцев. Они пользуются почетом (Иоганна Таубе русские источники именуют «князь Иван Тув»), назначаются полковыми воеводами, как бы предвосхищая наемных генералов Петра. Грозный доходит до того, что прочит в наследники Магнуса Ливонского. Это намерение царь высказывает Магнусу в присутствии иностранных послов и земской Боярской думы в июне 1570 г. Вот как передает речь Грозного очевидец, находившийся в тот день в свите Магнуса: «Любезный брат, ввиду доверия, питаемого ко мне вами и немецким народом, и преданности моей последнему (ибо сам я немецкого происхождения и саксонской крови), несмотря на то, что я имею двух сыновей, одного семнадцати и другого тринадцати лет, — ваша светлость, когда меня не станет, будет моим наследником и государем моей страны».³⁶ Пусть царь кривил душой и говорил так из расчета, дабы припугнуть старшего сына и окружавших его родственников по матери, покойной Анастасии Романовой, которые составляли самую влиятельную группировку в земской Боярской думе. Но и в этом случае выступление царя в высшей степени красноречиво.

Впрочем, есть сведения, что Грозный действительно предоставлял иноземцам особые льготы. Об этом прямо пишет Г. Штаден, утверждая, что всем им, кроме евреев, дают кормовые деньги и поместья. К этому он присовокупляет: «Раньше некоторым иноземцам великий князь нередко выдавал грамоты в том, что они имеют право не являться на суд по искам русских, хотя бы те и обвиняли их, кроме двух сроков в году: дня Рождества Христова и Петра и Павла. . . Иноземец же имел право хоть каждый день жаловаться на русских».³⁷ Итак, перед коренными жителями иностранцам даны преимущества. Они почти неподсудны, и это вызывает в памяти отношения опричников и земских. В связи с этим можно понять дьяка Ивана Тимофеева, который сетовал на пагубное влияние иноземных авантюристов, наводнивших Русь при Грозном и его преемниках.³⁸

* * *

Из этих аналогий отнюдь не вытекает, будто Петр «повторяет» Грозного, будто их концепции одинаковы. Такой вывод нелеп. Однако аналогии дают пищу для размышлений. Оба государя не удовлетворены культурным статусом и хотят его изменить. Из чего вырастает тяга к перестройке? Есть ли у них общий культурный импульс, который понуждает нарушать традиционную систему нормативов?

³³ Дж. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1914, с. 48.

³⁴ РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стб. 305.

³⁵ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX, с. 401.

³⁶ Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. — ЧОИДР, 1916, кн. 2, отд. II, с. 34.

³⁷ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного, с. 121.

³⁸ РИБ, т. XIII, стб. 263—264.

Весьма важно, что как Иван, так и Петр осознают себя *первыми*. Иван — первый венчаный царь всея Руси, Петр — первый российский император. Так его называют задолго до Ништадтского мира и законодательного принятия этого титула. Петр себя и официально называет Первым, чему на Руси не было прецедента;³⁹ первым он ощущает и называет Ивана, осмысляя его как своего предшественника, «равного среди первых» (см. выше о праздновании дня рождения цесаревны Анны в 1722 г.). В дипломатических грамотах Иван всегда отличает свое «государствие» (от вступления на трон в 1533 г.) от своих «царств» — Российского (считая с венчания в 1547 г.), Казанского (с 1552 г.) и Астраханского (с 1557 г.).

Поскольку они первые, им в национальной традиции опереться не на кого. Поэтому и тот, и другой учатся — учатся быть монархом. Отсюда неизбежные, вынужденные поиски образцов вне этой традиции. Петр поступает самым решительным образом: он прямо едет за границу, чтобы пройти курс наук в европейской школе (впервые в русской истории, если, конечно, не считать Лжедмитрия, государь покидает пределы отечества). Но как обстоит дело с Иваном?

При всем стремлении официальной культуры к единообразию, XVI век — это век споров, полемики, публицистики, — именно потому, что это век учебы. Строго говоря, необходимость учебы была осознана раньше — по крайней мере во второй половине XV в., когда Русь после завоевания османами Балкан и падения Константинополя оказалась последней (наряду с Грузией) независимой частью православного мира. Это вызвало мысль о культурном первенстве Руси, о ее культурной ответственности за византийское и южнославянское наследие: «чтобы свеча не погасла», как выражались в ту пору. Но это одновременно означало и культурное одиночество, породившее множество умозрительных и практических проблем.

До поры до времени (имеем в виду 7000 г. от сотворения мира, т. е. 1492 от Рождества Христова) они нивелировались или смягчались эсхатологическими ожиданиями. Однако и в период ожидания конца света были люди, не мыслившие эсхатологически. Таковы еретики типа Федора Курицына, вероятного автора «Повести о Дракуле».

Повесть — своего рода модель царского поведения. Дракула (он же валахский князь Влад Цепеш) обладает двумя главными качествами. Во-первых, он грозен; во-вторых, справедлив. «И толико ненависть во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупиться от смерти, и толико грозен бысь».⁴⁰ Повесть сочинили в 80-гг. XV в., и модель могла быть рассчитана только на Ивана III (как известно, и его называли Грозным). Можно ли связывать ее с грозным внуком Ивана III?

На наш взгляд, можно. Правда, повесть не сохранилась в списках эпохи Ивана IV. Но ее несомненно знали, и она, по-видимому, была популярна. Об этом свидетельствует русский именовослов, в котором под 1538 г. зафиксирован Дракула Вассиан, инок Волоколамского монастыря.⁴¹ Лета его, конечно, не указаны. Нет резона гадать, когда он получил такое прозвище. Вероятно, это случилось еще до пострига, быть может, в детстве. Но и в 1538 г. и позднее этот монах и люди, его окружавшие, бесспорно имели понятие о персонаже повести.

Какой смысловой ореол окружал в ту пору мирское имя, или прозвище, Дракула? Как его воспринимало русское ухо — как бранное, уни-

³⁹ Кроме статьи Б. А. Успенского (см. примеч. 3) ср. об этом: Н. С. Гурьянов а. Старообрядческие сочинения XIX в. о Петре I — антихристе. — В кн.: Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980, с. 140, 146.

⁴⁰ Повесть о Дракуле. М.—Л., 1964, с. 118.

⁴¹ С. Б. Веселовский. Ономастикон. М., 1974, с. 100.

чижительное, нейтральное или же почетное? Высказываемся за последние оттенки, и вот почему. Оно принадлежит к ряду «литературных» имен русского ономастикона — таких, как Плакида (Плакида Андреевич Мерлин, 1584 г.; Плакида Алексеевич Лопатин, 1600 г.), Китоврас (Иоасаф Китоврасов, рязничий Симонова монастыря, 1569 г. — значит, отец этого человека прозывался Китоврасом; ярославские помещики Китоврасовы, 1568 г.), Уруслан (князь Уруслан Елизарий Иванович Мещерский, 1597 г.), Езоп (дворянин Иван Григорьевич Езопов, 1636 г.).⁴² К этому же ряду относится русское мирское имя Бова. Хотя самые древние великорусские списки «Повести о Бове королевиче» датируются XVII в., но уже в середине XVI в. в Рязани жил некий Бова Семенович Воробин, сын боярский из старинной, но захудалой фамилии Шевлягиных.⁴³ Следовательно, эта повесть проникла в русскую среду несколько раньше, нежели предполагается,⁴⁴ причем вовсе не обязательно в устных версиях. Сонм «литературных» имен XVI в. — это сонм образцовых персонажей, собор героев, богатырей, мудрецов, пусть и небезупречных с церковной точки зрения. Нет никаких оснований полагать, что Дракула среди них — белая ворона. Это прозвище входит также в «исторический» срез ономастикона (см. ниже; кстати говоря, в средневековой культуре, когда художественная фантазия еще не завоевала права на существование, когда вымысел отождествлялся с ложью, трудно провести четкую разграничительную линию между именами историческими и литературными). Контекст «исторического» среза также не позволяет приписывать прозвищу Дракула пейоративный оттенок.

Как известно, в общественном сознании валашский князь достаточно рано стал ассоциироваться с Грозным. Последнему, в частности, был переадресован эпизод повести, в котором идет речь о том, как Дракула повелел прибить гвоздями шапки к головам послов. Уже в начале XVII в. иностранные путешественники, посетившие Россию, вынесли оттуда впечатление, что так поступал с послами Иван IV.⁴⁵ Это впечатление, по-видимому, отражало московские слухи и толки. Актуальность в эпоху Грозного той модели царского поведения, которая была описана в «Повести о Дракуле», подтверждается и публицистикой Ивана Пересветова, пронизанной столь характерной для XVI в. идеей учебы. Его Магмет-салтан тоже грозен («не мощно царства царю без грозы держати»), тоже справедлив: он поборник «правды турецкой». ⁴⁶ Он жесток ради справедливости: «Да по малу времени обыскал царь судей своих, как они судят, и на них довели пред царем злоимство, что они по посулом судят. И царь им в том вины не учинил, только их велел живых одирати. Да рек так: „Естьли они обростут телом опять, оно им и вина отдастся“. И кожи их велел пределати, и велел бумаги набити и писати велел на кожах их: „Без таковыя грозы правды во царство не мощно вести“». ⁴⁷

Принято думать, что при Грозном «Повесть о Дракуле» была под запретом по причине ее оппозиционности.⁴⁸ На чем основано такое умозаключение? Только на том, что до нас не дошли списки повести, относящиеся к эпохе Грозного, хотя есть списки как предшествующего, так и последу-

⁴² Там же, с. 107, 141, 246, 333.

⁴³ Там же, с. 42. Шевлягины — дальние родственники Колычевых, Романовых и Шереметевых.

⁴⁴ См.: В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964, с. 23. Датируя русскую версию повести, В. Д. Кузьмина тоже ссылается на личные имена (Бова, Лукопер), но привлеченные ею материалы относятся к 1590 и более поздним годам.

⁴⁵ Повесть о Дракуле, с. 66, примеч. 20.

⁴⁶ Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, с. 224—232.

⁴⁷ Там же, с. 226. Идеологические параллели между «Повестью о Дракуле», текстами Пересветова и Грозного отмечались неоднократно, но оценивались по-разному, иногда с полярно противоположных позиций.

⁴⁸ Повесть о Дракуле, с. 72 и след.

ющего времени. Лакуна в рукописной традиции действительно наводит на мысль о запрете. Но чем он был вызван в этом конкретном случае? Причиной могла быть не мнимая оппозиционность памятника, а его слишком откровенная официозность. Точно так в 1572 г. власти запретили употреблять в письменной и устной речи слово «опричина», из чего никак не вытекает, что опричина как явление состояла в оппозиции к царю. Быть может, по той же причине от эпохи Ивана IV не дошли и списки сочинений Пересветова — не из-за неугодности этого публициста властям, а из-за неуместной в обстановке опричного террора компрометировавшей правительство официозной прямоты. Власть боялась аллюзий, а не того, что чтение повести и текстов Пересветова подвигнет московского обывателя к бунту.

В истории культуры запреты такого рода — обычное явление. Схожая судьба постигла писания Макиавелли, все без исключения осужденные католической церковью. Они попали в Индекс запрещенных книг и с 50-х гг. XVI в. в Италии не печатались.⁴⁹ Традиция негативного отношения к флорентийскому политику была настолько сильной и длительной, что, когда в XVIII в. Accademia della Crusca предприняла издание словаря итальянского языка, цитаты из Макиавелли давались в нем за подписью «флорентийский секретарь». Этот эвфемизм понадобился издателям потому, что имя человека, перу которого принадлежал «Государь», считалось до неприличия одиозным. Между тем «Государь» оставался явной или тайной библией европейских монархов. На словах они рьяно уличали его автора в злодейских помыслах. Так, Фридрих Великий, будучи еще наследным принцем, написал трактат «Антимакиавелли». На деле они столь же рьяно учились у Макиавелли коварству, жестокости, интригам, полагая, что лишь к этому сводятся заветы и уроки «Государя».

Почему публицисты, создававшие модель поведения для первых русских самодержавных царей, искали образцы на востоке и юго-востоке Европы, в пределах Османской Порты и по соседству с нею? Это в общем понятно. На Руси титул царя издавна применялся к двум государям — к византийскому императору и к хану Золотой Орды. Царями могут называться и преемники последнего — хан казанский, хан астраханский, хан крымский. Узурпатор власти василевса и его фактический наследник турецкий султан тоже имеет право на этот титул. Соответственно Иван Пересветов говорит о турецком царе Магмете. Новоявленному царю всея Руси естественно было обращать взор к Царьграду, хотя бы и завоеванному османами: Москва, как говорил еще в 1492 г. митрополит Зосима, это новый град Константинов, а московский государь (Иван III) — новый Константин.⁵⁰ Мысль о преемственности султанской власти от императорской ощутима и в сочинениях Пересветова.

Оглядка на Восток была исторически неизбежной. Земли распавшейся Золотой Орды стали принадлежать Московскому государству, которое осознавало себя ее преемником. Эта преемственная связь находит выражение в ментальности русского общества, насколько о ней можно судить по тому беспристрастному и безупречному источнику, к которому мы уже обращались, — по именованию XVI в.

При рассмотрении мирских имен, бывших в обиходе боярского и дворянского сословий, бросается в глаза обилие татарских. Любопытно, что их носят открыски чисто русских родов, включая тех, которые выводили свое происхождение с Запада. Вспомним, например, историю фамилии Аксаковых. Это отрасль знатнейших московских бояр Вельяминовых-Воронцовых, о которых Курбский писал, что они — «от немецка языка,

⁴⁹ А. Х. Горфункель. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977, с. 28, 33—34.

⁵⁰ РИБ, т. VI. СПб., 1880, № 118, стб. 799.

а с племени княжат решских». ⁵¹ Скорее всего Курбский имел в виду легендарного родоначальника Вельяминовых-Воронцовых варяга Шимона Африкановича; о нем рассказывает Киево-Печерский патерик. Есть ли тут правда и сколько ее — не важно. Важно другое: эта семья нимало не сомневалась в том, что корни ее — западные. ⁵² Тем интереснее, что, по преданию, основатель рода Аксаковых, живший в середине XV в. Иван Аксак Федорович Вельяминов, получил свое мирское имя в честь знаменитого Темир Аксака, Тамерлана. «Тверская летопись поясняет, почему ордынский хан Темир Аксак назывался Железным Хромцом: „Темир бо зовется железо, аксак зовется хромец половецким языком“. Как и почему Федору Вельяминову пришло в голову назвать своего младшего сына Аксаком, конечно, объяснить невозможно». ⁵³ В объяснении нуждается не ориентация именованного на Орду — это дело обыкновенное, а «расчленение» составного имени. Впрочем, могла отсекаться и первая его часть: среди суздальских детей боярских в 1572 г. прославился Темир Алалыкин, ⁵⁴ который в знаменитом бою у Молодей взял в плен предводителя крымского войска мурзу Дивея.

Что касается мурзы Дивея, то он немедленно попал в русский ономастикон, очевидно, по причине хорошей военной репутации: «... в писцовых книгах Рязанского уезда конца XVI в. мы находим в нескольких семьях молодых людей с прозвищем Дивей». ⁵⁵ Легко сосчитать, что на свет они появились вскоре после сокрушительного поражения крымской конницы под Молодами. К «историческому» ряду принадлежит и мирское имя Мамай. Так звали князя Ивана Мамай Львовича Глинского, родственника Грозного по материнской линии. У Глинских это имя можно считать фамильным, так как они действительно происходят от хана Мамаю. Однако оно употребимо и вне круга семейных преданий: в 1577 г. в Коломне служил Федор Мамай Михайлович Домачнево. ⁵⁶ Оно прижилось в среде гайдамаков и запорожских казаков наряду с именами Буняк ~ Боняк (так звали половецкого хана, упоминаемого в «Повести временных лет») и Батый. Напомним в этой связи об украинских народных картинках «Козак—Мамай», а также о том, что на Украине степные «каменные бабы» назывались «мамаями» — их считали изваяниями удальцов прежних времен. ⁵⁷ Из персонажей, обогативших русский именован, стоит сказать и о турецком полководце Шеремете. В его честь был наречен Андрей Шеремет Константинович Беззубцев-Кошкин (конец XV—начало XVI в.), родоначальник Шереметевых.

⁵¹ РИБ, т. XXXI, стб. 167. «Решские» — это имперские, так как в XVI—XVII вв. словосочетание «немецкие решы» (транслитерация польского «*grzesza niemiecka*») обозначало Священную Римскую империю.

⁵² Ср. упоминания о варяге Шимоне в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова (Собр. соч. в 4-х т., т. 1. М., 1955, с. 77, 256).

⁵³ С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 228.

⁵⁴ С. Б. Веселовский. Ономастикон, с. 12. Мы не будем в данном случае заниматься этимологией фамилии Алалыкиных, не будем разбирать преимущества и недостатки существующих на сей счет гипотез. Одни считают слово «алалыка» (картавий) звукоподражательным, другие — тюркизмом, третьи возводят его к «аллилуя», подобно тому как глагол «куролесить» возводится к «кирие елейсон». Р. Г. Скрынников называет героя битвы 1572 г. не Алалыкиным, но Аталыкиным (Р. Г. Скрынников. Опричный террор. Л., 1969, с. 172). Тогда его фамилия восходит к татарскому «аталык» — дядька, воспитатель, опекун (С. Б. Веселовский. Ономастикон, с. 17).

⁵⁵ С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 228.

⁵⁶ С. Б. Веселовский. Ономастикон, с. 98—99.

⁵⁷ П. Л. А. Белецкий. К вопросу о происхождении названия украинской народной картины «Козак—Мамай». — In: *Slavica*, t. VIII. *Annales Institutii philologiae slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae*. Redigit Endre Iglói. Debrecen, 1968, p. 29—32.

Судя по именованию, в русском обществе той поры западническая ориентация была не в почете и не в обычае. Бесспорно она проявилась только в одном (!) случае, у Кольчевых: Степан Иванович, сын Ивана Лобана Андреевича и отец митрополита Филиппа, получил громкое для балтийских держав прозвище Стенстур (его тезка прославился как регент Швеции в 1473—1503 гг.).⁵⁸ Что касается ономастических заимствований из «Повести о Бове королевиче», то они вряд ли могут трактоваться в западническом плане. В русских версиях памятника связь с Францией, его родиной, была полностью утрачена. У тех жителей Московского государства, которые нарекали своих младенцев Бовой или Лукопером (в 1604 г. некий Лукопер Озеров вез царскую грамоту в Нижний Новгород), не было оснований отождествлять художественное пространство повести с Западной Европой. С этой точки зрения больше всего показательна 3-я редакция повести (по классификации В. Д. Кузьминой). Здесь действие протекает в Арменском, Задонском, Рахленском царствах, рахленского государя зовут Салтаном Салтановичем, гости-корабельщики допытываются у Бовы, христианского он роду или татарского, и т. п.⁵⁹

Ментальность именователя соответствует русской культурной ситуации XVI в. в целом. Один ее полюс — охранительные, консервативные тенденции, сказавшиеся, в частности, в ослаблении литературных контактов с Западом. «Европеизм» Ивана Грозного, впрочем, весьма своеобразный, этим тенденциям не противоречил:⁶⁰ он был исключительно царской прерогативой, не в пример и не в образец подданным.

О другом культурном полюсе можно судить по «Казанской истории», где защитники Казани изображаются чуть ли не в приятных тонах, не как супостаты, а как «наши»: здесь «нарушения этикета простираются до такой степени, что враги Руси молятся православному богу и видят божественные видения».⁶¹ Какова подоплека этих нарушений литературного этикета?

Они не будут резать глаза, если мы вспомним, что на роль рязанского государя Грозный выбрал не рюриковича («Августова роду»), не гедиминовича («Палемонова роду»), но крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, внука хана Большой орды Ахмата и зятя удельного князя И. Ф. Мстиславского; что пресловутый Симеон Бекбулатович еще до крещения, когда его звали Саин Булат, был касимовским царем;⁶² что наряду с Касимовом на московской земле процветали и другие татарские уделы — такие, как Юрьев-Польской, которым в опричные времена правил астраханский царевич Кайбула, как Звенигород (его держателем до смерти в 1565 г. был последний казанский хан Едигер-Симеон Касаевич, а не

⁵⁸ С. Б. Веселовский. Ономастикон, с. 300.

⁵⁹ Текст этой редакции см. в кн.: Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 516—541. Из сказанного ясно, что фамилии тюркского происхождения не обязательно указывают на тюркскую родословную. Так, Куракины ведут свое происхождение от Гедимины. Курака — тюркизм, который встречается у Гедиминовичей как прозвище в XV в. У других Гедиминовичей в том же XV в. появляется прозвище Булгак (от него, в частности, пошли Голицыны). Совершенно необязательно только на этом основании предполагать какие-то кровные узы Гедиминовичей с родом, происходящим из Золотой Орды (ср.: Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979, с. 47—50). Прозвища такого типа, как мы видели, могут быть генеалогически не обусловлены — речь идет, собственно, не о генеалогии, а о культурной ориентации.

⁶⁰ Официальная позиция Грозного была строго ортодоксальной; в полемике с проповедником общины «чешских братьев» Яном Рокитой он выразил ее в форме афоризма: «Яко латына прелесть, тако и вы тьма» (Послание к неизвестному против лютеров. Творение Парфения Уродивого. Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886, с. 26).

⁶¹ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1971, с. 120.

⁶² Касимовское царство было учреждено московскими великими князьями еще в середине XV в. См.: Н. Шихнин. История города Касимова с древнейших времен. 2-е изд. Рязань, 1891.

сколько лет спустя Али Муртаза, сын Кайбулы), как Романов, отданный Грозным ногайским мурзам, в том числе князьям Юсуповым, племянникам хана Большой ногайской орды Исмаила. . .⁶³

Вассалы-мусульмане занимали почетные места в правящем слое. В походы они ходили со своим двором и со своим войском. Их назначали воеводами, отличали и награждали. Крестившись, они роднились с самыми знатными московскими фамилиями. Все это помогает понять, почему автор «Казанской истории» переменил этикетные знаки. Славяне и турки, перемешавшись на восточноевропейской равнине, сумели извлечь урок из многовекового соседства — не всегда мирного, но не всегда и враждебного. Не удивительно поэтому, что, изучая мирские имена XVI в. (хотя бы на первую букву азбуки), мы в исконно русских семьях находим Айдаров, Адашев, Азанчеев, Амиров, Амуратов, Асманов, Атаев, Аталыков, Ахматов, Ахмылов. . .

Именослов есть зеркало общественного настроения. Из картины, отразившейся в этом зеркале, понятно, что обратить взор на восток и юг в поисках монарших образцов было для XVI в. всего лишь естественно. Если Москва в плане культурном — оплот православия, хранительница наследия Византии, балканского славянства, Молдавии и Валахии, то в плане государственном она перенимает бразды правления над восточноевропейской равниной, а вскоре и над Сибирью у поверженной Орды. «Агарянский» и «бусурманский» оттенок этой ориентации не смущал не одни книжные умы, каковыми были Пересветов и автор «Казанской истории»; он не смущал всех вообще русских людей. Так свидетельствует фольклор, в котором великий князь московский Иван Васильевич становится царем только после покорения Казани, и это тот самый случай, когда «после — значит потому»:

И бежал тут велики князь московски
На тое ли высокую гору-ту,
Где стояли царские полаты.

А за гордость царя Симеена,
Что не встретил великова князя,
Он и вынял ясны очи косицами,
Он и взял с него царскую корону,
И снял царскую перфиду,
Он царской костьль в руки принял.
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И с тех пор великая слава.⁶⁴

Так отражена в фольклоре средневековая идея *translatio imperii*. Иван имеет право на царские регалии и отныне — «вольный царь». ⁶⁵

* * *

Но как сам Иван IV относится к монаршему ученью? И от него, и от Курбского мы знаем, что в молодые годы, в блаженной памяти времена избранной рады царь слушается советников, т. е. учится у них. Потом в его мироощущении и поведении происходит разительный поворот. Порвав с радой, царь не устает подчеркивать, что никого не хочет и никого не будет слушаться. Главный его упрек Адашеву, Сильвестру и Курбскому как раз и состоит в том, что они «восхищали учительский сан». ⁶⁶ Это посто-

⁶³ См.: Р. Г. Скрынников. Опричный террор, с. 210—214.

⁶⁴ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977, с. 152.

⁶⁵ См.: там же, с. 27, 32, 70.

⁶⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 19. К этим словам Грозного следует отнести особенно внимательно, так как учительский сан на Руси

янный до назойливости мотив первого послания беглому сподвижнику — следовательно, это мотив ключевой. Быть может, Грозный намеревается брать уроки в школе истории? Ничуть не бывало. Если он к ней прибегает, то лишь затем, дабы найти опору и оправдание своей позиции автаркии царя. Деяния преждебывших государей, ветхозаветных, византийских и других, нужны ему для одной цели — подчеркнуть, что те цари, которые были «послушны епархом и сигклитом. . . в погибель приидоша». ⁶⁷ Зато те, кто не давал голоса советчикам, победили всех врагов и прославились. Подражания заслуживает только такая традиция — «обычай» никого не слушаться и ни у кого из людей не учиться.

Из этого проще всего сделать вывод, что Иван IV исповедует идею неограниченного самодержавия, что он тиран, руководствующийся необузданной, большой фантазией, что он потакает своим страстям и прихотям, что он ориентируется на одного себя. Такой вывод обычно и делается. Он справедлив, но недостаточен, ибо опять-таки уводит дело из истории и культуры в психологию и психопатологию. Между тем наряду с эмоциями у Ивана есть логика — жестокая, но почти безукоризненная. У Ивана есть учителя, образцы, ориентиры. Эти ориентиры — бог и архангел Михаил.

На Руси XVI в. живо интересовались византийской по происхождению идеей, согласно которой бог — это «царь небесный», а царь — «земной бог». В послании к молодому Ивану ее пространно изложил Максим Грек. ⁶⁸ Говоря о тех, кто «благоверно царствует на земли, уподобляясь небесному владыке», он пишет: «Сия началствующих богу подобных соделовают (т. е. цари подобны богу, — А. П., Б. У.) и державу их не точию утверждают и во глубочесте мире и тишине всегда сохраняют, но еще и преславнейшими победами украшают и прославляют их». От подобия совершается естественный переход к подражанию, к основополагающему принципу средневековой культуры, философскому и поведенческому.

«Многим убо и различным сущим в человецех художеством и хитростям и вельможным саном, кождо человеков безпрестани печется и всею душею тщится достигнути край конец, егоже желает, художества или хитрости или вельможнаго сана, аки на образ некий, на возсиявших древле в неких сих взирая; тебе же, благовернейшему и всехвальному самодержцу всея Руси, емуже уверена суть от самого вышняго скипетра царства преславнаго, и на кий ин образ взирати подобает всегда, а не точию в самого царствующаго на небесех. . . , иже един есть страшен и всемогущ». Отсюда закономерно вытекает, что царь — образ божий. «Царь. . . ни что же ино есть, разве образ живой и видимъ, сиречь одушевлен, самого царя небеснаго, якоже рече некий от еллинских философов к некоему царю, сие глаголя:

обозначал претензию на духовные полномочия. Когда в 1640-х гг. в Москву приехал грек Венедикт, то его отослали обратно в Константинополь, потому что он кичился своим учительством, называя себя учителем, не имея на то достаточных оснований. В послании русского правительства, которое сопровождало высылку Венедикта, говорится, что учителям «достойно от иных таковая похвала приимати, а от своих уст токмо единому мудрых Исправителю и всякому делу Хитрецу, всемогущему богу несложная похвала приносити, — се есть корень христианскому любомудрию и не зазорный учительский сан. . . При патриархе ж меньшему от него в чину не достоин учителем нарицаться. . . Укоряя же господь наш книжников и фарисеев. . . глаголаше: любят же прежде возлегания на вечерех и прежде седания на сонмишах и зватися от человек: учителю, учителю! Но учеником же, научая их, господь наш глаголаше: вы ж не нарицайтесь учителя, един бо есть учитель ваш Христос» (цит. по: Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885, с. 484—485, примеч.). В этой перспективе всякое учение сводится к вероучению: отсюда звание «учителя», «учительский сан» предполагает, так сказать, санкцию свыше, духовные полномочия. Тот, кто называет себя учителем либо учит, не имея такой санкции и таких полномочий, — тот самозванец. В этом, в сущности, и обвиняет Грозный Адашева, Сильвестра и Курбского.

⁶⁷ Там же, с. 23.

⁶⁸ Максим Грек. Сочинения, ч. II. Казань, 1860, с. 346—348.

царству уверен быв, буди тому достоин, царь бо божий есть образ одушевлен, сиречь жив».

Наставления учнейшего Максима Святогорца согласуются с высказываниями людей совсем другого круга. Гораздо позже опричник Васюк Грязной писал царю нечто подобное: «Ты, государь, аки бог, и мала и велика чинишь». ⁶⁹ Это, конечно, слова пустого бахвала, застольного шута, человека «исторического» в ноздревском духе. Но они тем более показательны: значит, мысль о «земном боге» стала расхожей, перешла в общее пользование. Это подтверждает П. Одерборн, который в памфлете на Грозного (1585 г.) замечает, что при жизни царь — земной бог, император и папа для своих подданных («Bey seinem Leben hielten in sein Unterthanen nicht allein für einen irrdischen Gott, sondern auch für iren Kayser und Papst»). ⁷⁰ Это подтверждает также Исаак Масса (1612 г.): москвиты, по его сведениям, считают царя «почти земным богом». ⁷¹

Итак, идея дана, место царя в мировом порядке определено. Его власть — от бога, поэтому он не несет ответственности перед людьми; учеба у них ему противопоказана. Только божество может предложить ему модель поведения. Идея дана, но из нее каждый волен выводить различные следствия, поскольку различны облики бога, из которых состоит христианская Троица. Иван IV отдает предпочтение богу грозному и наказующему, т. е. Саваофу, богу-отцу (возможно, какую-то роль играет здесь «отцовство» монарха по отношению к подданным: они — «детушки», а он для них «царь-батюшка»). Саваоф — это Закон, неумолимый и карающий, и на земле его воплощает государь. В такой концепции нет религиозного вольнодумства, поскольку Иван, во-первых, сознает, что как человек, как лицо — он червь перед богом; во-вторых, он не принижает Благодать, не забывает о непамятозлобии, прощении врагов и т. п.

Но это не царская, а церковная прерогатива, право и обязанность архипастыря: «И аще убо царю се прилично, иже биющему в ланиту обратити другую?.. Како же царство управити, аще сам без чести будет? Святителем же сие прилично. По сему разумей разньства святительству с царством». ⁷² В сознании Ивана IV сфера государственная и сфера церковная разграничены четко и строго, прямо как в «Домострое» Сильвестра. О том, что слова царя — не пустые слова, не притворство, говорит хотя бы история возведения на митрополичий престол Филиппа Колычева. Она нелепа, если взглянуть на нее с позиции тирана, с точки зрения его интересов, его пользы. Для чего в самом деле силой понуждать на митрополию человека нравственного, чрезвычайно популярного, по натуре независимого — и потому крайне неудобного? (Это «неудобство» и предопределило трагическую судьбу Филиппа). Вряд ли здесь имела место политическая близорукость, скорее наивная, но принципиальная приверженность порядку. Иван по природе и воспитанию был консервативен, он стоял за порядок, он искал в митрополиты «лучшего», а не марионетку, не думая о том, что собственноручно создает неизбежный конфликт «царства и святительства».

Одновременно с богом образцом для царя может служить и Михаил Архангел. Это не только московская традиция (еще Иван Калита выстроил в Кремле первый Архангельский каменный собор; именно Архангельский собор — усыпальница великих князей и потом царей, в том числе царя

⁶⁹ Цит. по: П. С а д и к о в. Царь и опричник. (Иван Грозный, В. Гр. Грязной и их переписка 1574—1576 гг.). — В кн.: «Века». Исторический сборник, т. I. Пг., 1924, с. 75.

⁷⁰ P. O d e r b o r n. Wunderbare, erschreckliche, unerhörte Geschichte und wahrhafte Historien... Görlitz, 1588, f. d/3.

⁷¹ Цит. по: М. П. А л е к с е е в. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии, т. I. XIII—XVII вв. Иркутск, 1932, с. 252.

⁷² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 24.

Ивана). Это и традиция вселенская: «Моисею предстатель бысть Михаил Архаггел, Иисусу Навгину и всему Израилю; та же во благочестие новой благодати первому христианскому царю, Константину, невидимо предстатель Михаил Архаггел пред полком хождаше и вся враги его побеждаше, и отголе даже и донныне всем благочестивым царем пособствует». ⁷³ Эрудиция Ивана IV в данном случае безупречна. Михаил — это воитель и архистратиг, великий князь небесных сил и державный царственный ангел, «ангел истории». ⁷⁴

С мечом явился он Иисусу Навину; в Апокалипсисе он низверг сатану, «древнего змия»; с императором Константином он вступил в воинский союз. Эти функции приписывались св. Михаилу и в западном христианстве. ⁷⁵ В каролингскую эпоху он воспринимается как патрон императоров — и Карла Великого, и в особенности Оттона III («императором» латинские апологеты называли и самого Михаила). В облике европейского рыцаря он предстал в видениях Жанне д'Арк, с его именем она сражалась с англичанами. Когда во Франции восторжествовала королевская власть, Людовик XI учредил рыцарский орден св. Михаила. Позднее в Испании был орден «Михайлова крыла».

Как известно, Иван IV сочинил «Канон Ангелу Грозному Воеводе», обращенный к Михаилу Архистратигу. ⁷⁶ Здесь упор сделан лишь на одной его функции — функции «смертного ангела», который огненным трезубцем исторгает душу человека, затем ведет ее по двадцати мытарствам. Д. С. Лихачев совершенно прав, когда в исследовании канона пишет, что сочинить его побудили царя Ивана большая совесть и панический страх смерти. Впрочем, автор канона вполне ортодоксален и не проявляет поползновений к религиозному вольномыслию. «Возвести ми конец мой, да покаюся дел своих злых, да отрину от себе бремя греховное. . . Егда придет время твоего прихода, святыи ангеле, по мене грешнаго. . . разлучити мою душу от убогаго ми телеси, — вниди с тихостию, да с радостию усражди тя честно». Эти императивы точно согласуются с обиходными представлениями о «смертном ангеле» Михаиле, насколько мы можем судить о них по «Измарагду» — настольной книге русских людей XVI в. О св. Михаиле идет речь в «Слове 158-м о некоем мнисе». ⁷⁷

Трудно умирает нераскаянный грешник: «страшный. . . муж устреми трезубец огнен в сердце его, на мног час муча его, исторже душу его с нужею». Кончина праведника подобна отходу ко сну, это «успение». Архангел Михаил одесную и архангел Гавриил ошую ожидают разлучения тела и души, ибо «повелено есть. . . от Владыки не с нужею пояти ю». Душа медлит, архангелы спешат, и тогда бог посылает Давида с гуслями и сонм райских жителей. «И начаша пети красныя пения. Се же слышавши душа от радости изыде из тела и прииде на руже к Михаилу». Такой легкой смерти просил себе царь Иван.

Кроме канона он составил также «Молитву Иисусу Христу и архангелу Михаилу». В ней царь просит воеводу небесных сил: «Соблюди раба божия в бедах и в скорбех и в печалех, на распутях, на реках, и в пустынях, в ратех, в царех, и в князех, в вельможах, и в людех, и во всякой власти, и от всякой притчи, и от диявола. . . Соблюди. . . от очию злых

⁷³ Там же, с. 36.

⁷⁴ См.: W. L u e k e n. Michael. Eine Darstellung und Vergleichung der jüdischen und der morgenländisch—christlichen Tradition vom Erzengel Michael. Göttingen, 1898.

⁷⁵ См.: О. А. Д о б и а ш - Р о ж д е с т в е н с к а я. Кулыт св. Михаила в латинском средневековье V—XIII века. Пг., 1917 (гектографированное издание).

⁷⁶ См.: Д. С. Л и х а ч е в. Канон и молитва Ангелу Грозному Воеводе Парфения Уродливого (Ивана Грозного). — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 10—27 (канон и молитва цитируются далее без ссылок по этому изданию). Ср.: Ф. Г. С п а с с к и й. Русское литургическое творчество. Париж, 1951, с. 225.

⁷⁷ Измарагд. М., 1912, л. 95 об.—96 (второй фоллиации).

человек и от напрасной смерти и от всякого зла». Здесь отразились, по-видимому, кое-какие личные черты Ивана IV, в частности боязнь глаза и порчи («притчи»). Он был суеверным человеком, и об этом мы знаем из многих источников. Но нас интересует сам Михаил Архангел, прежде всего как «учитель» самодержца, как образец монаршего поведения. В этом аспекте канон и молитва мало что дают и без опоры на широкий историко-культурный контекст непонятны.

Для Ивана небесный патрон царей — «предстатель престолу божию и творитель воли господни и совершитель заповедей его». Это своего рода заместитель бога и его двойник, на что указывает значение имени Михаил — «кто, яко бог». Если св. Михаил — предстатель бога на небе, то царь, в том числе царь всея Руси, — на земле. Все трое, так сказать, изоморфны друг другу. В чем же в конце концов заключается подобие Михаила Архистратига и царя Ивана IV? В том, что оба они — «грозные», и недаром в каноне этот эпитет употреблен двенадцать раз! Что он означает?

Установлено, что в приложении к царю эпитет «грозный» не имел отрицательного оттенка.⁷⁸ Он связан не с идеей тирании, а с идеей величия (*majestas*). «Достоит царю грозно быти», — говорится в «Валаамской беседе»,⁷⁹ и эти слова нельзя толковать как призыв править круто и безжалостно. Дело не только в том, что в памятнике прямо говорится о необходимости царского милосердия: «Милостивый человек есть царь, милость показа свою к миру, уподобися милостивому богу» (с. 179). Дело в контексте: эпитет «грозный» и существительное «гроза» появляются там, где речь идет о порядке в государстве, об обязанности монарха «исправляти и здержати» (с. 166, 182) города и веси, «уоставити» (с. 174, 188) определенные правила поведения в монастырях и в миру. Поэтому и возможны мнимые оксюмороны типа «царская смиренная гроза» (с. 174) и «царьская смиренная и всегодная гроза» (с. 192). Поэтому в фольклоре встречаются «оксюморонные» сцены, когда Иван IV весел, радостен, милостив — и одновременно грозен.⁸⁰

«Грозный царь имярек» — это просто-напросто титулярная формула, которая означала самодержавного государя и получила хождение после того, как Русь объединилась и пересилила наконец Орду (Ивана III, несколько предвзято ход вещей, уже называли царем и Грозным). В устной поэзии (у того же Кирши Данилова) эта формула дожила до эпохи Петра:

Еще будет атаман в каменной Москве,
Поклонился государю о праву руку,
Сквозь слезы он словечко едва выговорил:
«Ах ты, свет наш, надежда, благоверны царь,
А и грозен сударь, Петр Алексеевич! . . .»

Более того: эпитет «грозный», по-видимому, вызывал сакральные ассоциации. Этот эпитет связывался с «правдой» (между прочим, в «Повести о Дракуле» и у Пересветова!),⁸¹ т. е. с идеей божественного порядка и божественной справедливости, а тем самым — и с возможностью судить и наказывать за отступление от правды. Соответственно эпитет прилагается к царю, поскольку царь уподобляется божеству, понимается как образ бога на земле (см. выше). Наименование «грозным» Ивана IV явно свя-

⁷⁸ См.: M. Szeftel. The Epithet *Groznyj* in Historical Perspective. — In: Russia and Orthodoxy. Essays in Honor of Georges Florovsky, vol. II: The Religious World of Russian Culture, ed. by Andrew Blane. The Hague—Paris, 1968, p. 101—115.

⁷⁹ Цит. по: Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.—Л., 1958, с. 166, 182 (комментарии Г. Н. Моисеевой к понятию «грозный царь» см. на с. 105). Ссылки на это издание даются далее в тексте.

⁸⁰ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, с. 70—71.

⁸¹ См.: M. Szeftel. The Epithet *Groznyj* in Historical Perspective, p. 104—105, 107.

зано с официальным принятием им царского титула, с венчанием на царство (сказанному не противоречит то, что «грозным» в свое время могли называть также Ивана III — ведь его уже величали «царем!»).⁸² Одновременно эпитет «грозный» связывает царя с «грозным воеводой небесных сил», носителем божьей воли — архангелом Михаилом.

Эпитет «грозный» применительно к царю связан с представлением о «царской грозе»: «грозный царь» — тот, от кого исходит «царская гроза». «Царская гроза» в свою очередь вызывает сакральные ассоциации с «божьей грозой»; ср. ту же «Валаамскую беседу», где есть красноречивое выражение «царева небесная гроза» (с. 174). Гроза как таковая с точки зрения русского человека той поры — божье наказание. В те времена полагали, что тот, кого убило молнией, сподобился благодати и непременно попадет в царство небесное. Дело доходило до того, что погибших от грозы причисляли к лику святых. Такова судьба крестьянского отрока с Пинеги Артемия, почти ровесника Ивана IV.

«Лета 7041 (1533) родися святыи праведный Артемий, юж бе на Пинеги верколский чюдотворец, отец у него Козьма рекомый Малый, мати Полинария. И бысь Артемий 12 лет, и делая у отца труды своими землю оря и боронити нача, и божиим судом взоиде туча и гром страшный, и молния и гром гряну страшный, Артемий же ужасеся от того страшнаго грома и предасть душу свою господеви. Тело ж его положено на пусте месте одаль церкви, иж бе под сосной, и мощи его святыя обретены по преставлении его [в] 33 летех. Лета 7085 (1577) обретение честных мощей святаго преподобнаго страсотерпца Артемия, верколского чюдотворца».⁸³

И позднее в народном быту сохранялось убеждение, что нельзя противиться «божьей грозе»⁸⁴ и нельзя роптать на нее. Грешно пытаться спасти людей или постройки, в которые ударила молния, потому что молния и гром — божья воля, даже божья милость, особая благодатная отметина. «Бог посетил!» — вот обычная реакция русского человека на случившуюся с ним беду.

В логике Ивана IV отсюда вытекает, что главная обязанность монарха — карать зло, поражать подобно грозе. В этом убеждении царя укреплял образ Ангела Грозного Воеводы, как он рисовался средневековому религиозному сознанию. В восточно-христианских легендах (перешедших и на латинский Запад) о приближении св. Михаила возвещает удар грома. «Светлое и мрачное чередуется в нем. В нем надежда и угроза. С ним опасно шутить, его нельзя безнаказанно увидеть. С другими святыми легче иметь дело. Его можно ждать в виде пожара с неба, урагана с гор, в виде водяного столба в море. . . Он почти на границе добра и зла. Борясь за добро, он часто бывает яростен; иногда он бесцельно жесток. Он карает, убивает, сечет розгами, уносит смерчем, ударяет молнией. Это гневный Бог и святой Сатана. Его больше боятся и чтут, чем любят. Элемент добродушия почти отсутствует в его легенде».⁸⁵ Эта характеристика, если закрыть

⁸² Великого князя Тверского и Владимирского Дмитрия Михайловича (1299—1325) называли «Грозные Очи». Это скорее всего переключка с иконой «Спас Ярое Око» (Спасский собор был патрональным храмом Твери), а не отголосок славной репутации этого князя, который, «мстя кровь отчу», убил в Орде Юрия Московского и сам был изрублен. Прозвание «Грозные Очи» носил и ярославский князь Василий Давидович (1321—1345). В этих прозвищах — несколько иные коннотации, однако и они обнаруживают сакральный характер.

⁸³ А. И. К о п а н е в. Пинежский летописец XVII в. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома, с. 75. Ср.: Л. А. Д м и т р и е в. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 249—261.

⁸⁴ В «Полтаве» о Петре I сказано: «Он весь как божия гроза» (А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. IV. М.—Л., 1957, с. 296). Это значит, что Петр сражается за правое дело, что он непобедим, что противостоять ему бесполезно.

⁸⁵ О. А. Д о б и а ш - Р о ж д е с т в е н с к а я. Культ св. Михаила в латинском средневековье V—XIII века, с. 392.

глаза на трансцендентные мотивы, вполне приложима к царю Ивану, прилежному ученику небесного наставника.

Согласно православной доктрине все люди грешны. Человек как отдельное лицо не в силах избыть греха, ибо природа человека греховна. Поэтому бог (или архангел Михаил — «Кто, яко бог») может карать без видимой вины: наказуется общее зло мира, а не каждое конкретное проявление зла. «Аки бог» ведет себя Иван IV, обрушивая царскую грозу на все общество. Он громит Новгород, Тверь, собирается громить Псков — и даже Москву! Когда 25 июля 1570 г. царь решил устроить на Поганой луже в Китай-городе публичную казнь последних «изменников» по повгородскому делу, среди земского населения столицы поднялась паника. Лавки закрылись, улицы опустели, все попрятались по домам. Иван успокаивал народ, говоря, что, правда, в душе у него было намерение погубить всех жителей города, но он сложил уже с них свой гнев». ⁸⁶

Коль скоро главная функция царя — наказание, то пролитие крови его не страшит. Кровь не будет вменена ему в вину. Иван уверял в этом Курбского, ссылаясь на исторические примеры: «Вспомяни же и в царех великого Константина: како, царствия ради, сына своего, рожденного от себе, убил еси! И князь Федор Ростиславичь, прародитель ваш, в Смоленце на Пасху колики крови пролиал еси! И во святых причитаются!» ⁸⁷ Выходит, что Иван Грозный одобрил императора Константина Великого, который в 326 г. казнил своего сына Криспа (ведь это простилось равноапостольному св. Константину). Тем самым Грозный как бы запрограммировал сыноубийство за 17 лет до смерти царевича Ивана Ивановича.

Так Иван Грозный «сам для себя стал святыней и в помыслах своих создал целое богословие политического самообожания в виде ученой теории своей царской власти». ⁸⁸ Это «политическое богословие» предусматривает, что грешно сопротивляться царской каре, грешно «ненавидеть наказание». Более того, царский гнев, равно как гнев божий, — некое отличие, неприятие которого является делом безумным и кощунственным. Иван осуждает Курбского за то, что последний уклонился от царского гнева, а значит восстал и против бога: «Ты же, тела ради, душу погубил еси, и, славы ради мимотекущая, нетленную славу презрел еси и, на человека възьярився, на бога возстал еси. . . Аще праведен и благочестив еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже несть смерть, но приобретение? . . . Се бо еси воля господня — еже, благое творяще, пострадати. И аще праведен еси и благочестив, про что не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити?» ⁸⁹

Курбский, уличавший царя в «небытной ереси», сам с точки зрения Грозного оказывается еретиком, вероотступником, поправшим основные христианские догматы. Царь направляет послание человеку, «отступшему божественнаго иконнаго поклонения и поправшему вся священная повеления». ⁹⁰ Обвиняя Курбского в иконоборчестве, Грозный, возможно, имеет в виду ересь вообще (напомним, что в неделю православия церковь анафематствует иконоборцев и наряду с ними всех и всяческих еретиков, так что иконоборцы символизировали все ереси). Но допустимо и другое объяснение. Курбский восстает против монарха, который олицетворяет бога, есть «образ живой и видимь, сиречь одушевлен, самого царя небеснаго». Тем самым царьборец Курбский оказывается иконоборцем. Грех Курбского в глазах Ивана не в том, что князь бежал за рубеж, а в том, что он бежал от царского гнева.

⁸⁶ А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934, с. 46; ср.: Р. Г. Скрынников. Опричный террор, с. 92.

⁸⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 19.

⁸⁸ В. О. Ключевский. Соч. в 8-ми т., т. II. М., 1957, с. 196.

⁸⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 14.

⁹⁰ Там же, с. 13 (ср. с. 15).

Перенесение божественных прерогатив на царя определяет не только концепцию «грозы» и «правды», не только концепцию наказания, но и карательную практику в эпоху Ивана IV. Курбский часто называет опричников «кромешниками» и вкладывает в уста митрополита Филиппа следующие обращения к царю слова: «Аще обещаешься покаяться о своих гресех и отнати от себя оный полк сатанинский, собранный тобою на пагубу христианскую, сиречь кромешников, або апришницов нарицаемых, аз благословлю тя и прощу, и на престол мой. . . возвращуся».⁹¹ Комментарием к этой инвективе могут служить рассуждения С. Б. Веселовского: «Слова *опричь* и *кромешники* синонимичны. По тогдашним представлениям о потустороннем мире, „царство божие“ было царством вечного света, за пределами, *опричь*, кроме которого находилось царство вечного мрака, „царство сатаны“. . . Выражения *кромешный* и *кромешник*, образованные по аналогии со словами *опричь*, *опричный* и *опричник*, были не только игрой словами, но одновременно клеймили опричников как исчадие ада, как слуг сатаны. И Курбский во многих местах своих писаний называет приверженцев и слуг царя Ивана, и в частности опричников, „полком сатанинским“, из чего вытекало, или подразумевалось, что царь Иван уподоблялся сатане».⁹²

Совсем не обязательно думать, что название опричнины возникло по традиции⁹³ и по недосмотру, что учредителям этого института не пришла в голову столь очевидная ассоциация со словом «кромешник — бес». Грозный с его недюжинным чувством стиля, быть может, как раз хотел подчеркнуть и сделать прозрачной эту ассоциацию: если царь подобен богу, то опричники подобны бесам. Именно этим, кстати, объясняется отношение Грозного к опричным архиереям как ряженным, не настоящим (см. выше).

Явно не без умысла Иван придал опричникам «тьмообразные», т. е. адские, черты: «Вся от главы и до ног в черное одеяние облек, сообразны же одеждам их и коня им своя имети повеле; по всему воя своя вся яко бесподобны слуги сотвори».⁹⁴ Одна из главных примет опричника — метла. Какова семантика этого атрибута? Она отсылает к идеям наказания и очищения. «Выметание» — типичный и устойчивый жест юродивых. Во времена Герберштейна, когда Шемячич еще претендовал на великое княжение, один юродивый «выметал» Москву: «Империя государя еще не совсем очищена, а теперь настает удобное время для метения, когда следует выбросить всякую нечисть».⁹⁵ Этот жест сохранялся в языке юродивых на протяжении нескольких столетий: в конце 1666 или в начале 1667 г. некий «похаб», обитавший в Соловецком монастыре, «вымел» оттуда дьякона Игнатия, так что этот деятель раннего старообрядчества избежал печальной участи взбунтовавшихся соловецких иноков. После казни Пугачева появляются самозванцы, которых именуют «Метелкиными»,

⁹¹ РИБ, т. XXXI, стб. 316.

⁹² С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, с. 14. Опричник, видимо, этимологически связан с украинским «опришок», разбойник (разбойники всегда живут в колдовской сфере, их атрибуты — оборотничество, клады, заговоренные пули). Вероятна также связь опричников с янычарами, о которых писал Пересветов. Янычары буквально означают «новая армия» (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, с. 558). Во всяком случае, ассоциация опричников с янычарами была совершенно очевидной для современников Грозного — об этом пишет, например, Александр Гваньини в своем сочинении о Московии (Alexander Gwagninus Veronensis. Sarmatiae Europaeae descriptio. . . [Scacovia], 1578, f. 2 г.).

⁹³ Как известно, это термин еще удельного времени. Так, в частности, назывались владения, выделявшиеся в полную собственность овдовевшим князьям.

⁹⁴ РИБ, т. XIII, стб. 272.

⁹⁵ С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 110; ср.: И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в., с. 150.

«Метелками», «Заметайлами», «Заметаевыми» и т. п.⁹⁶ Предводительница восстания однодворцев в Ливенском уезде (1776 г.) говорила одному из таких бунтовщиков-последышей: «Слышала я, что после Пугачева будет Метелка, так не ты ли оный Метелкин, потому что ты воюешь как Иван Воин?»⁹⁷ Много лет спустя, при Николае I, среди крестьян ходили слухи, что «Пугачев погубал господ, а Метелкин пометет их».⁹⁸ Эти слухи держались до тех пор, пока самозванство как форма народного протеста не отжило свой век, — вплоть до реформ 1860-х гг.⁹⁹ Итак, метла связывается с очищением, наказанием, доблестью, победой. Пугачев (т. е. царь) только пугает, а Метелкин карает.¹⁰⁰

Одновременно метла и веник играют заметную роль в языческих по происхождению обрядах, что может обуславливать восприятие этого атрибута как признака бесовского облачения. Вспомним в этой связи, что опричники демонстративно «выметали» митрополита Филиппа Колычева из Успенского собора.

Доктрина наказания, как она сложилась в «политическом богословии» Грозного, в сущности проста. Ее можно выразить с помощью параллелизма: на том свете наказание определяет бог, а осуществляют сатана и бесы; на этом свете опалу налагает царь, а карательной практикой занимаются опричники-крошечники во главе с Малютой. Если принять первую из параллельных фраз за большую посылку силлогизма, то вторая будет его заключением. Чем надлежит занять вакантное место малой посылки?

На это место подходит фундаментальный для средневековой культуры принцип эха, согласно которому человеческое бытие в целом и в частных его проявлениях трактуется как некая проекция вечности и некая функция истории. Древнерусский человек ощущал себя «образом и подобием» преждебывших персонажей мировой и отечественной истории. Каждый не за страх, а за совесть стремился повторить чей-то уже пройденный путь, сознательно играл уже сыгранную или расписанную роль — подобно тому как Иван IV, «дублер» Саваофа и св. Михаила, предстательствовал за них на земле. В противовес ренессансной и постренессансной культуре с ее аполгией новизны в средние века жизненная установка на повторение и подражание была общепринятой ценностью.

Принцип эха в той или иной мере проявляется и в сфере наказаний — и практически, и умозрительно. Напомним, что даже по «Уложению» 1649 г. возмездие было зеркальным отражением преступления. За поджог сжигали, за смертоубийство рубили голову («кровь за кровь»), за чеканку фальшивой монеты заливали горло расплавленным свинцом. Этот принцип знают не только юридические памятники, он отразился в беллетристике и в фольклоре.

В «Повести о Шемякином суде» он стал объектом пародии (приговоры пресловутого Шемяки суть комические перевертыши невольных «злодейств» героя-бедняка). Пародию нельзя понять и оценить, если не знаешь, что именно пародируется. Поэтому тот слой пародийных текстов, к которому принадлежит «Повесть о Шемякином суде», осмеивает самые обиходные схемы и ситуации — челобитную, послание, церковную службу, и т. д. Следовательно, принцип эха был обиходным и в судебной практике, воспринимался как одна из культурных аксиом.

Это подтверждается тем, что в фольклоре он дожил буквально до наших дней. В полесских экспедициях 1975 и 1977 гг. записаны такие рас-

⁹⁶ См.: К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 176—179.

⁹⁷ Там же, с. 177.

⁹⁸ Там же, с. 178.

⁹⁹ Д. Л. Мордovцев. Собр. соч., т. XVIII. СПб., 1904, с. 190.

¹⁰⁰ В европейских брошюрах и летучих листах 1560-х гг. Ивана Грозного тоже называли «божьей метлой». См., например: Noviny hrozné, strašlivé i žalostivé. . . U Sebestyána Oksa z Kólovsí. Praha. 1563, л. 3; цит. по единственному сохранившемуся экземпляру ГПБ, 13.1К.2.616.

сказы об адских муках: «За одной дверью мучались женщины рвотой молоком — это те ведьмы, что молоко у коров отнимали; за другой крутили солому — это те, что заломы на полях делали; за третьей женщины месили кровавое мясо — те, что умертвили детей во чреве».¹⁰¹ Так в народной фантазии (в данном случае устный жанр «обмирания» вполне совпадает с духовными стихами) миметически-прямолинейно воплощается мысль о воздаянии каждому по его делам.

Конечно, это поздний материал, и было бы опрометчиво пользоваться им для реставрации «политического богословия» Грозного. Однако обращение к апокрифам,¹⁰² в частности к «Видению апостола Павла» и «Откровению мук тяжких. . . чрез архангела Михаила пресвятой богородице», не оставляет сомнений в том, что принцип эха всегда играл первостепенную роль в картинах адских мучений. Так, наказание часто изображается как эхо профессии: на ткачах пылает одежда, бесы пихают им в рот клубки, а из глаз прядут нитки; скорнякам приходится глотать кожу и шерсть, страдать от кипящей золы, которую льют на их лица; судьи-кровопийцы сидят в кровавом озере, поглощают мертвую кровь и гадов; грешных кузнецов бьют молотами; пьяниц, которые, как известно, «царства божия не наследят», черти заставляют глотать смолу, песок, порох. . .

С ортодоксальной точки зрения все эти картины надлежит считать вольнодумством: на вопросы о загробной жизни церковь не давала подробных ответов, ограничиваясь самыми общими наставлениями, свободными от детализации. Но древнерусский человек получал и ортодоксальное, каноническое, и апокрифическое воспитание. В этом отношении Грозный был сыном своего века — достаточно вспомнить ту фразу из первого послания Курбскому, в которой автор говорит о «злолукавом праве» людей, «зекры очи имущих».¹⁰³ Конечно, могут быть разные мнения о том, откуда идет это предубеждение, этот страх перед людьми с голубыми глазами — то ли из отреченных «Аристотелевых врат»,¹⁰⁴ то ли из устной традиции. Апокрифическое воспитание приобретает не только посредством чтения отреченных книг, но и по слухам: апокрифические идеи всегда усваиваются устной культурой.¹⁰⁵

«Аз же исповедаю и вем, яко не токмо тамо мучения, и же зле живущим и преступающим заповеди божия, но и здесь праведнаго божия гнева, по своим злым делом, чашу ярости господня испивают и многообразными наказаниями мучатся, по отшествии же света сего, горчайшее осуждение приемлюще, ожидающе праведнаго судища Спасова, по осуждении же безконечная мучения приемлют».¹⁰⁶ Грозный убежден («исповедаю и вем»), что до мучений «там», в пекле, грешников надлежит подвергнуть многообразным наказаниям «здесь», на земле. Он так и поступает, причем в карательной практике прямо ориентируется на представления о Страшном суде. Буквально каждое из опричных и царских злодеяний находит аналогию в апокрифах — и «составные муки огненные», и травля медведями

¹⁰¹ Н. И. и С. М. Толстые. О жанре «обмирания» (посещения того света). — В кн.: Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979, с. 63.

¹⁰² См.: Н. С. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы, т. II, СПб., 1863; Л. Шепелевич. Апокрифическое «Видение св. Павла», ч. I—II. Харьков, 1891; И. Франко. Апокрифи і легенди в українських рукописів, т. IV. Львів, 1906.

¹⁰³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 43.

¹⁰⁴ См.: там же, с. 401.

¹⁰⁵ Еще один источник представлений об адских мучениях — иконопись и стенопись (см.: Н. В. Покровский. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства. — В кн.: Труды VI Археологического съезда в Одессе, т. III. Одесса, 1887, с. 324). Чем позднее икона, тем разнообразнее и детальнее картины мучений (ср. хотя бы две иконы новгородской школы на сюжет Страшного суда — Третьяковской галереи, № 12874, середины XV в. и Киевского музея русского искусства, № Ж-4, XVI в.).

¹⁰⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 39.

и псами, и пресловутая сковорода. . . Апокрифы дают возможность пояснить один из связанных с новгородским погромом эпизодов, который не вполне понятен историкам.

«По словам новгородского летописца, на волховском мосту был устроен всекий помост, с которого бросали в реку связанных по рукам и ногам женщин и детей. Опричники будто бы разъезжали по реке в лодках и с помощью рогатин и топором топили тех, кому удавалось всплыть. Приведенный рассказ поздней новгородской летописи внушает известные сомнения. В январе Волхов, по-видимому, был покрыт льдом, тем более что в 1570 г. зима выдалась суровая.¹⁰⁷ Дело в том, что апокрифы отражают оба традиционных представления об аде — как о царстве огня, пекле и как о царстве вечного холода, зимы несогреваемой. 19-я мука из «Откровения мук тяжких. . . чрез архаггела Михаила пресвятой богородице» изображает реку (или озеро), закованную льдом. Под ним сидят на дне нагие грешники, оцепенелые от мороза, и от них исходят «искры мразные». Идея ясна, а как ее осуществляли опричники в январе 1570 г. — дело второстепенное.

Апокрифы давали Грозному пищу для самооправдания: если царь небесный обрек грешников на бесконечную муку, то нечего стесняться себя и царю земному. В апокрифах Грозный находил обоснование неслыханным размерам своих злодеяний. Канонические тексты не указывали числа праведников и числа грешников. «Много званных, но мало избранных»¹⁰⁸ — вот та неопределенная формула, которой приходилось довольствоваться в рамках ортодоксии. (Числовые выкладки есть в «Апокалипсисе», но в догматических рассуждениях пользоваться ими было не принято; «Апокалипсис» практически не употреблялся и в богослужении). Зато апокрифы не признают недомолвок, высказываясь по этому поводу с предельной ясностью.

«И рече Валфромей: „Господи, колко душъ из мира сего исходит на день?“ И рече Исус: „70000“. . . И рече Валфромей: „Господи, аще 70000 точю исходитъ з мира сего, колкоко душъ от тех праведных обретается?“ И рече Исус: „Одва 8“.¹⁰⁹ «Некто от светых виде, яко единого дни тридесять тысячъ людей умроша, но токмо две души видоша в царьство небесное, а три души на мытарьсвах удеръжены, а прочия же все во ад пойдоша».¹¹⁰ Значит, на тьму грешников, которым «нестъ спасения», придется один-два праведника. Из этого Грозный заключает, что землю населяют «татие, и разбойницы, и злодеи, и прелюбодей: такови убо не блажени, понеже грех ради своих мучими бысть, а не бога ради».¹¹¹ Обязанность царя — наказывать их, «спасать страхом».¹¹²

Впрочем, ощущая себя обладателем истины, Грозный все-таки непрочь был получить подтверждение своей правоты свыше (ведь он знал, что царям, «иже ся богу ровняли», тоже уготовано место в адских пещерах — это 22 мука из «Откровения мук тяжких. . . чрез архаггела Михаила пресвятой богородице»). В 1577 г., когда была завоевана почти вся Ливония, царю казалось, что такое подтверждение ему дано. «Не моя победа, но

¹⁰⁷ Р. Г. Скрытников. Опричный террор, с. 47.

¹⁰⁸ Евангелие от Луки, XIV, 24.

¹⁰⁹ Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Купчелевым-Безбородко под ред. Н. Костомарова, вып. III. СПб., 1862, с. 110 (из «Вопрошения св. апостола Варфоломея»).

¹¹⁰ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III. СПб., 1884, № 720, с. 71.

¹¹¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 18.

¹¹² Европейская ситуация XVI в. не могла внушать Грозному сомнений в правомерности его концепции. Это эпоха итальянских войн и разорения Рима, преследований морисков и маранов, «охоты за ведьмами» в Германии, кровавой борьбы католиков с гугенотами и Варфоломеевской ночи, репрессий Генриха VIII в Англии и Эрика XIV в Швеции.

Божия», — с торжеством написал он Курбскому из Вольмара.¹¹³ Потом его уверенность поколебалась. Ливонская война была проиграна. После смерти царевича Ивана Ивановича угроза нависла над самой династией. Синодик опальных, вклады царя по душам казненных — красноречивые свидетельства этих сомнений.

Доктрину Грозного отвергли не только люди типа Курбского, ее отвергло русское общественное мнение. Об этом можно судить по Азбуковнику конца XVI в., в котором наряду с краткими статьями, приличествующими жанру, есть и пространная статья — на слово «Христос». Это замечательный текст, одновременно умозрительный и злободневный: «Христос. [Полк] Помазаныи. Христи бо царие и иреи во Израильтех нарицахуся, сиречь помазанницы, помазоваху бо ся миром во царский и еиерейский чин. . . Того ради и Господь наш еврейски нарицается, помаза бо ся и той разуумным миром, сиречь духом святым. . . Сего ради и мы, верующей. . . наречемся христиане, сиречь царско и иерейско наречение приахом. . . О христиане, непотщитесь звание свое небрежено сохранить, царя бо, иерея и язык свят сотвори тя бог. Блюди, да не вместо царска и иерейска звание раб греху и подруг врагу явишася. Христианин бо толкуется царско и иерейско священне. . . Христос бо царь и иереи толкуется, тем же и нам, христианом, достоит вся водаритися над страстми».¹¹⁴

Здесь в сущности оспорена претензия монарха на духовную исключительность, на будто бы только ему надлежащее «богоподобие». Монарху преподан урок: по-христиански ему равен каждый его православный подданный, ибо в духовном смысле, в силу крещения и миропомазания, он тоже обладает «царским» достоинством.

Азбуковник принадлежит к энциклопедическому жанру. Как правило, «средняя» энциклопедия фиксирует и провозглашает общепринятую, общедоступную, «среднюю» точку зрения, которая в момент создания энциклопедии принимается за истинную. Следовательно, мы вправе полагать, что статья из Азбуковника — отголосок общественного мнения. Конечно, это лишь гипотеза. Та же мысль высказана в «Апостоле», в I Послании Петра, где христиане названы избранным родом, «царственным священством». Не исключено, что подобные статье Азбуковника тексты имели хождение на Руси и прежде конца XVI в. Но в эту эпоху из разряда богословского умозрения идея перешла в разряд политически-актуальной публицистики.

К тому же эту статью можно считать ровесницей русского самозванства, когда дети боярские, холопы, поповичи и т. д. посягнули уже не на духовное, а на реальное, земное, царство. Феномен самозванства известен разным народам, разным эпохам, разным культурам (от мага Гауматы и Лженерона до поддельной Жанны д'Арк и поддельного Людовика XVII), но русская история отвела ему четко очерченные границы: начавшись в первые годы XVII в., самозванство отошло в область предания вместе с крестьянской реформой при Александре II. До Гришки Отрепьева у нас самозванцев не было, по крайней мере источники о них молчат.

Между тем то и дело возникали поистине классические для появления самозванцев ситуации — такие, как долгая и кровавая борьба двух линий в потомстве Дмитрия Донского, соперничество наследников престола при Иване III, гибель царевича Ивана Ивановича. Ни одна из этих ситуаций не породила самозванцев, зато с легкой руки Гришки Отрепьева они расплодись до чрезвычайности. Только в Смутное время их насчитывается больше десятка.

Нельзя относить это явление на счет пресловутой темноты Древней Руси и на счет легковерия ее жителей. Любой обыватель мог верить в подлинность только одного из тех «царевичей», которые выдавали себя за сы-

¹¹³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 104.

¹¹⁴ Цит. по: Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, с. 309—310.

новой и внуков Грозного. Конкуренты заведомо не вызывали доверия, и отсюда следует, что любой обыватель должен был разбираться в самозванстве. Этот феномен есть симптом и знак тяжелейшего династического, государственного, социального кризиса. Воспользовавшись монархической оболочкой, низы бросаются в открытую схватку с верхами. В историко-культурном плане массовое самозванство, ставшее при Василии Шуйском и первых Романовых чуть ли не бытовым явлением, знаменует крах идеи о божественной природе царской власти. А. К. Толстой писал о Грозном, что «он хотел стоять над поработченной землей один, *аки дуб во чистом поле*».¹¹⁵ Земля рассудила, что это ей не подходит, и гордыне монаршего «богоподобия» противопоставила самозванство и бунт меньшей братии, вызвавший гражданскую войну.

«Тщетно историк будет искать последовательности или системы в его действиях».¹¹⁶ Это сказано тем же А. К. Толстым. Но система у Грозного была, и обнаружить ее можно, если соблюдать принцип историзма, если помнить о том, что Грозный был человеком православного средневековья. Сравнивая Ивана IV и Петра I, мы видели, что оба они нарушают культурный статус. Однако Иван делает это не ради новизны, а ради старины. Как и пристало средневековому человеку, он ищет идеал не в будущем, а в прошлом, отчего и ссылается постоянно на «прародителей своих обычай», на то, что «прежде сего многажды случилось».¹¹⁷ Его доктрина — порождение средневекового сознания, тот конечный логический вывод, который мог быть сделан чисто спекулятивным путем. Грозный не посягает на вечный порядок, он посягает на особое место в этом порядке. Зачем это ему нужно? Для восстановления порядка.

Грозный не хочет, чтобы Русь «двинулась», как двинулась в эпоху Ренессанса Западная Европа. Для него бояре и княжата — бродильный элемент, «изменники», которых надлежит подавить либо истребить. Грозный возвышает «страдников», думая, что их брожение не коснулось, что они без обсуждения, безмолвно и усердно, за страх и за совесть будут исполнять его охранительные предначертания. Это попытка борьбы с историей (практически эта борьба выразилась в уничтожении официального летописания). Это попытка сохранить средневековое единство веры и культуры. Государственная концепция Грозного есть концепция религиозная.

Что касается Петра I, то его идеал — новизна и будущее. Петр создает новый, эмансипированный от религии и церкви государственный порядок. Петр принимает на себя функции демиурга, и в этом смысле он действительно Первый.

¹¹⁵ А. К. Толстой. Собр. соч. в 4-х т., т. 3. М., 1964, с. 488.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 13.

О. А. БЕЛОБРОВА

Из истории древнерусской геральдической литературы

Русская культура второй половины XVII в. отмечена своеобразной «гербоманией», выразившейся главным образом в изобразительном и словесном прославлении российского государственного герба, который сочетал в себе геральдические образы Москвы и окрестных земель. Следует признать, что изображения герба (чаще гербов, от 12 до 32) на знаменах, прапорах, в рукописных и печатных книгах попали в круг внимания исследователей значительно раньше, чем литературные памятники геральдического характера. В самом деле, еще в середине XIX в. были воспроизведены шитый герб из царской утвари¹ и украшенная 16 гербами из финифти золотая тарелка.² А. В. Арциховский, изучавший древнерусские областные гербы, смог опереться на целый ряд опубликованных памятников, таких, как печать Ивана IV Грозного в оттиске под русско-шведскими договорами 1583 и 1584 гг., гербовое знамя царя Алексея Михайловича 1667 г., миниатюры из Титулярника 1672 г., гравюра с рисунка из дневника Иоганна Корба, 1698—1699 гг. и др.³

Цитируя «память» 1666 г. об изготовлении в Оружейном приказе царского знамени, А. В. Арциховский признал ее «драгоценным и единственным в своем роде описанием гербов».⁴ Действительно, вирши конца XVII в. на российский государственный герб, в неполном списке, с описанием 20 областных гербов обнаружены и опубликованы совсем недавно.⁵ И хотя их исследователь и публикатор Нильс Оке Нильсон убедительно сопоставил этот новый текст с «Орлом Российским» Симеона Полоцкого, гербовые вирши остаются редким по иллюстративности сочинением, обогащающим наши представления о том, как современники толковали геральдическую эмблематику.

Другое, более лаконичное сочинение — «Описание Российского царствия и окрестных государств и земель гербам», известное нам в двух списках, до сих пор вообще не привлекало к себе внимания.⁶ Между тем это

¹ Древности Государства Российского. Рисунки. Отд. II. М., 1851, табл. 79 (здесь представлен саадачный покров из царского конского убора, принятый издателями за завесу спинки царского трона).

² Древности Государства Российского. Рисунки. Отд. V. М., 1853, табл. 42. Эти и другие гербовые эмблемы русского средневековья воспроизведены в кн.: Н. А. Соболева. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981.

³ А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы. — Учен. зап. Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, вып. 93. История. Кн. 1. М., 1946, с. 43—67.

⁴ Там же, с. 44. «Память» 7174 (1666) г. с предписанием, какие изображения включать в гербовое царское знамя, опубликована в кн.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Знамена, прапоры, значки, флаги и штандарты. М., 1884, с. 47—48.

⁵ N. A. Nilsson. Russian Heraldic Virši from the 17 th Century. A Manuscript in the Diocesan and Country Library at Västerås Sweden. Uppsala, 1964.

⁶ Текст обнаружен нами в следующих сборниках XVII в.: ГПБ, Ф. XVII. 54, л. 103—107; ГПБ, Эрмитажное собр., № 456, л. 11.

«Описание. . . гербам» представляет собой, по всей вероятности, тоже «память» для художников, выполнявших в 1672 г. миниатюры к «Титулярнику», содержащему «. . . Росийского великаго царствия и всех окрестных государств христианских и мусулманских государственных гербы в клеймах. . . А писали те гербы и клейма золотописцы Григорей Благушин, Федор Лопов, Матвей Андреев. . .».⁷ Судить об этом назначении текста позволяют как совпадение перечня гербов, так и соответствие словесных описаний изображениям на миниатюрах «Титулярника».⁸

Сохранилась также документальная роспись гербов (печатей) сибирских городов, датируемая третьей четвертью XVII в. и опубликованная дважды.⁹ Самую раннюю «Роспись всем государственным печатям» (1626 г.) обнаружил и исследовал А. А. Ураносов (она не издана).¹⁰

Документальные описания гербов (печатей) имели, по-видимому, прикладное назначение и не выходили за пределы деловой письменности.

Как уже отмечалось, прославление российского государственного герба проникло в область панегирической поэзии, развивавшейся под влиянием польской и украинской традиции. Даже московская печатная Библия 1663 г. открывалась не только гравюрой (двуглавый орел с всадником на тулове и с планом Москвы внизу, работы старца Зосимы), но и двенадцатистрочными «Стихами на герб», авторство которых не установлено.¹¹

Государственный герб не был в XVII в. абсолютно каноничным; представляя его, искусные мастера каждый раз учитывали назначение украшаемого гербом предмета, его масштаб, материал и т. п. Вот почему так различаются, например, изготовленная в 1667 г. по рисунку Г. А. Благушина государственная печать и композиция на гербовом знамени, выполненная царским живописцем, шляхтичем из Смоленска Станиславом Лопуцким, и другие. И. Е. Забелин и А. И. Соболевский сообщали, что около 1669 г. С. Лопуцкий (тогда уже, видимо, тяжело больной) вместе с помощником написал большую картину на полотне «Герб Московского государства и иных окрестных государств гербы, а под всяким гербом планиты, под которым каковы».¹² А. И. Соболевскому принадлежит сопоставление этого не дошедшего до нас живописного произведения с возможными литератур-

⁷ ДАИ, т. VI. СПб., 1857, № 43, с. 188—200; ср.: З. Е. К а л и ш е в и ч. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности. — В кн.: Русское государство в XVII веке. М., 1961, с. 399—400.

⁸ Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903; А. И. У с п е н с к и й. Царские иконописцы и живописцы XVII в. М., 1913, с. 116—117.

⁹ АИ, т. IV. СПб., 1842, № 104, с. 246—247; Ю. В. А р с е н ь е в. Геральдика. Лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907/08 году. М., 1908, с. 286 и Приложение (с. 297—298).

¹⁰ А. А. У р а н о с о в. Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления русского централизованного многонационального государства (XV—XVII вв.). Автореф. канд. дис. М., 1953, с. 7; Е. П. К а м е н ц е в а, Н. В. У с т ю г о в. Русская сфрагистика и геральдика. 2-е изд. доп. М., 1974, с. 148.

¹¹ В искусствоведческой литературе, весьма щедрой к этой гравюре, воспроизводившейся и целиком и фрагментарно (Д. А. Р о в и н с к и й. Подробный словарь русских гравюров XVI—XIX вв. Т. 1. А-Ж. СПб., 1895, стб. 175, 351—352; А. А. С и д о р о в. Древнерусская книжная гравюра. М.—Л., 1951, с. 210—220, вклейка между с. 216—217; Е. С. О в ч и н и к о в а. Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955, рис. на с. 79), «Стихи на герб» обычно приписываются Симеону Полоцкому (см.: А. А. С и д о р о в. Графика XVII века. — В кн.: История русского искусства, т. IV. М., 1959, с. 493). А. М. Панченко склонен считать их автором Епифания Славинецкого.

¹² И. Е. З а б е л и н. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1. М., 1862, с. 170—171; ср. также с. 141; А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, с. 144. Участие Лопуцкого в живописном воплощении указанного сюжета не отмечено А. И. Успенским (Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь, т. 2. М., 1910, с. 160—162).

ными источниками — статьями из гданьского издания «*Klucz prognostykarski . . .*» середины XVII в.¹³ Одна статья, краткая, известна в древнерусском переводе под заглавием «Знаки царств и государств и украин, которые под которым знаменем небесным дванадесяти лежит»; она сохранилась в нескольких списках конца XVII в., в том числе в составе переводной Космографии.¹⁴ Другая статья из «Ключа», также привлекавшая внимание А. И. Соболевского, представляет собой краткий перечень геральдических эмблем, соотнесенный с географическими названиями (например, *Brama—Portugallia. Balki piác szárne—Portugallis* и др.). В этом перечне, расположенном по алфавиту, приведены эмблемы достаточно распространенные, как *Balka, Krzyz, Lew, Lilie, Orzeł* и более редкие, как *Jabłko, Sierp, Słon, Snopak żyta* и др. А. И. Соболевский обратил внимание на эту статью «Ключа», когда разыскивал источники к пространному древнерусскому своду геральдических эмблем с их географическими эквивалентами (до сих пор не опубликованному). Он отметил, что «. . . длинный список гербов в правильном алфавитном порядке . . . несомненно русского происхождения»,¹⁵ хотя одна из трех известных А. И. Соболевскому рукописей озаглавлена совершенно недвусмысленно: «Перевод с астрологического календарного ключа, в котором изъявлены всех потентатов гербы, также и градом различным, как те в календарях астрологами описаны бывають. . .» К сожалению, А. И. Соболевский неточно указал дату перевода (1681 г. вместо 1671 г.) вопреки указанию в том же заголовке: «Переведен (текст, — О. Б.) 7179 (1671)-го году». Он совершенно правильно отметил, что древнерусский текст гораздо обширнее и подробнее известного ему польского и что геральдические фигуры расположены в порядке русского алфавита. Это действительно указывает на русскую обработку какого-то иноязычного оригинала, скорее всего польского, судя по оборотам типа «знаки подобны латынским литарам», «до папы», «4 цвета роженных», «с правую сторону», «в роте кольцо» и словам «посполито», «бискупство», «землица» и др. А. И. Соболевский искал оригинал среди кратких астрологических ключей, в то время как ему следовало обратить внимание на ключи календарные, гораздо более щедро снабженные сведениями геральдического характера, приведенными в прогностических целях. Воздействие предвещаний польских рочников на русские печатные календари начала XVIII в. отмечал с убедительными примерами еще П. Пекарский.¹⁶ В древнерусском своде геральдических фигур календари упоминаются как в тексте — «Гусли жолты в лазоревом поле — Ирлянское королевство, именується же в календарях (разрядка мая, — О. Б.) и Аглинская земля», так и в заглавии одного из трех списков, приведенном выше. Если обратиться к каталогам польских старопечатных книг, наше внимание привлечет, например, львовский Календарный ключ, без даты, в 4-ку, на 31 странице, в котором содержится и перечень гербов.¹⁷

¹³ К. Эстрейхер (K. Estreicher. *Bibliografia Polska*, с. III, t. VIII, Lit. K (*Bibliografia Polska*, t. XIX, St. XV—XVIII). Kraków, 1903, S. 315—316) отметил несколько гданьских изданий «Ключа» — 1656, 1653 и 1659 гг. Нами привлекалось (в микрофильме) недатированное издание, известное А. И. Соболевскому, — экземпляр из Библиотеки Синодальной типографии (ЦГАДА, ф. 336, № 2823, ст. № 4179) и близкое к нему виленское издание 1708 г. (экз. ГПБ, шифр 36.57.2.58).

¹⁴ А. И. Соболевский. *Переводная литература Московской Руси. . .* с. 144—146. Статья «Знаки царств. . .» опубликована в кн.: А. Н. Попов. *Обзор хронографов русской редакции*, вып. 2. М., 1869, с. 511—513. Намп обнаружены списки, неизвестные А. И. Соболевскому, в том числе украшенные знаками Зодиака. В польском оригинале никаких изображений нет. Благодарю коллегу Э. Малек за справки, наведенные ею в Варшавских книгохранилищах по ранним изданиям «Ключа».

¹⁵ А. И. Соболевский. *Переводная литература Московской Руси. . .* с. 144—146.

¹⁶ П. Пекарский. *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. II. СПб., 1862, с. 358.

¹⁷ K. Estreicher. *Bibliografia polska. . . Lit. K. . .*, с. 315.

Зависимый на Руси от перевода с польского, оригинал текста мог быть составлен не обязательно в Польше. Для географических названий древнерусского свода гербов характерна европоцентристская ориентация, при которой Польша, Московскому государству и другим славянским землям уделено совсем немного места. Так, например, из польских городов названы только Краков и Гданьск (Гданец), из областей Шленская земля, а Польша («конь белой») и Польская земля («Орел белой») упоминаются главным образом в сочетании с другими областями («Польская и Гольштенская земля», «Польская и Свейская земля», «Свейская, Польская, Аустрийская земли»). То же можно сказать о Венгерской, Чешской и Словенской землях, о Галиции. Что касается России, то и ей уделено незначительное место («Врата растворенные — Россия», «Орел черной, на шее венец — Московская земля»); из городов фигурирует одна Москва: «Орел черной двойкой з двумя венцами, на груди белой рыцерь на коне, в руке копие, под копием змия в красном поле — город Москва»; «Рыцерь в латах белых, в руках копие, под конем змея в красном поле — Москва». Приведено описание герба-печати: «Орел, на груди рыцерь — великой князь московской», и вовсе неожиданная эмблема — «Волк — москвитин» (эта строка читается только в одном из трех списков текста). Преобладают в своде гербы немецких земель, краев, епископств, курфюрств, графств, городов, например «Лев пестрой — Гесская земля», «Скорция — Верхняя Бавария», «Свинья черная в белом поле — город Швейдниц», «Бискупская красная митра з зелеными перья — маркграфство Баден», «Бременная изба — курфистр Саксонской»; названы города и области Италии, Франции, Испании и др. Встречаются и неевропейские названия: «Лев великой — Азия», «Палашей 5 — королевство Конго», «Коркодил есть Африка», «Слон значит Америку» и др. Примечательно, что в своде гербов описывается (возможно, впервые на русском языке) датский орден Белого слона: «Слон золотой, на спине золотая башенка — рыцерской чин в Датской земле», названа и эмблема иезуитского ордена «Лисица — Езуиты». Некоторые топонимические наименования изменены на немецкий лад, например Оксфорд: «Быка половина с красными рогами и копыты — Охсенфурт», другие неустойчивы — то «Ципрский остров», то «остров Кипрский». В названиях эмблем — геральдических образах — нередки полонизмы: «бискупская митра», «бискупской посох», «кроль»; выше отмечалось характерное название цветка «рожка». К числу южнорусских областнических слов принадлежит обозначение шиповника — «сверобаринного цвета листы», «сверобаринной красной цвет» и др. Это название, впервые отмечаемое в списках древнерусского хождения Варсонофия, встречается далее в «Похождении в землю святую князя Радивила Сиротки», 1582—1584 гг., а к концу XVII в. оно проникло уже и в московский обиход, судя по перечню растений в новом верховом каменном саду, где росли «грецкие орехи и кусты сереборинников».¹³ В ряде случаев в тексте свода гербов ощущаются затруднения переводчика, например, когда эмблема герба обозначается описательно: «коровей доец» (иное решение находим в переводной Космографии 1670 г., где читаем про «пастухов и доильцов»¹⁴); «древо березовое», «кулака два ручных», «конская конюшня», «лев разделенной», «медведь в белых уличах», «петух значит короля французского когда в войне», «штук 6 золотых» и др.

Составление свода геральдических эмблем, расположенных в русском алфавите, скорее всего было выполнено переводчиком (или переводчиками) Посольского приказа в Москве для практических нужд этого приказа в связи с необходимостью разбираться в печатях и гербах иностранных

¹³ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей. с. 80. Как отмечает И. Е. Забелин, это наименование, а также «рожи алые», «филорожи», «ящичи красной и белой рожиды», «рута», «лилеи белые и желтые» встречаются и в документах под 1702 г. (там же, с. 77, 78, 81).

¹⁴ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4 (Г—Д). М., 1977, с. 288.

государств. Инициатива перевода могла исходить от главы Посольского приказа боярина А. С. Матвеева, судя по его причастности к созданию «Титулярника». Служебное назначение перевода, связанное с дипломатической службой, определило ограниченность распространения его списков. Все же существовало по крайней мере четыре списка гербов XVII в., один из которых входил в собрание Баузе и не сохранился.²⁰ Еще три списка, известные А. И. Соболевскому, входят в состав сборников конца XVII в. — один из собрания ЦГАДА, другой из Чудовского собрания и третий из Одессы.²¹ Возможно также, что перечень гербов содержится и в вестеросском сборнике XVII в. AD 10, в перечне статей которого назван «Астрологический календарь. . .»²² Сопоставление названных сборников показывает, что все они составлены главным образом из переводных сочинений преимущественно научно-просветительского характера. Таковы, например, статьи географического содержания: в сборнике ЦГАДА и в Одесском перевод предисловия из голландского атласа «Водный мир», в чудовском — «Космография» Помпония Мелы. В вестеросском огромном сборнике-конволюте содержится перевод «Алкорана Махметова» Иоанникия Гаялетовского, выполненный поляком Стахием Гадзаловским, переводчиком Посольского приказа с 1667 г. до конца XVII в.²³ Этот человек был причастен к подбору ряда рукописных книг для библиотеки шведского посла в Москве И. Г. Спарвенфельда (вестеросский сборник принадлежал ему), например, продал послу рукописный латинско-русский словарь. Трудно сказать, кто именно указал И. Г. Спарвенфельду на перевод с польского «Астрологического календаря». Это мог быть дипломат Л. Ф. Долгоруков или его коллега А. А. Матвеев, это могли быть и ученые переводчики Посольского приказа Николай Спафарий, Стахий Гадзаловский или еще кто-то. Переписка перевода в 1680-е гг. указывает на его известность через 15—16 лет после появления и на выход за пределы чисто служебного назначения. А уж если этот текст переводил или хотя бы читал Ст. Гадзаловский, он мог привлечь внимание и художников, поскольку брат переводчика Иван Гадзаловский был царским иконописцем, учеником Симона Ушакова.²⁴

Кстати, небезынтересно сопоставление двух «геральдических» текстов — перевода 1671 г. (свода гербов) и «Описания. . . гербам», упоминавшегося выше и соответствующего иллюминации «Титулярника» 1672 г. В «Описании» прежде всего подробно характеризуются областные гербы Российского государства, которых вообще нет в переводном своде; среди иностранных гербов в «Описании» фигурирует эмблема князя Оранского — она отсутствует в своде; нет в нем и герба великого княжества Литовского. Остальные 14 гербов (стран, с которыми Москва к 1672 г. имела дипломатические отношения) в «Описании» получили каждый обобщенную характеристику. Например, у герба «Французского — 3 цвета желтых в лазоревом поле под коруною», — в то время как в своде всякий герб рассмотрен по деталям и компонентам: «Лилии есть обще французскому госу-

²⁰ Этот список не был учтен А. И. Соболевским. См.: В. К а р а з и н. Каталог славяно-русским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора Баузе. — ЧОИДР, 1862, № 2. Смесь, с. 73, № 331. Ср.: Г. Н. М о и с е е в а. Собрание рукописей Ф. Г. Баузе. — ТОДРЛ, т. XXXV. Л., 1980, с. 341, № 398.

²¹ ЦГАДА, ф. 181 (собр. МГАМИД), № 220—381, с. 260—319; ГИМ, Чудовское собр., № 347, л. 81—96; Одесская Гос. научная библиотека имени А. М. Горького, № 1/46, л. 96—141.

²² См.: Л. В. Ч е р е п и н. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 474.

²³ И. А. Ш л я п к и н. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891, с. 90, 133; А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература Московской Руси. . ., с. 42, 112; С. А. Б е л о к у р о в. О Посольском приказе. М., 1906, с. 132; N. A. Nilsson. Russian Heraldic Virši. . ., p. 68—69.

²⁴ А. И. У с п е н с к и й. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь, т. 2. М., 1910, с. 57.

дарству. . .), «. . . Лелии жолтые в лазоревой земле. . .» и т. д. Испанский герб в своде упоминается среди эмблем: «башни», «бревно», «лелии», «лев», «шле» и т. д. В ряде случаев эмблемы отличаются и не совпадают, например для Любека: в «Описании» — «Город, наверху прапорец», а в своде — «Крест жолтой в красном поле» и «Ползлатого, полчерного орла». В «Описании» также ощутима зависимость от какого-то польского источника, судя по полонизмам (иным, чем в своде): «коруна», «крыж», «погоня» (вместо «всадник» — это геральдический термин) и т. д. Сравнение обоих текстов показывает, что они не зависят ни друг от друга, ни от общего источника. Просто эти описания гербов появились как веяние духа времени, как факт культуры барокко с ее тягой к эмблеме, символу, геральдическому знаку и вместе с тем к систематизации, упорядочению, научнообразному изложению предмета.²⁵

Обширный текст свода гербов подготовлен нами по трем доступным спискам конца XVII в.: ЦГАДА, ф. 181, № 220—381 (он признан основным), чудовскому и одесскому; разночтения списков отражены в публикации.

ПОТЕНТАНТЫ, ИЛИ ГЕРБЫ, МНОГИХ СТОЛИЦ

Основной текст: ЦГАДА, ф. 181 (собр. МГАМИД), № 220—381. . . Ц
 Разночтения: ГИМ, Чудовское собр., № 347. . . Ч
 Одесская Гос. научная библиотека, рук. 1/46. . . О

А^{Г,1}

с. 260 Алтарь золотой² на зеленой горе в красном поле есть³ Аустрийская^{Г, а} земля.

Ангел в красной одежде — Кардиналы.

Ангел белой в красном поле — Бруссел город.⁵

⁶Араповы⁷ главы 2⁸ в желтом поле — королевства⁹ Алгаврия,¹⁰

Португалия.¹¹

¹²Арап с венцом золатым и с чепью¹³ — Лаунгинген.¹⁴

Арап в красной¹⁵ одежде с золатым венцом — бискупство Фресинг.

¹⁶Араповы 3¹⁷ в желтом поле —¹⁸Гишпания, Португалия.¹⁹

Б²⁰

Бревна

Бревенная изба — курфюрст Саксонской.⁶ //

с. 261 Бревно желтое в лазоревом поле — бискупство Минстер.

²¹ Бревно желтое в красном поле²² — Гронинген.²³

²⁵ См.: J. Pełc. *Obraz—słowo—znak. Studium o emblematkach w literaturze staropolskiej* [Studia staropolskie, t. XXXVII]. Wrocław, 1973; Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 165—214.

^{Г, а} В рук. на полях справа Аустрийская; в тексте Аурийская (испр. писцом).

⁶ На нижнем поле обозначен счет тетрадей буквой-цифрой 1.

^{Г, 1} Нет Ч. В рук. нет заглавия, которое читается перед А: Потентанты или гербы многих столиц Ч; Перевод с астрологического календарного ключа, в котором изъяснены всех потентатов гербы, также и градом различным, как те в календарях астрологами описаны бывають. Также описание, под которыми небесными зодиаки кои государства и грады подлежат. Переведен 7179 (1671)-го году — О. ² золотой Ч. ³ Нет ЧО. ⁴⁻⁵ град Бруссел Ч; город Бруссель О. ⁵ Доб. в Брабанции ЧО. ⁶⁻¹¹ В ЧО сначала читается следующая 12—14 строка. ⁷⁻⁸ две главы О. ⁹ королевствы Ч; королевствы О. ¹⁰ Алгаврия ЧО. ¹³ Доб. княжество ЧО. ¹⁴ Лаунгерв Ч; Лаунгерген О; доб. в Цесарской земле ЧО. ¹⁵ Нет ЧО. ¹⁶⁻¹⁷ Араповы три главы Ч; Араповы главы 2 О. ¹⁸⁻¹⁹ Гишпанская, Португальская ЧО. ²⁰ — нет Ч. ²¹⁻²³ В ЧО сначала читается следующая (24—27) строка. ²² Доб. провинция или удел Галанской земли ЧО. ²³ Огровонинген Ч; Гронилген О.

²⁴ Бревно желтое в красном ²⁵ поле — гравство ²⁶ Нассау. ²⁷ Бревна красныя и белыя — епискупство ²⁸ Страсбурх, курфирст ²⁹ Саксонской.

³⁰ Бревно красное з белыми пестрины ³¹ в лазоревом поле — бискупство Верден. ³²

Бревно красное з белыми пестринами ³³ в жолтом поле — бискупство Литтих. ³⁴

Бревно черное в лазоревом поле, в середине белое ядро ³⁵ — Дармстад. ³⁶

³⁷ Бревна 2 накрест красныя ³⁸ в жолтом поле — город ³⁹ Минстер. ⁴⁰

Бревна черныя и желтыя — город ⁴¹ // Дрезден.

с. 262

Бревна черныя и белыя ⁴² — Анганст. ⁴³

Бревна ⁴⁴ черныя два ⁴⁵ в жолтом поле — ⁴⁶гравство ⁴⁷ Мерс.

Бревно белое в лазоревом поле ⁴⁸ — Кассель.

Бревно белое в красном поле ⁴⁹ — Гишпания, ⁵⁰ Браунсвих, ⁵¹ Вольфенбуттель.

Бревно белое вкось, над тым ⁵² 3 венца, ⁵³ под тем ⁵⁴ 3 венца же, ⁵⁵ в красном поле — Эльсас.

Бревна белыя накрест ⁵⁶ в красном поле — Аустрийская земля, ⁵⁷ Тероль, ⁵⁸ Штеир, Каритени, ⁵⁹ Вестъфалия, ⁶⁰ бискупство Салтсбурх, ⁶¹ Регензбурх, гравство ⁶² Нассау, ⁶³ город ⁶⁴ Ловен.

Бревна 2 ⁶⁵ лазоревых в жолтом ⁶⁶ поле — курфирст ⁶⁷ Саксонской, ⁶⁸ Веймар и Кобурх.

Бревна 2 ⁶⁹ жолтых и лазоревых ⁷⁰ // в красном поле — Датская ⁷¹ с. 263 земля и Гольстенская.

Бревна два красных ⁷² в желтом поле ⁷³ — Ольденбурх, ⁷⁴ Делменгорст.

Бревна 2 ⁷⁵ красных в белом поле — Аустрийская земля.

Бревна, ⁷⁶ красное и желтое, ⁷⁷ — арцухство ^B Минстерберх. ⁷⁸

Бревна 2 чорных и жолтых невысоко ^Г поднятых, в которых некоторые ⁷⁹ знаки подобныя латинским словам ⁸⁰ T ⁸¹ в лазоревом ⁸² поле ⁸³ — Шампания. ⁸⁴

Бревна два ⁸⁵ золотых ⁸⁶ — Линенбурх.

Бревна два ⁸⁷ белых в черном поле ⁸⁸ — ⁸⁹Ангалт.

Бревна 3 ⁹⁰ лазоревых ⁹¹ — Арагонии. ⁹²

Бревна 3 ⁹³ в жолтом поле — Летих. ⁹⁴

// Бревна 3 ⁹⁵ зеленых меж 2 ⁹⁶ оленьми в жолтом поле ⁹⁷ — с. 264 Гронинген. ⁹⁸

^B Испр., в рук. арцухство. ^Г Испр., в рук. невысоки.
²⁵ черном ЧО. ²⁶ княжество ЧО. ²⁷ Нассау ЧО. ²⁸ бискупство ЧО. ²⁹ курфирст ЧО. ³⁰⁻³² Нет Ч. ³¹ пестринами О. ³³ пестрины О. ³⁴ Митвих ЧО.
³⁵ Доб. град (город) Цесарской ЧО. ³⁶ Дармьстав О. ³⁷⁻³⁸ Два бревна красныя накрест Ч. ³⁹ град Ч. ⁴⁰ Мистер Ч; Мистер О. ⁴¹ град Ч. ⁴² Доб. княжество ЧО. ⁴³ Ангалт ЧО. ⁴⁴⁻⁴⁵ два черныя Ч. ⁴⁶⁻⁴⁸ Нет Ч. ⁴⁷ графство О.
⁴⁸ Доб. град Ч; город О. ⁴⁹ Доб. государство ЧО. ⁵⁰ Гишпанское доб. княжество ЧО. ⁵¹ Доб. и ЧО. ⁵² тем Ч; теми О. ⁵³ Доб. по тому же и ЧО. ⁵⁴⁻⁵⁶ Нет Ч.
⁵⁵ Нет О. ⁵⁷ Доб. княжества ЧО. ⁵⁸ Теронь Ч; Текронь О. ⁵⁹ Каристень Ч; Каринтен О. ⁶⁰ Фестьфален ЧО. ⁶¹ Доб. город О. ⁶² княжество ЧО. ⁶³ Нассау ЧО. ⁶⁴ град Ч. ⁶⁵ два Ч. ⁶⁶ красном ЧО. ⁶⁷ курфирст ЧО.
⁶⁸ Доб. княжества ЧО. ⁶⁹ два Ч. ⁷⁰ золотых ЧО. ⁷¹ Датцкая О. ⁷² Нет Ч. ⁷³ княжества ЧО. ⁷⁴ Одебурх; доб. и ЧО. ⁷⁵ два Ч. ⁷⁶⁻⁷⁷ красныя и желтыя ЧО.
⁷⁸ Минстерверх ЧО. ⁷⁹ некоими Ч; некия О. ⁸⁰ литарам Ч; литерам О. ⁸¹ три Ч; 3 О. ⁸² золотом Ч. ⁸³ Доб. княжество ЧО. ⁸⁴ Шампания О. ⁸⁵ 2 О.
⁸⁶ Доб. княжество ЧО. ⁸⁷ 2 О. ⁸⁸ Доб. княжество ЧО. ^{89-11, 1} Нет О. ⁹⁰ два Ч. ⁹¹ Доб. королевство Ч. ⁹² Агаганское Ч. ⁹³ три Ч. ⁹⁴ Липелх Ч. ⁹⁵ три Ч. ⁹⁶ двема Ч. ⁹⁷ Доб. княжество Ч. ⁹⁸ Гроненген Ч.

Бревна 3⁹⁹ красные в 100 белом поле — арцухство^{II},¹ Арсхольд.²

Бревна 3³ красные, мало кверху поднятые,^Д в желтом поле — гравство⁴ Глац.^{5e}

Бревна 3⁶ белых в лазоревом поле — город⁷ Ерфурт.⁸

Бревна 4⁹ прямо стоячих¹⁰ красных в желтом поле — Арагония,¹¹ Каталония.¹²

Бревна 4¹³ красных стоячих¹⁴ в желтом поле, которых вкось лазоревое¹⁵ бревно пререзывает¹⁶ — остров Белеаридес.¹⁷

Бревна 4¹⁸ красных поперечных в желтом поле¹⁹ — арцухство²⁰ Раукорт.

с. 265 Бревна 4²¹ красных поперечных в белом²² // поле — арцухство²³ Лотринское,²⁴ Магденбурх.

Бревна 4²⁵ красных и желтых стоячих, при тех рыба делфин, в роте колцо — Гейдрунт.²⁶

Бревна 4²⁷ красных и белых в золотом поле — Венгерская земля,²⁸ курфирство²⁹ Саксонское.²⁹

Бревен³⁰ 5³¹ черных в желтом поле³² — Португалия.³³

Бобр золотой венчанной в лазоревом поле³⁴ — Биберах.

Бискупская митра — курфирст^ж Меттской,³⁵ Келньской, Иельской,³⁶ Трирской³⁷ и иные³⁸ бискупствы.³⁹

Бискупская красная митра з зелеными перы — маркзгравство³ Баден.

Бискупской посох — курфирсты⁴⁰ Меттской,⁴¹⁴² Келньской,⁴³ Трирской,⁴⁴ Гемстаад⁴⁵ и иные бискупствы.⁴⁶

с. 266 // Бискупской посох меж 2-ма⁴⁷ половинчатыми⁴⁸ белыми руты⁴⁹ и столько же лазоревыми — Апулия, Певкотия,⁵⁰ Кампания.

Бискупской^и белой посох в красном поле — бискупство Эхстад.

⁵¹ Бобковой травы или ⁵² древа венец — римской цесарь.

Быка половина с красными рогами⁵³ и копыты⁵⁴ — Охсензфурт.

Быкова⁵⁵ черная глава,⁵⁶ в роте⁵⁷ кольцо красное⁵⁸ в желтом поле — город⁵⁹ Урии.⁶⁰

Бобра^к 2⁶¹ в красном поле⁶² — Нормандия.

Башня со львами⁶³ — Арагония,⁶⁴ Барселония.

Башня желтая в красном поле — Гишпанская земля и Аустрийская.⁶⁵

Башня златая⁶⁶ — Кастилия, Португалия.⁶⁷

с. 267 // Башня белая, при том⁶⁸ 14 черных лелий⁶⁹ в лазоревом поле — арцухство⁷⁰ Седан.

^Д Испр., в рук. поднятых. ^е Чтение Глац на полях справа, в тексте Главъ.
^ж Испр., в рук. курфирст ^з Испр., в рук. Маргзгравство ^и Испр., в рук. Бискупства. ^к Испр., в рук. Бабра.

⁹⁹ три Ч. ¹⁰⁰ Нет Ч.

11, ¹ княжество Ч. ² Арсхайд Ч; Оркхондъ О. ³ три Ч. ⁴ княжество ЧО.
⁵ Глау ЧО. ⁶ три Ч. ⁷ град Ч. ⁸ Эрфурт О. ⁹ четыре Ч. ¹⁰ стоящих ЧО.
¹¹ Абраготия ЧО. ¹² Доб. обоя в Гишпании королевствы ЧО. ¹³ четыре Ч.
¹⁴ стоящих ЧО. ¹⁵ синее Ч. ¹⁶ пререзывает Ч. ¹⁷ Венгаридес ЧО. ¹⁸ четыре Ч.
¹⁹ Нет Ч. ²⁰ княжество ЧО. ²¹ четыре Ч. ²² желтом ЧО.
²³ княжество ЧО. ²⁴ Доб. град ЧО. ²⁵ четыре Ч. ²⁶ Гендрунт Ч. ²⁷ четыре Ч.
²⁸⁻²⁹ курфирст Саксонской ЧО. ³⁰ Бревно Ч. ³¹ пять Ч.
³² Доб. королевство ЧО. ³³ Португалское ЧО. ³⁴ Доб. град ЧО. ³⁵ Мейнской ЧО.
³⁶ Иольской Ч; нет О. ³⁷ Трилской Ч. ³⁸ прочие О; прочее Ч.
³⁹ бискупство Ч; бискупства О. ⁴⁰ курфирсты ЧО. ⁴¹ Мейнской ЧО. ⁴²⁻⁴⁴ Трирской, Келньской О.
⁴³ Кенпской Ч. ⁴⁴ Доб. град ЧО. ⁴⁵ Генмуствур Ч; Гелмесствур О.
⁴⁶ бискупства ЧО. ⁴⁷ двумя Ч. ⁴⁸ половинчатыми Ч. ⁴⁹ рутвы ЧО.
⁵⁰ Нет ЧО. ⁵¹⁻⁵² Бобкового ЧО. ⁵³ роги ЧО. ⁵⁴ Доб. град ЧО. ⁵⁵ Быковая ЧО.
⁵⁶ голова О. ⁵⁷⁻⁵⁸ красное кольцо ЧО. ⁵⁹ град ЧО. ⁶⁰ Ури ЧО. ⁶¹ два Ч.
⁶² Доб. княжество ЧО. ⁶³ королевствы ЧО. ⁶⁴ Абрагания ЧО. ⁶⁵ Устрийская Ч; Устрийская О. ⁶⁶ Доб. королевствы ЧО. ⁶⁷ Португалия Ч. ⁶⁸ ней ЧО. ⁶⁹ лесий Ч. ⁷⁰ княжество ЧО.

Башни две лазоревых с растворенными воротами ⁷¹ в белом поле — Равенбурх.

Башни 2 ⁷² красных с растворенными желтыми воротами ⁷³ в белом поле ⁷⁴ — Офенбурх.

Башни две на городской ⁷⁵ стене — город ⁷⁶ Лаубан.

Башни 3 ⁷⁷ на стене с растворенными воротами ⁷⁸ — Краков.

Башни 3 ⁷⁹ на стене с ⁸⁰затворенными воротами ⁸¹ — город ⁸² Презбурх.

Башни 3 ⁸³ белых в красном поле — арцухство ⁸⁴ Турс и город ⁸⁵ Амьбурх.

⁸⁶ Башни 3 белых на зеленой горе в кра//сном поле — город ⁸⁷ с. ²⁶⁸ Прага. ⁸⁸

Башни 3 ⁸⁹ белых, вокруг белая стена в красном поле — город ⁹⁰ Сальцбурх.

Башни 4 ⁹¹ белых на белой стене в лазоревом поле — ⁹²Анверпъ город. ⁹³

Башен 7-мь ⁹⁴ — остров Елена.

Башен 7 ⁹⁵ ⁹⁶желтых в красном поле — Португалия.

Башен 7 ⁹⁷ белых в красном поле — Гишпания. ⁹⁸

Брус желтой в лазоревом и ⁹⁹ желтом поле — Эстад.

Брус черной да ¹⁰⁰ белой в красном поле — город ¹⁰¹ ¹ Трокнов. ²

В³

Вельблюд ⁴ — город ⁵ Пилзен. ⁶

// Венец травной ⁷ желтой, в середине белая ⁸ звезда в красном с. ²⁶⁹ поле — княжество Устра. ⁹

Венец ¹⁰ бобкового дерева ¹¹ — цесарь римский. ¹²

Венец ¹³ руты травы ¹⁴ — Саксонской князь Ангальт.

Венец ¹⁵ скифетром в красном поле — Нова Кастилия.

Венец над 2 ¹⁶ ¹⁷ белыми крестами в красном поле ¹⁸ — Гданец. ¹⁹

Венец над 3 ²⁰ белыми ²¹ крестами в черном поле ²² — Амстер-дам. ²³

Венец желтой в красном поле — ²⁴курфирст Меттской. ²⁵

Венец желтой ²⁶ в черном поле — город Швейдниц.

Венец желтой, ²⁷ при том медведь // в белом поле ²⁸ — Ангальт. с. ²⁷⁰

Венец золотой в лазоревом поле — ²⁹город Толето в Гишпании. ³⁰

Венец золотой в красном поле ³¹ — Магденбурх.

Венец тройкой — папа римской.

Венца 3 ³² желтых в лазоревом поле — ³³Свейская и ³⁴Датцкая земли.

Венца 3 ³⁵ желтых в красном поле — город ³⁶ Келен.

Венцов 6 ³⁷ ³⁸ в лазоревом поле — кролевство Мурдия.

⁷¹ враты ЧО. ⁷² две Ч. ⁷³ враты О. ⁷⁴ Доб. град ЧО. ⁷⁵ градовой Ч.
⁷⁶ град ЧО. ⁷⁷ три Ч. ⁷⁸ Доб. град ЧО. ⁷⁹ три Ч. ⁸⁰⁻⁸¹ растворенными враты ЧО.
⁸² град ЧО. ⁸³ три Ч. ⁸⁴ княжество ЧО. ⁸⁵ град ЧО. ⁸⁶⁻⁸⁸ Нет Ч.
⁸⁷ град О. ⁸⁹ три Ч. ⁹⁰ град ЧО. ⁹¹ четыре Ч. ⁹²⁻⁹³ град Антверпъ ЧО.
⁹⁴ семь Ч. ⁹⁵ семь Ч. ⁹⁶⁻⁹⁷ Нет Ч. ⁹⁸ Гишпанская ЧО. ⁹⁹ Доб. в Ч.
¹⁰⁰ и Ч.

¹⁰¹ ¹ град ЧО. ² Трокнов ЧО. ³ Нет Ч. ⁴ Верблюд ЧО. ⁵ град; доб. цесарской ЧО. ⁶ Липзень Ч. ⁷ травы ЧО. ⁸ Нет Ч. ⁹ Аустринское Ч; Аустрийское О. ¹⁰⁻¹¹ древа бобкового ЧО. ¹² римской ЧО. ¹³⁻¹⁴ травы руты (туры) ЧО. ¹⁵ Доб. с Ч. ¹⁶ двумя ЧО. ¹⁷⁻²⁰ Нет О. ¹⁸ град Ч. ¹⁹ Гданеск Ч. ²⁰ тремя Ч. ²¹ новыми Ч. ²² Доб. град галанской ЧО. ²³ Астрадам Ч; Амстрадам О. ²⁴⁻²⁵ курфирст Менской ЧО. ²⁶⁻²⁷ Нет ЧО. ²⁸ Доб. княжество ЧО. ²⁹⁻³⁰ град Гишпанской Толедо ЧО. ³¹ Доб. град ЧО. ³² три Ч. ³³⁻³⁴ Тейская Ч. ³⁵ три Ч. ³⁶ град ЧО. ³⁷ шесть Ч. ³⁸⁻³⁹ Нет ЧО.

- Венцов 6³⁹ в красном поле — арцы арцухство Аустрийское, Тероль,⁴⁰ Стеир, Кернътен,⁴¹ Эльсас.
 Врата растворенные — Россия. //
 с. 271 // Врата златые⁴¹ — Португалия.
 Врата⁴² — Александрия.
 Врата, над теми⁴³ 2⁴⁴ башни —⁴⁵Ротенбурх город,⁴⁶ Лавбау.
 Врата, над теми⁴⁷ 2⁴⁸ башни, во вратехъ лежащей дес⁴⁹ — Рига.
 Врата вполрастворенные⁵⁰ — Ангальт.
 Врата растворенные с тремя башни⁵¹ — Краков.
 Волны морские лазоревые 3⁵² в жолтом поле — Свейская земля, Зеландия,⁵³ Баден.
 Виноград в лазоревом поле — город⁵⁴ Вейнсперх.
⁵⁵Волк — москвитин.⁵⁶
 Волк меж 3-мя⁵⁷ древами в жолтом поле⁵⁸ — Вольфгаген.⁵⁹
 Волк красной, чрез того⁶⁰ бревно лазоревое^М в белом поле — город⁶¹ Пассау.
 Волк черной, чрез того⁶² бревно⁶³ белое в жолтом поле — Вольфбурх.⁶⁴
 с. 272 // Волка 2⁶⁵ красных, у кождого в роте⁶⁶ по овце⁶⁷ — Бискаия в Гишпании.
 Вилы красные в белом поле — графы⁶⁸ Шварценбургские.
 Ветвь зеленая в белом поле — город⁶⁹ Фульда.

Г⁷⁰

- Гора зеленая в красном поле — королевство⁷¹ Венгерское.
 Гора зеленая в чорном поле⁷² — Генденберх.⁷³
 Гора белая в зеленом поле⁷⁴ — Винденберх.⁷⁵
 Гор 6⁷⁶ белых в красном поле⁷⁷ — Брессах.⁷⁸
 с. 273 Гонец бежащей,⁷⁹ в руке копие и гра//мота⁸⁰ в белом поле⁸¹ — город⁸² Лауфен.
 Городок⁸³ белой с тремя белыми башнями в красном поле — град Кастилия ветхая.⁸⁴
 Гусли жолтые в лазоревом поле — Ирлянское королевство, имянуется же⁸⁵ и Аглинская земля.
 Гриф с яйца⁸⁶ — Аррагония, Барселония.⁸⁷
 Гриф желтой в лазоревом поле — Мехенбурх, Росток, Шверин.⁸⁸
 Гриф⁸⁹ венчанной красной⁹⁰ в лазоревом поле — Бранденбурх,⁹¹ Померская земля.⁹²
 Гриф красной в белом поле — Пруская земля,⁹³ Швейдницъ.⁹⁴
 с. 274 // Грифова нога чорная в жолтом поле⁹⁵ — Виллах.
 Гриф черной в жолтом поле — Сидерманленд.⁹⁶

⁴¹ Испр., в рук. Кернъте. ^М Испр., в рук. лазоревое
⁴⁰ Торо ЧО. ⁴¹ Доб. королевство О; кралевство Ч. ⁴² Доб. град ЧО.
⁴³ ними ЧО. ⁴⁴ две Ч. ⁴⁵⁻⁴⁶ град Ретенъбурх ЧО. ⁴⁷ ними ЧО. ⁴⁸ две Ч.
⁴⁹ Доб. град ЧО. ⁵⁰ вползатворенные О; в поле затворенные Ч; доб. княжество ЧО.
⁵¹ Доб. град ЧО. ⁵² три Ч. ⁵³ Зеландийское; доб. княжество и ЧО. ⁵⁴ град ЧО.
⁵⁵⁻⁵⁶ Нет ЧО. ⁵⁷ тремя ЧО. ⁵⁸ Доб. град ЧО. ⁵⁹ Вольфгаген ЧО. ⁶⁰ него ЧО.
⁶¹ град ЧО. ⁶² него ЧО. ⁶³ Нет Ч. ⁶⁴ Вольбурх Ч. ⁶⁵ два Ч.
⁶⁶ челюстех ЧО. ⁶⁷ Доб. кролевство Ч; королевство О. ⁶⁸ князи ЧО. ⁶⁹ град ЧО.
⁷⁰ Нет Ч. ⁷¹ кролевство Ч. ⁷² Доб. град псарской ЧО. ⁷³ Генденбурх О;
 Гинденбурх Ч. ⁷⁴ Доб. град ЧО. ⁷⁵ Витненберх О; Витненбурх Ч. ⁷⁶ шесть Ч.
⁷⁷ Доб. град ЧО. ⁷⁸ Бриссах ЧО. ⁷⁹ бежащий Ч; бежущий О. ⁸⁰⁻⁸¹ Нет О.
⁸² град ЧО. ⁸³ Город ЧО. ⁸⁴ старая ЧО. ⁸⁵ Доб. в календарех ЧО.
⁸⁶ Доб. королевство ЧО. ⁸⁷ Доб. град О. ⁸⁸ Доб. грады ЧО. ⁸⁹⁻⁹⁰ красной
 венчанной ЧО. ⁹¹ Бранденбургская; доб. и ЧО. ⁹² земли Ч. ⁹³ Доб. град ЧО.
⁹⁴ Шведниц ЧО. ⁹⁵ Доб. град ЧО. ⁹⁶ Сидерманлянд Ч.

Грифа ^н 2⁹⁷ черных в желтом поле — Бранденбургская и Померская земля.

Глава всем градам есть ⁹⁸ Рим.

Глава святого Иоанна Крестителя ⁹⁹ в блюде серебряном ¹⁰⁰ — город ^{1v}, ¹ Бреславль.

Геллебард белой з ² золотым древом — Датская^o и Гольстенская земли.

Гребень красной в белом поле — графы ³ Шварценбургские.⁴

Гвоздя з ⁵ белых в красном поле — Датская и Гольстенская земли и ⁶ Шаумбург.^{7п} //

Д⁸

Древо зеленое в ⁹желтом поле — Линдау,¹⁰ Бихгорн.

с. 275

Древо зеленое в красном поле ¹¹ — Геррендаль.

Древо зеленое в ¹² черном ¹³ поле ¹⁴ — Бергенъ, Обзоом,¹⁵ Гертогенбус.¹⁶

Древо зеленое в белом поле — город ¹⁷ Мец.

Древа два ¹⁸ зеленых в красном поле — Вильдбад.

Дельфин, рыба красная в желтом поле ¹⁹ — Дельфинат.

Древо березовое зеленое в красном поле — государственной ²⁰ город ²¹ Линдау.

Е^{22q}

с. 276

Единорог желтой^p в лазоревом поле ²³ — Гингенъ.²⁴

²⁵ Единорог белой в лазоревом поле — Стеир.²⁶

Единорог белой в красном поле — Швабисминд.

Елень венчанная желтая в лазоревом поле — ²⁷Курлянская земля.²⁸

Елень красная в белом поле — граф ²⁹ Швартенбургской.

Елень черная в желтом поле — граф ³⁰ Штольберской.³¹

Елень черная в белом поле — арцухство Браунзвих ³² и ³³ Вольфенбиттель.³⁴

Ж³⁵

Жена морская венчанная — арцухство ³⁶ Виртенберх,³⁷

Жабы з ³⁸ — Французская земля.//

З^{39o}

с. 277

Звезда желтая в лазоревом поле — город ⁴⁰ Браубах и Менстербрх.⁴¹

Звезда желтая в красном поле — град Мастрих.⁴²

Звезда золотая ⁴³ — Браунзвих.⁴⁴

^н Испр., в рук. Грива. ^o Испр., в рук. Датскою. ^п Испр., в рук. Шамбургурх.

^q На нижнем поле отсчет тетрадей — буква-цифра 2. ^р Испр., в рук. жолтъ.

^с В рук. S — «зело».

⁹⁷ два Ч. ⁹⁸ Нет ЧО. ⁹⁹ Предтечи Ч. ¹⁰⁰ серебряном Ч.

^{1v}, ¹ град ЧО. ² со Ч. ³ грады Ч. ⁴ Шварденбургские Ч. ⁵ три Ч.

⁶ Доб. град ЧО. ⁷ Шаумберг ЧО. ⁸ Нет Ч. ⁹⁻¹² Нет Ч. ¹⁰ Линдау О. ¹¹ Доб. град О. ¹³ красном Ч. ¹⁴ Доб. град О; грады Ч. ¹⁵ Опзом ЧО.

¹⁶ Гартогебул Ч; Гартогенбул О. ¹⁷ град ЧО. ¹⁸ 2 О. ¹⁹ Доб. княжество ЧО.

²⁰ Нет ЧО. ²¹ град ЧО. ²² Нет Ч. ²³ Доб. град ЧО. ²⁴ Тинген ЧО.

²⁵⁻²⁶ Нет Ч. ²⁷⁻²⁸ Курляндия ЧО. ²⁹ град Ч. ³⁰ град Ч. ³¹ Штонберской ЧО.

³² Браунзвих О; Браунсфих Ч. ³³ Доб. княжество ЧО. ³⁴ Вольфенбуттель Ч; Волфенвутел О. ³⁵ Нет Ч. ³⁶ княжество ЧО. ³⁷ Виртенбург Ч. ³⁸ три Ч.

³⁹ Нет Ч. ⁴⁰ грады ЧО. ⁴¹ Минстерберх Ч. ⁴² Мастрих ЧО. ⁴³ Доб. княжество ЧО. ⁴⁴ Браунсвих ЧО.

- Звезда красная в желтом поле — граф Шаумбург.⁴⁵
 Звезда красная, при том ⁴⁶ месяца половина ⁴⁷ в белом поле — город Монгеим.⁴⁸
 Звезда черная в желтом поле — графство ⁴⁹ Вальден.⁵⁰
 Звезда белая в черном поле ⁵¹ — Гессен.
 Звезды 2 ⁵² красных в белом поле ⁵³ — Галь ⁵⁴ в Саксонской земле.
 Звезды 3 ⁵⁵ желтых в лазоревом поле — Аустрия. //
 с. 278 Звезды 4 ⁵⁶ желтых в черном ⁵⁷ поле ⁵⁸ — Остфрисланд.
 Звезд 5 ⁵⁹ желтых в лазоревом поле — город ⁶⁰ Грининген.⁶¹
⁶² Зверь ⁶³ испущающ огонь синий ⁶⁴ в белом поле ⁶⁵ — Ингелстад.⁶⁶
⁶⁷ Зверь ⁶⁸ испущающ огонь белой ⁶⁹ в зеленом поле ⁷⁰ — Аустрия, Тироль, Стейр и Каритен.⁷¹

З⁷²

- Змия крылатая — королевство Гишпанское.
 Змия в желтом поле — Датская ⁷³ земля.
 Змея ⁷⁴ белая в красном поле — Бранденбургская ⁷⁵ земля и Померская.⁷⁶
 с. 279 Знамя, верхняя половина черна, // изподняя бела, и ⁷⁷ в том 2 ⁷⁸ меча красных накрест — курфирст ⁷⁹ Саксонской.
⁸⁰ Знамя ⁸¹ 4-х поль ⁸² — курфирст ⁸³ Майнтской.⁸⁴
 Знамя пестрое — Марпурх.⁸⁵
 Знамя желтое в лазоревом поле ⁸⁶ — Остфрисланд.
 Знамя желтое, в нем ⁸⁷ орел черной в лазоревом поле ⁸⁸ — Виртемберг.
 Знамя красное в зеленом поле — Тибинген.⁸⁹
 Знамя красное з желтым деревом ⁹⁰ — Гольстенская земля.
 Знамя ⁹¹цветом красное и белое ⁹², ⁹³ з желтым деревом ⁹³ — графство Мансвельд.⁹⁴
 Знамена ⁹⁵ ⁹⁶черные и белые ⁹⁷ з желтыми деревьями ⁹⁸ — Англант.⁹⁹ //
 с. 280 Золота 6 штук — ¹⁰⁰Португанская ^{v, 1} земля.
 Золота 9 штук ² — Наварское королевство.³
 Заець ⁴ в красном и в ⁵ белом поле ⁶ Гасфурдь.⁷
 Запона золотая в красном поле — Французская земля.
⁸ Змея ⁹ ползущая — Гишпанская земля.¹⁰
 Змея ¹¹ с венцом, в роте младенец — Майланд.¹² ФЗемлица-град^x Краков.
 Зубов слоновых 3 ¹³ в лазоревом поле — Седмиградская ¹⁴ земля.

^t В рук. 3 — «земля». ^y Испр., в рук. белая. ^{Ф-x} Доб. по ЧО, в рук. нет.

⁴⁵ Шаумбург; Шаурберг Ч. ⁴⁶⁻⁴⁷ пол-луны ЧО. ⁴⁸ Монгеим ЧО. ⁴⁹ княжество ЧО. ⁵⁰ Валде О; Васде Ч. ⁵¹ Доб. княжество ЧО. ⁵² две Ч. ⁵³ град ЧО. ⁵⁴ Гальф ЧО. ⁵⁵ три Ч. ⁵⁶ четыре Ч. ⁵⁷ лазоревом ЧО. ⁵⁸ Доб. княжество ЧО. ⁵⁹ пять Ч. ⁶⁰ град ЧО. ⁶¹ Гининген Ч. ⁶²⁻⁶⁶ В ЧО сначала читается следующая (67-71) строка. ⁶³ Доб. белой ЧО. ⁶⁴ Нет ЧО. ⁶⁵ Доб. град ЧО. ⁶⁸ Доб. синий ЧО. ⁶⁹ Нет ЧО. ⁷⁰ Доб. княжества Ч. ⁷¹ Доб. княжества О. ⁷² Нет Ч. ⁷³ Датская ЧО. ⁷⁴ Змия ЧО. ⁷⁵⁻⁷⁶ и Померская земля О. ⁷⁷ Нет ЧО. ⁷⁸ два Ч. ⁷⁹ курфирст ЧО. ⁸⁰⁻⁸⁴ Нет Ч. ⁸¹ Знамен О. ⁸² половины О. ⁸³ курфирст О. ⁸⁴ Мейнской О. ⁸⁵ Марпурх Ч. ⁸⁶ Доб. княжество ЧО. ⁸⁷ том ЧО. ⁸⁸ Доб. град ЧО. ⁸⁹ Инбинген ЧО. ⁹⁰ древом ЧО. ⁹¹⁻⁹² белаго и красного цвета ЧО. ⁹³ древом Ч. ⁹⁴ Мансвельт ЧО. ⁹⁵ Знамяна Ч. ⁹⁶⁻⁹⁷ Нет ЧО. ⁹⁸ деревья доб. по белой и черной земле — княжество ЧО. ⁹⁹ Ангальзы ЧО. ^{100-v, 2} Нет Ч. ^{v, 1} Португальская О. ³ королевство Ч. ⁴ Заяц Ч. ⁵ Нет О. ⁶ Доб. град Ч. ⁷ Доб. град О. ⁸⁻¹⁰ Нет О. ⁹ Змия Ч. ¹¹ Змия ЧО. ¹² Мейлянд ЧО. ¹³ три Ч. ¹⁴ Седмиградская Ч.

И¹⁵

Инок в красном и белом поле — курфирст¹⁶ // Беирской,¹⁷ с. 281
 город¹⁸ Минхен.

К¹⁹

Колосы 3²⁰ желтых на белой горе в красном поле²¹ — Динкель-
 Spiegel.²²

²³ Корято красное, ²⁴ в том ²⁵ ²⁶ рыба белая ²⁷ — Гингенбах.²⁸

Корято белое с лазоревыми рыбами²⁹ — Онольцъ-бах.³⁰

Кулака два³¹ ручных — Швайцары.

Козел стоячей³² черной в белом поле — бискупство и город³³ Хур.

Козел черной з желтыми рогами³⁴ — Гесская земля.

Крест желтой и лазоревой — графы Шварцбургские.

Крест лазоревой и черной — ³⁵ Браунзвих или Нейбурх.³⁶ //

³⁷ Крест двойной³⁸ — королевство³⁹ Венгерское.⁴⁰ с. 282

Крест двойной⁴¹ красной в белом поле — монастырь Гирс-
 фелдъ.⁴²

⁴³ Крест венчанной — Седмиградцкая земля.

Крест желтой на белой горе в красном поле — Альтендорф.⁴⁴

Крест желтой в лазоревом поле — Лотринская земля,⁴⁵ Датская,
 Гольстенская.⁴⁶

Крест желтой в красном поле — ⁴⁷ архиепископство Бремен,⁴⁸
 Рага.

Крест желтой в красном поле — Каноници в Любеке.⁴⁹

Крест желтой в красном поле — бискупство Падерборн,⁵⁰ Любок.

Крест великой — арцухство⁵¹ Мантуа.

Крест великой желтой⁵² в черном поле — Аустриская земля. //

Крест великой желтой, при том 4 креста малых вкруг в белом с. 283
 поле — ⁵³ Ципрский остров⁵⁴ Лотринская земля.

Крест великой красной — Бургундия.⁵⁵Ц

Крест великой белой — Датская⁵⁶ земля.

Полкреста желтого в лазоревом поле⁵⁷ — Опшелен.⁵⁸

Крест красной в желтом поле⁵⁹ — Католония,⁶⁰ Утрехт.

Крест красной в желтом поле, вкруг 4 цвета свербаринных⁶¹ —
 курфирст⁶² Бранденбургской, Померская земля⁶³ и Венденская.⁶⁴

Крест красной в белом поле — курфирст⁶⁵ Трирской.

Крест красной в белом поле⁶⁶ — Генуа, Бонония,⁶⁷ Трир, Уден-
 бурх,⁶⁸ Денменгорсть, Зунфен. Мемминген. //

Крест красной в белом поле межъ 2-ма⁶⁹ королевскими и 2-ма⁷⁰ с. 284
 королевскими⁷¹ главами⁷² — Аррагониеи.

Ц Испр., в рук. Бургундия. Ч Испр., в рук. королевскими.

¹⁵ Нет Ч. ¹⁶ курфирст ЧО. ¹⁷ Беир О; доб. и Ч. ¹⁸ град Ч. ¹⁹ Нет Ч.
²⁰ три Ч. ²¹ Доб. град ЧО. ²² Динкелстиген ЧО. ²³⁻²⁴ Корята красная ЧО.
²⁵ нем ЧО. ²⁶⁻²⁷ белая рыба ЧО. ²⁷ Доб. град ЧО. ²⁸ Гингенбах Ч; Ганген-
 бах О. ²⁹ Доб. град Ч. ³⁰ Доб. град О. ³¹ 2 О. ³² стоящей О; стоящий Ч.
³³ град ЧО. ³⁴ роги ЧО. ³⁵⁻³⁶ Браунзвихское или Нейбургское княжества ЧО.
³⁷⁻⁴⁰ Нет О. ³⁸ двойной Ч. ³⁹ королевство Ч. ⁴¹ двойкой ЧО. ⁴² Гирсвенд ЧО.
⁴³⁻⁴⁴ Нет ЧО. ⁴⁵ Нет ЧО. ⁴⁶ Доб. земли ЧО. ⁴⁷⁻⁴⁸ архиепископ Бременской;
 доб. град ЧО. ⁴⁹ Любеке Ч; доб. граде ЧО. ⁵⁰ Падербук; доб. град ЧО. ⁵¹ кня-
 жество; доб. Италийское ЧО. ⁵² Нет Ч. ⁵³⁻⁵⁴ остров Циприйской ЧО. ⁵⁵ Бур-
 гунская; доб. земля ЧО. ⁵⁶ Датцкая ЧО. ⁵⁷ Доб. град ЧО. ⁵⁸ Апшелен О;
 Апшелен Ч. ⁵⁹ Доб. королевство Ч; королевство О. ⁶⁰ Доб. град ЧО. ⁶¹ рже-
 ных ЧО. ⁶² курфирст ЧО. ⁶³ Нет ЧО. ⁶⁴ Вендейская; доб. земли ЧО. ⁶⁵ кур-
 фирст ЧО. ⁶⁶ Доб. грады ЧО. ⁶⁷ Бонотия ЧО. ⁶⁸ Аденбурх Ч; Онденбурх О.
⁶⁹ двама ЧО. ⁷⁰ двама ЧО. ⁷¹ головами Ч; доб. королевство Ч; королевство О.
⁷² Аррагонское ЧО.

- Крест красной и белой в красном ⁷³ поле ⁷⁴ — Эльбинген. ⁷⁵
 Крест черной, немецкого чина — Верхней ⁷⁶ Майстер.
 Крест черной в желтом поле — Саксонская земля, бискупство Мерсебург, ⁷⁷ графство Липпс.
 Крест черной в красном и белом поле — Калабрия, или велика Греция, ⁷⁸ Келен, Гильдесгейм, Констацъ. ⁷⁹
 Крест черной в белом поле — курфирст ⁸⁰ Келнской III и архимандрит в Фульда.
 Крест черной и белой в черном и белом поле — Байрет. ⁸¹ //
 с. 285 ⁸² Крест белой в красном поле — Датская ⁸³ и Гольстенская земли. ⁸⁴
⁸⁵ Крест белой в лазоревом поле — бискупство Спеир. ⁸⁶
⁸⁷ Крест белой в красном поле — ⁸⁸Савоя, Бреда, ⁸⁹ Вена. ⁹⁰
⁹¹ Крест белой в черном поле — бискупство Гавельбург. ⁹²
 Крест белой двойкой ⁹³ в красном поле — Венгерская земля. ⁹⁴
 Крест двойкой ⁹⁵ на зеленой горе — Венгрия. ⁹⁶
 Креста 2 ⁹⁷ белых с венцом в красном поле ⁹⁸ — Гданеск.
 Креста 3 ⁹⁹ белых с венцом в черном поле ¹⁰⁰ — Амстердам. VI. 1
 Креста 4 ² желтых малых, ³ да пятой большой в середине ⁴ — Лотринская земля.
 Коркодил есть ⁵ Африка.
 Крылье желтое и лазоревое ⁶ — Мехельбург. ⁷ //
 с. 286 Крыло лазоревое и белое — арцухство Беирское, ⁸ Ниренберх, ⁹ Цвеврин ¹⁰ и Лиценштейн. ¹¹
¹² Крыла пестрые ¹³ — арцухство Минстерберх, графство Нассау. ¹⁴
¹⁵ Крыла белые ¹⁶ — Савоен ¹⁷.
¹⁸ Крыла белые, ¹⁹ в том желтой лук в лазоревом поле ²⁰ — Бадет. ²¹
 Крыла 2 ²² лазоревых, в том ²³ 2 скифетра — курфирст ²⁴ Бранденбургской. ²⁵
 Колокол желтой в лазоревом поле — ²⁵Мец город в Французской земле. ²⁶
 Колесо желтое в красном поле — курфирст ²⁷ Саксонской, ²⁸ Гилих, Клев. ²⁹
 Курица черная в желтом поле — графство Геннеберх. ³⁰
 Курица черная ³¹ в желтом поле на зеленой горе ³² — Саксонской ³³ курфирст, ³⁴ Веймар и ³⁵ Кобурх. ³⁶ //
 с. 287 Котел ³⁷ белой — Курлянская земля.
 Король ³⁸ сидящий на престоле в красном поле — королевство ³⁹ Сицилия. ⁴⁰

^{III} *Испр., в рук. Кевнской* III-м *В рук. написано на полях слева.* ^{III} *Испр., в рук. Бранденбургской.*
⁷³ Доб. и белом ЧО. ⁷⁴ Доб. град ЧО. ⁷⁵ Енбинг Ч; Элбин О. ⁷⁶ Вышней ЧО.
⁷⁷ Мирсебург ЧО. ⁷⁸ Доб. град ЧО. ⁷⁹ Константин О. ⁸⁰ курфирстр ЧО.
⁸¹ Баварская доб. земля ЧО. ⁸²⁻⁸⁴ В ЧО сначала читается следующая (85—86) строка. ⁸³ Датцкая ЧО. ⁸⁷⁻⁹⁰ В ЧО сначала читается следующая (91—94) строка. ⁸⁸⁻⁸⁹ Савойское княжество и град Брец ЧО. ⁹² Гавенбург О. ⁹³ двойной ЧО. ⁹⁵ двойной О. ⁹⁶ Венгерское; доб. королевство ЧО. ⁹⁷ два Ч.
⁹⁸ Доб. град ЧО. ⁹⁹ три Ч. ¹⁰⁰ Доб. град ЧО.
^{VI}, ¹ Амстрадам ЧО. ² четыре Ч. ³⁻⁴ среди их един великой ЧО. ⁵ четвертая часть земли ЧО. ⁶ Доб. княжество ЧО. ⁷ Мехенбург ЧО. ⁸ Доб. град ЧО. ⁹ Неренбург ЧО. ¹⁰⁻¹¹ Кленцныштейн ЧО. ¹²⁻¹³ Крылье пестрое ЧО.
¹⁴ Нассав ЧО. ¹⁵⁻¹⁶ Крылье белое ЧО. ¹⁷ Савосское О; Савское Ч; доб. княжество ЧО. ¹⁸⁻¹⁹ Крыло белое ЧО. ²⁰ Доб. град ЧО. ²¹ Баден ЧО. ²² два Ч.
²³ них Ч. ²⁴ курфирстр ЧО. ²⁵⁻²⁶ град Мец французской ЧО. ²⁷ курфирстр ЧО.
²⁸⁻²⁹ Гулихская и Клевская земли ЧО. ³⁰ Геннебург ЧО. ³¹⁻³² на зеленой горе в желтом поле ЧО. ³³ Саксонская ЧО. ³⁴ земля доб. и ЧО. ³⁵ Нет ЧО.
³⁶ Доб. грады ЧО. ³⁷ Костел Ч. ³⁸ Кроль Ч. ³⁹ кролевство Ч; доб. и остров ЧО.
⁴⁰ Сицилийский ЧО.

⁴¹ Коровей доец — Швайцары.⁴²

⁴³ Королевских глав 2 ⁴⁴ в белом поле — Аррагония,⁴⁵ Португалия.⁴⁶

Коровы 2 ⁴⁷ красных с колокольцы у шеи, в желтом ⁴⁸ поле — княжество Беарн.

Полколеса белаго в красном поле ⁴⁹ — Ратибор.⁵⁰

Колесо красное в белом поле — Оснабрук.⁵¹

Колесо белое в лазоревом поле — господа ⁵² Фалькенъштейнские.⁵³

Кропивных листов 3 белых в красном поле — ⁵⁴ Датская земля, Гонстенская,⁵⁵ Шаумбурх.⁵⁶

Конская глава ⁵⁷ — Вирцбурх.⁵⁸ //

Конские ноги красные и желтые ⁵⁹ — Лимберх.

с. 288

Конь белой ⁶⁰ есть Польша.⁶¹

Конская конюшня ⁶² — Вольфенбиттель.

Конь гнед в желтом поле — ⁶³ город Гриненбурх.⁶⁴

Конь бежущь ⁶⁵ обузданной — ⁶⁶ Португанская земля.⁶⁷

Конь ворон в желтом поле ⁶⁸ — Студгард.

Конь бел — Браунзвих, Линенбурх, Вестфален, Марпурх.⁶⁹

Конь бел в красном поле — Датская,⁷⁰ Польская, Гольстенская, Савойская, Вестфальская ⁷¹ земли,⁷² Кельн.⁷³

Кубок ⁷⁴ в златом ⁷⁵ поле — королевства ⁷⁶ Галиция, Гишпания.

Корабль есть ⁷⁷ Париж ⁷⁸ в Французской земле ⁷⁹ столица.

Корабль ⁸⁰ на воде пловущей ⁸¹ — Лизбон,⁸² город в Португальской земле.⁸³ //

Ключ есть посполито, папа римской и его земли и войска.

с. 289

Ключ желтой в красном поле — ⁸⁴ город Генф.⁸⁵

Ключ белой в красном поле — бискупство и город ⁸⁶ Наумбурх, Бремен, Вормс и Ундервальден.⁸⁷

Ключа два ⁸⁸ накрест ⁸⁹ — город ⁹⁰ Ледин, Рига.

Ключа 2 красных в желтом поле ⁹¹ — Капа.⁹²

Ключа 2 красных с черным крестом в белом поле ⁹³ — Андернах.

Ключа 2 белых накрест в красном поле — бискупство Браунденбурх и ⁹⁴ Мильден ⁹⁵ город ⁹⁶ Регензбурх.⁹⁷

Ключа 2 ⁹⁸ белых в красном поле ⁹⁹ и на кресте желтом ¹⁰⁰ — арцыбискупство Бремен.

Ключа 2 ^{vii}, ¹ переложеных накрест в красном поле — Перусинское владенье, Рома//ниола и Ореventальское.²

с. 290

Креста 3 2 накрест преложеных ⁴ белых в красном ⁵ поле и белом ⁶ — город ⁷ Лаубан.

⁴¹⁻⁴² В ЧО сначала читается текст (43—46); ⁴⁴ пять ЧО. ⁴⁵ Абрагонское ЧО.
⁴⁶ Нет ЧО. ⁴⁷ две Ч. ⁴⁸ красном ЧО. ⁴⁹ Доб. град Ч. ⁵⁰ Доб. град О.
⁵¹ Оснабурц ЧО. ⁵² графы ЧО. ⁵³ Фалькенштейнские ЧО. ⁵⁴⁻⁵⁵ Датская и Гольстенская земли ЧО; доб. град Ч. ⁵⁶ Шоумбурх ЧО; доб. град О. ⁵⁷ Доб. град ЧО. ⁵⁸ Вицберх ЧО. ⁵⁹ Доб. град ЧО. ⁶⁰⁻⁶¹ Польская земля ЧО.
⁶² Доб. град ЧО. ⁶³⁻⁶⁴ град Гриненбурх ЧО. ⁶⁵ скачущий ЧО. ⁶⁶⁻⁶⁷ Португальское королевство ЧО. ⁶⁸ Доб. град ЧО. ⁶⁹ Марбурх доб. княжества ЧО.
⁷⁰ Датская ЧО. ⁷¹ Вестфальская ЧО. ⁷² Доб. град ЧО. ⁷³ Келин ЧО.
⁷⁴⁻⁷⁵ элетой в лазоревом ЧО. ⁷⁶ королевствы ЧО. ⁷⁷ Нет ЧО. ⁷⁸⁻⁷⁹ Французские земли ЧО. ⁸⁰⁻⁸¹ пловущий по воде ЧО. ⁸²⁻⁸³ столица Португальская О. Португальская столица Ч. ⁸⁴⁻⁸⁵ град Нельф ЧО. ⁸⁶ град ЧО. ⁸⁷ Ундервалден ЧО. ⁸⁸ 2 О. ⁸⁹ красных ЧО. ⁹⁰ грады ЧО. ⁹¹ Доб. град ЧО. ⁹² Капша О; Кавпа Ч. ⁹³ Доб. град ЧО. ⁹⁴ грады ЧО. ⁹⁵ Менден О; Менд Ч.
⁹⁶ Нет ЧО. ⁹⁷ Регеабурх О; Регузбурх Ч. ⁹⁸ два Ч. ⁹⁹⁻¹⁰⁰ накрест ЧО.
^{vii}, ¹ два Ч. ² Оривитальское ЧО; доб. княжества ЧО. ³ Ключа Ч. ⁴ Нет ЧО. ⁵⁻⁶ в белом поле О. ⁷ град ЧО.

Л⁸

Ловец — Саксонская, Веймарская, Виртенберхская,^{9Ю} Туринген.
Ловчей рог — ¹⁰Виртемьберх, Швабен.¹¹

Лелии ¹² есть обще ¹³ Французскому государству.

Лелии лазоревые и желтые в лазоревом ¹⁴ и желтом поле ¹⁵ — бискупство Мейсен.

Лелии желтые в лазоревой земле — Шпанская,¹⁶ Французская, Аглинская, Лотринская^Я земли.¹⁷

Лелия желтая с тремя листьями и 2 ¹⁸ цвета сверобаринных ¹⁹ — Флоренская земля.^{11, а //}

с. 291 Лелия великая черная в белом поле — ²⁰ город Базен.

Лелии красные в желтом поле ²¹ — Аглинская и Шкотская²² земли.

Лелия красная в белом поле ²³ — Кобленц.

Лелии белые в лазоревом поле — ²⁴Нассовское княжество.²⁵

Лелии белые в красном поле ²⁶ — Бреслав.²⁷

Лелии 3 ²⁸, наверх ²⁹ 2 ³⁰, третья^б внизу — город ³¹ Артоис.³²

Лелии 2 ³³ желтые ^{34в} в лазоревом поле — Пикардия.³⁵

Лелии 3 ³⁶ — вольные^г господа Эйстада.³⁷

Лелии 3 ³⁸ желтых в лазоревом поле, в середине их ³⁹ малой посох ⁴⁰ накось красной ⁴¹ — арцухство Бурбон,⁴² Велоис Домбес.

Лелии 3 ⁴³ желтых в ряд стоячих в лазоревом поле — арцухство Турс, Бонониен,⁴⁴ Лемания. //

с. 292 Лелии 3 ⁴⁵ белых в красном поле — город ⁴⁶ Нейссе ^{47в} Шленской земле.⁴⁸

Лелии 4 ⁴⁹ желтых в лазоревом поле — Лотринская земля.

Лелий 6 ⁵⁰ желтых в белом поле ⁵¹ — Сульцьбах.⁵²

Лелий 9, ⁵³ иные впол и иные целые ⁵⁴ в лазоревом поле ⁵⁵ — Неаполис.⁵⁶

Лелий 12 желтых в лазоревом поле ⁵⁷ — Антоис.⁵⁸

Лелий 13 желтых в лазоревом поле — арцухство Берри.

Лелий 14 черных ⁵⁹ в лазоревом поле, в середине белая большая ⁶⁰ — арцухство Седан.

Лв⁶¹

с. 293 Лев ⁶² есть ⁶³ посполито ⁶⁴ — Свейская земля и Азия. //

Лев в лапе держа ⁶⁵ палаш — Финская земля.

Лев з геллепардом ⁶⁶ — Норветская ⁶⁷ земля.

Лев з быковою ⁶⁸ главою — Штеирмарк.⁶⁹

Лев з двояким хвостом — ⁷⁰ Ческая земля.⁷¹

Лев, при нем 9 сердец — Датская ⁷² земля.

Ю Испр., в рук. Виртенберхское. Я Испр., в рук. Лотринские.

11, а На нижнем поле отсчет тетрадей — буква-цифра 3. б Испр., в рук. третьяя, в В рук. писано сверх строки. г В рук. доб. вольны.
8 Нет Ч. 9 Доб. земли, град ЧО. 10-11 Виртембергская земля и Швабская ЧО.
12 Лелии ЧО. 13 общей; доб. знак ЧО. 14-15 поле и желтом ЧО. 16 Доб. земля О.
17 Нет О. 18 два Ч. 19 рожаных Ч; роженных О. 20-21 Нет ЧО. 22 Шкотцкая Ч;
Шкодская О. 23 Доб. град ЧО. 24-25 княжество Нассав ЧО. 26 Доб. град ЧО.
27 Бреславль ЧО. 28 три Ч. 29 наверху ЧО. 30 две Ч. 31 град ЧО. 32 Артонъс ЧО.
33 две Ч. 34 желтых ЧО. 35 Покардия Ч; Пакардия О. 36 три Ч. 37 Устад Ч;
Эстад Ч. 38 три Ч. 39 тех ЧО. 40-41 красной скоса ЧО. 42 Бурбонское ЧО.
43 три Ч. 44 Бонония ЧО. 45 три Ч. 46 град ЧО. 47-48 Шленской ЧО. 49 че-
тыре Ч. 50 шесть Ч. 51 Доб. княжество ЧО. 52 Сунцбах ЧО. 53-54 целые и
половые ЧО. 55 Доб. град Ч. 56 Доб. град О. 57 княжество ЧО. 58 Артоис ЧО.
59 желтых Ч. 60 башня ЧО. 61 Нет ЧО. 62-64 посполитое есть О. 63 Нет Ч.
65 Нет ЧО. 66 генлебардом ЧО. 67 Норъ великая Ч. 68 воловою ЧО. 69 Штер-
марское; доб. княжество ЧО. 70-71 Ческое королевство ЧО. 72 Дацкая О.

- Лев в лапе держа стрелы — Недерляндская ⁷³ земля.⁷⁴
 Лвы лазоревы в жолтом поле — Датская,⁷⁵ Гольстенская, Браунзвихская и Линенбургская ^д земли.
 Лев лазоревой в красном поле ⁷⁶ Лутценбургская земля.⁷⁷
 Лев лазоревой в ⁷⁸ белой земле ⁷⁹ — Аустрийская^е земля, Фландерская,⁸⁰ Шленская земли.
 Лев лазоревой венчанной на белой земле — арцухство^ж Баварское, Нейбургское^з и Звенбрук.⁸¹
 Лев пестрой — Гесская земля. //
 Лев венчанной стоящ на лазоревом копые в белом поле — курфирст ⁸² Майнской.⁸³
 Лев красной венчанной, в желтом поле — Свийская,⁸⁴ Нассовская земля.⁸⁵
 Лев красной венчанной в белом поле — Курлянская, Гишпанская, Легионская^и и Баденская земли.
 Лев черной венчанной в жолтом поле — Бранденбургская ⁸⁶ и Прусская земли.⁸⁷
 Два чернаго венчанного половина в жолтом поле — Померская земля, остров Руген.
⁸⁸ Лев черной венчанной^к в белом^л поле — бискупство^м Мец.⁸⁹
⁹⁰ Лев желтой венчанной в лазоревом поле — Мехельбурх.⁹¹
 Лев венчанной белой в красном поле — Чешская ⁹² земля, Аустриска, ⁹³ Бреслав.⁹⁴ //
 Лев стоячей желтой ⁹⁵ в лазоревом поле — Гехдорлянская ⁹⁶ с. 295. земля.
 Лев жолтой ⁹⁷ крылатой, в правой лапе палашь, в левой книга — владение ⁹⁸ Венецейское.
 Лев жолтой в лазоревом поле, поперег ево ⁹⁹ 2 бревна, красное и белое — графство Мансвельд.
 Лев жолтой в зеленом поле ¹⁰⁰ — Зутфен. ^{viii, 1}
 Лев жолтой в красном поле ^{2и} — Берген,³ Гессен, Браунзвих,⁴ Линенбурх, графство Шарлаис ⁵ и Царинген.
 Лев жолтой в черном поле — курфирст ⁶ Кельньской,⁷ Пфанской,⁸ Баварской,⁹ Брабанц,¹⁰ ¹¹город Алторф.¹²
 Лев жолтой, при том желтые ¹³ каменя ¹⁴ в лазоревом поле — Бургунская земля,¹⁵ Нассовская. //
 Лев жолтой с красным венцом в ¹⁶ черной земле ¹⁷ на зеленой с. 296. горе ¹⁸ — город ¹⁹ Гейдельберх.²⁰
 Лев разделенной — Недерлянская земля.
 Лев великой ²¹ — Азия.
 Лев великой жолтой да 2 ²² малых в лазоревом поле — Гомбурх.²³
²⁴ Пол-лва ²⁵ красного в лазоревом поле ²⁶ — Дармстад.

^д Испр., в рук. Линенбургския. ^е Испр., в рук. Аустриска. ^{ж-з} Испр., в рук. Бавирское, Небургское. ^и Испр., в рук. Легионская. ^{к-л} Доб., в рук. нет. ^м Испр., в рук. бискупско. ^н В рук. описано сверх строки.

⁷³ Галанская ЧО. ⁷⁴ Доб. и прочие к тому належашие княжества ЧО. ⁷⁵ Дацкая О. ⁷⁶⁻⁷⁷ Лутценбургское княжество ЧО. ⁷⁸⁻⁷⁹ белом поле ЧО. ⁸⁰ Доб. и ЧО. ⁸¹ Свенбрук ЧО. ⁸² курфирст ЧО. ⁸³ в ЧО здесь читается строка (90—91). ⁸⁴ Доб. и ЧО. ⁸⁵ земли ЧО. ⁸⁶⁻⁸⁷ земля и Прусская Ч. ⁸⁸⁻⁸⁹ Нет Ч. ⁹⁰⁻⁹¹ См. выше 83. ⁹¹ Меленбурх ЧО. ⁹² Чешская ЧО. ⁹³ Аустрийская О; Аустринская Ч; доб. град ЧО. ⁹⁴ Бреславль ЧО. ⁹⁵⁻⁹⁷ Нет Ч. ⁹⁶ Гендерлянская О. ⁹⁸ владительство О; владительства Ч. ⁹⁹ его Ч. ¹⁰⁰ Доб. град ЧО.

^{viii, 1} Зутфен ЧО. ² Доб. град ЧО. ³ княжество ЧО. ⁴ Браунзвих ЧО. ⁵ Шарлоис ЧО. ⁶ курфирст ЧО. ⁷ Кенской ЧО. ⁸ Пифанской О; Пифанской Ч. ⁹ Бованской Ч. ¹⁰ Брабант ЧО. ¹¹⁻¹² град Анторд ЧО. ¹³ Нет О. ¹⁴ ка-
 менье ЧО. ¹⁵ Доб. и Ч. ¹⁶⁻¹⁷ черном поле ЧО. ¹⁸ Нет Ч. ¹⁹ град ЧО.
²⁰ Гейдельбурх Ч. ²¹ великий ЧО. ²² два Ч. ²³ Гумбурх ЧО. ²⁴⁻²⁵ Лва поло-
 вина Ч; Лва пол О. ²⁶ Доб. град ЧО.

²⁷ Пол-лва ²⁸ красного в желтом поле, под ним валы водные — маркграфство Баден, Зеландия.²⁹

Лев полуночный ³⁰ — Свейская земля.

Лев красной в желтом поле — Аустриска, ³¹ Галанская, Гесская земли, ³² Утрехт город.³³

Лев красной в желтом и в ³⁴ красном ³⁵ стоялице ³⁶ — Аглинская и Шкотская земли.

Лев красной в желтом поле с лазоревым венцом, посреди его ³⁷ водные валы его пререзывают ³⁸ — Зеланское княжество.³⁹ //

с. ²⁹⁷ Лев красной в золотом ⁴⁰ поле, вокруг лелии — Аглинская и Шкоцкая ⁴¹ земли.

Лев красной в желтом поле, пререзывает его ⁴²монт ^c — город Звейбрик.⁴³

Лев черной — Волоская земля, город ⁴⁴ Берген в Норвегии.

Лев ⁴⁵черной стоячей ⁴⁶ — Гельдрия.⁴⁷

Лев черной, на грудях орел двоеглавой — государство Фландерское.

Лев черной, ⁴⁸проходит поперег его ⁴⁹ бревно ⁵⁰ — Бамберх.⁵¹

Лев черной в желтом поле с желтым ⁵² венцом — Бранденбургская ⁵³ земля.

Лев черной ^t в желтом поле с ^y скифетром ⁵⁴ — Мейсен, Гилих, Клеф.

Лев белой в лазоревом поле з желтыми знаки ⁵⁵ — Савоен.⁵⁶

⁵⁷Лев красной в зеленом поле — остров Кипрский.⁵⁸ //

с. ²⁹⁸ Лев белой, на грудях ⁵⁹ орел двойкой ⁶⁰ — Камерих.⁶¹

⁶² Два лва ⁶³ лазоревых з желтыми венцы в таком же ^φ поле — Шленская и Фрислянская земли.

⁶⁴ 2 лва ⁶⁵ желтых в черном поле ⁶⁶ — Берген, Обсом.⁶⁷

⁶⁸ 2 лва ⁶⁹ желтых с такими ж знаки в лазоревом поле — Вестъфрисленд.⁷⁰

⁷¹ 2 лва ⁷² красных в желтом поле — графство Лимбурх, Гендега.⁷³

⁷⁴ 3 лва ⁷⁵ желтых в красном поле — Аглинская земля.⁷⁶

⁷⁷ 3 лва ⁷⁸ красных в белом поле — архиепискупство Камерех,⁷⁹ арцухство Арнбурх.⁸⁰

⁸¹ Три лва ⁸² черных ⁸³ венчаных в ^x белом поле ⁸⁴Швабская земля.⁸⁵

Лвова глава желтая — ⁸⁶Савойская земля.⁸⁷

Лвовых глав 3 ⁸⁸ венчаных — Далматская ⁸⁹ земля. //

с. ²⁹⁹ Лебедь красной — граф Текленбургской.

^o Так в рук. ^{п-р} Доб., в рук. нет. ^с Так в рук. ^t В рук. описано сверх строки. ^y Доб., в рук. нет. ^φ Доб., в рук. нет. ^x Доб., в рук. нет.

²⁷⁻²⁸ Лва половина Ч; Лва пол О. ²⁹ Зеланское; доб. княжество ЧО. ³⁰ получ-ный ЧО. ³¹ Аустрийская ЧО. ³²⁻³³ и град Утрехт ЧО. ³⁴ Нет ЧО. ³⁵ Доб. поле ЧО. ³⁶ стоящий ЧО. ³⁷ ево О. ³⁸ переливают Ч. ³⁹ В ЧО здесь читается строка 57—58 (см. ниже). ⁴⁰ золотом ЧО. ⁴¹ Шкотская Ч. ⁴²⁻⁴³ мал град Свейбрус Ч; мат град Свейбрук О. ⁴⁴ град Ч. ⁴⁵⁻⁴⁶ стоящий черный ЧО. ⁴⁷ Гельденское Ч; Гельдерское О; доб. княжество ЧО. ⁴⁸⁻⁴⁹ поперег ево пре-ходит ЧО. ⁵⁰ Доб. град ЧО. ⁵¹ Мамберх ЧО. ⁵² Нет ЧО. ⁵³ Бран-дебурская Ч. ⁵⁴ Доб. княжества ЧО. ⁵⁵ Доб. княжество ЧО. ⁵⁶ Савой-ское ЧО. ⁵⁷⁻⁵⁸ В ЧО эта строка читается под № 39, выше. ⁵⁸ Кипрской ЧО. ⁵⁹ груди ЧО. ⁶⁰ Доб. град ЧО. ⁶¹ Камерех ЧО. ⁶²⁻⁶³ Лва 2 ЧО. ⁶⁴⁻⁶⁵ Лва 2 О; Лва два Ч. ⁶⁶ Доб. град ЧО. ⁶⁷ Обсом ЧО. ⁶⁸⁻⁶⁹ Лва 2 О; Лва два Ч. ⁷⁰ Вестъфрислянд Ч; Вестъфрисланд Ч. ⁷¹⁻⁷² Лва 2 ЧО. ⁷³ Гинне-гав ЧО. ⁷⁴⁻⁷⁵ Лва 3 О; Лва 2 Ч. ⁷⁶ Доб. Лва 3 красных в белом поле — княже-ство Швабское ЧО. ⁷⁷⁻⁷⁸ Лва три Ч; Лва 3 О. ⁷⁹ Камерих ЧО. ⁸⁰ Амбурх ЧО. ⁸¹⁻⁸² Лва три Ч; Лва 3 О. ⁸³ Нет Ч. ⁸⁴⁻⁸⁵ княжество Швабское ЧО. ⁸⁶⁻⁸⁷ Са-войское княжество ЧО. ⁸⁸ три Ч. ⁸⁹ Далматская Ч; Далматская О.

Лебязья шея белая — ⁹⁰курфирст Трирской. ⁹¹
 Лебедь белой, на шее ⁹²желтой ⁹³венец в красном поле — Датская ⁹⁴ и Гольстенская земля. ⁹⁵
 Лебедей 3 ⁹⁶белых в красном поле — город ⁹⁷Звинков. ⁹⁸
 Лучь — Странзунт ⁹⁹ в Померской земле.
 Люди без глав — галанцы или ¹⁰⁰Стаден.
 Лучи солнечные IX, ¹ — Генева.
 Лисица ² — Езуиты.

М³

Медведь — курфирст ⁴ баварской.
 Медведь в белых улицах — город ⁵ Берн.
 Медведь черной в желтом поле з златым ошейником ⁶ — Галлен. // с. 300
 Медведь черной в белом поле — ⁷Берлин, Фрейзингир. ⁸
 Медведь черной в белом поле з златым венцом и с ошейником — княжество Ангалт. ⁹
 Медвежьих ног 2, в каждой по ядру — княжество Лимьбурх.
 Мужика 4 ¹⁰ город ¹¹ Келн и ¹² Сальцбурх.
 Мост каменной в красном поле — Кинзинг. ¹³
 Мост белой в красном поле — Инспрук. ¹⁴
 Месеца ¹⁵ половина з звездою ¹⁶ Копногав. ¹⁷
 Месеца ¹⁸ половина желтого в лазоревом поле — Браубах.
 Месеца ¹⁹ половина красного меж ²⁰ 2 ²¹ красными звездами в белом поле ²² — Галь в Саксонской земле.
 Месеца ²³ половина в зеленом поле — Турская и Ефиопская земля. ²⁴
 Месяць белой в чорном орле на жолтой земле — Шленская ²⁵ земля, ²⁶ Лингиць, ^{26ч} Бриг, ²⁷ Минь // стерберх, Бреслав. ²⁸ с. 301
²⁹ Медвежьих ног 2 черных — арцухство Браунзвих. ³⁰

Н³¹

Неясыть птица ^{III} с цыпляты — король ³² Гишпанской.

О^{33ч}

Овца з знаменем — курфирст ³⁴ Трирской.
 Овца белая в красном поле — Датская ³⁵ земля.
 Овца белая з знаменем белым стоя на зеленой ^{III} горе — бискупство Бриксен. ³⁶

^{II} Испр., в рук. Шлянская. ^ч Так в рук. ^{III} В рук. пустьская. ^ш В рук. на полях слева. ^{II} Испр., в рук. зелей.
⁹⁰⁻⁹¹ курфирст Трирской ЧО. ⁹² шии Ч. ⁹³ Нет ЧО. ⁹⁴ Датская ЧО.
⁹⁵ земли ЧО. ⁹⁶ три Ч. ⁹⁷ град ЧО. ⁹⁸ Свенскав Ч; Свенъкав О. ⁹⁹ Доб. град ЧО.
¹⁰⁰ град ЧО.
^{IX, 1} Доб. град ЧО. ² Доб. знаменует ЧО. ³ Нет Ч. ⁴ курфирст ЧО.
⁵ град ЧО. ⁶ Доб. град ЧО. ⁷⁻⁸ Берлен, Фризингор ЧО. ⁹ В ЧО читается последующая (29-30) строка. ¹⁰ четыре Ч. ¹¹ грады ЧО. ¹² Нет Ч. ¹³ Кильсорген Ч; Китсолген О. ¹⁴ Инспрук ЧО. ¹⁵ Месяца ЧО. ¹⁶ Доб. град ЧО.
¹⁷ Капнагав ЧО. ¹⁸ Месяца ЧО. ¹⁹ Месяца ЧО. ²⁰ между Ч. ²¹ два ЧО.
²² Доб. град ЧО. ²³ Месяца ЧО. ²⁴ земли ЧО. ²⁵ грады ЧО. ²⁶ Лигниц О; Лигнец Ч. ²⁷ Браг ЧО. ²⁸ Бреславль ЧО. ²⁹⁻³⁰ В ЧО эта строка читается под № 9, выше. ³⁰ Браунзвих ЧО. ³¹ Нет Ч. ³² кроль Ч. ³³ Нет Ч.
³⁴ курфирст ЧО. ³⁵ Датская ЧО. ³⁶ Бриксель ЧО.

Орлы³⁷

Орел — общее имя и знак есть римскаго или цесарскаго государ-
ства, ³⁸также // римские цесари ³⁹ и дом Аустрийский. ⁴⁰

Орел ⁴¹зря к небу ⁴² с разпростертыми крылами, в лапе палаш —
город ⁴³ Алькъмар. ⁴⁴

Орел, на груди рыцерь ⁴⁵ — великой князь московской.

Орел лазоревой в белом поле — Браунзвих ⁴⁶ — Магдебурх, ⁹
Фробурх.

Орел лазоревой в белом поле, на грудях красной и белой лук —
Аустриска ⁴⁷ земля, Тероль, ⁴⁸ Штеир, Каритен.

Орел великой венчанной — цесарь римской.

Орел венчанной с пестрою грудью в лазоревом поле — Мерен.

Орел венчанной жолтой, ⁴⁹лице девичье у него, ⁵⁰ на черной
земле — Ость ⁵¹ Фрислянд.

Орел красной в жолтом поле — курфирст ⁵² Бранденбургский. //

Орел белой венчанной в красном поле — Франкфурт ⁵³ на Майне
реке.

⁵⁴ Орел жолтой в красном поле ⁵⁵ Бизант. ⁵⁶

Орел жолтой в белом поле ⁵⁷ — Нордлинген. ⁵⁸

Орел златой в черном поле, двойкой венчанной ⁵⁹ — Вена.

Орла половина в белом поле ⁶⁰ — Берген ¹⁰ ⁶¹ в Норвегии. ⁶²

⁶³ Пол-орла ⁶⁴ лазоревого в жолтом поле — Опшелен.

⁶⁵ Ползлатого, полчерного орла ⁶⁶ — Любок.

⁶⁷ Полорла черного ⁶⁸ в жолтом поле — Неренбурх, Мемминъ-
ген. ⁶⁹

⁷⁰ Полорла черного ⁷¹ в белом поле — город ⁷² Генева, ¹ Миль-
гаузен ⁷³ и Тиринген. ⁷⁴

⁷⁵ Полорла черного ⁷⁶ и полкрасного, ⁷⁷месяць на груди ⁷⁸ в жол-
том и белом поле — арцухство Менстерберх. ⁷⁹

⁸⁰ Полорла белаго ⁸¹ в красном поле ⁸² — Ратибор. ⁸³ //

Орел красной в белом поле — город ⁸⁵ Ерфурд. ⁸⁶

Орел черной, в кождом крыле по столпу — Бизант. ⁸⁷

Орел черной в жолтом поле — граф ⁸⁸ Шварцбурх. ⁸⁹

Орел черной в белом поле — город ⁹⁰ Шенфурт, ⁹¹ Гельброн, ⁹²
Шленстад, ⁹³ Дертмунд, ⁹⁴ III, а Веинспурх. ⁹⁵

Орел черной, на шее ⁹⁶ венец — ⁹⁷Московская земля. ⁹⁸

Орел черной з жолтым венцом — Винскейм. ⁹⁹

¹⁰⁰ Орел черной двойкий в жолтом поле, на груди X, ¹ в лазоре-
вом гербе ² слово белое K — государственной ³ город ⁴ Кемптен.

⁹ Испр. в рук. Магдемург.

³⁷ Нет ЧО. ³⁸⁻³⁹ Нет Ч.

¹⁰ Испр., в рук. Бергн.

⁴⁰ Аустрийский Ч.

¹ Испр., в рук. Генсва.

⁴¹⁻⁴² зря выспръ к небеси ЧО.

⁴³ град ЧО. ⁴⁴ Аанмар ЧО. ⁴⁵ Доб. царь и ЧО. ⁴⁶ Браунсвихское; доб. княже-
ство, грады ЧО. ⁴⁷ Аустрийская О; Аустрийская Ч. ⁴⁸ Тенров ЧО. ⁴⁹⁻⁵⁰ имущ

образ девицы ЧО. ⁵¹ остров ЧО. ⁵² курфирст ЧО. ⁵³ Доб. град ЧО.

⁵⁴⁻⁵⁶ В ЧО читается строкой ниже. ⁵⁵ Доб. град ЧО. ⁵⁸ Бизант ЧО.

⁵⁷ Доб. град ЧО. ⁵⁸ Нордлинген О; Нордлинген Ч. ⁵⁹ Доб. град ЧО. ⁶⁰ Доб.

град ЧО. ⁶¹⁻⁶² Нет ЧО. ⁶³⁻⁶⁴ Орла пол ЧО. ⁶⁵⁻⁶⁶ Орла ползлатого и полчер-

ного; доб. град ЧО. ⁶⁷⁻⁶⁸ Орла полчернаго ЧО. ⁶⁹ Момминген; доб. грады ЧО.

⁷⁰⁻⁷¹ Орла полчернаго ЧО. ⁷² грады ЧО. ⁷³⁻⁷⁴ Интринген ЧО. ⁷⁵⁻⁷⁶ Орла пол-

черного ЧО. ⁷⁷⁻⁷⁸ на груди луна ЧО. ⁷⁹ Минстерберх ЧО. ⁸⁰⁻⁸¹ Орла пол-

белаго ЧО. ⁸² Доб. град ЧО. ⁸³ Ратибор ЧО.

III, а В рук. на полях справа.

⁸⁴⁻⁸⁶ Нет Ч. ⁸⁵ Эрфурт О. ⁸⁷ Визант ЧО.

⁸⁸ град Ч. ⁸⁹ Шварценбург-

ской ЧО. ⁹⁰ грады ЧО. ⁹¹ Швейфурт ЧО. ⁹² Генъброн О; Генброн Ч.

⁹³ Шлетстад О; Шлетстат Ч. ⁹⁴ Дортмунт ЧО. ⁹⁵ Веинспурх ЧО. ⁹⁶ шии Ч.

⁹⁷⁻⁹⁸ Московское государство ЧО. ⁹⁹ Венскейм Ч; в ЧО читается строка 10--
12, см. ниже. ¹⁰⁰⁻⁵ В ЧО читается строкой ниже.

X, ¹ груди Ч. ² поле ЧО. ³ Нет ЧО. ⁴ град Ч. ⁵ Кемптен О; Котен Ч.

⁶ Чорной двойкой орел ⁷ в жолтом поле, в лазоревом гербе на груди ⁸ белое слово *W* — Швабское слово. //

Орел чорной двойкой с красным гербом на груди, ⁹ поперег того с. 305 белое бревно — Вестъфанской крайц.

¹⁰ Орел чорной венчанной, в жолтом поле с палашем ¹¹ — Гда-нец. ¹²

Орел черной ¹³ двойкой в жолтом поле, на груди ¹⁴ белой герб — владение Гронингенское.

¹⁵ Чорной орел ¹⁶ двойкой в жолтом и белом поле, на груди ¹⁷ герб белой — владение Мехельское. ¹⁸

Орел чорной двойкой ¹⁹з двумя ²⁰ венцами, на грудях белой ры-церь на коне, в руке копие, под копием змия в красном поле — го-род ²¹ Москва.

Орел белой — Польская земля.

Орел белой ²² с крестом — Сицилиской остров.

Орел белой з желтым венцом — Лотринская земля. //

²³ Орел 3 летящих белых — Лотринская земля. ²⁴

с. 306

Орел двойкой белой в чорном поле — Нассовъское княжество.

Орла 2 ²⁵ чорных двойких, в златом поле - город Орлиц — выш-няя Лауснец. ²⁶

П²⁷

Пчелы в лазоревом поле — папа римской и церковные именья.

Перья зеленые — Гольстенская ²⁸земля, Савойская, Померская. ²⁹

Поле с лазоревыми ³⁰и белыми руты ³¹ — Баварская земля.

Поле лазоревое и желтое — Гишпания. ³²

Поле жолтое, в котором написано Либертас ^{33б} — Бонония.

³⁴ Поля половина ³⁵ белаго — княжество Мелизо. ^в //

с. 307

Петух значит короля ³⁶ французского когда в войне.

Петух черной в белом поле — Франкфурт.

При одре пес ^г есть турской салтан.

Пес в растворенных вратех — город ³⁷ Рига.

Пес черной з златым ошейником — Мирбах.

Пес белой с черным ошейником ³⁸графство Варбеи. ³⁹

Подушка зеленая — курфирсты ⁴⁰Мантской, Кельнской, Трир-ской и попы. ⁴¹

Перепелка на желтом столпе ⁴² — Литтих.

Перепелок златых 5 ⁴³ в лазоревом поле — Аустрия.

Петра свягата апостола ^д образ — город Трир. ⁴⁴

Поп с красною книгою в руках ⁴⁵ — Пфафенгоден. ⁴⁶ //

Павлин с распростертым хвостом — граф Тесленъбургской. ⁴⁷ с. 308

Павлиновы перья — ⁴⁸Саксонской князь, Веймар, Кобурх, ⁴⁹ Левенбурх, Ангальт, ⁵⁰ Браунзвих, Линенъбурх, Савоен, Гольстен-ская земля.

⁶ Испр., в рук. либентас. ^в На нижнем поле отсчет тетрадей — буква-цифра 4.

^г Испр., в рук. на полях слева риз. ^д В рук. вписано над строкой.

⁶⁻⁷ Орел чорной двойкой *ЧО*. ⁸ груди *Ч*. ⁹ груди *ЧО*. ¹⁰⁻¹² В *ЧО* читается выше (см. 99). ¹¹ Доб. град *ЧО*. ¹² Гданеск *ЧО*. ¹³ Нет *О*. ¹⁴ груди *ЧО*.

¹⁵⁻¹⁶ Орел черной *ЧО*. ¹⁷ груди *ЧО*. ¹⁸ Мехенское *ЧО*. ¹⁹⁻²⁰ звезда *Ч*. ²¹ град *ЧО*.

²² Нет *Ч*. ²³⁻²⁴ Нет *ЧО*. ²⁵ два *Ч*. ²⁶ Лаузниц *ЧО*. ²⁷ Нет *Ч*. ²⁸⁻²⁹ Савойская

и Померская земли *О*. ³⁰⁻³¹ рутами и белыми *ЧО*. ³² Гишпанская; доб. земля *ЧО*.

³³ Доб. то есть вольность — княжество *ЧО*. ³⁴⁻³⁵ Полполя *ЧО*. ³⁶ кроля *Ч*.

³⁷ град *ЧО*. ³⁸⁻³⁹ графство Борбон *ЧО*. ⁴⁰⁻⁴¹ царские духовные до папы *ЧО*.

⁴² столпу *ЧО*. ⁴³ пять *Ч*. ⁴⁴ Трар *ЧО*. ⁴⁵ Доб. град *ЧО*. ⁴⁶ Пфафенгоден *Ч*.

⁴⁷ Тешленбургской *ЧО*. ⁴⁸⁻⁴⁹ князь Саксонской, Мед, Маркабурх *ЧО*. ⁵⁰ Ангант *ЧО*.

Павлиной⁵¹ хвост — Аустрийская⁵² земля, Брандербургская.⁵³
 Померская,^е Прусская.
 Палаш белой в красном поле — бискупство Наумбург.
 Палашей 5⁵⁴ — королевство⁵⁵ Конго.⁵⁶
 Птицы жолтые с красными языки и черными крыльи — ⁵⁷Гулих,
 Клев.⁵⁸
 Птица зеленая с красным шейником — город⁵⁹ Фольда.
 Птиц 3⁶⁰ белых — князь Стромбургский. //

с. 309

Р⁶¹

Рога⁶² оленьих 2⁶³ в венце в лазоревом поле — Кампания, Феликс.

Рука в латах по плечо с палашем — ⁶⁴Ирлянская земля.

Рука красная с палашем⁶⁵ — Словенская земля.

Руки 2,⁶⁶ обе держат копие, на котором⁶⁷ шляпа ж жолтая в лазоревом поле — союзство Швайцарское.

⁶⁸ 2 руки ⁶⁹ ⁷⁰накрест держат⁷¹ павлиные перья — Ангант.

Рука розгнутая в красном поле — Минденгейм.

Руки 2⁷² в лазоревом поле — город Антверпия.⁷³

⁷⁴ Рыбы половина с венцом — Ислянской остров.⁷⁵ //

с. 310

Рыбы 2 жолтых в лазоревом поле — Лотринская земля.

Рыбы 2 красных в белом поле — граф Стомбургской.⁷⁶

Рога красные олени в белом поле — ⁷⁷Браунзвих, Вольфенбитен.⁷⁸

Рога 2⁷⁹ жолтых оленьих — Нассовское княжество, Ураниен.⁸⁰

Рога 2 красных оленьих⁸¹ в белом поле — граф⁸² Шварценбургской.

Рога 3⁸³ черных в жолтом поле — Виртемберг,⁸⁴ Аустрия.

Рога 3⁸⁵ белых оленьих в красном поле — город⁸⁶ Сальбург.⁸⁷³

Рыба с кольцом — Наварское королевство.⁸⁸

Рыцерь на коне — Датское⁸⁹ королевство.⁹⁰

Рыцерь з зеленым знаменем в жолтом поле з жолтым щитом⁹¹ — Гриненберх.⁹² //

с. 311

Рыцерь в латах белых, в руках сабля или палаш в красном поле^И Польская и Гольстенская земля.⁹³

Рыцерь в латах белых, в руке копие, под конем⁹⁴ змея⁹⁵ в красном поле — Москва.

Рыба с венцом — ⁹⁶Берген город в Норвенской земле.⁹⁷

Ржаной сноп жолтой в белом^К и красном^Л поле — Польская и Свейская земля.

С⁹⁸

Слон значит Америку.

Слон золотой, на спине золотая башенка — ⁹⁹рыцерской чин¹⁰⁰ в Датской^{ХI, 1} земле.

^еИспр., в рук. Поморская. ^КИспр., в рук. шлейна. ³Испр., в рук. Сарбург. ^иВписано сверх строки. ^{К-Л}В рук. вписано на полях слева.

⁵¹Павлиной ЧО. ⁵²Аустрийская Ч. ⁵³Брандбургская ЧО. ⁵⁴пять Ч.

⁵⁵Доб. Индейское ЧО. ⁵⁶Консо О; Конс Ч. ⁵⁷⁻⁵⁸Гухликлев ЧО. ⁵⁹град ЧО.

⁶⁰три Ч. ⁶¹Нет Ч. ⁶²Рогов ЧО. ⁶³два Ч. ⁶⁴⁻⁶⁵Нет Ч.

⁶⁶две Ч. ⁶⁷копии ЧО. ⁶⁸⁻⁶⁹Руки 2 О; Руки две Ч. ⁷⁰⁻⁷¹держат накрест Ч.

⁷²две Ч. ⁷³Антверпий ЧО. ⁷⁴⁻⁷⁵Нет Ч. ⁷⁶Стенбургской ЧО. ⁷⁷⁻⁷⁸Браунсвих, Вольфенбитен ЧО.

⁷⁹два Ч. ⁸⁰Иураимен ЧО. ⁸¹Нет Ч. ⁸²князь ЧО.

⁸³три Ч. ⁸⁴Вертенбург ЧО. ⁸⁵три Ч. ⁸⁶град ЧО. ⁸⁷Сальбург ЧО.

⁸⁸королевство Ч. ⁸⁹Датское О. ⁹⁰королевство Ч. ⁹¹Доб. град ЧО.

⁹²Гриненбург ЧО. ⁹³земли ЧО. ⁹⁴копием ЧО. ⁹⁵змея ЧО. ⁹⁶⁻⁹⁷град Норвенской Берген ЧО.

⁹⁸Нет Ч. ⁹⁹⁻¹⁰⁰чин рыцерской О.

ХI, 1 Дацкой ЧО.

Слоновых зубов 3² белых в лазоревом поле — Седмиградская³ земля. //

Соколы — господа Фалькенбургские.

с. 312

Соколов 3⁴ белых — Лотринская земля.

Сердца 3⁵ желтых в красном поле — курфирст⁶ Кельнской.

Сердца 3⁷ красных — граф Текленбургской.

Сердце 9 в желтом поле — Датская⁸ земля.

Стена городовая⁹ белая в лазоревом поле — Вышняя Лаузниц.

Стена белая, на которой 4¹⁰ башни в красном поле — город¹¹

Анторф.

Сосуд церковной потир золотой с шестью малыми крестами в лазоревом поле — королевство Галиция.^М

Стрелы связаны — Недерлянды.

Соха белая с колесом¹² в красном поле — город¹³ Страубинген.¹⁴ //

Столп черной и желтой с желтым¹⁵ венцом с павлиньими¹⁶ перьями украшенной¹⁷ — Саксонская, Веймарская земли, Кобурх, Лавенбурх, Савоен.

с. 313

Столпы 4¹⁸ желтых в черном поле — Аустрическая¹⁹ земля.

Сверобаринного цвета листы²⁰ — Игельстад.²¹

Сверобаринной красной цвет в белом поле — господа Розенбургские и Розенгейм.

Белые такие же цветы в лазоревом поле²² — Геннегау,²³ граф Стоньберской.²⁴

²⁵ Цвета 2 свероборинных²⁶ з желтою лелиею — Флоренция.²⁷

Скифетр желтой в²⁸ лазоревой земле²⁹ — Бранденбурх.

и Стрелец — ³⁰Гишпанская земля.³¹⁰

Свинья черная в белом поле — город³² Швейдниц.

Скорция — Верхняя Бавария. //

Слово белое С в красном поле — город³³ Глогав.

с. 314

Слов 3³⁴ I³⁵ черных³⁶ в желтом поле — Гишпанская земля.

³⁷ Слова JHS³⁸ в солнечном сиянии — ³⁹город Генф.⁴⁰

Слово К с венцом — город⁴¹ Краков.

Слово Z в красном поле, с правую сторону⁴² лев⁴³ черной⁴⁴ венчанной⁴⁵ да⁴⁶ белой лев; с левую сторону⁴⁷ орел черной в желтом поле — город⁴⁸ Зинтав.

Серп белой з желтым древом⁴⁹ — ардухство Браунзвих,⁵⁰п Линенбурх, Вольфенбитель.⁵¹

Т⁵²

⁵³ Травки 3 листовой лист⁵⁴ в лазоревом поле — бискупство Валлис.⁵⁵ //

⁵⁶ 5 листов таких же⁵⁷ — Ландив.

с. 315

^М Испр., в рук. Гавлияция. ^{Н-0} В рук. вписано без соблюдения русской строки

^ПИспр., в рук. Браунзвих.

² три ЧО. ³ Седмиградская Ч. ⁴ три Ч. ⁵ три Ч. ⁶ курфирст ЧО. ⁷ три Ч.

⁸ Дацкая О. ⁹ градовая О. ¹⁰ четыре Ч. ¹¹ град ЧО. ¹² колом ЧО.

¹³ град ЧО. ¹⁴ Страунбенген ЧО. ¹⁵ золотым ЧО. ¹⁶ павлиньими ЧО.

¹⁷ украшено ЧО. ¹⁸ четыре Ч. ¹⁹ Аустрийская О; Аустринская Ч. ²⁰ ли-

ствие ЧО. ²¹ Ингельстад Ч; Алгенстад О. ²² Доб. княжество ЧО. ²³ Гене-

год ЧО. ²⁴ Ственберской ЧО. ²⁵⁻²⁶ Свероборинных цвета 2 (два) ЧО.

²⁷ Флоренция ЧО. ²⁸⁻²⁹ лазоревом поле Ч. ³⁰⁻³¹ Гишпанское государство ЧО.

³² град ЧО. ³³ град ЧО. ³⁴ три ЧО. ³⁵ Нет О. ³⁶ Доб. HJS О. ³⁷⁻³⁸ Нет О.

³⁹⁻⁴⁰ град Гениф ЧО. ⁴¹ град ЧО. ⁴² страну ЧО. ⁴³ лвы Ч. ⁴⁴⁻⁴⁶ и Ч.

⁴⁵ Нет ЧО. ⁴⁷ страну Ч. ⁴⁸ град ЧО. ⁴⁹ деревом О. ⁵⁰ Браунсвих ЧО.

⁵¹ Вонфенбутен ЧО. ⁵² Нет Ч. ⁵³⁻⁵⁴ Травы трехлистной ЧО. ⁵⁵ Барлис ЧО.

⁵⁶⁻⁵⁷ Таких же пять (5) листов — град ЧО.

⁵⁸ 16 листов таких же ⁵⁹ белых в лазоревом поле ⁶⁰ — Кассель. ⁶¹
Треска ⁶² есть Финская земля ⁶³ или свейская войска. ⁶⁴
Треска белая з жолтым венцом в красном поле ⁶⁵ — Датская ⁶⁶
земля.

Труба ловчая ⁶⁷ лазоревая в жолтом поле — арцухство Ураниен. ⁶⁸
Труба красная — арцухство Виртенбург. ⁶⁹
Труба черная в красном поле — Бихгори. ⁷⁰

У⁷¹

Улица красная в жолтом ⁷² поле — арцухство Лотринское, ⁷³
Баден.

Улица белая в красном поле — Свейская, Польская, Аустри-
ская ⁷⁴ земли. //

с. ³¹⁶ Улицы 2 ⁷⁵ красных в белом поле — Стразбурх.

Ц⁷⁶

Церковь красная с лазоревую кровлею в белом поле — город ⁷⁷
Спеир.

Церковь белая з белою стеною в красном поле — королевство ⁷⁸
Валенц.

Ч⁷⁹

Человек в латах в лазоревом поле — ⁸⁰город Наумбурх. ⁸¹
⁸²р Человек дикой — арцухство Браунзвих, ⁸³ Линенбурх, ⁸⁴ По-
мерская земля. ^c //

с. ³¹⁷ Человеческая венчанная глава в красном поле — Кролевец ⁸⁵
в Прусской земле.

Ш⁸⁶

⁸⁷ Лазоревые и белые шахматные ⁸⁸ доски — Пфанской кур-
фирст ⁸⁹ и Баварской.

Шляпа жолтая на жолтом шесте в лазоревом поле — Швайцар-
ское соединение.

Шляпа красная — курфирст ⁹⁰ Мойнтской ⁹¹ и Трирской.

Шляпа красная с венцом — ⁹²курфирст Бранденбургской. ⁹³

Шляпа красная и белая — Аустриская ⁹⁴ земля.

Шляпы 3 ⁹⁵ лазоревых в белом поле — Ланденпуд. ⁹⁶ //

с. ³¹⁸ Шахматы красные и белые — Кроатская ⁹⁷ земля, ⁹⁸ Лихниц, ⁹⁹
Бриг, Минстербар, ¹⁰⁰ Гендрия. XII. ¹

Штук 6 златых — ²Португальская земля. ³

⁴ Штук 9 златых — Наварское королевство. ⁵

Шапка кардинальска ⁶ — Кардиналы.

Р-с В рук. вписано без соблюдения красной строки.

⁵⁸⁻⁵⁹ Таких же 16 листов Ч; таких же листов 16 О. ⁶⁰ Доб. град ЧО. ⁶¹ Ка-
стен ЧО. ⁶² Доб. рыба ЧО. ⁶³⁻⁶⁴ Нет Ч. ⁶⁵ Нет О. ⁶⁶ Дацкая О. ⁶⁷ лов-
чая ЧО. ⁶⁸ Урагтеин ЧО. ⁶⁹ Виртенберх ЧО. ⁷⁰ Бихгери ЧО. ⁷¹ Нет Ч.
⁷² красном Ч. ⁷³ Доб. и княжество ЧО. ⁷⁴ Аустрийская О; Аустринская Ч.
⁷⁵ две Ч. ⁷⁶ Нет Ч. ⁷⁷ град ЧО. ⁷⁸ королевство Ч. ⁷⁹ Нет Ч. ⁸⁰⁻⁸¹ град
Наумберх О; град Намьберх Ч. ⁸²⁻⁸⁴ Нет Ч. ⁸³ Браунсвих О. ⁸⁵ Коро-
левец ЧО. ⁸⁶ Нет Ч. ⁸⁷⁻⁸⁸ Шахматные лазоревые и белые ЧО. ⁸⁹ кур-
фирст ЧО. ⁹⁰ курфирст ЧО. ⁹¹ Майнской О; Мейнской Ч. ⁹²⁻⁹³ Бранден-
бургской курфирст ЧО. ⁹⁴ Аустрийская О; Аустринская Ч. ⁹⁵ три Ч. ⁹⁶ Лан-
дегуд О; Ландегун Ч. ⁹⁷ Кроатская ЧО. ⁹⁸ Доб. графство Гендрия, град Ч.
⁹⁹ Доб. град О. ¹⁰⁰ Минстерберх ЧО; доб. графство О.
XII. ¹ Нет Ч. ²⁻³ Португальское королевство ЧО. ⁴⁻⁵ Нет ЧО. ⁶ карди-
нальская ЧО.

Щ⁷

Щитносец — Датская ⁸ земля.

Щит лазоревой и желтой, вкось ⁹ бревно — Бургундия.

Щит желтой с красными лелиями ¹⁰ округ ¹¹ — Аглинская и Шкодская ¹² земли.

Щит белой, ^{13а} в том ¹⁴ 5 ¹⁵ малых лазоревых щитов ¹⁶ — Португальское ¹⁷ королевство. ¹⁸ //

Я¹⁹

с. 319

Якорь в белом поле — Текленбурх. ²⁰

Якорь желтой в лазоревом поле — графство ²¹ Бетъгеим. ²²

Якорь черной в лазоревом поле — Линген.

Якорей 3 ²³ в красном поле — ²⁴город Бриг. ²⁵

Яблоко государственное в красном поле — Пфанской курфирст. ²⁶

Яблоко гранатное в белом поле — ²⁷Граната, королевство ²⁸ ^{29т} в Гишпанской земле. ³⁰

Ядер ³¹ круглых 3 ³² красных в желтом поле — графство Болония. ³³

Ядер 19 желтых в красном поле — ³⁴графство Бентген. ³⁵

ЦГАДА, ф. 181, ед. хр. 220—331, с. 260—319.

⁷ Доб., в рук. нет.

⁷ Нет Ч. ⁸ Дацкая О. ⁹ в конце ЧО. ¹⁰ лилиями ЧО. ¹¹ вокруг ЧО. ¹² Шкотская Ч; Шкодикая О. ¹³⁻¹⁴ в котором ЧО. ¹⁵⁻¹⁶ щитов малых лазоревых ЧО. ¹⁷ Португалия ЧО. ¹⁸ Нет ЧО. ¹⁹ Нет Ч. ²⁰ Текленбургской; доб. князь ЧО. ²¹ княжество ЧО. ²² Бетъгеим Ч; Бейтгеим О. ²³ 6 ЧО. ²⁴⁻²⁵ град Браг ЧО. ²⁶ курфирст ЧО. ²⁷⁻²⁸ королевство Гранада ЧО. ²⁹⁻³⁰ Нет ЧО. ³¹ Ядр ЧО. ³² три Ч. ³³ Бонония ЧО. ³⁴⁻³⁵ княжество Бентигейм ЧО.

Т. Ф. ВОЛКОВА

«Казанская история» и троицкие литературные памятники о взятии Казани

(К вопросу об историко-литературных особенностях
«Казанской истории»)

Взятие Казани Иваном Грозным в 1552 г. — событие огромной исторической важности — помимо Казанской истории, специально посвященной русско-казанским отношениям на протяжении трех веков, нашло отражение в целом ряде историко-литературных памятников XVI в., различных и по жанру, и по своей идеологической направленности: в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», вошедшем в состав летописных сводов второй половины XVI в. — Никоновскую, Львовскую, Типографско-Академическую летописи и Царственную книгу, в «Отрывке русской летописи» по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, в «Степенной книге царского родословия» и «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского. Известны и отдельные произведения, посвященные взятию Казани. Это небольшие по объему сказания, близкие по характеру изложения материала к летописному повествованию. На три таких рассказа указал Г. З. Кунцевич.¹

В 1958 г. А. Н. Насонов сообщил еще об одном произведении,² ранее неизвестном исследователям, которое также рассказывало о событиях, связанных с завоеванием Казани Иваном Грозным.³ В 1962 г. текст этого произведения был им опубликован.⁴

Таков основной круг известных к настоящему времени памятников XVI в., содержащих рассказ о взятии Казани в 1552 г. Для исследования Казанской истории представляет большой интерес вопрос о месте ее в ряду названных произведений. Можно выделить три аспекта этой проблемы. Представляется важным, во-первых, определить, какие из этих произве-

¹ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905 (далее: Кунцевич), с. 539—540; Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах. — ЖМНП, 1898, ч. 318 (июль), с. 134—135.

² «Сказание о велицей милости божии, еже всемилостивый бог сотвори на рабъ своемъ благочестивом цари и великом князе Иване Васильевиче». Находится в рукописном сборнике второй четверти XVII в. (БАН, 32. 8. 3, л. 855—882 об.). Вторая часть этого произведения имеет особое заглавие: «Повесть како благочестивый царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Русии самодержецъ милостию всесильнаго бога и помощью и молитвами пречистыя владычицы нашей богородицы и приснодѣви Марии, воеводѣ и заступнице Христьяном, и великихъ чудотворцовъ враговъ своихъ одолѣ и градъ Казань взялъ» (л. 871).

³ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — В кн.: Проблемы источниковедения, ч. VI. М., 1958 (далее: Материалы), с. 236—245. Благодарю Н. С. Демкову, обратившую мое внимание на эту публикацию.

⁴ А. Н. Насонов. Новые источники по истории Казанского взятия». — В кн.: Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962, с. 3—26. Для издания привлечен еще один список этого произведения середины XVII в.: ЦГАДА, собр. Оболенского, № 78/40.

дений и в какой мере были использованы автором Казанской истории как источник; во-вторых, исследовать особенности интерпретации в повести исторических событий, что позволит глубже проникнуть в идейный замысел Казанской истории, более четко охарактеризовать социально-политическую позицию ее автора; в-третьих, выявить своеобразие тех художественных средств и приемов, с помощью которых в Казанской истории ведется повествование о взятии Казани.

Из названных направлений к настоящему моменту наиболее разработано источниковедческое. Большая работа по выявлению источников Казанской истории в целом, а также по установлению ее текстуальной соотношенности с историческими и публицистическими памятниками XVI в. была проделана Г. З. Кунцевичем.⁵ В своей монографии, посвященной Казанской истории, Г. З. Кунцевич, комментируя каждую главу повести, приводит сведения о сходных с Казанской историей рассказах, содержащихся в различных летописях, Степенной книге, «Истории» Курбского и отдельных сказаниях о взятии Казани, но от выводов о том, какой именно из этих текстов послужил источником для автора Казанской истории, он, как правило, воздерживается, ограничиваясь констатацией того, что «сведения добыты (автором Казанской истории, — Т. В.) из различных источников и по большей части подвергнуты обработке». Сопоставительный материал приводится им лишь для того, чтобы дать представление «о возможной области заимствования».⁶ Трудность установления источников Казанской истории Г. З. Кунцевич объяснял тем, что под пером автора они подверглись «известной переработке».⁷

Тесную связь Казанской истории с исторической литературой и публицистикой XVI в. подтвердили и дальнейшие исследования Г. Н. Моисеевой, благодаря которым не только расширился круг известных источников Казанской истории,⁸ но был научно доказан факт их тенденциозной переработки «в свете отношений Грозного с феодальной знатью в 60-е годы XVI в.»⁹

Однако и собранный Г. З. Кунцевичем материал, и наблюдения Г. Н. Моисеевой — пока лишь основа для будущего исследования, задачей которого должно быть не только выявление всего круга источников Казанской истории, но и установление конкретных принципов их идейно-художественной переработки, проявляющейся и на сюжетно-композиционном уровне, и на уровне стилистического оформления отдельных фрагментов текста. Проблема эта представляется нам одной из важнейших при решении вопроса о художественном своеобразии Казанской истории.

Задача данной статьи — выявить некоторые приемы идеологической и художественной переработки автором Казанской истории одного из источников. Для сопоставительного анализа мы выбрали Сказание и Повесть о взятии Казани, опубликованные А. Н. Насоновым, имеющие в ряде случаев текстуальное сходство с Казанской историей. Это наименее изученные из всех известных историко-публицистических произведений XVI в., содержащих рассказ о Казанском взятии и созданных ранее Казанской историей (они датируются А. Н. Насоновым октябрём 1552—июнем (или июлем) 1553 г.).¹⁰ Кроме А. Н. Насонова никто из исследова-

⁵ Кунцевич, с. 193—575.

⁶ Там же, с. 193.

⁷ Там же, с. 507.

⁸ Г. Н. Моисеева впервые указала, например, на связь Казанской истории с «Царевым государевым посланием во все его Российское царство на клятвопреступников его на Андрея Курбского с товарищи об их измене». См.: Г. Н. Моисеева. О некоторых источниках «Казанской истории». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 187—197.

⁹ Казанская история. Подгот. текста, вступит. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954 (далее: Казанская история), с. 13; см. также: Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории». — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, с. 266—288.

¹⁰ Материалы, с. 242. Напомним, что время создания Казанской истории — 1564—1565 годы. См.: Кунцевич, с. 176—179; Казанская история, с. 20—24.

телей еще не привлекал эти памятники ни для анализа их текста, ни для сопоставления их с Казанской историей или другими литературными произведениями.

Прежде чем перейти к анализу Казанской истории в сопоставлении с текстом Сказания и Повести, коротко остановимся на их содержании и итогах проведенного нами вслед за А. Н. Насоновым текстологического изучения этих памятников в их соотнесенности, с одной стороны, с «Летописцем начала царства», с другой — с Казанской историей.

Первое произведение — Сказание — рассказывает о событиях, непосредственно предшествовавших осаде и взятию Казани. Оно состоит из двух больших фрагментов, имеющих свои заголовки. Первый фрагмент «Начало Свяяскому дѣлу» повествует о постройке в 1551 г. неподалеку от Казани русской крепости — города Свяяжска, о правлении в Казани Шигалея и новой измене казанцев, о решении Ивана Грозного выступить к Казани и взять город. Другой фрагмент — «Начало Казанскому и Крымскому дѣлу» — рассказывает о произошедшем в начале казанского похода столкновении московского войска с пришедшими на Русь крымцами.

Второе произведение — Повесть — посвящено описанию осады Казани, закончившейся взятием города.

А. Н. Насонов убедительно показал внутреннюю связь Сказания и Повести, позволяющую рассматривать их как единое произведение.¹¹ Характеризуя открытый им литературный памятник, исследователь уделял главное внимание вопросам его датировки и атрибуции. Время написания произведения определяется А. Н. Насоновым на основании заключительных слов Повести, где как о живой говорится о царице Анастасии (ум. в 1560 г.) и упоминается царевич Дмитрий (род. в октябре 1552 г., ум. в июне (или июле) 1553 г.). Таким образом, по мнению исследователя, Сказание и Повесть были написаны вскоре после описанных в них событий — между октябрем 1552 г. и июлем 1553 г.¹²

Происхождение этого сочинения А. Н. Насонов связывает с литературной деятельностью книжников Троице-Сергиева монастыря и высказывает гипотезу о причастности к его созданию троицкого келаря Адриана Ангелова, очевидца осады Казани в 1552 г., имя которого упоминается в Повести.¹³

Вопроса о художественном своеобразии Сказания и Повести А. Н. Насонов почти не касается. Он лишь дает лаконичную характеристику найденным текстам: «Оба памятника, церковные по форме, носят по содержанию преимущественно светски-панегирический характер».¹⁴ Научная ценность этих памятников, по мнению А. Н. Насонова, определяется тем, что они, во-первых, расширяют наши знания о литературной деятельности Троице-Сергиева монастыря — крупнейшего культурного центра Московской Руси XVI в.; во-вторых, содержат материал для изучения источников Казанской истории, а возможно, и «Летописца начала царства»; в-третьих, могут быть использованы при изучении «развития политических идей того времени».¹⁵

Наибольший интерес для нашей работы представляют наблюдения А. Н. Насонова о сходстве отдельных мест вновь найденного памятника с Казанской историей и «Летописцем начала царства». Однако развернутое сопоставление этих произведений не входило в задачу исследователя: А. Н. Насонов лишь указал на сам факт наличия в Казанской истории и Летописце текстовых параллелей к троицкому тексту, привел несколько

¹¹ Материалы, с. 239—240.

¹² Там же, с. 242.

¹³ Там же, с. 241—243.

¹⁴ А. Н. Насонов. Новые источники. . . , с. 7.

¹⁵ Материалы, с. 238.

примеров и высказал гипотезу, объясняющую эти совпадения наличием общего источника, с одной стороны, у «Летописца начала царства» и троицких памятников, с другой — у Казанской истории и троицкого сочинения.¹⁶

Мы продолжили работу А. Н. Насонова по сопоставлению Казанской истории и «Летописца начала царства» с троицким сочинением в трех направлениях: во-первых, выделили в этих памятниках все фрагменты, имеющие текстуальное сходство, и проанализировали разночтения текстуально близких фрагментов; во-вторых, сопоставили сходные фабульные ситуации и определили различия в их литературном оформлении; в-третьих, установили оригинальные места каждого произведения.

Не касаясь в данной статье подробно вопроса о текстуальной зависимости Казанской истории от «Летописца начала царства» и троицкого сочинения,¹⁷ приведем лишь основные выводы, к которым мы пришли в результате сопоставления текста этих произведений. Анализ показал, что «Летописец начала царства» послужил непосредственным источником для автора троицкого сочинения, а не наоборот, как предполагал А. Н. Насонов. Троицкий книжник последовательно сокращал текст Летописца, как бы стягивая его, но сохраняя при этом почти без изменений заимствуемые элементы текста. Автор Казанской истории в рассказе об осаде и взятии Казани войсками Грозного параллельно использовал текст обоих произведений — и Летописца и троицкого сочинения, в ряде случаев предпочитая тексту Летописца троицкий текст, если между последними были существенные стилистические различия. В тех же случаях, когда заимствуемые автором Казанской истории фрагменты из «Летописца начала царства» и троицкого сочинения оказывались текстуально близкими, автор Казанской истории создавал на основе обоих текстов свою компиляцию, содержащую элементы как троицкого текста, так и текста «Летописца начала царства».

Прежде чем обратиться к вопросу о принципах художественной переработки автором Казанской истории текста одного из этих двух источников — троицкого сочинения, охарактеризуем оригинальный материал обоих памятников. Сразу отметим, что в троицком сочинении сравнительно немного такого событийного материала, который в той или иной форме не присутствовал бы в сюжете Казанской истории. Напротив, Казанская история изобилует фактами, отдельными эпизодами и даже целыми микросюжетами, отсутствующими в троицком сочинении.

На оригинальность Казанской истории в изображении осады и взятия Казани Иваном Грозным по сравнению с другими историческими источниками XVI в. уже давно обратили внимание исследователи. Прежде всего она проявилась в необычном интересе автора повести к жизни осажденной Казани. На это впервые указал Г. З. Кунцевич.¹⁸ Г. Н. Моисеева опиралась на оригинальные фрагменты Казанской истории, рассказывающие о внутренней жизни казанского лагеря, при восстановлении литературной истории повести, рассматривая их как один из дифференцирующих признаков древнейшей редакции Казанской истории.¹⁹ Необычным для традиционного воинского повествования является и то, что автор Казанской истории неоднократно подчеркивает героизм, мужество и воинскую доблесть казанцев. Некоторые из этих эпизодов Казанской истории были

¹⁶ А. Н. Насонов. Новые источники. . . , с. 6—7. В дальнейшем условным названием «троицкое сочинение» мы будем пользоваться в тех случаях, когда речь будет идти обо всем опубликованном А. Н. Насоновым произведении в целом.

¹⁷ Этот вопрос был нами подробно рассмотрен в первой главе кандидатской диссертации «„Казанская история“ и историко-публицистическое повествование Московской Руси второй половины XVI в.» и в специальной статье, подготовленной к публикации.

¹⁸ Кунцевич, с. 180—181.

¹⁹ Казанская история, с. 21.

привлечены Д. С. Лихачевым при исследовании им вопроса о литературном этикете и его постепенном «разрушении» в литературных памятниках XVI—XVII вв.²⁰

Данный материал Казанской истории требует специального изучения. Предварительные наблюдения позволяют сделать вывод о многозначности позиции автора по отношению к казанцам, что придает рассказу Казанской истории своеобразное, необычное для воинского повествования полифоническое звучание. Эти эпизоды дают материал для дальнейшей разработки одной из сложнейших проблем поэтики древнерусской литературы — проблемы постепенного разрушения той традиционной системы изобразительных средств, которая складывалась в русской литературе на протяжении первых веков ее существования.

В Казанской истории можно выделить еще две группы эпизодов, отсутствующих в троичном сочинении. Первую группу составляют картины природы Свяяжского и Казанского междуречий и описание самой Казани с ее неприступными стенами и окружающими их стремнинами. Сюда же можно отнести и своеобразный топографический комментарий, которым автор сопровождает свой рассказ о продвижении русского войска к Казани. Наличие этих описаний в тексте Казанской истории свидетельствует о хорошем знакомстве ее автора с разнообразной географической литературой, широко распространенной на Руси в XVI в., и жанром хождений.²¹

Другую группу эпизодов Казанской истории, не имеющих аналогий в троичном тексте, объединяет образ Ивана Грозного, являющегося в них либо единственным, либо главным действующим лицом. Художественная задача этих эпизодов — формирование идеального образа царя-воина и царя-христианина. К этой группе можно отнести, например, эпизод, рассказывающий о неудачной попытке воевод уговорить царя снять осаду Казани и вернуться в Москву (центральное место в нем занимает страстная речь Ивана Грозного, содеряжащая своеобразный кодекс воинской доблести), и ряд других эпизодов, в комплексе создающих образ стойкого и непоколебимого царя-военачальника, самоотверженно исполняющего высокий государственный долг. В других эпизодах Казанской истории, также отсутствующих в троичном тексте, в Иване Грозном подчеркиваются черты идеального христианина — мягкосердечие, стремление предотвратить кровопролитие, милосердие к врагу (в Казанской истории трижды описываются безуспешные переговоры царских послов с казанцами о сдаче города, в которых тайно участвует сам Грозный, переодетый в костюм простого воина; в ряде эпизодов автор рассказывает об умилении царя при виде рыдающих на стенах города казанских женщин, о милости к ним Грозного после взятия Казани и т. д.).

Введение подобных эпизодов в рассказ Казанской истории о взятии города является, несомненно, результатом целенаправленной работы автора Казанской истории по отбору материала. Здесь налицо продуманная интерпретация фактов в свете конкретной авторской идеи — показать личные заслуги царя в деле покорения Казанского царства и оправдать его как христианина за пролитую им в Казани кровь.

В данной статье мы ограничимся лишь общей характеристикой оригинального материала Казанской истории, отличающего ее и от троичного сочинения, и от других литературных памятников XVI в., содержащих рассказ о взятии Казани. Подробный анализ данных эпизодов Казанской истории, определение их места и художественной функции

²⁰ Д. С. Л и х а ч е в. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967, с. 102—107.

²¹ Этот вопрос более подробно был рассмотрен нами в статье «К вопросу о литературных источниках „Казанской истории“ («Казанская история» и жанр хождений)» (ТОДРЛ, т. XXXVI. М.—Л., 1981, с. 242—250).

в структуре авторского повествования — задача специального исследования.

Перейдем к анализу текстуально близких фрагментов Казанской истории и троицкого сочинения. Такие сходные фрагменты обнаруживаются не только между вторым троицким текстом — Повестью — и Казанской историей, на что обратил внимание А. Н. Насонов,²² но и между Сказанием и Казанской историей.

В Сказании почти дословно совпадают с текстом Казанской истории, во-первых, речь митрополита Макария, произнесенная им во время благословения Ивана Грозного церковным собором перед выходом его в Казанский поход, во-вторых, рассказ о прощании Грозного с царицей Анастасией, в-третьих, описание молебна в коломенском Успенском соборе, который царь посетил по прибытии в Коломну.²³

В Повести помимо указанных А. Н. Насоновым рассказов (о приходе троицких чернецов под Казань, о чудесах апостолов, Николы и Сергия, о русских пленниках, освобожденных московскими воеводами) имеет дословное совпадение с Казанской историей еще один фрагмент — описание заваленной трупами Казани после взятия ее русскими войсками.²⁴

Анализ эпизодов Казанской истории, имеющих значительные текстуальные совпадения с троицким текстом, представляет интерес в двух отношениях: во-первых, он позволяет установить, какие события в глазах автора Казанской истории не подлежали субъективной интерпретации, что он считал возможным и необходимым заимствовать из источников без изменения; во-вторых, анализ этих фрагментов помогает выявить приемы стилистической обработки автором Казанской истории заимствованного текста.

Как можно видеть из приведенного обзора сходных фрагментов троицкого сочинения и Казанской истории, автор последней использовал для своего повествования главным образом различные официальные речи и молитвы (царя, царицы, митрополита), чудеса и описания предусмотренных этикетом царского поведения действий Ивана Грозного (посещение им церковей перед выходом в поход и во время похода, распоряжения о получивших свободу русских пленниках и т. д.). Рассмотрим на конкретных примерах характер использования этого «этикетного» материала в Казанской истории.²⁵

Обратимся к содержанию одного из рассказов Казанской истории, в котором имеются прямые текстуальные совпадения со вторым троицким текстом — Повестью. Это рассказ о приходе в русский лагерь под Казанью незадолго до решающего штурма города двух посланцев из Троице-Сергиева монастыря и о встрече их с Иваном Грозным. В Казанской истории он составляет отдельную главу,²⁶ а в Повести выделен специальным заголовком.²⁷ В обоих текстах рассказ начинается с сообщения о приходе двух чернецов к царю, однако в Казанской истории при этом опущены некоторые подробности: не названо имя игумена Троице-Сергиева монастыря Гурия, отсутствует упоминание о братии при сообщении о том, кто послал иноков, иначе, чем в Повести — обобщенно и коротко, — говорится и о самих посланцах — «два инока»; троицкий же текст называет имя одного из них — «нѣкий чернець, именем Андрѣян Агтеловъ со единым братом».

²² См.: А. Н. Насонов. Новые источники. . . , с. 6.

²³ Ср.: Казанская история, с. 120—121, 118, 122; А. Н. Насонов. Новые источники. . . , с. 13—14.

²⁴ Ср.: Казанская история, с. 139—140, 142—143, 133, 156; А. Н. Насонов. Новые источники. . . , с. 18—19, 20—21, 19—20, 23.

²⁵ При цитировании Казанской истории и троицкого сочинения страницы указываются в скобках по вышеуказанным изданиям Г. Н. Моисеевой и А. Н. Насонова.

²⁶ «О посланных черноризцах из обители живоначальна Троица Сергиева монастыря. Глава 68» (с. 139—140).

²⁷ «О посланных из обители живоначальна Троица Сергиева монастыря» (с. 18). В «Летописце начала царства» и других летописях этот рассказ отсутствует.

В следующем за этим вступлением рассказе Казанской истории имеются значительные текстуальные совпадения с троицкой Повестью, однако рассказ Казанской истории намного короче и имеет иное построение. Проанализируем, что в нем совпадает с Повестью и что подверглось сокращению.

Совершенно идентично описываются в обоих памятниках принесенные иноками святыни и поведение царя при их получении.²⁸ Но уже в следующей за этим описанием молитве Грозного в Казанской истории дословно совпадает с Повестью лишь ее первая часть,²⁹ передающая основное содержание речи царя, обращенной к богу: радость его при виде иконы с изображением Богородицы и Сергия Радонежского и просьбу о помощи в предстоящем сражении за Казань.

Вторая часть этой молитвы в Казанской истории существенно реконструирована. Сравним тексты.

П о в е с т ь

...подаи побѣдительная на враги, и яко же иногда прадѣду нашему противу нечестивых на брани бывшу; уже брани хотящу быти и приспѣ от преподобнаго Сергия, твоего угодника, таковая же приносяще; онъ же святаго хлѣба вкусив и воду святую пив, и руке на небо простер: сицевая глаголюще: велико имя святаго троица, пресвятая госпоже богородице, помогай намъ. Тоя молитвами и преподобнаго Сергия и побѣди враги своя, тако же и аз нынѣ к тебѣ воию: велико имя святаго Троица, пресвятая госпоже богородице, помогай нам. И умоли, владычице, рождышагося ис тебе Христа бога нашего з безначальным его отцем и с пресвятым, благим и животворящим его духом, да подасть намъ побѣдительная на враги и ты, о преподобие угодниче Христовъ великий Сергие, не премолчи со ученики своими, вопия о нас ко господу, и ускори на помощь нашу. И яко же в началѣ святаго твоего храма и от святаго ти образа во градѣ Свяжскомъ всемилостивыи богъ тебе прослави, угодника своего, многими чудесы и многымъ челоуѣком исцеление дарова, тако и нынѣ нам молитвами твоими помогай и яко же тамо нечестивым онѣмъ варваром являшеся, тако и нам, православным, явися и помози, нечестивым бо на нечистую их вѣру прогнание являшеся, нам же на враги побѣдительная своим явлением даруй о Христѣ Исусѣ господе нашем, ему же слава, во вѣки вѣкомъ аминь (с. 19).

К а з а н с к а я и с т о р и я

...и подай же нам победительная на враги наша. И на пречистыя образ тако же взирая, глаголаше: О, пресвятая госпоже богородице, помози нам ныне, грешным рабом твоим, моли владыку, Христа бога нашего, да подаст нам победу на противныя. И ты убо, преподобие отче Сергие, великий христов угодиче, ускори ныне на помощь нашу и помогай молитвами си, якоже иногда прадеду нашему на Дону на погананаго Мамаю (с. 140).

Как видно из приведенного текста, в Повести после просьбы царя, обращенной к богу, послать ему победу над врагами следует развернутое сопоставление Иваном Грозным произошедшего события — получения им даров из Троице-Сергиева монастыря — с аналогичным эпизодом, имевшим место накануне Куликовской битвы. В Казанской истории в соответствующем месте указанное сопоставление отсутствует. Заимствованы лишь слова молитвы к богородице, которые в Повести произносит сначала прадед Ивана Грозного — Дмитрий Донской, а затем сам Грозный. При этом из заимствуемого текста молитвы Донского—Грозного убирается обращение к святой Троице.

Далее в Казанской истории, как и в Повести, следует обращение царя к Сергию чудотворцу. Эта молитва Грозного, как видим, также значительно сокращена по сравнению с текстом Повести и представляет собой своеобразный экстракт из него, передающий лишь основную мысль

²⁸ Ср. текст Казанской истории (с. 139) и троицкого сочинения (с. 18).

²⁹ До слов: «и подай же нам победительная на враги наша» (с. 140). Ср. в Повести: «подаи побѣдительная на враги» (с. 19).

моления царя — просьбу о помощи, но сохраняющий при этом дословную близость к тексту Повести.

Завершается молитва царя в Казанской истории ранее опущенным лаконичным напоминанием о роли Сергия в победе на Дону. После этого в обоих текстах следует фрагмент, связывающий рассказ о приходе троицких чернецов под Казань с повествованием о дальнейшем ходе осады города: после получения святых даров Иван Грозный начинает одерживать победу над казанцами. Эта мысль сформулирована в Казанской истории почти в тех же словах, что и в Повести,³⁰ однако в дальнейшем раскрывается она по-разному: в Повести идет перечень военных успехов, достигнутых русскими сразу же после получения троицких святынь, а в Казанской истории вместо этого следует рассказ о казанцах, которые «прискорбни быша. . . до смерти» из-за нехватки в городе «пушечнаго зелья».

Как видно из сопоставительного анализа Казанской истории и троицкой Повести, данный рассказ в Казанской истории претерпел существенные изменения. Сохранив все ключевые моменты сюжета, автор Казанской истории сделал свое повествование значительно короче и придал ему иное звучание.

Обратим внимание на тот материал Повести, который остался неиспользованным в Казанской истории. Отсутствующие в ней фрагменты троицкого текста можно разделить на две группы. К первой относятся те сокращения, которые связаны с Троице-Сергиевым монастырем и образом самого Сергия. Они последовательно проводятся автором Казанской истории на протяжении всего рассказа: не упоминаются имена троицкого игумена Гурия и келаря Адриана Ангелова, убирается развернутый рассказ о получении Дмитрием Донским даров из Троице-Сергиева монастыря накануне Куликовской битвы, отсутствует рассказ о чудесах Сергия в Свяжске, а перечень военных удач, последовавших после получения царем троицких святынь, заменен рассказом о горестях казанцев. При этом все сокращения произведены так умело, что почти нигде не чувствуется «швов», лишь в одном месте редакторская работа обнаруживает себя в некотором противоречии: опустив рассказ о Дмитрие Донском и его молитву, традиционно обращенную к богородице и — поскольку святые дары были присланы ему из Троице-Сергиева монастыря — к св. Троице, автор Казанской истории для сохранения логичности повествования перед молитвой Грозного вводит в свой текст отсутствующую в Повести фразу: «И на пречистыя образ тако же взирая, глаголаше. . .», как бы забывая при этом, что на иконе, перед которой молится царь, изображена не только богородица, но и «образ живоначальные Троицы», о чем он сообщает в начале своего рассказа, где дословно передает текст Повести.

Какова же общая направленность рассмотренной группы сокращений? Сопоставляя тексты Повести и Казанской истории, нетрудно заметить, что авторы их, излагая историю посещения троицкими иноками русского лагеря под Казанью, ставили перед собой разные идейно-художественные задачи. Для автора Повести, выходца из Троице-Сергиева монастыря (возможно, самого Адриана Ангелова), важно было подчеркнуть в своем рассказе значение Троицкой обители и ее «патрона» Сергия в исторической победе над Казанским царством. Эта тенденция, как показал А. Н. Насонов,³¹ прослеживается по всему тексту Сказания и Повести. Поэтому рассказ о посланцах «от преподобнаго Сергия» накануне двух исторических событий — Куликовской битвы и Казанского взятия — приобретает в Повести самоудовлетворяющее значение. Троицкий автор подробно описывает ритуал «вкушения» Дмитрием Донским святых даров из Сергиева монастыря, подчеркивает в его молитве, а затем и в молитве

³⁰ Ср. текст: Повесть, с. 19; Казанская история, с. 140.

³¹ Материалы, с. 241—243.

и устойчивые формулы богослужебного текста. Эта тенденция в стилистической обработке текста троицкого сочинения прослеживается и в других перечисленных выше фрагментах Казанской истории, заимствованных из Сказания и Повести. Подобная стилистическая обработка троицкого текста также связана с отказом от церковности, который мы отметили выше у автора Казанской истории.

То же стремление к переосмыслению образов, содержащихся в тексте источника, явственно ощущается и в другом фрагменте Казанской истории — рассказе о прощании Ивана Грозного с царицей Анастасией перед выходом в казанский поход, имеющем значительные текстуальные совпадения с аналогичным рассказом троицкого Сказания и «Летописца начала царства». В этом отрывке Казанской истории дословно совпадают с троицким Сказанием и «Летописцем начала царства» следующие фрагменты. 1. Речь царя, содержащая наставления царице. 2. Описание поведения царицы, узнавшей о предстоящей разлуке с мужем. 3. Ответная речь Анастасии. Однако только второй из трех названных фрагментов по своему объему полностью совпадает с соответствующим фрагментом Сказания, обе же речи — и Грозного, и Анастасии — в Казанской истории значительно сокращены по сравнению с троицким и летописным текстом: в речи Грозного отсутствует вся первая ее часть, где царь рассуждает о «сладости» смерти за христианскую веру,³³ а в речи царицы Анастасии отсутствует большая молитва к богородице, которой завершается этот эпизод в Сказании и «Летописце начала царства».³⁴

Вместе с тем данный рассказ Казанской истории полнее троицкого и летописного рассказов, так как содержит дополнительный фрагмент, в котором описывается жизнь царицы в отсутствие Грозного. В этом эпизоде Анастасия предстает не только как великая княгиня, но и как любящая женщина, страдающая от разлуки с мужем: «Благоверная же царица его Анастасия. . . возвратився в полаты своя, аки ластовица во гнездо свое, с великою тугою и печалию, и со многим сетованием, аки светлая звезда темным облаком скорбию и тоскою прикрывся в полате своей, в ней же живяше, и вся оконца позакры, света дневнаго зрети не хотя, доколе царь с победою возвратится, и в посте и в молении пребываше, день и ночь бога моля о супруге своем. . .» (с. 118).

В контексте рассказа Казанской истории внесенное автором описание затворнической жизни Анастасии углубляет и конкретизирует образ царицы, который начинает складываться уже из ее речи, представляющей соединение плача и молитвы. Следуя в целом за текстом источников, автор Казанской истории в данном фрагменте — плаче царицы — не просто сокращает заимствуемый текст, но существенно его изменяет, придавая всему фрагменту совершенно иное звучание.

В своей речи царица Анастасия во всех трех произведениях сначала восхваляет благочестие царя и его готовность пострадать за православный народ, затем сетует на разлуку, которая им предстоит, и, наконец, обращается с молитвой к богу. Центральная часть этого фрагмента содержит серию риторических восклицаний, развивающих тему разлуки.

Сказание

. . . аз же како стерплю отшествие своего государя или кто ми утолить горкую сию печаль или кто ми принесет и возвѣстит великую от бога милость на благочестивом моем государе, яко благочестивыи царь и всеа Русии самодержець от вседержителя и всемилостиваго бога милость получи и со все́мь

Казанская история

. . . аз же, свете мой драгий, како стерплю на долго время разлучение твое от мене; или кто ми утолит горкую мою печаль; или каия птица в час един прилетет путя того долготу

³³ Этот текст почти без изменений использован автором Казанской истории в другом месте — в речи Грозного, обращенной к боярам на совете в Москве. См. главу 50 Казанской истории («Совет з бояры своими царя п великаго князя») (с. 115).

³⁴ Ср. тексты: Сказание, с. 14; «Летописец начала царства», с. 79; Казанская история, с. 118—119.

своим христоробивымъ воинствомъ брався с нечестивыми и одолѣ и на свое царство здрав возвратися (с. 14).

возвестити ми сладкую вѣсть здравия твоего, яко ты с поганымъ брався и одолети возможши (с. 118).

Из сопоставления приведенных фрагментов видно, что автор Казанской истории заимствует основное содержание плача Анастасии и его риторическую форму из Сказания (или Летописца). Однако дословно он повторяет только риторический вопрос царицы: «...кто ми утолит горюкую мою печаль?», в остальном же тема плача раскрывается им иначе. Во-первых, в Казанской истории Анастасия обращается со своими сетованиями непосредственно к Грозному, называя его «свете мой драгий», в то время как в Сказании она говорит о царе в третьем лице, называя его официально-торжественно: «государь»; во-вторых, в риторический вопрос царицы — кто будет вестником победы ее мужа — вводится фольклорный образ птицы, придающий ему иное звучание и другой смысловой оттенок: царица горюет оттого, что ее супруг будет находиться от нее так далеко, что никакая птица не сможет долететь до нее и принести вести о нем; в-третьих, другим лексическим набором передается содержание извещения, которое Анастасия хотела бы получить с поля брани: вместо «великой от бога милости на благочестивом... государе» царица в Казанской истории хочет услышать «сладкую вѣсть» о здоровье своего мужа и его победе над врагом.

В результате такой переработки текста источников автором Казанской истории образ Анастасии становится более живым и человечным, при этом его книжная этикетность уступает место фольклорной традиции, создавшей образ женщины, страдающей в разлуке с любимым.

Рассмотрим еще один характерный пример стилистической обработки троицкого текста в Казанской истории — описание Казани после взятия ее русскими войсками, помещающееся в конце 83-й главы Казанской истории «О падении храбрых казанцев». Сопоставление этого фрагмента Казанской истории с соответствующими описаниями «Летописца начала царства» и троицкой Повести показывает, что в основе рассказа Казанской истории лежит троицкий текст, а не текст Летописца.

Летописец начала царства

А побитых во граде толико множество во граде лежаше, яко по всему граду не бѣ где ступати не на мертвых. За царевым же двором, гдѣ на бѣгство предалися ис стѣн градских, и по улицам костры мертвых лежаше с стенами градными ровню. Рвы же на той стороне града полны мертвых лежаше и по Казань реку и в рекѣ и за рекою по всему лугу мертвии погании лежаше (с. 108).

Сказание

... нечестивых же убо толико побаша, яко убо внутрь града стѣнѣ толико мертвых нечестивых овѣхъ казанских татар лежаше, яко з градными стѣнами сравнятся трупи мертвых, во градных же вратѣх и во градѣ яко громады мертвии лежаху, за градом же во рвѣхъ и по Казани реце и за Казанию рѣкою безчисленно множество мертвых бысть (с. 23).

Казанская история

И бе видети, яко высокия горы, громады же великия побитых казанцев лежащих, яко внутре града з градными стенами сравнитися, и во вратех же градных, и в проломех, и за градом в ровех, и в потоцех, и в кладязех, и по Казани реке, и по-за Булаку, по лугу, безчисленно мертвых бысть (с. 156).

Как видно из приведенных цитат, данный фрагмент Казанской истории в основе своей содержит текст, дословно близкий тексту троицкой Повести, но обнаруживающий следы творческой переработки его автором Казанской истории. Она выразилась, во-первых, в снятии повторов и сокращении текста, носящем стилистический характер. В троицком тексте пять раз в разных вариантах говорится о многочисленных трупах, переполнивших Казань: «Нечестивых же убо толико побаша...», «толико

мертвых нечестивых онѣхъ казанских татар лежаще. . .», «яко з градными стѣнами сравнятся трупие мертвых», «яко громады мертви лежаху», «. . . безчисленно множество мертвых бысть». В Казанской истории об этом говорится только дважды — в начале и конце фрагмента — и значительно короче: «. . . громады же великия побитых казанцев лежащих. . .», «. . . безчисленно мертвых бысть».

Во-вторых, автор Казанской истории вносит в свое описание дополнения и уточнения, усиливающие в нем экспрессивное начало: тела убитых казанцев, по рассказу Казанской истории, заполняли не только рвы, окружающие город, но и «потоки», и «колодцы»; их было много «и по-за Булаку, по лугом». Автор дополняет троицкий текст определениями, усиливающими сравнение: «. . . яко высокия горы, громады же великия побитых казанцев лежащих. . .»

Изменена в Казанской истории и композиция фрагмента, что придало ему большую, чем в Повести, стройность. Композиционные изменения выразились в перенесении автором Казанской истории из середины фрагмента в его начало второй части сравнительной конструкции «кучи трупов—высокие горы», отчего весь фрагмент в Казанской истории приобрел большую стройность и легкость, чем в Повести.

Отметим, что, рассказывая о покоренной Казани, автор Казанской истории считал недостаточным ограничиться только текстом Повести. Вслед за рассмотренным фрагментом он вводит свое собственное описание, придающее картине покрытого трупами города еще более зловещий характер: «. . . яко и сильному коню не могущу долго скакати по трупию мертвых казанцев, но вседати воином на инья коня и пренятися.³⁵ Реки, иже по всему граду крови их пролишася, и потоцы горячих слез протекоша, и яко великия лужи дождевные воды, кровь стояше по ниским местом и очерленеваше землю, яко речным водам с кровию смеситися, и не можаху людие из рек по 7 дни пити воды, конем же и людем в крови до колону бродити» (с. 156).³⁶

Это стремление автора Казанской истории к созданию зримых, полных конкретности описаний отчетливо проявляется во многих главах Казанской истории. В двух рассмотренных нами случаях — в рассказе о царице Анастасии и в описании Казани после ее взятия — проявление этой тенденции особенно показательно, так как оригинальные фрагменты Казанской истории здесь появляются рядом с заимствованным текстом. Это свидетельствует о том, что автор Казанской истории ощущал несоответствие своего художественного замысла и общей направленности повествования в тексте источника, поэтому он не только редактировал его, но и дополнял оригинальными фрагментами. Эти развернутые дополнения либо художественно усиливали описание источника, либо придавали ему иное звучание.

Эта тенденция автора Казанской истории к развертыванию текста источника особенно заметна в тех фрагментах, в которых сходство с троицким текстом обнаруживается лишь на уровне фактулы. Там, где троицкий автор лишь сообщает в строгой летописной манере о каком-то факте, автор Казанской истории стремится изобразить происходящее, создать яркую и живую картину, в которой конкретные наблюдения соединяются

³⁵ Возможно, данное замечание автора Казанской истории основано на тексте «Летописца начала царства», в котором есть сходный мотив: «яко по всему граду не бѣ где ступати не на мертвых» (с. 108). Однако образ, использованный автором Казанской истории для передачи той же мысли, оригинален и основан, по-видимому, на личных наблюдениях автора.

³⁶ Комментируя этот фрагмент Казанской истории, А. С. Орлов обратил внимание на соединение внутри него традиционных литературных образов («реки крови») с образами, в которых слышатся «отзвуки песни и живого просторечия» («потоки слез», сравнение застоявшейся крови с дождевой водой). См.: А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, кн. 4, с. 354—355.

с риторическими украшениями. Как правило, автор Казанской истории наполняет такие фрагменты многочисленными сравнениями и цитатами из Священного писания, которые вкладываются в уста главных действующих лиц. Иногда подобные описания строятся с использованием традиционных приемов воинского повествования. Приведу два примера.

И в Сказании и в Казанской истории отмечен факт выхода из Москвы для взятия Казани русского войска во главе с Иваном Грозным,³⁷ однако в Сказании это всего лишь краткое сообщение, тогда как в Казанской истории перед нами яркое, полное риторики описание, построенное в то же время на конкретных наблюдениях.

Сказание

... и поиде (Иван Грозный, — Т. В.) на Коломну, а с нимъ брат его князь Владимир Ондръевичъ и бояре сво и воеводы и люди многие (с. 14).

Казанская история

И повелевает (Иван Грозный, — Т. В.) привести к себе великий свой конь и вседает на нь, глаголюще пророческое слово: Ревновах и поревновах по господе бозе, вседержителе моем.³⁸

Вседают же на своя коня сильная вси князи, и воеводы, и храбрыя воины, и седше вскоре, яко высокопарныя орли, полетевше изо очию безчисленнаго множества народа московскаго, борзо идущи и друг друга женуши, и друг друга составляючи, яко на царев пир позвани царем радующихся, идяху (с. 121).

На то, что за данным фрагментом Казанской истории стоят реальные наблюдения автора, отчасти указывает сходное описание передвижения русской походной колонны, содержащееся в записках Флетчера: «... все кричат, как бешеные, едут без всякого порядка, обгоняя друг друга и поднимая такой крик, что слабый и малодушный неприятель от него одного обратился бы в бегство».³⁹ Однако то, что в глазах иностранца было беспорядком, проявлением дикости, неорганизованности русского войска, под пером автора Казанской истории превращается в энтузиазм, воинское рвение московских воевод, спешащих на покорение Казани, как на царский пир.

Вторая часть троицкого сочинения — Повесть — начинается с рассказа о переправе русского войска через Волгу вблизи Казани и первой победе русских над казанцами. Эти события описываются и в Казанской истории.⁴⁰ Однако рассказ Казанской истории существенно отличается от троицкого рассказа. В Повести первое сражение русских с казанцами описано весьма лаконично. Автор одной фразой сообщает о выходе казанцев из города навстречу московскому войску и с помощью клише «и бысть брань велика» характеризует произошедшее военное столкновение. Далее столь же лаконично и обобщенно сообщается о больших потерях с каждой стороны («И многие люди от обоих падоша») и конечной победе русских, «божиею милостию» побивших «многих татар» и захвативших пленников («а иных живых руками яша»).

Автор Казанской истории, напротив, не ограничивается коротким сообщением: мы находим в Казанской истории подробный рассказ об этом сражении. Он строится по следующему плану. Сначала сообщается длительность (три часа) и место боя («на великом лузе цареве у Гостина острова»), затем описываются основные его этапы — столкновение ка-

³⁷ Сцена отъезда Грозного из Москвы в «Летописце начала царства» сведена к одной фразе: «И восходить на конь свои и шествуетъ, аможе богомъ наставлен, и поидет государь к селу своему Коломенскому» (с. 80).

³⁸ Г. З. Кунцевич указал источник этого изречения. Оно взято из 3-й Книги царств, гл. 19, стих 10. «И рече Илия: ревнуя поревновах по господе вседержителе» (по Острожской библии 1581 г.). См.: К у н ц е в и ч, с. 414.

³⁹ К у н ц е в и ч, с. 413.

⁴⁰ В главе 58 «Повеление царя и великаго князя воеводам перезвозпитися Волга и о брани с казанцы на вьстрече», с. 125—126.

занцев с ертаульным полком и отступление последнего, поддержка ертаульного полка с тыла «варварами» передового полка, окружение казанцев русским воинством и бегство казанского царя с поля боя. При этом автор Казанской истории не только повествует, но и описывает. Внутри рассказа о ходе сражения он помещает развернутое описание поля боя, состоящее в основном из традиционных формул воинских повестей: «. . . и паки бывает брань, не худа и мрачна, вооружаются яростию, и велик шум на высоту взимается, и мнози ото обою страну падоша, аки цветы прекрасны. . . и един удержаваше сто, а два — тысящу» (с. 126). Число примеров подобного превращения автором Казанской истории скупых летописных сообщений троицкого сочинения в красочные описания можно было бы легко увеличить.

Подведем некоторые итоги проделанного сопоставительного анализа. Сравнение фрагментов Казанской истории и троицкого сочинения, имеющих дословные совпадения, показывает, что автор Казанской истории не механически заимствовал отдельные эпизоды из Сказания и Повести: в одних случаях он сокращал текст источника, в других добавлял к нему заимствованные из других литературных источников или им самим составленные фрагменты, в третьих заменял отдельные элементы троицкого текста другими, меняющими его стилистическую окраску.

Анализ сокращений, сделанных автором Казанской истории в троицком тексте, показал, что они направлены главным образом на то, чтобы придать повествованию более светский характер, сконцентрировать внимание читателя на исторических событиях и фигуре Ивана Грозного — главного героя повести. Об этом свидетельствует то, что в Казанской истории сокращаются прежде всего молитвы: иногда из них удаляется целый фрагмент, иногда несколько фраз, в отдельных же случаях опускается полностью вся молитва (например, молитва Анастасии к богородице, произносимая царицей в Сказании при прощании с Грозным).

Той же цели в конечном счете служит и вторая группа выявленных нами сокращений троицкого текста, которые можно условно назвать стилистическими. Как было показано на нескольких примерах, число которых можно увеличить, автор Казанской истории последовательно редактирует текст источника, часто сокращая не фразы, а части фраз, отдельные слова и словосочетания, представляющие собой смысловые повторы или длинные этикетные определения, которыми обычно сопровождаются в троицком тексте имена богородицы, Христа, преподобного Сергия и других святых. В результате такого «очищения» троицкого текста от элементов церковной риторики обнажается основной смысловой ряд повествования, и внимание читателя переключается с религиозных ламентаций на ход исторических событий.

Особый интерес представляют дополнения, вносимые автором Казанской истории в заимствуемый текст троицкого сочинения. Их можно разделить на две группы. Первую составляют лаконичные замечания (одна—две фразы, иногда — несколько слов), имеющие уточняющий, конкретизирующий характер. Вторую — развернутые фрагменты, представляющие законченные сцены, характеристики или описания. И те и другие свидетельствуют о высоком художественном мастерстве автора Казанской истории, о его стремлении не просто передать сумму фактов, но занимательно рассказать об исторических событиях, очевидцем которых он был, используя достижения разных жанров письменной литературы и образы устного народного творчества. Как соединялись в тексте Казанской истории эти разнообразные художественные традиции? Ответ на этот вопрос может дать только целостное исследование всего текста Казанской истории.

С. И. НИКОЛАЕВ

Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683) и проблема стиля в русской литературе первой трети XVIII в.

Для историка литературного стиля первая треть XVIII в. интересна прежде всего тем, что в это время русские писатели и переводчики впервые заговорили о самой проблеме стиля. Несмотря на то что это была «самая нелитературная эпоха в истории русской литературы» (Д. С. Лихачев), когда писатели во главе с Петром I нарочито культивировали «конвульсивный стиль» (А. М. Панченко), именно стилистические проблемы, по нашему мнению, больше всего волновали словесную эстетику начала XVIII в. Вскоре все эти вопросы получили блестящее разрешение в стилистической теории Ломоносова, и все последующие споры «о языке», «о слоге» вплоть до начала XIX в. велись уже на твердой основе его теории, причем сам Ломоносов в этих спорах выступал в роли третейского судьи. Честь же постановки проблемы принадлежит петровской эпохе.

В самом начале XVIII в. первыми о стиле заговорили переводчики. Это вполне понятно. Они, «почтовые лошади просвещения», в эпоху эстетической переориентации наиболее ясно увидели несоответствие языковых средств в разных культурах, и перед ними встал вопрос: как переводить?

В предшествующую эпоху такой проблемы не было. В переводной литературе XVII в. мы не встречаем высказываний о стиле перевода. В этом нельзя, конечно, видеть признак отсталости русской эстетики XVII в. Как известно, древнерусская теория искусства слова находилась на очень высоком уровне,¹ но она разрабатывала проблемы теории текста, перевода, стиха, интерпретации и т. д. Стилистические вопросы не ставились по той причине, что они заранее были разрешены функциональным характером церковнославянско-русской диглоссии. Распад диглоссии, особенно резко сказавшийся в петровскую эпоху, когда законы диглоссии перестали соблюдаться, выдвинул вопросы стиля в разряд первостепенных. И переводчики в предисловиях к переводам начинают рассуждать о стиле автора, о стиле перевода, пускаются в длинные и запутанные объяснения. Здесь наблюдается одно довольно любопытное явление, которому опять-таки нет аналога в XVII в.: переводчики не понимают стиля автора, жалуются на его «темность и стропотность». Приведем некоторые высказывания русских переводчиков, причем опытных, известных нам еще с XVII в., а также питомцев духовных училищ, изучавших поэтику и риторику, которых нельзя считать литературными подмастерьями.

¹ В последнее время это убедительно показала С. Матхаузерова. См. ее работы: 1) Две теории текста в русской литературе XVII в. — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 271—284; 2) Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976.

Ф. Поликарпов в 1698 г. в пространном предисловии к переводу «Книги хитрости, руководство воином в ратоборство» превозносит стиль автора, почти не останавливаясь на стиле перевода,² а в предисловии к переводу «Географии генеральной» Б. Варения в 1716 г. пишет, что ее следует «не общенародным диалектом российским переводити. . . дабы тако изъясних высоту и красоту слова и слога авторова».³ Как известно, Петр оценил этот перевод как «гораздо плох», и Поликарпову пришлось отредактировать его.

В декабре 1708 г. А. А. Виниус писал Петру о своем переводе трактата по механике: «Аще ли же явятся в переводе некоторые периоды к выражению трудны, молю — сие не моему нерадению, но творца той книги зело сокращенному слогу приписатьи». Узнав, что Петр хочет издать этот перевод, Виниус писал ему в январе следующего года: «Кая польза людям будет ли? Понеже автор сего трактата писал зело сокращенно и прикрито, не толико зря на пользу людскую, елико на subtilность своего философского письма».⁴

В 1721 г. иеромонах Симон Кохановский перевел «Увещения и приклады политические» Юста Липсия. Стиль Липсия в Европе считался эталоном, а вот как характеризует его русский переводчик: «Помянутый автор. . . написал кратко, да темно и вельми скрытно, а мне, ради объяснения разума истории, нужда была тую самую вещь пространнейшими словами писать и некия нужнейшия окрестности изображати. Вопреки, некия он истории написал пошироко, да темно же, а мне возмнилось оныя сократити и объяснить. . . Я в переводе сем не порабощен был помянутого автора штилкоу и т. д.»⁵

Даже такой блестящий латинист, как Феофан Прокопович, жалуется на стиль популярного в Европе в XVII в. Д. Сааведра Фахардо в предисловии к переводу его «Изображения христиано-политического властелина»: «Аще бы бо тако кто его привести потщался, дабы не мало следов наречия его не остатися, была бы вещь отнюдь невразуменная, стропотная и жестокая. Аще бы всяко разнствующим и далече отходящим от слова его образом толковати восхотел кто, не было бы то переводити, но свое новое нечто писати. . . Невозможно есть (елико по художеству моему мнится ми) всю темность и стропотность прогнати во преведении на славенский язык книжицы сия».⁶

Число подобных рассуждений легко умножить.⁷ Конечно, это вовсе не значит, что в первой трети XVIII в. не было хороших переводов, не означает это и того, что иностранных авторов вообще не понимали. Из переводческой практики XVII в. мы знаем, что бывали случаи непонимания оригинала, и как следствие этого — плохие переводы. Однако высказываний о стиле («слоге», «диалекте» и т. д.) мы не встречаем. Примечательно, что в переводах на церковнославянский язык начала XVIII в. рассуждений о стиле также нет. Так, в предисловии к «Феатрону, или позору историческому» (перевод 1720 г. Гавриила Бужинского с «потрудившимися») сказано следующее: «Преведохом же сию книгу яко от самого автора сложена есть, ничтоже пременше, ничтоже приложивше или убавивше».⁸

² П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1. СПб., 1862, с. 212—213 (далее: Пекарский).

³ Цит. по: Э. В. Лукичева. Федор Поликарпов — переводчик «Географии генеральной» Бернарда Варения. — В кн.: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. (XVIII век, сб. 9). Л., 1974, с. 292.

⁴ Пекарский, с. 205—206.

⁵ Там же, с. 219.

⁶ Там же, с. 216.

⁷ См.: там же, с. 205—227 и др.; В. П. Вомперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970, с. 38—54.

⁸ Цит. по: Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. М.—Л., 1958, с. 292.

Интерес к проблеме стиля, неожиданно появившийся в петровскую эпоху, не уменьшался, несмотря на то что Петр I собственно уже разрешил проблему как «теории» перевода («точию выразишь, уж так писать, как внятнее»⁹), так и стилистики перевода («высоких слов класть не надобят, но Посольского приказу употреби слова»¹⁰). Как справедливо отметил В. В. Виноградов, «„европеизация“ русского языка носила ярко выраженный отпечаток правительственного режима».¹¹ Тем не менее переводчики оставались в растерянности, и Петр I сам редактировал все напечатанные при нем переводы.

В этих условиях естественным был бы повышенный интерес к нормативным руководствам, т. е. к риторикам. И действительно, в это время (1690—1720-е гг.) на русский язык переводятся риторика Софония Лихуды, Раймунда Люллия, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича. Составляют свои руководства Я. Белободский и М. Усачев. Риторика эти переписываются и собираются. Так, в старообрядческом Выгорецком общежитии были собраны все известные риторика на русском языке (всего шесть, за исключением риторики Макария 1620 г.), а в середине 1720-х гг. на их основе создан риторический свод.¹²

Однако разрешить стилистические проблемы традиционная риторика в условиях распада диглоссии не могла, поскольку изложенное в ней учение «о трех родах глаголанья»¹³ не было ориентировано на создающуюся социолингвистическую ситуацию.¹⁴ Эту лакуну в эстетическом сознании можно было заполнить двумя способами: созданием принципиально новой стилистической теории на «природном» языке и обращением к опыту западноевропейских национальных литератур. Однако широкое знакомство и усвоение литературно-эстетических взглядов европейских теоретиков литературы началось после, вернее, одновременно с созданием Ломоносовым новой стилистической теории и усиленной работой других поэтов-филологов в области словесной эстетики.¹⁵

В доломоносовский период случаи знакомства с современной литературно-критической мыслью Европы (имеем в виду переводы) единичны. Насколько нам известно, они ограничиваются изложением начал стилистики в «Искусстве недерландского языка» (1717), где помещены разделы «О сочинении речей» и «О хитрословии, или высоко наречии», и рядом статей, посвященных вопросам стиля, в «Примечаниях к Ведомостям».¹⁶ Сюда можно добавить и публикуемый перевод трактата С. Х. Любомирского о стиле.

* * *

Творчество польского поэта, прозаика и переводчика Станислава Хераклиуша Любомирского (1642—1702) было довольно хорошо известно

⁹ Из письма переводчику И. Зотову (Пекарский, с. 227).

¹⁰ Это известный отзыв Петра I о переводе Ф. Поликарпова «Географии генеральной» (Русский архив, 1868, № 7—9, с. 1054).

¹¹ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 51.

¹² См.: Н. В. Понырко. Выговская литературная школа в первой половине XVIII ст. Автореф. канд. дис. Л., 1979, с. 7—15.

¹³ Соответствующие главы из риторик Макария, М. Усачева, Феофана Прокоповича и Порфирия Крайского опубликованы в кн.: В. П. Вомерский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова. . . , с. 184—204.

¹⁴ Проблемы церковнославяно-русской диглоссии рассматриваются в работах Б. А. Успенского, Г. Хютль-Ворт и др.

¹⁵ См.: Г. А. Гукровский. Русская литературно-критическая мысль в 1730—1750 гг. — В кн.: XVIII век, сб. 5. М.—Л., 1962, с. 98—128; И. А. Чернов. Из лекций по теоретическому литературоведению. Барокко: литература/литературоведение. Тарту, 1976, с. 142—151.

¹⁶ См.: В. Севел. Искусство недерландского языка. СПб., 1717, с. 650—667, 682—715; В. П. Степанов. Критика маньеризма в «Примечаниях к Ведомостям». — В кн.: Русская литература XVIII века и ее международные связи (XVIII век, сб. 10). Л., 1975, с. 39—48.

в России. Но это была известность анонима — его сочинения подписаны были либо его инициалами, либо псевдонимами, либо просто анонимны.

3 апреля 1676 г. русский посланник в Варшаве В. М. Тяпкин купил два экземпляра по «ефимку за книгу»¹⁷ анонимно изданного панегирика Любомирского «Польская муза» по случаю коронации Яна Собесского. В делах Посольского приказа сохранился один экземпляр этой книжки,¹⁸ где некоторые строки и строфы, в которых Любомирский «с укоризной» отзывался о России, помечены крестиком. В том же году эти отрывки были переведены на русский язык.¹⁹ Примечательно, что кн. В. В. Голицын в переговорах с польскими дипломатами приводил их как пример недружелюбного отношения некоторых писателей к русскому государству, не зная, что написал их великий коронный маршал С. Х. Любомирский.

Почти полвека спустя, в 1730 г., с латинского языка были переведены его «Притчи правоучительные о добродетели и фортуне», перевод их пользовался популярностью до самого конца XVIII в.²⁰ Здесь также нет имени Любомирского, только анаграмма «Миробулия Тассалина» (т. е. «Mirobulius Tassalinus—Lubomirius Stanislaus»). В русских библиотеках того времени книги Любомирского встречаются очень редко. В библиотеке кн. Д. М. Голицына была книга «О бесполезности советов» («De vanitate consiliorum», 1700), правда, в описи библиотеки автором назван «Стан. Любенский».²¹

В описи библиотеки А. П. Волынского значится книжка «Разговоры Евандровы на полском».²² Это несомненно «Беседы Артаксеса и Эвандра» («Rozmowy Artaxesa i Ewandra») Любомирского, впервые изданные в 1683 г. и выдержавшие до середины XVIII в. шесть изданий (1683, 1694, 1708, 1718, 1734, 1745). Своей популярностью она обязана прежде всего широте тем, затронутых автором.

Два аристократа, Артаксес и Эвандр, отрываясь от своих занятий в королевском дворце, выходят в сад, встречаются на прогулке и во время беседы затрагивают какую-либо тему, обсуждают ее, после чего один из них произносит длинейший монолог, проявляя при этом незаурядную эрудицию. Собственно дискурсивная часть «Бесед» в несколько раз меньше по объему монологов-трактатов на самые различные темы. Наука и образование, литература, религия, политика — на любую мимоходом затронутую тему Артаксес и Эвандр рассуждают свободно и со знанием дела, цитируя при этом десятки сочинений древних и новых авторов от Плутарха и Сенеки до Монтеня и Дж. Марино.²³ Это представители наиболее просвещенной части общества тогдашней Польши.

Своих читателей Любомирский нашел и в России в лице кн. Д. М. Голицына и А. П. Волынского. И не только читателей.

Это третье произведение польского писателя, переведенное на русский язык. Перевод известен нам в единственном списке, датированном 20—

¹⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. № 178, л. 369. Книга была напечатана в январе 1676 г.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 79, 1676, № 8.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. № 177, л. 481—485.

²⁰ См.: D. C i ż e v s k y j. Zu den polnisch-russischen literarischen Beziehungen. Stanisław Herakliusz Lubomirski in russischer Übersetzung. — Zeitschrift für Slavische Philologie, 1955, Bd XXIII, N. 2, S. 256—260; Н. Д. Численко. Латинские притчи Ст. Х. Любомирского в русском переводе 1730 г. — В кн.: Тезисы докладов всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980, с. 190—191; С. И. Николаев. Элегии и проповедь (Проблемы изучения перевода «Adverbia moralia» С. Х. Любомирского 1730 г.). — В кн.: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII—начало XIX в. (XVIII век, сб. 13). Л., 1981, с. 205—218.

²¹ ГБЛ, ф. 64, к. 80, ед. 10, л. 56 об.

²² С. П. Луи п о в. Библиотека Артемия Волынского. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979, с. 125.

²³ Анализ источников данного произведения Любомирского посвящена отдельная монография: W. S z c z y g i e ł. Źródła «Rozmów Artaxesa i Ewandra» St. H. Lubomirskiego. Kraków, 1929.

30-ми гг. XVIII в.²⁴ Это несомненно список — в тексте много описок, пропусков слов и букв, искаженных написаний. Для точной датировки перевода никаких данных нет, приходится датировать его концом XVII — первой четвертью XVIII в. Перевод сделан в России, но, очевидно, выходцем из Украины или Белоруссии, о чем свидетельствуют не только морфологические признаки, но и лексика, в том числе довольно большое число полонизмов, понятных украинцу или белорусу без перевода. Переводчик — человек книжной культуры, о чем свидетельствует употребление сложных числительных («розмова третиянадесять»), исчезающих глагольных форм, дательного самостоятельного («приспешу времени родити явишася в утробе», л. 124). Заимствований, характерных для петровской эпохи, практически нет. Переводчик несомненно получил хорошее образование — латинские цитаты, в изобилии встречающиеся у Любомирского, переведены безукоризненно, например, цитата из Сенеки «*Omnis Ars imitatio est naturae*»²⁵ в переводе выглядит так: «Всякое художество есть токмо наследование естества» (л. 33).

Переведены все 13 бесед, но с сокращениями. Прежде всего исчезла вся дискурсивная часть, ее следы остались только в заглавии книги («Розмовы или беседы») и в названиях глав («розмова»). Текст трактатов также подвергся сокращению: выпущены слова, предложения, некоторые примеры, пересказа, однако, нет. Иногда переводчик добавляет одно-два поясняющих слова, уточняет отсылку автора; например, Любомирский просто отсылает к библейской книге Иова («Iob»), а в переводе уточнено: «Иов 19, верш 23» (л. 28 об.). Встречается игра слов, оригиналом не предусмотренная; например, у Любомирского: «*Ale też nią rzeczy nie przela-dować, aby z poważnego mówcę nie uczyniła śmiesznym*» («Но не следует перегружать произведение эрудицией, чтобы серьезный оратор не выглядел смешно», с. 208); в переводе: «Но не тебе учением zelo превозноситься, абы с повседневнога стихотворца не учинило смехотворцем» (л. 33 об.). Такова общая характеристика перевода и переводчика.

Интересующий нас трактат о стиле — третья беседа («О стиле, или способе говорить и писать»)²⁶. Этот «литературный манифест эпохи»²⁷ неоднократно привлекал к себе внимание исследователей прежде всего потому, что это первое на польском языке сочинение о стиле, написанное крупнейшим автором позднего барокко. После вступления, где кратко излагается история понятия «стиль» и теория подражания,²⁸ Любомирский характеризует стиль исторический, ораторский, эпистолярный и

²⁴ ЦГАДА, ф. 187 (колл. рукописных книг ЦГАЛИ), оп. 1, № 99. «Розмовы или беседы двух мудрых персон». 4^о, 1+319 л., переплет — картон в коже с тиснением, полуустав. Филигрини: 1) «почтальон» — тип, близкий к Э. Лауцявичюс № 2766—1730 г. (E. Laucevičius. *Papierius Lietuvoje XVI—XVIII a. Vilnius, 1967.*). Ср. Тромонин № 1810 — без даты; 2) «герб города Амстердама», буквы IA — С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «герб города Амстердама». — Записки отдела рукописей ГБЛ, вып. 20. М., 1958, № 107 — 1719 г. (далее: Клепиков); 3) «герб города Амстердама», вензель GVN, контрмарка BEAUVAIS — Клепиков, № 29 — 1712—1726 гг.; 4) «герб города Амстердама», буквы I ARDEL — Клепиков, № 135 — 1719—1727 гг.; 5) «герб города Амстердама», буквы ID — Клепиков, № 12 — 1717, 1720 гг.; 6) тип «Allmod Papier» — аналогичного в альбомах не обнаружено; 7) большая W под короной, внизу буквы IHK в рамке — тип, близкий к Э. Лауцявичюс № 3332 — 1705 г. На верхней и нижней внутренних крышках переплета наклеены листки с текстом, кажется, «Розмов или бесед». Далее в тексте указываются листы этой рукописи.

²⁵ S. H. Lubomirski. *Wybór pism*. Oprac. R. Pollak. Wrocław, 1953, s. 206. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

²⁶ Польский текст переиздан в кн.: S. H. Lubomirski. *Wybór pism*, s. 191—221. Маргиналии не учтены, сличение их с переводом делалось по изданию 1683 г. (БАН).

²⁷ B. Otwinowska. *Modele i style prozy w dyskusjach na przełomie XVI i XVII wieku*. Wrocław, 1967, s. 157.

²⁸ Его взгляды на подражание во многом сходны со взглядами Феофана Прокоповича, изложенными в его «Поэтике».

поэтический, указывает особенности каждого и называет лучших их представителей.²⁹

Изложенные в этом трактате признаки аттического стиля отвечали, на первый взгляд, требованиям, выдвинутому русскими переводчиками петровской эпохи, — краткости и простоте. Но на практике, как мы видели выше, излишняя «сокращенность» стиля Липсия, главы аттического направления в прозе, была как раз камнем преткновения для переводчиков. Несомненный интерес в трактате могло вызвать и то, что Любомирский, охарактеризовав стиль древних писателей (преимущественно серебряного века — Сенеки и Тацита), непременно сравнивал с ним современных («неотериков»). В риториках и поэтиках такого сравнения не было.

Если задаться вопросом, насколько адекватно воспринимался этот текст в России и насколько были понятны ссылки на древних и новейших авторов, то есть все основания утверждать, что образованному читателю первой четверти XVIII в. эти имена были знакомы, поскольку большая часть этих авторов была в России известна.³⁰ В переводе эти характеристики и оценки Любомирского сохранены. Текст трактата сокращен примерно на одну треть — отсутствуют некоторые примеры, сокращены развернутые характеристики, полностью опущен раздел, посвященный поэзии. Вряд ли он опущен по той причине, что западноевропейская поэзия не была известна в России; например, из упомянутых здесь поэтов Т. Тассо, М. К. Сарбевский были известны не только в оригиналах, но и в переводах. Возможно, переводчика интересовал только стиль прозы, по этой же, очевидно, причине остался непереведенным и сонет Любомирского о Таците.

Публикуемый перевод трактата С. Х. Любомирского о стиле — еще одно свидетельство появившегося в начале XVIII в. интереса к проблеме стиля. Понятно и обращение к литературно-критической мысли Польши — недавняя литература-посредница еще не утратила своего значения для русских писателей.

РОЗМОВА ТРЕТЬЯ О ДИАЛЕКТЕ^{1*} ИЛИ СПОСОБЕ ГЛАГОЛАНІЯ И ПИСАНІЯ

л. 28

Пером или языком красно что изображено, обыкли людие глаголать: красным та книшка или лист диалектом написанъ^а, или: трудный той диалект к писанию. Одним словом, что пишем или читаем, оное письменное изображение или написание диалектом называем. Какая бы сего вина была, наше сие слово диалект приличное есть до употребления исписанных речей^б и вимислов, различно о том рассуждаться^в может. А я о том слове утверждаю, что имеет название свое от старобытности и з древнейшими словами может^г счислятися, ибо диалект полским языком знаменует орудие^д, которым слова писания старобытные люди на камениях или железе изображали или на оловянных и восковых дсках книги и листы писали, а не на бумагах, о чем Иов в книгах своих свидетелствует:// «Кто ме сие даст, да напишутся словеса мои в писании железное»^е. В тие времена ани печати^ж, ани чернил не употребляли, но орудием на то устроенным изображали слова и писания, и оттого все способы писания называли именов^з того орудия, чесога и по днесъ употребляют, но не

л. 28
об.

²⁹ Подробнее см.: W. S z c z y g i e ł. Źródła «Rozmów Artaxesa i Ewandra» S. H. Lubomirskiego, s. 10—24.

³⁰ Сведения о переводах см. в комментарии к публикации.

* Здесь и далее арабские цифры отсылают к комментарию после публикации.

^а Испр., в ркп. написа ^б На поле глосса другим почерком вещей ^в Испр., в ркп. рассуждаться ^г Испр., в ркп. может ^д На поле Что знаменует диалект ^е На поле Иов 19, верш 23 ^ж Испр., в ркп. печатси ^з Испр., в ркп. имене

именуют древним наречием от чего то писмо писано, но токмо глаголют: пером красно писано, ибо не употребляют ныне в мире древних орудий к писанию належащих.

Обаче како ни называем, а ничесого не имеем вяцшаго от древних во изобретанных науках и песменах^И. Оным природный и свойственный разум с разсуждением был предводитель в писании, мы же чесому последуем, то и умеем, и вправду может рещися: что премудрейшее нынешнего веку писмо есть острое изображение древняго наследования. «Тако прежде л. 29 приятую отдаем должность». Сим// путем идуще, который древний век нам определил, не будем подлежать уничижению, но паче похваление стяжем последующе древным писменем издателем их.

Сие нам разсуждение о наследовании древних аки с рук до рук подают^К древние лета, в чем мы и придожнны есми в почтении^Л и наследовании оных. А не токмо мы, нынешняго веку, но и древнии^М древнейших любительно наследовали.

Како, великий и мудрый философ, аще и сам писма и наказания много свету оставил, а обаче сам любил книги Платоновы и всегда их носил при себе и наследовал их в диалекте, и кто бы оныя читаючи разсуждал, котораго бы было писмо, мню, яко рекл бы: единого издателя² суть оба диалекты^Н. Свидетельствуют истории, что по проигранной со Юлиушем домовою войне^О, первой нежели сам себя забил, довольно Плятонову книгу о несмертности душевной ночью читал и удовольитися не мог. А наконец, сам себя // зарезавши, мало что не до конца своего читал ю жития. л. 29 об.

Юлий Цесарь зело любил книгу Гомера грецкаго и с великим прилежанием читал^П, и не срамлялся изуст учить, и при великих военных забавах употреблял. Единого времени по несчастью случилось ему чрез некакую великую реку плыти, и тут не оставил книги Гомеровою, одною рукою нужду свою исправлял — плыл, а другою книгу верху води держал, чтобы не измочить, и в равной чести у него была Гомерова книга с мечем. И для того избрал себе знамение или надписание книгу Гомерову, а на ней обнаженный меч с надписанием: «От обоих цесарь», хотя тем изобразить, что и мечем и от книг быть хочет славным.

Отсюда познать можно, что добрый диалект быть не может разве с наследованием древняго^Р, и то есть наилучший диалект, который доброду наиприличнейший. Ничесого не имеем сами от себе, но древнейшии // писма суть зеркалами и^С образом нынешних, от них пример приемлем, от них и учимся, слово к слову применяя, уподобляемся и есть некакая писменная живость или паче рещи душа всякаго писания, а слог того писания должен быть ани зело краткий, ани продолженный, но в равной мере не чужими словами, но свойственными, написанный наподобие онаго автора, котораго наследуеш. Аще высокий, то высоко, аще померный, то померно, аще расплодный, то расплодно, аще дерзостный, то дерзостно наследовать. А сие происходит от уподобия и от природы разума, свойственнаго во всяком человеце; каков имать смысл или остроту, таков любит и диалект. Не может рещися, что той диалект есть лучший от другаго — все суть добры, аще истинно вещь, о которой пишет, изобразит^Т. А кто инако пишет нежели вещь повествует, той преступляет противу разсуждению, которое есть душою и управительством всякаго писма. Яко аще кто бы хотя домостройство или огородничество описать, а писал бы красными // и высокими словами, неприличными тем вещем^У — сие несть добрый диалект. л. 30 об.

^И На поле От старобытных наилучший способ ^К Испр., в ркп. подает ^Л Испр., в ркп. почтении ^М Испр., в ркп. древни ^Н На поле Како великий наследовал Плятона ^О Испр., в ркп. войны ^П На поле Юлий любил книгу Гомерову ^Р На поле Все имеем от древних ^С Доб., в ркп. нет ^Т На поле Диалект от разсуждения происходит ^У Испр., в ркп. вещами

Читал добраго автора латынского имянем Флора, который риторским красномовством и огороднический уряд^ф вяшше потреби описал^х, воистинну прекрасным диалектом^ц изобразил, но не есть похвална, ибо неприличныя фигуры и вымышления огородничеству приписал^ч. Читал и другаго о той же вещи автора италийским^ш языком, и сей общую домостройнаго порядку економии совершенно и читателю описал, а называется имянем «Тенара». Плиний так же «О естественных» писал книгу и сей достоин похвали, ибо речь свою совершенно и природным, а не гордим диалектом описал, яко того вещь потребовала^ш.

Так же противным способом: кто бы высокую речь и славную тупо и неясно^з и не высоким^ю диалектом описал, подлежал бы таковой поношению, ибо похвала вымовы требует, вымова же разумных составлений.

Яко всякая речь, тако и диалект должен иметь свой союз, не тако, яко инии пи//шут: один слад на дванадесят строк разширяют, и послежде скротивши его, окончивают. В таком писании не обрящеш ани примиру, ани научения, ани ползы, аки бы в великом лесе много дров и малых и суковатых, от которых ниедино удобно есть к созиданию, аще их и много звне уду видим. От таких диалектов, которые вяшше слова, анежели речь изъясняют^я мало пользы есть. Прилично, аки неблагообразное лице в златовидном одеянии. А то происходит от сего, что таковой первой употребляет ума, а к рассуждению не склоняется, аще и не есть того потреба, часто и много глаголет или пишет. Рассуждение есть всякому научению обладател и оному же ум есть во всем повинующися^{и, а}, и аще ему в чем будет неблагоуправлять, не дивно то, аще в чем ум и погрешит. Аще кто помышляет что писать, первой треба ему помысля разсудить, о чесом имать писать, абы слова и речи способные были.

Кто пишет историю, должен от иных к//ратчайший иметь диалект, абы читающему чтение было не стужительно^б, обаче не утаевая ничего, где и каковою причиною что деялося, ибо история не толко повествует, но и научает. Того ради Дивиало^в, историк французский, имеет похвалу, что кратко и совершенно и ясно историю свою написал. Туан так же французскую историю пишет, но разширительней от первого, обаче ничего более не пишет, того ради первый приятнейший к чтанию.

Граммонд также по чину пристойному пишет свою историю^г. Квицардин^з италийский разширительную историю зело кратким диалектом списал, и для того гишпанский король Филип четвертый зело любительно читал.

Гроцы^д голендерский дела^д, а по нем неотерик Барлей,^е Кромер, Пясецкий^в и Ореховский^з. Зело добрыи историки померным и природным диалектом дела писали, и инные много во свете помешанных поступков и дневных дел писали, анежели историю подобную, и наи//паче правдою, а не диалектом описавали. Страда хотя и по чину писал, болшую похвалу бы имел, когда бы меньшие оставивши речи, знаменитые писал бы поступки^е. Мариана, гишпанский историк, начала гишпанские пристойно описал. Старые историки, от которых^ж нынешные приклад в письме взяли, яко римский историк славный по днесь в диалекте Тацыт, котораго более нынешные историки политичнее в диалекте употребляют^з. Инные и зело его, аки повседневно^и некакое письмо читают. И есть его диалект над все инные историчные диалекты связнейший и тем есть най-

^ф Испр., в ркп. уряд ^х На поле Флор ^ц Испр., в ркп. диалектомо ^ч На поле
Всякая вещь должна иметь не трудный диалект ^ш Испр., в ркп. италийским
^ш На поле Плиний ^{з-ю} Написано на приклеенной полоске бумаги ^я Испр., в ркп.
изъясняет

^{и, а} На поле Разум с рас(с)уждением должен быть ^б На поле Диалект историч-
ный ^в На поле Давиала ^г На поле Граммонт, Квицардин ^д На поле Гроцы,
Барлей, Кромер, Пясецкий, Ореховский ^е На поле Страда ^ж Испр., в ркп.
когораго ^з На поле Тацыт ^и Испр., в ркп. повседневно

редший, что всяких политычных урядов образы и хитрые поступки разных особ и прирождение свойственным писанием^к, но кратким и связным диалектом изобразил. И того ради письмо его есть трудно к читанию и зело нескоро поятно ко разумению.

Кроме Тацита ни один еще историк не писал кратким и связным диалектом.

Патеркуль, историк римский, зело подобне^л в диалекте и речи Тациту писал^м, но много менше его, // обаче в словах зело много Тацита наследовал. Флор не так историю, но краткое собрание историчное писал^н, но зело чиновно и рассудительней от Тацита в диалекте и зело приятный есть к читанию, но краток и для того на его инную писали книгу.

Салюсти красномовнейший от всех инных диалект и речь свою описал, но не так связней, яко Тацит^о.

Коментарии Юлиия Цесаря⁸ хотя простым диалектом военные дела писаны, обаче зело потребны разумному военнику ко наследованию^п.

Ксенофонт гречин о многих вещах природным диалектом зело рассудительно писал и есть ко употреблению нужней для всяких доводов.

Ливиуш⁹ и Юстин также по чину историчному зело красно писали.

И иные многии, которых притруди всех исчести, также по чину историчному с рассуждением, с пристойными словами диалект писали, о чем письмо их само свидетельствует. //

И инный есть диалект риторский и ветийския^р, а инный историчный, котораго в мове всякому^с волно^т по рассуждению и наклонению своему^у природному к речи употребить.

Ибо яко язык есть истолкователь сердца и мысли, тако и слова вымолвленные^ф им должны суть возбудить или утешить смысл, обаче с рассудительным^х измерением слов и прикладов и фигур и инных к ветийству^ц прилежащих способов, дабы не стужить и не оскорбить непомерным многословством слушающего.

Таковой был Улиссес, который природною вымовою науку и наученных посрамлял и постиждал^ч, и которые обыкли ветийствия своя высокими и вымышленными словами украшать^ш, не могли его превзойти^щ ани сравнятся с ним. Ничесого наука не имеет вящшего от природы, о чем и Сенека¹⁰ пишет: «Всякое художество есть токмо наследование естества»⁹.

Что суть оны разуми, которые схолясти // ческими^ю толко способами пишут и мыслят о себе, аки бы ин никто лутче их не могл писать.

Пишет Тацит о Агриколе^я, который был человек зело вымовный, а наипаче тем славнейший, что в III, а мудрости своей содержал меру.^б

Совершеннейшая есть речь разумному человеку быть управителем своих фигур, вымыслов и слов, одним словом, яко некто рекл, иметь стир в руках, плавающе в мудрости. Не повелеваю, абы отставя учение, простым токмо писать диалектом, ибо учение есть доброе ко всему и украшение многому, и должно есть его учиться.

Но не требе учением зело превозноситься, абы с повседневнога стихотворца не учинило смехотворцем. Премудре и рассудительне речь с речью солучить есть дело учения наипаче, анижели естества. Конечно абы кратко, разумно и связно слог свой писать, о чем исповествуют: «Великаго художника // есть дело — великую речь вмале замкнуть». Между

^к Испр., в ркп. писанье ^л Испр., в ркп. подоби ^м На поле Патеркуль
^н На поле Флор ^о На поле Салюсти ^п На поле Коментарий Юлиев ^р На поле
Диалект риторский ^{с-у} Написано между строк ^{т-у} Написано на наклеенной
вблизи бумаги ^ф Испр., в ркп. вымолвленные ^х Испр., в ркп. рассудительным
^ц Испр., в ркп. ветийству ^ч На поле Вымова улиссе(с)ова ^ш Испр., в ркп. укра-
шает ^щ Испр., в ркп. превозгити ⁹ На поле Сенека ^ю Испр., в ркп. схоля-
тическими ^я Испр., в ркп. Агриколе,

III, а Испр., в ркп. с ^б На поле М(у)дрость агриколева померна

древними мудрецами Сократес, Демостен, Цицерон ^в дали главизну учению риторскому.

Зело похвална древняя римская канцелярия, которую ныне венечкая и полская в писании листов наследуют ^г, а в иных народах не зело сего употребляют, а наипаче где самовладетельнейшии ^д монархи не тщатся, абы был диалект складный, но абы речь была. Для того в Гишпании и у французов советные листы лучшим диалектом пишут, а общие дела простыми словами и не пекутся, абы слова были избранные, но токмо абы их слушали и боялися. А у волных народов, яко в Полше, в Венеции, зело много помагает краснописменный диалект.

Много древние вымовники, яко Мариуш, Улиссес, Александер, Юлий, Помпей, Аннибал и инных множество, которые мяхкими словами и красомовным диалектом острые сердца превращали.

Пир, король епиродкий, брал на войну с собою Цынея, // ученика ^{л. 34 об.} демостенесоваго, во оные городы, которые хотел воевать, в посолствах посылал его, дабы ласкательными словами острые неприятельские сердца умяхчал и склонял ко отданию без пролития крови городи, о чем и сам Пир многожды визнавал, что болей словом Цынея, анежели мечем своим стран под власть свою наклонил.

Суть такожде добрые диалекты и некоторых нынешних, часто риторскаго учения употребляющих, между которыми италиянин Маскард ^е именем в витийствиях и в беседах своих обычайным слогом ^ж и диалектом инных превосходил. Лоредан, ^и такожде италиянин, прекрасным и разумным диалектом писал листов из разных вымысленных бесед много ^з.

Бакон, канцлер во Англии, прекрасным и зело знаменитым диалектом написал две книги ^и. Одной имя «Надзирательства обычайная», в которой о различных политичных вежлиствах и нравах и речах связны // м и умным ^{л. 35 об.} слогом беседует, другую именовал «Премудрость древных», в которой есть чего и научитися и начитатися.

Саведра ^к «Емблемата, или изображения» ^л со нравоучительным наказанием высоким и мерным и ученым слогом паче иных многих написал, котораго в таком поведении ни един еще не превшел ^л. В притворных историях, которые романиями называются так латынским, яко и иных посторонних языков диалектом, суть многие и славные ^м: Барклай ^н в «Аргениде» и «Евформии» много научает, такожде и утешает многоплетенною своею связностию ^н.

А что ж о инных глаголать ^о, которых много италиянским и французским языком писано: «Пир», «Еромен», «Стратоник», «Калеондер», «Дианея», «Клеопатра» ^п и инных множество. Те все книги не иннаго чего ради написаны, токмо для употребления и учения. Яко во Италии, а наипаче французях, наиболее таких книг знаменитые люди употребляют и женскаго полу девические лица себе списывают и разум свой теми учеными диалектами поощряют яко многие от них разумом мужеск под ^{л. 35 об.} превосходят ^п. Такожде в Бононии, в Флоренции, Рыме, в Ведне, Париже и в иных славных градах, где высокие и знаменитые великих господ дома обретаются, тамо бывають у высоких и ковалерских лиц схождения и академии под знаком некаких забав и слов розмовных, бесед для научения прекрасных диалектов, абы могли разум свой прекрасными слогами увеселить и утешить. Древных людей мысль на том состояла, дабы кратко, но зело высоким вымыслением речь свою изобразить, каковых выдов во Италии и донныне еще много, яко самые надписы над костелами, фонтаннами, вратами, персонами ^р. Над одним костелом читал надпис чет-

^в Испр., в ркп. Цицерон ^г На поле Похвала римской канцелярии ^д Испр., в ркп. самовладетельшии ^е Испр., в ркп. Маскар ^ж Испр., в ркп. слогам ^з На поле Лоредан ^и На поле Бакон ^к Испр., в ркп. Саведра ^л На поле Саведра ^м На поле Романиян различные ^н На поле Барклай ^о Испр., в ркп. глаголет ^п На поле Академий схождения великих людей и для чего и где ^р На поле Краткость надписов римских

верословный: «Хранителю богу Рим благодарен». Под персоною князя флоренского престолом токмо иных много. Римских старих цесарей денги краткие, но мудрые имеют надписы, яко нероново: «Для граждан сохраненных», трояновы: «Сенат и общенародство римское благому князю», веспазиянови: // «Иовишу и победителю» и инны, которые мало глаголют, но много^с в себе замыкают^т. Нынешних веков ничего такового не слышать, токмо непотребные избытки суетных и ненасытных слов, с которых мало вкусу, а пожитку меньше, а науки нимало. А древние слоги, хотя простые, а обаче имеют в себе некое удивительство, что в едином в малом слове творят недоумения и похваления себе приимают, а то того ради, что вышше потреб нималого не придают, свойственно и пристойно речи свое и слова замыкают.

Хто хочет быть в диалекте совершенным, требе есть, абы во всем был обратливый, старых и новых и списателей и историков авторов для требования своего умел был употреблять, яко трудодетельная пчела от различных цветов, хотя и от // горких, до единого меду все приносит, знает, где положить мед, где воск, не помешает, не забудет, не оставит ничего неустроеннаго^у.

Видел великих красомовцов и писарей,¹⁵ которые и простых диалектов не оставляли не чтенных, но с прилежанием из них выбирали, и со временем драгие бисери разума в таковых местех обретаются.

Птоломей, кроль египецкий, в книгохранилице своей имел сорок тысячей разных историков книг, которые во время брани с цесарем во Александрии згорели^ф, о чем зело люди сетовали^х. Но нам довлеет ко учению и ко употреблению которые по них обретаются, абы токмо трудов и прилежания на сие не жалели, ибо и диалект не немалых требует трудов.

(ЦГАДА, ф. 187, оп. 1, № 99, л. 28—36 об.)

КОММЕНТАРИЙ *

- ¹ Польское *styl* переводится как «диалект» на протяжении всего текста, однако встречается в значении «слог» (л. 30, 35, 36), «писание» (л. 31). В первой четверти XVIII в. термины «стиль», «диалект», «слог» обладали полной взаимозаменяемостью. См.: В. П. В о м п е р с к и й. Стилистическое учение М. В. Ломоносова. . . , с. 48.
- ² Т. е. автора. Еще А. Кантемир франц. *auteur* (из VII сатиры Буало) переводил как «издатель».
- ³ В библиотеке кн. Д. М. Голицына был перевод «Увещания политическия Франциска Гвичардина» (ГПБ, Ф. II. 49).
- ⁴ В библиотеке кн. Д. М. Голицына был перевод Г. Гроция «Гугена Грота О законах брани и мира» (ГПБ, Ф. II. 36).
- ⁵ Из произведений голландского историка и поэта К. Барлеуса в России было переведено «Слово о дивных свойствах души человеческой» (ГПБ, собр. СПб ДА, № 1503; ГПБ, Ф. I. 872; ГИМ, Синодальное собр., № 776; БАН, 17.15.7).
- ⁶ Перевод «Хроники» польского историка П. Пясецкого был в библиотеке Д. М. Голицына (ГПБ, Ф. IV. 163). В 1735 г. К. Кондратович перевел М. Кромера с латинского языка. См.: «Мартина Кромера, епископа варминьского, о начатии поляков и о делах от оных соделанных, и о всех «иных окрестностях Корони Польской, книг тридесять». — БАН, 32. 7. 1. Перевод осуществлялся под присмотром В. Н. Тащичева.
- ⁷ У Д. М. Голицына была книга Ст. Ожеховского на латинском языке «*Chimera sive de Stancari funesta regno Poloniae secta*» (1562) (см. опись библиотеки: ГБЛ, ф. 64, к. 80, ед. 10, л. 36), а в русском переводе «Станислава Ореховского Увещание наказательное, или наставление властелину» (Б. А. Градова, Б. М. Клосс, В. И. К о р е ц к и й. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына. — В кн.: Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979, с. 244).

^с *Испр.*, в ркп. мно ^т *На поле* Римские старье надписы *У На поле* Приклад пчелы
^ф *Испр.*, в ркп. згорела ^х *На поле* Книгохранигелница Птолемева.

* В комментарии объяснен перевод некоторых терминов и указаны известные нам переводы до 1740-х гг. упомянутых Любомирским писателей. Сведения о переводах по большей части извлечены из работ П. П. Пекарского и А. И. Соболевского.

- ⁸ Русский перевод «О войнах Июлия Цесаря» был в библиотеке А. П. Вольтского. См.: С. П. Луппов. Библиотека Артемия Вольтского. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979, с. 125. Извлечение из «Комментариев» в переводе Б. И. Волкова с французского языка было напечатано в 1717 г. («Краткое описание о войнах из книг цезариевых»; ср.: «Краткое описание о войнах из книг Цезариевых с некоторыми знатными приметами о тех войнах с особливым разговором о войне». — ЦГАДА, ф. 381, оп. 1, № 1218). Очевидно, латинский оригинал указан в описи книг А. А. Матвеева («Юлия Цесаря о войне гражданской» — ЦГАДА, ф. 17, № 254, л. 128 об.).
- ⁹ Ливий был переведен учителями черниговского коллегиума в 1716 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 295—299) и вторично в 1722 г., по заключению Синода второй перевод «зело неисправен и требует ко исправлению и труда многого и времени довольно» (Пекарский, с. 219, примеч. 2). В библиотеке Д. М. Голицына был перевод «Ливия Юлия Фрота о начати и действованиях народу римского» (ГПБ, Q.IV.92).
- ¹⁰ У Д. М. Голицына был перевод «Разум Сенекии или лутчи речения сего философа» (Б. А. Градова, Б. М. Клосс, В. И. Корецкий. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына, с. 247).
- ¹¹ В каталоге книг П. М. Еропкина назван, очевидно, итальянский оригинал Д. Лоредано — «Писма Иоанна Франческа Лоредана. 4 книги» (С. П. Луппов. Библиотека П. М. Еропкина. — В кн.: Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XVIII в. М., 1979; с. 150). У А. П. Вольтского был, возможно, польский перевод К. Пекарского одного из романов Лоредано — «История Богатырь страшной» (С. П. Луппов. Библиотека Артемия Вольтского, с. 125).
- ¹² Это произведение Д. Сааведра Фахардо дважды переводилось на русский язык. В конце XVII в. его перевел «иноземец» Андрей Дикенсон (ГПБ, собр. СПб. ДА, № 419), а в начале XVIII в. Феофан Прокопович (ГПБ, F.II.67). Оригиналы и второй перевод были в библиотеке Петра I (Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978, с. 41, 147).
- ¹³ «Аргенида» Д. Баркля была в библиотеке Сильвестра Медведева (ЦГАДА, ф. 1251, библ. Син. тип., № 3420). В XVII в. было переведено объяснение аллегорий романа «Ключ на Аргениду». Перевод был в библиотеке Д. М. Голицына (ГПБ, Q.XVII.11, Q.XVII. 29). Возможно, что «История о Аргениде», указанная в каталоге библиотеки А. П. Вольтского, — польский перевод (С. П. Луппов. Библиотека Артемия Вольтского, с. 125). В «Искусстве недерландского языка» есть следующий отзыв о романе Баркля: «Еще же сильныя наречения имел летописец Аргенис о Яне Барлеи, и то искусство его в латинском штиле зело в младых моих летах вяще уязвило, нежели материя, которую оной описал, чего ради я в то время позвался изучитися латине, хотя в высокому наречию Аргениса и не дошел, понеже тогда память не твердую имел» (пер. Я. Брюса, СПб., 1717, с. 659—660).
- ¹⁴ Из перечисленных романов на русский язык в начале XVIII в. была переведена «История о Калеандре», инсценированная в 1737 г.
- ¹⁵ То есть писателей (пол. pisarz). В том же значении встречается в «Искусстве недерландского языка» (с. 658).

Ю. И. ЮДИН

Традиции фольклорного мышления в исторических свидетельствах народной поэзии и древнерусской письменности

(К постановке вопроса)

Мыслительная основа, на которой развивается литература нового времени, может быть более или менее убедительно выявлена путем обращения к письменным или печатным источникам. Традиция, которой следует или от которой отталкивается писатель, фиксируется достаточно полно в изданиях художественных произведений, переписке, литературных манифестах, критических выступлениях и т. д.

Не так обстоит дело в народной поэзии и средневековой письменности. В древнерусских письменных памятниках, например, мы нередко встречаем отголоски, иногда очень смутные, мнений, представлений, а то и системы взглядов, которые сами по себе неизвестны нам. С другой стороны, мы слишком мало знаем, насколько исторически реальны и актуальны были те представления и идеи, которые в художественной форме запечатлены в таких жанровых разновидностях фольклора, как сказка или былина. В тех случаях, когда мы можем по поводу исторического свидетельства (реального или мнимого) сопоставить древнерусский письменный памятник, произведение народной поэзии, а также этнографический материал, появляется возможность усмотреть в основе сопоставления элементы традиционного фольклорного мышления. Остановимся на двух примерах.

Внимание историков неоднократно привлекал пересказ патриархом Гермогеном призывов и обещаний, содержащихся в агитационных листах, рассылаемых участниками восстания под руководством И. И. Болотникова. Одно место из послания Гермогена, написанного ранее 29 ноября 1606 г., вызывает большой интерес. «А стоят те воры под Москвою, в Коломенском, и пишут к Москве проклятые свои листы, и велят боярским холопом побивати своих бояр и жены их и вотчины и поместья им сулят, и шпыням и безъимянным вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити, и призывают их, воров, к себе и хотят им давати боярство, и воеводство, и окольное, и дьячество», — пишет Гермоген.¹ Эта программа восстания² вызывала различную оценку в работах дореволюционных и советских историков. Не вдаваясь в подробную историографию вопроса, отметим лишь два мнения, высказанные М. Н. Покровским и И. И. Смирновым по поводу желания И. И. Болотникова «давать» участникам восстания «боярство, и воеводство, и окольное»

¹ Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959, с. 197.

² Изучение грамот Гермогена с точки зрения того, насколько точно излагается в них содержание агитационных листов, показывает, что они являются вполне надежным историческим источником. См.: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1951, с. 282—284.

ничество, и дьячество». Эти мнения обнаруживают типичную и общераспространенную установку, обходящую вниманием фольклорный материал и опирающуюся на буквальное понимание текста. «Переменились бы владельцы вотчин, — а внутренний строй этих последних остался бы, конечно, неприкосновенным. Эта неприкосновенность старого строя особенно ясна из другого посула „воров“: давать холопам боярство, и воеводство, и околичничество. Вся московская иерархия предполагалась, значит, на своем месте. . .»³ Иначе подходит к оценке того же места И. И. Смирнов, но и у него программное пожелание агитационных листов понимается как выражение «царистских» черт восстания и стремления сохранить «старые политические институты крепостнического государства», обновив их социальное содержание. «Выражением тех же „царистских“ моментов идеологии восстания Болотникова было и такое явление, как употребление в лагере Болотникова официальной иерархии государственных чинов и званий того времени. По свидетельству грамоты патриарха Гермогена, Болотников обещал своим сторонникам „давать боярство, и воеводство, и околичничество, и дьячество. . .“ Достоверность этого известия вполне подтверждается „чинами“ самого Болотникова — „большого воеводы“ и „боярина“ „царя Димитрия“ и „царевича“ Петра. Здесь перед нами совершенно то же явление, что и идея „хорошего царя“ — стремление вложить новое социальное содержание в старые политические институты крепостнического государства. В этом отношении восстание Болотникова является параллелью восстания Пугачева с его двойниками екатерининских учреждений и сановников («военная коллегия», «граф Чернышев» и пр.), — пишет И. И. Смирнов.⁴

Какой свет проливает на программные тезисы агитационных листов фольклор? В народной бытовой сказке о разрешении трудных задач и мудрых отгадчиках мы находим народнопозитивскую аналогию обещанному в программном заявлении восставших замещению знатных и чиновных представителей московской власти простолюдными. Речь идет о популярных сказочных сюжетах типа 921 А (Куда тратятся деньги), 921 Е* (Горшня), 921F* (Гуси с Руси), 922 (Беззаботный (беспечальный) монастырь) и некоторых других, менее известных (921 А*, 921 А**, 921 А*** и т. п.).⁵ Центральным звеном в сюжетах этих сказок выступает отгадывание загадок или разрешение трудных задач. Загадки и задачи формулируются иногда в иносказательной форме (ощипать гусей, которые прилетят с Руси, т. е. заставить раскошелиться приближенных царя и т. п.). В этом случае хитроумному отгадчику предстоит проникнуть в смысл загадки или задачи, завуалированный иносказанием. Когда же трудно-разрешимые вопросы задаются в прямой форме, герой находит на них неожиданные в сказочно-шутковом смысле ответы. (Сколько стоит государь император? — Двадцать девять рублей серебром, так как царь небесный стоил 30 сребреников, земной же — хоть на рубль, да дешевле). Так же легко и весело решаются и те задачи, которые вообще кажутся неразрешимыми (царь запрещает мужику сообщать кому бы то ни было отгадку «без его лица» — мужик продает боярину ответ на загадку за кучу серебряных рублей, оправдываясь тем, что на монетах вычеканено царское лицо). Персонажи сказок группируются сообразно тому, насколько успешно отгадывают они загадки и решают трудные задачи.

³ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. В 4-х тт., т. II. М., 1933, с. 41.

⁴ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, с. 502.

⁵ Типы сюжетов названы по указателю: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост.: Баран Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Л., 1979. Подробнее об этих сказках см.: Ю. И. Юдин. Историко-художественная проблематика русских народных бытовых сказок о разрешении трудных задач и мудрых отгадчиках. — Научные труды Курского гос. пед. ин-та, т. 24, 1973, с. 3—22.

Они представляют два сословия — высшее и низшее. Хитроумным, находчивым, веселым и удачливым отгадчиком в них выступает простолюдин (мужик, ремесленник, солдат, батрак и т. п.); туповатым же и немелким соперником его, рассчитывающим лишь на свою силу и тугую мошну, — представитель богатства, власти, сословных привилегий и высоких государственных чинов и званий (боярин, сенатор, генерал, игумен и т. п.). Между этими персонажами происходит соревнование в мудрости, находчивости и хитрости. Проверкой таких качеств как раз и служит умение отгадывать загадки или решать замысловатые задачи. Особое место между сказочными персонажами занимает царь (лишь иногда его место занимает какой-то иной представитель власти). С одной стороны, он может быть беспристрастным судьей, впрочем, сочувствующим находчивому простолюдину (таковы в сказке, например, Иван Грозный, Петр I). В этом случае он выступает сказочным царем, в представлении о котором находят место традиционные фольклорные «воспоминания» о носителе родовой власти. С другой стороны, в нем заметны черты феодального монарха: он желает испытать своих бояр, генералов или сенаторов, чтобы убедиться в их мудрости и способности успешно исполнять свои государственные обязанности. Поэтому отношение к царю героя-простолюдина в сказке двойственное: он, с одной стороны, находится вместе с ним как бы в заговоре против бояр и сановников (Горшеня), но, с другой — и самого царя, не способного справиться с загадкой, подвергает сказочному уничтожению. Что же касается приближенных царя, то в сказке не только обнаруживается их никчемность, но они еще и всенародно осмеиваются, позорятся.

Результатом испытания загадками и трудноразрешимыми задачами в сказке становится перераспределение тех социальных ролей, которые играют в ней действующие лица. Под конец герой-простолюдин становится часто сенатором, боярином, игуменом, генералом, оставляя одежду, ремесло, сословное звание опозоренному и осмеянному противнику. Такое перераспределение богатства и сословных привилегий по уму и личным достоинствам представлено в сказке как справедливое и основанное на праве, а не на голом произволе. Можно было бы показать, что утверждает и провоцирует такое перераспределение сказочный царь, выступающий в роли наследника родовой власти. Царистские иллюзии в крестьянской сказке несомненны, но нам важнее увидеть, какие социальные устремления скрывались за ними.

Следы родовой идеологии заметны не только в образе сказочного царя, но и в самом происхождении сюжетов. Дело в том, что испытание героя или героини в сказке первоначально отражало реальный «факт испытания будущего члена рода — жениха, или вождя, — получающего власть в связи с браком».⁶ Явления, воплощенные в сказочном сюжете и опозитизированные в нем, принадлежат первоначально «исторической действительности доклассового и раннеклассового общества».⁷ Но если в родовую эпоху предложение загадок преследовало цель «испытания владения условным языком», а не испытания «остроумия» и «сообразительности»,⁸ то теперь в бытовой сказке эпохи средневековья отгадывание загадок и решение трудных задач оказывается средством проверки ума и человеческих достоинств.

Право сказочных героев на перемену их социального положения опирается таким образом на сохраняющуюся в трансформированном виде родовую традицию, которая и должна подтвердить справедливость их притязаний. Такое соединение права и справедливости — характерная примета

⁶ И. М. Колесницкая. Загадка в сказке. — В кн.: Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. Сер. филол. наук, вып. 12, № 81. 1941, с. 132.

⁷ Там же, с. 112.

⁸ Там же, с. 141.

традиционного фольклорного сознания. Верно и обратное. «Социальная несправедливость изображается как неправда, как моральное зло. Это — типично крестьянская точка зрения».⁹ Приведенное замечание В. Я. Проппа, сделанное в связи с песенно-эпическим сюжетом о Сухмане, приложимо к характеристике фольклорного сознания вообще. Показательно, что мотив перераспределения социальной власти входит не только в бытовую сказку, но и в былинный сюжет о бунте Ильи Муромца против князя Владимира. В былине Илья, созывая на пир голей кабацких, может обращаться к ним с обещанием:

Пейте, голи, не сумляйтесь:
Я завтра буду во Кieve князем служить,
А у меня вы будете предводителями!¹⁰

В сюжете этой былины гнев богатыря вызван тем, что князь Владимир намеренно или бессознательно дает ему понять, что он больше не нужен Киеву: не приглашает на пир, сажает на непочетное место, забывает одарить, не узнает при встрече и т. п. Богатырь видит в этом попрание своих неотъемлемых прав народного защитника, заступника и хочет доказать князю, что Киев вполне обойдется без него самого. Как и в ходе реальной антифеодальной крестьянской войны здесь налицо стремление вывернуть мир наизнанку, перевернуть политическую иерархическую пирамиду вверх дном. При этом в былине богатырем руководит чувство поспранной справедливости и сознание своего права.

Осознание своего права, а также возмущенное чувство справедливости неизменно сопутствуют в фольклоре и литературе, связанной с фольклорной традицией, стремлению героев к перемене социального положения и исполняемой социальной роли. В этом, возможно, разгадка той странной уверенности в себе, какую обнаруживает в «Слове» и «Моления» Даниил Заточник (XII—XIII вв.). Даниил — индивидуалист и озабочен исключительно своими интересами (об этом не раз писали исследователи древнерусского памятника), но, обосновывая свое право на лучшую участь, он попадает в русло, проложенное традицией фольклорного мышления. Мудрец и книжник, он демонстрирует князю умение решать сложные вопросы, которые встают перед его современниками. Внешне мало связанные рассуждения его о злых женах, о боярской службе, о монахах и т. п. предстают как решение трудных задач и отгадывание «загадок», выдвигаемых перед человеком, ищущим свою дорогу в жизни. Все эти трудные вопросы оказываются посильными для такого человека, как он, мудрого, начитанного да еще к тому же и наделенного даром шутовской насмешки чуть ли не в сказочном духе.¹¹ Во вступлении к своему посланию и, как бы намечая его общий план, он пишет: «Да разверзу въ притчах гаданіа мои. . .».¹² Д. С. Лихачев, на наш взгляд, очень точно переводит «гаданіа» в контексте всего произведения как «загадки».¹³

В сравнении с фольклорными сюжетами в несколько ином свете выглядят программные документы И. И. Болотникова. Суть дела оказывается не в замене одних лиц другими в поисках личной выгоды и не в царистских иллюзиях самих по себе, а в переходе власти к более достой-

⁹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958, с. 388.

¹⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд., т. I—III. М., 1909—1910, № 127.

¹¹ Д. С. Лихачев называет шутовскими предположениями различные попытки Даниила Заточника наметить выход из безвыходного своего положения. См.: Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, с. 31.

¹² Памятники древнерусской литературы, вып. 3. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, с. 4.

¹³ См.: Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 225.

ным, т. е. в осуществлении принципа справедливости в области политики, как понимали его восставшие. Обанкротившиеся правители должны уступить место тем, кого они именуют «ворами», но кто обладает подлинными правами на осуществление власти. Эти права должны быть, по мысли Болотникова, подтверждены тем, что восставшие действуют от имени царевича Димитрия Углицкого, т. е. единственного правомочного претендента на престол, который будто бы избежал смерти и стоит во главе движения. Он, по-видимому, и должен санкционировать перераспределение власти. Здесь действительно сказывались царистские иллюзии крестьян. Что же касается вопроса о конкретном смысле приведенного отрывка из послания Гермогена, то в нем, в подтексте, как можно предпологать в свете сказанного, заключена мысль о правовой обоснованности осуществляемого перераспределения богатства и власти. Программа переворачивания мира вверх дном, осуществленная на практике, должна была полностью изменить, перекроить политическую структуру при сохранении названий чинов и званий, так как новая власть осуществлялась бы в условиях разрушения прежней феодальной собственности на землю и подрыва всей крепостнической системы. Возможно, здесь в народных представлениях мелькали родовые «воспоминания», не умершие окончательно родовые традиции, как, может быть, проглядывали они в широко распространенной среди восставших практике завладения женами боярскими («и жены их и вотчины, и поместья им сулят»), что очень напоминает захват женщин в период межплеменных войн.

Следующий пример позволит остановиться на иной особенности отражения социальной борьбы в народной поэзии и древнерусской письменности.

Образ Степана Тимофеевича Разина — едва ли не самый популярный в русской народной поэзии, воспевающей борьбу крестьян и казачества с социальным врагом. Вместе с тем это и наиболее загадочный образ. Необычную и труднообъяснимую черту его составляют присущие ему колдовские свойства. Они постоянно подчеркиваются, а иногда и служат поводом для создания обособленных устнопоэтических сюжетов, особенно в жанре предания и легенды.

Большинство исследователей не пыталось выяснить социальные идеологические истоки представлений о Разине как о колдуне. Те или иные проявления колдовских умений и способностей в поэтическом образе исторического лица лишь отмечались и фиксировались без попытки объяснить их в целом. В последнем большом исследовании русских народных исторических преданий вообще, и разинских в частности, в монографии В. К. Соколовой делается попытка проследить истоки приписанных Разину колдовских черт. Исследователь отмечает тот факт, что в ряде народных рассказов Разин выступает хранителем кладов. «Эта его функция органически вытекает из смысла его образа и из представления, что он жив и еще придет», — пишет Соколова.¹⁴ Автор отмечает, что хранителями кладов в народных представлениях бывают вообще разбойники, которые в преданиях обычно являются защитниками бедных и обездоленных. Одним из таких разбойников, защищающих угнетенных, рисуется и Разин. «Выступая в роли распорядителей клада, разбойники в некоторых случаях как бы заместили их древних „хозяев“. Отсюда, возможно, и такие их черты, как сверхъестественные способности, неуязвимость».¹⁵ «Первоначально же неуязвимыми представлялись существа сверхъестественные, и в частности божества подземных недр, хранители скрытых в земле сокровищ. А так как клады повсюду стали приписываться разбойникам, то перенос на них и некоторых свойств их предшественников был естест-

¹⁴ В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., 1970, с. 205.

¹⁵ Там же.

венным, тем более что они представлялись людьми выдающимися, необыкновенными», — пишет Соколова.¹⁶

Принять эту точку зрения по существу невозможно по нескольким причинам. Во-первых, помимо неуязвимости никакие другие «сверхъестественные способности» разбойников и Разина не объясняются, исходя из представления о наследовании ими некоторых черт, приписываемых мифическим хранителям подземных сокровищ. Тем более что и неуязвимым Разин оказывается не только в предании, но и в исторической песне — жанре, в котором он не изображается и не может изображаться хранителем кладов. Во-вторых, такое истолкование неуязвимости разбойников не объясняет, почему колдовские черты в их образах играют такую существенную роль, почему на них сосредоточено внимание и их описанию отводится столько места. Такое глубокое усвоение доисторических верований, широкое обращение к древнейшей традиции не может не покоиться на злободневных явлениях народной мысли, не может не исходить из иных, более настоятельных запросов сознания, отвечающих настоящему моменту истории. Сложность исторического народного сознания эпохи феодализма, тем более закрепленного в устной поэтической традиции, подвижной и изменчивой во времени, не может быть объяснена указанием лишь на возможные пути эволюции самих поэтических форм. Здесь следует исходить прежде всего из особенностей реального общественного развития и его отражения в народной поэзии. И, наконец, ссылка на то, что «человек, дерзнувший восстать против общественного зла и существующего порядка, представлялся необыкновенным» (с. 118), никак не может помочь в понимании того, почему же именно колдовские способности, приписываемые разбойникам и Разину, воплощают в себе эту необыкновенность, непохожесть на других, дух бунтарства и протеста.

На исключительно большую роль колдовских элементов в сюжетах разинских легенд и преданий указывает Л. С. Шептаев.¹⁷ «Разинские... сказания нуждались в таком фольклорном наследстве, — пишет он, — которое отмечалось бы активностью мировосприятия, а главное — теснейшими связями с повседневной жизнью русских людей. Такая традиция нашлась. Она широко существовала тогда в народе в виде преданий и рассказов о колдунах, кудесниках, чародействе и знахарстве».¹⁸

Шептаев обращает внимание на две очень важные черты в связи с намеченной темой. Во-первых, по его наблюдениям, в основе колдовских представлений разинского фольклорного цикла лежат родовые верования и обрядовая практика, «родовая космогония»,¹⁹ и, во-вторых, как установлено исследователем на основе изучения материалов крестьянской войны, «в разинских войсках... была распространена вера в чародеев»,²⁰ «Разину официально приписывалось не только умение заговаривать оружие, но в обвинительном акте его прямо называют „чародеем“».²¹ Из этих очень существенных и важных для понимания разинского фольклора посылок Л. С. Шептаев делает, однако, выводы, с которыми трудно согласиться. Он рассматривает колдовские образы как иносказания, имеющие под собою реальную почву. «Миф о неуязвимости Разина возникает на основе подлинных глубоких и органических связей Разина с народом: стрельцы не стреляют в Разина ядрами и пулями. Разинские легенды изображают не только жизненно типические обстоятельства, но и желаемое, создают образ Разина через окружающие его волшебные предметы. Кошма-самолетка и кошма-самоплавка порождаются четкой тактической подвиж-

¹⁶ Там же, с. 169.

¹⁷ Л. С. Ш е п т а е в. Ранние предания и легенды о Разине. — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965, с. 78—98.

¹⁸ Там же, с. 90.

¹⁹ Там же, с. 92.

²⁰ Там же, с. 91.

²¹ Там же, с. 92.

ностью разинских отрядов, особенно в первое время крестьянского восстания. Отряды быстро рассеивались по деревням и превращались в мирных хлеборобов и рыбаков, чтобы так же незаметно вновь собраться по сигналу сбора. Это были необычные темпы и формы мобилизации по тем временам». «Волшебство призвано лишь усилить, сделать непреодолимыми дела восставших»,²² — пишет Шептаев. Получается, что рассказчики более или менее сознательно «демонологизируют» реальную историю, придавая ей аллегорический смысл, на понятный и рационально осмысленное набрасывают традиционный таинственный покров.

С нашей точки зрения, дело заключается в ином, а именно в своеобразной идеологической актуализации некоторых представлений о колдовстве и колдовских способностях в эпоху феодализма в связи с развертыванием массового крестьянского антифеодального движения, принимающего разнообразные конкретные формы в зависимости от главной социальной опоры его (казачество, крестьяне-земледельцы и проч.).

В итоговой форме колдовские способности Разина состоят в следующем: ему достаточно небольшого количества воды, чтобы уйти из тюрьмы (ему, например, стоит лишь плеснуть водою на нарисованную на стене лодку, и он оказывается посреди Волги на настоящей лодке; чтобы он не ушел, «знающий» человек советует не давать ему воды, а поить квасом); он отводит глаза своим мучителям, морочит их (им кажется, что они сковали и пытают его, а на самом деле перед ними закованный чурбан); чудесным образом он сбрасывает с себя кандалы; щепки, брошенные в воду, он превращает в корабли с вооруженными казаками; на своей кошке, например, которая и летает и плавает, он может мгновенно переноситься на большие расстояния (с Дона на Волгу и с Волги на Дон); ему никогда не дано умереть; его не берут пули и ядра, он не боится ни холодного, ни огнестрельного оружия; он чудесный хранитель кладов и т. п. Приписываемые Разину и разбойникам русских преданий сверхъестественные способности и свойства являются обычными атрибутами колдуна, что легко восстанавливается по многочисленным этнографическим параллелям или их фантастическим производным.

Как и по каким историческим причинам происходит актуализация представлений о колдовских способностях, показывает русская бытовая сказка о мороке (типы 664 А*, 664 В*). Она может служить ближайшей фольклорной параллелью к преданиям о разбойниках. Сказки о мороке имеют две основные версии. Согласно первой и исконной (тип 664 В*)²³ герой сказки (прохожий мужик, солдат и проч.) околдовывает хозяина и заставляет его поверить, что оба они превратились в зверей (медведя, волка), что они будто бы убегают из дома и рыскают по лесу, охотятся, отрывают на зиму берлогу, где их и отыскивают охотники. Исследование показывает, что в этой версии сюжета мы сталкиваемся с отраженными в сказке представлениями о колдунах и колдовских проделках, имеющих связь с доисторическим культом медведя и отголосками шаманизма на восточнославянской почве, смыкающимися с волхвованием и колдовством.²⁴ Но иногда герой-морока в сказках ведет себя наподобие героя-разбойника из предания. Он отводит глаза присутствующим, и им кажется,

²² Там же, с. 94.

²³ Подробнее см.: Ю. И. Юдин. Бытовая русская народная сказка о мороке в этнографическом освещении. — Ученые записки Курского гос. пед. ин-та, т. 94, 1972, с. 172—203.

²⁴ Отголоски шаманизма в русских верованиях изучены настолько, что сведения о них в связи с библиографией вопроса вошли в учебную литературу. См.: Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, с. 134—135. Из последующих работ особо следует отметить статью: Н. Н. Ворониц. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке. — В кн.: Краеведческие записки гос. Ярославо-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, вып. 4. Ярославль, 1960, с. 25—93.

что он пролезает сквозь бревно, когда на самом деле он ползет позади него; вынимает из котомки бутылку, и из нее льется вода, затопляющая на аршин избу; заставляет богатого хозяина ловить прилетевших будто бы на воду уток и рубить им головы (на самом деле хозяин отрубает носки своих сапог).²⁵

Те же самые колдовские проделки наполняются новым историческим смыслом в сказках второй версии (тип 664 А*). В них герой (солдат, матрос и проч.) зло издевается над генералом, губернатором, царем. Он заставляет их с помощью чародейства поверить в неожиданно случившееся наводнение.²⁶ Вместе с героем они спасаются в лодке, попадают в неизвестные земли, лишаются власти и богатства и вынуждены своим трудом зарабатывать жалкие гроши; наконец, они иногда подпадают под подозрение в совершении убийства и приходят в себя, когда им мерещится близкая казнь. Очнувшись, царь мстит солдату тем, например, что отпускает его с «волчьим билетом». Сказка смеется над никчемностью, незнанием подлинной жизни, своекорыстием тех, кто представляет государственную власть. Эта сказочная версия показывает, в каком направлении изменяется традиционный сказочный сюжет, включающий мотивы социального протеста, насмешки и издевательства над официальной властью. При этом колдовство в форме мороки, колдовского иллюзионизма выступает в сказке своеобразным средством поэтического осмеяния и разоблачения.

То, что в сказке выступает поэтическим средством, элементом сказочной фантастики, в реальной истории могло стать идеологическим оружием в антифеодальной борьбе народа. Здесь мы вступаем в область неофициальной, народной средневековой истории, скудной прямыми и неискаженными свидетельствами. Тем не менее сквозь сообщения из официальных историко-литературных источников проглядывают порою факты, несущие печать взглядов и идеологии низов феодального общества. Так, по-видимому, обстоит дело с дошедшими до нас сведениями о Всеславе Брячиславиче, князе полоцком (ум. в 1101 г.). Некоторые исторические факты позволили Н. Н. Воронину видеть в нем князя, примкнувшего к антифеодальным выступлениям смердов и городских низов.²⁷ «Острое столкновение двух укладов — побеждающего феодального и старого родового — осложнялось идеологическим моментом: феодализация несла с собой новую, христианскую, религию, и потому протест низов против усиливающегося даннического грабежа и надвигающейся феодальной эксплуатации неизбежно приобретал форму борьбы язычества с христианством. Служители языческой религии — волхвы — стремились использовать восстания смердов в своих интересах», — делает вывод Н. Н. Воронин.²⁸ Этим и объясняются, по его мнению, колдовские черты Всеслава в исторических свидетельствах современников; «... связь „всеславовой рати“ с движением волхвов, — пишет Н. Н. Воронин, — придавала тот тенденциозный оттенок облику Всеслава — „князя-чародея“, — который и отражен в новгородских записях об этом».²⁹ Князем-кудесником продолжает оставаться Всеслав Полоцкий и в памяти потомков. «Слово о полку Игореве» красноречиво свидетельствует в пользу этого.³⁰ У автора «Слова» Всеслав — вещая душа, князь — оборотень; он ведет двойную жизнь:

²⁵ Е. А. Чудицкий. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864, № 24 — а, б, с.

²⁶ Можно было бы показать, что способность вызывать видимость наводнения относится к числу тех, что приписываются колдунам у самых разных народов.

²⁷ Н. Н. Воронин. Восстание смердов в XI веке. — Исторический журнал, 1940, № 2, с. 54—61.

²⁸ Там же, с. 54.

²⁹ Там же, с. 58—59.

³⁰ См., например: Б. В. Сапунов. Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 75—84.

днем людям суд правит, города рядит, а ночью рыскает до петухов серым волком; он способен пробегать, скинувшись волком или лютым зверем, громадные расстояния, так что нельзя знать наверное, где он в тот или иной момент («Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у святыхъ Софеи въ колоколы, а онъ в Къевѣ звонъ слыша»).³¹

Уже на ранних этапах развития феодализма колдовские представления используются в качестве идеологической формы антицерковного и антифеодального народного протеста. «По мере того как христианская церковь занимала ведущее место в системе общественных отношений феодального общества, порядки этого общества сливались в сознании народных масс с проповедью новой веры, и оппозиция к ней принимала ясно выраженный социальный характер», — отмечает Д. А. Казачкова.³² В типических чертах это явление было характерно не только для Руси, но и для других европейских стран, где «догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами»,³³ а церковь выступала «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя». ³⁴ В каждой стране и в различные эпохи антифеодальная оппозиция могла приобретать и свои специфические формы идеологического выражения.

Исходя из всего сказанного, мы не можем видеть в колдовских способностях, приписываемых в преданиях разбойникам, а Разину также и в легендах и историко-песенном фольклоре, лишь художественное средство, возвышающее образы народных защитников и вуалирующее рациональную мысль. Колдовские черты в идеологии разинского движения — одна из форм актуализации родовых начал и родовых представлений в эпоху крестьянских войн и восстаний XVII в.

³¹ Слово о полку Игореве (Биб-ка поэта. Больш. сер.). Л., 1967, с. 54.

³² Д. А. Казачкова. Зарождение и развитие антицерковной идеологии в древней Руси XI в. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма, вып. V. М., 1958, с. 284.

³³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 360.

³⁴ Там же, с. 361.

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

**Идея «Москва — третий Рим»
в цикле сочинений первой половины XVI в.**

В XXIX томе Трудов Отдела древнерусской литературы была опубликована моя работа, излагавшая результаты текстологического анализа сочинений, на страницах которых Москва была впервые названа «третьим Римом».¹ Эта работа явилась частью исследования, посвященного возникновению русских историко-политических идей XVI—XVII вв., их распространению и роли в общественной жизни того времени.²

Подход русских книжников к вопросу о месте России во всемирной истории определялся характером мировоззрения, распространенного в странах христианского мира. Неотъемлемой частью его было убеждение в нескончаемости существования Римской державы вплоть до завершения земной истории. Поэтому стремление утвердить идентичность своего государства с «римским царством» или хотя бы установить какую-либо связь с ним пронизывает политическую и историческую мысль многих народов Западной и Восточной Европы. Это стремление отразилось и в русских историко-политических идеях, возникших в начале XVI в., в том числе в идее «Москва — третий Рим».

Глашатаями этой идеи стали книжники из рядов иосифлян, занявших к началу 1520-х гг. господствующие позиции в русской церкви.³ Объявляя Русь новым «Римским царством», они тем самым стремились внушить, что ее правитель, став «брододержателем апостольской церкви», должен управлять своим государством «с великим опасением и к богу обращением», заботясь в первую очередь об интересах вверенного его попечению церковного престола.

Важное значение московское духовенство придавало борьбе против «латинской опасности». Развитие дипломатических отношений с католическими державами, попытки Ватикана привлечь русскую церковь к унии с Римом, католическая пропаганда в высших светских и церковных кругах московского общества — все это порождало у русских церковников стремление более энергично размежеваться с католичеством, противопоставив русский митрополичий престол и его резиденцию — Москву папскому Риму.⁴ Вместе с тем важно было упрочить автокефалию русской церкви, правомерность которой была взята под сомнение поселившимся в Москве Максимом Греком.

¹ А. Л. Гольдберг. Три «послания Филофея». — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 68—97. В статье приведена основная предшествующая литература по данному вопросу.

² А. Л. Гольдберг. Историко-политические идеи русской книжности XVI—XVII вв. Автореф. докт. дис. Л., 1978.

³ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, с. 426, 433; Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970, с. 85; А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 255.

⁴ Н. С. Чаев. «Москва — третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века. — ИЗ, т. 17. М., 1945, с. 11.

Мысль о переходе к Москве функций «третьего Рима» была впервые сформулирована в «Послании на звездочетцев» псковского монаха Филофея. Это сочинение, написанное в связи с появившимся в то время астрологическим трактатом католического пропагандиста Николая Булева (Бюлова), отличается последовательной полемической направленностью. В нем опровергаются «кошуну и басни латинов» о влиянии звезд на людские судьбы, католические суждения о тайнстве причастия и о способе коленопреклонения. Филофей отвергает не только католические обычаи и обряды, но и мнение католиков о том, что Рим продолжает сохранять значение богоизбранного центра христианства («латыни глаголют: наше царство ромейское неподвижимо пребывает, аще быхом не право веровали, не бы господь снабдел нас»), и в опровержение этого пишет: «Аще убо великаго Рима стены и столпове и трекровныя палаты не пленены, но душа их от диавола пленены быша». Не является оплотом веры и Царьград: «. . . греческое царство разорися и не созиждетца. . . понеже они предаша православную греческую веру в латынство». Тем не менее «римское царство» (в его эсхатологическом понимании, т. е. как последнее земное царство, с падением которого наступит «конец света») продолжает существовать, оно «неразруσιμο». Воплощением его стало отныне Московское государство, поскольку «вся христианская царства приидоша в конец и сидошася во едино царство нашего государя. По пророческим книгам то есть ромейское царство. Два убо Рима падоша, а третьей стоит, а четвертому не быти».

«Послание на звездочетцев», написанное в 1522 (или 1523) г., отличается от других сочинений, содержавших идею «третьего Рима» (о них речь пойдет ниже), тем, что в нем (и только в нем) можно обнаружить конкретный повод для сопоставления Москвы с Римом и утверждения о том, что Московское государство стало играть роль, предназначенную «римской монархии». До той поры «римское имя» еще ни разу не прилагалось к России, так что для поворота мысли в подобном направлении понадобился, очевидно, источник, выводивший из круга установившихся в России представлений. Таким источником явились, как видно из «Послания», дошедшие до Филофея высказывания католиков («латыни глаголют»), отождествляющие «Римское царство» с германской Римской империей.

Есть основания полагать, что приведенные Филофеем слова «латынзян» о «неподвижимом ромейском царстве» содержались в том самом трактате Н. Булева, ответом на который явилось «Послание на звездочетцев». Это представляется вероятным, поскольку в анонимном опровержении послания Булева к ростовскому архиепископу Вассиану (1515 г.) оспаривалось право «германов» именовать себя «римлянами».⁵ Против латынзян, которые «бесчисленне славятся о Риме и величестве его», выступал и Максим Грек в «Слове на латинов» (около 1519—1521 гг.), также направленном против Булева.⁶ По-видимому, Н. Булев стремился доказать превосходство католической церкви тем, что ее престол находится в Риме. Поэтому Филофей, отвергая одну за другой «латинские прелести», противопоставил «павшему» католическому Риму «сияющее православие» Московское государство и заявил, что оно пришло на смену старому Риму и второму Риму — Царьграду. Так, в борьбе с неприемлемыми для русских церковников взглядами о судьбе «римского царства» сложилась и получила литературное оформление идея, отразившая новые представления о роли и функциях Московской державы.

Эти представления не были застывшими: они получили дальнейшее развитие в соответствии с реальными обстоятельствами того времени и отразились в сочинениях, составивших (вместе с «Посланием на звездочет-

⁵ В. Жмакин. Памятник русской противокатолической полемики XVI в. — ЖМНП, 1880, № 10, с. 331.

⁶ Н. В. Синицына. Максим Грек в России. М., 1977, с. 80—81.

цев») цикл памятников, содержащих идею «третьего Рима». Одно из этих сочинений — «Послание о крестном знамени» — было адресовано московскому великому князю и призывало его упорядочить выполнение религиозных обрядов, охранять церковное имущество, покончить с «содомским грехом» и т. д.; в другом произведении — «Сочинении об обидах церкви» — речь шла об обидах, причиняемых русской церкви, и говорилось о необходимости попечения о ее нуждах.⁷ В обоих сочинениях Москва уподоблялась «третьему Риму», но в содержание этой идеи было внесено существенное дополнение, касающееся трактовки исторической роли Византии и ее столицы Царьграда как предшественника Москвы в ряду носителей «римского имени».

В «Послании на звездочетцев» Филофей, упоминая о том, что греки «предаша православную греческую веру в латынство», объяснял этим падение Византийской империи («греческое царство разорися и не созиждетца»), но вместе с тем отмечал: «. . . аще убо агаряны (агарины) внуцы греческое царство прияша, но веры не повредиша, ниже насилствуют греком от веры отступати». Эти слова Филофея о положении православия под турецкой властью схожи с высказываниями Максима Грека, написавшего «Сказание о том, яко не оксверняются святая николи же, аще и многа лета обладаемы суть градове от поганых».⁸ Несомненно, целевые установки Филофея и Максима Грека были разными, поскольку Филофей, как и прочие иосифляне, принадлежал к числу тех русских духовных лиц, которых обличал Максим Грек в своем «Сказании ко отрицающимся на поставлении и кленущимся своим рукописанием, еже не приимати поставления на митрополию и на владычества. . . от царьградского патриарха, аки во области безбожных турков поганого царя, и поставленаго от них. . .»⁹ Однако в «Послании на звездочетцев», нацеленном в первую очередь против католической пропаганды, противопоставление латинского Рима (в котором «стены и столпове. . . не пленены, но душа их от диавола пленены быша») и «второго Рима», сохранившего христианскую веру под властью турок, было вполне допустимо.

Вскоре после появления «Послания на звездочетцев» ситуация изменилась. В числе главных проступков Максима Грека, подвергшихся осуждению в ходе процессов 1525 и 1531 гг., были, видимо, его высказывания против автокефалии русской церкви и восхваление греческих иерархов.¹⁰ В такой обстановке слова Филофея о «неповреждении веры» у греков вступали в противоречие с официальной позицией московских иерархов. С учетом этого становится понятным, почему в «Послании о крестном знамени» и в «Сочинении об обидах церкви» о константинопольском престоле говорится совсем иначе, нежели в «Послании на звездочетцев»: «Второго Рима. . . Костянтина града церкви агаряне внуцы секирами и оскорды разсекоша двери ея» («Послание о крестном знамени»); «[Христианская церковь] в новый же Рим бежа, еже есть Костянтинъ град, но ни тамо покоя обрет съединения их ради с латынею на осмом соборе, и оттоле костянтинопольскаа церькви раздрушися и положиися в попраине яко овощное хранилище» («Сочинение об обидах церкви»).

Появление подобных формулировок в «Послании о крестном знамени» и в «Сочинении об обидах церкви» может быть объяснено тем, что эти произведения в отличие от «Послания на звездочетцев» появились на свет не до судов над Максимом Греком, а после них, когда у русских

⁷ Подробнее см.: А. Л. Гольдберг. Три «послания Филофея», с. 79—92. Здесь же объяснена причина отказа от принятого после первых публикаций данных сочинений именованя их «Посланием Филофея к великому князю Василию Ивановичу» и «Посланием Филофея к великому князю Ивану Васильевичу».

⁸ Н. В. С и н и ц ы н а. Максим Грек в России, с. 246.

⁹ Там же, с. 233.

¹⁰ Н. А. К а з а к о в а. Максим Грек в советской историографии. — ВИ, 1973, № 5, с. 153—154.

книжников окончательно сложилась негативная оценка положения константинопольской патриархии.

По иному, нежели в «Послании на звездочетцев», оценивается в «Сочинении об обидах церкви» и состояние России.

Послание
на звездочетцев

...вся хрестиянскаа царства потопишася от неверных, токмо единого господя нашего царство единою благодатию христовою стоит.

Сочинение
об обидах церкви

...вся царства потопишася неверием, новыя же Русиа царство, аще и стоит верою в православии, но добрых дел оскудение и неправда умножися.

В «Послании» Русь безоговорочно противопоставляется царствам, утратившим чистоту веры, а в «Сочинении» это противопоставление не столь категорично: восхваление русского царства омрачается здесь оговоркой об «умножении неправды» на Руси. Столь пессимистический вывод резко отличается от оптимистической тональности «Послания» Филофея. Он обусловлен остальным содержанием «Сочинения об обидах церкви», в котором состояние религии и морали на Руси изображается в мрачных красках. О многих недостатках в религиозной жизни русского общества говорилось и в «Послании о крестном знамении».

Характер и конкретное содержание критики этих недостатков сближают данные сочинения с рядом произведений, вышедших из кружка митрополита Макария и связанных с подготовкой церковного собора 1551 г. (Стоглава).¹¹ При этом появление в тексте «Послания о крестном знамении» и «Сочинения об обидах церкви» рассуждений о «третьем Риме», текстуально близких к аналогичным рассуждениям в ранее созданном «Послании на звездочетцев», вполне объяснимо. Компильции такого рода были весьма характерными для близких к Макарию церковных кругов, стремившихся найти идеологические прецеденты для подкрепления своих позиций и с этой целью включавших в свои речи и послания фрагменты ранее созданных другими авторами сочинений.¹²

Анализ «Послания о крестном знамении» показывает, что находящиеся в нем фрагменты, близкие к «Посланию на звездочетцев», восходят к новгородско-волоколамской ветви списков «Послания». Если учесть, что один из списков этой ветви заведомо был в руках Макария и его сотрудников и был использован при доработке «Великих Миней-четых»,¹³ обращение людей этого круга к «Посланию на звездочетцев» при составлении «Послания о крестном знамении» представляется вполне вероятным. Существенно также, что во всех известных случаях включения «Послания о крестном знамении» и «Послания на звездочетцев» в одни и те же сборники последнее представлено самой поздней троико-московской редакцией конца XVI в. Отсутствие списков «Послания о крестном знамении» в сборниках, содержащих псковско-новгородскую (1520—1530-е гг.) и новгородско-волоколамскую (1530—1540-е гг.) редакции «Послания на звездочетцев», объясняется, вероятно, тем, что в период создания этих редакций «Послания о крестном знамении» еще не существовало.

Итак, содержание «Послания о крестном знамении» и «Сочинения об обидах церкви», особенности авторской работы над ними и пути их

¹¹ И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора. — ЖМНП, 1876, июль, с. 67; Н. Тихонов. К материалам для истории Стоглава и его времени. — Летописи русской литературы и древностей, т. 5, 1863, разд. III, с. 129—131; Г. Н. Моисеева. Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 467.

¹² А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 75—81; Н. В. Синицына. Рецензия на книгу «Судные списки Максима Грека и Исаака Собака». — ВИ, 1973, № 2, с. 155.

¹³ См. Успенский список ВМЧ (ГИМ, Синодальное собр., № 997, л. 1564—1567) и Царский список ВМЧ (ГИМ, Синодальное собр., л. 803—807).

распространения в русской книжности свидетельствуют, что оба эти произведения были, по всей видимости, созданы в конце 1540—начале 1550-х гг. Появление в этих произведениях новых аспектов идеи «Москва — третий Рим», отсутствовавших в «Послании на звездочетцев», следует связывать с воззрениями той среды, которая подхватила новую идею и придала ей желательный для себя смысл, обязывающий правителя «нового Рима» усилить заботу о соблюдении правил религиозной жизни и об интересах церкви и духовенства.

Смысл этот определился не сразу, а в результате накопления ряда взаимодополняющих мотивов. Сначала рассуждения о «третьем Риме» были связаны главным образом с определением роли русской церкви и русского государства в мировой истории, а вопрос об обязанностях московского государя по отношению к церкви был поставлен, но не развит. В дальнейшем этот вопрос выходит на первый план, и суждение об особой роли Руси в христианском мире использовалось для повышения требований к московскому государю как к блюстителю православия.

В целом содержание идеи «Москва — третий Рим» ограничивалось рамками религиозных проблем: оно касалось международного статуса московского церковного престола, положения русской церкви в стране и ее отношений с царской властью. Утверждение о превосходстве Руси — «третьего Рима» над великими державами прошлого относилось не столько к ее политическому могуществу, сколько к предназначенной ей якобы роли последнего убежища «истинного христианства».

Немудрено, что главную роль в распространении идеи «Москва — третий Рим» играли духовные лица, в том числе высшие церковные иерархи.¹⁴ Следует решительно отвергнуть мнение П. Пирлинга о том, что в основе этой идеи лежало «настроение. . . проникшее до глубины низших слоев и дошедшее потом до трона» и что «смелая фикция Филофея опиралась на народные симпатии».¹⁵ Идея «Москва — третий Рим» исходила от верхушки русского общества, в частности от духовной ее фракции, а «низшим слоям» оставалась неизвестной вплоть до конца XVII в.

Сочинения первой половины XVI в., содержавшие идею «третьего Рима», воспроизводились в 1560—1580-х гг., очевидно, реже, чем в предшествующий и последующий периоды: во всяком случае, мы располагаем 10 списками этих сочинений, датированными 1530—1550-ми гг., и 11 списками самого конца XVI в., но ни одного списка 1560—начала 1580-х гг. до нас не дошло. Можно с уверенностью сказать, что в течение трех последних десятилетий правления Ивана IV идея «Москва — третий Рим» не пользовалась популярностью у русских книжников. Да и могло ли быть иначе, если вытекавшее из этой идеи требование к государственной власти о соблюдении интересов церкви шло вразрез с реальной политикой Ивана Грозного, в результате которой многие церковные иерархи стали жертвой опричного террора.¹⁶ Московский самодержец куда чаще обращивался гонителем, нежели блюстителем церкви, и поэтому тогдашнее духовенство не склонно было пропагандировать идею, возлагавшую заботу о процветании церкви на царя.

Не стимулировали развитие этой идеи и тогдашние отношения русской митрополии с другими церковными престолом: в течение третьей четверти XVI в. эти отношения были лишены той напряженности, которая была присуща им в предшествовавшие десятилетия, и противопоставление «третьего Рима» столицам католической и греческой церкви не имело

¹⁴ Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, с. 156.

¹⁵ П. Пирлинг. Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане. СПб., 1892, с. 158—159.

¹⁶ Р. Г. Скрынников. 1) Начало опричнины. — Учен. зап. ЛГПИ, т. 294, 1960, с. 381, 397; 2) Опричный террор. — Учен. зап. ЛГПИ, т. 374, 1969, с. 40, 76; 3) Россия после опричнины. Л., 1973, с. 16—17.

для московских книжников такого значения, как во времена Филофея, Даниила и Макария. Вплоть до конца 1580-х гг. развитие этой идеи приостановилось, и содержание ее сохранилось лишь в контексте ранее созданных произведений. Утверждение некоторых авторов о том, что при Иване IV идея «Москва — третий Рим» «стала основой социальных теорий, политической ориентации и религиозных чаяний Московского государства»,¹⁷ является несомненным заблуждением.

Еще более далеки от истины варьируемые в зарубежной литературе утверждения, будто «господствующая в России марксистская идеология не порывает с древней традицией „третьего Рима“»¹⁸ и будто внешняя политика СССР представляет собой новую версию «старой русской мечты о Москве как о третьем Риме».¹⁹ Наряду с подобными откровенными спекуляциями на тему «третьего Рима» в некоторых зарубежных изданиях содержатся попытки подойти к истории этой идеи с исследовательских позиций. Однако узость источниковой базы и методологическая несостоятельность ряда авторов мешает им достичь серьезных результатов.

Наглядным примером этого являются статьи западногерманского слависта Ф. Кемпфера, посвященные истории «посланий Филофея».²⁰ В одной из них он излагает и старается обосновать свое мнение об этих памятниках, а во второй — защищает ранее занятые позиции, оспаривая выводы упомянутой выше публикации в ТОДРЛ. Повторяя то, что им было уже сказано, он не возвращается лишь к заведомо недоказуемым гипотезам (об отражении «устной версии» идеи «третьего Рима», возникшей якобы до начала XVI в., в «Повести о новгородском белом клобуке»; о тождестве Филофея и Федора Курицына и др.²¹). Настойчивость, с которой Кемпфер стремится утвердить свою концепцию, побуждает нас подвергнуть анализу выдвигаемые им гипотезы и приводимые в их поддержку аргументы.

По мнению Ф. Кемпфера, возникновение идеи «Москва — третий Рим» явилось результатом умозаключений, связанных с экзегезисом апокалиптического пророчества о жене, бежавшей в пустыню от дракона, чтобы избежать гибели в потоке извергнутой им воды (Откровение Иоанна, XII, 1—6, 13—15).²² Традиционное толкование этого пророчества отождествляло «жену» с христианской церковью, «воду» — с неверием и другими «напастями», угрожающими церкви, а «пустыню» — с тем местом, где «жена» (церковь) обретет предназначенный ей богом «покой». Подобное толкование, содержавшееся в распространенных на Руси сочинениях Андрея Кесарийского и Ипполита, навело якобы на мысль о том, что слова пророчества о «пустыне» имели в конечном счете в виду Россию.²³ А поскольку избранное богом место пребывания церкви принято было связывать с именем Рима, Россию (Москву) стали именовать новым («третьим») Римом.

¹⁷ E. Denisoff. Aux origines de l'église russe autocephale. — *Revue des études slaves*, 1947, № 1, p. 67. Ср.: «Для Ивана IV идеология „третьего Рима“ была оправданием его политических реформ» (W. Lettenbauer. *Moskau das dritte Rom*. München, 1961, S. 70).

¹⁸ C. Toumanoff. Moscow the third Rome: genesis and significance of a politico — religious idea. — *The Catholic historical review*, 1955, v. 40, p. 477.

¹⁹ M. Just. *Rome and Russia*. Westminster, Maryland, 1954, p. 168.

²⁰ F. Kämpfer. 1) *Beobachtungen zu den Sendschreiben Filofeys*. — *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1970, Bd 18, H. 1, S. 1—46; 2) «Sendschreiben Filofeys» oder «Filofej—Zyklus»? *Argumente gegen die Ergebnisse Alexander Goldbergs*. — *Canadian—American slavic studies*, 1979, N 1—2, p. 126—138.

²¹ F. Kämpfer. *Beobachtungen...*, S. 42, 45.

²² «Можно предположить, что исходным пунктом учения Филофея было толкование легенды об апокалиптической жене» (F. Kämpfer. *Beobachtungen*. S. 37).

²³ «Из этого толкования вытекает мысль об экуменической роли московской престольной церкви и об особой роли России как единственного не затопленного неверными царства, апокалиптической пустыни» (*Ibid*, S. 37).

В соответствии с таким объяснением генезиса идеи «третьего Рима» Ф. Кемпфер рассматривает сочинения, отражающие эту идею, главным образом под углом того, как в них изложено толкование апокалиптической легенды. Первым по времени из этих памятников Кемпфер считает «Сочинение об обидах церкви»,²⁴ в котором, по его словам, «содержится, по-видимому, самое раннее изложение теории третьего Рима». ²⁵ Вторым было якобы создано «Послание о крестном знамении». Содержащиеся в нем обличения недостатков в церковно-религиозной жизни России Кемпфер считает побочным мотивом, а главной темой этого «Послания» было, по его утверждению, учение о «третьем Риме». Отсюда следует вывод: «...создать произведение, предметом которого являлась теория „Москва — третий Рим“, мог только автор учения о третьем Риме» — т. е. Филофей.²⁶

Определяя место «Послания на звездочетцев», Кемпфер излагает его содержание таким образом, что в тени оказываются важные высказывания, обосновывающие мысль о переходе к Москве функций «третьего Рима». При подобном обращении с текстом может и в самом деле показаться, что «ход мыслей Филофея был для непосвященного непонятен». ²⁷ Эту вымышленную особенность «Послания на звездочетцев» Кемпфер объясняет, ссылаясь на содержащуюся в его тексте фразу: «...мала некая словеса изречем о нынешнем православнем царствии». По утверждению исследователя, Филофей счел возможным ограничиться «малыми словесами», поскольку он «предполагал знакомство адресата (дьяка Мисюря Мунехина, — А. Г.) со своей теорией и возвращался к данной теме лишь потому, что адресат этого пожелал». ²⁸ Все формулировки учения о «третьем Риме» в этом «Послании» Кемпфер выводит из того, что говорилось на данную тему в двух других произведениях, и на основе сказанного считает «Послание на звездочетцев» завершением исследуемого цикла сочинений.

Концепция, предложенная Ф. Кемпфером, покоится на весьма непрочных основаниях. Оставив открытым вопрос о том, было ли «Сочинение об обидах церкви», в котором якобы изложена исходная версия рассуждений о «третьем Риме», создано Филофеем, Кемпфер тем не менее неизменно именуется идею «Москва — третий Рим» «учением Филофея». По словам Кемпфера, Филофей поместил в «Послании на звездочетцев» краткое изложение «своего учения» потому, что его адресату Мунехину известны были многочисленные предшествующие «сочинения Филофея». Однако, во-первых, в «Послании на звездочетцев» нет ни одного указания на знакомство Мунехина с другими «сочинениями Филофея», а, во-вторых, к числу «сочинений Филофея», предшествовавших «Посланию на звездочетцев», Кемпфер относит тексты, связанные с поздними редакциями этого «Послания» или представляющие собой компиляции, восходящие к другим произведениям изучаемого цикла.²⁹

²⁴ В первой из своих статей Кемпфер называет Филофея автором сокращенной редакции этого сочинения (S. 13). Во второй статье он более осторожен: «...нельзя с полной уверенностью приписывать сочинение Филофею, но предположить это можно» (S. 137).

²⁵ F. K ä m p f e r. «Sendschreiben», S. 138.

²⁶ Ibid, S. 132.

²⁷ Ibid, S. 130.

²⁸ Ibid, S. 130. «Филофей был в состоянии сказать гораздо больше, но по каким-то причинам не стал этого делать, может быть, потому, что из вопроса Мунехина понял, что тот уже хорошо знаком с его учением». По мнению Кемпфера, Филофей отказался от подробного изложения своей теории и в «Послании о крестном знамении», поскольку «он знал, что его взгляды уже получили известность (weil er seine Gedanke bekannt wusste)». (F. K ä m p f e r. Beobachtungen, S. 5).

²⁹ Выделяя эти тексты в качестве самостоятельных произведений, Кемпфер следуют за В. Малининым, приписавшим Филофею все сочинения, в заглавии которых встречалось его имя, и неразобравшимися в аутентичности заглавий этих текстов и во взаимоотношениях их списков (В. Н. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения).

Таково, например, «Послание к некоему велможе в миру живущему», появляющееся в качестве предисловия к новгородско-волоколамской редакции «Послания на звездочетцев»,³⁰ а также «Послание из псковские области Елизарова монастыря старца Филофея»³¹ — компиляция, в которой к фрагменту «Послания на звездочетцев» присоединены ветхозаветные и новозаветные тексты. «Послание в царствующий град»,³² содержащееся в рукописи конца XVI—начала XVII в. (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 798), тоже является сравнительно поздней компиляцией. Во всяком случае оно начинается с фрагмента, открывающего в большинстве списков текст «Послания о крестном знамении», один из списков которого находится на последующих листах этой же самой рукописи. Отсутствие в данном списке «Послания о крестном знамении» именно этого фрагмента следует, по-видимому, объяснить тем, что составитель сборника не считал возможным при переписке «Послания о крестном знамении» вторично воспроизвести использованный в компиляции фрагмент.

Уже из приведенных примеров видно, что ограниченность знаний Кемпфера об используемых текстах приводит к ошибочным суждениям. Он высказывает их, не разобравшись в редакциях сочинений, не зная состава сборников, содержащих их списки, и поэтому не учитывая те конкретные особенности текстов, которые позволяют установить связь между ними. Вместо этого он пытается судить о взаимоотношении памятников исходя из собственных представлений о ходе мысли их авторов и о логике процесса их создания.³³ Такие спекуляции противоречат в большинстве случаев реальным фактам. Рассмотрим это на примере рассуждений Кемпфера о последовательности содержащихся в «Послании на звездочетцев» и в «Сочинении об обидах церкви» версий толкования апокалиптического пророчества.

Вслед за В. Малининым Ф. Кемпфер отмечает, что в «Послании» это пророчество и его толкование изложены гораздо короче, чем в «Сочинении», причем текст «Сочинения» (в отличие от текста «Послания») местами дословно совпадает с русским переводом «Толкования на Апокалипсис» Андрея Кесарийского.³⁴ Отсюда Кемпфер делает вывод, что «Сочинение» сложилось раньше, чем «Послание», поскольку при его создании был непосредственно использован текст «Толкования на Апокалипсис», а в «Послании» приведены лишь некоторые усвоенные Филофеем мотивы.³⁵

Однако уже В. Малинин обратил внимание на то, что Филофею свойственно было воспроизводить на память библейские тексты и их толкования. По словам Малинина, Филофей «до такой степени освоился с библейскими оборотами речи, особенно новозаветными, что легко и свободно извлекал их из своей памяти», причем эта черта была «свойственна и не одному ему».³⁶ В самом деле, сравнивая различные редакции древнерусских памятников или генетически связанные между собою тексты, часто можно обнаружить, что в первоначальной редакции автор воспроизводит знакомый ему текст по памяти, а в процессе последующего редактирования вольный пересказ заменяется более точной цитатой из

³⁰ F. K ä m p f e r. Beobachtungen, S. 17. Ср.: А. Л. Гольдберг. Три «послания Филофея», с. 74.

³¹ Ibid, S. 18. См. сборник начала XVII в.: ГИБ. Q. XVII. 198, л. 1—2.

³² Ibid, S. 28—30.

³³ «Мы должны отыскать в „Послании на звездочетцев“ высказывания, которые предполагают наличие предшествовавших им ходов мысли, и если такие ходы мысли присутствуют в других рукописях или текстах независимо от „Послания на звездочетцев“, следует построить стемму взглядов (Stemma des Gedankens), восходящую ко времени до 1523 г. (т. е. до создания «Послания на звездочетцев», — А. Г.)» (F. K ä m p f e r. «Sendschreiben», S. 133).

³⁴ В. Н. М а л и н и н. Старец... Филофей... с. 435—441.

³⁵ F. K ä m p f e r. «Sendschreiben», S. 137.

³⁶ В. Н. М а л и н и н. Старец... Филофей... с. 200.

соответствующего источника.³⁷ Поэтому вполне вероятно, что при создании «Сочинения об обидах церкви» фрагмент о бегстве жены, содержащийся в «Послании на звездочетцев», был отредактирован по «Толкованию» Андрея Кесарийского, и, значит, последовательность появления этих произведений была обратна той, которую предполагает Кемпфер.

Утверждая, что экзегетические рассужденияшли от более сходного с традиционным источником варианта к менее сходному, Кемпфер считает также, что «история текста развивалась... от подробного, теологически обоснованного изложения к сокращенному и небрежному». Об этом, по его мнению, свидетельствует наличие в «Послании на звездочетцев» таких мест, которые нельзя понять без обращения к более подробному тексту экзегезиса в «Сочинении об обидах церкви». Например, мотивы «пустыни» и «воды» (которые Кемпфер считает «ключевыми для понимания теории третьего Рима») звучат в «Послании» настолько неотчетливо, что их значение для данной теории невозможно уловить.³⁸

Но ведь «ключевое значение» эти мотивы имели лишь в том случае, если считать, что возникновение идеи «третьего Рима» и само содержание ее были обусловлены экзегезисом апокалиптической легенды, т. е. если принять исходную гипотезу Ф. Кемпфера. Между тем анализ текстов опровергает эту гипотезу. Он показывает, что толкование легенды о жене вошло в состав произведений, содержащих идею «третьего Рима», вовсе не потому, что эта идея была порождена данным толкованием. Напротив, само это толкование было использовано в качестве одного из аргументов, привлеченных для обоснования новой идеи. Рассмотрим весь круг этих аргументов и последовательность расположения их в изучаемых сочинениях.

В «Послании на звездочетцев» порядок изложения обусловлен полемической направленностью произведения против католической пропаганды. Опровергая утверждения католиков о «неподвижности ромейского царства», Филофей использовал прежде всего аргумент церковно-исторического характера о еретичестве «латинян» и о предательстве греков на Флорентийском соборе. В качестве второго аргумента, доказывающего неправоту католиков, Филофей приводит то обстоятельство, что «старый Рим» утратил свое былое значение (а вслед за ним и «второй Рим» — Константинополь) и истинным центром («солнцем») христианского мира стала Москва и ее престольная церковь. И уже после этого приводится апокалиптическое пророчество и такое его толкование, которое подкрепляет мысль о том, что «токмо единого государя нашего царство единою благодатию христовою стоит».

Церковно-исторические аргументы, обосновывающие правомерность уподобления Москвы «третьему Риму», содержатся и в двух других произведениях этого цикла, а толкование легенды об апокалиптической жене приведено лишь в «Сочинении об обидах церкви». Причем здесь оно связано не только с рассуждениями о «третьем Риме», но и с основной темой «Сочинения»: вслед за жалобами на обиды, причиняемые русской церкви, напоминает об испытаниях, которые предсказаны христианской церкви

³⁷ Об этом свидетельствует, например, сопоставление различных редакций рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. См.: Р. П. Дмитриева. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 220; А. Л. Гольдберг. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 212.

³⁸ F. Kämpfer. «Sendschreiben», S. 137—138. Встречающееся в «Послании на звездочетцев» уподобление московской церкви «солнцу» Кемпфер тоже считает непонятным вне ассоциации с образом «жены, облеченной в солнце, восходящей к Сочинению об обидах церкви» (Ibid. S. 135). Однако более вероятно, что Филофей просто следовал традиции исидрианской литературы, ибо образ церкви, сияющей «яко великое солнце посреди Руския земли», встречается в сочинениях Иосифа Волоцкого и в других произведениях писателей этого круга.

апокалиптическим пророчеством. Особый интерес создателя «Сочинения» к этому пророчеству и его толкованию вызвал, видимо, сверку с текстом Андрея Кесарийского и соответствующее расширение данного фрагмента, но это уже не отразилось на содержании идеи «Москва — третий Рим».

Таким образом, толкование апокалиптической легенды лишь с о п у т с т в о в а л о изложению идеи «третьего Рима», а не п о р о д и л о ее. Нет оснований считать образы этой легенды «ключевыми» для понимания изучаемой идеи, а значит нет оснований и для того, чтобы определять последовательность сочинений, содержавших эту идею, в зависимости от наличия или отсутствия в них подобных образов.

Рассматривая суждения Кемпфера, нельзя не удивляться их непоследовательности и противоречивости. Так, например, говоря о возникновении идеи «Москва — третий Рим», он, казалось бы, признает, что идея эта имела свою предысторию, т. е. была подготовлена предшествующим развитием русской общественной мысли.³⁹ Однако все усилия Кемпфера направлены на то, чтобы доказать спонтанность рождения идеи «третьего Рима» в процессе обновленного толкования апокалиптической легенды. Естественно, что при подобном подходе реальные причины, обусловившие отождествление Москвы с «третьим Римом», остаются нераскрытыми.

Не только рождение идеи «третьего Рима», но и появление ее на страницах литературных произведений Кемпфер рассматривает вне исторического контекста или ограничивается оценками общего характера.⁴⁰ Генезис этой идеи предстает под его пером как замкнутый процесс, протекавший изолированно от остального развития общественной мысли тогдашней России. В большинстве случаев он отвергает возможность установления конкретной связи между содержанием рассуждений о «третьем Риме» в том или ином произведении и реальными историческими обстоятельствами. Так, он не допускает мысли о том, что высказывания о «Москве — третьем Риме» в «Послании на звездочетцев» относятся к антикатолической полемике,⁴¹ а, говоря об особенностях содержания «Послания о крестном знамении» и «Сочинения об обидах церкви», утверждает, будто «критика религиозных и моральных недостатков русской жизни имеет в обоих произведениях самый общий характер и не дает основания для их датировки».⁴²

Хотелось бы думать, что подобные суждения объясняются не скудостью знаний о русской истории, а ошибочным подходом к литературным памятникам XVI в. Еще в первой своей статье Кемпфер ополчился на «понятие „публицистика“, которое употребляется советскими исследователями для обозначения многих сочинений», поскольку оно «предполагает, что их авторы писали в расчете на публику».⁴³ Конечно, подобное понимание этого термина слишком упрощено: публицистикой в современной научной литературе принято именовать сочинения, посвященные острым вопросам

³⁹ Правда, Кемпфер оставляет эту предысторию за рамками своих работ: «О предшественниках теории («третьего Рима», — А. Г.) в более ранней русской публицистике нет необходимости говорить более подробно, так как главное об этом уже сказано» (F. K ä m p f e r. «Sendschreiben», S. 133).

⁴⁰ «Учение о третьем Риме может быть понято лишь в обстановке конца XV в. В это время православие переживало брожение, форма и задачи государства и власти должны были быть приведены в согласие. . . А период правления Василия III вряд ли давал основание для учения об эсхатологической миссии России» (F. K ä m p f e r. Beobachtungen, S. 39).

⁴¹ F. K ä m p f e r. «Sendschreiben», S. 129.

⁴² Ibid, S. 132. На деле эта критика в разные периоды времени имела различную направленность и, в частности, содержащиеся в «Послании о крестном знамении» и в «Сочинении об обидах церкви» обличения содомитства выглядели более актуальными «скорее на фоне публицистики середины XVI века, чем в конце его первой четверти» (Н. В. С и н и ц ы н а. Максим Грек в России, с. 111). Вопрос о способе крестного знамения обсуждался в русской литературе также не в начале XVI в., а ближе к его середине (В. Н. М а л и н и н. Старец. . . Филофей. . ., с. 656).

⁴³ F. K ä m p f e r. Beobachtungen, S. 32.

политической жизни.⁴⁴ Однако для Ф. Кемпфера отрицание «публицистичности» изучаемых сочинений имеет принципиальный смысл, поскольку он настаивает на своем праве пренебречь «целевой направленностью» этих сочинений и рассматривать их лишь как «фиксацию мыслей и взглядов Филофея».⁴⁵ К этой «фиксации взглядов», отразившихся в цикле произведений, содержащих идею «третьего Рима», и свелись по существу изыскания Кемпфера. Ничего существенно нового ему сказать не удалось, да этого и нельзя было ожидать от автора, замкнувшегося в кругу гипотез, не учитывающих реальной истории текстов и реального хода исторических событий.

Исследования генезиса и распространения идеи «Москва — третий Рим» продолжаются.

⁴⁴ История русской литературы XI—XVII веков. Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980, с. 315. Этот же термин употребляется в аналогичном смысле и многими зарубежными исследователями. Ср., например: W. Philipp. Ein Anonymus des Tverer Publizistik un 15. Jahrhundert. — Festschrift für D. Čiževsky. Berlin, 1954, S. 230—237.

⁴⁵ F. K ä m p f e r. Beobachtungen, S. 33.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

И. В. ЛЕВОЧКИН

Синодальный список Изборника Святослава

Одним из наиболее ранних списков Изборника Святослава является пергаменная рукопись 1403 г., хранящаяся в Синодальном собрании Государственного Исторического музея в Москве.¹ Первое описание этой рукописи, выполненное А. В. Горским и К. И. Невоструевым, было опубликовано в 1859 г.² Описание весьма кратко, в нем нет исчерпывающей характеристики списка, а сравнение с рукописью 1073 г. не является полным, на что в 1885 г. обратил внимание Л. Мазинг.³ Однако и этот ученый посвятил Синодальному списку всего лишь несколько страниц своего труда.⁴ Заслугой Л. Мазинга является то, что он впервые сопоставил 4 списка Изборника (в том числе и Син. 275) с рукописью 1073 г. и друг с другом.⁵ Правда, это сопоставление по существу носит формальный характер и не является исчерпывающим, однако труд Л. Мазинга в целом не утратил своего значения.

После опубликования работы Л. Мазинга Синодальный список долго не привлекал внимания ученых. Лишь в 1916 г. А. А. Покровский в своем труде по истории Типографской и Синодальной библиотек опубликовал некоторые новые сведения об этом списке, касающиеся его истории на протяжении второй половины XVII—XVIII вв.⁶ В 1965 г. было опубликовано второе описание Синодального списка, которое, однако, очень кратко и почти не содержит новых сведений об этой рукописи.⁷ К интересующему нас списку неоднократно обращался болгарский ученый К. М. Куев, но и в его работах новых данных практически не имеется.⁸ Таким образом, Синодальный список Изборника Святослава вплоть до настоящего времени оставался неизученным. Между тем его изучение представляется важным. Прежде всего необходимо выполнить полное

¹ ГИМ, Отдел рукописей и старопечатных книг, Син. 275.

² А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 2. М., 1859, с. 406—409.

³ L. Masing. Studien zur Kenntniss des Jzbornik Sviatoslava vom Jahre 1073 nebst Bemerkungen zu den jüngeren Handschriften. — Archiv für slavische Philologie, Berlin, 1885, Bd 8, H. 3, S. 361—364.

⁴ Ibid, S. 360—364.

⁵ L. Masing. Studien. Berlin, 1886, Bd 9, H. 1, S. 78—112.

⁶ А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обзорные пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. — В кн.: Труды XV археологического съезда 1911 г., т. II. М., 1916, с. 166, 260, 262.

⁷ М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея. Часть 1. Русские рукописи. — В кн.: Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965, с. 201.

⁸ К. М. Куев. 1) Симеоновят сборник и неговите потомци. — Годишник на Софийский университет, факультет по славянски филологии, т. 67, София, 1974, с. 12; 2) Археографические наблюдения над сборником Симеона в старославянских литературах. — В кн.: Изборник Святослава 1073 г. М., 1977, с. 52; 3) Археографски бележки за разпространението на Симеоновия (Святославовия) сборник в старите славенски литератури. — В кн.: Старобългарска литература, кн. 5. София, 1979, с. 44—45.

палеографическое описание списка, установить его состав и особенности, а также сопоставить с рукописью 1073 г. Необходимо также попытаться определить протограф списка и его место среди других списков Изборника. Кроме того, важно установить, что дает этот список для изучения общественно-политической мысли и культуры Руси рубежа XIV—XV вв. Попытке разрешения этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Список Син. 275 представляет собой пергаменную рукопись в 1° (30,5 × 23 см) в позднем (XVIII в.) картонном перешлете, который обтянут тонкой коричневой кожей. Пергамен рукописи — различной толщины и плохого качества; более половины листов (89 из 167) имеют различные дефекты (защитные и незащитные дыры и неровные края). Рукопись состоит из 22 тетрадей. При этом тетради 1—7, 9—11, 17—21 состоят из 8 листов каждая, а тетради 8 — из 7, 12 — из 5, 13 — из 4, 14 — из 11, 16 — из 7 и 22 — из 5 листов. Полные тетради пронумерованы буквенными обозначениями на первом и на обороте 8-го листа почерками писцов рукописи. Нумерация листов обозначена арабскими цифрами в верхнем правом углу почерком XVIII или начала XIX в. черными чернилами. Первый лист рукописи номера не имеет. Последовательная нумерация начинается со второго листа, который обозначен номером 1. Листы 74 и 152 пронумерованы дважды одними и теми же номерами.

Текст списка написан русским полууставным письмом в два столбца, почерками двух писцов,⁹ по 32 строки на листе. Письмо обоих писцов четкое, свободное, с большим количеством вариантов написания различных букв и титлов. Выносные — Д, Ж, К, Л, М, Н, С, Т, Ч и другие. Большинство выносных под титлами. Сокращения обычные, как в середине слов, так и в их окончаниях. Лигатуры самые разнообразные: А+к, Л+к, М+р, М+у, Н+у, Т+в, Т+р, Т+а и др. Встречаются юсы. Весь текст рукописи состоит из нумерованных статей. При этом номера написаны на различных местах, но чаще всего — перед или же после названия соответствующей статьи, т. е. на левом или же на правом поле столбца. Чернила двух цветов — темно-коричневые, которыми написано большинство текстов, и светло-коричневые. Инициалы и почти вся нумерация статей написаны яркой чистой киноварью. В рукописи нет «Похвалы» и «Летописца вкратце», нет в ней миниатюр и заставок. В остальном она близка к Изборнику Святослава 1073 г.¹⁰ Название рукописи помещено на л. 1 (нумерованном) — «Сбор отъ многъ оць толкования о неразумных словесхъ въ еуаггелии и въ апле и въ инехъ книгахъ вкратце сложено на память и на готовъ отъветъ».

Рукопись датирована. В приписке писца (л. 160 об.) приводится дата написания (6912) кодекса. В этой же приписке указано место создания рукописи (Москва, Андроников монастырь) и имя ее писца (Онфим). Приводим эту приписку полностью: «О оци и снѣ и дсѣ стѣмъ оупование по вере имея косоухся трудолюбне книги сея иже ѣ око црковное бес тоя бо оудостоивати мяся црковное исполнение в неведени я(ко) въ тме шатается нас же рачительство желанием распали к таковой купле труда аще и не хоуджне сию снискахом но обоч трудне края достихом лету сушоу 6912 индикта 12 мсца октября въ 24 на память стго муч Арефы въ княжествующом граде Моськве при державе великаг(о) князя Василья Дмитреевич(а) при архиепискупе всея Руси митрополите Кипрьяне въ прчестней обители великаго Спса образа нерукотворенаго въ монастыре Андроникове и при игуменьстве Савине в час 5 ноци грешный Онфимъ написах сборник сии оци свти и братья о Хте проходящ книгу сию не порецете

⁹ М. В. Щепкина и др. Описание. . ., с. 201.

¹⁰ Общие признаки Син. 275 и Изборника 1073 г. отмечены в первом описании списка. См.: А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание. . ., с. 409.

б(ога) ради тягости на дшу мою аще и не удобрение зрите или погрешение обрячете гъ со всеми вами и милость его и съ дхом вашим аминь».

После этой приписки скорописью XVII в. выписаны названия 4-х глав рукописи: «ИИ. Отъ коея силы...»; «ӨИ. Почто не проведят члцы...»; «К. Чювствен ли ё раи...»; «КА». (без текста). Затем идет оглавление всей рукописи, которое соответствует расположению статей в тексте. В конце оглавления (л. 164 об.) киноварная запись почерком XVII в.: «РОВ г. июня въ ИИ де(нь) сию кигу дал внуку своему на воспоминание свое оць мой Захарий Афонасиевич Подосеновъ справщикъ Симеону Литвинову». Далее почерком XVIII или начала XIX в. пометы «В сей книге 164 листа. Певчей Никифор Пет...» и «...листы 74, 152 помечены дважды», нечитаемая подпись и «№ 172».

На л. 1 (нумерованном) сохранились остатки столярного клея. Видимо, этот лист некогда был приклеен к переплету, но не к современному, а к тому, который существовал раньше. На этом листе имеются несколько записей скорописью XVII в. Приводим эти записи, как они сохранились: «Сия книга Соборникъ» (в последнем слове нормально читаются лишь буквы С, Р и К); чуть ниже — «Соборникъ»; еще ниже — «Книга Петра Ивановича Лвова соборникъ»; еще ниже — «Помилуй мя бже повелиц. . .»; далее — «. . .ник Лвова» и, наконец, — «помилуй мя бце».

На л. 1 об. (нумерованном) имеются еще две записи почерком XVII в.: «Книга сладкля беседы рубль»; «деревня Собел» и чуть ниже «Субел». Все остальное пространство этого листа занято текстом (скоропись XVII в.). В описании списка Син. 275 М. В. Щепкиной и др. отмечено, что на л. 1 об. (нумерованном) помещено «начало оглавления», продолжение которого «ниже записи писца Онфима».¹¹ Это не соответствует действительности. На л. 1 об. имеется часть оглавления, но не его начало, а текст «ниже записи писца Онфима» — не его продолжение. Скорописью XVII в. здесь выписаны лишь некоторые названия статей из текста рукописи (вместе с их нумерацией). Всего выписано 18 заголовков статей, которые в тексте списка имеют двойную нумерацию. В рукописи эти статьи расположены не одним массивом, а в системе с другими статьями. Что же это за статьи?

Перечислим их в том порядке, как они представлены на л. 1 об. и в тексте списка: (0)/1, 16/2, 34/3, 56/4, 62/5, 72/6, 91/7, 95/8, 107/9, 137/10, 141/11, 157/12, 175/13, 184/14, 188/15, 70/16, 85/17, 95/18¹² (вторые номера статей 2—3 в тексте рукописи написаны почерком XVII в.). На л. 1 помещено еще 4 номера статей (без текста): 98/18, 3—4/19, 5/20, 22/21. Названия этих статей повторены на л. 160 об., ниже приписки писца Онфима, однако без первых номеров. В тексте списка эти статьи также имеют двойную нумерацию (в последней статье второй номер написан почерком XVII в.).¹³

Сопоставление статей с двойной нумерацией списка Син. 275 с соответствующими статьями Изборника 1073 г. показывает, что они представляют собой названия вопросов—ответов Анастасия Синаита. При этом первая выписанная на л. 1 об. статья является неточным воспроизведением первой статьи Изборника, а третий вопрос Анастасия Синаита опущен. Опущен также тринадцатый вопрос, который в рукописи 1073 г. записан не полностью («и длъжьнь ё приносити кто боу»). В Изборнике Святослава 1073 г. все статьи имеют однозначную нумерацию. Следовательно,

¹¹ М. В. Щепкина и др. Описание. . ., с. 201. На содержание этого текста Л. Мазинг внимания не обратил.

¹² Здесь и далее буквенная нумерация статей заменена (за исключением отдельных случаев) цифровой. В тексте списка имеется два номера со второй цифрой 14 (184/14 и 188/14). Поэтому в статьях текста вторые номера начиная со статьи 70/16 на единицу меньше. В оглавлении списка все статьи имеют однозначные номера.

¹³ В таблицах Л. Мазинга эти двойные номера не учтены.

двойная нумерация вопросов—ответов Анастасия Синаита в списке Син. 275 не связана непосредственно с нумерацией рукописи 1073 г. Это означает, что либо писцы списка Син. 275 самостоятельно дали двойные номера этим статьям, либо рукопись, с которой был сделан список Син. 275, уже содержала эту нумерацию. В связи с этим встает вопрос о непосредственном протографе рукописи 1403 г. Но для того чтобы попытаться его решить, прежде всего необходимо рассмотреть нумерацию Синодального списка 1403 г. и сравнить ее с нумерацией Изборника Святослава 1073 г.

Статьи списка Син. 275 имеют следующую систему нумерации: часть I. 1—26, 16—17 (повторные номера), 28—39 (№ 40 пропущен), 41—199, 70—104 (повторные номера). Всего в первой части списка 222 статьи. Часть II. 1 (№ 2 пропущен), 3, 50/4—26 (№ 27 утрачен), 28—45 (№ 46—48 утрачены), 49 (№ 50—53 утрачены), 54—59 (№ 60 утрачен), 61—69, 60—69 (повторные номера), 70—103 (№ 104 утрачен), 105—176, 185—189, 177—182. Всего во второй части списка 177 статей.¹⁴

Как видим, система нумерации статей списка Син. 275 характеризуется непоследовательностью и пропусками. Непоследовательностью и пропусками характеризуется нумерация статей и в рукописи 1073 г. Однако в том виде, в каком в настоящее время расположена нумерация статей рукописи 1073 г., ее непоследовательность и пропуски по сравнению с рукописью 1403 г. имеют существенные отличия. К тому же, как отмечено выше, ряд статей в списке Син. 275 в отличие от рукописи 1073 г. имеют двойные номера. Сравним нумерацию статей в рукописи 1403 г. и в Изборнике Святослава 1073 г.

Нумерация статей 1—26 совпадает (за исключением статьи 5 рукописи 1073 г., которая в ней стоит на третьем месте). Далее в Син. 275 две статьи («Того же еже о альчъбе» и «Того же еже отъ Матфея») имеют № 16 и 17, в то время как в Изборнике 1073 г. эти статьи имеют очередные № 27 и 28. Следующая, 29-я по счету, статья в списке Син. 275 (и в рукописи 1073 г.) обозначена под № 28. Далее статьи по содержанию и расположению совпадают до № 199. Однако статья с № 40 пропущена. После статьи 199 («Того же отъ целебных») в списке Син. 275 идет статья под № 70 («Въпрос еда вся злая. . .»). В рукописи 1073 г. эта статья имеет № 200 (С). Видимо, писец принял С̃ протографа за О̃ (70) и далее стал продолжать нумерацию по порядку до конца первой части рукописи.

Вторая часть списка Син. 275 начинается со статьи «Курилово от того еже о доуховней службе», которая имеет № 1, но которая повторяется; в конце первой части рукописи под № 100 помещено название и первая фраза этой статьи. Во второй части рукописи 1073 г. эта статья имеет № 2. Первая статья второй части рукописи 1073 г. («Феодоритово отъ неразумныхъ») в списке Син. 275 помещена в первой части и имеет № 99. Статьи с № 2 во второй части списка Син. 275 не имеется. Статья 3 («Златоустаго отъ того еже отъ МЕ псалмоса») соответствует статье 3 рукописи 1073 г. Далее в списке Син. 275 помещена статья «Въпрос почто не проведят члцы. . .», которая имеет двойную нумерацию 50/4. В рукописи 1073 г. эта статья имеет № 4. Последующие статьи списка Син. 275 (5—26, «Иермино» — «Феодорита Коура града») в рукописи 1073 г. отсутствуют. Статья 27 в списке Син. 275 утрачена. Далее статьи (с № 28) Синодального списка и по нумерации и по содержанию соответствуют статьям рукописи 1073 г. (до статьи 45 включительно). Статьи 46—48 утрачены. Однако вслед за статьей 45 в списке Син. 275 помещена статья, не имеющая номера («Почто не поревнова Авраамию»), которой в рукописи 1073 г. нет. Затем помещена статья, имеющая № 49 («Како е̃ разумеги о оутробней чародеици»), которой также нет в рукописи 1073 г.

¹⁴ См. также: L. M a s i n g. Studien. . ., Bd 9, H. 1, S. 78—112.

В списке Син. 275 статьи 50—53 утрачены, но последующие 54—59 и по нумерации и по содержанию соответствуют аналогичным статьям рукописи 1073 г. Статьи 61—69 также соответствуют статьям рукописи 1073 г. (статья 60 в Син. 275 утрачена), однако их порядковые номера в последней на единицу меньше. Кроме того, в рукописи 1073 г. имеется безномерная статья «Откоуду самарите и еѣ прияша», которой в списке Син. 275 нет. Вслед за этими статьями в списке Син. 275 идет повторная нумерация статей 60—69 и далее 70—103. В рукописи 1073 г. эта группа статей имеет последовательную нумерацию (69—78 и 79—112). Далее в списке Син. 275 идут статьи 105—176 (№ 104 утрачен). В рукописи 1073 г. этим статьям соответствуют статьи с № 113—116, безномерная («Стаго Василия отъ поспешныхъ»), 117—120, 121—184 (начиная с № 120 и кончая № 163 в каждой последняя цифра подчищена). Статьям 153—176 соответствуют статьи 161—184 рукописи 1073 г.

Статьи 185—189 и по нумерации и по содержанию одинаковы в обеих рукописях. Далее в списке Син. 275 идут статьи 177—181, которым соответствуют статьи 190—191, 172, безномерная и 194 рукописи 1073 г.¹⁵ При этом статья («Слово о пророцехъ Елифаниево о прорецехъ и пророчицахъ») выделена киноварным инициалом, но номера не имеет, а две последние статьи объединены общим заголовком («О апслехъ Иполоутово о ЇВ апслоу кѣде киждо ихъ исповеда или кѣде оумреша о апслехъ»).

В приведенном соотношении нумераций статей Син. 275 и Изборника Святослава 1073 г. не учтена двойная нумерация рассмотренных выше статей списка Син. 275, так как это внесло бы дополнительные сложности. Теперь необходимо вернуться к рассмотрению вопроса о двойной нумерации ряда статей Синодального списка.

Помимо перечисленных выше вопросов—ответов Анастасия Синаита, которые в списке Син. 275 имеют двойную нумерацию, в рукописи есть еще несколько статей с подобной же нумерацией. Так, после написанного киноварью номера статьи 10 (І) «О стыхъ мирьскихъ шести сборехъ» стоит № 19, написанный чернилами основного текста (заметим, что в первой части рукописи номера статей написаны и киноварью и чернилами основного текста вперемешку). Статья «Ции греси прощают. . .» имеет № 15/19, а статья «Афанасиево гоу глшу к стымъ своимъ» имеет № 97/22. (На эти двойные номера Л. Мазинг внимания не обратил). В рукописи 1073 г. признаков двойной нумерации этих статей также не имеется.

Вторые номера ряда статей Синодального списка написаны одним и тем же почерком и одновременно со всеми другими номерами статей рукописи. Следовательно, в данном списке они не являются результатом редакторской правки. Таким образом, протографом Синодального списка 275 является, по всей вероятности, не непосредственно рукопись 1073 г., а промежуточный список. Не исключено, что двойная нумерация первых вопросов—ответов Анастасия Синаита и некоторых других статей в списке Син. 275 появилась в результате того, что протограф этого списка ее уже имел. Логично допустить, что в протографе списка Син. 275, который имел нумерацию статей Изборника 1073 г., один из читателей, знавший сочинение Анастасия Синаита как отдельную рукопись, проставил номера первых вопросов—ответов этого автора для сравнения. По непонятной пока причине в предполагаемом протографе списка Син. 275 были проставлены вторые номера и на некоторых других статьях. В свою очередь писец Онфим переписал ставшую частично двойной нумерацию как саму собой разумеющуюся.

Синодальный список 275 не случайно был создан в Андрониковом монастыре. Этот монастырь, как пишет М. Н. Тихомиров, «уже вскоре после своего возникновения сделался одним из культурных центров тог-

¹⁵ См. там же.

дашней Москвы».¹⁶ Монастырь был связан с Сергием Радонежским, Дмитрием Донским, в монастыре жил и творил великий русский живописец Андрей Рублев. В связи с этим естественно предположить, что со времени основания (1359 г.) в монастыре начала складываться библиотека и стали переписываться книги. Для такого центра культуры, каким являлся Андроников монастырь, Изборник несомненно представлял интерес. Как считает Д. С. Лихачев, Изборник 1073 г. во второй половине XIV в. находился у Суздальско-Нижегородского епископа Дионисия.¹⁷ Думается, что еще в то время библиотека Андроникова монастыря получила список с рукописи Изборника 1073 г., который и явился непосредственным протографом Синодального списка 275.

Кроме списка Син. 275 в настоящее время известны еще 20 сохранившихся списков Изборника XV—XVII вв., в том числе 5, относящихся к XV в.¹⁸ Это свидетельствует о значимости и актуальности кодекса для России и других славянских стран того времени. Актуальность Изборника, очевидно, объясняется его составом и характером.

Известно, что Изборник является энциклопедическим справочником очень широкого содержания.¹⁹ В нем имеются статьи по астрономии, географии, эстетике, этике, философии и по многим другим отраслям средневекового знания, талантливо и доходчиво изложенного с позиций христианства. Авторами этих статей были писатели IV—IX вв., сохранявшие античные знания и античную культуру.²⁰ По справедливому мнению Г. М. Прохорова, произведения ранних отцов церкви «в позднейшее время, особенно в славянских странах, играли роль хранителей элементов античной культуры и образованности».²¹ Таким образом, Изборник в XIV—XV вв. не мог не представлять интереса для русских читателей.

Своеобразие содержания Изборника определяло, как нам представляется, и другую его важную функцию. Известно, что христианская вера на Руси утверждалась в борьбе с язычеством²² и другими религиями.²³ В XIV—XV вв. эта борьба значительно обострилась; церковь боролась не только против попыток усиления влияния в России других религий или их разновидностей (мусульманство, иудаизм, католичество), но и против ереси стригольников.²⁴ В этой обстановке Изборник являлся надежным подспорьем в руках русской православной церкви. Не случайно создатель Синодального списка Онфим писал в своем «послесловии» о том, что эта книга «иже е(сть) око церковное бес тоя бо оудостаивати мясяя црковное исполнение в неведении я(ко) въ тме шатается».

Синодальный список 275 дает основание для вывода и о том, что Изборник читали не только духовные, но и светские лица. П. И. Львов,

¹⁶ М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 222.

¹⁷ Д. С. Лихачев. К вопросу о судьбе рукописи Изборника 1073 г. в XIV в. — В кн.: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи, т. 1. Л., 1976, с. 43.

¹⁸ См.: К. М. Куев. Археографические наблюдения... с. 52—55; Л. П. Грязина, Н. А. Щербачева. К текстологии Изборника 1073 г. (по рукописям Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина). — В кн.: Изборник Святослава 1073 г. М., 1977, с. 56—89; ГИМ, ОР, Единоверческое собрание, 34; Львовский музей украинского искусства. Ф — 489. За сведения о Львовском списке приношу благодарность д-ру В. Федеру и В. И. Свенцицкой.

¹⁹ Н. Н. Розов. Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция. — ИЮЛЯ, т. XXVIII, 1969, вып. 1, с. 78. См. также статьи Ю. Д. Аксентона, В. Г. Брюсовой, М. Ф. Мурьянова, Е. К. Пиотровской и Я. Н. Щапова в кн. «Изборник Святослава 1073 г.» (М., 1977).

²⁰ См., например: Б. Пейчев. Философский трактат в Симеоновия сборник. София, 1977.

²¹ Г. М. Прохоров. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 6.

²² См.: Б. А. Рыбаков. Языческое мировоззрение русского средневековья. — ВИ, 1974, № 1, с. 19, 21.

²³ М. Н. Тихомиров. Русская культура... с. 130—145.

²⁴ См.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. 2. М., 1970, с. 68—69, 71—77.

З. А. Подосенов и С. Литвинов, которым в разное время принадлежала эта рукопись, были выходцами из служилых дьяческих фамилий.²⁵ Не исключено, что этот список был известен и другим читателям такого же круга. Во всяком случае, рукопись, изготовленная в начале XV в. в монастыре, в XVII в. принадлежала светским лицам. Это важный факт, и обратить внимание на него следует.

Как уже было отмечено, в настоящее время известно 20 списков Изборника. Кроме того, известно несколько рукописей иного состава, в которых имеются общие с Изборником статьи.²⁶ Один из списков Изборника (ГИМ, ОР, Барс. 309) своим непосредственным протографом имеет Синодальный список 275. Л. Мазинг отметил зависимость Барсовского списка от Син. 275,²⁷ однако он не обратил внимания на приписку в конце этой рукописи (л. 169), которая вместе с другими признаками, отмеченными Л. Мазингом, дает основание считать Син. 275 непосредственным протографом Барс. 309. Приводим эту приписку: «О оце и сне и стем дсе упование по вере имеа коснухся трудолюбне книзе сеи иже есть око прковное бес тоя бо оудостоивати мяняся прковное исполнение в неведении яко во тме шатається нас же рачительство желаниемъ распали к таковой купле труда аще ж и не художне сию снискахомъ но обаче трудне края достигохом лету суццю 7027 мѣца августа 27 днь на память приѣбнаг(о) отца ншего Пимина Великого а списана быс сия книга при великом князе Василье Иванович(е) всея Руси и при архиеписпе Варлааме и при архимендрите Игнатъе (после слова «Руси» строка написана по нижнему полю листа с указанием ее места в тексте, — *И. Л.*) повелением раба бжия сцно ерея и инока Игнатъа на спсение дши грешный Ионица написах соборникъ сии оци стии и братья о Хе проходяще книгу сию не порецете на мя ба рад(и) за юность мою аще не удобрение зрите и погрешение обряцете гъ со всеми вами и млсть его и с дхом вашим аминь».

Как видим, приписка Ионицы почти дословно повторяет приписку Онфима в Син. 275. Дважды упоминаемый в приписке Игнатий был архимандритом Андроникова монастыря как раз в год создания Барсовского списка (1519).²⁸ Таким образом, приписка Ионицы показывает, что Синодальный список 275 был не только непосредственным протографом Барсовского списка, но и то, что Син. 275 хранился в Андроникове монастыре на протяжении всего XV и начала XVI в.

К сожалению, в нашем распоряжении нет определенных данных о судьбе Синодального списка 275 на протяжении XVI—первой половины XVII в. Да и о том, как она складывалась во второй половине XVII в., мы знаем далеко не все. Можно лишь предполагать, что около середины XVII в. рукопись принадлежала П. И. Львову, который сделал записи на л. 1. От него, возможно, она перешла к справщику З. А. Подосенову, который в 1664 г. передал рукопись своему внуку (см. запись на л. 164 об.). Как считает А. А. Покровский, рукопись не была в Типографской библиотеке; видимо, от внука З. А. Подосенова она непосредственно перешла в Патриаршую (Синодальную) библиотеку,²⁹ в составе которой хранится и в настоящее время.

²⁵ См.: С. Б. Веселовский. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 294—295, 306—308, 416.

²⁶ Н. Н. Розов. Старейший болгарский «Изборник». . . , с. 77—78.

²⁷ L. Masing. Studien, Bd 8, S. 368.

²⁸ См.: П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, с. 170.

²⁹ А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие, с. 262.

Я. Н. ЩАПОВ

Календарь в псковских рукописях XV—XVI вв.*

Настоящая публикация посвящена неизвестному памятнику средневековой русской культуры — календарю-месяцеслову, обнаруженному в псковских рукописях XV—XVI вв.

Календарь представляет собой соединение древнеримского счета дней с минусовым их порядком, включавшего также данные для определения дня пасхи в католических странах — золотые числа, с общераспространенным в Европе счетом по нарастающему порядку дней и со счетом, принятым на Руси, у южных славян и в Византии по памятям святых и праздникам.

В древнеримском календарном счете, основанном на обозначении числа дней до объявления нового лунного месяца, использовались три понятия: календы — первые дни каждого месяца, счет которых шел назад от этого дня до 16 или 14 чисел предшествующего месяца; иды — соответственно 15 или 13 числа того же месяца и ноны — девятые дни перед идами, т. е. соответственно 7 или 5 числа того же месяца.¹

Наш календарь состоит из таблиц на 12 месяцев начиная с января, в которых применена славянская (буквенная) цифирь и словесные обозначения. Таблицы имеют шесть вертикальных колонок без каких-либо названий и содержат следующие сведения: 1 колонка — древнеримский календарный счет от календ, ид и нон; 2 и 3 колонки — так называемые золотые числа (от 1 до 19 или пропуски чисел), применявшиеся для определения дня пасхи (для обычного и високосного годов);² 4 колонка — так называемые вруцелета, или воскресные буквы, — повторяющиеся каждые семь дней числа от 1 до 7 (1 января — *ā*), также применявшиеся для этой цели; 5 колонка — дни месяца по обычному счету с нарастающим порядком дней; 6 колонка — памяти святых и праздники соответствующего дня, принятые на Руси, с сокращенным условным обозначением слова «святого» («святой», «святых») буквой «с» в кружке.

В начале и в конце таблицы каждого месяца содержатся дополнительные календарные сведения. В начале таблицы указаны: древнеславянское название месяца, число дней и «лун» в месяце, меняющиеся число дневных и ночных часов и время «настатия луны».³

* Публикуемый календарь и его исследование были темой докладов автора статьи 22 января 1977 г. в Секции истории отечественной науки и техники Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники и 29 октября 1980 г. в Секции культуры древней Руси Научного совета по истории мировой культуры АН СССР.

¹ Э. Бикерман. Хронология древнего мира. Древний Восток и античность. М., 1976, с. 38—39. См. также: Я. Н. Щапов. Древнеримский календарь на Руси. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 336—337.

² О золотых числах см.: W. E. Wijk, van. Le nombre d'or. Etude de chronologie technique. La Haye, 1936; Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944, с. 52—53.

³ Последний астрономический термин обозначен в рукописях не в полном виде — как «лун пас». Считаю возможным восстановить его именно в таком виде на основе

После таблицы каждого месяца в календаре даются сведения о длине солнечной тени, измеряемой в стопах в каждый из 11 часов дня (от 28 стоп утром и вечером в февралю до $1\frac{1}{2}$ стоп около полудня в июне).

Не ставя своей задачей специальное изучение календарно-астрономического содержания месящеслова, что предстоит сделать историкам соответствующих наук, обращаю внимание на то, что помогает проникнуть в смысл этого сложного памятника русской письменности и культуры.

Можно говорить о нескольких источниках, использованных при создании календаря. Первым из них был краткий календарь-таблицы соотношения счета дней с нарастающими числами по древнеримскому счету от календ, ид и нон, что находится в приложении к календарному трактату о древнеримском счете дней от календ, ид и нон в составе древнеславянской кормчей Ефремовской редакции.

Начало этого древнего календаря, переведенного вместе с трактатом и бывшего источником нашего календаря, выглядит так:

	М(ѣ)с(я)ць генварь	
~	а.	каланди генъваря
г.	прѣж(е) .г.	нонъ геноуаря
е.		нонъ геноуаря.
~	з.	прѣж(е) .з. идоусъ геноуаря
~	ѳ.	прѣж(е) .е. идоусъ геноуаря
~	аі,	прѣж(е) <.г.> идоусъ генъваря
~	гі.	идоуса генваря
~	еі.	прѣж(е) .іі. календъ февваря
~	зі.	прѣж(е) .сі. календъ февваря . . .

Далее продолжаютя нечетные числа, затем четные числа января (перебиваемые числами февраля) и месяца февраль, март и апрель кончая датой «каланди маяя» (1 мая), после чего дается указание, на основании которого и могла быть продолжена таблица соотношения древнеримского и русского календарей: «Подобаеть видити, яко же генварь м(ѣ)с(я)ць, так и августъ и декабрь, аще и именъима измѣняетася тако. Яко же и мартъ, тако и май, и юлии, и октябр(ь). Тако яко же и апрель, тако и июнь, и сентябрь, и ноябрь».⁴

Эта краткая таблица была переработана в полную годовую таблицу соответствия древнеримского счета порядку с нарастающими числами. При этом скорее всего для упрощения были опущены указания на то, какого (того же или следующего) месяца календы, ноны и иды имеются в виду в соответствующий день (например, 9 января — это 5 день перед идами января, но 15 января — это 18 день перед календами февраля, а не января). Такие упрощения, вносящие трудности в расшифровки дат, известны и в западноевропейском и в русском источниковедении.⁵

Поскольку и краткий (древнеславянский) и распространенный (русский) календари оба находятся в приложении к календарному трактату, а вторичность последнего относительно первого несомненна (об истории

данных средневековой русской письменности — сообщения о частичном затмении солнца в Лаврентьевской летописи под 6714 (1206/7) г. и более поздних памятников: «Остало бо ся его [солнца] бяше акы мѣсяць в нѣзгѣтъи а—го дне» (ПСРЛ, т. I, М., 1962, стб. 428). См. также: С р е з н е в с к и й, т. II, стб. 336. «Тем же лунамъ превращение и обращение, сиречь настатие и ущербление» — «Наука красноречия, си есть риторика», XVIII в. (Материалы Картотеки древнерусского словаря ИРЯ АН СССР, использованные благодаря любезной помощи В. Я. Дерягина).

⁴ ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 207, л. 285 об.

⁵ F. K. G i n z e l. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie, Bd III. Leipzig, 1914, S. 116.

текста кормчих, содержащих трактат с распространенным календарем, говорится ниже), есть все основания связывать переработку и компиляцию в таблицах сведений из нескольких источников с Русью.

Трактат озаглавлен: «Великого Книжника антиохийскаго о каландѣхъ, и о нонѣхъ, и о идусѣхъ възъглашеніе къ инѣм другомъ». В нем говорится, что у римлян в начале существовал лунный календарь, который затем был заменен солнечным с 365 днями в году, плюс дополнительно «вискость» каждый четвертый год. Затем подробно рассказывается о календах, нонах и идах, их происхождении, значении этих слов и счете дней с примерами.⁶ Хотя греческий оригинал славянского текста трактата несомненен, он все еще не введен в науку, несмотря на то что на этот чрезвычайно интересный для истории и византийской и славянской культуры памятник было обращено внимание еще в 1925 г. Сообщавший тогда о нем В. Н. Бенешевич предположил, что автором, скрывающимся под непонятным именем «Великий книжник», был аноним, известный как Риторий Египтянин.⁷ Об этом астрологе рубежа V—VI вв., жившем в Константинополе и передавшем науке средневековья астрологические знания античности, известно немного.⁸ Предположение В. Н. Бенешевича до сих пор остается непровергнутым, но и не подтвержденным.

Вторым основным источником нашего календаря, из которого были заимствованы памяти святых и праздники, был русский месяцеслов того типа, что включен в так называемый канонник Скалигера — русскую рукопись 1331/32 гг., который полностью воспроизводит структуру трех последних колонок нашего календаря: вруцелета, числа месяца и имени святых, а кроме того содержит сведения о длине дня и ночи в часах:

М(ѣся)ць генварь рек(омы) просинець имат(ь) днии ла. Д(е)нь иматъ час(ов) і̃, в нош(и) дї̃.

з̃.	а̃.	© о(т)ца Василья
а̃.	в̃.	© о(т)ца Сіливерьста
в̃.	г̃.	© муч(еника) Гордѣя
г̃.	д̃.	© муч(еника) Фепонта (!)
д̃.	е̃.	© пр(о)р(о)к(а) Малахія
е̃.	г̃.	© Богоявленье г(оспод)не... ⁹

Указания на длину дня и ночи, славянские названия месяцев широко распространены в древнерусской письменности. Одно из ранних — в Стихираре XII в.: «М(ѣ)с(я)ць февварь рекомы сѣчьнь, иматъ днии ки̃. Д(е)нь имат(ь) час(ов) аі̃, а ноць гї̃».¹⁰

⁶ Трактат «Великого Книжника» по спискам древнеславянской кормчей Ефремовской редакции в настоящее время подготовлен к изданию в книге «Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича. Том II» (Издательство Болгарской Академии Наук). По Рогожскому списку, в котором находится только первая половина трактата, он опубликован: Я. Н. Щапов. Новый список кормчей Ефремовской редакции. — В кн.: Источники и историографии славянского средневековья. М., 1967, с. 261—262.

⁷ W. B e n e š e v i č. Spuren der Werke des Ägypters Rhetorios, des Livius Andronicus und des Ovidius in altslavischer Übersetzung. — Byzantinische Zeitschrift, Bd 25, 1925, S. 310—312.

⁸ О Ритории и литературе о нем см.: P a u l y - W i s s o w a - K r o l l. Realencyclopädie, Suppl. V. München, 1931, col. 731.

⁹ A. H. V a n d e r B a r r. A Russian Church slavonic Kanonnik (1331—1332). The Hague—Paris, 1968, p. 271—276.

¹⁰ П. А. Лавровскій. Описание семи рукописей имп. Публичной библиотеки. — ЧОИДР, 1858, кн. 4, с. 35.

Сравнение имен в шестой колонке с именами Мстиславова евангелия 1115—1117 гг.¹¹ с именами в других русских месяцесловах, сведенными в труде Сергия,¹² в месяцеслове канонника Скалигера, показывает, что в основе этого ряда лежит древнерусский месяцеслов, имевший широкое распространение с XI в., начиная со служебных миней конца этого века, а в отличающихся чтениях — в одних случаях близкий к минеям (28 января Ефрема, обретение мощей в Евгении 22 февраля, Феоктириста 29 февраля, Мокия 11 мая, Евсевия 24 августа, нерукотворного образа 16 августа, Евтихия 24 августа, Корнилия 13 сентября, Кондрата 21 сентября, Иолия 19 октября, Нестера 27 октября, Ареста 10 ноября, Георгия 26 ноября и др.), в других — к именам Мстиславова евангелия. С последним совпадают памяти Нестора 28 февраля, Симеона 13 сентября и др. К редким на Руси упоминаниям, судя по данным Сергия, принадлежит память Онисифора 16 июля (также в греческих синоксарях), Варипсавы 10 сентября (также в охридском славянском евангелии XII—XIII вв. и греческих синоксарях). Особенностью нашего месяцеслова (во всех трех его списках) является упоминание Феофила вместо Феофана (исповедника) 12 марта, Марка евангелиста вместо Марка, епископа арефусийского 29 марта. Вероятно, это описки писца архетипного текста календаря. О таких описках в отдельных рукописях говорится ниже. Совершенно неизвестно Сергию упоминание 18 мая Стефаниды. Память мученицы Стефаниды отмечается всегда 11 ноября. Что касается имени Фотиана, которое есть и в каноннике Скалигера, то не могло ли оно возникнуть из двух имен, празднуемых в этот день: Фоти(а), Ан(икиты)?

Важно употребление в календаре русских форм двух имен: апостола Насона вместо апостола Иасона 28 апреля (в Мстиславовом евангелии — Асона) и Нерона вместо Иерона 7 ноября. Эти формы имен есть в именованном каноннике Скалигера. Греческие имена получили на Руси эти своеобразные формы, совпадающие с римскими именами, бывшие, вероятно, более удобными в произношении. Судя по фамилиям Насонов, Неронов, эти имена получили широкое распространение еще до XVI—XVII вв.,¹³ но появились, следовательно, еще в XIV в. Позднее (в XVII в.?) они вновь были заменены греческими формами.

Особый интерес представляет упоминание в месяцеслове 26 ноября «Алимпия, Георгия». Память Георгия — это день освящения митрополитом Иларионом ктиторской церкви святого Георгия «спред враты святыя София», построенной князем Ярославом, которое относится по датам совместной деятельности обоих к 1051—началу 1054 г. Это Юрьев день осенний, хорошо известный по более поздним документам. И сама память, и проложное сказание в нескольких его видах получили значительное распространение еще во второй половине XI в. Память Георгия есть уже в древнерусской служебной минее за ноябрь 1097 г.¹⁴ Освящение церкви святого Георгия упоминается в русских и южнославянских рукописях, проложные повести известны в списках начиная с XIII—XIV вв.¹⁵

Чтение «Алимпия, Георгия» есть только в Тихомировском списке нашего календаря, в Рогожском и Егоровском упоминается один Алимпий.

¹¹ П. С. Билярский. Состав и месяцеслов Мстиславова списка евангелия. Извлечено из сочинения проф. К. И. Невоструева. — ИпоРЯС, т. X, 1861, вып. 2, стб. 110—137.

¹² Сергий. Православный месяцеслов Востока, т. II. Владимир, 1901.

¹³ С. Б. Веселовский. 1) Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974, с. 219; 2) Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 354—355, 362.

¹⁴ И. В. Ягич. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь по рукописям московской Синодальной библиотеки 1095—1097 гг. СПб., 1866.

¹⁵ В. К. и г. z. *Evangeliarium Assemani. Codex Vaticanus 3 slavicus glagoliticus*. П. Прага, 1955; (ГИМ, Хлудовское собр., № 117, XIV—XV вв., л. 161 об.): «кѣ. Свещение стому Георгию. Служ(ба) кѣ апр(ил)я». Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, с. 122—126.

Такие отличия есть и в других случаях.¹⁶ В каноннике Скалигера упомянут также один Алимпий. В данном случае есть больше оснований видеть вставку в протографе Тихомировского списка, чем пропуск в архетипе двух других: значение Юрьева дня осеннего в XV—XVI вв. в общественной жизни России росло, а не уменьшалось. Не все сведения нашего календаря находят аналогии в выявленных двух источниках. Вне их остаются указания на числа лун в месяце и время «настает луны» в вводных разделах, колонка золотых чисел в таблицах месяцев и сведения о длине тени в солнечных часах в заключительных разделах месяцев.

Не исключено, что часть этих сведений, например время рождения луны (новолуния) в часах, могла быть включена в календарь на основании местных, опытных данных. Исчисление времени на Руси в часах дня и ночи было хорошо известно; например, в Псковской летописи указано: «В лето 6894 (1386). Погоре весь Псков. . . , а загорелось маиа в 8, в 6 час дни, а до 9-го часа весь град погоре».¹⁷ Что же касается применения для такого исчисления длины солнечной тени в стопах, то в русских и вообще славянских источниках такого значения стопы не отмечено.¹⁸ Хотя солнечные часы знали еще в древности, это обстоятельство может указывать на то, что для точного измерения времени, до часу, в Восточной Европе обычно пользовались не солнечными часами, а другими способами. В этом случае данные нашего календаря или являлись местным достижением там, где он составлялся, или были заимствованы из еще одного письменного источника, сохранившего сведения античной науки.

Этот дополнительный источник месяцеслова представлял собой, очевидно, календарь, содержавший и даты от календ, ид и нон, и золотые, и воскресные числа.

В западноевропейских (католических, с латинской письменностью) странах в VIII—XVI вв. известны таблицы, содержащие ряд элементов нашего календаря. Вот как, например, выглядит начало таблицы января в оксфордском календаре 1337 г.:

III	A	K(a)(endae)	Ian(uarii). Circumcisio Domini
	b	III Noni	Oct(ava) s(an)c(t)i Stephani
XI	c	III Noni	Genovefe virg(inae). Oct(ava) s(ancti) Iohannis
	d	II Noni	Oct(ava) s(ancti) Innocencii
XIX	e	Nonas	S(an)c(t)i Symeonis confes(soris)
VIII	f	VIII Id(us)	Epiphania D(omi)ni. S(an)c(t)i Melani
	g	VII Id(us)	Luciani epi(scopi). Max(imilia)ni et Iuliani mar(tyrum)
XVI	A	VI Id(us)	

и т. д.¹⁹

В этих календарях также указываются памяти святых, принятые в римской церкви, приводятся там и сведения о числе дней в месяце, числе часов в дне и ночи (например, в календаре около 1505 г.: *Ianuarus habet dies XXXI, luna XXX. Nox habet horas XVI, dies vero VIII*).²⁰

¹⁶ Кира и Иоанна 31 января в Р и Е, в Т только Кира. Александру 2, Дионисию 2 15 марта в Т и Е, в Р только Александру 2. Марка евангелиста и Кюрила 29 марта в Р, в Т и Е только Марка евангелиста. Андреяна и Натальи 26 августа в Р, в Т и Е только Андреяна. Фирса и Леукия 14 декабря в Т и Е, в Р только Фирса.

¹⁷ Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, с. 29. См. также: Д. И. Прозоровский. О старинном русском счислении часов. — В кн.: Труды 2-го археологического съезда, вып. 2. СПб., 1881, с. 105—184.

¹⁸ См., например, специальные работы: Г. Я. Романова. Наименования мер длины в русском языке. М., 1975, с. 81—87; Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология. М., 1975.

¹⁹ *The Ansient Kalendar of the University of Oxford*. Ed. by Ch. Wordsworth. Oxford, 1904, p. XIV.

²⁰ *The Ansient Kalendar*. . . , p. 46.

Золотые числа, например января, по этим календарям составляли следующий ряд:

Числа месяца	Золотые числа	Числа месяца	Золотые числа	Числа месяца	Золотые числа	Числа месяца	Золотые числа	Числа месяца	Золотые числа	Числа месяца	Золотые числа
1	3	6	8	11	13	16	18	21		26	
2		7		12	2	17	7	22	12	27	17
3	11	8	16	13		18		23	1	28	6
4		9	5	14	10	19	15	24		29	
5	19	10		15		20	4	25	9	30	14
										31	3 ²¹

В високосном году эти числа сдвигались на единицу.

Этот ряд в 20 случаях из 31 совпадает с рядом в третьей колонке нашего календаря за январь, причем в некоторых случаях несовпадения (например, в отсутствии цифры $\bar{5}$ 28 января) можно видеть случайный пропуск.²² Примерно та же степень соответствия и в колонках 2 или 3 других месяцев, что свидетельствует об использовании при создании нашего месяцеслова календаря с золотыми числами.

Числа в табличках длины солнечной тени также значительно искажены. Для реконструкции первоначальных чисел мной была составлена рабочая таблица, представлявшая сводку данных из рукописей. На ее основе создана прилагаемая таблица, в которой даются значения, восстанавливаемые на основании данных другого (симметричного по отношению к полудню) часа той же длины с учетом естественного постепенного изменения длины тени по месяцам. В скобках предлагаются данные, не находящие подтверждения в списках.

Месяцы, часы	XII	I	XI	II	X	III	IX	IV	VIII	V	VII	VI
1 и 11	2(6) ^{1/2}	27	26		25 ^{1/2}	25		24 ^{1/2}		22		15
2 и 10	18 ^{1/2}	17	18		15 ^{1/2}	15		12 ^{1/2}		11		10
3 и 9	14 ^{1/2}	15	14	14 ^{1/2}	13 ^{1/2}	11		8 ^{1/2}		8		7
4 и 8	12 ^{1/2}	10	11	8 ^{1/2}	10 ^{1/2}	8		6 ^{1/2}	4 ^{1/2}	5		2 ^{1/2}
5 и 7	9 ^{1/2}	8	9	6 ^{1/2}	8 ^{1/2}	6		3 ^{1/2}		3	2 ^{1/2}	1 ^{1/2}
6	8 ^{1/2}	7	8	(4 ^{1/2})	7 ^{1/2}	4		2 ^{1/2}		2		(1/2)

Эти данные месяцеслова можно сравнить с опубликованными сведениями, которые содержатся у Беда Достопочтенного (VIII в.), а также в календаре из Монте-Кассино в Италии (XI в.).

Таблица по Беде имеет следующие числа²³

Часы дня	I и XII	II и XI	III и X	IV и IX	V и VIII	VI и VII
1 и 11	29 стоп (pedes)	27 стоп	25 стоп	23 стопы	21 стопа	19 стоп
2 и 10	19 »	17 »	15 »	13 стоп	11 стоп	9 »
3 и 9	17 »	15 »	13 »	11 »	9 »	7 »
4 и 8	15 »	13 »	11 »	9 »	7 »	5 »
5 и 7	13 »	11 »	9 »	7 »	5 »	3 стопы
6	11 »	9 »	7 »	5 »	3 стопы	1 стопа

²¹ F. K. Ginz el. Handbuch. . . , S. 137, 422—424 (tabl. IV). См. также: Н. К. Степанов. Календарно-хронологический справочник. — ЧОИДР, 1917, кв. 1, с. 104, табл. 32.

²² Можно указать и на другие ошибки в архетипе календаря, такие, например, как обозначение 6—7 сентября ногами (а не идами) и 14—15 сентября идами (а не календами), хотя числа от пд и календ указаны верно.

²³ F. K. Ginz el. Handbuch. . . , S. 88.

Как можно видеть, на гномоне у Беды тени более длинные, чем в нашем календаре; это свидетельствует о том, что его календарные данные соответствуют более высокой широте. Монастыри в североанглийском королевстве Нортумбрии, где он работал, расположены на примерной широте Гданьска, Смоленска и Рязани.

В календаре IX в. из Монте-Кассино (монастыря, расположенного между Римом и Неаполем) в дополнениях, принадлежащих XI в., находится таблица только на январь месяц.²⁴

Часы дня

1 и 11	27	стоп	
2 и 10	17	»	
3 и 9	18	»	(«pedes XVIII») ²⁵
4 и 8	11	»	
5 и 7	8	»	
6	7	»	

Цифры, обозначающие длины январских теней в нашем календаре, оказывается почти полностью совпадают с цифрами южного календаря из Монте-Кассино и соответствуют, следовательно, широте средней Италии, Константинополя и примерно Афона.

Для определения места, времени и условий, в которых был составлен наш календарь, важный и определяющий материал дает изучение состава рукописей, в которых он сохранился. Это списки кормчей книги Русской редакции в особой обработке, близкой новгородскому Синодальному списку 1282 г., Варсонофьевскому списку конца XIV в. и ряду списков XV—XVI вв. Их общий архетип был создан в Северо-Восточной Руси в 1278/79 гг., как об этом свидетельствует входящая в них Русская редакция «Летописца вскоре Никифора патриарха», оканчивающаяся ростовскими известиями 1277 и 1278 гг. Однако в составе этой архетипной кормчей трактата о древнеримском счете времени с календарем-таблицей (в краткой или распространенной форме), вероятно, не было, ибо в Варсонофьевском списке, отражающем дальнейшее развитие этого текста в Северо-Восточной Руси, этих памятников нет, они есть только в обработках, связываемых с Северо-Западной Русью, и в Софийской редакции, соединяющей обе эти линии, куда трактат входит в том сокращенном виде (совсем без календарных таблиц), какой имеет и новгородский список 1282 г.

Есть основание поэтому связывать включение в кормчую трактата вместе с таблицами с возникновением северо-западной, новгородско-псковской линии развития сборника. Важно, что в Синодальном списке 1282 г. трактат находится в усеченном виде. Сокращение табличных материалов при создании этого списка (или его протографа) известно и в другом случае: в сказании «о чувствах телесных» Максима Исповедника оставлены вводные разделы, а основная часть, в виде таблиц, не переписана (л. 547). В псковских Тихомировском и Рогожском списках трактат сопровождается календарными таблицами в расширенном виде. В Егоровском списке, возможно, также псковском, находятся те же расширенные таблицы.

Где — в Новгороде или в Пскове — в составе кормчей появились в приложении к трактату расширенные календарные таблицы? Указанное сокращение табличных материалов в Синодальном списке не позволяет ответить на этот вопрос с абсолютной уверенностью. Однако то, что календарь сохранился в двух несомненно псковских списках, принадлежащих к тому же к разным изводам текста и не связанных между собой не-

²⁴ E. A. L o e w. Die ältesten Kalendarien aus Monte Cassino. München, 1908, S. 37.

²⁵ Очевидно, описка — вместо pedes XV.

посредственно, но только через общий, тоже псковский, архетип, позволяет все же считать, что эта работа могла быть выполнена во Пскове.

На псковское происхождение Тихомировского и Рогожского списков кормчей указывает включение в их состав посланий во Псков. В Тихомировском списке в конце основной части кормчей находится послание митрополита Фотия во Псков 1422 (или 1425) г.,²⁶ а позднее в нее было вписано более раннее послание (1416 г.) того же иерарха.²⁷ Кормчая имеет владельческую запись «дьяка» псковской церкви Ивана Богослова. В Рогожском списке находится 13 посланий Киприана, Фотия и Евфимия новгородского 1392—1426 гг., начиная от послания Фотия о стригольниках 1416 г.²⁸ Можно думать, что эти послания, откладываясь в троицком «ларе», вписывались затем в списки кормчих, выходявшие из Троицкого собора.

Время возникновения календаря может быть определено только приблизительно. На верхний хронологический предел указывает дата послания Фотия — 1422 (или 1425) год в старшем Тихомировском списке. Нижней границей можно считать начало 1280-х гг., время возникновения новгородской кормчей — архетипа Синодального и псковских списков, в котором таблиц еще нет. Таким образом, на этом этапе исследования календарь не может быть датирован временем более узким, чем конец XIII—первая четверть XV в.

Новгород и Псков XIV—первой половины XV в. отличались высоким уровнем городской жизни, значительным распространением грамотности, развитой культурой и письменностью. Создание здесь сложного календаря с использованием западноевропейских источников вполне возможно.

Различие в церковно-политической ориентации русских городов Пскова и Новгорода и западных их соседей, обусловленное принадлежностью их к различным (при их европейской, феодальной и христианской общности) культурно-историческим регионам, препятствовало восприятию одной стороной общекультурных достижений, накопленных другой. Этому еще больше мешала крестоносная агрессия в Прибалтике и на северо-западных русских землях, угрожавшая непосредственно Пскову. Однако связи продолжали существовать.

Есть сообщения о приеме псковичами «немецких гостей» в 1362 г., об обмене послами между Псковом и Новым городком (Нейгаузенем) в 1414 г.,²⁹ причем один из псковских послов был там убит, а другой заключен в погреб. В связи с восстановлением мира в 1415 г. была договоренность об обмене гостями и послами. В XV в. во Пскове использовались немецкие товары, в частности, там монахи шили одежду из «немецких суконов», а при крещении применяли миро западного происхождения, а не привезенное из Константинополя.³⁰ Орден препятствовал ганзейской торговле с Русью.³¹ Когда в 1420 г. понадобился мастер для ремонта кровли Троицкого собора, обращение в Юрьев (Дерпт) оказалось безрезультатным: «. . .погании не даша мастера». Только из Москвы был прислан такой мастер, научивший псковичей своему искусству.³² В Пскове неоднократно вспыхивали эпидемии, причем в начале XV в. там считали, что «пришел тот мор из Юрьева от немец».³³

При общении с немецкими и норвежскими купцами в Новгороде и Пскове было важно знать и применяемые на Западе системы счисления дней и праздников. В документах прибалтийских городов, писанных на

²⁶ РИБ, т. VI. СПб., 1908, № 51.

²⁷ Там же, № 43.

²⁸ Там же, № 42.

²⁹ Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, с. 23; вып. 2, с. 27, 36.

³⁰ РИБ, т. VI, стб. 209, 495.

³¹ А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, с. 310 и след.

³² Псковские летописи, вып. 2, с. 37.

³³ Псковские летописи, вып. 1, с. 27; вып. 2, с. 31 (1404 г.), с. 38 (1420 г.).

латинском языке, датировки от календ, ид и нон сохраняются вплоть до XVI в., в то время как в документах на немецком языке, как и на Руси, даты указывались по христианским праздникам. Древнеримские даты применялись при составлении дипломатических документов на латинском языке и на Руси. Так, договорная грамота Новгорода с Норвегией о мире 1326 г., составленная в этом городе, имеет дату «III nonas iunii» (за три дня до июньских нон).³⁴

Практическое значение наших календарных таблиц для Пскова (не в меньшей степени и для Новгорода) представляется несомненным. Однако такими были, вероятно, не все сведения календаря. Сравнение таблиц длины солнечной тени с двумя опубликованными подобными таблицами показало, что псковские таблицы соответствуют значительно более южным широтам и не могли успешно применяться в Северной Руси. Можно считать поэтому, что составитель свел в своем труде календарно-астрономические сведения из источников независимо от их практического значения. Интересуясь и трактатом, и таблицами как произведениями календарной литературы, а не только как практическим руководством, он включил в эти таблицы и те сведения, которые лишь при дальнейшем использовании могли быть исправлены и еще более приближены к местным условиям. Однако такой возможный новый этап рецепции календаря русскими компютистами в известных нам рукописях не отразился.

Соответствие таблиц длины солнечной тени южным широтам говорит о том, что эти сведения не обязательно проникли непосредственно с запада, из немецких или прибалтийских земель. Такой источник мог быть и южным, хотя нужно учитывать, что в поздней Византии древнеримский счет не был распространен.³⁵

В какой мере этот календарь был распространен на Руси вне Пскова?

Анализируя случаи применения древнеримского счета дней от календ в русской оригинальной письменности, я предположил, что противоречивая датировка записи Сийского евангелия 1340 г. («въ 5-и каландъ месяца марта. . .» високосного года) может быть объяснена обычным в западном средневековье неправильным употреблением названия текущего месяца вместо последующего при применении счета от календ этого последующего месяца. В таком случае дата записи должна быть не 5 марта, а 28 марта 1340 г.³⁶ Привлечение публикуемого русского календаря XIV—XV вв. позволяет подкрепить эту гипотезу местным материалом: дата «прежде 5 календ» и в этом календаре стоит в таблице «месяць мартъ реком(ы) сухий» без указания на отсчет от апреля и соответствует, следовательно, 28 марта. Это подтверждает указанную дату записи.

Вместе с тем применение такой измененной формы счета от календ свидетельствует о том, что московские писцы Сийского евангелия были знакомы с древнеримским счетом по календарю, имевшему ту же форму, что и публикуемые здесь таблицы. Как было показано в начале, календарь в кормчей Древнеславянской редакции сохранил первоначальную, правильную, форму датировки с указанием на то, что в последних числах месяца счет велся от календ последующего месяца, и при пользовании такими таблицами ошибочная датировка была почти исключена. Это позволяет считать, что таблицы, близкие к нашему календарю, были известны в середине XIV в. и в Москве, причем дата Сийского евангелия указывает на создание этих таблиц еще до 1340 г. Однако включал ли этот календарь уже все важные составные части публикуемого памятника — и памяти святых, и таблицы длины теней в стопах, сказать нельзя.

³⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, с. 70, № 39.

³⁵ V. G u i t h e l. La chronologie. Paris, 1958, p. 175—176.

³⁶ Я. Н. Щ а п о в. Древнеримский календарь на Руси, с. 340—341.

Публикуемый месяцеслов известен мне в трех списках кормчей одного состава.³⁷

1) Тихомировский список (*T*)³⁸ второй четверти XV в., без пагинации, в лист, в два столбца. Список использован по фотокопии с микрофильма.

2) Рогожский список (*P*)³⁹ первой половины XVI в., л. 598 об.—608 об., в 4°. В списке киноварью выделены целиком вводные (о названиях месяцев, числе дней, часов и пр.) и заключительные (о длине тени в стопах) разделы в каждом месяце, инициал П в слове «преже» в первой колонке таблицы, все числа во второй и четвертой колонках и кружки вокруг буквы «с» (святого) в шестой колонке. Во второй колонке таблицы 6, 13, 21 и 28 февраля киноварью даются дополнительные указания чисел со словом нед (неделя?). На л. 598 после текста трактата Великого книжника и перед календарем находится посторонняя вставка (первоначально, вероятно, маргиналия), представляющая краткую уставную запись о праве попа, оставившего службу в церкви до установленного срока, на ее оплату.⁴⁰

3) Егоровский список (*E*)⁴¹ 1567 г., л. 470—478 об., в лист. Киноварью выделены те же буквы и числа, что и в списке *P*. В *E* трижды киноварью даются дополнительные ряды чисел: в промежутке страницы после сведений о числе стоп в часах марта и перед началом апреля (л. 472), на нижнем поле листа после таких же сведений апреля (л. 472 об.) и на нижнем поле л. 473 об., на котором закончилась таблица мая, после дня 13 июня. В последнем ряде чисел содержатся также упоминания месяцев: «мар .sī. сеп .ѿ.»

Все списки отличаются многими неисправностями и описками. В Тихомировском — описки при обозначении имен: Пополѹта вместо Исполѹта 30 января, Трофима вместо Трифона 1 февраля, Вакоула вместо Воукола 6 февраля;⁴² неоднократны галлографические пропуски (и, в августе, удвоения) в таблицах часов, искажение еѣ в ѣ во второй колонке 18 января, с 24 по 30 марта ошибочно сдвинуты числа второй и третьей колонок с опозданием на один день и соответственно пропуском числа 31 марта. В Рогожском списке ошибочными являются чтения: Еуфим(ия) вместо Еупсихия 9 апреля, Иоанна «Пателаре(я)» вместо «Палеврита» 19 апреля, Феодора «Тирона» вместо «Трихина» 20 апреля, Власия вместо Василия 26 апреля; описки: Памоила вместо Самоила 20 августа, мч веиелизара вместо макавеи елизара 1 августа, опущена память Панкратия 9 июля, в результате чего памяти 9—15 июля оказались сдвинутыми на один день вперед, а Онисифор упомянут дважды. Есть пропуски в вводных текстах к таблицам месяцев. В Егоровском списке дважды ошибочно сдвинуты на один день числа второй и третьей колонок в начале мая и между 9 и 23 ноября.

В качестве основного даю Тихомировский список как старший и не имеющий вставок, отличающих списки *P* и *E*, а чтения этих двух изданы в вариантах. В основной текст в квадратных скобках внесены только дополнения из *P* и *E*, которые могли находиться в предполагаемом архетипе памятника, но были случайно опущены в *T*. Все чтения *T*, даже те, которые являются описками писца, не исправляются, но печатаются пол-

³⁷ О списках и истории их состава см.: Я. Н. Щ а п о в. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 225—233, 273—275.

³⁸ Библиотека Сибирского отделения АН СССР, собр. Тихомирова, № 39 р.

³⁹ ГБЛ, Рогожское собр., № 256.

⁴⁰ Текст ее опубликован: Я. Н. Щ а п о в. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси, с. 232.

⁴¹ ГБЛ, собр. Егорова, № 931.

⁴² О русских формах этого имени см.: Б. А. У с п е н с к и й. Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М., 1969, с. 248—250.

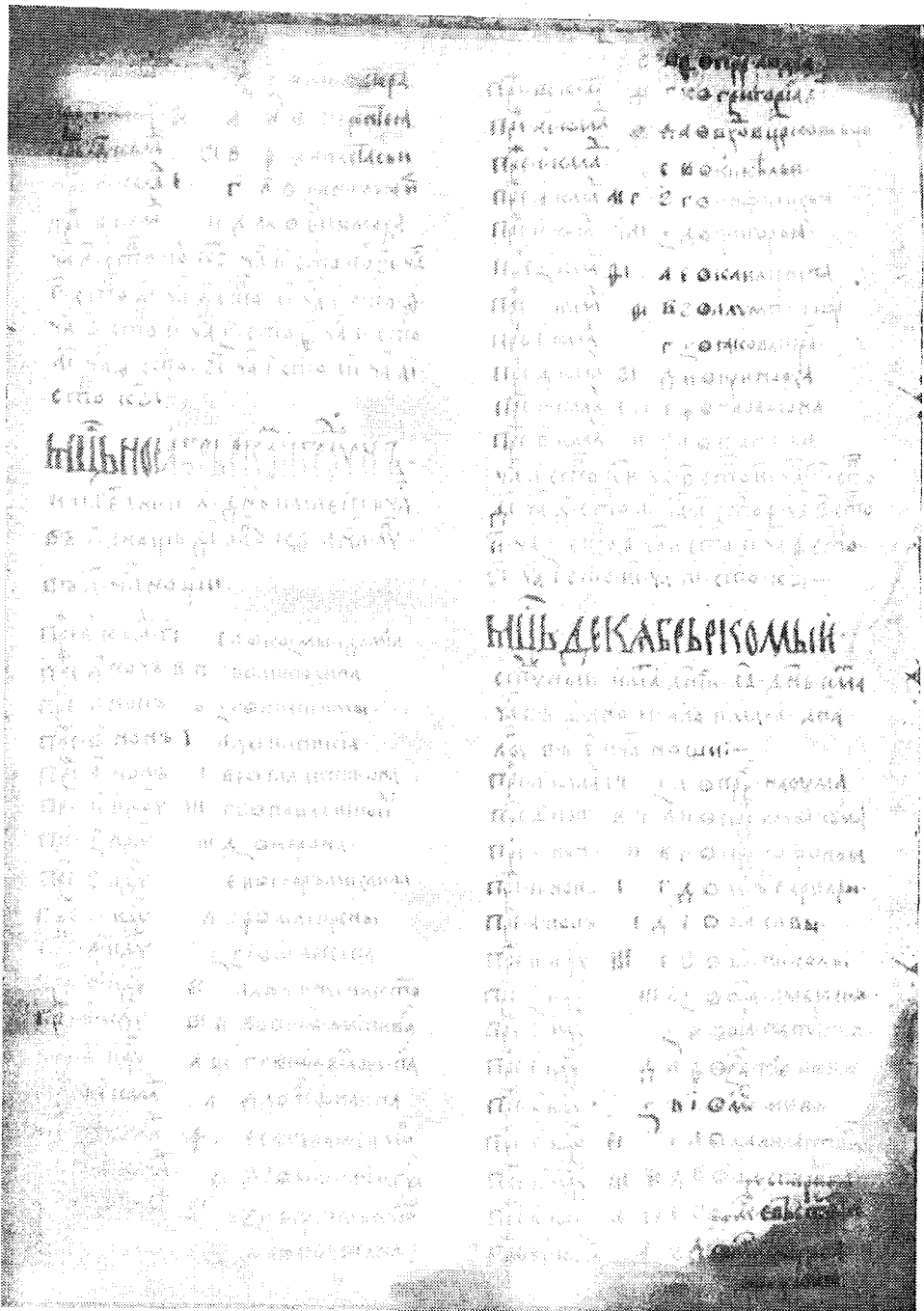

Таблица ноября и декабря
 (Библиотека Сибирского отделения АН СССР, собр. Тихомирова, № 39 р.).

пре	д	нонъ	д	л	ε	в	о	днрвннн
пре	г	нонъ		д	з	г	о	снннннннн
пре	в	нонъ			з	д	о	снннннннн
пре	а	нонъ	д		а	г	о	снннннннн
пре	и	нонъ	д	с	а	з	о	снннннннн
пре	з	нонъ		и	г	з	о	снннннннн
пре	с	нонъ	г		д	н	о	снннннннн
пре	т	нонъ	б	с	ε	д	о	снннннннн
пре	д	нонъ		в	з	т	о	снннннннн
пре	г	нонъ	т		з	а	о	снннннннн
пре	в	нонъ		т	а	в	о	снннннннн
пре	а	нонъ	ннн.		в	г	о	снннннннн
пре	з	нонъ		и	г	д	о	снннннннн
пре	в	нонъ			д	г	о	снннннннн
пре	д	нонъ	д		ε	з	о	снннннннн
пре	и	нонъ			з	з	о	снннннннн
пре	з	нонъ		з	з	н	о	снннннннн
пре	в	нонъ	и		а	д	о	снннннннн
пре	а	нонъ	д	и	в	к	о	снннннннн
пре	и	нонъ	д	и	г	а	о	снннннннн
пре	з	нонъ		а	д	а	ε	снннннннн
пре	в	нонъ	д		ε	г	о	снннннннн
пре	с	нонъ		д	з	д	о	снннннннн

Таблица февраля с дополнениями в третьей колонке
 (ГБЛ, Рогожское собр., № 256, л. 599 об.).

прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ

II
 III
 IV
 V
 VI
 VII
 VIII
 IX
 X
 XI
 XII
 XIII
 XIV
 XV
 XVI
 XVII
 XVIII
 XIX
 XX
 XXI
 XXII
 XXIII
 XXIV
 XXV
 XXVI
 XXVII
 XXVIII
 XXIX
 XXX

У прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ
 прѣже и мѣсяцъ зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ и зѣльсѣ

100 100 100 100 100 100 100 100 100 100
 100 100 100 100 100 100 100 100 100 100

Таблицы мая и июня с дополнительным рядом чисел
 (ГБЛ, собр. Егорова, № 931, л. 473 об.).

ностью, поскольку сложный характер памятника с большим количеством числовых данных, подлежащих текстологическому и календарно-астрономическому изучению и исправлению, требует в первичном его издании, каким и является это, сохранения всех особенностей списка.

При публикации основного списка титла раскрываются, надстрочные буквы вносятся в строку, но выделяются курсивом, пропущенные буквы, в том числе в конце слов и слогов, вставляются в круглых скобках; при этой реконструкции используются чтения двух других списков. Сохраняются буквы *і*, *ѣ*, *ѿ* (встречается только в *P* и *E*), *ѵ*; заменяются буквы: йотированная «а» и малый юс на «я», высокая «ук» на «у», «от» на «о», «кси» (встречается только в *T*) на «кс». Широкая «е» в значении йотированной применяется в *T* и *P* в начале имен и после гласных (в издании она не выделяется). В списках не встречены йотированная «е», большой юс и зело в буквенном значении. Буквенная цифирь в текстах сохраняется. В вариантах сокращенные чтения даются без раскрытия, но с внесением в строку надстрочных букв.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

М(ѣ)с(я)ць генварь рек(о)мы просинец има(е)т дни ља, а¹ лун љ. *T* стб. а
Д(е)нь имаеѣ час(ов) *і*², а ноцѣ дї. А лоун(ы)³ нас(татие) въ з-и⁴ час *P*. л. 198
нощи. *об.*
E
л. 470

Преж(е)	<i>а</i>	кала(н)ѿ	<i>дї</i>	<i>а</i>	<i>а</i>	Ⓢ о(т)ца Васіліа	
Преж(е)	<i>д</i>	нонѣ	<i>аі</i>	<i>в</i>	<i>в</i>	Ⓢ о(т)ца Селивестра	
Преж(е)	<i>г</i>	нонѣ	<i>аі</i>	<i>г</i>	<i>г</i>	Ⓢ Малахія	
Преж(е)	<i>в</i>	нонѣ	<i>ѿі</i>	<i>д</i>	<i>д</i>	Ⓢ Феопента ⁵	
Преж(е)	<i>а</i>	нонѣ	<i>ѿі</i>	<i>е</i>	<i>е</i>	Ⓢ Аполинаріи	
Преж(е)	<i>и</i>	идус		<i>с</i>	<i>с</i>	Ⓢ кр(е)щеніе г(о)с(под)не	
Преж(е)	<i>з</i>	идус	<i>сі</i>	<i>з</i>	<i>з</i>	Ⓢ сборъ Іо(анна) Пред(течи) ⁶	
Преж(е)	<i>с</i>	идус	<i>сі</i>	<i>а</i>	<i>и</i>	Ⓢ Домники ⁷	
Преж(е)	<i>е</i>	идус	<i>и</i>	<i>в</i>	<i>ѿ</i>	Ⓢ Полѿекта	
Преж(е)	<i>д</i>	идус	<i>гї</i>	<i>г</i>	<i>і</i>	Ⓢ Григорыа	
Преж(е)	<i>г</i>	идус	<i>гї</i>	<i>д</i>	<i>а</i>	Ⓢ Феодосіа	
Преж(е)	<i>в</i>	идус	<i>в</i>	<i>е</i>	<i>в</i>	Ⓢ Татыяны	
Преж(е)	<i>а</i>	идус	<i>і</i>	<i>с</i>	<i>г</i>	Ⓢ Ермолы ⁸	
Преж(е)	<i>ѿі</i>	кала(н)ѿ	<i>і</i>	<i>з</i>	<i>д</i>	Ⓢ о(т)цы ізъбен(ных)	
Преж(е)	<i>иі</i>	кала(н)ѿ	<i>иі</i>	<i>а</i>	<i>е</i>	Ⓢ Іоан(на) Кущник(а)	
Преж(е)	<i>зі</i>	кала(н)ѿ	<i>иі</i>	<i>в</i>	<i>с</i>	Ⓢ <с>паден(ье) веригъ ⁹	
Преж(е)	<i>сі</i>	кала(н)ѿ	<i>д</i>	<i>г</i>	<i>з</i>	Ⓢ о(т)ца Антонь(я)	
Преж(е)	<i>ѿі</i>	кала(н)ѿ	<i>и</i> ¹⁰	<i>зі</i>	<i>д</i>	<i>и</i>	Ⓢ о(т)ца Афонас(ъ)а
Преж(е)	<i>дї</i>	кала(н)ѿ	<i>ѿі</i>	<i>е</i>	<i>ѿ</i>	Ⓢ Макаріа	
Преж(е)	<i>гї</i>	кала(н)ѿ		<i>с</i>	<i>к</i>	Ⓢ Еоуфимыа	
Преж(е)	<i>вї</i>	кала(н)ѿ	<i>вї</i>	<i>з</i>	<i>а</i>	Ⓢ Маѣима	
Преж(е)	<i>аі</i>	кала(н)ѿ	<i>вї</i>	<i>а</i>	<i>в</i>	Ⓢ Тимоф(ѣ)я	
Преж(е)	<i>і</i>	кала(н)ѿ	<i>а</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	Ⓢ Климентя	
Преж(е)	<i>ѿ</i>	кала(н)ѿ	<i>а</i>	<i>г</i>	<i>д</i>	Ⓢ Аоуѣенья ¹¹	
Преж(е)	<i>и</i>	кала(н)ѿ		<i>д</i>	<i>е</i>	Ⓢ Григоріа Бог(ословьца)	

1, 1P нет
Кр(е)ст(ит)ели
E Аксеніи
2P далее Д(е)нь
7E Домникии
8P Ермола
3E лунъ
4P, E нет и
9P веригам
5P Феопента
6P
10P ѿі
11P Оксеыи,
P
л. 389
E
л. 470
об.

Преж(е)	з̄	кала(н)Ѡ	з̄і	е	с	Ⓢ	Ѱ(е)нофонта
Преж(е)	с̄	кала(н)Ѡ	с̄	сі̄ ^{11а}	с̄	з̄	Ⓢ Іоа(нна) Злат(о)устаѠ(о)
Преж(е)	е̄	кала(н)Ѡ					Ⓢ Ефрема
Преж(е)	д̄	кала(н)Ѡ	д̄і	Ѡ̄	а	Ѡ	Ⓢ Игнатіа
Преж(е)	г̄	кала(н)Ѡ	д̄і		в	л ^{11б}	Ⓢ ПополѠт(а) ¹²
Преж(е)	в̄	кала(н)Ѡ	г̄		г	ла ¹³	Ⓢ Кира ¹⁴

Т
стб. а Час̄ а̄ стоп̄ кз̄. Час̄ в̄ стоп̄ з̄і. Час̄ г̄ стоп̄ еі. Час̄ д̄ стоп̄ і. Час̄ е̄
стоп̄ ӣ. Час̄ с̄ стоп̄ з̄. [Час̄ з̄ стоп̄]¹⁵ ӣ. Час̄ ӣ стоп̄ і. Час̄ Ѡ̄ стоп̄ еі.
Час̄ і̄ стоп̄ з̄і. Час̄ аі̄ стоп̄ кз̄.

М(Ѡ)с(я)ць феврал(Ѡ) р(е)ком(ыи) с̄тченъ, іма(е)т̄ д̄ниі к̄и, а лоун̄ к̄Ѡ.
Д(е)нь іма(е)т̄ час(ов) аі̄, а ноць г̄і. А лоун(ы) нас(татіе) в̄ Ѡ̄ час̄ ноци.

<i>Р</i> <i>л. 599</i> <i>об.</i>	Преж(е)	а̄	кал(анд)	аі̄	д	а	Ⓢ м(у)ч(ени)к(а) Трофима ¹⁶	
	Преж(е)	д̄	нон	Ѡі̄	аі̄	е	в	Ⓢ Оустретенъе
	Преж(е)	г̄	нон	Ѡі̄	с	г	Ⓢ СъмеоѠа Б(ог)опрі(и)м(ца)	
	Преж(е)	в̄	нон		з	д	Ⓢ о(т)ца Сидора	
	Преж(е)	а̄	нон	сі̄	а	е	Ⓢ м(у)ч(ени)цѠ АгафѠѠ	
	Преж(е)	ӣ	ідус ¹⁷	е̄	сі̄	в	с	Ⓢ о(т)ца Вакоула ¹⁸
	Преж(е)	з̄	ідус		и	г	з	Ⓢ о(т)ца Парфеніа
	Преж(е)	с̄	ідус	г̄		д	и	Ⓢ пр(о)р(о)к(а) ЗахарѠѠ
	Преж(е)	е̄	ідус	в̄	г̄і	е	Ѡ	Ⓢ м(у)ч(ени)к(а) Никифора
	Преж(е)	д̄	ідус	в̄	с	і		Ⓢ м(у)ч(ени)к(а) Харлампіа
<i>Е</i> <i>л. 471</i>	Преж(е)	г̄	ідус	і̄ ^{18а}	з	а	Ⓢ м(у)ч(ени)к(а) Власыа	
	Преж(е)	в̄	ідус	і̄	а	в	Ⓢ Мелетіа еп(и)с(ко)па ¹⁹	
	Преж(е)	а̄	ідус	иі̄ ²⁰	в	г	Ⓢ о(т)ца Мартина	
	Преж(е)	сі̄	кала(н)Ѡ	иі̄	г	д	Ⓢ АоуѰ(е)нгіа	
	Преж(е)	еі̄	кала(н)Ѡ		д	е	Ⓢ ап(о)с(то)ла Г̄нисима	
	Преж(е)	д̄і	кала(н)Ѡ	д̄	е	с	Ⓢ м(учени)к(а) Памфіла ²¹	
	Преж(е)	г̄і	кала(н)Ѡ		с	з	Ⓢ М(учени)к(а) Феодора Ті- р(она)	
	Преж(е)	ві̄	кала(н)Ѡ		з̄	з	и	Ⓢ о(т)ца Леонтіа
	Преж(е)	аі̄	кала(н)Ѡ	еі̄	а	Ѡ	Ⓢ м(у)ч(ени)к(а) Архипа	
	Преж(е)	і̄	кала(н)Ѡ	ві̄	еі̄	в	к	Ⓢ Леонтіа еп(и)с(ко)п(а) ²²
<i>Р</i> <i>л. 600</i>	Преж(е)	Ѡ̄	кала(н)Ѡ ²³	а̄	ві̄	г	а	Ⓢ ЕвстафѠа
	Преж(е)	ӣ	кала(н)Ѡ	а̄	д̄	в		Ⓢ обрѠт(ение) мощ(ей) в̄ Еоуг(ении) ^{23а}
	Преж(е)	з̄	кала(н)Ѡ	Ѡ̄	е	г		Ⓢ м(у)ч(ени)к(а) ПолѠкарпа ²⁴
	Преж(е)	с̄	кала(н)Ѡ		Ѡ̄	с	д	Ⓢ обрѠт(ение) глав(ы) Іо(ан)н(а) Пр(е)дт(ечи) ²⁵
	Преж(е)	е̄	кала(н)Ѡ	з̄і	з̄	е		Ⓢ о(т)ца Тарасыа
	Преж(е)	д̄	кала(н)Ѡ	з̄і	а	с		Ⓢ Перфурыа еп(и)с(ко)п(а) ²⁶
	Преж(е)	г̄	кала(н)Ѡ	с̄	в	з		Ⓢ Прокопыа

^{11а}Е з̄ ^{11б}Р, Е і ¹²Р ИсполѠта, Е Исполита ¹³Р а ¹⁴Р, Е далее
і Іоанна ¹⁵вставляю из Р, Е ¹⁶Р Трофна, Е ТриѠна ¹⁷Р далее нед
¹⁸Р В̄кола, Е В̄кѠла ^{18а}Е нет ¹⁹Р переставлено епспа Мелетіа
²⁰Р далее нед ²¹Е Памфіла ²²Р переставлено епс Леонтеа ²³Р далее нед г̄
^{23а}Е нет в̄ еоуг ²⁴Р Паликарпа ²⁵Р, Е нет ²⁶Р переставлено епс ПерѠръя

Преж(е) $\bar{в}$ кал(ан)д²⁷ $\bar{дї}$ г и © м(у)ч(ени)к(а) Нестора²⁸ Т
стб. 6
Преж(е) $\bar{а}$ кала(н)д $\bar{дї}$ д е © о(т)ца Феоктириста^{28а}

А²⁹ сего бываеть с(вя)т(о)го памат³⁰ на $\bar{д}$ —е³¹ лѣто егда вис(о)кос.³²
Час $\bar{а}$ стоп ки. Час $\bar{в}$ стоп $\bar{сї}$. Час $\bar{г}$ стоп [пол] $\bar{еї}$.³³ Час $\bar{д}$ стоп(ы) пол $\bar{е}$. Час $\bar{е}$ стоп пол $\bar{з}$. Час $\bar{с}$ стоп(ы) [пол $\bar{і}$. Час $\bar{з}$ стоп(ы)]³⁴ пол $\bar{з}$. Час $\bar{й}$ стоп(ы) пол³⁵ $\bar{е}$. Час $\bar{е}$ стоп(ы) пол $\bar{еї}$. Час $\bar{і}$ стоп(ы) пол $\bar{сї}$. Час $\bar{аї}$ стоп ки. ||

М(ѣ)с(я)ць мартъ³⁶ р(е)ком(ыи) сухи, има(е)т днии $\bar{ла}$, а лоун $\bar{л}$. Е
л. 471
об.
Д(е)нь има(е)т час(ов) $\bar{ві}$, а ноць $\bar{ві}$. А нас(татие) лун(ы)³⁷ въ $\bar{а}$ час нощи.

Преж(е) $\bar{а}$ кал(анд) $\bar{г}$ е а © м(у)ч(ени)цѣ Евд(о)кии
Преж(е) $\bar{с}$ нон $\bar{аї}$ с в © Феодота³⁸
Преж(е) $\bar{е}$ нон $\bar{аї}$ з г © Еоутропіа
Преж(е) $\bar{д}$ нон $\bar{еї}$ а д © Павла і Улыяны
Преж(е) $\bar{г}$ нон $\bar{е}$ в е © Конона ѿгород(ника)³⁹
Преж(е) $\bar{в}$ нон г с © м(у)ч(ени)къ $\bar{мв}$ в Суріи⁴⁰
Преж(е) $\bar{а}$ нон $\bar{сї}$ д з © Васильеа еп(и)с(ко)па^{40а}
Преж(е) $\bar{й}$ ідус $\bar{е}$ $\bar{сї}$ е и © Феофилакта ||
Преж(е) $\bar{з}$ ідус $\bar{аї}$ ^{40б} с е © м(у)ч(ени)къ $\bar{м}$ в Сева- Р
л. 600
об.с(тій)⁴¹
Преж(е) $\bar{с}$ ідус $\bar{гї}$ з і © Кондрата
Преж(е) $\bar{е}$ ідус в $\bar{гї}$ а а © Софроніа
Преж(е) $\bar{д}$ ідус $\bar{в}$ в в © Феофила
Преж(е) $\bar{г}$ ідус $\bar{і}$ г г © Никифора
Преж(е) $\bar{в}$ ідус $\bar{і}$ д д © Ал(е)ѣандра
Преж(е) $\bar{а}$ ідус $\bar{йї}$ е е © Альѣ(а)ндрои $\bar{в}$, Диони-с(иу) $\bar{в}$ ⁴²
Преж(е) $\bar{зї}$ кала(н)д $\bar{йї}$ с с © м(у)ч(ени)ка Папы
Преж(е) $\bar{сї}$ кала(н)д з з © АльѣиА ч(е)л(ове)ка б(ож)иА⁴³
Преж(е) $\bar{еї}$ кал(ан)д $\bar{д}$ а и © Курила еп(и)с(ко)па
Преж(е) $\bar{дї}$ кала(н)д $\bar{з}$ в е © Хрусанфа⁴⁴
Преж(е) $\bar{гї}$ кал(ан)д $\bar{еї}$ г к © Фотиньи
Преж(е) $\bar{ві}$ кала(н)д $\bar{еї}$ д а © о(т)ца Іѣкова
Преж(е) $\bar{аї}$ кал(ан)д $\bar{ві}$ $\bar{ві}$ е в © Василя м(у)ч(ени)к(а)⁴⁵ || Т
стб. 6
Преж(е) $\bar{і}$ кал(анд) $\bar{а}$ а с г © м(у)ч(ени)к(а) Никона⁴⁶ || Е
л. 472
Преж(е) $\bar{е}$ кала(н)д⁴⁷ з д © о(т)ца Артемон(а)
Преж(е) $\bar{й}$ кал(анд) $\bar{е}$ ⁴⁸ $\bar{е}$ ⁴⁹ а е © Бл(а)г(ове)щ(е)нье с(вя)-ты(я)⁵⁰ <Богородицы>

²⁷ Р далее под $\bar{е}$ ²⁸ Р, Е Нестера ^{28а} Р Феоктириста ²⁹ Р нет ³⁰ Р нет стго памат, Е переставлено памат стго ³¹ Р нет —е ³² Е вискость ³³ вставляю из Р ³⁴ вставляю из Р, Е ³⁵ Р нет $\bar{з}$. Час $\bar{й}$ стоп пол ³⁶ Р марта ³⁷ Р луч нас переставлено ³⁸ Р Феодотѣ ³⁹ Р нет, Е град ⁴⁰ Р нет в Суріи ^{40а} Р переставлено епс Василья ^{40б} Е и ⁴¹ Р нет в Севас ⁴² Р нет Дионис $\bar{в}$ ⁴³ Р нет члка бйя ⁴⁴ Е Хрусанфа ⁴⁵ Р мчк Василья ⁴⁶ Е Никона мчк ⁴⁷ Р, Е $\bar{е}$ ⁴⁸ Р, Е, нет $\bar{е}$ ⁴⁹ Р, Е $\bar{е}$ ⁵⁰ Р, Е нет сты

Преж(е)	з̄	кала(н)ѡ	ѡ ⁵¹	ѡ̄ ⁵²	в с	Ⓢ сборъ с(вя)т(о)го ⁵³ Гав- рил(а)
Преж(е)	с̄	кал(анд)	з̄і ⁵⁴	ѡ ⁵⁵	г з	Ⓢ Матрьнь ⁵⁶
Преж(е)	е̄	кала(н)ѡ		з̄і ⁵⁷	д и	Ⓢ м(у)ч(ени)к(а) Филата ⁵⁸
Преж(е)	д̄	кала(н)ѡ	ѡ ⁵⁹	с̄ ⁶⁰	е ѡ	Ⓢ Марка еу(ан)г(е)лис(та) ⁶¹
Преж(е)	г̄	кал(анд)	д̄і ⁶²	ѡ̄ ⁶³	с л	Ⓢ Іоа(нна) Лѣствич(ника)
Преж(е)	в̄	кала(н)ѡ	ѡ ⁶⁴	д̄і ⁶⁵	з ла ⁶⁶	Ⓢ Стефана Новаго

Р
л. 601

Час а̄ стол ке. Час в̄ стол еі. Час г̄ стол аі. Час д̄ стол и. Час е̄ стол с̄. Час с̄⁶⁷ стол(ы) д̄. Час з̄ стол и. Час ӣ стол ѡ. Час ѡ̄ стол аі. Час і̄ стол еі. Час аі̄ стол ке.⁶⁸

М(ѣ)с(я)ць апрѣл р(е)ком(ыи) березозол, има(е)т днии л̄, а луиу ке. Д(е)нь има(е)т час(ов) г̄і, а ноцъ аі. А луи(ы) нас(татие) въ с̄ час ноци.

Преж(е)	а̄	кала(н)ѡ	аі		а а	Ⓢ М(а)рѣи Египтаи(ыни)
Преж(е)	д̄	нонъ	ѡі	аі̄	в в	Ⓢ Иосифа творѹца канонѡм ⁶⁹
Преж(е)	г̄	нонъ	в	ѡі	г г	Ⓢ Феодосіи ⁷⁰
Преж(е)	в̄	нонъ			д д	Ⓢ Феѡдула
Преж(е)	а̄	нонъ	сі		е е	Ⓢ о(т)ца Геѡргіа
Преж(е)	ӣ	ідус		сі	с с	Ⓢ о(т)ца Еѡутухіа
Преж(е)	з̄	ідус		и	з з	Ⓢ Геѡргіа
Преж(е)	с̄	ідус	гі		а и	Ⓢ ап(о)с(то)ла Родиѡн(а)
Преж(е)	е̄	ідус		гі	в ѡ	Ⓢ м(у)ч(ени)к(а) Еѡуф(и)хита ⁷¹
Преж(е)	д̄	ідус		в	г і	Ⓢ м(у)ч(ени)ка Тереньт(иа)
Преж(е)	г̄	ідус	і		д а	Ⓢ м(у)ч(ени)ка Антипы
Преж(е)	в̄	ідус		і	е в	Ⓢ Васильа
Преж(е)	а̄	ідус	иі ^{71а}		с г	Ⓢ о(т)ца Мартина
Преж(е)	с̄і	кала(н)ѡ		иі̄	з д	Ⓢ Семѡна [еп(и)с(ко)па] ⁷²
Преж(е)	г̄і	кала(н)ѡ			а е	Ⓢ Савы Г(о)гин(а)
Преж(е)	е̄і	кала(н)ѡ		д	в с	Ⓢ м(у)ч(ени)ка Леѡнід(а)
Преж(е)	д̄і	кала(н)ѡ	еі̄	73	г з	Ⓢ Агапита
Преж(е)	г̄і	кала(н)ѡ	в̄і		д и	Ⓢ Козмы еп(и)с(ко)па
Преж(е)	в̄і	кала(н)ѡ	а	еі̄	е ѡ	Ⓢ Іоа(нна) Палеврита ⁷⁴
Преж(е)	аі̄	кала(н)ѡ		в̄і	с к	Ⓢ Феѡдора Трих(ины) ⁷⁵
Преж(е)	і̄	кала(н)ѡ	ѡ		а з а	Ⓢ Феѡдора в Перг(ии)
Преж(е)	ѡ̄	кала(н)ѡ			а в	Ⓢ Феѡдора Сики(ота) ⁷⁶
Преж(е)	ӣ	кала(н)ѡ	з̄і		ѡ в г	Ⓢ м(у)ч(ени)к(а) Геѡргіа вел(ико)го ⁷⁷
Преж(е)	з̄	кала(н)ѡ			г д	Ⓢ Савы стратил(ата)
Преж(е)	с̄	кала(н)ѡ	д̄і		з̄і д е	Ⓢ Марка еѡу(ан)г(елиста)
Преж(е)	е̄	кала(н)ѡ			с е с	Ⓢ м(у)ч(ени)ка Васильа ⁷⁸

Е
л. 472
об.Р
л. 601
об.Т
стб. 2

51 Р, Е з̄і̄ 52 Р, Е нет ѡ̄ 53 Р, Е нет 54 Р, Е нет з̄і̄ 55 Р, Е з̄і̄
56 Р, Е Матроны 57 Р, Е 58 Р Филита 59 Р, Е д̄і̄ 60 Р, Е ѡ̄ 61 Р и Кюрил
62 Р, Е нет д̄і̄ 63 Р, Е д̄і̄ 64 Е г̄ 65 Р, Е г̄ 66 Р а̄ 67 Р, нет
68 Е далее ряд чисел иі̄. ѡі̄. ѡі̄. і̄. аі̄. ѡі̄. г̄і̄. д̄і̄. д̄. с̄і̄. з̄і̄. ѡ̄. а̄. | в. г. ѡі̄. ӣ. с̄і̄. д̄. с̄і̄
69 Р, Е твор 70 Р Феѡдосью 71 Р Есфим 71а Р с̄і̄ 72 епска вставляю по Р, Е
73 з̄ Р, Е 74 Р, Пателаре 75 Р Тирон 76 Е Секіота 77 Р, Е нет вел
78 Р Власіа

Преж(е)	$\bar{д}$	кала(н)д	$\bar{е}i$	д	г	с	Ⓢ	Смеона ⁷⁹	срод(ника)
Преж(е)	$\bar{г}$	кала(н)д	г		з	и	Ⓢ	ап(осто)л(а)	Насона
Преж(е)	$\bar{в}$	кала(н)д	$\bar{а}i$		а	ѳ	Ⓢ	ѳ(т)ца	Мемнон(а)
Преж(е)	$\bar{а}$	кала(н)д		г	в	л	Ⓢ	ап(о)с(то)ла	Иѳкова

Час $\bar{а}$ стол $\bar{к}с$. Час $\bar{в}$ стол(ы) пол $\bar{г}i$. Час $\bar{г}$ стол(ы) пол $\bar{ѳ}$. Час $\bar{д}$ стол(ы) пол \bar{i} . Час $\bar{е}$ стол(ы) пол $\bar{д}$. Час $\bar{с}$ стол(ы) пол \bar{i} . Час $\bar{з}$ стол(ы) [пол] ⁸⁰ $\bar{д}$. Час $\bar{и}$ стол(ы) пол $\bar{з}$. Час $\bar{ѳ}$ стол(ы) пол $\bar{ѳ}$. Час \bar{i} стол(ы) [пол] ⁸¹ $\bar{ѳ}i$. Час $\bar{а}i$ ⁸² стол(ы) [пол] $\bar{к}с$. ⁸⁴ || ||

М(ѣ)с(я)ць маи р(е)ком(ыи) травен, има(е)т днии $\bar{ла}$, [а лѣн л]. ⁸⁵ Д(е)нь имае(т) час(ов) $\bar{д}i$, а ноу \bar{i} . А лоун(ы) нас(татие) въ а-и ⁸⁶ час дни.

Преж(е)	$\bar{д}$	кала(н)д	⁸⁷ $\bar{а}i$	г	а	Ⓢ	пр(ор)ѳ(ка)	Ерѣміа ⁸⁸
Преж(е)	$\bar{с}$	нонъ	$\bar{ѳ}i$ ⁸⁹	д	в	Ⓢ	о(т)ца	Афанасіа ⁹⁰
Преж(е)	$\bar{е}$	нонъ	$\bar{ѳ}i$	е	г	Ⓢ	Тимофеа	
Преж(е)	$\bar{д}$	нонъ		с	д	Ⓢ	ѳ(т)ца	Никиты
Преж(е)	$\bar{г}$	нонъ	$\bar{с}i$	з	е	Ⓢ	м(у)ч(ени)цѣ	Ириньи
Преж(е)	$\bar{в}$	нонъ	$\bar{с}i$	а	с	Ⓢ	правьд(ного)	Іова ⁹¹
Преж(е)	$\bar{а}$	нонъ	е	и	в	з	Знам(е)ніе ч(е)стна(го) ⁹²	крст(а) ⁹³
Преж(е)	$\bar{и}$	ідус		г	и	Ⓢ	ап(осто)л(а)	Іѳ(анна)
							Б(о)госл(о)в(а) ⁹⁴	
Преж(е)	$\bar{з}$	ідоус	$\bar{г}i$	$\bar{г}i$	д	ѳ	пр(ор)ѳ(ка)	Исаѣ ⁹⁵
Преж(е)	$\bar{с}$	ідус	в	$\bar{в}$	е	і	ап(осто)л(а)	Симона
Преж(е)	$\bar{е}$	ідус	і		с	а	м(у)ч(ени)к(а)	Мокиѣ ⁹⁶
Преж(е)	$\bar{д}$	ідус	і		з	в	о(т)ца	Епифан(а)
Преж(е)	$\bar{г}$	ідус	$\bar{и}i$		а	г	м(у)ч(ени)ц(е)	Глук[ерьи] ⁹⁷
Преж(е)	$\bar{в}$	ідус	$\bar{и}i$ ^{97a}	в	д	Ⓢ	о(т)ца	Сидора
Преж(е)	$\bar{а}$	ідус		г	е	Ⓢ	о(т)ца	Пахомыа
Преж(е)	$\bar{з}i$	кала(н)д		д	д	с	Георгиа	
Преж(е)	$\bar{с}i$	кала(н)д		з	е	з	ап(осто)л(а)	Андроника
Преж(е)	$\bar{ѳ}i$	кала(н)д	$\bar{ѳ}i$		с	и	Стефаниды	
Преж(е)	$\bar{д}i$	кала(н)д		ѳ	ѳ	Ⓢ	Патрикіа	
Преж(е)	$\bar{г}i$	кала(н)д	$\bar{д}i$	$\bar{д}i$	а	к	Фалалѣга	
Преж(е)	$\bar{в}i$	кала(н)д	а	а	в	а	ц(е)с(а)рѣ ⁹⁸	Костан(тина)
Преж(е)	$\bar{а}i$	кала(н)д			г	в	Василиска	
Преж(е)	\bar{i}	кала(н)д	$\bar{ѳ}$	$\bar{ѳ}$	д	г	Михаила	еп(и)с(копа) ⁹⁹
Преж(е)	$\bar{ѳ}$	кала(н)д			е	д	Смена ¹⁰⁰	
Преж(е)	$\bar{и}$	кала(н)д	$\bar{з}i$	с	е	Ⓢ	г-ее обрѣт(енье) глав(ы)	Іѳ(анна) II, ¹

* ⁷⁹ E, P Семивн ⁸⁰ вставляю из P, E ⁸¹ вставляю из P, E ⁸² E $\bar{а}$ ⁸³ вставляю из P ⁸⁴ E далее ряд чисел киноварью на нижнем поле $\bar{с}i$. $\bar{ѳ}$. $\bar{к}д$. $\bar{г}i$ (і кажется исправленным из другой цифры). $\bar{в}$. $\bar{ка}$. \bar{i} . $\bar{кѳ}$. $\bar{и}i$. $\bar{з}i$. $\bar{к}с$. $\bar{ѳ}i$. $\bar{д}$. || ⁸⁵ вставляю из P ⁸⁶ P, E нет -и ⁸⁷ E $\bar{ѳ}i$ ⁸⁸ рермиа ⁸⁹ E нет $\bar{ѳ}i$ ⁹⁰ P Ованасіа ⁹¹ P нет правьд, E переставлено Іова прав ⁹² P, E нет ⁹³ E нет ⁹⁴ P еуглиста ⁹⁵ P Ісаиа ⁹⁶ P Мокеа, E Мокѣа ⁹⁷ дается по P, в T неразборчиво ^{97a} P $\bar{в}i$ ⁹⁸ P нет, E црѣ ⁹⁹ E нет, P переставлено епс Михаила ¹⁰⁰ P Семивна, E Семіона II, ¹ P, E нет

P
л. 602E
л. 473T
стб. аP
л. 802

об.

E
л. 473
об.

Преж(е)	\bar{s}	кала(н)д	\bar{s}	\bar{s}	з	\bar{s}	© ап(осто)л(а) Карпа
Преж(е)	\bar{s}	кала(н)д			е	а з	© Ферапонта
Преж(е)	\bar{e}	кала(н)д	\bar{d}	\bar{d}	в	и	© м(у)ч(ени)ка Елады
Преж(е)	\bar{d}	кала(н)д	г		г	е	© Федосьи м(учени)ц(ы) ²
Преж(е)	\bar{g}	кала(н)д		\bar{g}	д	л	© о(т)ца ^{2а} Исакия
Преж(е)	\bar{v}	кала(н)д	\bar{e}	\bar{a}	е	ла ³	© м(у)ч(ени)к(а) ^{3а} Ерьміа ⁴

Час \bar{a} стоп \bar{ke} . Час \bar{v} стоп \bar{si} . Час \bar{g} стоп \bar{i} . Час \bar{d} стоп \bar{e} . Час \bar{e} стоп(ы) \bar{g} . Час \bar{s} стоп(ы) \bar{v} . Час \bar{z} стоп(ы) \bar{g} . Час \bar{i} стоп \bar{e} . Час \bar{e} стоп \bar{i} . Час \bar{i} стоп \bar{e} . Час \bar{a} стоп \bar{ke} .

М(ѣ)с(я)ць июнь р(е)комыи ізож, имаеть дніи л. ⁵ Д(е)нь имаєт ча-
с(ов) еі, а ноцъ \bar{e} . ⁶ А лоуи \bar{ke} . ⁷ Нас(татіе) въ \bar{g} [час] ⁸ дни.

P л. 603	Преж(е)	\bar{a}	кала(н)д	\bar{e}	\bar{s}	а	© Оустина филос(офа)
	Преж(е)	\bar{s}	нонъ		\bar{z}	в	© Никифора
	Преж(е)	\bar{e}	нонъ	\bar{si}		а г	© Лукитана
	Преж(е)	\bar{d}	нонъ	е	\bar{si}	в д	© о(т)ц(а) Митрофа(на)
	Преж(е)	\bar{g}	нонъ		\bar{i}	г е	© м(у)ч(ени)к(а) Маркіана
	Преж(е)	\bar{v}	нонъ	г		д \bar{s}	© м(у)ч(ени)к(а) Дорофета
	Преж(е)	\bar{a}	нонъ	в	\bar{g}	е з	© м(у)ч(ени)ка Федота ¹⁰⁻¹¹
	Преж(е)	\bar{i}	идус		\bar{v}	с и	© Феодора Стр(а)т(илата)
	Преж(е)	\bar{z}	идус	\bar{i}		з е	© Альѣавдра
	T стб. 6	Преж(е)	\bar{s}	идус		\bar{i}	а і
Преж(е)		\bar{e}	идус	\bar{i}		в а	© Валфромѣа ¹³
Преж(е)		\bar{d}	идус	\bar{i}		г в	© о(т)ца Ануфрія
Преж(е)		\bar{g}	идус		\bar{d}	г	© Акулины ¹⁴
E л. 474	Преж(е)	\bar{i}	кала(н)д	\bar{d}		е д	© пр(оро)к(а) Іелісѣа
	Преж(е)	\bar{z}	кала(н)д		\bar{s}	е	© пр(оро)к(а) Амоса ¹⁵
	Преж(е)	\bar{si}	кала(н)д	\bar{e}		з \bar{s}	© о(т)ца Тухона ¹⁶
	Преж(е)	\bar{v}	кала(н)д	\bar{v}	\bar{e}	а з	© м(у)ч(ени)ка ^{16а} Мануила
	Преж(е)	\bar{d}	кала(н)д	а	\bar{v}	в и	© м(у)ч(ени)ка ¹⁷ Лешонтіа
	Преж(е)	\bar{g}	кала(н)д		\bar{a}	г е	© ап(осто)л(а) Іюды
	Преж(е)	\bar{v}	кала(н)д	\bar{e}		д к	© Мефодыа
	Преж(е)	\bar{a}	кала(н)д		\bar{e}	е а	© м(у)ч(ени)ка Оулыяна
	Преж(е)	\bar{i}	кала(н)д	\bar{z}		с в	© Евъсевы еп(и)с(ко)п(а)
	Преж(е)	\bar{e}	кала(н)д	г	\bar{z}	з г	© Агрєпины
P л. 603 об.	Преж(е)	\bar{i}	кала(н)д	\bar{d}		в е	© Февроньи
	Преж(е)	\bar{s}	кала(н)д		\bar{g}	с	© Д(а)в(и)да Селун(скаго)
	Преж(е)	\bar{e}	кала(н)д	\bar{g}		д з	© о(т)ца Самсона

² P, E переставлено мч Феодосьи ^{2а} P нет ³ P а ^{3а} P нет ⁴ P Еремїа, E Еремѣа ⁵ P далее а лѣн имат дніи \bar{ke} ⁶ P \bar{i} ⁷ P нет лоуи \bar{ke} , E далее а ⁸ вставляю из P ⁹ P \bar{s} ¹⁰⁻¹¹ E Феодота ¹² P мч Тимофѣа ¹³ дается по P,

в T неразборчиво; E Варфоломеа ¹⁴ E Акилины и далее на нижнем поле ряд чисел к.г. в.і. а. к. е. к.і. з.і. s. к.е. д.і. г. к.в. а.і. л. | е. і. и. к.в. мар(та). s.і. сеп(тября) \bar{e} . || ¹⁵ E Омоса ¹⁶ P, E Тихона ^{16а} P нет ¹⁷ E нет ¹⁸ E, P нет

Преж(е) $\bar{д}$ кала(н)ѡ $\bar{г}$ е и Ⓞ м(ученик)ж^{18а} Кура¹⁹ Іоа(нна)²⁰
 Преж(е) $\bar{г}$ кала(н)ѡ $\bar{аі}$ $\bar{аі}$ с ѳ Ⓞ ап(осто)л(а) Петра
 Преж(е) $\bar{в}$ кала(н)ѡ $\bar{ѳі}$ з л Ⓞ сб(ор) $\bar{ві}$ ап(о)с(то)лѣ²¹

Час $\bar{а}$ стоп $\bar{ѳі}$. Час $\bar{в}$ стоп $\bar{і}$. Час $\bar{г}$ стоп $\bar{з}$ ²². Час $\bar{д}$ стоп(ы) пол²³ $\bar{г}$.
 Час $\bar{ѳ}$ стоп(ы) пол $\bar{в}$. Час $\bar{с}$ стоп(ы) [пол]²⁴ $\bar{г}$. Час²⁵ $\bar{з}$ стоп(ы) пол $\bar{в}$.
 Час $\bar{и}$ стоп(ы) пол $\bar{г}$. Час $\bar{ѳ}$ стоп(ы) [пол $\bar{ѳ}$]²⁶ Час $\bar{і}$ стоп $\bar{ві}$. Час $\bar{аі}$ ²⁷
 стоп $\bar{ѳі}$.

М(ѣ)с(я)цъ июль р(е)ком(ыи) червен, іма(е)т днѣи ла²⁸. Д(е)нь іма(е)т
 час(ов) $\bar{ді}$, а ночь $\bar{і}$. А лѣн л²⁹. А³⁰ нас(татіе) въ $\bar{с}$ час дни.

Преж(е) $\bar{а}$	кала(н)ѡ	$\bar{ѳі}$	а а	Ⓞ	Козмы и Даміан(а)	
Преж(е) $\bar{с}$	нонѣ		в в	Ⓞ	полож(е)ніе риз(ы) Б(огороди)ца ³¹	
Преж(е) $\bar{ѳ}$	нонѣ	$\bar{сі}$	г г	Ⓞ	м(у)ч(еника) Акінфа	
Преж(е) $\bar{д}$	нонѣ	$\bar{сі}$	д д	Ⓞ	Анѣрега Критскаѡ(о)	Е л. 474 об.
Преж(е) $\bar{г}$	нонѣ	$\bar{еі}$	и е е	Ⓞ	о(т)ца Сисота	
Преж(е) $\bar{в}$	нонѣ	$\bar{гі}$	с с	Ⓞ	ѡ(т)ца Лампад(а)	
Преж(е) $\bar{а}$	нонѣ	$\bar{гі}$	з з	Ⓞ	о(т)ца Фомы	
Преж(е) $\bar{и}$	идѣс	$\bar{в}$	а и	Ⓞ	м(у)ч(еника) Прокопы ³²	Т стб. а
Преж(е) $\bar{з}$	идѣс	$\bar{і}$	в ѳ	Ⓞ	м(у)ч(еника) Панѣкратіа ³³	Р л. 604
Преж(е) $\bar{с}$	идус	$\bar{і}$	г і	Ⓞ	м(у)ч(еник)ъ ме ³⁴⁻³⁵ в Никол(оли) ³⁶	
Преж(е) $\bar{ѳ}$	идус	$\bar{иі}$	д а	Ⓞ	Боуфимы ³⁷	
Преж(е) $\bar{д}$	идус	$\bar{иі}$	е в	Ⓞ	Голендохы ³⁸	
Преж(е) $\bar{г}$	идус		с г	Ⓞ	ап(осто)л(а) Акоюлы ³⁹	
Преж(е) $\bar{в}$	идус		д з д	Ⓞ	о(т)ца Іосифа ⁴⁰	
Преж(е) $\bar{а}$	идус		з а е	Ⓞ	м(у)ч(еников) ^{40а} Курика ⁴¹ Оулит(ы) ⁴²	
Преж(е) $\bar{зі}$	кала(н)ѡ	$\bar{еі}$	в с	Ⓞ	Онсифора	
Преж(е) $\bar{сі}$	кала(н)ѡ	$\bar{ві}$	еі г з	Ⓞ	Анфиногена	
Преж(е) $\bar{еі}$	кала(н)ѡ	а	д и	Ⓞ	Емелыана ⁴³	
Преж(е) $\bar{ді}$	кала(н)ѡ	$\bar{ві}$	е ѳ	Ⓞ	о(т)ца Дита	
Преж(е) $\bar{гі}$	кала(н)ѡ	$\bar{ѳ}$	а с к	Ⓞ	пр(о)р(о)к(а) Ільи	
Преж(е) $\bar{ві}$	кала(н)ѡ	$\bar{ѳ}$	з а	Ⓞ	Семеѡна ѡроди(ваго)	
Преж(е) $\bar{аі}$	кала(н)ѡ	$\bar{зі}$	а в	Ⓞ	Маріи М(а)гда(лыни)	
Преж(е) $\bar{і}$	кала(н)ѡ	$\bar{г}$	зі в г	Ⓞ	м(учени)к(а) Трофима ⁴⁴	
Преж(е) $\bar{ѳ}$	кала(н)ѡ		с г д	Ⓞ	Хр(и)ст(и)ны м(у)ч(ени)цѣ ⁴⁵	
Преж(е) $\bar{и}$	кала(н)ѡ	$\bar{ді}$ ⁴⁶	ді д е	Ⓞ	оуспеніе Анны	
Преж(е) $\bar{з}$	кала(н)ѡ	$\bar{ѳі}$	е с	Ⓞ	м(учени)к(а) Ермолы ⁴⁷	

^{18а} Р нет ¹⁹ Р Кура, Е Кіра ²⁰ Р Ивана ²¹ Р переставлено апс $\bar{ві}$
 с'боръ ²² Р нет ²³ Р нет ²⁴ вставляю по Р, Е ²⁵ Т час дважды
²⁶ вставляю по Р, Е ²⁷ Р $\bar{ві}$ ²⁸ Р далее а лѣн л ²⁹ Р нет ³⁰ Р нет
³¹ Р, Е нет ³² Р Прокофѣѡ ³³ Р заменяет имена на мч м и ѳ ³⁴⁻³⁵ Е да-
 лее иж ³⁶ Р заменяет имена на мч Евфими ³⁷ Р заменяет имена на Голендѣхы
³⁸ Р заменяет имена на апс Акылы, ³⁹ Е Акылы, Р заменяет имена на оц
 Осифа ⁴⁰ Р заменяет имена на мч Кирила и влит ^{40а} Е нет ⁴¹ Е Кирика и
⁴² Р заменяет имена на Онисифора ⁴³ Р мч Емельяна ⁴⁴ Е заменяет имена
 на Митрофана ⁴⁵ Р переставлено мч Хрстины ⁴⁶ Р $\bar{аі}$ ⁴⁷ Р Ермола

	Преж(е)	\bar{s}	кала(н)Ѣ		с	з	Ⓢ	м(учени)ж(а) ⁴⁸	Пантелѣи-
								м(она) ^{48a}	
	Преж(е)	\bar{e}	кала(н)Ѣ	аі	\bar{r}	з	и	Ⓢ	Еоустаѣя
	Преж(е)	\bar{d}	кала(н)Ѣ	$\bar{e}i$ ⁴⁹	$\bar{a}i$	а	ѳ	Ⓢ	Каленика
<i>Е</i> <i>л. 475</i>	Преж(е)	\bar{r}	кала(н)Ѣ	⁵⁰		в	л	Ⓢ	Іо(анна) Воиник(а)
	Преж(е)	\bar{v}	кала(н)Ѣ	$\bar{e}i$	\bar{r}	ла	⁵¹	Ⓢ	м(у)ч(ени)цѣ ⁵² Оулиты
<i>Р</i> <i>л. 604</i> <i>об.</i>	Час \bar{a} стоп \bar{ks} . Час \bar{v} стоп $\bar{a}i$. Час \bar{r} стоп \bar{h} . Час \bar{d} стоп \bar{e} . Час \bar{e} стоп(ы) [пол.] ⁵³ \bar{v} . Час \bar{s} стоп(ы) \bar{v} . Час \bar{z} стоп(ы) пол \bar{r} . Час \bar{h} стоп \bar{e} . Час \bar{e} стоп \bar{h} . Час \bar{i} стоп \bar{i} ⁵⁴ . Час [аі] ⁵⁵ стоп(ы) кв. ⁵⁶								

М(ѣ)с(я)ць авгоус(т) р(е)комыи изаревъ, имаеѣ дниі ла, а лѣн л.⁵⁷
Д(е)нѣ имаеѣ час(о)вѣ $\bar{r}i$, а ноцѣ аі. А лоун(ы) нас(татіе) вѣ з-и⁵⁸ час
дни. ||

<i>Т</i> <i>стб. 2</i>	Преж(е)	\bar{a}	кала(н)Ѣ		д	а	Ⓢ	-х Макавеи	Елеаз(ара) ⁵⁹
	Преж(е)	\bar{s}	нон	$\bar{s}i$		е	в	Ⓢ	м(у)ч(еника) Стефана
	Преж(е)	\bar{e}	нон	\bar{e}	$\bar{s}i$	с	г	Ⓢ	Далмата
	Преж(е)	\bar{d}	нон		\bar{h}	з	д	Ⓢ	Ельѳеры
	Преж(е)	\bar{r}	нон	$\bar{r}i$		а	е	Ⓢ	Аоусегніа
	Преж(е)	\bar{v}	нон	\bar{v}	$\bar{r}i$	в	с	Ⓢ	Преображ(ени)е Г(о)с(под)не
	Преж(е)	\bar{a}	нон		в	г	з	Ⓢ	Доментіа
	Преж(е)	\bar{h}	ідус	\bar{i}		д	и	Ⓢ	Емилыана
	Преж(е)	\bar{z}	ідус		\bar{i}	е	ѳ	Ⓢ	ап(осто)л(а) Матѳеа
	Преж(е)	\bar{s}	ідус	$\bar{h}i$		с	і	Ⓢ	Лаврентіа
	Преж(е)	\bar{e}	ідус	$\bar{h}i$		з	а	Ⓢ	ЕѢпла ды(ко)н(а)
	Преж(е)	\bar{d}	ідус			а	в	Ⓢ	Фотиана
	Преж(е)	\bar{r}	ідус		\bar{d}	в	г	Ⓢ	Маѣима ⁶⁰
	Преж(е)	\bar{v}	ідус		з	г	д	Ⓢ	пр(о)р(о)ж(а) Михѣа
<i>Р</i> <i>л. 605</i>	Преж(е)	\bar{a}	ідус	$\bar{e}i$		д	е	Ⓢ	Оуспеніе б(огороди)ци
	Преж(е)	$\bar{e}i$	кала(н)Ѣ	$\bar{v}i$ ⁶¹	$\bar{e}i$	е	с	Ⓢ	нерук(о)творим(ого) ⁶² образ(а) ⁶³
	Преж(е)	$\bar{h}i$	кала(н)Ѣ	а	$\bar{v}i$	с	з	Ⓢ	ПаѢла і Оульан(а)
<i>Е</i> <i>л. 475</i> <i>об.</i>	Преж(е)	$\bar{z}i$	кала(н)Ѣ	а	з	и		Ⓢ	Фрола и Лавра
	Преж(е)	$\bar{s}i$	кала(н)Ѣ	ѳ	\bar{e} ⁶⁴	а	ѳ	Ⓢ	АнѢдрѣа Стр(агилата)
	Преж(е)	$\bar{e}i$	кала(н)Ѣ		⁶⁵	в	к	Ⓢ	СамѢила ⁶⁶
	Преж(е)	$\bar{d}i$	кала(н)Ѣ	зi		г	а	Ⓢ	м(у)ч(ени)цѣ Васисы
	Преж(е)	$\bar{r}i$	кала(н)Ѣ	г	зi	д	в	Ⓢ	Агафоніка
	Преж(е)	$\bar{v}i$	кала(н)Ѣ	дi	с	е	г	Ⓢ	Калѣніка ⁶⁷
	Преж(е)	$\bar{a}i$	кала(н)Ѣ	дi	с	д		Ⓢ	ЕѢтухіа ⁶⁸
	Преж(е)	\bar{i}	кала(н)Ѣ	$\bar{e}i$	дi	з	е	Ⓢ	ап(осто)ла Тита
	Преж(е)	\bar{e}	кала(н)Ѣ			а	с	Ⓢ	Андрѣана ⁶⁹
	Преж(е)	\bar{h}	кала(н)Ѣ			в	з	Ⓢ	о(т)ц(а) Пумина

⁴⁸ Р, Е нет ^{48a} Е Панделеимон ⁴⁹ Р, Е нет ⁵⁰ Р, Е $\bar{e}i$ ⁵¹ Р \bar{a}
⁵² Р нет ⁵³ вставляю из Р, Е ⁵⁴ Р \bar{v} ⁵⁵ вставляю из Р, Е ⁵⁶ Р кд
⁵⁷ Р \bar{a} ⁵⁸ Р нет -и ⁵⁹ Р мч. венелизара ⁶⁰ Р далее мч ⁶¹ Р \bar{v} ⁶² Р неру-
ктворенаг(о) ⁶³ Е переставлено образ неруко ⁶⁴ Р, Е нет ⁶⁵ Р, Е \bar{e}
⁶⁶ Р Памоила ⁶⁷ Р, Е Калинника ⁶⁸ Е ЕѢтухіа ⁶⁹ Р далее и Натльи

Преж(е) \bar{z}	кала(н)д̄	$\bar{a}i$	г	г	и	Ⓢ о(т)ца ⁷⁰ Моисѣя
Преж(е) \bar{s}	кала(н)д̄		$a\bar{i}$	д	ѳ	Ⓢ Ѹсѣкновѣше ⁷¹ Іо(анна) ^{71a}
Преж(е) \bar{e}	кала(н)д̄	$\bar{o}i$		е	л	Ⓢ Фил(и)ѳа ⁷²
Преж(е) \bar{d}	кала(н)д̄			с	ла	Ⓢ полож(ение) полаг(а) б(огороди)ц(и) ⁷³

Час \bar{a} стоп(ы) пол $\bar{k}e$. Час \bar{b} стоп(ы) пол $\bar{g}i$. Час \bar{g} стоп(ы) пол \bar{o} .
 Час \bar{d} стоп(ы) пол \bar{e} . Час \bar{e} стоп(ы) пол \bar{d} . Час \bar{s} ⁷⁴ стоп(ы) пол \bar{g} . Час ⁷⁵
 \bar{z} стоп(ы) пол \bar{d} . Час ⁷⁶ \bar{i} стоп(ы) пол \bar{g} . Час \bar{o} стоп(ы) пол \bar{o} . Час \bar{i}
 стоп(ы) пол $\bar{a}i$. Час $\bar{a}i$ стоп(ы) пол $\bar{k}e$. || ||

М(ѣ)с(я)ць септаб(рь) р(е)комыи рюинѣ, имаеѣ двѣи л̄, а лоун̄ кѳ̄.
 Д(е)нь ⁷⁷ имаеѣ часовъ $\bar{b}i$, а ноць $\bar{b}i$. А нас(татие) люн(ы) ⁷⁸ въ \bar{g} ⁷⁹ час
 дни.

Т
стб. а
Р
л. 606
об.

Преж(е) \bar{a}	кала(н)д̄	е	$s\bar{i}$	з	а	Ⓢ Семѳона ⁸⁰	
Преж(е) \bar{d}	нонь		i ⁸¹	а	в	Ⓢ Мамонта ⁸²	
Преж(е) \bar{g}	нонь		$g\bar{i}$	в	г	Ⓢ Аньфима ⁸³	
Преж(е) \bar{b}	нонь		$v\bar{g}i$	г	д	Ⓢ Вавулы ⁸⁴	
Преж(е) \bar{a}	нонь		в	д	е	Ⓢ пр(оро)к(а) Захарѣи	
Преж(е) \bar{i}	нонь		i	е	с	Ⓢ чюд(о) Михаила	
Преж(е) \bar{z}	нонь		i	с	з	Ⓢ м(учени)к(а) Созонта	
Преж(е) \bar{s}	идус		$i\bar{i}$	з	и	Ⓢ Р(о)ж(е)ство б(огороди)ци	
Преж(е) \bar{e}	идус		$i\bar{i}$	а	ѳ	Ⓢ збор ⁸⁵ Акима ^{85a} і Анны ⁸⁶	
Преж(е) \bar{d}	идус			в	і	Ⓢ Варипсавы	
Преж(е) \bar{g}	идус		д	г	а	Ⓢ Феодоры	
Преж(е) \bar{b}	идус		з	д	в	Ⓢ Автонома	
Преж(е) \bar{a}	идус	$\bar{e}i$		е	г	Ⓢ Кориллы	
Преж(е) $\bar{i}i$	идус	$\bar{v}i$	$\bar{e}i$	с	д	Ⓢ Въздвиг(енье) ⁸⁷ кр(е)ста ⁸⁸	
Преж(е) $\bar{z}i$	идус	а	$\bar{v}i$	з	е	Ⓢ Никиты ⁸⁹	
Преж(е) $\bar{s}i$	кала(н)д̄		а	а ⁹⁰	с	Ⓢ ЕѸфимѣи	
Преж(е) $\bar{e}i$	кала(н)д̄	\bar{o}		в	з	Ⓢ -х \bar{g} ⁹¹ д(ѣ)въ Вѣ(ры) ⁹²	
Преж(е) $\bar{d}i$	кала(н)д̄	\bar{o}		г	и	Ⓢ Семѳона	
Преж(е) $\bar{g}i$	кала(н)д̄	$\bar{z}i$		д	ѳ	Ⓢ Трофима	
Преж(е) $\bar{b}i$	кала(н)д̄	$\bar{z}i$		е	к	Ⓢ Еоустафы	
Преж(е) $\bar{a}i$	кала(н)д̄	г	\bar{s}	с	а	Ⓢ Кондрата	
Преж(е) \bar{i}	кала(н)д̄	$\bar{d}i$	$\bar{d}i$	з	в	Ⓢ м(учени)к(а) Фоки	
Преж(е) \bar{o}	кала(н)д̄	\bar{o}		а	г	Ⓢ зач(ати)е Іо(анна) Пред(течи) ⁹³	
Преж(е) \bar{i}	кала(н)д̄	$\bar{g}i$ ⁹⁴		в	д	Ⓢ Феклы пер(вомученицы) ⁹⁵	
Преж(е) \bar{z}	кала(н)д̄	$\bar{a}i$		г	г	е	Ⓢ о(т)ца Пафнотѣя
Преж(е) \bar{s}	кала(н)д̄	$\bar{a}i$		д	с	Ⓢ ап(осто)л(а) ⁹⁶ Іо(анна) б(о)гослов(а) ^{96a}	

Е
л. 476

Р
л. 606

⁷⁰ Р нет ⁷¹ Р далее глав ^{71a} Е нет ⁷² Р Филиликса ⁷³ Р, Е нет бѣ
⁷⁴ Р далее стоп пол \bar{d} час \bar{s} ⁷⁵ Т дважды ⁷⁶ Т дважды ⁷⁷ Т двѣи ⁷⁸ Р пе-
 реставлено лѣн нас ⁷⁹ Е \bar{g} -и ⁸⁰ Е далее стол ⁸¹ Р $\bar{i}i$ ⁸² Е далее муч,
 мч Мамонта ⁸³ Е далее епс ⁸⁴ Р Вавѣла, Е Вавилы ⁸⁵ Р сбор,
 Е нет ^{85a} Е Іоакима ⁸⁶ Т і Анны над строкѣй ⁸⁷ Е Здвигене
⁸⁸ Е Ches ⁸⁹ Е моуч Никиты ⁹⁰ Т \bar{a} исправлено из \bar{i} ⁹¹ Р \bar{g} -и ⁹² Р нет Вѣры
⁹³ Р, Е нет пред ⁹⁴ Р \bar{i} ⁹⁵ Р нет пер ⁹⁶ Р нет ^{96a} Р егста, Е нет

Преж(е)	\bar{e}	кала(н)д	ei	е	з	©	Епихаръи ⁹⁷
Преж(е)	\bar{d}	кала(н)д	ei	с	и	©	Харитона
Преж(е)	\bar{g}	кала(н)д		з	ө	©	Кюрыака ⁹⁸
Преж(е)	\bar{v}	кала(н)д	si	а	л	©	о(т)ц(а) Григорыа

\bar{T}
стб. 6 Час \bar{a} стоп ке. Час \bar{v} ⁹⁹ стоп \bar{ei} . Час \bar{g} стоп \bar{ai} . Час \bar{d} стоп \bar{i} . Час \bar{e}
 \bar{E}
л. 476 стоп \bar{s} . Час \bar{s} стоп \bar{i} . Час \bar{z} стоп \bar{s} . Час \bar{i} стоп \bar{i} . Час $\bar{ö}$ стоп \bar{ai} . Час \bar{i}
об. стоп \bar{ei} . Час \bar{ai} стоп ке.

М(т)с(я)ць октаб(рь) р(е)комыи листопад имаеи днѣи ла. ¹⁰⁰ Д(е)нь
имаеи час(о)въ \bar{ai} ^{III, 1}, а ноцъ \bar{gi} ². А лѣн \bar{l} ³, а ⁴ нас(татие) [в] ⁵ \bar{z} час ноц(и).

Преж(е)	\bar{a}	кала(н)д	e	\bar{si}	в	а	©	ап(осто)л(а) Анањи	
Преж(е)	\bar{s}	нонь		\bar{i} ^{5a}	г	в	©	Куприана ⁶	
Преж(е)	\bar{e}	нонь	gi		д	г	©	о(т)ц(а) Дионисыа ⁷	
\bar{P} л. 606 об.	Преж(е)	\bar{d}	нонь	в	\bar{gi}	е	д	©	о(т)ц(а) Ерофета
Преж(е)	\bar{g}	нонь	г ⁸	в	с	е	©	м(у)ч(еницы) Мамельфы	
Преж(е)	\bar{v}	нонь	г ⁹	з	с		©	ап(осто)л(а) Фомы	
Преж(е)	\bar{a}	нонь	\bar{ii}	а	з		©	Сергѣи и Вакха	
Преж(е)	\bar{i}	идус	\bar{ii}	в	и		©	Пелагии блоуд(ницы) ¹⁰	
Преж(е)	\bar{z}	идус		г	ө		©	ап(осто)л(а) ¹¹ Иакова	
Преж(е)	\bar{s}	идус		д	д	и	©	Еоуламѣи	
Преж(е)	\bar{e}	идус	ei	з	е	а	©	ап(осто)л(а) Филипа	
Преж(е)	\bar{d}	идус	vi	ei	с	в	©	Прова, Тарха	
Преж(е)	\bar{g}	идус	а	vi	з	г	©	Карпа и Папул(ы) ¹²	
Преж(е)	\bar{v}	идус	а	а	д		©	Назаръа, Геръв(асие)	
Преж(е)	\bar{a}	идус	ө	в	е		©	Лоукитана	
Преж(е)	\bar{zi}	кала(н)д	ө	г	с		©	Логина сотник(а) ¹³	
Преж(е)	\bar{si}	кала(н)д	zi	д	з		©	пр(о)р(о)к(а) Иосифа	
Преж(е)	\bar{ei}	кала(н)д	zi	е	и		©	ап(осто)л(а) Лоукы	
Преж(е)	\bar{di}	кала(н)д	г	с	ө		©	пр(о)р(о)к(а) Ишила	
\bar{E} л. 477	Преж(е)	\bar{gi}	кала(н)д	di	[s]	з	к	©	м(у)ч(ени)к(а) Артемыа
Преж(е)	\bar{vi}	кала(н)д	ө ¹⁴	а	а		©	о(т)ц(а) Лариона	
Преж(е)	\bar{ai}	кала(н)д		в	в		©	о(т)ц(а) Аверкета	
Преж(е)	\bar{i}	кала(н)д	gi	г	г		©	ап(осто)л(а) ¹⁵ Икова брат(а) ¹⁶	
Преж(е)	$\bar{ö}$	кала(н)д	ai	г	д	д	©	м(учени)к(а) Арефы	
Преж(е)	\bar{i}	кала(н)д	ei	\bar{ai}	е	е	©	Маркиана	
Преж(е)	\bar{z}	кала(н)д	$\bar{öi}$	с	с		©	м(у)ч(ени)к(а) ^{16a} Дмѣт- риа ¹⁷	
\bar{T} стб. 6	Преж(е)	\bar{s}	кала(н)д		з	з	©	м(у)ч(ени)к(а) Нестера	
\bar{P} л. 607	Преж(е)	\bar{e}	кала(н)д	si	а	и	©	Терентеа	

⁹⁷ P мч Епихаръи ⁹⁸ P Кюрыака, E Кирѣака ⁹⁹ P \bar{i} ¹⁰⁰ P далее лѣн \bar{l}
III, 1 P \bar{gi} ² P \bar{ai} ³ P нет ⁴ P нет ⁵ вставляю из P, E ^{5a} P \bar{ii}
⁶ E Киприана ⁷ P Денисыа ⁸ E \bar{i} ⁹ E \bar{i} ¹⁰ E нет ¹¹ E мч ¹² P Папила,
E Па ¹³ P \bar{r} , E нет ¹⁴ E \bar{di} ¹⁵ P нет ¹⁶ E нет ^{16a} P нет ¹⁷ E не-
реставлено Дмѣтриа мч

Преж(е) $\bar{д}$	кала(н)ѡ	si	в	ѡ	Ⓢ Анастасьи
Преж(е) $\bar{г}$	кала(н)ѡ е		г	л	Ⓢ Зиновья и ¹⁸ З(иновья) ¹⁹
Преж(е) $\bar{в}$	кала(н)ѡ		и	д ла ²⁰	Ⓢ Епимаха

Час $\bar{а}$ стоп(ы) пол $\bar{кs}$. Час $\bar{в}$ стоп(ы) пол \bar{si} . Час $\bar{г}$ стоп $\bar{дi}$. Час $\bar{д}$ стоп \bar{ai} . Час $\bar{е}$ стоп $\bar{ѡ}$. Час $\bar{с}$ стоп $\bar{и}$. Час $\bar{з}$ стоп $\bar{ѡ}$. Час $\bar{и}$ стоп \bar{ai} . Час $\bar{ѡ}$ стоп \bar{si} . ²¹ Час \bar{i} стоп \bar{ii} . Час \bar{ai} стоп $\bar{кs}$.

М(ѣ)с(я)ць ноябрь р(е)ком(ы)и гроуд(е)нѣ, имаеѣ днии $\bar{л}$ ²². Д(е)нѣ имаеѣ час(о)въ \bar{i} ²³, а ноцѣ $\bar{дi}$ ²⁴. А лѣн $\bar{кѡ}$. ²⁵ А ²⁶ нас(татие) лун(ы) ²⁷ въ $\bar{а}$ час(у) ²⁸ ноци.

Преж(е) $\bar{а}$	кала(н)ѡ	\bar{gi}		е	а	Ⓢ Козмы і Даміа(на) ²⁹
Преж(е) $\bar{д}$	нонѣ	в	\bar{gi}	с	в	Ⓢ Анкюдина ³⁰
Преж(е) $\bar{г}$	нонѣ		в	з	г	Ⓢ Акепсимы
Преж(е) $\bar{в}$	нонѣ	i		а	д	Ⓢ Ианикіа ³¹
Преж(е) $\bar{а}$	нонѣ		i	в	е	Ⓢ Галактиона ³²
Преж(е) $\bar{и}$	идоус	\bar{ii}		г	с	Ⓢ Павла испов(ѣ)ѡ(ника) ³³
Преж(е) $\bar{з}$	идус		ii	д	з	Ⓢ Нерона
Преж(е) $\bar{г}$	идус			е	и	Ⓢ сборѣ Михаила
Преж(е) $\bar{е}$	идус		д ³⁴	с	ѡ	Ⓢ Матрены ³⁵
Преж(е) $\bar{д}$	идус		з ³⁶	з	i	Ⓢ ап(осто)л(а) Ареста ³⁷
Преж(е) $\bar{г}$	идус	ei ³⁸	³⁹	а	а	Ⓢ Мины, Виктор(а) ⁴⁰
Преж(е) $\bar{в}$	идус	vi ⁴¹	ei ⁴²	в	в	Ⓢ Іоа(нна) М(и)л(о)стиваѡ(о)
Преж(е) $\bar{а}$	идус	a ⁴³	vi ⁴⁴	г	г	Ⓢ Іоа(нна) Злат(о)уостаѡ(о)
Преж(е) $\bar{иi}$	кала(н)ѡ	⁴⁵	a ⁴⁶	д	д	Ⓢ ап(осто)л(а) Филипа
Преж(е) $\bar{зи}$	кала(н)ѡ	ѡ ⁴⁷	⁴⁸	е	е	Ⓢ Гурья, Самон(а)
Преж(е) $\bar{гi}$	кала(н)ѡ	⁴⁹	ѡi ⁵⁰	с	с	Ⓢ Матѣѣ еуа(н)ѡ(елиста)
Преж(е) \bar{ei}	кала(н)ѡ	зи ⁵¹	⁵²	з	з	Ⓢ Григорья чюдо(творца)
Преж(е) $\bar{дi}$	кала(н)ѡ	дi ⁵³	зи ⁵⁴	а	и	Ⓢ Платона ⁵⁵
Преж(е) $\bar{гi}$	кала(н)ѡ	ѡ ⁵⁶	с ⁵⁷	в	ѡ	Ⓢ пр(о)р(о)к(а) Авдіа
Преж(е) \bar{vi}	кала(н)ѡ	⁵⁸	дi ⁵⁹	г	к	Ⓢ Григоріа Дек(аполита) ⁶⁰
Преж(е) \bar{ai} ^{57a}	кала(н)ѡ		⁶¹	д	а	Ⓢ вход в ц(е)рковѣ ⁶² б(огороди)ци ⁶³
Преж(е) \bar{i}	кала(н)ѡ			е	в	Ⓢ Кикѣльи
Преж(е) $\bar{ѡi}$	кала(н)ѡ	ai	г	с	г	Ⓢ Анфилохья
Преж(е) $\bar{иi}$	кала(н)ѡ		ai	з	д	Ⓢ Григорья
Преж(е) $\bar{зi}$	кала(н)ѡ	ѡi		а	е	Ⓢ Климента
Преж(е) $\bar{сi}$	кала(н)ѡ		ѡi	в	с	Ⓢ Алумпиа, ⁶⁶ Георг(ия) ⁶⁷
Преж(е) $\bar{еi}$	кала(н)ѡ			г	з	Ⓢ Іѣкова перьс(кого)
Преж(е) $\bar{дi}$	кала(н)ѡ	si		д	и	Ⓢ Иринарха

Е
л. 477
об.Р
л. 607
об.Г
стб. 2

¹⁸ Р Зѣновья ¹⁹ Р Зѣнѣ ²⁰ Р а ²¹ Р ді ²² Р ла и далее а лѣн кѡ ²³ Р ді
²⁴ Р і ²⁵ Р нет ²⁶ Р, Е нет ²⁷ Р нет ²⁸ Р переставлено час а ²⁹ Р Де-
 мна ³⁰ Е Анкидина ³¹ Р Аникиа ³² Е Галахтіона ³³ Е нет ³⁴ Е нет
³⁵ Р мч Матроны ³⁶ Е д ³⁷ Е Ариста ³⁸ Е нет ³⁹ Е з ⁴⁰ Е Викѡн
⁴¹ Е ѡi ⁴² Е нет ⁴³ Е vi ⁴⁴ Е ѡi ⁴⁵ Е а ⁴⁶ Е vi ⁴⁷ Е нет ⁴⁸ Е а
⁴⁹ Е ѡ ⁵⁰ Р ѡ, Е нет ⁵¹ Е нет ⁵² ѡi ⁵³ Е zi ⁵⁴ Е нет ⁵⁵ Р мч Пла-
 тона ⁵⁶ Е ді ⁵⁷ Е zi ^{57a} Р gi ⁵⁸ Е ѡ ⁵⁹ Е s ⁶⁰ Е нет ⁶¹ Е ді
⁶² Р нет в црковѣ ⁶³ Е нет ⁶⁶ Р Алѣмпиа ⁶⁷ Р, Е нет

Преж(е) $\bar{г}$ кала(н)д е si е ө © Парамона
 Преж(е) $\bar{в}$ кала(н)д и s л © ап(осто)л(а) ⁶⁸ Андрѣта

P
 л. 608 Час $\bar{а}$ стоп ⁶⁹ кѣ. Час $\bar{в}$ стоп $\bar{и}$. Час $\bar{г}$ стоп $\bar{д}$. Час $\bar{д}$ стоп $\bar{а}$. Час $\bar{е}$
 стоп $\bar{ө}$. Час $\bar{с}$ стоп $\bar{и}$. Час $\bar{з}$ стоп $\bar{ө}$. Час $\bar{и}$ стоп $\bar{а}$. Час $\bar{ө}$ стоп $\bar{с}$ ⁷⁰ ||
 Час $\bar{і}$ стоп $\bar{и}$. Час $\bar{а}$ стоп $\bar{к}$. ⁷¹ ||

E
 л. 478 М(ѣ)с(я)ць декабрь р(е)комы студены, има(е)т дни ла ^{71a} Д(е)нь
 има(е)т час(о)въ $\bar{ө}$, а ноцъ $\bar{е}$. А лѣн има(е)т ⁷² л. ⁷³ А ⁷⁴ нас(татие) ло-
 ун(ы) ⁷⁵ в $\bar{е}$ -и ⁷⁶ час ноци.

Преж(е)	$\bar{а}$	кала(н)д	гi	з а	©	пр(о)р(о)к(а) Наоума
Преж(е)	$\bar{д}$	новъ	$\bar{г}$ i	а в	©	пр(о)р(о)к(а) Амбакѣма ⁷⁷
Преж(е)	$\bar{г}$	новъ	в в г		©	пр(о)р(о)к(а) Софонъ ^{77a}
Преж(е)	$\bar{в}$	новъ	i г д		©	м(у)ч(ени)цѣ Варвары
Преж(е)	$\bar{а}$	новъ	i д е		©	о(т)ца Савы
Преж(е)	$\bar{и}$	идус	иi ^{77b} е s		©	о(т)ца Николы
Преж(е)	$\bar{з}$	идус	иi s з		©	о(т)ца Амбросьа
Преж(е)	$\bar{с}$	идус	з и		©	о(т)ца Патапѣа
Преж(е)	$\bar{е}$	идус	д а ө		©	Зач(а)тіе Анны
Преж(е)	$\bar{д}$	идус	з в i		©	м(у)ч(ени)к(а) Мины
Преж(е)	$\bar{г}$	идус	ei г а		©	Данила столп(ника)
Преж(е)	$\bar{в}$	идус	vi ei д в		©	о(т)ца Спиридона
Преж(е)	$\bar{а}$	идус	а vi е г		©	м(у)ч(ени)к(а) ^{77b} Евъ- стратиѣа
Преж(е)	$\bar{и}$ i	кала(н)д	а s д		©	м(у)ч(ени)к ^{77r} Фоурса ⁷⁸ и Леукиа ⁷⁹
<i>T</i> стб. а	$\bar{з}$ i	кала(н)д	ө з е		©	м(у)ч(ени)к(а) ⁸⁰ Ельѣ- феръа
Преж(е)	$\bar{с}$ i	кала(н)д	ө а s		©	пр(о)р(о)к(а) Аггѣа
Преж(е)	$\bar{е}$ i	кала(н)д	зi в з		©	-x $\bar{г}$ ⁸¹ отрокъ Аван(и) ⁸²
Преж(е)	$\bar{д}$ i	кала(н)д	зi г и		©	Севастиана
Преж(е)	$\bar{г}$ i	кала(н)д	дi s д ө		©	Вонифантіа
<i>P</i> л. 608 об.	$\bar{в}$ i	кала(н)д	дi е к		©	Игнат(ъ)га Б(о)го- нос(ца)
Преж(е)	$\bar{а}$ i	кала(н)д	е s а		©	Оульѣны
Преж(е)	$\bar{і}$	кала(н)д	з в		©	Анастасіи
Преж(е)	$\bar{ө}$	кала(н)д	аi г ⁸³ а г		©	-x ⁸⁴ $\bar{і}$ м(у)ч(ени)кѣ іже ⁸⁵ въ ⁸⁶ Кри(тѣ) ⁸⁷
<i>E</i> л. 478 об.	$\bar{и}$	кала(н)д	аi в д		©	м(у)ч(ени)цѣ Еоугеніи
Преж(е)	$\bar{з}$	кала(н)д	өi г е		©	Р(о)ж(е)ство г(оспод)а наш(его) ⁸⁸
Преж(е)	$\bar{с}$	кала(н)д	өi д s		©	сбор с(вя)тыя ⁸⁹ б(огороди)ца ⁹⁰

⁶⁸ P нет
^{71a} P далее а
⁷⁶ P, E нет и
⁷⁸ E Фирса
⁸⁴ E нет -x
⁹⁰ P бци

⁶⁹ E далее вставлено и зачеркнуто пол
 лѣн имат дни л̄
⁷⁷ E Аввакум
⁷⁹ P нет, E Лев
⁸⁶ P нет

⁷⁰ P д̄
⁷² P нет
^{77a} P Софронъ
⁸⁰ E нет
⁸¹ P г̄-и
⁸⁷ P нет
⁸⁸ P Ис, E нет

⁷¹ P к̄
⁷³ P нет
⁷⁶ E ӣ
^{77b} E нет
⁸² P, E нет
⁸³ P г̄
⁸⁹ P нет

Преж(е)	ѣ	кала(н)ѡ		е	з	Ⓢ	первом(у)ч(ени)к(а) ⁹¹ Стефан(а) ⁹²
Преж(е)	ѡ	кала(н)ѡ	si	с	и	Ⓢ ⁹³	м(у)ч(ени)к Ⓢ ижженых ⁹⁴
Преж(е)	ѣ	кала(н)ѡ	е	si	з	Ⓢ	-х млад(енец) ⁹⁵ #дї ѡт ⁹⁶ Ирод(а) ⁹⁷
Преж(е)	ѡ	кала(н)ѡ	гї	и	а	Ⓢ	м(у)ч(ени)цѣ Анѣсьи
Преж(е)	а	кал(а)ндѣ		гї	в	Ⓢ	ла ⁹⁸ Меланѣи

Час ѡ стоп(ы) пол кс. Час ѡ стоп ѡї. Час ѣ стоп(ы) пол ѡї. Час ѡ стоп(ы) пол гї. Час ѡ стоп(ы) пол і. Час ѡ стоп(ы) пол ѡ. Час з стоп(ы) [пол]⁹⁹ і. Час и¹⁰⁰ стоп(ы) пол гї. Час ѡ стоп(ы) пол ѡї^{IV,1}. Час і стоп(ы) пол [ѡ Час]² аї стоп(ы) пол ѡ.

⁹¹ Р мч, Е нет ⁹² Р далее перво, Е далее пер ⁹³ Р Ⓢ—хъ ⁹⁴ Р нет, Е иж'жен
⁹⁵ Р далее избьен ⁹⁶ Р нет ⁹⁷ Р нет ⁹⁸ Р а ⁹⁹ вставляю по Р
¹⁰⁰ Р ѡ
^{IV,1} Р ѡ ² вставляю по Р

И. Н. ЛАТЫШЕВ, А. К. СВИРЛОВА, Р. А. СИМОНОВ

Анализ астрономических данных псковского календаря XIV в.

Рукописный календарь из Пскова, обнаруженный Я. Н. Шаповым в списках XV—XVI вв., является новооткрытым памятником средневековой астрономической мысли, содержащим сведения о длине солнечной тени, измеряемой в стопах. Данные об астрономических наблюдениях регистрируют длину солнечной тени от гномона (вертикального стержня) в течение года для светлого времени суток.

Я. Н. Шапов первоначально ставит вопрос о том, являлось ли установление этих данных местным русским достижением или они были заимствованы из источника, сохранившего достижения античной науки. Отмечая, что числа, выражающие длину тени, значительно искажены, Я. Н. Шапов дает исправленные значения на основе данных часа той же длины, симметричных по отношению к полудню, но оставляет открытым вопрос о реконструкции числовых показателей для самого полудня. Сравнивая данные древнерусского источника с аналогичными зарубежными календарями, Я. Н. Шапов устанавливает, что с ними почти полностью совпадает длина теней итальянского неполного календаря (на 1 месяц из 12) из Монте-Кассино (IX—XI вв.), тогда как в североанглийском календаре Беды Достопочтенного (VIII в.) соответствующие значения относительно больше по величине. Отсюда автор сделал вывод, что «псковские таблицы соответствуют значительно более южным широтам и не могли успешно применяться в Северной Руси» (см. с. 165 настоящего издания).

В настоящей заметке на основе данных астрономии и математики анализируются результаты изучения данных о длине солнечной тени, полученные Я. Н. Шаповым. Для решения поставленной задачи необходимо было установить, что собой представляет «стопа», в которой измерялась длина тени в древнерусском календаре. Из исторической метрологии известно, что в период феодальной раздробленности на Руси употреблялась мера, именуемая «стопой», в качестве синонима меры «локоть».¹ В рассматриваемом памятнике этот термин употребляется в значении так называемой гномической стопы. По поводу этой меры подробно писал ал-Бируни (973—1048).² Гномическая стопа составляет $\frac{1}{7}$ или $\frac{1}{6,5}$ длины любого гномона; в этой мере измеряется тень того же гномона. Гномическая стопа не имеет абсолютной, постоянной величины, она меняется в зависимости от высоты гномона, являясь как бы персональной мерой каждого гномона. Но любой гномон в определенной географической точке и в одно и то же время года и суток будет иметь тень, состоящую из одинакового числа стоп. По ал-Бируни, гномические стопы применяли

¹ Е. И. Каменцева. Историческая метрология. М., 1978, с. 8.

² ал-Бирўнӣ, Абӯ-р-Раӣхāн. Ифрāд ал-мақāl фӣ амр ал-азлāl. — Расāил ал-Бирўнӣ. Хайдарабād, 1367х. [1948], ч. 2, с. 32—36. На этот источник авторам было любезно указано проф. Б. А. Розенфельдом.

мусульмане Востока, для них значение имели данные о длине тени гномона исключительно в полдень для определения времени полуденной молитвы.

В соответствии с приведенными выше сведениями из ал-Бируни для анализа данных о длине тени древнерусского календаря необходимо знать длину полуденной тени. Для этого нужно разобраться в том, в каких «часах» измерялось время, когда производились наблюдения о длине тени. В средневековый период для астрономических целей применялись два вида часа: постоянный час, равный $1/24$ времени суток, и «косой» час, т. е. переменный, который получался от деления на 12 длительности светлого и отдельно темного времени суток. В рассматриваемом древнерусском календаре данные о длине тени были получены с использованием «косого», т. е. переменного, часа.³ Так, сведения о длине тени древнерусского календаря содержат для каждого месяца по 11 значений. Это не случайно, так как они связаны с определенной последовательностью проведения наблюдений. Первое наблюдение выполнялось спустя час (переменный) после наступления рассвета, второе — спустя два часа и т. д. Двенадцатого наблюдения не могло быть, так как через час после осуществления 11-го наблюдения наступала темнота и измерять солнечную тень становилось невозможно. Ряды из 11 значений симметричны относительно своей середины, т. е. 6-го часа. Причем, удаляясь от этой середины в обе стороны, числовые показатели в стопах равномерно увеличиваются, так что самая длинная тень приходится на концы рядов — 1-й и 11-й часы наблюдений, которые равны между собой или близки по значениям. Это свойство близости значений присуще любым двум часам, взятым на равных расстояниях от концов любого ряда наблюдений. Поскольку самая короткая тень в рядах соответствует 6-му часу, то это может означать, что им является полдень. А это в свою очередь подтверждает положение, что система показателей о длине тени в древнерусском календаре — суть данные, связанные с делением светлого времени суток независимо от времени года на 12 равных частей. Следовательно, «час» древнерусского календаря — есть переменный («косой») дневной час.

Числовые данные о длине тени в древнерусском источнике содержат искажения. Я. Н. Щапов заметил наличие симметрии в числовых рядах относительно полудня и поступил правильно, исправив на ее основе дефектные показатели, кроме, естественно, полуденных значений, которые было не с чем сравнивать. Однако для астрономо-математического анализа наибольший интерес представляли как раз полуденные значения. С этой целью нами были выполнены математические модели календарных показателей для всех 12 месяцев, на основе чего методом интерполирования получены точные значения центров симметрии каждого ряда, т. е. полуденных теней. Данные по шести месяцам — январю, марту, маю, августу, ноябрю и декабрю, — приводящиеся в древнерусском календаре, совпали с расчетными, а для остальных шести месяцев были нами уточнены. Последние значения восполняют пропуски для 6-го часа в таблице Я. Н. Щапова, содержащей реконструкции числовых показателей о длине тени. Расчетная сводка данных о длине полуденной тени такова: январь — 7 стоп, февраль — 5.5 стопы, март — 4 стопы, апрель — 2.5 стопы, май — 2 стопы, июнь — 1 стопа, июль — 1.5 стопы, август — 2.5 стопы, сентябрь — 5 стоп, октябрь — 6.5 стопы, ноябрь — 8 стоп, декабрь — 8.5 стопы.

Относительная длина тени гномона может быть определена по формуле:

$$l = h \operatorname{tg} (\varphi - \delta), \quad (1)$$

³ Вопрос о применении на Руси переменного часа поставил Д. И. Прозоровский в работе «О старинном русском счислении часов» (Труды 2-го археолог. съезда, вып. 2. СПб., 1881).

где l — длина тени, h — высота гномона, φ — широта места наблюдения, δ — склонение Солнца. Положив $h=1$, получим:

$$l = \operatorname{tg}(\varphi - \delta). \quad (2)$$

Здесь длина тени выражена в единицах длины гномона, т. е. применительно к рассматриваемому случаю — в стопах.

Обозначив измеренную длину тени в январе через x_1 , через x_2 — в феврале и т. д., через x_{12} — в декабре, получим набор значений x_i ($i=1, 2, \dots, 12$). Соответствующий набор показателей l_1, l_2, \dots, l_{12} определим по формуле (2). Если наблюдения проводились совершенно точно и определенно известны географическая широта места наблюдения, а также даты наблюдений, то между x_i и l_i была бы линейная зависимость. Напротив, если l_i вычислены для другой широты, то при выполнении остальных условий между x_i и l_i не существовало бы точной линейной зависимости. Из этого следует такой метод определения широты: берутся различные ее значения и рассчитываются соответствующие коэффициенты линейной корреляции по формуле:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^{12} (x_i - \bar{x})(l_i - \bar{l})}{\sqrt{\sum_{i=1}^{12} (x_i - \bar{x})^2} \sqrt{\sum_{i=1}^{12} (l_i - \bar{l})^2}}, \quad (3)$$

где \bar{x} и \bar{l} — средние арифметические значения.

Искомой широте будет соответствовать наибольший коэффициент корреляции. Но здесь имеется трудность: в древнерусском календаре указаны не даты наблюдений, а только месяцы. А за месяц, особенно весной и осенью, склонение Солнца меняется до 10° и более. Поэтому было сделано предположение о том, что между данными наблюдений или прошел точно месяц, или же данные источника — сглаженные за месяц, т. е. относящиеся, например, к середине каждого месяца, и в таком случае интервал между данными наблюдений — также месяц.

Необходимо было учесть, что календарь из древнерусского текста может не совпадать с современным календарем, действующим в СССР. Поэтому была выбрана следующая последовательность операций: вычислялась длина тени для определенного числа какого-либо месяца, затем следующего месяца и т. д. Сначала было принято, что данные для декабря соответствуют 1 января по нашему календарю. В таблице 1 приведены значения коэффициента корреляции r для разных широт, а также длина гномона в тех единицах, в которых измерялась длина тени.

Таблица 1

Широта	25°	28°	30°	35°	40°	45°	50°	55°
Корреляция	0.988	0.989	0.989	0.986	0.983	0.978	0.970	0.950
Длина гномона	8.89	7.74	6.90	5.75	4.69	3.81	3.04	2.29

Как видно из таблицы 1, наибольший коэффициент корреляции имеет место при $\varphi=28^\circ$ и $\varphi=30^\circ$. Из приведенных данных следует, что корреляция оказывается максимальной для длины гномона в 7.74 — 6.90 стоп и уменьшается в обе стороны от нее. Но ведь совсем не обязательно, что данные за декабрь соответствуют 1 января по нашему (современному) календарю. В таблице 2 приведены коэффициенты корреляции и для других чисел месяцев для широты 30° .

Таблица 2

Дата	1 дек.	15 дек.	22 дек.	1 янв.	7 янв.	15 янв.
Корреляция	0.876	0.965	0.980	0.989	0.976	0.945

По данным, полученным таким образом, можно подсчитать, что наибольшая корреляция будет в том случае, если считать значения наблюдений за месяц соответствующими концу каждого месяца. Руководствуясь изложенным методом и приняв за длину гномона 7 стоп, находим, что этой длине отвечает широта 29.5° , соответствующая примерно Иерусалиму. Коэффициент корреляции в этом случае близок к максимальному, что указывает на предполагаемый район места наблюдений. А это значит, что наблюдения производились определенно не во Пскове. Таким образом, южное происхождение данных древнерусского календаря о длине тени, установленное расчетами, подтверждает выводы Я. Н. Шапова.

Следует отметить важное значение этих данных для истории естественнонаучных представлений Древней Руси. Источник устанавливает факты знакомства на Руси XIV в. с «гномической стопой» и «косым», т. е. переменным, часом. Гномическая стопа является новым понятием в номенклатуре древнерусских мер. Об использовании на Руси переменного часа еще в XI—XII вв. вопрос был поставлен давно (Д. И. Прозоровским), но полной ясности в нем не было.⁴ Теперь появился еще один текст, дополняющий сведения о знакомстве с понятием переменного часа в древнерусской календарно-астрономической практике.

⁴ Одним из древнерусских источников, свидетельствующих об употреблении в календарной практике XII в. переменного часа, можно считать «Учение им же ведати человеку числа всех лет» (1136 г.) Кирика Новгородца. См.: Р. А. С и м о н о в. Кирик Новгородец — ученый XII века. М., 1980, с. 95—96.

Материалы к истории русских хронографов.

2. Софийский хронограф и «Хроника Иоанна Малалы»*

Открытие Софийского хронографа (рукопись ГПБ, Софийское собр., № 1454, л. 334—376) принадлежит В. М. Истрину, кратко описавшему его состав и источники и пришедшему к следующим выводам относительно его происхождения.¹

1. Софийский хронограф (далее: *Соф*) доказывает существование полного славянского перевода Хроники Иоанна Малалы (далее: *Хр. Малалы*); 2. *Соф* связан с Архивским хронографом (рукопись ЦГАДА, ф. 181, № 279/658, далее: *Арх*); 3. Однако *Арх* не мог быть источником *Соф*, поскольку тот в ряде случаев содержит текст *Хр. Малалы*, неизвестный ни *Арх*, ни сходному с ним Виленскому хронографу (рукопись Библиотеки АН Литовской ССР, № 109, далее: *Вил*); 4. По типу *Соф* сходен с Еллинскими летописцами, объединяя два источника — *Хр. Малалы* и Хронику Георгия Амартола (далее: *Хр. Амарт*); 5. Существовала некая хроника, к которой восходят, с одной стороны, не дошедший до нас хронографический свод XIII в. — источник *Арх* и *Вил*, а с другой — хронограф — «непосредственный оригинал» *Соф*.²

Все эти выводы следует признать справедливыми, но сейчас есть возможность углубить и уточнить их на основе новых разысканий в области древнерусской хронографии.³

Соф, сохранивший, хотя и в сильном сокращении, текст нескольких книг *Хр. Малалы*, а в ряде случаев донесший до нас те фрагменты ее славянского перевода, которые не сохранились в других хронографических сводах,⁴ представляет большую важность как для реконструкции древнейшего славянского перевода *Хр. Малалы*, так и для изучения древнерусской хронографии, ибо, как мы увидим далее, он оказывается связан общими источниками не только с *Арх* и *Вил*, что отметил В. М. Истрин, но и с Еллинскими летописцами (далее: *ЕЛ*) и с «Прибавлением к палее». Публикация полного текста *Соф* имеет большое значение, поскольку прежде были опубликованы лишь фрагменты из него в составе издания 6—7, 8—9, 10 и 11—14 книг Малалы (см. ниже, примеч. 6). Не менее важен текст *Соф* для исследования судьбы на русской почве *Хр. Амарт*. Однако в данной статье мы ограничимся публикацией текста и рассмотрением

* Первую статью этой серии см.: ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 256—274.

¹ В. М. Истрин. Краткий хронограф с Хроникой Иоанна Малалы. — В кн.: В. М. Истрин. Исследование в области древнерусской литературы. I—V. СПб., 1906, с. 52—70. Первоначально эта статья была опубликована в ЖМНП (1903, ноябрь, с. 167—185). Далее: Истрин. Краткий хронограф.

² Истрин. Краткий хронограф, с. 68—70.

³ О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

⁴ *Хр. Малалы* отразилась в *Арх*, *Вил*, Еллинских летописцах первой и второй редакций, Полной и Краткой хронографических палеях, Тихомировском и Троицком хронографах и в «Прибавлении к палее». Сведения о всех этих памятниках см. в книге «Древнерусские хронографы».

лишь одного вопроса: что дает *Соф* для изучения истории славянского перевода *Хр. Малалы*?⁵

Первостепенное значение имеет для нас осуществленная В. М. Истриным реконструкция перевода *Хр. Малалы*, а именно публикация фрагментов этой хроники, извлеченных из разных древнерусских хронографических компиляций и расположенных в порядке следования греческого текста.⁶

Систематическое сравнение текста *Соф* с этим изданием позволяет сопоставить его с чтениями тех же мест *Хр. Малалы* в других хронографических сводах. Сравнение с греческим текстом хроники — Оксфордским списком Малалы, изданным в Боннской серии,⁷ становится возможным лишь начиная со 2-й книги, так как названный список не имеет начала.

* * *

Прежде всего обратим внимание на те фрагменты текста *Хр. Малалы*, которые неизвестны *Арх* и *Вил* (в которых текст первых книг *Хр. Малалы* сохранился наиболее полно), но содержатся либо только в *Соф*, либо в *Соф* и *ЕЛ* (где, напротив, первые книги сохранились в кратком пересказе). Для удобства ориентировки в тексте *Соф* он разбит в публикации на фрагменты, к которым мы и отсылаем в дальнейших наблюдениях.

Фрагмент 6. Первая фраза его («Бысть же от потопа лѣт 370») соответствует последней фразе гл. 11 первой книги (см. Истрин, I, 10), в других славянских хронографах ее нет; остальная часть фрагмента — пересказ гл. 12, сохранившейся также в *ЕЛ*, и «Прибавление к палее».

Фрагмент 7. Глава 13 сохранилась только в *Соф*. При этом в дополнение к приведенному В. М. Истриным сопоставлению⁸ добавим, что и первая фраза («Род же Арфаксадов до сынаго творения пребысть . . . от Адама же 2922»), разорванная вставкой библейского текста, также, видимо, восходит к греческому тексту: Καὶ λοιπὸν τὸ γένος τοῦ Ἀρφαξᾶδ ἔτη ρλε. γίνονται οὖν ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τῆς συμπληρώσεως τῆς περικοπῆς ἔτη βικβ.

Фрагменты 31—33. В 31 фрагменте содержится пересказ II кн. *Хр. Малалы* (Бонн. 53, 15—18) текста, непосредственно продолжающего текст, читающийся в *Арх* и *Вил*. В. М. Истрин считал, что дальше (фрагмент 32) продолжается текст Малалы, но в действительности здесь приводится извлечение из *Хр. Амарт*.⁹ К той же хронике восходит и фраг-

⁵ Из последних работ см.: З. В. Удалъцова. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси. — В кн.: Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 47—58; Э. М. Шусторович. Древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы (История изучения). — ВВ, 1969, с. 136—152.

⁶ См. работы В. М. Истрина: Первая книга Хроники Иоанна Малалы. — Записки имп. АН, сер. VIII, историко-филологическое отд-ние, т. 1, № 3, 1897, с. 1—29; Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга вторая. — Летопись Историко-филологического общ-ва при имп. Новороссийском университете, т. X, Византийско-славянский отд., т. VII, Одесса, 1902, с. 437—486; Хроника. . . Книга четвертая. — Там же, т. VIII, Византийско-славянский отд., т. VIII, Одесса, 1905, с. 342—367; Пятая книга Хроники Иоанна Малалы. — Там же, т. XVI, Византийско-славянское отд-ние, т. IX, ч. 2, Одесса, 1910, с. 1—51; Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книги шестая и седьмая. — СОРЯС, т. LXXXIX, 1912, № 3; Хроника. . . Книги восьмая и девятая. — Там же, № 7; Хроника. . . Книга десятая. Одесса, 1912; Хроника. . . Книги одиннадцатая—четырнадцатая. — СОРЯС, т. XC, 1914, № 2; Хроника. . . Книги пятнадцатая—восемнадцатая и приложения. — Там же, т. XCI, 1915, № 2; В дальнейшем все цитаты даются по этим изданиям: Истрин, далее римской цифрой обозначается книга, арабской прямой — страница, арабской курсивной — строка. Книга вторая, четвертая и пятая цитируются по отдельным отпискам, в которых текст занимает соответственно страницы: 29—50; 1—15; 1—36.

⁷ Ioannis Malalae chronographia ex rec. L. Dindorfii. Bonnæ, 1831 (далее: Бонн; арабской прямой цифрой обозначается страница, арабской курсивной — строка).

⁸ Истрин. Краткий хронограф, с. 57.

⁹ См.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амарты в древнем славяно-русском переводе, т. 1. Пг., 1920, 62, 11—13; 62, 14—63, 4. При цитировании этого издания арабскими прямыми цифрами обозначены страницы, курсивными — строки.

мент 33¹⁰ вопреки утверждению В. М. Истрина, что «вслед за рассматриваемым местом следует действительный текст Малалы». ¹¹ В Тихонравовском хронографе (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 704, л. 68, по старой пагинации — 74, далее: *Тих*) читается текст, соответствующий фрагменту 31, но он несколько продолжен: «. . . Евсѣвии Паньфиловъ списавших прежде храбрых воевод или иных доблести сътворшеих мудрость, и тѣх почтоша акы боги небесныя, человеком имъ бывшимъ, бессмертное нарекоша» (ср. Бонн, 53, 18—54, 4), и далее следует вновь пересказ Малалы (Бонн, 55, 2—56, 4), т. е. почти до конца II книги.

Фрагмент 35. Пересказ небольших фрагментов из III книги *Хр. Малалы* (Бонн, 59, 11—21; 61, 3—9; 63, 4—7. Истрин указывает еще 67, 1—7, но это сближение спорно). Фрагменты из III книги отсутствуют в *Арх* и *Вил*, но пересказ отдельных ее фрагментов, частично совпадающих с *Соф*, имеется в *ЕЛ* (Бонн, 63, 4—7; 65, 13—66, 8) и в *Тих* (57, 10—58, 5; 58, 7—18; 59, 5—21; 61, 3—14; 61, 19—62, 6; 62, 7—63, 3; 63, 4—7; 65, 13—66, 8), ¹² однако в последнем выписки читаются не подряд, а рассеяны в различных местах текста. Но вот что важно: и в *ЕЛ* и в *Тих* в подряд следующем тексте одна и та же лакуна — после 63, 4—7 читается 65, 13—66, 8. Фрагмент 63, 4—7 входит, как мы знаем, и в состав *Соф*. Не следует ли из этого, что в первоначальном тексте перевода *Хр. Малалы* или в той его переработке, которая явилась непосредственным источником для славянских хронографических компиляций, также был этот пропуск?

Фрагмент 60 интересен тем, что в *Соф* цитирование 6 книги *Хр. Малалы*, так же как в *Арх* и *Вил*, начинается со слов, соответствующих Бонн, 152, 9, тогда как в *ЕЛ* первой редакции ¹³ содержится и предшествующий текст (Бонн, 151, 6—152, 8). То же мы обнаруживаем и далее в той же книге (см. фрагменты 63 и 65): текст, отсутствующий в *Арх* и *Вил*, но читающийся в *ЕЛ* обеих редакций (см.: Истрин, VI, 11, 4—18), не отразился также и в *Соф*. Случайны ли эти совпадения или они указывают на какие-то еще не известные нам факты истории русских хронографов, сказать пока трудно.

Фрагмент 73 содержит пересказ начала 8 книги *Хр. Малалы* (Бонн, 192, 1—7), не известного ни *Арх* и *Вил*, ни *ЕЛ* обеих редакций. Важно отметить следующее: именно между окончанием 7-й книги и началом 8-й и *Арх*, и *ЕЛ*, и *Соф* после указанного выше фрагмента из *Хр. Малалы* приводят текст Хронографической Александрии первой редакции или полностью, как *Арх* и *ЕЛ* первой редакции (во второй редакции *ЕЛ* читается текст Александрии второй редакции), или частично, как *Соф* (см. фрагмент 74). Но *Соф* и *ЕЛ* первой редакции сходны еще и тем, что тут же читается один и тот же фрагмент из *Хр. Амарт* (в *Соф* он составляет фрагмент 75).

Фрагменты 99 и 100 содержат пересказ фрагментов 10 книги *Хр. Малалы*, не сохранившихся в *Арх*, *Вил* и *ЕЛ* (Бонн, 259, 14—21; 260, 1—4; 262, 7—21; 263, 18—20; 264, 10—14; 266, 13—267, 11 и 268, 13—21 — по большей части в сильном сокращении) и фрагмента (Бонн, 260, 9—15), сохранившегося также в обеих редакциях *ЕЛ* (во второй в более сокращенном виде).

Фрагменты 101—104, 105 и 107 содержат сохранившиеся только в *Соф* короткие выписки из 11 и 12 книг *Хр. Малалы* (Бонн, 269, 1—2; 277, 15—18; 279, 12—13; 279, 21—280, 9; 281, 20—21; 282, 14—15). Эти книги не сохранились в других древнерусских хронографах: в *Арх* повествование обрывается на времени Тита, а в *ЕЛ* весь период истории от Нервы

¹⁰ Истрин. Краткий хронограф, с. 59—60.

¹¹ См. его публикацию в приложении к изданию пятнадцатой—восемнадцатой книг *Хр. Малалы*, с. 49.

¹² См.: там же, с. 48—51.

¹³ О редакциях Еллинского летописца и его источниках см.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы, гл. 5 и Приложение.

до Юлиана Отступника излагается исключительно по *Хр. Амарт*. Следовательно, только *Соф* позволяет нам судить о том, что эти книги также были в славянском переводе, причем, вероятно, достаточно полном, ибо следующие книги (13—18) дошли в составе *ЕЛ* в виде достаточно обширных фрагментов, тогда как в *Соф* они представлены столь же краткими выписками, что и книги 11 и 12.

Фрагменты 114, 116, 118, 120, 121, 123, 124, 126, 127 и 128 содержат, как уже сказано, краткие (за исключением разве что фрагмента 118, повествующего о судьбе императрицы Евдокии) выписки из 13—18 книг *Хр. Малалы*. По преимуществу это сообщения о воцарении и продолжительности правления византийских императоров. Примерно такого же содержания и большинство выписок из *Хр. Амарт*, хотя из этого источника извлечены также краткие сведения по церковной истории. Подобные выписки характерны для кратких хронографических компиляций типа «Хронографа по великому изложению» или хронографической части Полной и Краткой хронографической палеи, однако ни в составе выписок из *Хр. Амарт*, ни тем более в составе выписок из *Хр. Малалы*¹⁴ *Соф* с ними не совпадает,¹⁵ а выписка, составляющая 118 фрагмент *Соф*, не содержится вообще ни в каком ином из известных нам русских хронографов.

Итак, перед нами компиляция, не зависящая от «Хронографа по великому изложению» или подобных ему текстов. Обстоятельства ее составления могут быть несколько прояснены после анализа выписок из *Хр. Амарт*, но этому вопросу будет посвящена специальная работа. Сейчас же лишь подчеркнем еще раз, что выписки *Соф*, как бы кратки они ни были, позволяют нам судить об объеме славянского перевода *Хр. Малалы*, находившегося в распоряжении древнерусских книжников.

В заключение приведем два примера того, как текст *Соф* вносит уточнения в наши представления о чтении славянского перевода *Хр. Малалы*.

Так, *Соф* позволяет судить о том, что отождествление Гефеста со Сварогом, а Гелиоса (Солнца) с Дажьдбогом принадлежит не составителю русского компилятивного хронографа, как допускал Д. С. Лихачев,¹⁶ и тем более не летописцу, включившему фрагмент из *Хр. Малалы* в летописную статью 1114 г.,¹⁷ как думает А. Н. Робинсон,¹⁸ а восходит к какой-то древней (если не первоначальной) редакции перевода *Хр. Малалы*. Как известно, это отождествление присутствует уже в *Арх* (см.: Истрин, II, с. 29 и 30), а в *Соф* мы находим не только это же отождествление (см. фрагменты 17—19), но и более точную передачу имени греческого бога: «Ифест», тогда как в *Арх* и летописи — «Феоста».

Укажем также на сходство *Соф* с «Прибавлением к палее»: в обоих текстах сохранилось имя дочери Зевса и Ио — Ливии (см. фрагмент 23).¹⁹ Таким образом, при попытках реконструкции текста славянского перевода *Хр. Малалы* исследователи смогут, опираясь на *Соф*, уточнить и исправить ряд чтений *Арх* и *ЕЛ*.

Все это говорит о большом значении текста *Соф* для изучения славянской и древнерусской хронографии. Это и побудило предпринять публикацию текста Софийского хронографа.

¹⁴ В названных компиляциях из *Хр. Малалы* использован лишь текст 7, 9 и 10 книг. О составе и источниках хронографических компиляций см. в Приложении к моей книге «Древнерусские хронографы» (с. 239—274).

¹⁵ Некоторые совпадения — кажущиеся, они объясняются тем, что и «Хронограф по великому изложению» приводил сведения о воцарении очередного императора и в этих случаях — чисто сюжетно — напоминает *Соф*.

¹⁶ См.: Повесть временных лет, ч. 2. М.—Л., 1950, с. 480.

¹⁷ См. подробнее: О. В. Творогов. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 8—11.

¹⁸ А. Н. Робинсон. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978, с. 20—22.

¹⁹ Подробнее см.: О. В. Творогов. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVII вв., с. 14.

Текст передается с некоторыми орфографическими упрощениями: заменяются буквы Ѫ, Ѡ Ѫ, Ѥ, Ѧ, однако сохранены «Ѣ» и «Ѵ» (ижица), а при раскрытии титл и внесении в строку выносных букв все восполняемые буквы заключаются в скобки.

СОФИЙСКИЙ ХРОНОГРАФ

Пред(и)словие

[I] Прѣблагыи и ч(е)л(о)в(ѣ)колюбивыи б(о)гъ, хотя сег(о) мира сътвори от небытия, первыи помысли на^{1, а} н(е)б(е)сныи силы, и помышление дѣло быс(ть) словомъ съзидаемо и д(у)хомъ съврѣшаемо. Сътвори ж(е) агг(е)лы, архангг(е)лы, начала, господствія, силы, власти, престолы, многоочитыи херувим(и) и шестокрилатаа серафими. Устрои ж(е) коемуждо чину чиноначалника^б и воеводу. Сяде тому ж(е) чину воевода Сотонаил, иже въсприемъ мысль немощну, отвращя, хотѣ поставити пр(е)ст(о)лъ свои на облацѣх. «И буду, — реч(е), — подобенъ вышнему». Разгордѣвъ ж(е) и б(о)га себе помнѣвъ, отпаде сана своего и съврѣженъ быс(ть) съ н(е)б(е)се и с чиномъ сущимъ под нимъ. Сынъ ж(е) иног(о) чину началникъ Михаилъ архистратигъ видѣ отступника отпадша, събра агг(е)льскыи силы, рекъ: «Вонмѣмъ, егда же бл(а)говоли м(и)л(о)ст(и)выи и щедрыи б(о)гъ ин миръ земныи, якож(е) писано въ пятыхъ книгахъ быт(ь)а, якож(е) великыи Моисии начинаетъ, г(лаго)ля: „В началѣ/сътвори б(о)гъ н(е)бо и землю”».

л. 334
об.

Отселѣ почнемъ начало сказанию перваго дне. Въ нач(а)лѣ сътвори б(о)гъ н/е/бо и землю, не се н(е)бо, но вышнее, о немже и Д(а)в(ы)дъ реч(е): «Н(е)бо н(е)б(е)сное г(о)с(поде)ви», а се видимое въ вторыи д(е)нь сътвори, якож(е) бо в полатѣхъ посреди преграда прѣмощена ес(ть), тако ж(е) и г(оспод)ъ посрѣди земли и вышнимъ н(е)бомъ преграду н(е)бо второе сътвори и выше ег(о) воды възведе. Смотри съдѣтеля, как(о) създание сътворяетъ, пръвое н(е)бо протягнувъ, и тогда землю утверди, пръвое врѣхъ — и тогда стены. Земля ж(е) бѣ не видима и не украшенна, и тма верху бездны. Б(о)гъ убо ни тмы, ни мрака сътворилъ, да откуда тма? Мнози пръвыи г(лаго)лють тму стѣнь суцу н(е)б(е)сну, но н(е)бо вышнее свѣтло ес(ть), а не темно. Аще бо бы и с(о)лнца не имело, ни луны, ни звѣздъ, то и само то свѣтяшес(я) ес(ть)ствомъ. Да елма ж(е) н(е)бо врѣху бѣаше, а земля долѣ простерта и сиаа выше, а освѣщаемое долѣ, то откуда тма мнѣ мнитс(я)? Еже вода плаваше по земли, тма ж(е) и мгла над водами стояше, якож(е)/и н(ы)нѣ над рѣками да еж(е) мгла^в мракъ съставивши сътвори облакъ, облацѣ же посѣнивше тму сътвориша. А еж(е) врѣху бездны, бездние зоветъ множ(е)ство водное, и д(у)хъ б(о)жий ношашес(я) врѣху воды. Д(у)хъ убо^г не с(вя)тыи здѣ мнѣнит, но духъ зоветъ въздушное вѣяние. Не мни ж(е) ино въздухъ, ино ж(е) вѣтръ, ты бо самъ духъ поидыи и творитъ вѣтръ, ношаше ж(е) ся, сиреч^д повѣваше. И реч(е) б(о)гъ: «Буди свѣтъ». И быс(ть) свѣтъ. И видѣ б(о)гъ свѣтъ яко добро, и разлучи б(о)гъ между свѣтомъ и межъ тмою, и нареч(е) б(о)гъ свѣтъ д(е)нь, а тму нареч(е) нощ. И быс(ть) веч(е)рѣ и быс(ть) утро д(е)нь единъ. Почто не реч(е): «Д(е)нь пръвыи», но «единъ»? Наипач(е) бѣ подобнѣ рещи хотящему намѣнвити вторыи и третии и четвертыи день. Веч(е)ръ убо ес(ть) общъ прѣделъ дни и нощ(и), и заутрина також(е), якож(е) сусѣда нощи, и о дни, да хотя старѣишинство подати дни, прѣжде повѣдаетъ прѣходъ дневныи, тач(е) приступлен(ь)е нощное, якож(е) грядущи нощи в слѣдъ дне. Инако ж(е) д(е)нь единъ прозва вел(и)кыи Моисии с(вя)тую недѣлю, иж(е) въскр(е)с(е)ниемъ г(о)с(под)нимъ ч(е)сть приять. Въ нь ж(е) чаяти будущаго, якож(е) великыи Максимъ г(лаго)л(е)тъ:

л. 335

^{1, а} Испр., ркп., не ^б чино написано на поле ^в на поле ^г у на поле ^д на поле

«Г(о)с(под)у / въ осмыи явлшус(я) съ агг(е)лскими силами и с ним с(вя)тымъ ег(о) веселящимся радостию неизг(лаго)ланною въ свѣтѣ оном немръцающем, о немъ ж(е) реч(е) Моисв: «Д(е)нь един, а не мнози».

л. 335
об.

Д(е)нь 1. И реч(е) б(ог)ъ: «Буди тврѣд(ь) посрѣд(и) воды и буди разлучая посрѣд(и) воды и воды». И быс(ть) тако. И разлучи б(ог)ъ посрѣд(и) воды, яж(е) бѣ под тврѣд(ь)ю и посрѣд(и) воды, яж(е) бѣаше над тврѣд(ь)ю. И нареч(е) б(ог)ъ тврѣд(ь) н(е)бо. Почтож(е) тврѣд(ь) прозва, не имъ ж(е) ли от жидких вод съставлено и рѣдких утврѣди^е и ожесточи, якож(е) Исаиа свѣд(ѣ)тельствует, г(лаго)ля, якож(е) н(е)бо яко дым утврѣдися, състави ж(е) ся убо посрѣд(и) вод, и вознес пол их на высоту, а пол их долѣ. Чему ж(е) сут(ь) горѣ воды, на кую ли потребу, кто ли я хочет пити, кто ли по них плавати имат? Смотри здѣ прѣм(у)дрость творчю, яко лед бѣаше н(е)бо водами стато. С(о)лн(е)чнѣи же топлотѣ и огню и лунѣ и звѣздъ всѣх под ним быти испльнь огнѣ, да не топлотою тою изгорит и растечется и распростре по плещам н(е)б(е)сныма ширины ты водныя, да напаяют и устужают е. Ес(ть) же и притчя тому, якож(е) бы се котел оловян по/ставил на юглех, то аще будет в нем вода, то трѣпит противу огню не растоаяс(я), аци ли нѣс(ть) — разлиетьс(я).

л. 336

И реч(е) б(ог)ъ: «Съберися вода, яж(е) бѣ под н(е)б(е)сем, в сонмь един». Камо ж(е) ся събра. Слыши, егда б(ог)ъ землю сътвори, то не^ж убѣаху (так!) юдолия ни горы, но гдѣ точ(ь)ю изреч(е) «да с(я) сберет вода», ту ж(е) и юдолия сътвори и занож(ь)я и пазухы морскыя, якож(е) свѣд(е)т(е)льствует дѣлом, яко земля ся растуши, и быша острови и горы оба-полы. Да от тог(о) разумѣши и ты, яко в нач(а)ло то купно не бѣ, но б(о)жие повелѣние расади равенство то, и сринуся накупъ вода, и обнажа земля, якож(е) еи повелѣ творецъ: «Да ся зберет вода, яж(е) под н(е)б(е)семъ в сонмь единъ и да ся явит суша». И быс(ть) тако: и събрася вода, яж(е) под н(е)б(е)сем в сонмь единъ, и явис(я) суша. И нареч(е) б(ог)ъ сушю землю, а съставы водныя нареч(е) моря. И реч(е) б(ог)ъ: «Да прозаябет³ земля траву сѣнну, сѣющу сѣмя по роду на земли, и дрѣво плодовитое, творящее плод, емуже сѣмя ег(о) в нем по роду и по подобию на земли». Да по сему словеси вси холми участипас(я), всяко ж(е) дубие горѣ / течааше и длъгое на высос(ть) въходя, елие же и сосоние, борие и кшпарисие и тиси, агняд(ь)е и тополи, и трепетич(ь)е и всяко дрѣвие листовиѣм обрать зелен янеш(я) и прочих множ(е)ство. Шипок же тогда цвѣтовѣи и без острѣнна бѣаше, послѣд(и) же к добротѣ цвѣтовѣи тръние то припряжено быс(ть), да красоту приемлюще въскраи имам прилежащую печял(ь), поминающе грѣх, ег(о) ради тръние, влѣчець нам възрастити осужена быс(ть) земля.

л. 336
об.

Д(е)нь четвертыи, еже ес(ть) срѣда. Реч(е) б(ог)ъ: «Да будут свѣтилници на тврѣди н(е)б(е)сней, якож(е) сияти по земли и владѣти днем и нощию и разлучити меж свѣтом и меж нощию». Да от сег(о) разумеши, яко все, еж(е) прозаябну от земля, то прѣжде с(о)лнца и луны быс(ть), и да не мниши, якож(е) вину от с(о)лнца и м(ѣ)с(я)ца всѣ то имат, ни да мниши, яко круга таа свѣту еста виновна, но точию сосуда еста образа свѣтовнаа строенна. Родомъ бо прѣжде свѣтъ сътворен ес(ть). И сътвори б(ог)ъ обѣ / свѣтилѣ велицѣи: свѣтило^и великое в нач(а)ток дни и свѣтило меньшее в нач(а)ток нощи, и звѣзды постави б(ог)ъ на тврѣди н(е)б(е)снѣи, яко свѣтити по земли и владѣти днем и нощию. И разлучи б(ог)ъ меж свѣтом и меж тмою, и видѣ б(ог)ъ, яко добро, и быс(ть) веч(е)р и быс(ть) утро д(е)нь 4.

л. 337

Д(е)нь 5. Реч(е) б(ог)ъ: «Да изведут воды плѣжючая д(у)ша живы по роду и птица парящаа по тврѣди н(е)б(е)снѣи по роду». В томъ ж(е) повелѣнии толико множество различных рыбъ, якож(е) аще кто хочет по истинѣ сказати то, тѣи ся может окусити, и морьския волны исчести ил(и) море корцем мѣрити.

^е Испр., ркп. утврѣди

^ж написано другими чернилами

^з на поле - прорастит

^и Испр., ркп. свѣтоло

Д(е)нь 6. Реч(е) б(ог)ъ: «Да изведет земля д(у)шу живу». Народ(и) четвероногиа гады и звѣри земныа народи». И быс(ть) тако, и сътвори б(ог)ъ звѣри земныа на род их, и скоты на род их, и всякъ гад земный на род их, и видѣ б(ог)ъ, яко добро, и реч(е) б(ог)ъ: «Сътворим ч(е)л(о)в(ѣ)ка по образу своему и по подобию, и да обладает сущими на земли». Видѣ ли, возлюблене, / словом едином и повелѣнием все създание създаемо пят(ь)ю дни. Смотри дньс(ь), колико слову приобрѣтение. Не реч(е) убо: «Буди ч(е)л(о)в(ѣ)къ», нѣ — «Сътворим ч(е)л(о)в(ѣ)ка по образу н(а)шему и по подобию». Не дивися, възлюблене, ибо честнѣе всѣх видимых живот есть ч(е)л(о)в(ѣ)къ, ег(о) ради вся привед(е): н(е)бо, землю, морѣ, с(о)лнцѣ, луну, звѣзды, д(е)нь, ноц(ь), птица, звѣри, скоти, рыбы, гады, вся безсловесная животнаа, аще всѣх сих честнѣе ес(ть) ч(е)л(о)в(ѣ)къ. Чсо ради послѣди привѣд(е) его? И сие да вѣж, якож(е) ц(а)р(е)ви нѣкоему хотяю въ град внити, преж(е) убо уготовають вся яже на по-требу, таж(е) ц(а)рь в ц(а)рьскаа входить. Тако ж(е) и зде: к кому убо реч(е)но быс(ть): «Сътворим ч(е)л(о)в(ѣ)ка» и к кому съвѣт тѣи приложи вл(а)д(ы)ка? Не убо съвѣту хотя или смотрению — нѣ буди то! — но образ словес показати нам хошет, еж(е) свыше предлагает нам чест(ь), еже о ч(е)л(о)в(ѣ)цѣ създаемѣ показывает. Сътвори б(ог)ъ ч(е)л(о)в(ѣ)ка по образу своему и по подобию, създа же ег(о) сицѣ: взем / прьсть от земля и вдуну ^кна лице ег(о) ^кдух животѣн и живу силу д(у)ша приа. И быс(ть) ч(е)л(о)в(ѣ)къ оживлен д(у)шевным ес(ть)ством. И насади б(ог)ъ рай на востоцѣ и введе ту ч(е)л(о)в(ѣ)ка, ег(о)ж(е) сътвори. Адаму ж(е) не обрѣтєся помощникъ¹ подобен ему. И вложи б(ог)ъ сон въ Адама, и усне, и взят едино ребро от нег(о), и исполни плотию, и създа г(о)с(под)ь б(ог)ъ ребро, еж(е) взя от Адама, в жену и привѣде ю ко Адаму. И бѣста оба нага и не стыдѣстася. **По преступлении ж(е)** увѣдѣвъ Адам жену свою и заченши роди Каина. И реч(е): «Стяжах ч(е)л(о)в(ѣ)ка б(ог)а ради». И приложи родити брата ему Авеля. **По убиинии ж(е) Авеловѣ** изыде Каинъ от лица б(о)жиа и вселися в землю Наид прѣмо Едему и убо поятъ женѣ свою сестру првую Азору. И увѣдѣ Каин жену свою и заченши роди Еноса. И създа град с(ы)н(о)ви своему прямо Едему въ имя Еноса, с(ы)на своег(о). По сихъ же дом его падеся на нь, и умре. Роди же ся Еносови Гаидад. А Гаидад роди Мауля, а Мауль роди Мафусалу, Мафусала роди Ламеха. И поят Ламех себѣ двѣ женѣ: имя единой Адда, / а друзеи Селла. И роди Адда Овила. Съи бѣ о(те)цѣ живущих в кровѣх скотопищных, имя брату ег(о) Иоавел. Съи бѣ сказаа прѣгудници и гусли. Селла же роди Тавиила. Съи бѣ кузнецъ меди и железу. Сестра ж(е) Татовилѣва Немаан. Ламех же съи двѣ убиствѣ сътвори: ^мПрамеднаръ и Нахадима брата уби. ^м**От Адама лѣта.** Адам убо съи лѣт 230 роди Сифа и по том жит лѣт 700, жив всѣх лѣт 930, и гробъ ему въ Иер(ус)ал(и)мьстеи земли быс(ть), якож(е) вѣща Иосиф. Сифъ же поят женѣ свою сестру вторую Асуаму и роди с(ы)на и нареч(е) имя ему Енос. Съи упова призвати имя г(о)с(под)а б(ог)а. Живе ж(е) Сиф всѣх лѣт 912. Еносъ ж(е) роди Каинана и ины с(ы)ны и дщеря, а живе лѣт 905. Каинан же роди Малелеила и ины дѣти, а живе лѣт 909. Малелеил же роди Арета и инех, а живѣ лѣт 885. Арет же роди Еноха и инѣх, а живе лѣт 962. Енохъ же роди Мафусалу и ины с(ы)ны и дщеря, а живе лѣт 345 и не обрѣташєся, яко прѣставися. Мафусала же роди Ламеха, а живѣ лѣт 965. Ламех же бѣв лѣт 180 роди синѣ (*так!*) и нареч(е) и Ное. **И Ное / быс(ть)** 500 лѣт роди 3 с(ы)ны: Сима, Хама, Афѣфа. И быс(ть) егда начаша ч(е)л(о)в(ѣ)ци мнози быти на земли и дщеря роди-шас(я) им, видѣвше ж(е), реч(е), с(ы)н(о)ве б(о)жии дщеря ч(е)л(о)в(ѣ)ч-ския, яко добры сут(ь), пояша себѣ жены от всѣх, яж(е) избраша.

[2] И внидоша с(ы)н(о)ве б(о)жии къ дщерем ч(е)л(о)в(ѣ)чьским, якож(е) реч(е) Моиси, и родиша им с(ы)ны, и быша гигантѣ на земли от

л. 337
об.

л. 338

л. 338
об.

л. 339

¹ на поле ^{к-к} на поле в лице его ¹ Испр., в ркп. пощникъ ^{м-м} Написано неразборчиво в строке и повторено четко на поле

вѣка, ч(е)л(о)в(ѣ)ци нарочити. Бѣ ж(е) от Адама донелѣж(е) с(ы)н(о)ве б(о)жии помыслиша на дщери ч(е)л(о)в(ѣ)ческыя лѣтъ 2122. [3] Нѣци ж(е) г(лаго)лют, яко не о ч(е)л(о)в(ѣ)цѣх реч(е)ся, но о агг(е)лех, ако агг(е)ли бѣаху, но понеж(е) к незаконному оному дѣянию съшедшеся и сана отпадоша баснословствие^н рѣша. [4] В та ж(е) лѣта пусти б(о)гъ краду огньну с(н)еб(е)се на гиганты, живущая в Келтиисѣи земли, еж(е) списа Вудий въ творении своем. Истиннѣ же о сих реч(е) Херонийскыи Плутархъ: оставшей ж(е) гиганте, видѣвше толики от них огнем пожжены, не покаяшас(я). Разгнѣвася на них б(о)гъ, якож(е) в Мо/исеиских книгах

л. 339
об.

пишет. М(у)дрыи же Писандр, бывши еллинскыи м(у)др(е)ць по лѣтех Моусеовѣх тыя ж(е) гиганты сказа ч(е)л(о)в(ѣ)кы от земля рожденны, имуще ноги змиеви. И сия потреблены различными казнѣми от б(о)га. М(у)дрыи же Тимофеи ту ж(е) повѣсть тлѣкуеть сиче, яко сего ради нареч(е) я писател(ь) ч(е)л(о)в(ѣ)кы на змииных ногах, понѣж(е) умъ звѣринъ имѣаху и ничсож(е) бл(а)гаа н(е)б(е)снаа имѣше (так!) на умѣ, но имуще нозѣ на земная зла дѣла и неправѣднаа, тѣм же и зѣло потрѣблени скончаша^о свои живот.

[5] Что ради убо заповѣда г(оспод)ь б(о)гъ Ноевии от нечистых двое двое, от чистых 7 7, а не 6, ни 8? Ное бѣ 600 лѣтъ, потопись быс(ть) на землю, и быс(ть) дождь 40 дни и 40 нощии. И възнесеша вода над землю 15 лактии и стоя 150 дни. Что ес(ть) еже завѣща г(оспод)ь Ноевии о звѣрех^п, и о птицах, и о рыбах, и всякъ гад, иж(е) ес(ть) жив вам будет въ снѣд(ь), развѣ мяса в крови^р д(у)ша ег(о) не снѣсте, что мыслить г(лаго)лемое сирѣч давленина, / ибо бесловеснаго д(у)ша кров(ь) ес(ть).

л. 340

[6] Быс(ть) же от потопа лѣтъ 370, Сим, с(ы)нъ Ноевъ, роди Арфаксада, мужа м(у)дра, иж(е) по потопись списа астрономуе, обрѣт Сифову, с(ы)на Адамля, и дѣтем его имена в доску каменную вдолбена, якож(е) Иосиф списа въ втором листѣ с начала книг своих, яко Сифовѣ внуци, мужи сущи б(о)гоч(е)стиви, проразумеша пагубу ч(е)л(о)в(ѣ)ком быти, сътвориша два столпа. [7] Род же Арфаксатовъ до сыннаго творения пребыс(ть). Роди же Каинана и живѣ всѣх лѣтъ 538. Каинанъ ж(е) роди Салу, а живѣ всѣх лѣтъ 467. Сала ж(е) роди Евера, а живе лѣтъ 530. Еверъ ж(е) роди Нектана и Фалека. При том, якож(е) г(лаго)ла Иосифъ, единогласну сущу роду ч(е)л(о)в(ѣ)ч(е)скому на единому мѣстѣ собирающюся, г(лаго)лемъ Сенаар, столпъ създати домыслишас(я) и окрѣсть его град Вавлон, иж(е) ес(ть) размешение. Старѣишин бѣ 72. Единъ Еверъ не приложис(я) к ним, от него ж(е) быша евѣреи. Фалекъ ж(е) роди Рагава, а живе лѣтъ 339.

Сут(ь) убо от Адама до потопа лѣтъ 2 262, от потопа ж(е) до / размѣшенна язык и до умрѣтвиа Фалекова лѣтъ 536. От Адама ж(е) 2 922. Раздѣлишася на три колѣна по земли, и бысть Симови от вѣстока чяс(ть) до полудениа^с и Суриа и Мидиа и рѣка Ефраф. А Хамови зряци на юг даж(е) до западнаа чясти и всю Ливию и Нила рѣку и до ираклииских кумир, даж(е) и до великаго моря Адриа. Афефови же от Мидиа на полнощ даже и до Понтискаго моря и великаго(о) моря, якож(е) Евсевии Памфолов, м(у)дрыи хронографъ списа.

л. 340
об.

[8] В та ж(е) лѣта муж нѣкыи обрѣтес(я) м(у)дръ астроном от племени Арфаксадова именем Гандуварие, иж(е) списав прѣвие во индѣх астроном(ь)у. Роди же ся инъ от колѣна Хамова, Хусъ именем, муринъ, иже роди Неврота гиганта, иже създа Вавлон, егож(е) г(лаго)лют прѣси бога бывша и суща въ звѣздах^т н(е)б(е)сных. И тои прѣвое настаив^у ловити и дааше всѣм звѣрину ясти.

Начал(о) ц(а)рства Кронова. От того ж(е) племени Симова родися ч(е)л(о)в(ѣ)къ гигантска рода, именем Крон, нареч(е)нъ быс(ть) / от Дамиа, отца своег(о), въ имя преходняа звѣзды. Бѣ ж(е) силенъ зѣло. И тѣи

л. 341

^н В ркп. испр. из баснословствий ^о Испр., в ркп. сконша ^п Испр., в ркп. звѣрех ^р Испр., в ркп. въкрови ^с Испр., в ркп. плудениа ^т Испр., в ркп. звѣздах ^у Испр., в ркп. наста

прѣж(е) показа ц(а)рствовати, сирѣч владѣти ч(е)л(о)в(ѣ)ки. И ц(а)рствова^Ф въ Асѳрии лѣта многа. [9] Жена ж(е) ег(о) Семирамии, нарицаемаа Ареа, и та от колена Симова.

^ХАсѳрииско ц(а)рство. ^Х Име ж(е) с(ы)на Крон, именем Пик, иже от родител(ь) нарѣч(е)ся Зеос въ имя преходняа звѣзды. Имѣ ж(е) инъ с(ы)нъ Крон, именем Нин, и дщерь именем Иру. Поят же женѣ Пик сестру свою, от неаж(е) роди с(ы)нъ и сътвори имя ег(о) Велон, зане бѣше борзъ отрок. Крон ж(е) остави свою жену Арею и свои с(ы)нъ Нин с Пиком, самъ ж(е) иде на западныа страны и ц(а)рствуа тамо. Поять ж(е) ину жену, именем Филиру, и роди от нея с(ы)нъ Афрон именем и вда ему Лувийскую землю. И иного с(ы)на роди, Хирон^Ц именем, и тѣи фѣлософ. Поять ж(е) ину жену от Лакерийскаго острова именем Астроном и роди тщерь, еяже нареч(е) въ имя прѣходняа звѣзды Афродита, м(у)дрѣ сущи, иже посаже за м(у)драго Адонида афинянина, с(ы)на Кинирова. [10] И жыста оба вкупѣ м(у)дру/ствующе до см(е)рти.

л. 341
об.

[11] Пик же ц(а)рствова въ Асѳрии лѣт 30, оставив свою м(а)терь и Иру, сестру свою и жену, постави с(ы)на своег(о) Велона царя асѳром, сам ж(е) иде ко отцу своему на запад ^Чвъ Уталию^Ч и ц(а)рствова там лѣт(а) 62. Въ Асѳрии ж(е) ц(а)рствова Велон ^Шсынъ его^Ш лѣт(а) двѣ и умре, его ж(е) прѣси бога дрѣжат. По Велоне ж(е) ц(а)рствова Нин — другги с(ы)нъ Кронов, иже свою матерь поят женѣ, от них ж(е) закон быс(ть) прѣсом поимати своа матери и сестры Пика дѣля и Нина, якож(е) м(у)дрыи Йомир реч(е). [12]. Съи же Нин дрѣжатѣл(ь) быв асѳром, създа великый град Ниневгию. От него ж(е) родися Зороастръ наречемыи астроном. Егда же хотѣ умрети Зороастръ, молися от огня н(е)б(е)снаго съжженъ быти, рек персом, яко «аще съжжет мя огнь, тѣ кости моя съхраните, и не имат оскудети ц(а)рство от вапша земля». И имут прѣси даж(е) и доселе храняще их.

л. 342

[13] По Нинѣ ж(е) ц(а)рствова асѳриом Фирас именем, ему ж(е) имя прѣтвори сег(о) отецъ въ имя прѣходняа звѣзды Ареа. Съи быс(ть) лют ратник, иж(е) изыде / на полнощныа страны и Кавкасиа, иж(е) от колѣна^Щ Сифова,^Ъ уби. И шед въ Фракию умре. Ему ж(е) поставиша прѣвыи кумир асирияне и яко богу кланяхуся ему, его ж(е) и дон(ы)нѣ зовут прѣси Вал^Ъ богъ, еж(е) протолкуется Арей, храбрыи богъ. О сем реша Даниил и трие отроци. По умертви ж(е) Ареевѣ ц(а)рствова Ламис. По Ламисѣ ц(а)рствова Сарданапал великый, егож(е) Пресъ уби, Данаинъ с(ы)нъ, и отя ц(а)рство от Асѳрии, и ц(а)рствова сам и прозва их по своему имени прѣси. Се ж(е) списа Мемвронии вавлонянин.

л. 342
об.

[14] ^ЪЦ(а)рство Прѣско и Асирийско едино.^Ъ С(ы)нъ ж(е) Кронов Пик жив лѣт 120 држа западныа страны. В та ж(е) лѣта не бѣаше в западных^Ъ странах ни градов, ни дворов. Умирая ж(е) Пик повелѣ положити с(я) в Критсѣм островѣ. И положиша с(ы)н(о)ве ег(о) в Критсѣм островѣ, о нем же списа Диодор м(у)дрыи хронограф, иже во изложении писания своег(о) о бозѣх рек, яко Зеос, Кронов с(ы)нъ, еж(е) и Дыи, в Крите лежит. Бѣ бо таиник, и жены многы име, и влѣшбы творя, жены ж(е) бога мняхут ѥ. [15] По см(е)рти ж(е) Дневѣ ц(а)рствова с(ы)нъ ег(о) / Фаунъ, еж(е) и Ермис, въ Италии лѣт 35. Съи обрѣте руду златую и нач(а) злато ковати. Разумѣ ж(е), яко завидят брат(ь)я ег(о), иж(е) имѣ Пик от многих жен, и хотят его убити, бяху бо мнозии, вѣщше 70, [16] и отидѣ въ Егѳпет к колѣну Хамову, злат(а) много^Ю взяв (так!) и ризу злату нося и м(у)дрѣствуяше пач(е) егѳтянъ, влѣхвуя и повѣдаа имъ хотящаа быти. И кланяхуся ему, г(лаго)л(ю)ще богъ Ермии, его ж(е) и даателя богатству нарицааху, яко злат(а)го б(о)га нарицааху.^Я

Ф Испр., в ркп. ц(а)рства ^{Х-Х} На поле ^А В строке Фурон, хи на поле ^{Ч-Ч} На поле ^{Ш-Ш} На поле со знаком замены Пиков ^Щ Слог ко на поле ^Ъ На поле Афефова ^Ъ На поле Вил ^{Ъ-Ъ} На поле ^Ъ Слог пад на поле ^Ю Испр., в ркп. много ^А На поле мняще

[17] ^{II}, а Ц(а)рство Еггпетское.^a Егда же прииде въ Еггпет Ермии, ц(а)рствова тогда Местрем от рода Хамова, тому же умершу, поставиша Ермиу царя. И ц(а)рствова еггптяном лѣт 39 в велицѣ славѣ. И по нем ц(а)рствова Ифестъ, еж(е) и Сварог, днии 6680 — не вѣдяху бо тогда чести м(ѣ)с(я)цеи еггптяне, но обхождением д(нев)ным лѣто чтяху. Его ж(е) Ифеста бога нарицааху, бѣ бо волхов и храбор. Устави ж(е) и женам за един муж посягати и ходити го/вѣюще, а еж(е) прѣлюбы дѣюща обрѣсти, тог(о) казнити. И блажаху и еггптѣне, яко пръвое закон ч(и)сть житием показа. Сему ж(е) Ифесту м(о)л(и)тву нѣкую таину творящу, клѣща с н(е)б(е)си спадоса ковати желѣзы оружие. Того ради бога ег(о) имѣти начяша, яко м(у)др(о)сть обрѣтша и пищу ч(е)л(о)в(ѣ)ком оружием показавша и на ратныя силу и помощ створша, преже бо палицами и камением биахуся.

л. 343

[18] По ум(е)ртвии ж(е) Ифестовѣ ц(а)рствова^b С(о)лице, с(ы)нъ ег(о),^b иже и Дажбогъ 7000 днии 577, не вѣдяху тогда чести число, но овии по лунѣ чтяху, а инии д(е)ньми лѣто чтяху. Двою ж(е) на десят(ь) м(ѣ)с(я)цу число увѣдѣша, отнелѣж(е) начяша ч(е)л(о)в(ѣ)цы дан(ь) даати ц(а)рем. С(о)лице ж(е) царь, с(ы)нъ Сварож, бѣ муж силен^B и чтяше закон отца своег(о). Нѣкую жену ят любодѣяшу, любодѣица усѣкну, а жену, мучив, пусти водити по всеи земли Еггпетсѣи, и начяша ѿ блажити, яко ж(е) и Омир творецъ сказ(а): «Дажбогъ, — реч(е), — облич(и) / Афродиту съ Ареем блудящу». Афродиту ж(е) нареч(е) похот(ь) блудную от С(о)лицы ц(а)ря обличену. Вѣистину ж(е), яко и преж(е) написано быс(ть), Палефат хрон(о)граф м(у)дрыи списа.

л. 343
об.

[19] По ум(е)ртвии ж(е) Дажбожий ц(а)рствова^b еггп (*так!*) Сирѣ, по Суре Ор, по Орѣ Фулис, иж(е) приа силоу нѣкоею всю землю Окианъ и отгуду възвратився въ Фракию, сътвори жертву, г(лаго)ля: «Повѣж ми неложныи боже Присфене, кто пред моим ц(а)рством възмож(е) побѣдити вся страны ил(и) по мнѣ?» И отвѣща ему: «1 б(о)гъ, по том Слово и Д(у)хъ с ним, вкупѣ ж(е) оба и единосуца, его ж(е) дрѣжава вѣчна». Сиа же пръвое и дрѣвняя ц(а)рства Манефон списа, в него ж(е) книгах инако имена прѣходных звѣзд: Крона прозва Амонта, а Дыа Фаефонда, а Ареа Пуроа, а Афродит прѣдобляго, а Ермиу бльщацаг(о)ся.

[20] По тѣх же лѣтех ц(а)рствова Еггп (*так!*) пръвое от колѣна Хамова Съостро, иж(е) вьоружився многи земли прѣа: Сурю, Халдѣа, прьсы до Вавилона, Асиу же / и Европиу и скѣфы и Мусию и отгуд(а) обратився, избра с собою скифян юнош 5000 и дав им жити въ Прьсидѣ, и живут даже и доселе, иж(е) прозвани быша от прьсъ парфи, еже и ризыи бесѣду и закон имут скѣфски даж(е) и доселе и зѣло храбри на рати, яко ж(е) м(у)дрыи Иродут списа.

л. 344

[21] В та ж(е) лѣта Съостра ц(а)ря бѣ муж дивен м(у)дрѣ Ермин, иж(е) сказа 3 великы силы суца: неизрекомаго зижителя имя, едино ж(е) б(о)ж(е)ство. Тѣм же^r и прозван от еггп (*так!*) Трѣвелик Ермин. Сказает в различных своих словесех сиде, рек Асклип(ь)ю: «Аще не бы строение было всѣх г(оспод)а, яко мнѣ открыти Дслово се^д, ни вам бы тако любви была, да о нем же въпрашаете. Недостоино бо скврнавим (*так!*) таино повѣдаати, ^eно ушима точию слышати. Бѣ свѣт разумныи прѣж(е) свѣта разумнаго. И бѣ пр(и)сно умъ, разум свѣтел, а иногo ничегo ж(е) не бѣ сег(о) единство, пр(и)сно в себѣ сыи, своим умо^ж и свѣтом все одрѣжа. Развѣ сего ни б(ог)ъ, ни агг(е)л, ни бѣс, ни инаа вещь никаа ж(е) — всѣх бо г(оспод)ъ / и о(те)ць и б(ог)ъ, вся о³ нем и от нег(о) суть. Слово бо ег(о) прошед и всѣх съвршител(ь) быс(ть) и родител(ь) и зиж(и)тел(ь)». Сиа ж(е) и Чина на Иулиана ц(а)ря^{II} от прѣм(у)драго Кврила пуцаема на

л. 344
об.

II, а-а На поле
^B В ркп. сил/лен
 в ркп. подаати
 ина Иулиан ц(а)ря

^{b-6} В ркп. указано, что следует читать сынъ его Солнце
^r Испр., в ркп. тѣже
^ж Испр., в ркп. умъ
^{д-л} Испр., в ркп. словесе
³ Испр., в ркп. ѿ
^e Испр., в ркп.
^ж Испр., в ркп.

указание истое, яко тревеликыи Ермис, не вѣдыи будущаго, троицу единосущну исповѣда. Съостр ж(е) умре, и по нѣм ц(а)рствова Фарао, еж(е) и *Нарахъ* именуем и от тог(о) племене ц(а)рствовала въ Егѳптѣ иж(е) по нем.

[22] ^кЦ(а)рство Пресѣченское пръвѣе Прьскаго^к

В предреч(е)нных лѣтех вста нѣкыи муж от колѣна Афефова именем Инах. Тѣи пръвее ц(а)рствова в земли Прѣсѣченстѣи и сътвори ту град именем Иопол(ъ) въ имя лунное. Роди же дщерь и нареч(е) имя еи Ио. Слышав ж(е) Дые о Инафѣ, яко имяше дщер(ь) зѣло красну, пуствив отаи, приведе ю и, уснубив ю, роди от неа дщер(ь) и нареж ю Лѳвию. Ио же не хотяще жити съ Дыем срам(а) ради (о)тца своег(о), отаи всѣх, оставльши и дщер(ь) свою, бѣжа въ Егѳпет, и в Сѳрии умре, якож(е) Феофил прѣм(у)дрыи списа. Инах же о(те)ць еа / пусти искат(и) еа. Разумѣша ж(е) прѣсѣчане иограждане, яко умре Ио в горѣ Скаписцѣи, сътвориша ж(е) еи ц(е)рк(о)вь и град създаша и ту начяша жыти и нарекошас(я) от сѳрионите.

л. 345

[23] Дщи ж(е) Дыева Лѳвиа посяже за Посидона, и роди от неа Аггенора и Веленоса. Веленос же, въ Егѳпет шед, поатъ жену именем Сиду и роди от неа два сына: Егѳпта и Дана. А Аггенор, пришед в Фѳникиу, поатъ жену именем Тиру и създа град въ имя жены своеа Тѳр. Ц(а)рствова ж(е) ту и роди Кадмана и Фѳника, Сѳра, Кѳлика, Европию, иж(е) по см(е)рти отца своег(о) Аггенора раздѣлиша себѣ отчину. И взя Фѳник Тѳра и облас(ть) ег(о), тако ж(е) и Сѳр дошедшую чяс(ть) ег(о) ^лСѳрѳу нареж^л. Тако ж(е) и Кѳлик свою чяс(ть) нареч(е) Кѳликѳу.

[24] Въ ц(а)рство ж(е) Фѳниково бѣ Иракль философ в тѳрех, иж(е) обрѣте конхила и принес ц(е)с(а)рю тѳрску Фѳнику, яко велик дар. И удивися ц(е)с(а)рь видѣнью шара багрена, повелѣ конхилом / очрѣвивше исткати^м ризу собѣ. И тѣи пръвее нач(а) носити порфиру и заповѣда никому ж(е) от сущих под ц(а)рством ег(о) носити таковаа, точию едином ц(а)ремь, якож(е) Палефат премудрыи списа.

л. 345 об.

По мнозѣхъ ж(е) лѣтех рѳми Фѳническую страну покоривше и образ ц(а)рствия их и донынѣ носят и ипатѳ рѳмстии. Нумасъ ж(е) иж(е) и Помпил, иже ц(а)рствова в Рѳмѣ, и тѣи умысли ц(а)ремь носити багряны хламиды, имуща нашвы златы, болѣромъ же и сановитым воином ег(о) нашвы багрѣны от ц(а)ревы багряница, якож(е) пр(е)м(у)дрыи Систоониес Тракулос, рѳмскыи историк, о сем списа.

[25] Сѳр же, с(ы)нѣ Аггиноров, муж мудрѣ быв, иж(е) списа фѳническими писмены численую философию, реч(е) же и бесплотна суца нач(а)ла в тѣлеса ж(е) прѣминующас(я) и д(у)ша ^нвину животны^н. Сии пръвее сказ(а) о том, якож(е) Имиос списа пр(е)м(у)д(р)ыи. В та ж(е) лѣта бѣ Фалек, с(ы)нѣ Еверов, муж бл(а)гоч(е)стивъ, живѣ лѣт 339, о немъ ж(е) Моуси великыи списа. От А/дама ж(е) до Фалека лѣт 3000.

л. 346

[26] Предреч(е)ны ж(е) Пик по Ерми и Ираклеи приж(и) с(ы)нѣ от жены красны именем Данаа, дщери Акрасиевы, иж(е) бѣ он Аргѳриискыа страны, именем Персеа, егож(е) пишут крилата, занеж(е) измлада бѣ отроч(я) быстро. От(е)ць ж(е) ег(о) Пик научи ег(о) всѣм своим тайным и злым прелестем, еже сам вѣдяше влѣшвенна. По см(е)рти ж(е) отца своег(о), в мужско тѣло пришед, помысли на Асѳрииское ц(а)рство и иде въ страну Лѳвиискую, и на пути срете и отроковица едина, и ставъ въпроси еа: «Како ти ес(ть) имя?» Она ж(е) реч(е): «Мидуса». И ем усѣче еи главу и, шед въ требник, сътвори трѣбу главою, якож(е) научи ег(о) о(те)ць, ишец нареч(е) главу Горго быстрыа ради помощи яже на съпостаты. Оттуду ж(е) пришед въ Еѳѳопскую страну, идѣж(е) ц(а)рствуя Кѳфеос, и вшед в трѣбницу Посидонову обрѣте дщерь Кѳфеову,^о юж(е) истрѣг ис треб-

^л Испр., в ркп. на ^{к-к} На поле ^{л-л} В ркп. указано, что следует читать нареж Сѳрѳу ^м Испр., в ркп. . искати ^{н-н} Следует во ины животы ^о На поле нар. . . (далее обрез листа) В Арх. хр.: отроковицю. . . нарицаемую Адромеду

ника, съблуди с нею, и поим женѣ, и исплывѣ отиде в Лика/онию и взя ю, никому ж(е) не могущу ся противити главы ради Горгонины, и жертву сътвори в нем, нареч(е) въ свое имя Прьсид(а). Иде ж(е) на Сурию и Килв-кию и одолѣ чаром Горго, създа ту град и нареч(е) ѿ Тарс. И отиде оттуду чрез гору Аргеиску на Асвриа, и одолѣв им, и Сарданапала, ц(а)рѣ их, уби и ц(а)рствова въ них лѣт(а) 53, и своим именем прозва а прьсы. Насади ж(е) и овош(ь) на памят(ь) собѣ и назва прьсика, еж(е) ес(ть) прасковие. Си ж(е) списа Анфиос прѣм(у)дрыи хронографа.

л. 346
об.

[27] И мимошедшу времени, пришед Кифеос воевати на нь от Ефиопиа, бѣ ж(е) от старости не призрѣ. И услыша Прьсеус изыде противу ему съ главою Горгон. Сеи ж(е) не призря грядаше снузиѣ на нь. Обратив я е ся Прьсус, чяа не дѣйствующу главу, и възрѣ на н(ь)и ослеп, быв яко м(е)ртвѣ, и убьен быс(ть). И по нем ц(а)рствовав персем с(ы)нѣ ег(о) и Адромедии Меррос. И прѣбыс(ть) к тому племя Прьсово ц(а)рствова въ Вавулоне, главу же съжьгоша./

л. 347

[28] ^пВиотско ц(а)рство. Грады Кадм и Фивы.^п

В предреч(е)нных же лѣтех Кадмос, с(ы)нѣ Аггиноров, егуж(е) посла о(те)цъ на зыскание Еоропиа, юж(е) плѣни критцкыи ц(а)рѣ Таур и поа женѣ и роди от неа с(ы)нѣ Мина, якож(е) Еврипидии м(у)дрыи въ творении своем списа. Увѣдѣв ж(е) Кадмос, яко ц(а)рствует в Кврифѣ сестра ег(о), прииде въ Виотиу и научи их фѣническим книгам, и сътвориша ѿ царя. И ц(а)рствова въ Виотии лѣт(а) 62, създа и град велик въ Виотии и нареч(е) своим именем Кадмиу. [29] По умертвии ж(е) Кадма, ц(а)рѣ Виотскы страны, ц(а)рствова Нуктеус, иж(е) име дщерь жрицу храма с(о)лн(е)чна именем Антопию. Сеа ж(е) о(те)цъ Никтеус имѣ брата ц(а)рѣ Аргииска именем Лука, той же ц(а)рѣ имѣше болярина именем Феова, от племени Пик(а). Тѣи же Феов, пришед от Аргиа извѣтом м(о)л(и)твным^р, видѣ Авфиопию и, уснубивъ ю, съблуди с нею и отиде въ Аргию. Никтеус же, услышавъ се, посла ю к брату своему, да испытает о них, и казнъ примут. Ц(а)рѣ же Лукос видѣ доброту еи / и увѣдѣ, яко непрадна ес(ть), отпусти еи, дондеж(е) родить, и тогда казнъ примет. И повелѣ женѣ своеи Диркии, да ю снабдит, дондеж(е) родит. Антиопиа же по малѣ роди двѣ близнятѣ: Анфиона и Зифоса. И повелѣнием Лука царѣ поврѣжена быста въ веси, нарицаемѣи Дересфиа. Нѣкыи ж(е) ратаи Онородие, бесчад сы, увѣдѣ, яко чадѣ естѣ Антиопиа жрица, въскорми я. По мнозѣ ж(е) времени изыде ц(а)рѣ Лукас на воину, Диркии ж(е) взавидѣ Антиопии, г(лаго)ля: «Егда по рож(е)нии отrotchат не казни ю, яко хот(я) еи и отаи смѣшаася с нею». Поемши ю с малом чяди на село тое, идѣж(е) с(ы)на еа поврѣжена быста, а не вѣдуще, яко въскормлена ес(та), изведши от тоа веси бык свѣреп, и прилѣпивъ свѣщу на розѣх и привязати Антиопию повелѣ и погубити. Снидоша ж(е) ся тоа веси людие и Анфион и Зифос съ Онородием видѣти см(е)ртъ Антиопиину и моляху Диркиу не такою смертию умо/рिति^с еа, сирѣч достоинт еи казнъ, понеж(е) жрица бѣ с(о)лнцу и съблуди и породи двое дѣтии от блуда. Услышав же Анфион и Зифос от воскормившаго их, яко м(а)ти има ес(ть), съвокульша все буйство спедшеся, и избиша воины, и емше Диркиу, и отрѣшивше Антиопию. Диркиу привязаша к свѣрѣпому тому быку и размыче ю, и умре. Зифос же и Антион поемше м(а)терь и бѣжаста въ свою землю Виоты. И по см(е)рти дѣда ею Нуктеоса ц(а)рствоваста въ Виотстѣи странѣ, гусленую хитрость умеющ(а) и създаста град велик зѣло о 12 врат, и нарекоста ѿ именем отца своего Фивы, повелѣнием м(а)т(е)ре ею, и ц(а)рствоваста лѣт мног(о) в Фивах. Лукос же ц(а)рѣ^т умре въ воех. Се ж(е) списа всѣ прѣм(у)дрыи Кефалион съ истинною, прѣм(у)дрыи бо Еврипид хитрос(ть)ю реч(е), яко Зеос преобразився сатуром быс(ть) съ Антиопиею, и от того родися Зифос и Амфион, еже от Виотска езика.

л. 347
об.

л. 348

л. 318
об.

[30] По ц(а)рствѣ же Амфионѣ и Зифовѣ ц(а)рствова плѣмя их в Фивах до ц(а)рства Удиподова, / еж(е) Йоках, сына Йокастиина, егож(е) роди Лаггиос, ц(а)рь Фивѣи. И прореч(е)нню бывшу о нем, як(о) м(а)терь свою^у поймет женѣ. И повелѣ о(т)ецъ ег(о), несше в дрѣзгу, забити нозѣ ег(о) в кладѣ и поврещ(и), да звѣрь изъестъ ег(о). И сътвориша так(о). Пришед же нѣкто с села дрѣва сѣщъ, именем Мелѣвиос, обрѣте отроця плѣжуще на земли, и нозѣ ег(о) в кладѣ затекши, взем секиру, разсѣче дрѣво и, взем, въскорми ег(о), назва ѣ Отелконожец. И быс(т)ь крѣпок възрастом. Яви ж(е) ся нѣкаа жена Свигга именем, иж(е) по см(е)рти мужа своег(о) събра множество разбоа, сѣдяше промеж двѣма горѣма, многы пакости дѣаше в Фивах, всѣ мимоходящаа убиваше и все их взимааша. И многим воеводам исходившим на ню, и никтож(е) может еи одолѣти твѣрдости ради горскыа. Удипод же в мужско тѣло пришед и слышав о неи, яко многы пакости фивом творяше, умысли м(у)дрѣ убити Свиггу. Поат с собою отроки крѣпкы и иде к неи, да / с нею разбивает. Она ж(е) приат ѣ и суцая с ним. Егда же разплися бяху, тѣгда взем копие и уби ю, и имение еа взя, главу же еа в Фивѣискыи град принес(е), надѣся от ц(а)ря Лаггиа прияти дары. Граждане ж(е) Фвопяху, слышавше^ѣ «да будет съи Фивеис (так!) ц(а)рь!». Разгнѣвав же ся ц(а)рь на гражданы, и бывши усобицы въ градѣ, и стрѣлою устрѣлен быс(т)ь ц(а)рь и умре. Окастии ж(е), не хотящи изриновена быти от ц(а)рства, пославши по Удипода, иде за нь, и ц(а)рствова^х Удипод 12 лѣт и роди два с(ы)на — Етеклия и Полиникия, не вѣдуци ни Окастии, ни Удиподу, яко м(а)ти ему ес(т)ь. По времени ж(е) быс(т)ь^ц въпроси ѣ Йокастии, откуда ес(т)ь и кто ему ес(т)ь от(е)ць. И отвѣща он: «Меливуа бѣ, иж(е) мя въскормил». И привед Меливуа и въпроси. Увѣдавши ж(е), яко с(ы)нѣ еи ес(т)ь, и повѣда ему. Слышав же Удипос взя гвоздя и вби въ очи свои и умре, оставь ц(а)рство^ѣ обѣма с(ы)нома своима. Она ж(е) раското растася, воевати начяста на^ч ся. По/луникиос бо изгнан быс(т)ь от Етеклеа, иде въ Аргиос, и поим Адраста, ц(а)рѣ аргийска, и с ним Адростос, Капаниеос, Тудеос, Амфираос, Падфенопиос, Ипоомидон и вое мнози, и рассыпая ц(а)рство Фивеиское, ц(а)рствова лѣт 369.^ѣ Си ж(е) вся прѣждеписания прѣм(у)дрыи Палефатос вѣистинну списа. Прѣм(у)дрыи бо Еорипид, хытрос(т)ю сложив, реч(е) о Удиподѣ и о Икастии и о Свиггосѣ. Фивѣская бо ц(а)рства Африкан м(у)дрыи списа.

л. 319
об.

[31] Въ выше ж(е) предписаных лѣтех от племени Афетова родися Серух, иж(е) нач(а) пръвое еллинскаг(о) закона славу, сирѣ чидол(о)служение, якож(е) Евсевие Памфилийскыи списа.

л. 320

[32] От Диоса бо отроковиц тлѣние и прелюбодѣяние, от Афродиты ж(е) любодѣяние, а от Семирамии блудство, от Ареа ж(е) убиство, а от Дионуса винопьянство и от прочих. Сего ради нудими стр(а)сти сих изрещи на обличен(ь)е, яко не сут(ь) бози, но ч(е)л(о)в(ѣ)ци грѣшнии, боги же их нарекоша, яко ч(е)л(о)в(ѣ)ком угодници бѣша. Зевес^ш бо, г(лаго)лует, зданию кѣзни / обрѣтател(ь) быс(т)ь, Посидонъ ж(е) крѣмьчиу, Ифестъ ж(е) кузнечству, Асклипию же врачю, Аполонъ ж(е) пѣс(н)ь мусикинскую, ^ѣАфина ж(е) тканю, Артемии же лов звѣрин, Ивра ж(е) одежду, Дмитриа ж(е) ролиу и прочии проч(ь)я. Аще убо козни ради обрѣтателя боги достойт я^ц нареци и инѣхъ обрѣтателя хитрости нарицати також(е) подобает.^ѣ ^ѣ ^ѣ ^ѣ

Грамоту убо финикиане обрѣтоша, творечское ж(е) ироиское Иомир, диалектикую ж(е) ^ѣЗинон Елатянин, риторикую Коракъ Ракусянинъ, бчелныи плод Аристей, пшеничное ж(е) сѣмя Триптолем, законы же Ликургыи Спартианинъ и Солон Афинянинъ.^ѣ Грамотам ж(е) складение и числа и мѣры и уставы Паламидии обрѣте и прочии прочая.

^ѣ На поле ^{ѣ-ѣ} В рукописи указано, что следует читать слышавше вопияху
^ѣ Испр., в ркп. ц(а)рства ^ѣ На поле ^ѣ Доб. ^ѣ Испр., в ркп. евес. ^ѣ На поле ^ѣ Испр., в ркп. подоба ^ѣ Испр., в ркп. афинянь

[33] Ч(е)л(о)в(ѣ)ци же преложиши б(о)жию честь и славу на тлѣнныа ч(е)л(о)в(ѣ)кы и назваша ихъ богы, и не точию сих, но и птица, и четвероногы, и гады по различию грѣх своих. И пребыс(ть) ветхая сиа прелесть идолская от Се/руха даж(е) и до Фара отца Авраамля. [34] Нахор ж(е) л. 350 об. роди Фару, Фара ж(е) роди Авраама и Нахора и Ара, отца Лотова, иж(е) и умре прѣж(е) Фары, отца своег(о). Умре ж(е) пожаром, егож(е) зажеже Авраамъ, пожеши хотѣ идолы отца своег(о). Ара ж(е) изнести хотя и сам сторѣ. От Адама ж(е) до^в лѣт 3332. Никтож(е) умре чяд прѣж(е) умрѣт(ь)я о(т)ча, но о(те)цъ прѣж(е) чяд. А никтож(е) г(лаго)ли о Авелѣ, ибо не своею см(е)ртью умре, но невольною.

Авраам же, якож(е) повелѣ ему г(оспод)ь, изыде въ Егѳпет, его ж(е) жену Сарру Авимелех ц(а)рѣ исхитивъ и разслабися, абие вдасть несквернену Аврамови, помолишуся^в исцѣлѣ от ран. Тѣмъ ж(е) и чтыше ег(о) яко раба б(о)ж(и)а и внимаа г(лаго)ланнѣм от нег(о). Прѣвое бо, як(о) вѣща Иосиф, Авраам б(о)г(а) творца проповѣда и прѣвие, вшед въ Егѳпет, число и звѣдозаконницу егѳтяны научи. Егда же разсыпа г(оспод)ь грады, в нихъ ж(е) жит Лот, изыде от Сигора и сѣде в горѣ в пещерѣ, и две дщери с ним. От нихъ ж(е) роди Моава и Амона, от них моавитяне и аманитяне, а от Измала / измалтыне г(лаго)леми агаряне и срацины. От Исака ж(е) Исав еж(е) и Едом, а Иаковъ прозябѣ от Ревѣкы. От Исавы ж(е) Едом, с(ы)нѣ тезь отцу, и Амалик, от нею ж(е) идумеяне и амаликитяне. От Иакова ж(е), иж(е) И(зра)иль, Иуда, от него ж(е) иудеяне, и и(зраи)льтяне ж(е) от о(т)ца Иакова И(зраи)ля, а иудеяне от нарочитѣишаг(о) брат(а) их нареч(е)ни быша по имени. Авраам ж(е) от послѣдняя своеа жены Хеттуры роди 5 с(ы)нов: 1 Мадиама, от него ж(е) мадианити, Иафар, от него ж(е) иафрикане, Исавъ ж(е) роди Рагуила, Рагуил Зару, Зара бл(а)ж(е)наго Иова, Иаков ж(е) роди 12 с(ы)нов: от Лии роди Рувима, Сѳмеона, Левиу, Иуду, Исахара, Завлона и едину дщер(ь), от Рахили ж(е) Иосифа и Веньамина, от Валы же рабыни — Дана и Неффталима. Леви ж(е) роди Каафа, Кафъ ж(е) роди Авраама, Авѣраам же роди Аарона и Моусеа. Въ 80-е ж(е) лѣт(о) Моусиово изыдоша с(ы)нове и(зра)илеви из Егѳпта, как(о) реч(е) г(оспод)ь къ Аврааму, яко прѣсѣлено будет сѣмья твоелѣт 400. От Хараня Аврамова до Исак(а) лѣт 25, 60, 87, 45, 63, 70. От Моусеова ж(е) до исход(а) — / 80, и так(о) изшед и(зра)иль, но сѣ кости Иосифовы сътвори ж(е) въ пустыни лѣт 40. л. 351

[35] Егѳпет. Въ Егѳптѣ ц(а)рствова прѣвие от колена Хамова фарао, иж(е) Нарах нареч(е)н, прѣваа убо ц(а)рствиа списа Манефонть прѣм(у)дрыи. В лѣт(а) ж(е) сег(о) ц(а)рѣ бѣ Петѳрии, иж(е) купи прѣкраснаго Иосиф(а). В лѣта ж(е) египетских ц(а)рѣ явися нѣкто философ гигантска род(а) от колѣна Аѣфедова, именован Ендимион, иже втайне м(о)ляшеся лунѣ увѣдѣт(и) от неа б(о)жие имя. И м(о)ляшуся ему, усну и слышав имя б(о)жие въ снѣ, и к тому не воста. И ес(ть) тѣло ег(о) и дон(ы)нѣ в Людии м(е)ртво колѣбася, якож(е) списа Олеа прѣм(у)дрыи о нем. Ес(ть) убо от Авраама до исход(а) род 6, а лѣт 443, а от потоп(а) до Моусиа лѣт 1484, от Адама ж(е) 4036. Живе ж(е) Моуси лѣт(а) 104. В лѣт(а) же Моусеева ц(а)рствова въ Асирѳих Иерехфеоос, въ Егѳптѣ же Петисониосъ фарао, иже име влѣха Аннеу и Амвриу — их прѣпрѣ Моуси. Сего ж(е) и море погрузѣ Петисониа съ егѳтяны, / избѣжавших же из Егѳпта числом 600 тысящ и 900^ю, якож(е) сам тѣи Моуси списа. л. 352

[36] О скрижалех.^я Скрижали ж(е) приат на горѣ законнѣи, на нихже бѣху написана сиа: «Азъ есмь г(оспод)ь б(о)гъ твои, изведыи тя от земля егѳц (так!), из дому работы, да не будут тебѣ бози ини пач(е) мене. Не сътвориш себѣ идола по всякому подобиу, елик(о) на н(е)б(е)си выспрѣ и елик(о) на земли низу и елик(о) в водах под землею. Не поклонишис(я)

^в На поле киноварное тѣ ^в Испр., в ркп. помолшуся ^в В ркп. 900 000
^я На поле киноварью номера заповедей от 1 до 8

нмъ, низ(е) послужиши. Не приложиши г(оспод)а б(ог)а твоег(о) всуе. Помни д(е)нь суботный. Чти о(т)ца своег(о) и м(а)т(е)рь, да бл(а)го ти будет и будещи длъголѣтен на земли. Не прѣлюбодѣши. Не украдещи. 8. Не убиещи. 9. Не лжесвѣдѣтельствующи. И да не възделееши жену искрѣняг(о) своег(о), ни дому, ни села, ни раба, ни рабыня, ни волу, ни яремника ег(о), ни елико искрѣняг(о) твоег(о) сут(ь).

[37]^{III,а} Въ Аргиох же по Инасѣ ц(а)рствова Фернеус и ини мнози дѣ (так!) ц(а)рства Лунгеова, иж(е) сѣкъс с Данаем / ц(а)рем и уби его и, и взя ц(а)рство ег(о) и дщер(ь), якож(е) Архилох списа. И по ц(а)рстве Лунгеове ц(а)рствова^б Триопотиа лѣт 5 точ(ь)ю, и в пятое лѣт(о) разсыпсая ц(а)рство Аргииское, дрѣжа лѣт(а) 544, якож(е) Илиодор^в прѣм(у)дрыи списа, и прѣша ц(а)рство их сикионите. В сикионѣх же, еж(е) н(ы)нѣ наричют еладикы, ц(а)рствова прѣвое Еггалос лѣт(а) 52 и инѣх ц(а)рии 26 до Зеуксиса, иж(е) ц(а)рствова лѣт(о) 31. По томъ ж(е) жерци ихъ землю строаху и дрѣжа ц(а)рство их лѣт(о) 381, якож(е) Африкан прѣм(у)дрыи сложи.

[38] Запад же, иж(е) ес(ть) къ Италии, тогда бес ц(а)рѣ дрѣжим с(ы)нми Пика. В ня ж(е) лѣта скончяся Моусей и Аарон. И строяше въ И(зра)или Исусъ, с(ы)нъ Наогин, и взя Ерих и Салим, [39] и прѣше Иордан, быс(ть) в земли обѣтованнѣи лѣт(а) 32, умре, жив лѣт 110. По Исусѣ ж(е) судиами б(ог)ъ сп(а)саше и(зра)иля. В нихъ ж(е) старѣи Иуда, тѣи ят Адонивезева ц(а)рѣ и обруби ему рущѣ и нозѣ. С(ы)н(о)ве ж(е) и(зра)илеви вселишася среди хананеа и хететѣа и амореа и ферезеа и еуѣа и евсеа и пояша дщери их / собѣ и даш(а) дщери своа с(ы)номъ их. И послужиша богомъ их, и прѣдас(ть) я г(о)с(под)ь^г в руку Харсасафем(у), ц(а)рю сврескрѣкъ (так!), и работаху. По Иудѣ ж(е) быс(ть) судиа Гофоноил лѣт 8, иж(е) порази Хусарафема, ц(а)рѣ свррийскаг(о), и умре,^д и умлѣче земля лѣт 50. По Гофоноилѣ^е ж(е) Авдон лѣт 80, иж(е) порази Еглома, ц(а)рѣ моавска. По Авдомѣ ж(е) Самегар лѣт 7, иж(е) порази въ д(е)нь единъ иноплеменникъ 600.

[40] В лѣта ж(е) нареч(е)нных строитель бѣ въ еллинѣх Промифеус и Епимфеус и Атлас и памптис и Аргос, иж(е) стоока нарицахут и за быстроту ег(о), и Давкалион, с(ы)нъ Елана Пикова. Аргос убо умысли хитрость в западных странах. Атлас же сказа астроному. Сего ради г(лаго)лет, яко в н(е)бо н(е)б(е)сное биет, понеже н(е)б(е)сное имат в с(е)рдци. Промифеус же грамотичскую изобрѣте философию и дрѣвних лѣт увѣдѣти случышеся. Епифеус же мусичскую хитрость изобрѣте. Давкалионъ ж(е) потоны мѣстныа списа, якож(е) же (так!) Евсевие Памфилииский списа о сих.

[41] И прило/жыша с(ы)н(о)ве и(зра)илеви сътворити злое прѣд г(о)с(под)ем, и отдас(ть) их в руку Авианю, ц(а)рѣ хананейска, иж(е) ц(а)рствова в Насорѣ и князю силъ ег(о) Сисара. И стужи и(зра)илеви по съвладѣнни лѣт 20. Дѣвера ж(е) прор(о)чица, жена Фидофова, суди и(зра)илеви в то врѣмя, и възпиша с(ы)н(о)ви и(зра)илеви къ б(ог)у, и пустив Девора^ж и призва Варака и с ним 12 000 мужии и иде с ним на Сисару, князя силы^з Авианя. И яко снидошас(я), ужасися Сисара, скочи с колесница своеа, побѣже пѣшь. Паде ж(е) полк ег(о), и не оста ни един. А Сисара убѣже в куцу Иаили, жены Хаверовы кинейна, и изыде Иаил противу ему г(лаго)ля: «Съвратис(я), г(о)с(поди) мои, ко мне, съвратис(я) и не боися». И съвратис(я) к неи, и покры ег(о) одеждею своею, покры ж(е) и лице свое, реч(е) к неи: «Аще кто реч(е)тъ ти: ес(ть) ли zde муж, да рци: «Нѣс(ть)». Изыде ж(е) Иаил и взя кол куцнныи и млат, и влезе к нему млѣча, и вби кол въ обычье ег(о), и проиде до земли. И се Варак, и изыде Иаиль противу ему, реч(е): «Се, егож(е) ищещи». И вниде к неи, и се Сисара лежа мертвъ. / И умлѣче земля 40 лѣт. И пакы сътвориша с(ы)н(о)ве и(зра)илеви злое

III.^а На поле киноварью Аргииск (далее обрезано) и ниже буква в ^б Испр., в ркп. царства ^в Испр. в ркп., читалось Илиодот ^г На поле ^д На поле ^е Испр., в ркп. Гофоилѣ ^ж Испр., в ркп. Декора ^з Испр., в ркп. вилы

прѣд г(о)с(поде)мь, и прѣдас(тъ) их в руку мадиамлю 7 лѣт, и укрѣпися рука ег(о) на и(зра)или. И убоашас(я) зѣло и възопиша къ г(о)с(поде)ви, и пусти им прор(о)ка Гедеона, якож(е) пишет. Изыдоша ж(е) от горы Галаадовы съ Гедеоном 22000, а 10000 оста. И реч(е) г(о)с(под)ь: «Еще людие мнози, сведи я на воду, да искушу а». И сведи их, и реч(е) г(о)с(под)ь: «Всякыи, иж(е) лочет языком своим от воды, яко песь, поставиши о едину, також(е) и на колену поклѣк пиет, поставиши». И быс(тъ) число локавъших муж 300. И реч(е) г(о)с(под)ь: «Тремисты сп(а)су вы и прѣдам мадиамы в руку твою, а вси людие да идут на места своя». И вниде Гедеон в нач(а)тцѣ нощи и 100 муж с ним, и вструбиша на три начатки в рѣгы, и ужасися полкъ мадиамль и побѣже, яша ж(е) два кн(я)зя мадиамля — Ориву и Зиву, и убиша Ориву в Сврѣ, а Озиву въ Емиаковѣ, Зевѣа ж(е) и Салмана в Каркарѣ и с ним(и) 15000 оставших, а умръших 120 000. И изыде Гедеон и побѣди и Зевеа / и Салмана, и прѣменися мадиамъ прѣд с(ы)ны и(зра)иелевыми, и умлче земля 40 лѣт въ дни Гедеона. Гедеону ж(е) бѣша 70 с(ы)н(о)въ, изшедших ис тѣла ег(о), понеж(е) жены многи имѣ. Женимаа ж(е) в Свкумѣ роди ему с(ы)нѣ и нареч(е) ѥ Авимелех, иж(е) по см(е)рти о(т)ца своег(о) поразивъ братию свою у единого камня, токмо един Иоафан мнии избѣж(е).

л. 354
об.

[42] В лѣт(а) же Гедiona бѣ Орфеус фрацкыи, чевницкых гуслии сказатель, прѣм(у)дръ и славен книжник, иж(е) списа б(о)ж(и)е р(о)ж(е)ство и мѣра (так!) всег(о) сѣтворение и ч(е)л(о)в(ѣ)чское сплескание, якож(е) прѣм(у)дрыи Тимофей списа хронограф, г(лаго)лѣ тог(о) Орфеа пред толицѣм лѣт рекша Тро(и)ду единосуцну, вся сѣтворшую.

[43] По Гедеонѣ ж(е) быс(тъ) судиа Авимелех, с(ы)нѣ ег(о), лѣт(а) 3. И уби Гаада, с(ы)на Аведова. Оставшии ж(е) бѣжаша в Свхем, взя ж(е) и Сихем, и стлѣпъ зажже. Жена ж(е) с столпа удари ег(о) въ гл(а)ву. По Авимелесѣ ж(е) Фола лѣт(а) 33.

[44] В лѣта ж(е) Фолы быс(тъ) въ Фрѣгистѣи странѣ Марсуа философ, иж(е) умысли от мусикии свирѣли тростию, якож(е) прѣм(у)дрыи Нинос списа. / [45] В та ж(е) лѣт(а) бѣ и Иракрис проиоцкыи, и Аргианут, иж(е) Квзика царѣ убиша, и град Квзик прѣяша, и створиша треник, и пожрѣше^н, г(лаго)люще: «Прорци ны, прор(о)че Титан, Фовеа, Аполонѣ, чии ес(тъ) или чии будетъ дом сѣи?». И данъ быс(тъ) им отвѣт от Пиф^к тако: «Елик(о) на добродѣтел(ь) и строи ес(тъ) творите, аз же г(лаго)лю три и единосуцъ высокы ц(а)рѣ, ег(о)ж(е) безо ислѣния слово в неискусну^л д(ѣ)в(и)дѣю вместится. Сию яко дуга огнеобразна посредѣ прошед вес(ь) мѣр обрѣтъ, отцу даръ принесет, тоа будет дом. Мариа же еи имя». И написаше прореч(е)ние се на мраморяну дѣку мѣдяными писмены. И по мнозѣх лѣтех быс(тъ) храм прѣс(вя)тыа Б(о)городица М(а)риа^м от Зиноны^н ц(а)рѣ, [46] якож(е) Аполоние прѣм(у)дрыи историк списа. [47] По Фоле ж(е) быс(тъ) судиа Аиръ лѣт(а) 22. По Аирѣ же Еффае лѣт 6. По Еффае ж(е) Авеса лѣт 7. По Авесе ж(е) Еглом лѣт 10.

л. 355

[48] В та ж(е) лѣт(а) ц(а)рствова въ Фрѣгистѣи^о странѣ, иж(е) бѣ о(те)цѣ Илов и Ганумидов. Сѣи сѣзда града два: Трую въ свое имя и Или въ имя старѣишаго с(ы)на, и посла с(ы)на менешег(о) своег(о) Ганумида въ / Еропиискую страну къ ц(а)рю Танталу въ треницю Диосову. И скончати, якож(е) обѣзас(я). Ганумид^н же болѣ три дни и умре. И повелѣ Тантал положити ѥ въ трѣбнице на чес(тъ). Сѣи прѣм(у)дрыи историк Додомъ списа. По Трои ж(е) ц(а)рствова Илиос въ Фрѣгии. Се ж(е) списа Филохор прѣм(у)дрыи, також(е) и Хараксъ.

л. 355
об.

[49] По Егломѣ ж(е) быс(тъ) судиа Лавдон лѣт 8. По Лавдонѣ ж(е) Сампсон лѣт 20. [50] В та ж(е) лѣт(а) ц(а)рствова Егвсфовѣ (так!) странѣ иж(е) име с(ы)на два: Ахеа и Лакона. И по см(е)рти о(т)ца их раздѣлиша

^н Слог по на поле ^н Испр., в ркп. будем ^н На поле, конец слова обрѣзан
^н Испр., в ркп. неискусну ^н Ни поле ^н Испр., в ркп. Зины ^о Слог стѣи
на поле ^н Испр., в ркп. Ганудим

себѣ ц(а)рствие, и назва Ахеа свою часть своим именем Ахаию, тако ж(е) и Лакон Ликоникиу. И ц(а)рствова Лакон лѣт(а) 33 и създа град близ моря и нарек Гофию. И по нем ц(а)рствоваша инии.

Въ Фриггистѣи ж(е) странѣ в лѣт(а) Сампсонова ц(а)рствова с(ы)нъ Илов Дардан. [51] Въ еллинѣх же, сиреч въ Елладѣ, ц(а)рствова Виас лѣт(а) 23, и по нем Плутон лѣт 15. Се ж(е) списа Еоририд. По ц(а)рствѣ же Прутовѣ ц(а)рствова Акрисос, и по нем Пелоф, от негож(е) пелогони нарекошася. Създа ж(е) и град и нареч(е) ѝ Пелопонис. Оттоле ж(е) Пелопонийское / нареч(е)ся ц(а)рство Елладическое. В та ж(е) лѣта бѣ Димокрит философ(ь)ю уча, иж(е) въ списании своем реч(е): «Лѣпо ес(ть) всякому ч(е)л(о)в(ѣ)ку, хотящему быти философу, въздрѣжати, цѣлом(у)дрѣствовати, отрѣбляти(ся) всякого зла, вся право разумѣвати. И егда же тако начнеши философисати, тогда навикнеши единописменное имя, узриши с(ы)на б(о)ж(и)а слов(о) безстрастное, хотящее явитис(я)». Се ж(е) в списании пр(ѣ)м(у)драго(у) Теофила хронографа лежит. Тогда ж(е) любом(у)дрѣствовааше Ипократии, врачѣбное любом(у)дрие списуя. По Пелопосѣ же ц(а)рствова Атреус лѣт 20, и по том Фиестис лѣт 16. И по сем Агамемнос лѣт 18. И по сем Егусфосъ лѣт 7. Держа убо ц(а)рство Еллинско, сирѣч Пелопониско, лѣт(а) 164.

Въ предреч(ен)ных же лѣтех ц(а)рствовааше тогда Крит (*так!*) Минос, с(ы)нъ Еоропин. [52] Въ Илии же тогда по Дарданѣ ц(а)рствовааше Лаомедон, с(ы)нъ ег(о).

[53] По Сампсонѣ ж(е) бис(ть) безначалствие лѣт 40, и кождо их творяше злое, якож(е) / хотяше. По судиахъ ж(е) судѣши людемъ Или архиерѣи лѣт 20, егож(е) с(ы)нове Офни и Финес.

[54] В та ж(е) лѣт(а) ц(а)рствова в Лакедомонѣх Русфеос лѣт(а) 42 и инѣх ц(а)рии 8 лѣт 45. И Алкемеон лѣт 37. И дрѣжа ц(а)рство Лакед(е)монско лѣт 325, якож(е) Африканъ пр(ѣ)м(у)дрый списа. [55] По Или ж(е) судяше людем Самоил прор(о)къ лѣт 30 и с(ы)н(о)ве ег(о) Иоиль и Авиа. [56] В Коринфѣх ж(е) по Лакедомонѣх ц(а)рствова Алитис лѣт 35, и инѣх 11 лѣт 277. И послѣднее ц(а)рствова Автомедон лѣт(о) и држа убо ц(а)рство Коринфско лѣт(а) 303.

[57] Нач(а)ло егрейску ц(а)рству. По Самоилѣ ж(е) ц(а)рствова Саул лѣт 40 и тѣи дрѣзну прѣвѣе покадити б(о)гу. [58] В лѣт(а) же сия ц(а)рствова въ Илии градѣ, сиреч въ Фриггистѣи странѣ, Приамъ, с(ы)нъ Лаомедонтов. Въ ц(а)рство ж(е) того плѣненъ бис(ть) град Илии и Дарданъ въспитѣнныи Труа, и вся страна Фригейска от Ахаии, в них же повѣдають Агамемнона^Р и Менелаа и Ахилеуса^С, елико ж(е) их воеваша Париди^Т ради, прироком Александра,^У иж(е) уведе Елень, уснубивъ ю, држа ж(е) ц(а)рство Ефѣсское (*так!*), Асиу всю и Трую / Фриггискую лѣт 809. Сие ж(е) прѣм(у)дрый Домний списа. В лѣта ж(е) по плѣнении Труа въ еллинѣх славен бѣаше прѣвое Феомис. Умысли бо сѣи желѣнию пѣсни сложи хитрос(ть)ю, и по сем Минон, и по Минонѣ Аолеас желям лики хитрос(ть) списа. И по сем по сих лѣтех от тѣх Еоририд обрѣте многи повѣсти хитрос(ть)ю сложи, еж(е) Теофиль^Ф прем(у)дрый списа.

[59] К сему ж(е) ц(а)рствова Д(а)в(ы)дъ въ И(зра)или лѣт 40 и м(ѣ)с(я)ць 6, в Хевроне убо 7 лѣт, а в Иер(у)с(а)л(и)мѣ 33. И сѣде Соломон на пр(е)ст(о)лѣ Д(а)в(ы)да, отца своег(о), иже от 12 с(ы)новъ, и по мнозѣи ег(о) прѣм(у)дрости въ время старости ег(о) увратиша жены туждаа с(е)рдцѣ ег(о) въслед боговъ их, бис(ть) бо ему^Х жен веденици 7 сот, а хотии 300. Ц(а)рствова ж(е) Соломон лѣт 40 и умре въ Иер(у)с(а)л(и)мѣ. По Соломонѣ же ц(а)рствова Роваамъ, сы от толик жен, с(ы)нъ ег(о), лѣт 17. При том раздѣлися ц(а)рство надвое: двѣ колени — Иудово и Веньамине с ним пребис(ть) въ Иер(у)с(а)л(и)мѣ, а 10 идоша в Самарию, и

^Р Испр., в ркп. Гамемнона ^С Испр., в ркп. Архилеуса ^Т Испр., в ркп. Гарида
^У В ркп. рядом с выносным д дописан слог ша (?) ^Ф Испр., в ркп. Теофиль
^Х На поле

ц(а)рствова в них Иеровваамъ, с(ы)нъ Навящъ, от раб(ы) Соломон(и). И оттоле нарекошас(я) иудеане, / великаго ради колена ц(а)рскаго Иудова. 10 колѣн Ефрем нареч(е)ни быша Иеровваама ради, понеж (е) от колѣна Ефремова, с(ы)на Иосифова. И сътвори Роваамъ злое пред б(о)гомъ, якож(е) и Соломон от(е)ць ег(о), и умре. При немъ ж(е) прииде Саким, ц(а)рь египетскыи, и взя Иер(у)с(а)л(и)мъ и суцаа въ ц(е)ркви и въ ц(а)рскихъ домохъ имения.

л. 357
об.

По Ровааме ц(а)рствова Авиа, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ 6 и воева на Иероваама и на 10 колѣнъ И(зра)иля и уби из нихъ сильныхъ въ един д(е)нь 500 000. По Авиянѣ ж(е) ц(а)рствова Асса, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ 16 и сътвори бл(а)го пред г(осподе)мъ. По Ассѣ же ц(а)рствова Иасафат, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ 25. По Асафатѣ ж(е) ц(а)рствова Иорам, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ 8 и сътвори злое пред г(осподе)мъ. По Иораме ж(е) ц(а)рствова^{II} Охозиа лѣтъ(о) 1. По^{III} Охозии ж(е) ц(а)рствова Гофолия, м(а)ти ег(о), лѣтъ 6, изби вся с(ы)ны Охозиины, токмо едино отроч(а) съхраниша, и бывшу ему 7 лѣтъ, взрадовася И(зра)иль о нем, Гофолию убиша. По Гофолии же ц(а)рствова Иоас седми лѣтъ лѣтъ 40 и сътвори правое пред г(о)с(поде)мъ, тач(е) прелстився / и уби Захарию, с(ы)на Иодаева, уч(и)т(е)ля своег(о). По Иоасѣ ж(е) ц(а)рствова Амесиа лѣтъ 29. По Амесии ж(е) ц(а)рствова Озиа и Азария, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ(а) 22. Съи въсхотѣ покадити б(о)гу сам о себѣ и въниде въ ц(е)рк(о)вь г(оспод)ню, и Захариа архиереи и с нимъ 80 иереи, г(лаго)л(ю)щи: «Не твое ес(ть), Иоэиа, кадити, токмо иереомъ единомъ ос(вя)щ(е)ннымъ». И въз(ъ)ярился на иереа, пребыс(ть) так(о) кадя и прокаженъ быс(ть) изыде изъ ц(а)рства. И ц(а)рствова^{III} по немъ^{III} с(ы)нъ ег(о) Иоафан лѣтъ 16. По Иоафанѣ ж(е) ц(а)рствова Ахаз, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ 16. По Ахазѣ ж(е) ц(а)рствова с(ы)нъ ег(о) Езикеа лѣтъ 29. Съи бо змию медную потрѣби и книги Соломона о притчяхъ и о пѣснехъ, в нижеже бѣ исписано о садѣхъ и всѣхъ животинъ родословца.

л. 358

В та ж(е) лѣтъ(а) Ром и Рим ц(а)рствоваста в Рѣмѣ.

И Салманасарь, асириский ц(а)рь, прѣемъ сущеи колѣна и(зра)илева в Самарии плѣни. По Езикии ж(е) ц(а)рствова Манасиа, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ 55. По Манасии же Амон, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ(а) 2. По Амонѣ же Иосиа, с(ы)нъ его седми лѣтъ лѣтъ(о) 31. По Иосии ж(е) с(ы)нъ ег(о) Иоахазъ м(ѣ)с(я)ць 3. / По Ахазѣ ж(е) Иоакимъ, брат ег(о), лѣтъ 11. Тогда и Даниил вѣден и трие отрочи. По Иоакимѣ ж(е) Иохониа, ^{III}с(ы)нъ ег(о)^{III}, лѣтъ(а) 3, егож(е) прѣсели Науход(о)носоръ въ Вавилон, в негож(е) место Седекиа постави. И ц(а)рствова Седекиа въ Иер(у)с(а)л(и)мѣ и стрыи, брат Мохониин, 3 лѣтъ(а) и сътвори злое пред г(о)с(поде)мъ. Прииде пакы Науход(о)носоръ въ И(е)р(у)с(а)л(и)мъ и двѣ лѣтъ воеваша на нь. Въ третье ж(е) лѣто посла Наузардана, старѣишину^b поваромъ, и пожже дом г(оспо)д(е)нь и дом ц(а)р(е)въ. Пребывши от начятка зданию лѣтъ(а) 442. Седикѣю ж(е) ослѣпив, дѣти ж(е) его съ инѣми иссѣче. Быс(ть) же въ Иер(у)с(а)л(и)мѣ ц(а)рствовавшимъ лѣтъ 500 безъ дву, ц(а)ревъ ж(е) 22. Все ж(е) от единого роду бѣху Д(а)в(ы)дова.

л. 358
об.

По раздѣлени ж(е) 10 скѣпетръ ц(а)рствова Иеровоамъ лѣтъ(а) 42 и сътвори зло пред г(осподе)мъ, и порази ег(о) б(о)гъ, и умре. По Иеровоамѣ же Нават, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ(а) 2. По Наватѣ ж(е) Васа лѣтъ(а) 24. По Васанѣ ж(е) Ила, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ(а) 2. По Илѣ ж(е) Замбрии лѣтъ 12. По Замбрии ж(е) Ахавъ, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ(а) 22. По Ахавѣ ж(е) Охозиа, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ(а) 2. По Охозии ж(е) Иорамъ, брат ег(о), лѣтъ 12. / При семъ възнесенъ^{III} быс(ть) Илия прор(о)къ. По Иорамѣ ж(е) ц(а)рствова Ииву, с(ы)нъ Намесиевъ, лѣтъ 28. По Ииву ж(е) Иоахазъ, с(ы)нъ ег(о), лѣтъ 28. По Иоахазѣ ж(е) Иоасъ, с(ы)нъ его, лѣтъ(а) 4. При семъ Иелисѣи преставися и погрѣбенъ быс(ть) въ гробѣ. В той ж(е) гробницы погрѣбоша м(е)ртв(е)ца моавитяне, и як(о) приближися к костемъ бл(а)ж(е)наго пр(о)р(о)ка и абие вѣста. По Иоасѣ ж(е) Иеровоамъ лѣтъ(а) 34. По Иеровоамѣ ж(е) Азариа м(ѣ)с(я)ць

л. 359

^a На поле ^ч Испр., в ркп. Ппо ^{ш-ш} На поле ^{щ-щ} На поле ^ъ В ркп. испр. из старшѣхъ ^м Слогъ сень на поле

6. По Азарии ж(е) Селум м(ѣ)с(я)ць. По Селуме Манаима лѣт 10. По Манаимѣ Факесиа лѣт(а) 2. По Факесии Факеа лѣт 20. По Факеи Осиа лѣт 9. При сем приде Салманасар, ц(а)рѣ асѳриискѣ, на Самарию и пресели ю грѣх их ради великих, ибо сътвориша 2 кравѣ златѣ и поклонишася им. И отверже их г(о)с(под)ь от лица своег(о), и не оста ни единъ^б от них, тѣмко колѣбно Иудово. Посла ж(е) ц(а)рѣ асѳриискыи языки 4 — кудиеаны и куфисеаны и сефаруеаны и нагаваеаны — и вселишася въ градах самарѣйскых. От нихъ ж(е) еретици самаритяне и саддукеане / наречени быша. Быс(ть) же вкупѣ лѣт 253 ц(а)рства Самарийскаго, ц(а)ррии ж(е) 18. От различныхъ же родовъ бѣше ц(а)ррие, вси злое сътвориша предъ г(осподе)мъ по грѣху Иероваамлю.

л. 359
об.

По прѣждереч(енныхъ) ж(е) асѳриискыхъ ц(а)рѣ ц(а)рства Навход(о)-носоръ лѣт(а) 24. По Навход(о)носорѣ же ц(а)рства Улемардах, иж(е) и Вилад, с(ы)нъ ег(о), лѣт 5. Тѣи разрѣши Иохонию от юз и сътвори ег(о) ясти съ собою. По Улемардасѣ ж(е) ц(а)рства Валтасар, брат ег(о), лѣта 3. По Валтасарѣ ж(е) ц(а)рства Дарие Мудскыи лѣт 17.

[60] И по ц(а)рствии ег(о) ц(а)рствоваша инии ц(а)ррии асѳриистии до Астуага ц(а)ря прѣскаго. По ц(а)рствии ж(е) Ардеовѣ ц(а)рствоваша в Лвдехъ инѣхъ 8 ц(а)ррии до Круса злат(а)го, ц(а)ря великаг(о). Ц(а)рства ж(е) сии Крус златыи лѣт 15. Дрѣжа убо Лвдское ц(а)рство лѣт 236.

[61] В сия ж(е) лѣта бѣ философ Солон.

л. 360

По ц(а)рствѣ ж(е) Астуага ц(а)рства прсом (так!) Кѳрос, иже поя жену Дареву Дардану. [62] Сѣи и Данила прор(о)ка вврѣж(е) в ровъ къ лвом, не хотяща повѣдати о Крусовѣ побѣженни. И быс(ть) 6 днии. Изведоша ж(е) вѣнъ по 6 днии, и / помолися ему Кѳрос, г(лаго)ля: «Сѣгрѣшихъ к тобѣ, помолися г(осподе)ви своему и повѣжь ми, могу ли ся сѣщи с несытми Крусом». Даниилъ ж(е), помолившъ, реч(е): «Побѣдиши Круса и имети жыва». И по прор(о)честву бл(а)ж(е)наг(о) ятъ быс(ть) пленениемъ, и погибѣ множество ег(о) 400 000. Се ж(е) сповѣдаша прѣм(удрии) Фалас, Кастор и Поливиос. И по сихъ Иродотос повѣс(то)списатѣль,^в еж(е) Феофилъ прѣм(удрии) списа. Ц(а)рѣ же Кѳръ отпусти Даниила и с(ы)ны и(зра)илевы от плѣнения съ Зоровавелемъ старѣшиною их. И изыдоша тѣмко двѣ хоругви и пол, муж и жен и дѣтии числомъ 50 000 тѣмко, осташа ж(е) в персахъ своею волею 9 и пол, якож(е) Тимофеос списа. [63] По ц(а)рствии же Кѳра ц(а)ря ц(а)рства с(ы)нъ ег(о) Дариос, иже и Камбасис, и инии ц(а)рствоваша во Асириихъ.

В лѣта ж(е) Дариева бѣ ювъ еллинѣхъ ю философ Анаксимадр.

л. 360
об.

И сѣи Дарие посла воеводу своег(о) Олоферна на иудеа въ Иер(у)-с(а)л(и)мъ с силою многою. Иудифъ же умысливши главу ему / спящу отсѣче, и разыдеса рат(ь), и взяша иудеи побѣды на прѣсы. Се ж(е) прем(удрии) Иринеос списа. [64]. По Камбасии ж(е) ц(а)рства Спердии влѣхвъ м(ѣ)с(я)ць 7. По Спердии ж(е) ц(а)рства Дарии Остапианинъ. При сем моли Зоровавель, да отпуститъ плѣнники създати Иер(у)с(а)л(и)мъ. И быс(ть) так(о). И быс(ть) от прѣваго зданиа ц(е)рк(о)внаго до втораго лѣт 50. Архiereи же и книгича Ездра бѣ. И по восхождении ж(е) от Вавилона не бѣ ц(а)р(е)ве, но архiereи обладаху.

л. 361

[65] В та ж(е) лѣт(а) ц(а)рства Македонская страна. В ней ж(е) прѣвыи бѣ Кранаос лѣт 28 до Филиппа. Бѣху ж(е) тѣгда въ еллинѣхъ философи и творци: Софиклиос, Ираклитос, Еоририд, Иродот, Сократ, великыи Пифагор. Ес(ть) убо от Адама до тѣхъ лѣт лѣт 5307. Бѣ ж(е) Ираклитос родилсѣ в прѣж(е)реч(енныхъ) в Лато Офивстѣи от Ираклидова рода сыи и Алкмины и Пика Диоса, иже вскормленъ въ Испаниистѣи земли, и приде въ Италию, бѣгая ц(а)ря Арисфея. Въ Ита(лии) же поят жену Аггию, Елеа ц(а)ря дщер(ь), и царствова лѣт 38. Ц(а)рства же яко от племени Пика Диоса, тѣмже и капище ему поставиши въ одѣнии

^б Испр., в ркп. единъ^в В ркп. повѣсписатѣль^{ю-ю} На поле

златѣ. И по нем ц(а)рствова с(ы)нъ его, иже от Аугиа роженъ. И по том другии с(ы)нъ его Латинъ ц(а)рствова. Ц(а)рствова ж(е) в тои странѣ с(ы)нъ Телефовъ, и того именем Скитиа нарицают, яж(е) прозваши Латином, от негож(е) Латина, [66] якож(е) Виргилии пр(ѣ)м(у)дрыи списа. Тогда ж(е) Ениа Анхосов фряжскнии бѣжа от Илиа града и прииде в Ливию к Фвничстѣи Дидѣ, еж(е) ес(ть) Елиса. Бѣ же сиа Дидо богата зѣло, тако ж(е) имѣ и мужа богата, егуж(е) отаи уби брат ея Пугмалии, мысля же и Диду убити богатства ради. Яви ж(е) ся Дидѣ ва снѣ муж ея Сухиосъ, реч(е): «Брат твои уби мя, бѣжи, да и тебе не убьетъ». Она же оставль брата своего отиде от Фвникиа съ имѣниемъ своим и съ отро/кы, и прииде в Ливийскую страну, и създа ту градъ великъ зѣло, нарекъ Карфаген и ц(а)рствова в нем умре пѣлом(удрене). Енея ж(е) прор(о)чство приим, отплу от Ливча, мысля въ Италию, вѣтру же противну бывшу, привержен быс(ть) близ Секелия в Калаврию страну, въ град Аргирип, иж(е) създа Диомид, с(ы)нъ Тудеов, от племени Унеева, ц(а)ря Етолскаго.

л. 361
об.

[67] По скончании ж(е) о(т)ца своег(о) ц(а)рствова Аргистѣи странѣ Диомидъ и, ополчився, взя Етолию, и разсыпа ц(а)рство их, и възвратися въ ц(а)рство свое, и не приаша ѱ, отплав, иде в Калаврииску страну и създа ту град в мори Аргирипшии, егуж(е) послѣд(и) нарекоша и доньнѣ Венециос. И прием Енеа, имѣше у себе в мюзѣ^а ч(е)сти. Послѣди же отиде въ Италию Енеа к Латину и, с ним въоружився, сѣчеся с рустулы, и ту убиенъ быс(ть) Латин. Енеа ж(е) побѣж(е), и паки съвокупи воа, и одолѣ рустулом, уби Турнеа и приа ц(а)рство с побѣдою / и дщерь Латиню Лавиниу. Създа же и град велик, въ има еа нарек Лавиниа. Ц(а)рствова ж(е) Енеа с Латином лѣт 19. По Енее ж(е) ц(а)рствова Аканъ, с(ы)нъ Енеов.

л. 362

В то ж(е) время бѣ архiereи въ Иер(у)с(а)л(и)мѣ Елиаким, с(ы)нъ Исусов. В та ж(е) лѣт(а) бѣ Иппасис философ пифагоричскнии, иж(е) кругъ н(е)б(е)сныи изобрѣте от двою-на-10 животу. В та ж(е) лѣт(а) бѣ Фукудидис капищетворецъ, и Стисихос, и Вакхулдидис, иже изобрѣтоста пясание с прѣждереч(е)нымъ философом. Ти бо бѣша еллиномъ учите-^{IV, a}

По ц(а)рствии же Дариа ц(а)рствова прьсом Антарксерксъ, нарицаемый Мномон. Алваном ж(е) иж(е) в Лавинии ц(а)рствова Алва, с(ы)нъ Аканов, и създа Силвъ град. Отголѣ Силвии ц(а)рие бѣшя, ц(а)рствоваша ж(е) от племени Ениина, нарицаемаг(о) Ениаде, лѣт 40.

[68] Начало ц(а)рства римскаго. Вѣдом(о) ж(е) буди, яко Ром и Рим ц(а)рствоваста в лѣта Езикииа ц(а)ря иудейска, в та ж(е) лѣт(а) и Самаргиское ц(а)рство прѣста.^б По сихъ ж(е) ц(а)рствоваста брат(а) два Ром и Рим. Сътвори же Ром град, нареч(е) ѱ Рим. По лѣтѣхъ ж(е) вражду въздвигоша о ц(а)рстве, и убиенъ быс(ть) от Рома Рим, и ц(а)рствова Ром единъ. Отнѣлѣ ж(е) уби Рима, не прѣста трястися град. И шед Ром на требище, въпраша бога: «Почто в мое ц(а)рство сиа дѣются?»^в И слыша тако: «Аще ти не сядет брат с тобою на пр(е)столѣ, не имат прѣстати Рим трясыися, ни людие умлѣкнути, ни рати улещи». И сътвори образ брат(а) своег(о) злат до пояса и посади на престолѣ своем с собою. [69] Рома ж(е) и Рима сказуютъ волчицею въскормлена, егда ц(а)рь Амулиос, дѣд ихъ, повелѣ я по/врещи в лѣсѣ. М(а)ти бо их с(о)лнца бога Ариа жрица бѣ, и съблуди с нѣкъымъ воином, и роди двѣ близнятѣ. Тог(о) ради дѣд их връже их в лѣсѣ. Обрѣте их жена полская, пасущи овци, взявши, въскорми их своимъ млеко. В тои ж(е) земле и доселе волчицами зовутъ женъ тѣхъ, понеж(е) все свое жит(ь)е с волки проводят по полю, якож(е) прѣм(у)дрыи Лукунииние хронографъ римскнии сказа.

л. 362
об.^а Испр., в ркп. мозѣ.^{IV, a} Испр., в ркп. учителе^б на поле, на уровне заголовка, киноварью сие^в Испр., в ркп. дѣются

[70] По Ромѣ ж(е) и Римѣ ц(а)рствова б(о) ц(а)рии до Тракуниа. Тѣи быс(ть) 7 ц(е)с(а)рь по створении Рима, его ж(е) извергоша из ц(а)рства. [71] По изврѣж(е)ни ж(е) Тракуниа ц(а)ря строиша въ градѣ Римѣ в(п)ати — Врутос великыи и ини мнози до кесара Иулиа лѣтъ 464.

В дрѣвлереч(е)ньных же людех^Г по Иокымѣ архиереи бѣ Иаддус.

Еллинскихъ философ и сказатель Платон прѣм(у)дрыи, иж(е) пиша к Тимею о б(о)зѣ, реч(е), яко б(о)ж(е)ство трети имени ес(ть), едина сила 1 добру всему вина и всѣ милуа, 2 ум, сътворив всяческаа, 3 животворецъ д(у)ша, иж(е) оживи вся. Три убо силы едино б(о)ж(е)ство исповѣда. В лѣт(а) же тог(о) Платона быша инии философи еллинстии уч(и)т(е)лие: Ксенефон, Есхинос, Аристотел(ь), иж(е) прелес(ть)^Д въд(у)шениа въведоша в ч(е)л(о)в(ѣ)кы: дщер(ь) бо Ликънову Калистиу г(лаго)лют въд(у)шьшуся в медведицю, а Ипоимению, дщер(ь) Мегареву, въ лва, Ио же, дщер(ь) Еннахову, в телуци, и Аталантию, дщер(ь) Схинову, в кур морскыи, а Филомиу, дщер(ь) Пантионову, в ластовицю и сестру еи Прокиу в слави, а Иовиу, дщер(ь)^Е Танталову, в камык прѣобразившуся. Сии таковаа кощунствовавша.

л. 363

[72] По преж(е)реч(е)ниѣмъ ж(е) Артаксерксѣ, ц(а)ри прѣстем, ц(а)рствова с(ы)нѣ ег(о) Охос, въ Египтѣ ж(е) Нѣктонавѣ. И сътвори влѣшбу в рукомыи и разумѣ, яко приати имат Охос Египет вес(ь), изменив ц(а)рьскыа отбѣжа и, остригъ власы своа, бѣжа в Македонию Олимпиады дѣля. Она ж(е) съблуди с ним, зачат Александра, ег(о)ж(е) менят от^Ж Диоса родившас(я). Держа убо ц(а)рство Египетско 1-е лѣт(а) 1493. Се Иринеос прѣм(у)дрыи хронографъ списа.

В та ж(е) лѣта архиереи бѣ людем^З Иоддае, и прѣдашася в руки асирискыи и прѣскыи, дрѣжа убо евреиско с(в)яти(т)ельство лѣт(а) 1202. В та ж(е) лѣта град Родос б(о)ж(и)им гнѣвомъ падеся вес(ь). В Македонии ж(е) ц(а)рствова Филипос, иж(е) създа град Фесалоникиу, прѣж(е) бывшу весь^И Фермае, сиреч мѣстодрѣжаніе, ибо ц(а)рство Македонско мѣстодрѣжаніе до ц(е)с(а)рства Филиппова нарицашеся, якож(е) прѣм(у)дрыи Евсевие списав лѣтъ 4600 и 2й. И по Филиппе ж(е) ц(а)рствова Александръ, с(ы)нѣ ег(о). Въ Вавилонѣ ж(е) по Охосѣ ц(а)рствова Дарий Мид.

л. 363
об.

[73] 4-е ж(е) лѣто ц(а)рства Дариева востави б(о)гъ на Асирія, и на^К прѣсы, и на парфы, и на миды Александра Макед(о)нскаго,^Л сиреч мѣстодрѣжателя, иже създа великую Александрию, преж(е) бывши село Ракустин, на жрѣтву давъ д(ѣ)в(и)цию. [74] И 20 лѣт нач(а) ц(а)рствовати и воевати. Въевал ж(е) лѣт 12, воюя ж(е)^Ми покори и одолѣ^М варварскыхъ азыкъ 22 и еллинскихъ 14, създа же градовъ 11: Александрию иж(е) въ Египтѣ, Александрию иж(е) въ Рпех, Александрию дрѣжавную, Александрию въ Скифии, Александрию на Крѣпидѣ рѣцѣ, Александрию на Троядѣ^Н, Александрию в Вавилонѣ на Тигрѣ рѣцѣ, Александрию на Месангудѣстѣ, Александрию на Пиперии, Александрию на Главахъ конскихъ, Александрию иж(е) у Пора, / и умре сии лѣт 32, ц(а)рствовав лѣт 12.

[75] По умрѣтви ж(е) Александровѣ раздѣлися ц(а)рство ег(о) на многи власти. Андреи, брат его, иж(е) и Филипц нареч(е)ся, в Македонію^О иде, Антипатрѣ ж(е) во Веронии ц(а)рствова, Птоломеи Заячичъ въ Египтѣ, Финикиею же и Килиею и Сириею Селевкѣ. Киликиею ж(е) Филота, Асиею Антигон, Кариею же Касандр, Елиспонтиею же Леона, Пефлагоніею ж(е) Евмени, Флакиснею ж(е) Лисимах. И не престающе друг на друга востающе.

[76] И по скончянии же своемъ Александръ лѣт 57 бѣ поручил ц(а)рствовати Птоломеу, прирокомъ Лагову, астроному, иж(е) ц(а)рствова лѣт(а) 42. И по нем с(ы)нѣ его Птоломеи ж(е). Въ ц(а)рство же того Птоломеа прело-

^Г Следует лѣтъх ^Д Слог дес на поле ^Е На поле ^Ж Доб. ^З Следует иудѣомъ ^И Испр., в ркп. всѣ ^{И-И} Испр., в ркп. Хва, т. е. Христова ^К На поле ^Л Испр., в ркп. Мекед(о)нскаго ^{М-М} В ркп. указано, что следует читать и одолѣ и покори ^Н Испр., в ркп. Троядѣ ^О Испр., в ркп. Македоніу

жены быша книги иудейския еллинскимъ языком^п от 72 уч(и)т(е)лю 72-ма д(е)ньма. По ц(а)рствии ж(е) того Птоломея ц(а)рствова 3 Птоломеи Филадельфъ лѣт 37. И по том 4 Евригитис лѣт 25. И по том Филопатер лѣт 17. И по том Епифанос лѣт 25. И по сем 7 Филомитор^р лѣт 11, и инѣх Птоломиев 5 ц(а)рствоваша лѣт 190. 12 же Птоломеи ц(а)рствова именем Дионусиос лѣт 29, иж(е) име дщерь Клеопатру и с(ы)нѣ Птоломеосъ ж(е). От Птоломеа ж(е) Лагова до Клеопатры^с ц(а)рствоваша Птоломеи 20 Египетстѣи странѣ. Македонос^т ц(а)рствоваша ж(е) лѣт 300 до 15-го лѣт(а) Ауг(у)ста кесаря Октауиа Севаста, иж(е) побѣди Антониа и ту Клеопатру, якож(е) прѣм(у)дрыи Евсевии Памфилиискыи и Паисаниа хрон(о)граф списаста.

Свриу же и Вавилонию и Палестины повелѣ дръжати и ц(а)рствовати Селевку Никатору, иж(е) въ Асии ц(а)рствова, / убив Антигона, ц(а)рствова ж(е) лѣт(а) 43. Създа же Антиохию во имя с(ы)на своего Антиоха. [77] Повелѣ же м(ѣ)с(я)ця сурскыи македонскыи нарицати. Създа же и 2 град(а) въ имя^у дщере своае Лаодикиа и другии създа въ имя дщере 2 Алпамы. Създа же и ины грады в различных мѣстех, ихже ес(ть) число 75, якож(е) Павсаниа прем(у)дрыи списа. Съи Селевкъ первое умысли борную хитрос(ть). Умре ж(е) съи Селевкъ, [78] и по нем ц(а)рствова с(ы)нѣ ег(о) Антиох лѣт 20, иж(е) възлюбил матчу свою, дщер(ь) Димитриеви, и поя ю женѣ. И роди два с(ы)на: Селевка, иж(е) мал умре, и Антиоха, нареч(е)наго Деондис. И ц(а)рствова по отци лѣт 15. И по том с(ы)нѣ ег(о), иж(е) от Верникиа, Селевкъ лѣт(а) 24^ф и Александр Никатор лѣт(а) 4. И Антиохъ Грип лѣт 36. И Селевкъ Филоп(ате)р^х лѣт 10. И Антиох, прироком Епифанитатос, лѣт 12, иж(е) биса съ Птоломеом египетцкым. И паде множ(е)ство вои его, сам же убѣжа. И слышавше иер(у)с(а)л(и)мяне съставиша празник, радующес(я), мнѣвше Антиоха убиена. Случ(и) же ся не быти тому, якож(е) они мнѣша, Антиох бо съвокупи множ(е)ство вои, паки устремися на Птоломеа и уби ѡ, и иде на Иер(у)с(а)л(и)мъ и плѣни ѡ, [79] и посѣче 18 000. Съи же и 7 м(у)ч(е)н(и)ку мучи и уч(и)т(е)ля их Елизара. И по Антиосѣ ж(е) ц(а)рствова Антиох, с(ы)нѣ его, иж(е) и Евпоргатор. Съи пач(е) о(т)ца поплѣни И(е)р(у)с(а)л(и)мъ, 3 лѣт(а) бо с(вят)ы(н)ю осквернѣша и умре.

[80] Се второе быс(ть) Иер(у)с(а)лиму плѣнение, якоже прем(у)дрыи Евсевие Памфилиискыи списа.

И по сем ц(а)рствова Антиох Зѣкрыи, с(ы)нѣ ег(о), прироком Иераксъ, лѣта 2. И по том Димитриан Сел(е)вков лѣт 8. При сем нѣкто Иуда жидовин паки създа Иер(у)с(а)л(и)мъ и ц(е)рк(о)вь / очисти, пасху празднова б(о)гу. [81] По Димитрианѣ ж(е) ц(а)рствова Антиох, внукъ Грипов, с(ы)нѣ Лаодикии, дщере Арианфа, ц(а)рѣ Кападоцска, лѣт 9. При том падеся великаа Антиохиа, и по лѣтѣх 152 поновлен(а) быс(ть), якож(е) Дамнии хронограф списа, також(е) и Павсаниа. По Антиосѣ ж(е) ц(а)рствоваша от племени их ини ц(а)ри 3 до ц(а)рства Антиоха Дионика Прокаженаго, отца Клеопатры и Антиоха. [82] Съи ж(е) Антиох Прокаженыи биса с румы; бѣ ж(е) в Румѣ нѣкто Скипион, ег(о)ж(е) поставиша ипата, иж(е) и одолѣ Антиоху и сътвори ѡ быти под румы, якож(е) прѣм(у)дрыи Флорос от Ливиа прѣм(у)дра книг спамятова. [83] 15 же лѣт(о) ц(а)рства ег(о) пришед Тигранис, ц(а)рѣ арменскыи, сѣчеса съ Антиохом и одолѣ ему, и взя ц(а)рство их и Антиохию великую, Антиоху ц(а)рю бѣжавшу в Прскую страну тог(о) Тиграна. Пришедшу ж(е) Помпию Магну кесаря дѣля, и сѣчеса с Тиграном и одолѣ ему, приа Армению и Киликию и Свриу. Антиохъ ж(е) слыша Тиграна ц(а)рѣ погибель и Помпиеву побѣду, пришед, паде пред ним, прося у нег(о) ц(а)рства своего(о). И дав ему ц(а)рство Помпии, сам изыде въ Египет. В та ж(е) лѣт(а) Цѣбѣста м(у)дра^п хитреца Кикерон и Салустие. Ц(а)рѣ же Антиох, умираа, остави свое имение

^п Испр., в ркп. языком ^р Испр., в ркп. Филомир ^с Испр., в ркп. Клеоптры ^т Испр., в ркп. Македонос ^у На поле ^ф В ркп. ^д ^к ^х В ркп.; Филопр ^{ц-п} В ркп. указано, что следует читать мудра бѣста

римом. И по скончании ег(о) быс(ть) Антиохиа великаа под рѹмы, и вся Сѹриа и Киликиа, и все, еж(е) дрѣжаша макодоне. Ц(а)рствоваша ж(е) въ Антиохии велицѣи и инѣм странам македони от Сел(е)вка Никатора до прѣтатиа рѹмскаго лѣт(а) 263.

л. 365
[84] Нач(а)ло рѹмскаго ц(а)рства второе. Рѹмскаа убо власть всѣ строима бѣ прѣжде ипаты лѣт 465 / до ц(а)рѣ диктатора, иж(е) не быс(ть) рожен: матери ег(о) умръши 9 м(ѣ)с(я)цѣ, пропороша ю и изяша отроч(а), тѣм и кесар нарицашется, кесарь бо рѹмскы — выпороток. Взрасть ж(е) и добль быв, поставлен быс(ть) триомиратор с Помпием Магном и Красом: сими бо трети строима бѣше римскаа земля^ч вся. 1-е же ц(а)рствова Юулиа един ромейскими скиптры съ мноую гордостию и буес(ть)ю тим ми (так!) диктатор нарицашется, диктатор бо — единовластеецъ сказ(у)ется, иж(е) и Магна Помпиа и Краса уби, якож(е) Лукниос списа. В та ж(е) лѣта бѣ Ливиос прѣм(у)дрый рѹмскы писател, иж(е) много списа о Римѣ.

Кесар ж(е) диктатор вся прѣа с величанием лѣт 18, иж(е) индикты и вискос избрѣте и законы римом устави и м(ѣ)с(я)ця нареч(е), прѣж(е) кинтилиа нарицаема. Ипаты нач(а) поставляти на лѣта, яж(е) хотяше. При том Иуда Галилеанин быс(ть), иж(е) въ Дѣяних ап(о)с(то)л(с)ких поминаем и Антипатр Иродеин о(те)цѣ ц(а)рем въ Иудеи бѣ. [85]. В то ж(е) время Виргилиос римскы хитрець списа повѣсть о Ении и Олисси, яж(е) бѣ от Финикиа и о дрѣваном кони и о плѣннии Троискъ.

Съи же кесарь създа градъ въ имя с(ы)на своег(о), егож(е) роди Клеопатра, прогнанѣ суци ей от брат(а) ей Птоломеа въ Александрию великую. Ходив же тамо Юулиос обрѣте ю, красну суцу, растлив ю, непраздну сътвори и роди с(ы)нѣ и нареч(е) ѿ Кесариа, Птоломиа ж(е) изгна из Египта,^ш дас(ть) ц(а)рство Клеопатре. С(ы)нѣ же их умре мал. Сам же убиенъ быс(ть) от второго Врѹта.

л. 365
об. [86] Умръшу ж(е) кесару Гауи Юулиу, избраша болѣре римстии Аугуста Охтауиа, ужику кесарева, и Антониа и Леонида, и быш(а) / си трие строаше влас(ть) римскую. Егда Египтиа и Клеопатра отврѣж(е)са Рѹма, изыде на нь Антонию съ множеством вои, прелещенъ быс(ть) Клеопатроу, оставив свою^ш жену, сестру Августову, поим Клеопатру женѣ. Август(т) же слыша, събрав воа многы иде на нь и погуби ѿ, Клеопатру ж(е), яко пленницу^б живу ят, иж(е) сама умори ся от аспиды, якож(е) Феофил^л прѣм(у)дрый хронограф списа. [87] Създа же и град, егож(е) прозва Анкѹра, покори ж(е) многи епархия, разве Каппадокия, прѣдержимыя от Архелаа, и разве 4-ровлас(ть)а Иродова, ц(а)ря иудейска, понеж(е) принесоста ему оба дары великы. И приде в Рѹмѣ уби Врѹта, иж(е) уби Юулиа ц(а)рѣ, якож(е) Лукиан прѣм(у)дрый рѹмскы хитрець списа. [88] В та ж(е) лѣта Сови нѣкто болярѣн от Антиохиа приде съ Августом в Рѹм и умре в Рѹмѣ, поручив память(ь) свою творити на пят(ь) лѣт 30 дний перетиа м(ѣ)с(я)ца игры скомрашныа и куколныа и всѣх бории снузных и пѣших уристаниа. Быс(ть) же ц(а)рь 1 един рѹмом сии славныи Август(т), нарицаше ж(е) ся сице^б побѣдник ч(е)стныи и дрѣж(а)вныи филикс, ѹптратор,^з сиреч самодрѣжец, и ц(а)рствова лѣт(а) 52. Мимомедшим же 40-мѣ лѣтом и 6 м(ѣ)с(я)цѣ ц(а)рства ег(о), м(ѣ)с(я)ца дистра въ 25, въ час 2 дне в нед(ѣ)лю бл(а)говѣсти арханггель Гавриил с(вя)тѣи М(а)рии.

л. 366 [89] Въ 42-е м(ѣ)с(я)ця 4-го ц(а)рства Августова родися г(о)с(под)ь н(а)шъ И(ису)с Х(ристо)с прѣж(е) 8 кал(е)нд генуариа м(ѣ)с(я)ца апилая въ 25 въ 7 чя(с) дне. Якож(е) быти от Адама до по плоти рож(е)ния г(о)с(пода) н(а)шего Иисуса^ю Х(рист)а лѣт 5967. Прѣбыс(ть) же на земли съ ч(е)л(о)в(ѣ)кы / г(о)с(под)ь наш лѣт(а) 33, яко быти от Адама до възшества на н(е)б(е)са лѣт 6000. Си ж(е) Клинис и Феофил и Тимофеи хронограф списаша, съгл(а)сно рѣша. Евсевие ж(е) Памфилии въ 6000-ю лѣт явль-

^ч На поле влас(ть) ^ш В ркп. слово неразборчиво, ^л Испр. в ркп. сою ^б На поле, п обрезана ^л Испр., в ркп. Деофил ^б Далее неразборчиво несколько греческих слов ^з Начальная буква — греч. ѱ ^ю В ркп. ѱ

шяс(я) Х(ри)с(т)а реч(е) по числу 6 д(е)нь створения Адамова. И родися и въч(е)л(о)в(ѣ)чися, реч(е), въ 502-е лѣт(о), пострада ж(е) и въскр(е)се и възде на н(е)б(е)са въ 5000-ное и 305-е лѣто, и въ 6000-ное ж(е) лѣт(о) вси г(ла)голюют являшася г(о)с(под)а, аще л(и) множае ил(и) мнѣ^а по пророчскому словеси в последняя лѣта явис(я). [90] Тѣм поистиннѣ велии ц(а)рь и нарочитыи пач(е) всѣх Август(т), занеж(е) въ днех его ц(а)рь всѣх и г(о)с(под)ь родися.

[91] Въ 55-е ж(е) лѣт(о) ц(а)рства ег(о) м(ѣ)с(я)ця ок(тя)бря сътворив трѣбу в кумирницѣ и въпроси: «Кто по мнѣ имат ц(а)рствовати в Рѣмѣ?» И реч(е)но ему быс(ть) от Пифиа: «Отрок евреи бл(а)гым б(о)гомъ царьствуа велит ми, сии дом оставльше, въ ад отити. Тѣм изыди из домов наших». Кесарь ж(е)^v а изыде ис кумирници^a, иде в Капетолион, сътвори трѣбник велик высок и написа рѣмскы: «Трѣбник сѣи ес(ть) прадѣда / б(о)ж(и)а». И ес(ть) трѣбник тѣи и дон(ы)нѣ в Капетолии, якож(е) Тимофеи списа. Кесарь ж(е) болѣзнию слег, умре в Рѣмѣ сѣи лѣт 75 без дѣтти, цѣл(о)м(у)-дрѣствова от плотскаго грѣха. Бѣ бо таинникъ, архереи и ц(а)рь.

л. 366 об.

[92] По ц(а)рствѣ ж(е) Августа Кесаря въ ѵпатию Секста ц(а)рствова Тиверии кесар лѣт(а) 22 и пол. Въ 15-е ж(е) лѣт(о) ц(а)рства ег(о) начят Иоан крѣщение проповѣдати х покаанию. Въ 18-е ж(е) лѣт(о) тог(о) кесаря и 7 м(ѣ)с(я)ця быс(ть) лѣт 33 г(о)с(под)ь наш прѣдан быс(ть) от Иуды Скариота м(ѣ)с(я)ця дистра 23 лунѣ имуци 13 днии ч(а)с^б ноц(и) 2, въскрѣсе же въ 25 ч(а)с^б ноц(и) 6, свитаючи дни недѣ(л)ному, лунѣ 16.

[93] По ц(а)рствѣ ж(е) Тивериа кесаря ц(а)рствова Гаиос лѣт(а) 4 и м(ѣ)с(я)ця 7, и убиенъ быс(ть) в полате повелѣнием боляр, бѣв лѣт 39. По ц(а)рствѣ ж(е) того ц(а)рств(о)ва Клаудие кесарь Германик лѣт(а) 4 и м(ѣ)с(я)ц 9, иж(е) създа град и нареч(е) въ свое имя Клавдиопол. [94] При семь ж(е) Марко ег(а)г(е)лис(т) въ Егѳптѣ 1-е ц(е)рквы създа^ви многи^в и монастыря постави, ихъ ж(е) велѣм(уд)ры нарекоша. Сѣи 1-е умысли и състави, якож(е) Евсевие Памфилииский являя тако г(ла)голет Марка / свѣдаем 1-е въ Егѳптѣ ег(а)н(г)елие написавша и ц(е)ркви 1-е въ Александрии и монастыря създавша. [95] Нач(а)ло ж(е) ц(а)рства ег(о) по възшествии г(о)с(под)а н(а)шего минуша 10 лѣт. И по Петре ап(о)с(то)лѣ поставлений еп(и)с(ко)п(с)тва въ Антиохии *взя*^г Евводиос, п(а)триархъ бѣв и в тог(о) христианѣ прозвашася, нарекше себѣ имя се, преж(е) бо тог(о) назареи и галилеи нарицахус(я) хр(и)стиане. Умре ж(е) Клавдии своею см(е)ртию в полатѣ, болѣв два дни, бѣв лѣт 65 и пол.

л. 367

По ц(а)рстве ж(е) Клавдия ц(а)рствова^д Нерон, с(ы)нъ ег(о), лѣт 13 и м(ѣ)с(я)ця 2. [96] От него ж(е) с(вя)т(ы)и Петръ стремоглав^е распят скончася и с(вя)т(а)го Паула ап(о)с(то)ла усѣкну м(ѣ)с(я)ця иуниа 29, [96] въ нъ ж(е) д(е)нь и Петръ ап(о)с(то)лѣ^е распятъ быс(ть), и не повелѣ погрести а, як(о) и Марко и Лука и Яков, брат г(о)с(по)де^{нь}. [97] По Нероне ж(е) царьствова Гавлас (*так!*) м(ѣ)с(я)ця 9 и днии 13. Въ царство ж(е) ег(о) погрѣбѣнны быша^ж тѣлеса с(вя)тою ап(о)с(то)лу Петра и Паула. И умре Гавлас своею смертию напрасно от кровопущения, сѣи лѣт 59. По ц(а)рствѣ ж(е) ег(о) ц(а)рствова Вѣливиос Офонииский м(ѣ)с(я)ци 3, [98] бѣ ж(е) рода не нарочита. И нѣкогда творящу ему въ ц(е)ркви жертву, афродити/иския^з пѣсни съ с(вя)т(ы)ми размѣси, и сег(о) ради Вителиос разсѣче и своим оружием. [99] И ц(а)рствова Вителиос Август(т) м(ѣ)с(я)ця 8 и пол. Въ 35-е ж(е) лѣто по възшествии г(о)с(под)а н(а)шего въоружися на иудеа Вителиос ц(а)рь и посла стратига своег(о) Еиспасиана и Тита, с(ы)на ег(о). И приидоста воюючи Иер(у)с(а)л(и)мь. Воюющимъ ж(е) им, умре Вителиос ц(а)рь сѣи лѣт 48. И вѣнчаша вои на ц(а)рство Еѷспасиана. Еѷспасиан ж(е) остави с(ы)на своег(о) воевати Иудейскую страну, самъ ж(е)

л. 367 об.

^a Испр., в ркп. мнѣ^v, ^a На поле изшед от кумир ^б в ркп. чс ^{в-в} На поле. ^г Доб. из Арз.^д Испр., в ркп. ц(а)рства ^{е-е} На поле ^ж Слог бы на поле ^з В ркп. афродити / иския

отиде в Рим и ц(а)рствова лѣт 9 и м(ѣ)с(я)ць 10, и умре 70 лѣт. Въ ц(а)р(с)тво ж(е) его гонение велие быс(ть) на хр(и)стиане от Декиа.

[100] Титъ ж(е) Иер(у)с(а)л(и)мъ прѣя въ 38-е лѣт(о) по възшествие Х(ристо)вѣ и погуби д(у)шъ ^и100 000 и 10 000, других же 15 000^и распрода плѣнник, юнот и отрок, якож(е) Иосиф Еврѣянин реч(е). Евсевие ж(е) списа, якож(е) в праздник свои Х(рист)а распяша и въ праздник свои вси погибоша, Сп(а)су и б(о)гу отдавшу я. 4-е ж(е) се плѣнние Иер(у)с(а)л(и)ма Евсевие списа. Титъ ж(е) обличив побѣду взыде в Рим. По ц(а)рствѣ ж(е) Еиспасианѣ ц(а)рствова / с(ы)нъ ег(о) Тит лѣт(а) 2 и м(ѣ)с(я)ци 2 и умре. По ц(а)рствѣ ж(е) Титовѣ ц(а)рствова Доментианъ лѣт 15 и м(ѣ)с(я)ци 2, иж(е) привед с(вя)т(а)го Иоан(а) Б(о)гослова, и испыта ѿ, и отпусти ѿ в Патом остров таи, рек ему: «Иди, умлѣчи, бог еси пришел». Многы ж(е) хр(и)стианы мучи, яко мнози бѣжаша на Понтъ, якож(е) и Вутос списа о них хронограф. В лѣт(а) же ег(о) прѣм(у)дрыи Аполонии обходя словяше и всуду капища творя в странах и въ градѣх, и скорпий въ Антиохии без вѣсти сътвори, съдѣлав мѣдяну скорпию и погребъ ю, постави над нею столп мал, и комары загуби, якож(е) реч(е) Домниа. Ц(а)рь Доментиан уби его, разгнѣвася таког(о) словущаг(о) астронома, сам же влѣзе в кумирницу, Диосови жрѣтву принести, болѣрѣ ж(е) убиша ѿ и багрѣницу ег(о) повѣсиша на единых веригах кадилных, и вси входящеи в кумирницу прѣлпахуся, мяще, ако възнеся на въздусъ.

По ц(а)рствѣ ег(о) ц(а)рствова Нервас лѣто и м(ѣ)с(я)ць, и възвед Иоан(а) из острова и посла ѿ жити въ Ефес. Сии же Нерва, болѣв, умре лѣт 70. [101] По ц(а)рствѣ ж(е) Нервы ц(а)рствова Траиан лѣт 19 и м(ѣ)с(я)ць 6. При нем же мучана быста Игнати Б(о)гоносец и Симеон, Клопов (сы)нъ, и велье гонение хр(и)стианом быс(ть), и мнози мучими быша. Василид же и Менадр, и Коринфъ, и Николае, и Евномие еретичству старѣишины и врази истиннѣ познани быша. [102] И умре сии лѣт 66. По Траианѣ ж(е) ц(а)рствова Елиос Андриан лѣт(а) 22 и м(ѣ)с(я)ць 5. Съи разгнѣвася на нудеа, повелѣ въ Иер(у)с(а)л(и)мъ вселитися еллином и прѣменив имя Иер(у)с(а)л(и)му Елиас. При семь ж(е) Маркион / нѣкто именем манихеискую скверную^к вѣру учааше, г(ла)голя от неприязни земную тварь сътворену и многи прѣлсти, якож(е) прѣм(у)дрыи Климис списа. Сии же ц(а)рь въ Фракии създа град и прозва Адрианоц(о)лис. От воднаго труда умре лѣт 65. По Адрианѣ же ц(а)рствова Антонис Евсевис лѣт 13. [103] При семь Полукарпъ, ученикъ Фелогов, и Устин философ и Диониси Коринфис мучени быша, и Татиан и Вардисиан еретичству началници познани быша, Прискила и Максиула, иж(е) от Фругиа, лжепрор(о)ци познани быша. [104] По нѣмъ ж(е) ц(а)рствова Марко Антонин, с(ы)нъ ег(о), лѣт 18 и м(ѣ)с(я)ць 9 и умре. И по том въц(а)рися Антонин Севирос, с(ы)нъ ег(о), лѣт 18 и убиенъ быс(ть). [105] По ц(а)рствѣ ж(е) Антонина Севира ц(а)рствова Комодос лѣт(а) 22 и м(ѣ)с(я)ць 8. При сем въ Антиохии начаша игры творити, ови борѣхуся, овии уристаахуся, ови ж(е) прѣпѣваахуся къзлогласием, ови ж(е) трубааху, ини пястми биахуся и ини утмудааху. Бѣаху ж(е) и д(ѣ)в(и)ца сие любом(у)дрвствующе. Сии ж(е) Комуд от крови напрасно умре лѣт(а) 41. И ц(а)рствова Пертинакс Лукиос м(ѣ)с(я)ца 2 и дни 8 и убиенъ быс(ть) сии лѣт 70. И ц(а)рствова Диос Иулиан и Силвиос м(ѣ)с(я)ць 7 и убиенъ быс(ть) от Кувиклариа. И по нем ц(а)рствова Севирос Септимиос лѣт 17 и м(ѣ)с(я)ць 9, исшед на войско умре.

[106] При том Леонид еп(и)с(ко)пъ, о(те)ць Оригеон(о)в, м(у)ч(е)нъ быс(ть) и Клим Строматянин и Симах и Оригеон знаеми бѣху. Том Оригеон въ Александрии сии велико на б(о)жественое слово^л тщание вложивъ,

^{и-к} В ркп. р и і других же еі ^к Испр., в ркп. скрпия ^л Испр., в ркп. скер-
ную ^л На поле

не точию вѣрных, но и невѣрных и еретикъ / на ползу обрати, все ж(е) ђ(о)жественное писание истлъкова, г(лаго)л(е)ть ж(е) ся, яко 6000 книг написа. Паде ж(е) страшно и многим^м погибели причястен быс(ть), хотя бо ничтож(е) оставити б(о)ж(е)ственных писании истлъкованно, въ пропас(ть) себе врину.^н Вѣща бо, яко единочадыи с(ы)нъ отца видѣти не может, и с(вя)тыи д(у)хъ с(ы)на, ни агг(е)ли д(у)ха, ни ч(е)л(о)в(ѣ)ци агг(е)ль, и от существа о(т)ча не реч(е) быти с(ы)ну, но тварь, и по бл(а)г(о)д(а)ти с(ы)номъ нарицатися, ч(е)л(о)в(ѣ)чстѣи ж(е) д(у)ши древле суще.

[107] По ц(а)рствѣи же Севира ц(а)рствова Антонин Гета лѣто, и убиша ѥи вои. И ц(а)рствова Антонин Каракал, с(ы)нъ Северов, лѣт 6 и днии 22 и убиен быс(ть). [108] По Антонинѣ ж(е) ц(а)рствова Макрин лѣто и м(ѣ)с(я)ця 2 и убиен быс(ть). И ц(а)рствова Антонин Илиогавал лѣт(а) 3 и м(ѣ)с(я)ця 9 и убиенъ быс(ть). И ц(а)рствова в нег(о) мѣсто Александр Мамеанин, с(ы)нъ братучад(а) его, лѣт 13 и м(ѣ)с(я)ць. При том быс(ть) глад в Римѣ, яко мяса ч(е)л(о)в(ѣ)чя ядоша. И по том ц(а)рствова Максимин лѣт 6, съи пастырь преж(е), тач(е) воинскѣи и потом воевода и паки ц(е)с(а)рь. И гонение велие въздвиже на хр(и)стианѣи и убиенъ быс(ть) от Максима и от Валвина. И ц(а)рствова Максим и Валвинъ дни 22, тѣм же образом убиена быста. По Максимѣ ж(е) и Валвинѣ ц(а)рствова Гръдианъ кесарь, съи възрастом 13 лѣт самодръжець явися и ц(а)рствова лѣт 5 умре. По Гръдианѣ ж(е) ц(а)рствова Филиппъ лѣт 5. Тѣи хр(и)стианстѣи вѣрѣ поспѣшитѣл(ь) быв, иж(е) създа град Филиппополь, убиенъ ж(е) быс(ть) от Декиа съ с(ы)ном хр(и)стианъ ради. При сем Савелии еретичству нач(а)льник познан быс(ть).

По ц(а)рствѣи же Филипповѣ ц(а)рствова Галос Евтелис м(ѣ)с(я)ць 5 и убиенъ быс(ть) от жены своеа. / И ц(а)рствова Декиос лѣто и м(ѣ)с(я)ць 8. При сем бѣ Плотии философ и Ориген словущи, иж(е) и хр(и)стиан бѣ. Въ ц(а)рство ж(е) ег(о) хр(и)стианом быс(ть) велие гонение.^о Флавианъ Римскыи, Александр Иер(у)с(а)л(и)мьскыи и Дионисъ Александрскыи мучени быша, и Нават от церкви отступи. И Киприанъ с(вя)тыи м(у)ч(е)нъ быс(ть) и 7 отрок, иж(е) въ Ефесѣ, и много(о) множ(е)ство с(вя)тых. Убиенъ ж(е) быс(ть) и с с(ы)ном. И царствова Иволусиан лѣт(а) 2 и м(ѣ)с(я)ць 8. И по Волусианѣ ж(е) ц(а)рствова Емилиан м(ѣ)с(я)ци 4 и убиен быс(ть) от воин, якож(е) и Волусиан. По Емилианѣ ж(е) ц(а)рствова Иуалериан и убиен быс(ть) от воинск. По Иуалерианѣ ж(е) ц(а)рствова Клавдии лѣт(о), съи дѣдъ Коньстантинов: отца великаг(о) Константина. И по Клавдии ц(а)рствова Квнтилиан, брат ег(о). По Аквнтилианѣ ж(е) ц(а)рствова Аврилиан лѣт 6, убиен быс(ть). При сем с(вя)тыи^п Харитон Исповѣдник м(у)ч(е)нъ быс(ть).

[109] По Аврилианѣ ж(е), якож(е) г(лаго)лет Евсевие, Мании проклят быс(ть), от негож(е) манихеи, Х(ри)с(т)а бо себѣ назва и 12 уч(е)ник, якож(е) и Х(ри)с(тос)ъ, по себѣ вода. Быс(ть) сквѣганин, и вшед в Персиду г(лаго)лаше себе от д(ѣ)вы родившас(я) и въ горах възпитана, и написа книги 4-ры, овыи нареч(е) таяну, друг(у) еч(ан)г(е)лие, ино — съкровище и ино — главизны. Его ж(е) ц(а)рь перьскыи одра жива. И Павел Манентии сему сверстник сыи, родом самосатянин. Промѣж же тѣх и Аполинарие нѣкоторыи прозябѣ. С сим явис(я) и Феодор Мампсуестиискаг(о) град(а). По сихъ ж(е) быс(ть) и Несторие от Германикиа Сърскыа. Съи убо окаанныи трет(ь)и предстател(ь) быс(ть) иудейску^р съборищу. И Еввтихийи отметныа чясти 3 помощник явис(я) Маниу и Аполинариу. Г(лаго)л(а)ше бо / с н(е)б(е)с(е) суще тѣло г(оспод)не и яко сквозѣ скважну д(ѣ)в(и)цу протеч(е), да изволит родитися от жены, еще бо не родився: манихейское проклятое се слово. Тач(е) Семир нѣкто възхитив пр(ѣ)ст(о)лъ антиохийскыи, възмущаа елико могыи ц(е)рк(о)въ Х(ристо)ву еретичством желааше.

^м Далее написано по Гим, вероятно, слог ги писецъ принялъ за окончание слова многим

^н На поле сведе ^о Испр., в ркп. гоние ^п На поле ^р На поле ству (край слова обрзан)

[110] По Аврилианѣ же ц(а)рствова Такитъ лѣт(а) 2. И по Такитѣ ц(а)рствоваста Пров и Флориан лѣт(а) 2 и м(ѣ)с(я)ця 4. Сеи убо Пров вредоумен сътвор(и)ся, уби Флориана, и сам убиен быс(ть) от сущих его. По Провѣ ж(е) и Флорианѣ ц(а)рствоваша Кар и Карин и Нумериан лѣт(а) 2. Кару ж(е) умершу и Карину ослѣплена, ц(а)рствова Нумериан един. При немъ ж(е) муч(е)нъ быс(ть) с(вя)тѣи Георгие и с(вя)тѣи Вавила Антиохискѣи. По Карѣ ж(е) и по Каринѣ и по Нумерианѣ ц(а)рствова Диоклитияя и Максимиан, зят(ь) ег(о) иж(е) и Еркулии, лѣт(а) 22. При том велие гонение наста на хр(и)стианы, и мнози страсотерпческѣи приаша конецъ. В нихъ ж(е) сут(ь) Петр Александриис(кѣи), Анфимни, Комидии и Прокопие и славнѣи Георгие. Саватии ж(е) ересем 14-мъ владѣв познан быс(ть). [111] По Диоклитьянѣ ж(е) и Максимьянѣ ц(а)рствова Константин Зеленѣи лѣт(а) 2, Зеленѣ же наречеса лица ег(о) ради блѣдаго. Съи от Елены роди Константина в Дакинстѣм градѣ.

Нач(а)ло ц(а)рства Греч(е)скаго. Константин же ц(а)рствова в Ргме лѣт 20. Роди же и с(ы)ны 3 от Максимины, дщери Диоклитиановы: Константина и Константу и Константа. Брата ж(е) ему бѣста два — Далмат и Константион, яж(е) имѣста с(ы)ны: Далмат — Далмата, Константионъ ж(е) — Гала, Улиана.

л. 370
об.

[112] 1 сбор^с быс(ть) в Никее 318 с(вя)тѣх о(те)ць, ц(а)рствующу великому Константину. / От Рима ж(е) приидоша съ Силвестром Вит и Викѣнтио прозвѣтера, М(и)трофан от Византия, Александръ изъ Александрия, Евстафие из Антиохиа, Макарие от Иер(у)с(а)л(и)ма. В та ж(е) лѣта Антоние Велик (так!) добродѣтели украшаемъ свѣтяшес(я). Прѣстави ж(е) ся б(о)ж(е)ственнѣи Константѣи в Никомидии сѣи лѣт 65.

[113]. По Константинѣ же ц(а)рствова Константин, с(ы)нъ ег(о), восточною страню лѣт 11, западомъ ж(е) Константъ и Константие. При сем Евномии и Фотии и Македонии и Аполинарии старѣшины еретиком бѣху. При томъ ж(е) Константинѣ мощи с(вя)тѣх ап(о)с(то)лъ Андреа и Луки и Тимофеа принесены быша въ Ц(а)риград. И Флавиан Антиохискѣи^Г надвое пѣвческѣи ликы раздѣливъ по изгнани Д(а)в(ы)дѣскѣи научи пѣти преж(е) всѣх, ихже пѣние въ Антиохии первѣе наченъ всюду. И великий Ефрѣм дѣлом и словом словяше и многа списаня остави, в них же исписа 300 000^у изложи стих, да поют сиряне. [114] По ц(а)рствѣи ж(е) Константина ц(а)рствова Улиан Проватъ, иж(е) бѣ прѣж(е) ц(а)рѣ южика тог(о) Константа [115] и много хуление на б(о)га въздвиже съи океанныи Улиан и на хр(и)стианы. [116] По Улианѣ ж(е) Законопрѣступнѣм ц(а)рствова си Овиан, с(ы)нъ Уриниев, м(ѣ)с(я)ць 7 точ(ь)ю, хрис(ти)ян зѣло. [117] По ц(а)рствѣи же ег(о) ц(а)рствова Уалентин в Никее лѣт(а) 2. В та ж(е) лѣта мнихом старѣшины Макарие, Исидор и 2 Макарие, и Ираклие и Памбо, Антониевѣ уч(е)н(и)ци, не съ ч(е)л(о)веки (так!), но съ англ(е)лы прѣбывааху. По бл(а)гоч(е)стивѣм же Уалентиньянѣ ц(а)рствова с(ы)нъ ег(о) Гратиан лѣт(а) 3. По Гратианѣ ж(е) ц(а)рствова Феодосии вел(и)кѣи лѣт 17. При сем 2 сбор^ф быс(ть) въ/Константинѣ^х градѣ, 150 с(вя)тѣх о(те)ць. В них же Дамас, папа римскѣи, Тимоф (так!) Александрскѣи, Мелентии Антиохискѣи, Күрил Иер(у)с(а)л(и)мскѣи, Григорие Б(о)гословец на Македониа д(у)хоборца. При сем же Феодосие ч(е)стнаа глав(а) Кр(е)с(ти)т(е)л(е)ва в Константин град принесена быс(ть). По Феодосии ж(е) ц(а)рствова Аркадие, с(ы)нъ ег(о), лѣт 30. При немъ ж(е) 2-е вел(и)кое с(о)лнце Иоан Зла(то)ус(т) быс(ть). По ц(а)рствѣи ж(е) Аркадиа ц(а)рствова Онорие, брат ег(о), лѣт(о) 31. [118] По ц(а)рствѣи ж(е) Онориа ц(а)рствова единъ б(о)ж(е)с(т)веннѣи Феодосии Юны, с(ы)нъ Аркадиев, от своег(о) отца поставлен. Ц(а)рствова ж(е) лѣт 48, учаше ж(е) ся в полатѣ при о(т)ци своем Аркадие. И по ум(е)ртѣи ег(о) нач(а) учитися с ним другѣи юнота,

л. 371

^с На поле ебор.

^Г Испр., в ркп. антиохискѣи ^Г В ркп. Ⓣ

^х Испр., в ркп. Константинѣ

^ф На поле сбор 2.

Павлин именем, и любяше ѿ Феодосии. Възрасте ж(е) и поим за себе д(ѣ)в(и)цю красну сущу от Еллады пришедшу, любѣше^ч же велми Павлина, яко друга и ходатаа браку, и постави ѿ магистра.^ч Случи ж(е) ся по мнозѣх лѣтех, идущу ц(а)рю в ц(е)рк(о)въ на с(вя)таа Б(о)гоавлениа,^ш магистру Павлину болящу ногою, и нѣкто убогъ принес ц(а)рю яблоко велико зѣло и притранно от Фруга. И почюдися ц(а)рь и^ш боляре, и вда ему 150 златиць, и посла е ц(а)р(и)ци. Она ж(е) посла е Павлину, яко другу ц(а)реву сущу. Магистръ ж(е), не вѣды, посла е къ ц(а)рю. И взем е ц(а)рь, скры, и призва ц(а)рицю, реч(е) ей: «Кдѣ ес(ть) яблоко, еж(е) ти послах?» Она ж(е) реч(е): «Изъѣдох е». И заклѣ ю сп(а)с(е)ниемъ своимъ, аще ес(ть) изгрызла или пустила камо. И клятсѣя, рекущи: «Нѣсмъ никамо послала, но изъядох». И быс(ть) меж има печ(а)ль и разлучение, тоя ж(е) ради вины убиен быс(ть) Павлин. Ц(а)рици же просися въ с(вя)таа мѣста на м(о)л(и)тву, и пусти ю. И иде въ Иер(у)с(а)лимъ и прѣбывши ту, ц(а)рскыи гробъ създав умре, и положена быс(ть) въ Иер(у)с(а)л(и)мѣ. [119] При / сем 7 отрокъ възкреснуша. И 3 съборъ^б быс(ть) въ Ефесѣ на Несториа. Умре же Феодосие лѣт 51, остави ц(а)рство Маркиану. [120] Б(о)ж(е)ств(е)ныи ж(е) Маркианъ въц(а)рися точ(ь)ю и поим сестру Феодосиеву Пулхерию^м вл(а)д(ы)ч(и)цу женѣ д(ѣ)вою сущу лѣт 53. Ц(а)рствова ж(е) лѣт 6 и м(ѣ)с(я)ць 5.

л. 371
об.

[121] Быс(ть) же въ ц(а)рство ег(о) 4 съборъ^в в Халкыдонѣ, 630 с(вя)тых о(те)ц, в них же старѣшины: Леонтъ, папѣж римскыи, и Пасхасие и Лисие еп(и)с(ко)па, и Внифантисе прозвѣтер, и Анатолие Константина град(а), и Увеналие Иер(у)с(а)л(и)мскыи на Евтиха, архимандрита бывшаго, и Диоскора, еп(и)с(ко)па бывшаго въ Алекс(а)ндрии. И Симеон дивныи на стлѣпѣ вшед, и събор похули ег(о), яко 1-е замысли на столпѣ стоати^з и неприобщение послаша на нь. Увѣдѣвъше ж(е) смѣренное житие его, пакы приобщиса ѿ. По ц(а)рствѣ же Маркианѣа ц(а)рствова Лев Великыи лѣт 12 и м(ѣ)с(я)ць 11. Въ ц(а)рство ж(е) ег(о) почи с(вя)тыи Симеон и с(вя)тыа б(о)городица риза обрѣтена быс(ть) въ Иер(у)с(а)л(и)мѣ у жены еврейныи: бл(о)д(и)гоч(е)стивы суща. По ц(а)рствѣ ж(е) ег(о) ц(а)рствова Малаи Лео лѣто и днии 23. Сие же Несториан прѣм(у)дрый хрон(о)граф до Лва Малаго списа. По ц(а)рствѣ ж(е) Лва Малаго ц(а)рствова Зинов, о(те)ць его, лѣта 2 и м(ѣ)с(я)ць 10.

[122] Въ ц(а)рство^ю же ег(о) Петр Бѣллик на пр(е)ст(о)лъ силою вскочи, и тѣи прѣд всеми людми 1-е мѣро в ц(е)ркви освацати устрои,^я и на б(о)гоавлениа еже на водах призыванию быти, и на кождо м(о)л(и)твѣ б(о)городицу именовати, и въ вседневнѣи службѣ б(о)жие учение вѣры, да ся г(ла)голет, сирѣч «вѣрую въ единого б(о)га», прѣж(е)^{ви.а} бо тѣмко единою лѣтом в вел(и)кыи п(я)ток г(ла)големо. И Варнавы ап(о)ст(о)ла / обрѣте мощи под дрѣвом рожечнымъ, имы на прѣсех ев(ан)г(е)лие еж(е) от Матѣа, самѣм Варнавою написано, ег(о)же положи Зинов в полатѣ в ц(е)ркви с(вя)т(а)го Стефана и повелѣ въ вся лѣта чести въ с(вя)тыи и велик че(тверто)к. [123] Умре же Зинов лѣт 65 и м(ѣ)с(я)ць 9. И от Адама до см(е)рти Зинова лѣт 5450 и м(ѣ)с(я)ць 7.

л. 372

[124] По ц(а)рствѣ ж(е) Зинова ц(а)рствова Анастасии Дикорос Драчанин лѣт 27 и м(ѣ)с(я)ць 9 и днии 9. И поа ц(а)р(и)цю Ареадниу, Зинову жену. [125] И възхотѣ ц(а)рь приложити тр(е)с(вя)тому «распныи на сради» — «помилуй нас», и вѣста народ Константина град(а), логофета убо и епарха, домы их разграбиса, сами ж(е) избѣгоша. Игумена ж(е) с(вя)т(а)го Филиппа, любимаго ц(а)р(е)мъ, убивша, взтокша главу ег(о) на копис, г(ла)голюще: «Се ес(ть) друг врага с(вя)таи тро(и)ца». И затворницю, в неа ж(е) ц(а)рь вѣроваше, убивше, и тѣло еа привязавше къ игумену тѣлу и съжгоша въ Студии. В та ж(е) лѣта и Мудар, срачинскыи

^ч Испр., в ркп. любѣше ^ч Испр., в ркп. маистра ^ш Испр., в ркп. б(о)гоавлеа
^ш На поле и в (далее обрезано) ^б На поле сбор. 3 ^м Испр., в ркп. Плухерию
^в На поле сбор 4 ^з На поле <стояние (часть слова обрезана) ^ю Испр., в ркп.
ц(а)рство ^а На поле <умысли (часть слова обрезана)
^{ви.а} Перед словом написано и зачеркнуто прѣж

князь(ь) кр(е)стится от правовѣрных в Сиріи. Того ради посла к нему ц(а)рь два еп(и)с(ко)па, хотя ему прѣдати своег(о) еретичства, их же учение безмѣстное свѣдѣны, реч(е) хитростию: «Приахъ днес(ь) грамоту, як(о) архаггел Михаил умре». Онѣм же рекшим: «Невъзможно ес(ть) се». Князь(ь) же: «И како рещи: б(о)гъ обнажен распяты — по вашему г(ла)голу, аще не от двою ес(те)ству Х(ристо)с, подобает ни аггелу умрети». Его ж(е) слышавши зѣло удившас(я), отидоша посрамлени. [126] Анастаси ж(е) болѣв лежаще, и м(о)лнии и грому велику бывшу зѣло, растрѣсновно прѣдас(ть) дух, сии лѣт 90 и м(ѣ)с(я)ць 5. [127] По ц(а)рствѣ ж(е) Дикороса / ц(а)рствова Иустин Вендаритин Фракс лѣт 9 и днии 22. И по 8 лѣт и 9 м(ѣ)с(я)ць и днии 5 ц(а)рства Иустинова вѣд(а)рися с ним б(о)жественный Иустиниан, южика ег(о), чюдный прѣз мѣру съ ц(а)р(и)цею Феодорою, поставлен от б(о)жественаго Иустина, стрыа ег(о).

[128] От Адама ж(е) до (ца)рскыа впагта б(о)ж(е)ственаго Иустиниана лѣт 6400 и 17, от създания же пребогатаго Константина град(а) лѣт 199, ни мнѣе, ни вѣще.

[129] Съи же великый ц(а)рь Иустиниан обнови великую ц(е)рк(о)вь Софиу красотою и велич(е)ством, древле бо създана быс(ть) Константием, Константина великаго с(ы)ном. Прѣдасть ж(е) и тропар(ь) ц(е)ркви, да поется, емуж(е) нач(а)ло: «Единородный с(ы)нъ слово б(о)жие», и праз(так!) повелѣ праздновати Усрѣтения, и прежде бо не причтен быс(ть) къ г(оспо)дскимъ праздником. Б(о)жественный бо Златаустецъ тако реч(е): «Въ 6 днии сътвори б(о)гъ дѣла своа, якож(е) ес(ть) писано, въ 7-и ж(е) почи». Тако и праздникы прѣдас(ть) нам своег(о) смотрения: 1 — корен(ь) ес(ть) всѣмъ праздникомъ — воплощение от с(вя)тыа д(ѣ)вы, сирѣч Р(о)ж(е)ство, 2 Просвѣщение, 3 о стр(а)сти сп(а)с(е)ныи д(е)нъ, 4 въскр(есе)ние, 5 иж(е) на н(е)б(е)сна възшествие, 6 пришествие с(вя)т(а)го д(у)ха и чаемое всѣмъ въскр(есе)ние».

[130] И 5 събор^б быс(ть) при сем б(о)ж(е)ственѣмъ Иустинианѣ, 165 с(вя)тых о(те)ць, при Виргилии, папежи римстем, иж(е) грамоту посла правую вѣру истинствующу. ^вИже *бяху старѣишины*^в Евтихий Константина град(а), Аполинарии Александрскыи, Домнин Антиохис(так!), Стефан Рафиис Георгие Тивериадскыи, Дамьян Созополскыи на Оригена и ег(о) поборникъ нечестивых Дидима и Евагриа.

[131] По Иустинианѣ ж(е) ц(а)рствова Иустин, / с(ы)новець ег(о) лѣт 13. По Устинѣ ж(е) ц(а)рствова Тиверий Рахышан лѣт(а) 4. По Тиверии же ц(а)рствова Маврикий, зят(ь) его, Каппадокианин, лѣт 20. По Маврикий ж(е) ц(а)рствова Фока Каппадочянин М(у)ч(и)тель лѣт 8, иж(е) Маврикия ц(а)ря и 5 с(ы)нов его уби. Крамоле бо воставши на нь от гражан, б(о)жественный же Маврикий оставлѣ ц(а)р(с)кая полунощи изыде с женою и с чады, и отплу къ с(вя)тому Автоному. Окаанныи ж(е) Фока посѣче я, жену ж(е) ег(о) съ 3-ми дщерми затвори в монастырѣ и по малѣ времени и тѣх уби. И быша вѣчных бл(а)гъ наслѣдници.

Оттолѣ убо множ(е)ство быс(ть) бѣд различных греч(е)скому ц(а)рству. Того ж(е) злаго м(у)ч(и)т(е)лѣ Ираклий стратег фракиискыи в Константин град(а) приде, нося съ собою нерукописанную икону г(оспо)дную, бл(а)год(а)тию Х(ристо)вою побѣди и прѣже усѣч(е) ему руцѣ и нозѣ, таж(е) ремение от раму краяи повел(е) и срамища ег(о) урезаша и на жерди повѣсиса, послѣди же и главу отсѣкоша. Тѣло ж(е) злоименнаго на Волуи тргу огневи прѣдаша, [132] якож(е) Георгии Писидискыи вѣща.

[133] По Фодѣ ж(е) ц(а)рствова Ираклий лѣт 30, егож(е) Сергии патриархъ съ всѣми людми вѣнчаша на ц(а)рство. Паки ж(е) Афанасием патриархом иаковитскимъ и Сергиемъ сурианиномъ Константина град(а) въ ересь извалися, злѣ конецъ жит(ь)а погрѣши, своег(о) ради безакониа, зане ж(е) братанну поят. По Ираклий ж(е) ц(а)рствова Константин, с(ы)нъ

^б На поле събор 5 (часть слова обрезана)

^{в-в} Доб., на поле читается лишь

рѣши же

ег(о), лѣто и отравлен от своих умре. По Константинѣ же, с(ы)на Ираклиева ц(а)рствова Ираклион съ м(а)т(е)рию именем Мартина м(ѣ)с(я)ц 4. По Ираклионѣ же ц(а)рствова Конста, с(ы)нъ Константинъ, лѣт 27, иж(е) уби брат(а) своего / Феодосиа и папежа римскаг(о) приведе без чести, и Максиму Исповѣднику язык урѣза и десную руку утя. Того ж(е) ради възненавидѣн быс(ть) от гражанъ и бѣжа в Сицилию, и сътвори тамо 6 лѣт убиенъ быс(ть) в бани кадию въ главу.

л. 373
об.

[134] По Констѣ же ц(а)рствова Константин, с(ы)нъ ег(о), Брататыи лѣт 17 и умре прелогы. При том быс(ть) шести съборъ^г, 170 с(вя)тых о(те)ць въ 13 лѣто ц(а)рства его. Бѣху же старѣшины Феодоръ и Георгии презвитера, Иоан Урарны зѣло смотреник, Агафон папез римский, Георгии Константина града, Феофан Антиохийский на Феодора Фараскаг(о) еписк(о)па и Онориа римскаг(о), Квра Александрьскаг(о), Сергия и Пвра, и Павла и Петра Константина град(а) и Макариа Антиохийскаг(о) предстолника и Стефана, ученика ег(о), и Полихрониа младоумнаго старца.

[135] По Константинѣ ж(е) ц(а)рствова Устинианъ лѣт 16. В та ж(е) лѣт(а) вѣста Леонтии патрикии и ноци наречен быс(ть) ц(а)рем. Дни же бывъшу, изведе Устиниана на подрумие, уреза ему носа, озимствова ѝ в Корсун. И ц(а)рствова Леонтиие (так!) лѣта 3, тац(е) абие нарекоша себѣ Аспимара некоего ц(а)рем, и тѣи, Леонтия ем, урѣза ему ус, в монастырѣ Далматстѣм повелѣ ему пребывати. И ц(а)рствова Аспимар иж(е) и Тиверии лѣт 7. Устиниану ж(е) ис Корсунѣ избѣгшу и воя без-щисла поем, вниде по водоточи в Константин град. Се ж(е) увѣдѣ Аспимар избѣже въ Аполониду. Ц(а)рствова ж(е) пак(ы) Устиниан Корноносый лѣт 7, иж(е) Аспимаръ уби / и Калиника патриарха ослѣпи. Не точ(ь)ю ж(е) сеи, но и на вся възбѣсовався: овы явѣ посѣкаше, а другыя ноцию, в мѣх обшивѣ, в море вмѣтааше, ины на обѣд и вец(е)ря зовяшеш^д отравлѣше. И толик страх константиногражан обдержаше, яко избѣгнути инѣм в варвары. Ещѣ ж(е) и на корсуняны воя посла. Они ж(е) Филика, Никифорова с(ы)на, Аспимаром заточена, вскорѣ царѣ сътвориша. Мучител(ь) же слышавъ, извѣсто увѣдѣти хотя, въздыде дѣ Синопиа град(а). Филикъ ж(е) в Константин град с вои вшед и, злаго ем, уби злѣ.

л. 374

[136] Ц(а)рствова ж(е) Филип лѣта 2, и слѣниша ѝ в полатѣ спяща. По Филипѣ ж(е) ц(а)рствова Артемии иж(е) и Настасии лѣт(а) 2. Тѣи емъ Феодора и Георгия патрикия суца, иж(е) повелѣша ослѣпити Филика, и ослѣпи самѣх. Въсташа ж(е) людие, сущии въ Адрамунтии, нарекоша ц(а)рем Феодосиа, дан беруца в тои странѣ. Се ж(е) увѣдѣвъ Артемии в Никийский град бѣже. Феодосии же с силою прииде въ град и ц(а)рствова лѣт(а) 2, Артемиа ж(е) в скиму остриже, не вредив ничем же.

[137] По Феодосии ж(е) ц(а)рствова Леон Саврънин, иж(е) и Конон, лѣт 25, иж(е) злы / мног(о) неистовство на иконы въздвиж(е). Быв ж(е) прѣж(е) замочныи кузнец, и нѣкаа два еретика от б(о)гохулных еврѣи прорекоша ему ц(а)рствовати: «И аще образ Назарѣнина Х(рист)а и м(а)т(е)ре ег(о) из всѣх ц(е)рквие потрѣбиши и будещи ц(а)рствовати за 100 лѣт. Не тврьдыи ж(е) вѣрою обѣдшася тако, еж(е) и быс(ть). Много ж(е) б(о)гоносец Герман възбраняше ему, но не успѣ ничтож(е). С(вя)т(ите)л(ь) же отречея сватителства (так!), изыде от срѣды их. Б(о)гохулныи ж(е) в него мѣсто Анастасиа постави прѣзвитера. Тѣи иж(е) окаанныи приложися к неч(е)стиу его и Сп(а)са н(а)шего И(ис)ус(а) Х(рист)а и б(о)гом(а)т(е)ре и всѣх с(вя)тых иконы испроврѣж(е) и съжже, и многы^е иерѣа и мнихы и простыа, различно мучив, живота лиши. Сих ради убо и великаго Рума прѣстолник Григорие повинующихся ц(а)рствию ег(о) отторгну и нелѣпаго еретичества ег(о) избѣже и дани не дас(ть), а Анастасиа и сущих с ним^ж прокля.

л. 374
об.

[138] По Лвѣ ж(е) злоименитѣм ц(а)рствова Константин Копроним, с(ы)нъ ег(о), лѣт(а) 34. От злаго лва различнообразныи пардус,^з от семени

^г На поле Сбор 6
е ркп. мим

^д На поле зовы
^з Испр., в ркп. прадус

^е Испр., в ркп. многы

^ж Испр.,

л. 375 змиина аспида злаа, / от Дана антихристь. Скончя же ся д(у)шею и тѣлом, воиа, яко «жив огневи прѣдан бых Мариа ради, но чтима да будет и поема». [139] По Копронимѣ ж(е) ц(а)рствова Леон, иже от козары, с(ы)нъ ег(о), лѣт 5. Тѣи изволив мало время бл(а)гочѣстивъ быти, по сих же прѣлстися. По Леонтѣ ж(е) ц(а)рствова Константин, с(ы)нъ ег(о), и Ирина лѣт 17. При том бл(а)говѣриа чаание быс(ть). При сих же ч(е)л(о)в(ѣ)кнѣкы копаа^н обрѣте раку^н написану: «Х(ристо)с хочет родитися из д(ѣ)вы М(а)риа, и вѣрую во нь. При Константиѣ ж(е) и Иринѣ, о с(о)лнце, паки мя узриши». И прѣхвалныа Евфимиа тѣло, дрѣвле погружено в мори, обрѣтено быс(ть), ц(е)ркви же приать 1-ю свою красоту.

Быс(ть) же и 7 съборѣ с(вя)тых о(те)ць 2-е в Никеи Вифиниис (*так!*). Старѣшины ж(е) бѣху в них: Петр прѣзвѣтер с(вя)т(а)го ап(о)с(то)ла Петра, и Петр игумен с(вя)т(а)го Савы, Андрѣанъ, папѣж римскыи, Тарас Константина града, Иоан, Георгии, Фома мних, строители ап(остол)ским прѣстолом: Политиан Александрскыи, Феодорит Антиохийскыи, Илия Иеросалимскыи — на досадителѣ и развратителѣ с(вя)тых икон. [140] По Константиѣ ж(е) ц(а)рствова Ирина, мати ег(о), лѣт 5. По Иринѣ ж(е) ц(а)рствова Никифор лѣт 8 / и пол. По Никифорѣ ж(е) ц(а)рствова с(ы)нъ ег(о) Ставрикии лѣто и м(ѣ)с(я)ця 2. По Ставрикии ж(е) ц(а)рствова Михаил, зят(ь) ег(о), лѣто и м(ѣ)с(я)ць 9. По Михаилѣ ж(е) ц(а)рствова Лев Арменин, иже прѣступник послѣ явис(я), лѣт 7 и м(ѣ)с(я)ц 5. И вторыи Каиафа^к быс(ть) окаянныи, възненавидѣ Х(ри)с(та) и ег(о) угодники въображены на иконах, тѣм и потребися злѣ окааны.

[141] По нем ж(е) ц(а)рствова Михаил Аморѣянин лѣт 8 и м(ѣ)с(я)ць 9 и умре. По Михаилѣ ж(е) ц(а)рствова Феофил, с(ы)нъ ег(о), новыи Валтасар б(о)гостудныи и с(вя)тым досадителѣ скверныи. По Феофиле исправити оставлен быс(ть) Михаил, с(ы)нъ ег(о), с матерію Феодорою ц(а)рскых скипетръ. И ц(а)рствова с матерію лѣт(а) 4, а единъ лѣт 10, а с Василіем лѣто и м(ѣ)с(я)ця 4. [142] Василей ж(е) бѣ македонянин родом от град(а) Одрина. Лѣт 25 пгиде в Костянтин град к веч(е)ру и взлеж(е) у ц(е)ркви с(вя)т(а)го Диомида Б(о)ж(и)и нѣкыи глас Николѣ именем пригласи: «Встав, введи ц(а)ря в молитвеницу», и сие 3-щи быс(ть). Паки ж(е) и ц(а)реви знаем быс(ть). Паки ж(е) и на^н ц(а)рство вѣнча^м ег(о). И по сем / убиенъ быс(ть) от Василиа ц(а)рь Михаил.

л. 376 [143] Василии ж(е) ц(а)рствова с Михаилом лѣто и м(ѣ)с(я)ця 4, а един лѣт 9. Изыде ж(е) на лов, и елень прѣвелии задѣ ц(а)ря рогом за поясъ и, с коня стрѣгнув бѣгаше на розѣх нося. Единъ ж(е) пригнав, поясъ прѣсѣкъ, ц(а)ря избави. От таковаг(о) же врѣда в недуг впад и умре. По ум(е)ртвий ж(е) ег(о) Левъ ц(а)рствова лѣт 25 и м(ѣ)с(я)ць 8. Умре ж(е) Леонт ц(а)рь. Александру, брату своему, ц(а)рствие прѣдас(ть), Александръ ж(е) ц(а)рствова лѣто и дни 29 с Константиномъ, Лвовым с(ы)ном. По Александрѣ^н же ц(а)рствова Константин съ матерію лѣт 7. Съи же Константинъ вѣнча^о на ц(а)рство Романа и Феодору, жену ег(о), ц(а)р(и)цею.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

В комментарии указываются источники каждого фрагмента текста *Соф.* Текст соотносится с изданием *Хр. Малалы* (по правилам, указанным в примеч. 6) и с изданием греческого ее текста (см. примеч. 7). Ссылки на *Хр. Амарт* приводятся по изданию: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амарттола в древнем славяно-русском переводе, т. 1. Пг., 1920 (указывается страница и строки). Греческий текст первой книги *Хр. Малалы* опубликован В. М. Истриным параллельно со славянским в издании ее перевода.

^{н-н} Испр., в ркп. руку ^н На поле 7 сбор ^к Испр., в ркп. Каиафра ^н На поле ^м Испр., в ркп. вѣча ^н Испр., в ркп. Александрѣ ^о Испр., в ркп. вѣча

Фрагменты 1, 3 и 5 — компиляция из Шестоднева Иоанна Экзарха и бесед Иоанна Златоуста, сходная с той, которая читается в начале *Арх.* (см.: И с т р и н. Краткий хронограф, с. 52—55). 2. Пересказ 5 гл. I кн. *Хр. Малалы* (ср.: Истрин, I, 7).¹ 4. Пересказ 6—8 гл. (ср.: Истрин, I, 7—8). 6. Пересказ конца 11 и 12 гл. (ср.: Истрин, I, 10). 7. Пересказ 13 гл. (ср.: Истрин, I, 11). 8. Пересказ 14 гл. (ср.: Истрин, I, 11—12). 9. Пересказ 15 гл. (ср.: Истрин, I, 12—13). 10. Фраза из 16 гл. (ср.: Истрин, I, 14). 11. Пересказ 17 гл. (ср.: Истрин, I, 14). 12. Пересказ 18 гл. (ср.: Истрин, I, 16). 13. Пересказ 19 гл. (ср.: Истрин, I, 15—16). 14. Пересказ с перестановками 20 гл. (ср.: Истрин, I, 15—16). 15. Пересказ 21 гл. (ср.: Истрин, I, 17—18). 16. Пересказ 22 гл. (ср.: Истрин, I, 18). 17. Пересказ 23 гл. (ср.: Истрин, I, 19). 18. Пересказ 1 гл. 2 кн. *Хр. Малалы* (ср.: Истрин, II, 29, 1—19; Бонн, 23, 1—24, 18). 19. Пересказ 2 гл. (ср.: Истрин, II, 30, 1—16; Бонн, 24, 19—25, 16). 20. Пересказ 3 гл. (ср.: Истрин, II, 30, 17—31, 9; Бонн, 25, 19—26, 9). 21. Пересказ 4 гл. (ср.: Истрин, II, 31, 10—32, 6; 32, 8—13; Бонн, 26, 10—27, 6; 27, 11—18). 22. Пересказ 5 гл. (ср.: Истрин, II, 32, 14—17; 33, 4—11; 33, 16—18; 33, 20—21; 34, 1—4; Бонн, 28, 1—5; 28, 9—19; 29, 3—5; 29, 9—10; 29, 14—18). 23. Пересказ 6 гл. (ср.: Истрин, II, 34, 11—12; 34, 15—19; 35, 17—21; Бонн, 30, 4—6; 30, 9—15; 31, 16—22). 24. Пересказ 7 гл. (ср.: Истрин, II, 36, 1—2; 36, 7—14; 37, 4—8, 37, 10—13; 37, 17—18; Бонн, 32, 1—2; 32, 11—18; 33, 9—14; 33, 18—21; 34, 4—5). 25. Пересказ 8 гл. (ср.: Истрин, II, 37, 19—25; Бонн, 34, 6—14). 26. Пересказ 9 гл. (ср.: Истрин, II, 38, 1—4; 38, 9—13; 38, 17—39, 18; 39, 22—23; 40, 2—6 и 9; Бонн, 34, 15—18; 35, 3—8; 35, 14—36, 21; 37, 3—4; 37, 6—12); словам «си же списа Анфиос прѣмудры хронограф» нет соответствия в греч. 27. Пересказ 11 гл. (ср.: Истрин, II, 41, 1—2; Бонн, 38, 17—39, 11). 28. Пересказ 12 гл. (ср.: Истрин, II, 41, 13—18; 41, 21—22; Бонн, 39, 12—20; 40, 1—2). 29. Пересказ 14 гл. (ср.: Истрин, II, 45, 8—47, 8; 48, 11—26; Бонн, 45, 11—48, 14; 48, 19—49, 14). 30. Пересказ 15 гл. (ср.: Истрин, II, 48, 3—24; 49, 1—50, 13; Бонн, 49, 18—51, 2; 51, 4—53, 14). 31. Пересказ 2 кн., ср.: Бонн, 53, 15—18, в *Арх* и *Вил* текст отсутствует. 32. Вопреки Истрину здесь читается текст *Хр. Амарт*, 62, 11—13, 62, 14—63, 4. 33. Пересказ *Хр. Амарт*, 81, 1—5 и 13—15. 34. Пересказ библейского текста; слова «Пръвое бо. . . егуптяны научи» (ср.: *Хр. Амарт*, 82, 18—20). 35. Пересказ 3 кн. *Хр. Малалы* (ср.: Бонн, 59, 11—21; 61, 3—9; 63, 4—7; Истрин относит также 67, 1—7). 36. Пересказ библейского текста. 37. Пересказ 1 гл. 4 кн. *Хр. Малалы* (ср.: Истрин, IV, 1, 1—13; Бонн, 68, 1—69, 4). 38. Пересказ 2 гл. (ср.: Истрин, IV, 1, 14—2, 3; Бонн, 69, 5—10). 39. Пересказ библейского текста. 40. Пересказ 3 гл. (ср.: Истрин, IV, 2, 10—19; Бонн, 69, 19—70, 10). 41. Пересказ библейских книг. 42. Пересказ 5 гл. (ср.: Истрин, IV, 14, 4, 12—15; 5, 29—6, 1; Бонн, 72, 16—19; 76, 6—9). 43. Пересказ библейских книг. 44. Пересказ 6 гл. (ср.: Истрин, IV, 6, 2—4 и 11; Бонн, 76, 10—12 и 21). 45. Пересказ 7 гл. (ср.: Истрин, IV, 6, 13—14 и 17; 6, 22—7, 8; Бонн, 77, 3—4 и 8—9; 77, 16—78, 6). 46. Фраза из 8 гл. (ср.: Истрин, IV, 8, 6; Бонн, 79, 16—17). 47. Пересказ библейского текста. 48. Пересказ 9 гл. (ср.: Истрин, IV, 8, 9—11; 8, 17—9, 4; 9, 9 и 11; 9, 13—14; Бонн, 79, 20—80, 1; 80, 9—81, 1; 81, 7—9 и 11; 81, 13—14). 49. Пересказ библейского текста. 50. Пересказ 10 гл. (ср.: Истрин, IV, 9, 17—10, 2; 10, 20—21; Бонн, 81, 17—82, 6; 83, 7—8). 51. Пересказ 11 и 12 гл. (ср.: Истрин, IV, 10, 22—24; 11, 19—12, 8; Бонн, 83, 9—11; 84, 16—85, 19). 52. Фраза из 13 гл. (ср.: Истрин, IV, 12, 25—26; Бонн, 86, 17—18). 53. Пересказ библейского текста. 54. Пересказ 15 гл. (ср.: Истрин, IV, 15, 1—4; Бонн, 90, 4—8). 55. Пересказ библейского текста. 56. Пересказ 15 гл. (ср.: Истрин, IV, 16, 6—9; Бонн, 90, 11—14). 57. Пересказ библейского текста. 58. Пересказ кн. 5 *Хр. Малалы* (ср.: Истрин, V, 1, 1—7; 14, 3—4 — не отмечено

¹ В публикации первой кн. *Хр. Малалы* указания строк отсутствуют.

Истриным, 36, 11—17; Бонн, 91, 1—8; 108, 15—17; 142, 21—143, 5). 59. Пересказ библейского текста. 60. Пересказ 1 гл. 6 кн. *Хр. Малы* (ср.: Истрин, VI, 5, 4—5; 5, 16—19; Бонн, 152, 9—11; 153, 4—7). 61. Пересказ 2 гл. (ср.: Истрин, VI, 5, 24—6, 2; Бонн, 153, 13—16). 62. Пересказ 3 гл. (ср.: Истрин, VI, 8, 3—9; 9, 2 и 5—14; Бонн, 156, 4—13; 157, 13—14; 157, 18—158, 5). 63. Пересказ 4 гл. (ср.: Истрин, VI, 9, 23—26 и в сильном сокращении 10, 11—20; 11, 1—3; Бонн, 159, 16—19; 159, 9—160, 9). 64. Сходно с *Хр. Амарт*, 193, 1—2; 193, 20 и 23—24. 65. Пересказ 5 гл. (ср.: Истрин, VI, 11, 19—23; 12, 4; 11, 23—12, 2; 12, 9—12; Бонн, 161, 5—10; 162, 1; 161, 10—18; 162, 4—8). 66. Пересказ 6 гл. (ср.: Истрин, VI, 12, 17—18; 12, 13—15; 12, 22—24; 13, 6—21; Бонн, 162, 13—14 и 9—11; 162, 18—163, 1; 163, 8—164, 1). 67. Пересказ 8 гл. (ср.: Истрин, VI, 15, 12—18; 15, 26—16, 2; 16, 9—12; 16, 21—27; 17, 3—11; 12, 6—7 — из 5 гл.; 17, 13—17; Бонн, 166, 7—16; 167, 3—7 и 17—22; 168, 13—22; 169, 6—15; 169, 18—170, 3). 68. Пересказ 1 гл. 7 кн. *Хр. Малы* (ср.: Истрин, VII, 18, 1—3; 18, 11—19, 4; Бонн, 171, 1—2; 171, 11—172, 10). 69. Пересказ 3 гл. (ср.: Истрин, VII, 23, 10—21; 24, 13; Бонн, 178, 17—179, 7; 180, 12—13). 70. Пересказ 4 гл. (ср.: Истрин, VII, 24, 14—17; Бонн, 180, 14—17). 71. Пересказ 6 гл. (ср.: Истрин, VII, 29, 1—11 и 13—22; Бонн, 188, 1—12; 188, 17—189, 7). 72. Пересказ 7 гл. (ср.: Истрин, VII, 29, 23—30, 22; Бонн, 189, 8—191, 2). 73. Пересказ 8 кн. *Хр. Малы* (ср. Бонн, 192, 1—7). 74. Пересказ Хронографической Александрии 1 редакции. Ср.: В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893, Текст, с. 104—105. 75. Пересказ *Хр. Амарт*, 50, 24—51, 1. 76. Пересказ 1 гл. 8 кн. *Хр. Малы* (ср.: Истрин, VIII, 2, 1—7; 2, 10—3, 7; 3, 10—13; 3, 29—4, 1 и 4, 16; Бонн, 196, 12—19; 196, 22—197, 17; 197, 23—198, 2; 198, 22; 200, 18—19). 77. Пересказ 2 гл. (ср.: Истрин, VIII, 5, 1—2; 5, 8—14 и 25; Бонн, 202, 8—9; 202, 22—203, 1; 203, 20—23; 204, 16—17). 78. Пересказ 3 гл. (ср.: Истрин, VIII, 5, 27—6, 6; 6, 25—7, 2; Бонн, 204, 19—205, 7; 206, 8—21). 79. Ср. сходный текст: *Хр. Амарт*, с. 201—202. 80. Пересказ 3 гл. (ср.: Истрин, VIII, 7, 13—14 и 5—8; ср.: Бонн, 207, 15—16 и 4—8); добавлено «пакы създа Иерусалимъ и церковь очисти, пасху празднова богу». 81. Пересказ 4 гл. (ср.: Истрин, VIII, 7, 15—21 и 27—29; Бонн, 207, 17—208, 2; 208, 12—14). 82. Пересказ 5 гл. (ср.: Истрин, VIII, 8, 25—9, 13; Бонн, 210, 4—211, 3 в сильном сокращении). 83. Пересказ 6 гл. (ср.: Истрин, VIII, 9, 14—23; 10, 6—17; Бонн, 211, 4—15; 212, 9—16; 212, 18—213, 4). 84. Пересказ 1 гл. 9 кн. *Хр. Малы* (ср.: Истрин, IX, 11, 12—13; 12, 1—4; Бонн, 214, 1—8 (в *Арх* этого текста нет); 214, 11—215, 2; 215, 19—20; 215, 23—216, 2) и *Хр. Амарт*, 205, 9—13. 85. Пересказ 1 гл. (ср.: Истрин, IX, 12, 4—6; 12, 23—13, 3; Бонн, 216, 3—6; 217, 5—19). 86. Пересказ 2 гл. (ср.: Истрин, IX, 13, 7—11; 13, 19—23; 13, 30—14, 1; 14, 19—21; 14, 26—27; Бонн, 218, 1—4; 218, 15—20; 219, 8—11; 220, 7—11; 220, 16—17). 87. Пересказ 3—4 гл. (ср.: Истрин, IX, 15, 14—15; 16, 16—19; 17, 1—6; Бонн, 221, 18—20; 223, 13—16; 224, 14—21). 88. Пересказ 5 и 6 гл. (ср.: Истрин, IX, 17, 7—12; 17, 20—24; 18, 2—4; Бонн, 224, 22—225, 2; 225, 13—16; 226, 7—10). 89. Пересказ 1 гл. 10 кн. (ср.: Истрин, X, 3, 1—4; 3, 10—14; 4, 4—13; Бонн, 227, 1—4; 228, 5—8; 228, 18—229, 11). 90. Пересказ *Хр. Амарт*, 206, 9—11. 91. Пересказ 2 гл. (ср.: Истрин, X, 6, 10—7, 7; Бонн, 231, 12—232, 9). 92. Пересказ 3 и 4 гл. (ср.: Истрин, X, 7, 8—10; 8, 6—8; 12, 1—4; 13, 6—8 и 23; Бонн, 232, 10—11; 236, 3—5; 240, 3—8; 241, 13—16). 93. Пересказ 5 и 6 гл. (ср.: Истрин, X, 15, 1—2 и 4—5; 17, 1—5; 243, 2—3; 243, 8; 246, 3—8). 94. Пересказ *Хр. Амарт*, 277, 11—15. 95. Пересказ 6 и 7 гл. (ср.: Истрин, X, 17, 10—14; 19, 1—7; Бонн, 246, 20—247, 5; 250, 10—15). 96. Пересказ 8 гл. (ср.: Истрин, X, 23, 21—22; 24, 8; Бонн, 256, 12—13; 257, 3—4) и *Хр. Амарт*, 261, 1—4. 97. Пересказ 9 гл. (ср. Истрин, X, 25, 1—7; Бонн, 258, 8—9 и 10—17). 98. Пересказ *Хр. Амарт*, 264, 9—22. 99. Пересказ 9 гл. (ср.: Истрин, X, 25, 11—12; Бонн, 259, 4—5; затем пересказ текста, читающегося только в *Соф* — Бонн, 259, 14—21;

260, 1—4). 100. Пересказ 10 гл. (ср.: Истрин, X, 25, 17—24; Бонн, 260, 9—15 — читается только в *ЕЛ*; затем текст, читающийся только в *Соф* — Бонн, 262, 7—21; 263, 18—20; 264, 10—14; 266, 13—267, 11; 268, 13—21). 101. Фраза из 11 кн. *Хр. Малалы* (ср.: Истрин, XI, 3, 1—2; Бонн, 269, 1—2) и *Хр. Амарт*, 308, 21—23. 102. Выписки из 11 кн. (ср.: Истрин, XI, 3, 3—12; Бонн, 277, 15—18; 279, 12—13; 279, 21—280, 9). 103. Пересказ *Хр. Амарт*, 309, 9—13. 104. Выписки из 11 кн. (ср.: Истрин, XI, 3, 13—16; Бонн, 281, 20—21; 282, 14—15). 105. Выписки из 12 кн. *Хр. Малалы* (ср.: Истрин, XII, 4, 1—12; Бонн, 283, 1—2; 288, 4—8; 290, 3—7 и 10—12; 290, 20—21; 291, 3—4 и 6; 295, 4). 106. Выписки из *Хр. Амарт* от 309, 29 до 312, 24. 107. Выписки из 12 кн. *Хр. Малалы* (ср.: Истрин, XII, 4, 13—15; Бонн, 295, 6—7, 9—12 и 15). 108. Выписки из *Хр. Амарт* от 314, 17 до 320, 10. 109. То же от 320, 18 до 323, 25. 110. То же от 325, 21 до 326, 25. 111. То же от 330, 24 до 334, 11. 112. То же от 344, 6 до 352, 21. 113. То же от 357, 4 до 358, 23. 114. Выписка из 13 кн. *Хр. Малалы* (ср.: Истрин, XIII, 5, 1—3; Бонн, 326, 13—15). 115. Источник не установлен. 116. Выписки из 13 кн. (Бонн, 326, 13—15; 334, 13—16). 117. Выписки из *Хр. Амарт* от 367, 13 до 392, 18. 118. Выписки из 14 кн. *Хр. Малалы* (ср.: Истрин, XIV, 10, 1—11, 2; Бонн, 351, 1—4; 352, 9—12; 355, 7—9; 355, 29—356, 2; 356, 16—358, 3). 119. Выписки из *Хр. Амарт*, 399, 1—13. 120. Выписки из 14 кн. *Хр. Малалы* (ср. Истрин, XIV, 15, прим.; Бонн, 367, 9—12). 121. Выписки из *Хр. Амарт* от 402, 30, до 406, 5 и из 14 кн. *Хр. Малалы* (ср.: Истрин, XIV, 16, 6—7 и 13; 20, 6—7 и 13—14; Бонн, 369, 1—2 и 10; 376, 6—7, 19—20). 122. Пересказ *Хр. Амарт*, 406, 26—407, 8. 123. Выписка из 15 кн. *Хр. Малалы* (ср.: Истрин, XV, 12, 25—26; Бонн, 391, 2—9). 124. Выписки из 16 кн. (ср.: Истрин, XVI, 13, 1—2 и 5—6; Бонн, 392, 1—2 и 5—7). 125. Пересказ *Хр. Амарт*, 407, 21 — 408, 18. 126. Выписки из 16 кн. (ср.: Истрин, XVI, 16, 6—10; Бонн, 409, 17—20). 127. Выписки из 17 кн. (ср.: Истрин, XVII, 17, 1—2 и 6—7; 25, 5—8; Бонн, 410, 1—2 и 6; 422, 9—12). 128. Выписки из 18 кн. (ср.: Истрин, XVIII, 27, 24—29; Бонн, 428, 19—429, 1). 129. Пересказ *Хр. Амарт*, 411, 17—412, 3. 130. Пересказ *Хр. Амарт*, 412, 17—24. 131. Выписки из *Хр. Амарт* от 426, 20 до 433, 11. 132. Источник слов не установлен. 133. Выписки из *Хр. Амарт* от 433, 12 до 459, 11. 134. Пересказ *Хр. Амарт*, 462, 18—463, 5. 135. Выписки из *Хр. Амарт* от 464, 22 до 466, 28. 136. Пересказ *Хр. Амарт*, 466, 29—467, 11. 137. Выписки из *Хр. Амарт* от 467, 21 до 472, 6. 138. То же от 475, 7 до 480, 2. 139. То же от 482, 6 до 484, 25. 140. То же от 485, 15 до 493, 7. 141. То же от 498, 1 до 503, 3. 142. То же от 505, 17 до 518 (?). 143. То же от 519, 4 до 553, 2.

М. И. ЧЕРНЫШЕВА

О соотношении славянского перевода
«Хроники Иоанна Малалы»
и ее греческого текста

(На материале портретной лексики)

Славянский перевод Хроники Иоанна Малалы — памятник, при изучении которого вопрос встает за вопросом, и на многие из них нет точного ответа. Когда и где был сделан перевод — в Болгарии или на Руси? В X или XI веке? Когда и в каком виде, если Хроника была переведена в Болгарии, она появилась на Руси? Относятся ли текст перевода и текст оксфордской рукописи¹ (единственного сохранившегося греческого списка этого памятника) к общей редакции или славянский перевод восходит к особой редакции греческого текста?

В конце XIX в., сразу после открытия славянского перевода Хроники, в поисках ответов на возникшие вопросы началась активная работа многих крупных ученых по исследованию памятника.² Много усилий было приложено для решения двух важных задач: реконструкции славянского перевода, который, как известно, не сохранился полностью, а вошел в состав хронографов и летописцев,³ и для выяснения вопроса о значении перевода для восстановления не дошедшего до нас более полного греческого текста.⁴

Таким образом, к концу XIX в. появилась обширная литература, посвященная изучению славянского перевода Малалы. И, казалось, полное критическое издание Хроники поможет ответить на поставленные научные вопросы. Такое издание появилось в начале XX в.; текст перевода был по крупицам собран В. М. Истриным из хронографов и летописцев.⁵ Однако многие проблемы по-прежнему остались нерешенными — и потому, что

¹ Рукопись издана в Боннском корпусе: Ioannis Malalae Chronographia. Bonnæ, 1831.

² Процесс первых этапов изучения Хроники прослежен в статье Э. М. Шусторович «Древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы (история изучения)» (ВВ, т. 30, 1969, с. 138—151).

³ См. там же (о деятельности М. А. Оболенского, А. Е. Викторова, А. Н. Попова, И. В. Ягича, И. И. Срезневского, С. П. Шестакова, В. М. Истрина и др.).

⁴ Этому вопросу посвящена, например, основательная статья С. П. Шестакова «О значении славянского перевода Хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста» (ВВ, т. 1, 1894, с. 503—552).

⁵ Кн. 1 — Записки имп. Академии наук по историко-филолог. отд., т. I, № 3. СПб., 1897; кн. 2 — Летопись историко-филолог. общ-ва при имп. Новороссийском университете, т. X. Византийско-славянское отд., т. VII. Одесса, 1902 (далее: Летопись); кн. 4 — Летопись, т. XIII. Византийско-славянское отд., т. VIII. Одесса, 1905; кн. 5 — Летопись, т. XVI. Византийско-славянское отд., т. IX. Одесса, 1910; кн. 6—7 — СОРЯС, т. LXXXIX, 1911, № 3; кн. 8, 9 — СОРЯС, т. LXXXIX, 1912, № 7; кн. 10 — Летопись, т. XVII. Одесса, 1913; кн. 11—14 — СОРЯС, т. XC, 1913, № 2; кн. 15—18 и приложения — СОРЯС, т. XCI, 1914, № 2.

полной Хроники найти не удалось,⁶ и потому, что перевод в результате сравнения с греческим текстом оказался далеко не буквальным.⁷

Одним из первых попытался ответить на вопрос о соотношении двух текстов С. П. Шестаков,⁸ который, придавая огромное значение славянскому переводу, предлагал с его помощью изменять греческий текст. В результате своего исследования С. П. Шестаков пришел к выводу, что «в славянском переводе, как в фокусе, соединяются лучшие чтения и более или менее значительные дополнения к Боннскому изданию Малалы, какие можно собрать в различных греческих текстах, проистекающих из Малалы».⁹ Вопрос о возможности сознательных модификаций переводчика С. П. Шестаков не ставит. В отличие от него В. М. Истрин считает, что не следует безоговорочно полагаться на славянский перевод Малалы. Он отмечает сложность работы с этим памятником: хотя Хроника в некоторых частях полнее греческого текста, однако в других местах при сравнении с оригиналом в ней обнаруживаются лакуны.¹⁰ В. М. Истрин замечает, что трудно определить, почему появились расхождения между греческим текстом и славянским переводом, к чему восходят выявленные изменения. Исследователь предполагает наличие в некоторых отрывках по крайней мере двух редакторских правок.¹¹

Таким образом, одна из важных проблем — были ли вставки в славянский текст произволом переводчика и не являются ли пропуски сознательным актом или указанные изменения оправданы не дошедшим до нас греческим текстом — осталась до сих пор нерешенной. Однако последовательное и тщательное сопоставление двух текстов — славянского и греческого — может помочь хотя бы частично разрешить эту сложную проблему. Для полного анализа необходимо привлечение всех языковых данных перевода, но на определенном этапе исследования рациональнее ограничиться однородным материалом, требующим для работы особого метода, неприложимого к анализу других языковых фактов. Мы остановились на портретной лексике, богато представленной в Хронике, и сделан такой выбор не случайно. Для памятников ранневизантийской эпохи портретная лексика — явление нечастое, а Хронография¹² Иоанна Малалы богата словесными портретами — в ней даны описания не только античных героев, но и апостолов, римских и византийских императоров. Тем более необычна эта лексика в раннеславянских памятниках, и она требует, конечно, особого к себе внимания.

Таким образом, хотя данное исследование является логическим продолжением работы С. П. Шестакова, однако имеет совершенно иные цели: с помощью анализа вставок и пропусков в сложном для переводчика отрезке текста выявить его отношение к своему труду.

⁶ До сих пор исследователи находят отрывки Хроники в составе других древнерусских памятников. См.: Д. И. Абрамович. Отрывок из Хроники Иоанна Малалы в Златоуструе XII века. — В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 19—24; М. Н. Сперанский. Забелинский отрывок Хронографа с Малалой. — В кн.: Сборник статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, с. 75—81; Н. А. Мещерский. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы. — ВВ, т. XI, 1956, с. 279—284; Э. М. Шусторович. Об одном отрывке из древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы. — Филологические науки, 1970, № 6, с. 105—110.

Продолжается кропотливое изучение судьбы Хроники в составе русских хронографов. См.: О. В. Творогов. 1) Древнерусские хронографы. Л., 1975; 2) Задачи и перспективы издания хроник и хронографов. — В кн.: Летописи и хроники. М., 1976, с. 193—194.

⁷ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга десятая. Одесса, 1912, с. 40 (отдельный оттиск).

⁸ С. П. Шестаков. О значении. . .

⁹ Там же, с. 504.

¹⁰ См. его комментарии к каждой книге славянского перевода Малалы.

¹¹ В. М. Истрин. Хроника. . . Книга десятая, с. 39.

¹² Здесь и далее Хронографией называем греческий текст, а Хроникой — славянский перевод.

Будет произведен разбор сравнительно небольшого, хотя и характерного для всего памятника, отрывка — портретной лексики пятой книги, где собраны описания троянских и ахейских героев. В процессе анализа потребуются привлечение соответствующего материала и из других книг Хроники, однако портретная лексика остального текста перевода, за исключением, может быть, десятой книги несравнимо беднее выбранной части и годится только в качестве дополнений к основным наблюдениям. Для подтверждения некоторых выводов привлекается отрывок из сочинения Исаака Порфирородного,¹³ — по мнению некоторых исследователей, компилятора Малалы.

Приведем соотношение характеристик персонажей в двух текстах пятой книги Малалы. Первая цифра показывает количество портретных черт в Хронографии, вторая — в Хронике. Елена: 14, 16; Диомеда: 8, 8; Хрисеида: 7, 8; Брисеида (Поподоклия): 12, 15; Текмесса: 8, 10; Агамемнон: 9;¹⁴ Менелай: 11; Ахилл: 17; Патрокл: 12; Аякс: 15; Одиссей: 13; Диомед: 11; Нестор: 11; Протесилай: 11; Паламед: 11; Мериоп: 12, 12; Идомедей: 10, 17; Филоктет: 12;¹⁵ Аякс Локридский: 12, 11; Неоптолем: 16, 13; Калхас: 7, 8; Приам: 10, 12; Гектор: 12, 13; Деифоб: 8, 8; Гелен: 11, 12; Троиц: 9, 11; Парис: 17, 19; Эней: 10, 11; Главк: 3;¹⁶ Антенор: 11, 12; Гекаба: 8, 8; Андромаха: 15, 16; Кассандра: 19, 19; Поликсена: 14, 18. Приведенные цифровые данные не отражают всей сложности соотношения портретной лексики в двух текстах, так как не всегда полное количественное совпадение означает точное соответствие черт того или иного персонажа в Хронике и в Хронографии.

Сравнение характеристик показывает, что, во-первых, в славянском переводе описания сохранились полнее и, во-вторых, что в Хронике обнаруживается контаминация портретов. Так, среди описаний ахейских героев в пятой книге Хронографии тринадцатым является портрет Филоктета, следующий за характеристикой Идомедея, в славянском же тексте под номером 13 находится портрет Аякса. Однако наблюдение показывает, что 6 характеристик из греческого портрета Филоктета вошли в описание Идомедея в Хронике. Покажем это:

{B. 103, 20—104,2}¹⁷ Ἰδομενεὺς διμοιριαῖος, μελάγχροος, εὐόφθαλμος, (εὐθετος, ἰσχυρός, εὐρινος, δασυπύγων, εὐκέφαλος, οὐλόυριξ, ἀπονεινημένους πολεμιστής.

{B. 104, 3—5] Φιλοκτῆτης εὐμήκης, εὐθετος, μελάγχροος, σόνοφρος, γενναῖος, εὐόφθαλμος,) εὐρινος, μελάνθριξ, πολύθριξ, φρόνιμος τοξότης εὐστοχος, μεγαλόψυχος.

{V 11, 9—12}¹⁸ в'торынадесть. Идаменеоусь средни, смагль, доброокъ, строишь, крѣпокъ, доброносъ, густобрадъ, доброгласенъ, доброглавъ; кудравъ, коротовлас, бровишь, добль, чръновласъ, смысленъ, стрѣлецъ лѣтъ, веледушенъ. г҃. Еасъ. . .

¹³ Н. Н i n s k. Polemonis declamationes quae exstant duae. Lipsiae, 1873, s. 80—87 (далее: Is. P.).

¹⁴ Начиная с Агамемнона и кончая Паламедом в греческом тексте — лакуна, так что указываем только количество характеристик в славянском переводе.

¹⁵ В славянском переводе отсутствует отдельно выделенный портрет Филоктета, однако, как мы увидим дальше, 6 черт из портрета Филоктета включены в описание Идомедея.

¹⁶ Портрета Главка в Хронике не находим, однако наблюдения показывают, что 2 черты Главка попали в описание Энея. Подробный разбор этого факта — ниже.

¹⁷ Литерой В. обозначаем отрывок из Боннского издания Малалы, первая арабская цифра указывает на страницу издания, вторая — на строку.

¹⁸ Римская цифра служит для обозначения номера книги славянского перевода в издании В. М. Истрина, первая арабская — страницы, вторая арабская — строки.

Подчеркнуты исходные эпитеты в портретах Идоменея и Филоктета и их славянские эквиваленты в характеристике Идоменея.

Такая же контаминация обнаруживается и среди портретов троянцев. В Хронике под номером 8 вместо Главка, как в Хронографии, — Антенор, который в греческом оригинале — девятый, но, как оказалось, 2 черты из портрета Главка вошли в славянское описание Энея (номер 7 в греческом и славянском текстах).

[В. 106, 3—4] Δινείας κονδοειδής, παχύς, εὐστρητός, ἰσχυρός, πυρράκης, πλατόψις, εὐρινός, λευκός, ἀναφάλας, εὐπώγων.

[В. 106,5] Γλαῦκος ἰσχυρός φρόνιμος, εὐσεβής.

[V 12, 18—20] седмыи. Иниасъ низокъ, добль, добрыма прьстма, крьпокъ, чрьмень, плосколицъ, добронось, чистъ лицемъ, смыслень, мудръ,

блгочствивъ.

осмыи Антинорь. . .

Объяснить описанные сдвиги довольно сложно. Предположения могут быть самые разнообразные. 1) Путаница началась с отличного от сохранившегося списка Хронографии. 2) Нумерация сдвинулась, так как славянский переводчик случайно объединил характеристики. Но тогда почему дальнейшее несовпадение порядковых номеров (если они были в греческом тексте) не насторожило его? Если предположить, что буквенная цифирь отсутствовала в греческом тексте, то следует признать, что славянский переводчик был невнимательным и дважды нарушил порядок следования портретов. В связи с этим встает вопрос о качестве перевода, который может быть решен только в результате специального исследования, хотя наши текстологические наблюдения дают определенный материал для его разрешения. 3) И, наконец, последнее предположение. Объяснение контаминации портретов можно искать в рукописной истории перевода. Все три версии вполне равноправны, хотя и не бесспорны. Однако за первое предположение говорит тот факт, что у Исаака Порфирородного сходным образом контаминированы портреты Идоменея и Филоктета. И Х. Хинк в своем издании восстановил описания этих двух героев, привлекая Боннский текст Малалы (см. сноску на с. 83). Добавленные характеристики он заключил в круглые скобки, которые для удобства повторяются в данной статье (см. выше). Что касается характеристик Главка, то Х. Хинк не выделяет отдельно описание этого героя, сливая, как и в славянском переводе, в портрете Энея черты Главка, а γλαῦκος считает не именем, а одной из характеристик Энея: γλαῦκος — голубоглазый. Таким образом, видимо, следует признать, что контаминация была уже в греческом списке Хронографии, отличавшемся от сохранившегося, что и нашло отражение в славянском переводе. Зависят ли в таком случае прочие несовпадения в портретной системе славянского перевода также от греческого текста? Попытаемся установить это.

Исследование проводится в два этапа. Первый этап — анализ пропущенных в переводе характеристик, зафиксированных в греческом тексте. Опыт должен показать, не оставлены ли лакуны сознательно, т. е. не оказались ли некоторые слова непереверденными из-за своей сложности для переводчика. Собрав такие пропуски, попытаемся определить, входят ли они в *исходный портретный лексический фонд*, и, если входят, есть ли соответствия им в *запасе портретных эквивалентов*. *Исходным портретным лексическим фондом* мы называем слова, зафиксированные в греческом тексте при описании внешности или внутренних качеств персонажей, их поведения. Для Малалы характерно оперирование часто повторяющимися словами, число которых относительно невелико. *Запасом портретных эквивалентов* мы называем совокупность слов в славянском переводе, активно используемых (и также часто повторяющихся) для передачи портретного лексического фонда.

Итак, обратившись к пропущенным в переводе характеристикам, попытаемся определить, могут ли быть эти слова сложными, непонятными для переводчика, иначе — выпадают ли они из исходного портретного лексического фонда, не имея соответствий в запасе портретных эквивалентов, или нет.

Ниже в каждой паре слева помещены характеристики, опущенные в том или ином портрете пятой книги Хроники, а через тире справа приводятся соответствия из запаса портретных эквивалентов, для чего привлекается портретная лексика всего славянского перевода. Для удобства сначала (под римской цифрой I) приводятся характеристики, имеющие эквиваленты в других портретах, затем сомнительные случаи (II) и, наконец, эпитеты, не получившие в славянском переводе эквивалентов (III):

I. 1) ἀναφάλας [B. 106, 4] — вьсечель [B. 256, 4 — X, 23, 17]; 2) εὐήλιε [B. 104, 9] — добрь възрастомъ [B. 105, 20 — V, 12, 14]; 3) εὐθετος [B. 104, 3]¹⁹ — лѣпъ [B. 105, 15 — V, 12, 9; B. 243, 8 — X, 15, 5]; 4) εὐθώραε [B. 104, 9] — добрыма прѣстма [B. 105, 13 — V, 12, 8]; 5) εὐμήκης [B. 104, 3] — высокъ [B. 105, 7 — V, 12, 3; B. 243, 8 — X, 15, 5]; 6) εὐόφθαλμος [B. 104, 4] — доброокъ, доброока [B. 103, 5 — V, 9, 24; B. 103, 20 — V, 11, 10 и др.];²⁰ 7) εὐπώγων [B. 106, 4] — добробрадъ [B. 103, 17 — V, 11, 7; B. 105, 11 — V, 12, 6 и др.]; 8) εὐρινος [B. 104, 4] — добронось [B. 105, 11 — V, 12, 6 и др.], доброносень [B. 104, 10 — V, 11, 15 и др.], добрымъ носомъ [B. 257, 6 — X, 24, 9], доброноса [B. 91, 9 — V, 1, 8 и др.];²¹ 9) ἤσυχος [B. 106, 16] — млѣчалива [B. 106, 9 — V, 12, 23]; 10) ἰσχυρός [B. 106, 5] — крѣпокъ [B. 104, 1 — V, 11, 10; B. 105, 15 — V, 12, 10; B. 106, 3 — V, 12, 18 и др.]; 11) λεπτή [B. 100, 18] — тонка [B. 106, 10 — V, 12, 24]; 12) λεπτός [B. 104, 9] — тонокъ [B. 225, 17 — IX, 17, 24; B. 250, 15 — 16 — X, 19, 7]; 13) λευκός [B. 106, 6] — чистъ [B. 103, 17 — V, 11, 7; B. 105, 15 — V, 12, 10; B. 105, 20 — V, 12, 14], чистъ лицемъ [B. 106, 4 — V, 12, 19], бѣлъ [B. 246, 7 — X, 17, 4]; 14) μακρός [B. 104, 6] — высокъ [B. 105, 10 — V, 12, 5; B. 105, 15 — V, 12, 9 и др.]; 15) μάντις ἀκριβής [B. 106, 17] — вълховъ [B. 105, 5 — V, 12, 2], вълхва [B. 180, 19 — VII, 24, 18]; 16) μεγαλόφυχος [B. 104, 8] — веледушень [B. 103, 19 — V, 11, 9; B. 243, 10 — X, 15, 6]; 17) μελάγχροος [B. 104, 3] — смагль [B. 103, 20 — V, 11, 10; B. 232, 12 — X, 7, 12], смагль [B. 105, 10 — V, 12, 5; B. 105, 14 — V, 12, 8]; 18) ξανθός [B. 106, 6] — роусь [B. 105, 15 — V, 12, 10 и др.]; 19) πολεμιστής [B. 103, 19] — храборъ [B. 105, 17 — V, 12, 11; B. 105, 19 — V, 12, 13 и др.]; 20) πολύδριε [B. 104, 4] — гоуѣвласъ [Is. P. 81, 5 — 6 — V, 10, 11]; 21) στραβός [B. 105, 11] — кривъ [B. 104, 6 — V, 11, 13]; 22) όπίτιμος [B. 100, 9] — посоуплень [Is. P. 82, 1 — V, 10, 21; Is. P. 85, 15 — V, 12, 8].

II. 1) δειλός, ἀσφαλής [B. 106, 7] — не блазнаса [V, 12, 22];²² 2) καθάρια, λευκή πάνυ [B. 106, 19] — чиста сѣло [V, 13, 3].²³

III. 1) ἀπονενοημένος πολεμιστής [B. 104, 1 — 2]; 2) κατασταλμένος [B. 105, 8 — 9].

В итоге: случаев с положительным результатом — 22, сомнительных — 2, отрицательных — 2.

¹⁹ Для чистоты выводов в анализ включены характеристики, опущенные в контактированных портретах.

²⁰ Эквивалент зафиксирован в переводе 15 раз.

²¹ В Хронике встретилось более 20 эквивалентов этой характеристики.

²² Эти два эпитета в греческом тексте стоят рядом, а эквивалент (не блазнаса) — один. Трудно решить, какое из двух слов в данном случае является исходным. Все же видимо, 'не блазнаса' — перевод ἀσφαλής, так как δειλός в портретах Париса [V, 12, 17] и Вителлия [X, 25, 13] переведено 'страшивъ'. Значит, в этом описании δειλός отстал без перевода.

²³ Неясно. Может быть, данный эквивалент является объединенной характеристикой вместо двух самостоятельных эпитетов?

Приведенные факты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство «пропущенных» греческих эпитетов имело славянские эквиваленты, т. е. они не были непонятными для переводчика. Следовательно, либо указанные характеристики отсутствовали в несохранившемся до нашего времени греческом списке Хронографии, послужившем оригиналом для перевода, либо отдельные славянские эквиваленты были пропущены в процессе переписывания памятника — при включении его в состав хронографов и летописцев. Однозначного решения этого сложного вопроса, видимо, нельзя предложить, поскольку есть портреты, количество эквивалентов в которых точно совпадает с количеством исходных греческих характеристик. Однако ясно, что переводчик аккуратно следовал за переводимым текстом.

На втором этапе исследования попытаемся выяснить, как соотносятся «добавленные» славянские эпитеты, т. е. характеристики, отсутствующие в Хронографии, с запасом эквивалентов, с одной стороны, и с исходным портретным лексическим фондом — с другой. Таким образом, мы можем определить, являются ли вставки в славянский текст чужеродными элементами, отражающими произвол переводчика, или же данные изменения также восходят к не дошедшему до нас списку Хронографии.

Материал располагаем в том же порядке: слева находятся эпитеты, не оправданные греческим текстом, справа приводятся соответствия из исходного портретного лексического фонда. Сначала помещаются славянские характеристики, имеющие исходное греческое слово либо в другом портрете в Хронографии, либо у Исаака Порфирородного (под римской цифрой I), затем приводятся сомнительные случаи (II) и, наконец, эпитеты, не имеющие, по нашим данным, исходной греческой характеристики (III):

I. 1) гоустобрадъ [V, 12, 4—5] — *δαυτώγων* [V, 12, 13 — В. 105, 19; X, 25, 13 — В. 259, 6]; 2) густоу владью [V, 11, 8] — *πολύθριξ* [Is. P. 83, 8]; 3) доброгласень [V, 11, 10—11] — *καλλίφωνος* [V, 1, 9 (эквивалент женского рода) — В. 91, 10]; 4) доброока [V, 8, 7] — *εὐόφθαλμος* [V, 9, 24 — В. 103, 5; V, 12, 24 — В. 106, 11; V, 12, 28 — В. 106, 15]; 5) добръ [V, 12, 12] — *γενναῖος* [V, 12, 9 — В. 105, 14]; 6) знаменіе имущи на главѣ [V, 13, 1] — *καρηκομῶσα* [Is. P. 86, 22]²⁴; 7) зѣкръ [V, 12, 21] — *γλαυκόφθαλμος* [X, 17, 4 — В. 246, 6], *γλαυκός* [X, 25, 13 — В. 259, 5—6], *ὀπόγλαυκος* [V, 11, 15 — В. 104, 10; V, 12, 4 — В. 105, 8; X, 24, 10 — В. 257, 6]; 8) коротовлас [V, 11, 11] — *κονδόθριξ* [IV, 366, 6 — В. 88, 18—19; X, 7, 12 — В. 232, 13]; 9) крѣпокъ [V, 12, 20] — *γενναῖος* [X, 25, 2 — В. 258, 9; X, 25, 8 — В. 258, 17], *ισχυρός* [V, 11, 10 — В. 104, 1; V, 12, 10 — В. 105, 15; V, 12, 18 — В. 106, 3]; 10) коудрава [V, 13, 4] — *οὐλῆ* [V, 12, 25 — В. 106, 11; V, 12, 28 — В. 106, 16]; 11) кудравъ [V, 12, 15] — *οὐλός* [V, 12, 6 (эквивалент женского рода) — В. 106, 11], *οὐλόθριξ* [V, 11, 8 — В. 103, 18; V, 11, 11 — В. 104, 1; V, 11, 13 — В. 104, 7]; 12) лѣпа [V, 13, 5] — *εὐστόλος* [V, 8, 22 — В. 101, 17; V, 12, 24 — В. 106, 10]; 13) мала оусты [V, 13, 5] — *μικρόστομος* [Is. P. 87, 4];²⁵ 14) напраснива [V, 9, 25] — *προπετής* [V, 11, 16 (эквивалент мужского рода) — В. 104, 11], *ὀξύχολος* [X, 23, 19 (эквивалент мужского рода) — В. 256, 6—7]; 15) радостива [V, 9, 1] — *εὐχαρής* [V, 1, 9 — В. 91, 10; V, 12, 26 — В. 106, 13; V, 13, 5—6 — В. 106, 21]; 16) роумана [V, 8, 22] — *πυρρόχροος* [V, 12, 3 (эквивалент мужского рода) — В. 105, 7], *εὐχρους* [X, 15, 5 (эквивалент мужского рода) — В. 243, 9]; 17) руманъ [V, 11, 14] — *μελίχροος* [Is. P. 83, 17], ср. также примеры, приведенные при слове 'роумана'; 18) смагла [V, 12, 24] — *μελάχροος* [V, 9, 24 — В. 103, 5]; 19) тонкымъ лицемъ [V, 12, 10—11; V, 12, 21; V, 13, 4 — *λεπτοχαρακτερος* [Is. P. 85, 18—19;

²⁴ Это явно неточный перевод *καρηκομῶσα*, но переводчик мог по-своему истолковать этот эпитет.

²⁵ В В. здесь, видимо, ошибка — *μικρόσιμος* [В. 106, 20] вместо *μικρόστομος*.

86, 7—8], λεπτοπρόσωπος [Is. P. 87, 3—4], ср. также — λεπτοχάριτος [V, 9, 24 — В. 103, 6; X, 15, 5 — В. 243, 9]; 20) тонокъ [V, 12, 1] — λεπτός [Is. P. 84, 20], ср. также λεπτός [IX, 17, 24 — В. 225, 17; X, 19, 7 — В. 250, 15—16], λεπτακινός [X, 7, 11 — В. 232, 12].

II. 1) бѣлу оутрь носаци [V, 9, 23—24].²⁶

III. 1) бѣлорукъ [V 12, 20];²⁷ 2) власять [V, 12, 4]; 3) добросана [V, 8, 8]; 4) на носѣ имущи знаменіе [V, 8, 23 — 9, 1]; 5) плъна [V, 7, 27]; 6) плънь [V, 10, 15]; 7) очима вльгъкама [V, 1, 9].

В итоге: случаев с положительным результатом — 20, сомнительных — 1, отрицательных — 7, из них: 'бѣлорукъ' и 'добросана' — явно кальки греческих двукоренных слов; 'на носѣ имущи знаменіе' и 'очима вльгъкама' — сложные характеристики, которые, конечно же, не могли быть произвольно введены переводчиком; что касается № III, 5 и III, 6, то само наличие в разных местах одной характеристики в портрете мужчины ('плънь') и в портрете женщины ('плъна') наводит на мысль, что до нас не дошел какой-то греческий эпитет.

Таким образом, определение причин появления контаминированных портретов и анализ «пропусков» и «вставок», предпринятый на основе сопоставления исходного портретного лексического фонда с запасом портретных эквивалентов, привели нас к нескольким выводам. Во-первых, лексический материал убедительно свидетельствует о том, что переводчик сознательно не опускал греческие эпитеты и не вставлял дополнительные характеристики, а несоответствия между Хроникой и Хронографией определены рукописной традицией текстов. Во-вторых, поскольку, как это видно из приведенных материалов, число славянских эквивалентов заметно превосходит количество исходных характеристик в Хронографии, мы можем сделать вывод, что переводчик пользовался списком, содержащим более полный греческий текст, чем тот, который дошел до нас в оксфордской рукописи. О том же свидетельствует привлеченное нами для анализа сочинение Исаака Порфирородного. И, в-третьих, на основании сделанных наблюдений можно утверждать, что исходный портретный лексический фонд и запас портретных эквивалентов строго и точно соотносятся друг с другом (редкие исключения не могут нарушить выявленной закономерности). Этот вывод важен для определения качественных особенностей перевода и для необходимого в будущем анализа способов и методов перевода Хронографии Иоанна Малалы.

²⁶ Не перевод ли это εὐστόλος?

²⁷ Здесь и в В. и у Is. P. λευκός, ξανθός.

А. А. АЛЕКСЕЕВ

К определению объема литературного наследия Мефодия

(Четый перевод Песни песней)

Исключительное преобладание в древней славяно-русской письменности переводных памятников¹ естественно привело к тому, что с самого начала славянской филологии — трудов Иосифа Добровского — было обращено внимание на тексты «традиционного содержания» (выражение Л. П. Жуковской), прежде всего библейские тексты. Этой области письменности были посвящены работы А. В. Горского, К. И. Невоструева, Г. А. Воскресенского, И. В. Ягича и многих других. В 1903 г. на Предварительном съезде русских филологов лектор Варшавского университета А. В. Михайлов в своем докладе «К вопросу об издании памятников славяно-русской письменности»² обратил внимание участников съезда на памятники «общеславянского значения», а именно: 1) исторические — свидетельства о деятельности Кирилла и Мефодия; 2) лингвистические — собственные труды Кирилла и Мефодия. Указав, что главное место среди трудов Кирилла и Мефодия занимают переводы библейских текстов, А. В. Михайлов определил следующие задачи и цели изучения этих переводов. 1. Изучение истории библейских текстов у славян, включающее установление древнеславянского прототипа и греческого оригинала каждого текста, определение отношения к Вульгате, определение авторства переводов и их качества, установление истории каждого текста в отдельности. 2. Сбор материала по истории старославянского и церковнославянского языков. 3. Накопление лексических материалов для словаря церковнославянского языка. 4. Извлечение библейских цитат из памятников письменности, на основании которых можно в дальнейшем определять историю тех текстов, в состав которых включены эти цитаты.

А. В. Михайлов отказывался понимать буквально свидетельство XV гл. Жития Мефодия о том, что последний перевел всю Библию «исполнь», поэтому он особенно настаивал на том, что при исчерпанности исторических свидетельств только филологические исследования текстов смогут предоставить новые данные о литературной деятельности Кирилла и Мефодия.³ С особым скептицизмом к свидетельству XV гл. Жития Мефодия относился И. В. Ягич.⁴ Этот скептицизм можно понять в связи с тем, например, фактом, что в составе первого свода библейских книг у славян — Геннадиевской библии 1499 г. почти все тексты, как кажется, либо пред-

¹ См.: Н. А. Мещерский. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Изд. ЛГУ, 1978, с. 3 и след.

² Предварительный съезд русских филологов. Бюллетени. СПб., 1903, с. 56—67.

³ А. В. Михайлов. Опыт изучения книги Бытия. Варшава, 1912, с. ССС1, СССXXI.

⁴ Анализ взглядов И. В. Ягича см.: А. В. Михайлов. *Опыт... с. ССLXXXIX, ССXCIV, ССXCVII.

ставлены в переводах Симеоновской эпохи, либо прошли ряд исправлений на славянском юге.⁵

Сам А. В. Михайлов впоследствии внес большой вклад в выполнение поставленных задач своим изданием по 26 спискам четьего текста кн. Бытия и изучением ее паремийной редакции.⁶ В те же годы аналогичные работы были проведены Г. А. Воскресенским по тексту евангелия от Марка и посланий апостола Павла, И. Е. Евсеевым по книгам Исая и Даниила, В. А. Погореловым по Псалтыри.⁷ Учрежденная в 1915 г. Комиссия по научному изданию славянской Библии наметила огромный план работ с тем, чтобы в течение нескольких десятилетий выполнить критическое издание древнеславянской Библии. Среди задач, принятых на себя членами Комиссии, в частности, были следующие: подготовить к изданию книги Царств по списку ГПБ, F.I.461 (А. И. Соболевский), Захарынский паремийник 1271 г. (А. В. Михайлов), Геннадиевскую Библию 1499 г. (И. Е. Евсеев), кн. Числ (В. Н. Бенешевич), Руфь (С. И. Смирнов), Иова (Г. А. Ильинский), Песнь песней (Н. Н. Дурново) и т. д.⁸ И. Е. Евсеев подготовил каталог славянских рукописей XI—XVII вв., содержащих чтения из библейских книг (4150 номеров).⁹ Смерть И. Е. Евсеева и материальные трудности вскоре прервали деятельность Комиссии.

В 1956 г. вышло в свет исследование Н. А. Мещерского кн. Есфирь по 18 спискам XIV—XVII вв., и позже издан был по 4 спискам текст книги в объеме первых десяти глав, переведенных с древнееврейского оригинала у восточных славян в Киевскую эпоху.¹⁰ Исключительную важность для изучения истории славянского Евангелия, в особенности апракоса, имеют недавние работы Л. П. Жуковской,¹¹ подготовившие прочное основание для будущих критических изданий текста.

Ограничивая этот перечень лишь опытами более или менее полного охвата рукописного материала при изучении отдельных текстов, приходится констатировать, что задачи критического издания переводов Кирилла и Мефодия, а также их учеников и последователей в славянском мире (с установлением истории отдельных текстов) еще очень далеки от своего выполнения. Следовательно, никоим образом нельзя считать полными наши теперешние представления о древнеславянских литературах и, в частности, о древнерусской литературе и письменности.

⁵ И. Е. Евсеев. Геннадиевская Библия 1499 г. М., 1914, с. 5.

⁶ Тексты древнеславянской Библии представлены в трех основных видах: служебном, четьем и толковом. В служебных текстах отдельные главы или их части (чтения, перикопы) расположены в том порядке, в каком они читаются в церкви в течение церковного года; чтения из ветхозаветных книг включены в паремийник, новозаветные — содержатся в служебных евангелиях и апостолах (евангелие-апракос, апостол-апракос). В текстах четьего вида представлено последовательное расположение стиха за стихом и главы за главой, как это принято в обычных печатных изданиях Библии. В толковых текстах стих, часть стиха или пассаж из нескольких стихов сопровождаются соответствующим толкованием. Принято считать, что служебные тексты были переведены Кириллом (и Мефодием), четьи — Мефодием после смерти Кирилла, толковые появились в последующее время. Служебные тексты не обнимают всех библейских книг, а лишь часть книг — в их неполном составе; в толковых текстах также представлены не все книги.

⁷ Библиографию работ см. в кн.: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.

⁸ Отчет о деятельности Комиссии по научному изданию славянской Библии за 1915 г. Пг., 1916, с. 6.

⁹ И. Е. Евсеев. Рукописное предание славянской Библии. СПб., 1914, с. 6, примеч. Черновой вариант каталога находится в Ленинградском отделении Архива АН СССР (фонд 109, оп. 1, № 21).

¹⁰ Н. А. Мещерский. 1) К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода. — В кн.: Учен. зап. Карело-финского вед. ин-та, т. II, вып. 1. Петрозаводск, 1956; 2) Издание текста древнерусского перевода «Книги Есфирь». — В кн.: *Dissertationes slavicae*, 13. Szeged, 1978.

¹¹ Л. П. Жуковская. 1) Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их. — В кн.: Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968; 2) Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

Исходя из этих предпосылок, автор настоящей работы рассматривает четый перевод Песни песней (далее: ПП) с конкретной целью установления времени и места его появления.¹² Этот текст дошел до нас в 22 списках XIV—XVII вв., из которых лишь один (Венской придворной б-ки, XVI в.) оказался нам недоступен. Дошедшие списки распадаются на две редакции.

Археография

Среднеболгарская редакция.

1. ГПБ, F.I.461. Бумажный сборник XIV—XV вв. со всеми признаками среднеболгарской орфографии: меной юсов, меной *ѣ* и *ѧ*, *а*, опущением вставного *л*, меной еров. Содержит кн. Царств, Пророков, Притчи, ПП, Премудрости Сирахова, Иова. Сб. хорошо известен в науке.¹³ На полях имеется владельческая запись молдавского господаря XVI в. ПП занимает л. 365 об.—369 об. При весьма удовлетворительной сохранности текста имеется несколько мест, искаженных переписчиками. Поскольку этот список издается в качестве образца четьего перевода ПП, приведем характеристику его языка в объеме текста ПП.

Среди особенностей орфографии отметим написание *оу*, *ю* на месте большого юса: *сръницоу*, *алницоу* II, 17, *Соломоу* VIII, 11, *алнию* VIII, 14, и т. п.; болгарское написание: *цъвѣтъ* II, 13, 15, *процъвѣлъ*, *процъвѣтош* VII, 12. Об отвердении согласных свидетельствуют написание *съзиждамъ*, *напишамъ* VIII, 7. В склонении имен отмечаются новообразования, характерные для среднеболгарских списков: *въ оржжи* I, 8, *по шьмо(х)*, мн. ч., мест. пад. II, 9, *грьлицы*, ед. ч., род. пад. II, 12 и мн. ч., им. пад. I, 9 и т. п. В глаголе отмечается форма без конечной финали *-тъ* в настоящем времени *виси* IV, 4, перфект без связки *о(т)шелъ* II, 11, *створиъ* III, 9, 10, *положил* VI, 11.

2. ГИМ, собр. Щукина, № 507 (далее: Щук.). Сб. 1474 г., переписан в Нямецком монастыре в Румынии Гервасием.¹⁴ По содержанию совпадает с предыдущим. ПП занимает л. 223—227 об., текст тождествен тексту в сб. ГПБ, F.I.461; отличия заключаются в орфографии нескольких слов (всего 16 случаев вроде *ѣ* вместо *а*, *а* и, наоборот, случайные описки), так что этот текст можно считать копией предыдущего. Таким образом, можно считать, что и сб. F.I.461 связан с Нямецким монастырем.

3. Румынская Академия наук (бывш. Национальный музей древностей), № 1/1141 (далее: Рум.). Сб. XVI в. с признаками среднеболгарской орфографии; ср., в частности, постановку буквы *а* на месте большого юса: *голабице*, *змирна свож*, *ржа* (вин. п.), *потекать* (3 л.), *облѣкасл* (1 л.) и т. п. По содержанию совпадает с предыдущими.¹⁵ ПП занимает

¹² По 25 спискам XIII—XVII вв. известен другой перевод ПП — с толкованиями Филона Карпайфского, выполненный, как представляется, в XII в. у восточных славян и вошедший, в частности, в Геннадиевскую библию 1499 г. (далее: ГБ). В настоящей статье приводятся чтения этого перевода по ГБ. Исследованию и публикации текста в дальнейшем будет посвящена специальная работа. Кроме того, в отдельных случаях приводятся сопоставления из перевода ПП Константина Костенецкого начала XV в. по рукописи XV в. Народной биб-ки в Софии, № 311 (далее: Конст. Кост.). Об этом переводе см.: Б. Трифуновић. Тумачење «Песме над песмама» од Теодорита Кирског у преводу Константина Философа. — В кн.: Сборник за славистику. 2. Матица Српска, 1971. Еще одним источником для сопоставления является перевод ПП с древнееврейского оригинала, вероятно, Киевской эпохи, по рукописи ГБЛ, Музейное собр., № 8222, XVI в. Об этом переводе см.: А. А. Алексеев. «Песнь песней» по русскому списку XVI в. в переводе с древнееврейского оригинала. — ППС, т. 27. Л., 1980.

¹³ И. Е. Евсеев. Книга пророка Исайи в древнеславянском переводе. СПб., 1897, с. 66—68; А. И. Соболевский. Церковнославянские тексты моравского происхождения. Варшава, 1900, с. 14—16.

¹⁴ А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905, с. 253.

¹⁵ Там же, с. 245—254.

л. 215—229 об., текст полностью совпадает с предыдущими, хотя в орфографии несколько больше своеобразия.

4. Венская придворная б-ка, № 111 (14), сб. XVI в., содержит ПП, л. 1—6 об., Творения Дионисия Ареопагита. А. И. Яцимирский отнес сборник к болгарским рукописям тырновской школы.¹⁶ Извлечения из ПП включены в «Лексикон» Миклошича, отрывок из Дионисия Ареопагита — в *Chrestomatia palaeoslovenica* Миклошича (1861, с. 48—51).¹⁷

Русская редакция.

5. ГПБ, собр. Погодина, № 81 (далее: Пог. 81). Сб. 2-й половины XV в., 175 л. Содержание: слова Иоанна Златоуста, ПП, ПП с толкованиями Филона Карпафийского, Притчи, Екклесиаст, Премудрости Сирахова (без конца). Текст ПП занимает л. 17—24, л. 17 при реставрации подклеен, почерком XVI в. восстановлен утраченный текст по толковому переводу (=ГБ). Русское происхождение списка подтверждается следующими чертами в орфографии: а) немногими восточнославянизмами — *въсхоженіе* 19 об., *гражена* 22 об., *рожишиа* 23 об. (прич. жен. рода, род. пад.); б) типичными чертами церковнославянской орфографии русского извода — чистые гласные на месте носовых, и наоборот (*растоуще*, *каплющи* 21 об., *абложо* 22), написание флексии род. пад. ед. ч. и вин. пад. мн. ч. основ на *-ja (*лисица* 18 об. и т. п., но *от поустья* 19), ср. также новую флексию *пшеницы* 22 об., род. ед.; неустойчивое написание неполногласных сочетаний (*прѣзръ* 17, *стрѣгоущи* 19, но *преиде* 21, *древѣхъ* 18). В орфографии отражено II южнославянское влияние: *очрънена* 17, *искрънда* 17 об., *тръниа* 18, *сърнѣ* 18 об., *стлънъ* (но и *столнъ*) 19 об., *моаа*, *своа*, *моа*, *твоа* 17 об., *играа* 18 об., *моимъ* 17 об., *кринъ* 18 и т. п. В некоторых случаях сказывается влияние болгарского оригинала: *поутица* 22 об. из *пѣтищца*, *въ клѣтъ заченьшоую ма* 23 об. из *зачьньшма*. Болгарский исходный протограф был, таким образом, по крайней мере XII в., когда в болгарских рукописях отчетливо проявились черты новой орфографии, однако едва ли этот протограф был младше, иначе орфографических болгаризмов в русском списке было бы больше. Эти орфографические черты в большей или меньшей степени свойственны всем спискам русской редакции.

6. ГПБ, собр. Погодина, № 78 (далее: Пог. 78). Сб. конца XV в., 76 л. Содержание: Притчи, Екклесиаст, ПП, Менандр, Премудрости Сирахова. Мелкий полуустав. В тексте много поправок другим, более аккуратным почерком, заключающихся во вставке слогов, пропущенных слов. На л. 2—5 запись скорописью: С кнѣг изъ монастыря Купитицького при храми Воведениа чудотворьнаго, року ахмс [1646]. В орфографии наблюдается смешение *ѣ* и *е*, преобладание *ь*. Список, таким образом, является западно-русским.

7. ГПБ, Q.I.43. Сб. XVI—XVII вв., 151 л. Содержание: Истолкование евангелия Афанасия Александрийского, ПП с толкованиями Филона Карпафийского, л. 55, ПП, л. 125, статья под названием «В лѣто и во дни пррка Исаи Иоась пръ илевъ сонъ видѣ», л. 132 об., Премудрости Сирахова, л. 136 (24 главы). Обычная церковнославянская орфография.

8. ГПБ, собр. Погодина, № 227 (далее: Пог. 227). Сб. конца XV—начала XVI в., 328 л. Содержание: Толковый Апокалипсис, Речи от различных муж (афоризмы, подобранные по 68 разделам), Менандр, ПП с толкованиями Филона Карпафийского, л. 234 об., ПП, л. 320 об., Притчи Соломоновы, л. 327 (начало). По встречающейся замене *ѣ* на *е* можно предполагать западнорусское происхождение списка: *въ врьтограде*, *одеваущеса*, *посреде*, *аблоцех* и т. п.

¹⁶ А. И. Яцимирский. Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек. Пг., 1921, с. 142.

¹⁷ Новейшее описание см.: G. Birkfellner. Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975, S. 137—141.

9. ГИМ, Синодальное собр., № 251 (далее: Син. 251). Сб. XVI в., 163 л. Содержание: ПП, л. 1—6 об., Притчи, Премудрость Соломонова (отрывки), Екклесиаст, Премудрости Сирахова, Премудрость Соломонова.¹⁸

10. ГИМ, Синодальное собр., № 759 (далее: Син. 759). Сб. XVI в., 395 л., состоит из трех частей, в первой из которых помещены памятники византийского законодательства, во второй — Иоанн Златоуст и другие проповедники, в третьей — библейские книги ПП, л. 256—269, Притчи, Премудрости Сирахова (гл. XII—XXXVIII). Сб. подробно описан Горским и Невоструевым (Описание, № 320).

11. ГИМ, Чудовское собр., № 200 (далее: Чуд. 200). Сб. XVI в. Содержание: Апокалипсис, Притчи, Екклесиаст, ПП, л. 149—156 об., Премудрости Сирахова. Текст ПП очень близок к Син. 251 с индивидуальными грубыми ошибками.

12. ГИМ, собр. Барсова, № 12 (далее: Барс. 12). Сб. 1566 г. из Соловецкого монастыря. Содержание: Притчи, Премудрости Соломоновы, Екклесиаст, ПП, л. 111—123, Премудрости Сирахова, Менандр.

13. ГБЛ, собр. Ундольского, ф. 310, № 1121 (далее: Унд. 1121). Сб. XV в. Содержание: Притчи, ПП, л. 62—70, Екклесиаст, Премудрости Сирахова.

14. ГБЛ, Волоколамское собр., ф. 113, № 13. Сб. XVI в. Содержание: ПП с толкованиями Филона Карпафийского, л. 1—76 об., ПП, л. 77—84 об., Притчи, Екклесиаст, Менандр, Премудрости Сирахова, Василия, царя греческого, главизны наказательныя к сыну. Текст ПП близок к Унд. 1121.

15. ГБЛ, Волоколамское собр., ф. 113, № 14. Сб. XVI—XVII вв. Содержание: ПП с толкованиями Филона Карпафийского, л. 1—114 об., ПП, л. 115—126 об., Притчи, Екклесиаст, Менандр, Премудрости Сирахова. Сб. представляет собою копию предыдущего.

16. ГБЛ, Волоколамское собр., ф. 113, № 605 (далее: Волок. 605). Сб. XVI в. Содержание: Житие Иоанна Златоуста, Житие Афанасия Александрийского, ПП, л. 202—204, Притчи, Екклесиаст, Премудрости Сирахова, Иов.

17. ГБЛ, Троицкое собр., ф. 304, № 730 (далее: Троицк. 730). Паляя с прибавлениями, XVI в. Среди прибавлений помещены библейские книги: ПП, л. 111—117, Премудрости Сирахова, Менандр, Притчи, ПП с толкованиями Филона Карпафийского, л. 254—329, Екклесиаст.

18. ГБЛ, Троицкое собр., ф. 304, № 773 (далее: Троицк. 773). Сб. XVI в. Содержание: Житие Феодора Едесского, Главы добродетельные Феодора Едесского, История о взятии Царьграда турками, ПП, Притчи. ПП помещена вперемешку с Притчами и занимает л. 254—258 об., 279—282 об. В орфографии присутствуют западнорусские черты: *излези, на селе, где, жывеши, въ оружы, стахти, въ крынѣхъ*.

19—20. ГБЛ, ф. 205 (ОИДР), 189. Сб. конца XV в., 476 л. Скоропись разных почерков. Содержание: ПП, л. 1—5 об., ПП, л. 5 об.—7, Притчи, Менандр, Премудрости Сирахова, далее — повести, слова, поучения.¹⁹ Лл. 1 и 2 сильно попорчены, так что в первом тексте ПП от I, 1 до III, 7 целый ряд лакун. Второй текст ПП представлен также не полностью и в нарушенном порядке: VIII, 7 (конец стиха) — VIII, 14, V, 16—VIII, 7 (начало стиха). Тексты списаны с разных оригиналов, так что содержат иногда существенные различия; написаны очень небрежно со значитель-

¹⁸ Подробное описание см.: А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки, т. 1. М., 1855, № 17.

¹⁹ Описание см.: П. Строев. Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1845, с. 65 и след.

ными искажениями отдельных чтений. Не исключено псковское происхождение сборника.²⁰ (далее: ОИДР 1, ОИДР 2).

21. БАН, Архангельское собр., № 3 (далее: Арх. 3). Сб. XVI в. Содержание: Притчи, Екклесиаст, III, л. 70—78 об., пророки Осия, Иона, Амос, Наум, Авдей, ряд мелких статей, послание Геннадия о пришествии Христа. На текст III приходится лакуна: вследствие утери л. 71 отсутствует часть текста I, 14—II, 12. В орфографии наблюдается смещение *ѣ* и *и*: *излизите, острѣжена*.

22. БАН, 24.4.28. Сб. 1507 г., составлен в Супрасльском монастыре Матфеем Десятым из Торопца. Содержание: XVI пророков, Притчи, Премудрости Сирахова, Менандр, III, л. 144 об.—146 об., Екклесиаст, Псалтырь, Новый завет, дополнительные статьи и ветхозаветные паремии.²¹ Особенностью текста III является то, что целый ряд мест внесен в него из толкового перевода (=ГБ), что заметно в стихах I, 1, 3, 5, 9, 12; II, 3, 5, 12, 14, 15, 17; III, 1, 2, 3, 4; IV, 4, 12, 14, 15; V, 1, 2, 4; VI, 11; VII, 4. Здесь также по толковому переводу восстановлен стих II, 2, отсутствующий во всех списках четьего перевода. В дальнейшем: БК (библейские книги).

Как видно из обзора рукописей, почти обязательным окружением для текста III являются в сборниках другие Соломоновы книги — Притчи, Премудрости, Екклесиаст, а также Премудрости Сирахова. В связи с гномическим характером книги Менандра понятно ее присутствие в библейских сборниках. Вероятно, в этом окружении III также должна была восприниматься как притча аллегорического характера, как книга «премудрости». Характерной особенностью многих сборников является соседство четьего и толкового переводов III. Какого-либо систематического деления текста на главы или другие части не обнаруживается.

Текстология

Все перечисленные списки обеих редакций содержат в принципе один и тот же текст. Никаких следов последующей правки какого-либо списка или группы списков по греческому тексту не обнаруживается. В списках 5 и 22 отмечается правка по толковому переводу.

Общей особенностью всех списков является пропуск ст. II, 2, выпавшего на самом первом этапе существования четьего перевода из-за того, что два соседние стиха имеют одинаковое окончание (*homoteleuton*). Не исключено, однако, что эта лакуна могла быть уже в греческом оригинале. В списке 22 (БК) утраченный стих восстановлен по толковому переводу. Точно так же лишь в этом списке сохраняется часть ст. V, 1, утраченная всеми другими списками. Это место, однако, не могло быть восстановлено по толковому переводу, где также отсутствует. Необходимо поэтому полагать, что оно восходит к славянскому протографу русской и болгарской редакций.

Во всех списках русской редакции отмечается ряд общих чтений, отличающих русскую редакцию от среднеболгарской. Приводим эти чтения в нормализованной церковнославянской орфографии, чтения среднеболгарской редакции даются по списку ГПБ, F.I.461 (в левом столбце).

I, 3 правость възлюби та	— правости възлюбленіе въ тебѣ (в БК: правость възлюби(т) та, в Пог. 81, ОИДР 1 — лакуна)
I, 3 ведоша са	— привлекоша са (лакуна в Троицк. 773, Q.I.43, ОИДР 1, Унд. 1121)

²⁰ Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 83.

²¹ См. описание: А. А. Алексеев, О. П. Лихачева. Супрасльский сборник 1507 г. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978, с. 54—88.

I, 6 по стаѣтхъ	— по средѣ (лакуна в ОИДР 1)
I, 7 разоумѣиши	— разоумѣи и
I, 12 възворитъ са	— въздоитъ са
I, 16 градыи домовъ	— гради домови
II, 3 подѣ стѣнь	— подѣ стѣнѣю
II, 4 оучите ма на любѣвѣ	— оучините на ма любѣвь
II, 5 въ абльѣтхъ	— во облаѣтхъ
II, 14 въ покровѣ камени адѣ прѣдѣстѣнниа	— въ кровѣ (кровѣ, покровѣ) камениа (прѣдѣстани) (БК = ГБ)
II, 17 срѣнищж	— зръщемоу (БК = ГБ)
III, 4 ѡхъ са за нь и не оставихъ са ѡго	— ѡхъ же за нь и обрѣтохъ ѡго
III, 6 праха ми	— права миротворьца
III, 7 сильнѣ окръсть ѡго	— окръсть ѡго сильнѣ
III, 10 камыкомощение	— камыкомъ лщаниа
IV, 3 врьвь чрьвлена оустьѣт	— брьвь чрьвленаоустьна оустьѣт (вОИДР 1: врьвь)
IV, 5 дѣва пѣтица близньца срѣтѣ ѡже	— близньца пѣтица срѣтѣ
IV, 12 врьтоградъ затворенъ сестро моа невѣсто	— <i>нет</i>
IV, 14 кротокъ	— крокосъ сахаръ
IV, 15 исчрѣплаща	— ислеплаща (БК = ГБ)
V, 1 змурнж	— землю
V, 6 словѣмъ ѡго дѣша моа изиде	— доуша моа изиде словѣмъ ѡго изиде
V, 9 заклала ны ѡси	— клалѣ ны ѡси
V, 11 ѡлиѣ чрьно	— чрьны
VI, 6 облощение	— оброщение, оброщение, блещение
VI, 7 ѡсть	— <i>нет слова</i>
VII, 2 ограждение кринѣхъ	— ограждение въ кринѣхъ
VIII, 5 прижи	— приложи
VIII, 6 крилѣ ѡъ	— крилѣ ѡа крилѣ
VIII, 9 дѣсѣж тисовж	— дѣскоу дѣсовоу (БК: кедровоу)

Некоторые чтения русской редакции предлагают лучший смысл и вернее отражают греческий оригинал, чем соответствующие чтения среднеболгарской редакции (II, 4, VII, 2, VIII, 6), другие способствуют реконструкции чтения протографа (I, 16, III, 6, IV, 14), тогда как большинство возникло в результате порчи текста в одном из ранних списков, к которому восходят остальные. Следовательно, хотя русская редакция имеет важное значение при изучении истории текста III на славянской почве, ее значение для реконструкции протографа значительно меньше, чем списков среднеболгарской редакции; это позволяет отказаться от систематического приведения разночтений из русской редакции и обращаться к ним лишь в тех случаях, где они могут оказать содействие в реконструкции протографа.

В некоторых случаях, однако, отдельные списки русской редакции отступают от того чтения, которое характеризует редакцию в целом, и разделяют чтение болгарской редакции.

I, 10 сътворимъ ти = БК, ОИДР 1, Унд. 1121	— сътворно(м) ти
II, 9 мрѣжнж = ОИДР 1	— скважнѣю
IV, 4 дѣдѣв, БК: дѣвѣ, ОИДР 1: дѣв	— <i>нет</i>
V, 1 врьтоградъ = ОИДР 1, Пог. 78	— виноградъ
V, 5 плъни сѣтъ = ОИДР 1	— исплънѣ
V, 17 отзрѣ = ОИДР 2	— отиде

VI, 1 виноградъ = Пог. 78, Барс. 12	— врьтоградъ
VI, 8 въсхвалать = ОИДР 1, 2	— въсхвалиша
VI, 10 в животѣ = Арх. 3	— въ житѣ
VI, 11 не разоумѣ дѣша мога = БК, Син. 759	— <i>нет</i>
VI, 12 обрати са обрати са = ОИДР 2	— обрати са
VII, 1 лица = ОИДР 2, Син. 759	— лице
VII, 4 есевонь = ОИДР 2	— осень
VII, 8 оба = БК, Пог. 81	— оубо
VII, 13 съблюдохъ = БК, ОИДР 2	— съложихъ
VIII, 3 подъ главож = БК, Син. 759	— прѣдъ главою
VIII, 7 мощи = ОИДР 2, Троицк. 773	— <i>нет</i>
VIII, 8 мала = ОИДР 2	— <i>нет</i>

Как видно, особенно характерны и систематичны совпадения с болгарской редакцией у списка ОИДР 2; список БК также имеет ряд показательных совпадений, вероятно, их было бы больше, если бы этот список не правился по толковому переводу. Различия русской и среднеболгарской редакций приходится в основном на первую половину текста, а совпадения отдельных русских списков с болгарской редакцией отмечаются почти исключительно во второй половине.

Язык четьего перевода; его происхождение

Из оригинальных и переводных произведений древнеславянской письменности с полной определенностью знакомство с четьим переводом обнаруживают Пандекты Антиоха, дошедшие в русском списке XI в. с болгарского оригинала. Здесь находятся следующие стихи из III: I, 1—3: Да лобжет ма о(т)лобзаниа оуст ѿго, ѿко бл(а)га сегда твоа паче вина, и вона мир твоих паче всѣх арамат. муро изліано има твоє. сего ради оуныа възлюбиха та и ведошаса. в слѣд тебе на волю муръ твоихъ потечем, възрадоуемса и възвеселимса о тебѣ: правость възлюби та; I, 6: възвѣсти ми ѿгоже любить дѣша мога. кѣде пасеши. кѣде лѣжиши в полуодне; I, 15: се бо ѿси добр ибо красен; II, 3: под стѣнь твож вижделѣх и стѣдох. плод бо твои сладѣкъ в грѣтани моимъ; II, 5: (=V 8) ѿко бодена есмь любовью аз; II, 7: аще въздвигнете и възставите любленъ дондеже възсощеть; II, 14: покажи ми лице свое и услышан сътвори ми глас свои, ѿко глас твои сладѣкъ и лице твоє красно; III, 1: исках ѿго възлюби дѣша мога; III, 4: ѿхѣса по нь, и не оставих ѿго; VI, 7: шестьдесятъ естъ цесариць и осмьдесят женим и дѣвиць ихѣже нѣсть числа; VIII, 6: крѣпка ѿко съмръть любы; VIII, 7: вода многа не можетъ оугасити любве.²²

При исключительной точности цитат из III в Пандектах, не оставляющей места сомнению в том, что славянский переводчик Пандект пользовался четьим переводом, в этих цитатах есть некоторые отступления от текста основного списка F.I, 461. Если отступления в ст. I, 15 (введение пояснительной частицы *бо*) и II, 3 (перемена 3-го лица на 2-е) связаны с самим характером цитирования, а в ст. III, 1 (*ѿго* вместо *ѿгоже*), III, 4 (*по нь* вместо *за нь*, *оставих* вместо *оставихъ са*²³), VIII, 7 (*можетъ* вместо *иматъ мощи*²⁴) могут рассматриваться как проявления спонтанно возникающей и обычной для рукописных текстов лексико-грамматической вариантности, то ряд других отступлений заслуживает большего внимания.

Ст. I, 3 *на волю мур твоих потечем* вместо *мира твоего* (так во всех списках четьего перевода) может отражать основное чтение греческого

²² См.: Амфилохий, арким. Исследование о Пандектах Антиоха XI в. М., 1880, с. 144. Чтения III см. в приложении.

²³ В списках русской редакции *обрѣтохъ* (см. выше).

²⁴ Почти во всех списках русской редакции только *иматъ*, инфинитив *мощи опущен* (см. выше).

текста εἰς ὁσμὴν μύρων σου, тогда как ед. число совпадает лишь с цитатой у Кирилла Александрийского;²⁵ впрочем, мн. число могло появиться здесь под влиянием мн. числа этой формы в предыдущем стихе. Здесь же опущение частицы повелительного наклонения *да* перед глаголами *възрадоуемса* и *възвеселимса* может быть либо случайным, либо отражать чтение греческого кодекса 106, где стоит форма будущего времени ἀγαλλισάμεθα.

Форма *цесариц* в ст. VI, 7 вместо *црцъ* должна быть признана исконной как вообще более характерная для древних текстов, она находит поддержку в списках Пог. 81 и Троицк. 773 — *ц(с)рцъ*. Можно думать, что в протографе четьего перевода во всех случаях стояло *цесарь*, а не *царь*, как читается в списках.

Наконец, три разночтения Пандект находят себе подтверждение в списках русской редакции: I, 6 *любить* вместо *възлюби* читается также в Барс. 12, аорист *люби* в Пог. 78, 81, 227, Син. 251, Троицк. 773, Унд. 1121, Арх. 3, Волок. 605; II, 5 *бодена есмь любовью азъ* вместо *азъ любовиѣж* читается в Пог. 78, 81, 227, Син. 251, 759, Троицк. 773, Барс. 12, Унд. 227, Волок. 605, Q I 43; VI, 7 *ихъже* вместо *имъже* читается во всех списках русской редакции. Эти три разночтения позволяют думать, что ряд особенностей русской редакции возник уже в очень раннее время на болгарской почве и был воспринят переводчиком Пандект.

Знакомство с четым переводом обнаруживается также в слове Андрея Критского на Рождество Богородицы (ВМЧ, под 9 сент.), где приведены стихи III, 7, 9, IV, 8, 11, 12, однако ни время, ни место перевода этого слова пока неизвестны. Среди вариантов, отмеченных в цитатах из III в этом слове, заслуживает внимания форма мн. числа в ст. III, 9 *отъ древес ливановѣхъ* (ἀπό ξύλων), разделяемая и глаголической традицией (о ней см. ниже), тогда как все списки четьего перевода дают здесь ед. число *о(т) дрѣва*, что соответствует чтению Синайского и ряда других греческих кодексов. Из более поздних южнославянских авторов знакомство с переводом обнаруживает патриарх Евфимий Тырновский: в житии Параскевы у него процитированы стихи I, 3, II, 3, 6, IV, 7, 8 (см.: ВМЧ, 4—18 окт., стб. 1041, 1042, по изданию Археографической комиссии).

Древность четьего перевода, о которой свидетельствует знакомство с ним переводчика Пандект Антиоха, подтверждается некоторыми чертами в грамматике дошедших списков:

сохранением двойственного числа — ржцѣ юго растръганѣ златѣ V, 14, очи твои голабинѣ, I, 14, изидѣвѣ, въдворивѣ са VII, 11;

использованием кратких прилагательных в атрибутивной функции — крѣпостыи сельнами II, 7, дъскж тисовж VIII, 9, на подъстѣльниую златоу V, 15 и т. п.;

корректными формами причастий — обходящи, обрѣтши (жен. род, краткие), прѣницажщица, въсходящица (жен. род, полные), стрѣгжщца, дръжжщца (муж. род, мн. число) и т. п.;

сохранением старого сигматического аориста рѣхъ VII, 8, отвѣрѣхъ V, 5. V 1 *ихъ* Пог. 73, БК, *ѣхъ* ОИДР 1, в др. списках *идохъ*. Преобладают, однако, новые формы *сѣдохъ*, *обрѣтохъ*, *сѣвлѣтохъ* и т. п., *обрѣтоша*, *изидоша* и т. п. Довольно архаическая форма имперфекта²⁶ 2-го лица *аще не разоумѣише* I, 7 не сохранилась в тексте, но ее уверенно можно восстановить на основе чтения *разоумѣиши* в болгарской редакции, *разоумѣи* и — в русской, греч. ἐὰν μὴ γῶφς, сослагательный аорист.

²⁵ О греческих текстах, использованных в работе, см. ниже.

²⁶ См.: А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, с. 379—380; Ю. С. М а с л о в. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 1. Л., 1954, с. 99—101.

Естественно, что в списках, отстоящих на полтысячелетия от времени создания текста, следы грамматической древности представлены не очень обильными и не очень выразительными случаями. Языковые новшества среднеболгарского происхождения оказываются более заметным слоем в языке списка F.I.461 (они отмечены выше при характеристике списка).

Напротив, лексические данные списка F.I.461 с учетом разночтений по спискам и редакциям дают более существенный материал. Как известно, в славистике начиная с конца прошлого века было составлено несколько более или менее обширных списков лексических пар (дублетов), из которых одна лексема признается более древней и характерной либо для апракосов и паремийника, либо для кирилло-мефодиевских переводов вообще, либо же для Охридской переводческой школы в частности, тогда как другая лексема признается более поздней и характерной соответственно либо для мефодиевских четких переводов, либо для болгарских переводов Симеоновской эпохи, либо же для Преславской переводческой школы.²⁷ Конечно, метод выделения этих лексических пар лишен полной надежности уже потому, что в принципе любое слово первых и самых древних переводов могло быть употреблено в любом более позднем переводе или оригинальном сочинении. Кроме того, размежевание этих лексических пар могло идти не по диалектному (локальному, хронологическому) основанию, а по семантическим причинам.²⁸ Вариантность может зависеть также от стилистических факторов и объясняться участием нескольких переводчиков в создании одного текста.²⁹ Ср., например, свободное уживание в одной фразе паремийника слов, относимых обычно к различным переводческим традициям: отъ оутробы възва ма ищрѣва мѣре моюе (Захарьинский парем., 1271 г., ГПБ, Q п I 13, л. 138); Исаяя LXI, 11 и тако земля растъжи цветы своя и тако въртоградъ прозабаеъ сѣмена своя (там же, л. 203 об.); Пс. LXX, 6 на тѣ оутврдихъ са отъ жтробы ищрѣва матери моея (Синайская пс., л. 86 об.).

Вероятно, полной надежностью обладает противопоставление таких церковно-религиозных терминов, как жрътва — трѣба, иереи — чиститель, жръць, ангель — съль, ливанъ — джбрава и т. п.,³⁰ из которых первый член пары характерен для кирилло-мефодиевских переводов, хотя, конечно, может встречаться в каком угодно более позднем тексте, второй является принадлежностью некоторых переводов в Восточной Болгарии X в. Эти термины, однако, не встречаются в ПП, можно лишь отметить, что греч. Λίβανος никогда не переводится в ней словом джбрава.

Как бы то ни было, оценивая через призму этих лексических пар лексику четьего перевода, можно заметить, что в подавляющем большинстве

²⁷ См., например: V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913; V. Vondrak. Altslovenische Studien, VII. Wien, 1890; V. Oblak. Die kirchenslavische Übersetzung der Apokalypse. — Archiv für slavische Philologie, Bd XIII, 1891; И. Е. Евсеев. 1) Книга пророка Исаяи. . . ; 2) Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905; А. В. Михайлов. Опыт. . . ; В. А. Погорелов. Библиотека Московской синодальной типографии. Вып. 3. Псалтыри. М., 1901; Р. Р. Нахтигаль. Несколько замечок о следах древнеславянского паремийника в хорватско-глаголической литературе. — В кн.: Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. 3. М., 1902; А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. 1. М., 1951, с. 31—32; К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. София, 1963, с. 50; В. Конески. Ohridska književna škola. — Slovo, n 6/8, 1957.

²⁸ См.: А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

²⁹ Кроме замечаний И. В. Ягича см.: M. Weingart. Le vocabulaire du vieux-slave dans ses relations avec le vocabulaire grec. — In: Studi bizantini e neoellenici, V. 5. Roma, 1939, p. 568.

³⁰ На это в свое время указывал А. И. Соболевский в статье «К истории древнейшей церковнославянской письменности. 1. Несколько наблюдений над словарным материалом». См. в кн.: А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.

случаев в нем фигурирует первый член пары, характеризующийся обыкновенно как паремийный или апракосный, мефодиевский или охридский. Ср. эти слова из четверго перевода в сопровождении более поздних вариантов: въдворити — въселити, възврати са — обрати са, врътоградъ — оградъ, выа — шиа, грасти — ити, женима — наложница (поллакида, мѣньшица), запечатѣлѣти — знаменати, искрѣнии — ближнии, коль — іако, лжгъ — джбрава, лоуна — мѣсяць, пиво — питиѣ, посылати — поустити, растжци — прозабажци, село — нива, сице — тако, стлѣпъ — сжнь, студеньць — кладазь, съблжсти — сънабѣдѣти, създати — съградити (сътворити), тоу — тамо, оужаснжти са — чоудити са, оуничжжение — похуление, чрѣво — жтроба, ѣда къгда — да не.

С другой стороны, в тексте четверго перевода встречаются слова, характерные, по указанию А. В. Михайлова, для четверго перевода кн. Бытия в отличие от паремийного перевода этой книги. Ср.: виноградъ — лоза, възвѣстити — повѣдати, въставити — възбудити, клѣть — ложница, одръ — ложе (κλίνη), поразити — побити, посрѣдѣ — между, стопа — плесна.

Наконец, в ряде случаев в четвером переводе отмечается лексема, характерная, согласно И. Е. Евсееву, для толковых переводов Симеоновской эпохи в отличие от более ранних кирилло-мефодиевских переводов: камыкъ — каменіе, мѣчь — оржжикъ (ὀρρφαία), пѣтищъ — пѣтеньць, раи — врътоградъ (παράδεισος). Ср. также слова *излѣсти*, *хытрѣць*, обычно рассматриваемые как принадлежность текстов, переведенных в Болгарии X в.

Таким образом, как всякий древний текст, III имеет сложный и смешанный по своему происхождению лексический состав. Характерно, однако, что поздние «болгарские» варианты оказываются в меньшинстве. Из них к тому же едва ли заслуживают внимания те варианты, которые отличаются от более ранних своим морфологическим составом, поскольку морфология в большей степени подвергается воздействию со стороны переписчиков;³¹ для слова *мѣчь* более вероятным соответствием можно признать слово *μάχαира* из текста Симмаха, а не *ὀρρφαία*, как в основном греческом тексте; слово *излѣсти* функционирует рядом со словами *изити*, *грасти*, при этом словообразовательное гнездо основы *ити* своей уплотнительностью намного превосходит единичные употребление слов *излѣсти*, *грасти*.³²

Другой лексический круг, могущий служить характеристикой языка четверго перевода, это непереуведенные грецизмы, наличие которых обыкновенно придает большое значение, поскольку в болгарских переводах X в. они, как правило, заменялись славянскими соответствиями. Ср.: кедръ, тисіе — смрѣчь, кринъ — цвѣтъ, мѣро — благовонная масть, порьфира — багърѣница; первое слово из этих пар употреблено в четвером переводе. Ср. также названия благовоний и экзотических растений — ароматъ,³³ алотъ, крокъсъ,³⁴ кѣнамонъ, ливанъ, нардь, смѣрна, стактъ, финикъ. Из этого круга слов оказались переведены лишь *κάλανος* — *трѣсть*, *κόπρος*, *κόπρισμος* — *цвѣтъ*, а также *ροά* (ροία) — *шипъкъ*. В мефодиевском переводе кн. Иоила I, 12 *ροά* переведено *кислицше*,³⁵ это же слово сохранено в глаголических текстах.³⁶ Может быть, следует считать слово *шипъкъ* особенностью более поздних болгарских переводов? Впрочем, оба слова имеют общеславянское происхождение и бытование.

Если слова, относимые к первоначальному кругу славянских переводных текстов, проявляются в четвером переводе III довольно заметной мас-

³¹ См.: А. И. Соболевский. Материалы и исследования. . . , с. 118—119.

³² В рецензии на изданное И. Вайсом евангелие от Марка С. Кульбакчи указал, что в языке Кирилла и Мефодия были слова *вънѣити* и *вълѣсти*, имевшие между собой семантические различия. См.: Лужнословенски филолог, кн. XVI, 1937. с. 216.

³³ В ст. VIII, 14 слово употреблено с глоссой *вои*.

³⁴ В ст. IV, 14 в русской редакции к этому слову глосса *сагаръ*.

³⁵ И. Е. Евсеев. Книга пророка Даниила. . . , с. 23.

³⁶ Slovník jazyka staroslověnského Praha, 1966, s. v.

сой, что при незначительном объеме памятника придает им значение довольно веского аргумента, то присутствие в тексте редких и специальных слов еще очевиднее доказывает древность перевода.

Так, слова *окъньце* в соответствии с греч. *θύρίς* «дверца» и *кльть* — *τραπεζον* «комната» А. И. Соболевский относил к устойчивым лексическим моравизмам, тогда как *стропъ* «крыша» — к кирилло-мефодиевским словам.³⁷ А. В. Михайлов указал в свою очередь, что *окъньце* характерно и для древнейших паремийных текстов, а также сделал ценные добавления к распространению слова *стропъ*.³⁸

Параллель к слову *пжпкъкъ* *ὄλονθος* «почка» дает лишь Апокалипсис VI, 13 в форме *пжпъ*; этот древний вариант заменен в глаголических текстах словом *дебелъка*.³⁹

Для редкого глагола в ст. II, 13 *смокъвъница* *издѣ* (*ἐξήνεγκεν*) *пжпкъкы* своя единственную параллель находим в Пс. XVIII, 32: *и годѣ боудеть богу паче тельца юна рогы издѣжита* (*ἐκφέρουσα*) *и пазнегти* (Синайская пс.).⁴⁰ В болгарском переводе X в. псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского стоит *рогы издѣважита*, в толковании к этому стиху форма *издѣжита* отвечает греч. *προβαλλόμενον*.⁴¹

В ст. II, 14 отмечено также очень редкое слово: *въ покровѣ каменѣ* *адѣ прѣдѣстѣниша* — *ἐν σκέπῃ τῆς πέτρας ἔχόμενα τοῦ προτειχίσματος*, причем в русской редакции в этом месте стоит предлог *близъ*. Ср. в Пс. XCIII, 15 дондеже правѣда обратитъ сѣа на сждѣ и тдѣ еѣа (*ἐχόμενοι αὐτῆς*) вѣси прави срьдѣцѣмъ (Синайская пс.); Пс. LXVII, 26 вариша князи тдѣ (*ἐχόμενα*) пожшихъ.⁴² В болгарском переводе *ѣдѣ* меняется на *запътъ* (Пс. LXVII, 26), *близъ* (Пс. XCIII, 16).⁴³ Слово *ѣдѣ* известно также мефодиевскому переводу кн. Даниила X, 4 с греческим соответствием *ἐχόμενα*, в толковом переводе — *близъ*.⁴⁴ Формы *ѣдѣчидинъ*, *ѣдѣчидыни* известны паремийнику (см. в «Лексиконе» Миклошича) с заменой в русских списках паремийника на *домочадъць*, *домочадища*.⁴⁵

В двух последних случаях особенно важно отметить два обстоятельства: во-первых, совпадение словоупотребления именно с Псалтырью, принадлежащей к самым первым кирилло-мефодиевским переводам, во-вторых, тождество переводческой манеры, когда одному и тому же слову греческого оригинала отвечает одно и то же слово славянского перевода. Немаловажным свидетельством тождественности переводческих приемов четвертого перевода III и древнейших славянских текстов является передача греч. *γέννημα* через слав. *жито* (VI, 10). Хотя слово *жито* сохранено лишь в русской редакции перевода, а южнославянские списки дают здесь слово *животъ*, именно *жито* нужно считать исконным, поскольку соответствие *γέννημα* — *жито* хорошо засвидетельствовано текстами Псалтыри, Апостола, паремийника (см. Slovník), тогда как передача *γέννημα* через *животъ* не засвидетельствована и даже семантически не мотивирована. Можно обратить также внимание на большое сходство в словоупотреблении четвертого перевода и псалма LIV (см. по Синайской псалтыри), возникающее отчасти по сходству содержания.

³⁷ А. И. Соболевский. 1) Церковнославянские тексты моравского происхождения, с. 15, 21, 45, 57; 2) Жития святых в древнем переводе на церковнославянский с латинского языка. СПб., 1904, с. 18.

³⁸ А. В. Михайлов. Опыт..., с. CCCII, 227—228.

³⁹ V. O b l a k. Die kirchenslavische Übersetzung, S. 355.

⁴⁰ Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Пр., 1922. Slovník определяет основу неверно: издѣти, ср. дѣти, надѣти, вѣдѣти и т. д.

⁴¹ В. А. Погорелов. Словарь к толкованиям Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. Варшава, 1910, с. 78.

⁴² В Синайской пс. лагуна; так в Болонской и Погодиской толковых псалтырях. См.: V. J a g i ć. Psalterium bononiense. Vindobonae, 1907.

⁴³ См.: В. А. Погорелов. 1) Чудовская псалтырь XI в. СПб., 1910; 2) Словарь к толкованиям..., с. 11.

⁴⁴ И. Е. Евсеев. Книга пророка Даниила..., с. XVIII.

⁴⁵ А. В. Михайлов. Опыт..., с. 394.

Наконец, из области лексической семантики обращает на себя внимание перевод греч. *άρμα* «колесница» словом *оружие*: I, 8 конемъ моимъ въ оржжи фараони въподобихъ та; VI, 11 положилъ ма оржжие аминадавъ. Аналогичное соответствие можно встретить в некоторых списках Псалтыри, кн. Исаяи, Царств (см. «Материалы» Срезневского, *Slovník*). А. И. Соболевский объяснил такой перевод тем, что переводчик, зная латинский язык, смешивал латинские и греческие слова: лат. *arma*, заимствованное из греческого, значит как раз «оружие».⁴⁶ Между тем нет необходимости предполагать тут непосредственное влияние латыни, поскольку в византийский период лат. *arma* вместе с переводами военных сочинений вернулось в греческий язык, и на этот раз греч. *άρμα* значило именно «оружие». Такой перевод можно ожидать от лица, знакомого с военно-административными сочинениями византийского периода. Нужно сказать также, что в обоих случаях перевод *arma* — *оружие* кажется вполне обоснованным. Если иметь в виду, что в ст. I, 8 под выражением *конемъ моимъ* имеется в виду кавалерия,⁴⁷ то слово *оружие* тем самым приобретает расширительное значение «вооруженные силы», что более уместно, чем образ кавалерии, впряженной в колесницу. В ст. VI, 11 греческий текст содержит дословный перевод древнееврейского оригинала с конструкцией двойного винительного падежа: *ἔθετο με ἄρματα* (*ʾArma-vaḏāḇ*). Едва ли можно предпочесть перевод «положил мя колесницу». Ср. также сходство словоупотребления в кн. Исаяи, XLIX, 2 по Захарьинскому паремийнику: и положи оуста мога яко оружие (*μάχηρα*) остро. . . и положи ма яко стрѣлоу (*βέλος*) избъраноу (ГПБ, Q п I 13, л. 138). В толковом переводе этой книги вместо *оружие* стоит *мечь* (ГБ, л. 501 об.). Легко допустить, что паремийный текст в какой-то мере учитывался переводчиком III. В Слове Иоанна Златоуста о горлице и церкви стих из Исаяи стоит еще ближе к чтению III: положи ма яко оружие избранное (ВМЧ, под 13 нояб., стб. 1745).

Таким образом, на основании рассмотренного в этом разделе материала можно высказать следующее заключение о времени возникновения четьего перевода: если цитаты в Пандектах Антиоха указывают на то, что этот перевод существовал уже в X в. и грамматическая корректность текста со следами некоторых архаизмов согласуется с этим указанием, то лексические его особенности не позволяют связывать его с какой-либо из более поздних болгарских переводческих школ,⁴⁸ напротив, наличие непереведенных грецизмов и слов, известных псалтыри, позволяет сблизить четий перевод III с кирилло-мефодиевскими переводами.

Особенности переводческой техники

Естественно, что четий перевод исключительно близко следует за своим греческим оригиналом, давая почти на всем протяжении удобопонятный и местами превосходный перевод. Эта удобопонятность при близости к оригиналу позволяет говорить о высоком достоинстве перевода.

Впрочем, не совсем удачным кажется перевод V, 17 отзрѣ — *ἀπέβλεψεν*, где ожидается значение «ускользнул, скрылся из виду». Трудности для

⁴⁶ А. И. Соболевский. Церковнославянские тексты. . . , с. 15. В это же время из латыни в греческий вошли также слова *ἀρμαρίον* < *armarium*, *ἀρμάτος* < *armatus*, *ἀρμελαύσιον* < *armelausia*. См.: E. A. Sornholcs. Greek lexicon of the Roman and Byzantine period (from BC 146 to AD 1400). Boston, 1870, p. 248—249. Эти материалы любезно указаны Н. Н. Казанским.

⁴⁷ П. Юнгеров. Книги Екклесиаст и Песнь песней в русском переводе с греческого текста LXX. Казань, 1916, с. 53.

⁴⁸ В оценке языковых особенностей болгарских переводческих школ мы принимаем мнение И. Голубова, показавшего, что между Преславской и Охридской школами не было существенного различия ни в лексике, ни в словоупотреблении. См.: И. Гольцов. Климент Охридски и ранните школи на стария български книжовен език. — Български език, 1966, № 5, с. 349—456, особо с. 451.

перевода представило слово *ἀκρόδρον* «плодовое дерево», трижды встречающееся в оригинале: IV, 3 *πλοῦθ' δρῦν*, V, 1 *πλοῦθ' κραιβάτων* — *χαρπός ἀκρόδρον*, VII, 13 *κραιβάτων* — *ἀκρόδρον*.⁴⁹ Если первый случай семантически точен, то в двух других калькирование греческого оригинала лишь затемняет смысл выражения.⁵⁰ Можно думать, что в первом случае отразилась редакторская правка, не перенесенная во второй и третий случаи. Ср., однако, примеры удачного морфологического калькирования: камыкомощение — *λίθωτρον*, прѣдѣстѣние — *προτείχισμα*.

В ст. III, 6 немотивированным представляется перевод греч. *στελέχη* (ед. *τὸ στελέχος*) словом *стѣльнѣ*, тогда как обычным переводом в этом случае является *стѣблище* (*стѣбло*, *стѣбль*). Можно, однако, думать, что именно форма *стѣблище* первоначально находилась в этом месте, ср. у Константина Кост. *стѣбло дыма*, в Острожской библии 1580 г. *стебло дымитса* (о связи этих текстов с четырьмя переводами см. ниже), ср. также в цитатах: *стебель дыма* (Слово на Рождество Богородицы инока Григория, ВМЧ, 1—14 сент., стб. 416), *стеблие дыма* (Слово Евфимия [Тырновского?] на Введение во храм Богородицы, ВМЧ, 21 нояб., стб. 3017). Ср., наконец, ст. III, 10, где слову *стѣльнѣ* отвечает греч. *στέλους*.

Перевод в ст. V, 15 греч. *βάσις* «база колонны» словом *подѣстѣльнѣ* показывает осведомленность переводчика в архитектуре, ср. в ГБ *степень* — вполне формальный перевод.

Гораздо больше для оценки перевода дает рассмотрение отступлений славянского текста от греческого оригинала. Впрочем, в ряде случаев можно и даже необходимо предполагать существование другого греческого текста, чем тот, который доступен теперь нам, так что в таких случаях речь идет о мнимых отступлениях (см. ниже). Все другие случаи отступлений можно поделить на две группы: 1) отступления, вызванные требованиями (давлением) славянской языковой системы; 2) отступления, вызванные стремлением к созданию выразительного (художественно выразительного) текста. Провести и обосновать четкую границу между этими двумя группами, кажется, невозможно: с одной стороны, соблюдение требований лингвистической системы есть одно из условий художественной выразительности (условие это, конечно, может быть нарушаемо, но лишь при наличии специального задания), с другой стороны, художественно выразительный контекст с достаточной полнотой вскрывает отношения внутри лингвистической системы. Таким образом, точнее оказывается говорить не о двух группах отступлений, а о двух причинах, вызывающих отступления: о давлении системы и экспрессивной установке. Но в каждом таком случае остается также возможность игнорировать как давление лингвистической системы, так тем более художественные задачи, предпочитая тому и другому буквальную точность. Именно на фоне такой возможности случаи отступления от оригинала можно рассматривать как проявление сознательного творчества; в ряде случаев иллюстрировать буквальный перевод можно примерами из толкового и других переводов III.

Прежде всего нужно сказать о свободе в передаче грамматической структуры оригинала, которая проявляется следующим образом.

1. Употребление двойственного числа при отсутствии его в греческом тексте; это явление вполне регулярно в большинстве древнеславянских переводов.

2. В большинстве случаев родительный принадлежности греческого текста передается прилагательным славянского текста. Ср.: II, 1 *цвѣтъ*

⁴⁹ Форма *κραιβάτων* сохранена лишь списком Q I 43.

⁵⁰ Понятно, что греческое слово могло вызывать затруднения у переводчика; оно известно Платону, Аристотелю, встречается в Тов., I, 7, 1 Маккав., XI, 34. См.: И. Корсуны и др. Перевод LXX. Его значение в истории греческого языка и словесности. Сергиев Посад, 1897, с. 498.

польский — *ἀνθος τοῦ πεδίου*, кринь оудольный — *κρίνον τῶν κοιλάδων*, IV, 2 стада острижена — *ἀγέλαι τῶν κεκαρμένων*, аналогично в ст. II, 7, III, 5, IV, 1, 13, VI, 4, VII, 3, VIII, 14. Особенно интересно при этом упоминание притяжательных прилагательных: IV, 1 стада козига — *ἀγέλαι τῶν αἰγῶν*, VII, 3 близница срънига — *δίδομοι δορκάδος*, VIII, 14 пѣтиць альнии — *πεβρός τῶν ἐλάφων*. Учитывая эту особенность перевода в случаях разночтений, исконым нужно признавать чтение с атрибутивным прилагательным, так, в ст. III, 7 болгарская редакция дает *одръ соломоновъ* — *ἡ κλίνη τοῦ Σαλωμων*, тогда как ряд списков русской редакции предлагают варианты *соломонъ*, *соломонъ*, которые и должны быть признаны первичными.

3. Вслед за древнееврейским оригиналом греческий текст содержит целый ряд предложений с опущенной связкой настоящего времени. Поэтому нужно отметить те случаи, где в противоречие с известным нам греческим текстом славянский перевод употребляет связку, см. ст. III, 6, V, 5, VI, 9, VIII, 5. Особо следует отметить введение причастия, выполняющего роль связки в ст. VII, 9 *довольнъ бываѣ устнама моима* — *ἰκανούμενος χεῖλεσι μου*.

4. В соответствии с преобладанием в славянских языках активного глагольного оборота имеются случаи передачи греческого медиопассива активом: V, 3 *свѣлѣкохъ ризу моѣ* — *ἐξεδούαμην τὸν χιτῶνα μου*, ср.: *свѣлѣкохъ са съ ризы моѣ* ГБ. В ст. VII, 2 греч. пассивное причастие заменено личной формой возвратного залога: *чаша истрѣгана не лиши са пива* — *μὴ ὑστερούμενος*, ср.: *нелишаема* ГБ; в ст. VIII, 5 на месте пассивного причастия выступает активное с частицей *са*: *вѣсланаѣши са* — *ἐπιστηρίζομένη*. Не ясно, какие причины заставили переводчика изменить в ст. V, 5 субъектно-объектные отношения оригинала: *отъ ржоку моюю змврна искапа* — *χεῖρες μου ἔσταξαν σφόδρα*. Ср. в паремийном переводе кн. Судей VI, 38 *искапа роса отъ роуна* (Slovník, s. v. *искапати*) — *ἀπερρώη ἡ δρόσος ἐκ τοῦ πόρου*. Однако в ст. IV, 11, V, 13 глагол *искапати* употреблен как переходный.

5. В славянском тексте не употребляется аорист 2 л. ед. ч., он регулярно заменяется перфектом, ст. IV, 9, V, 9, VII, 7. Действительно, форма аориста 2 л. ед. ч. является двусмысленной, так как она омонимична аористу 3 л. и, что более важно, повелительному наклонению 2 л. ед. ч. глаголов с тематическим гласным *-и-*. Это явление типично для древнего перевода Евангелия и Псалтыри,⁵¹ в толковом переводе такая замена не происходит.

6. Предложно-падежное сочетание греческого текста *ἐν* + дат. падеж регулярно переводится творительным беспредложным: II, 7, *силами и крѣпостями* — *ἐν δυνάμει καὶ ἐν ἰσχύεσι*, ср.: *въ силах и крѣпостехъ* ГБ. Аналогично в ст. V, 6, 8, VII, 9, VIII, 4. Ср., однако: IV, 9, *единожъ въ законѣ* — *ἐν μιᾷ ἐν θέρατι*. Здесь и соблюдение этого принципа в первой половине выражения, и отступление от него во второй оказываются более или менее неудачны; впрочем, это довольно темное место в греческом оригинале. В ст. VIII, 10 для передачи такой же предложно-падежной формы также используется предложно-падежное сочетание: *прѣдъ очима* — *ἐν ὀφθαλμοῖς*, ср.: *въ очию* ГБ. Во всех названных случаях на месте сочетания *ἐν* + дат. падеж в толковом переводе находим *въ* + мест. падеж. Четый перевод, таким образом, демонстрирует разные степени свободы в отношении этого сочетания.

7. В переводе довольно умело применяются некоторые возможности славянского словообразования, так, в ст. II, 9, 17 слово *альнищъ* переводит греч. *πεβρός ἐλάφων* «детеныш оленей». Ср. также *срънищъ* — *δορκου*.

⁵¹ См.: И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1959, с. 41 и след. Здесь, в частности, названы наблюдения В. А. Ногорелова, Ст. Словьского.

8. Едва ли стоило бы распространяться о такой черте славянской грамматики, как префиксальная перфективация,⁵² однако в связи с тем, что по спискам как варианты встречаются приставочные и бесприставочные глаголы (например, в ст. I, 3 *възлюбѣ, любѣ*, см. выше), следует указать, что появление приставочного аориста в славянском на месте бесприставочного аориста в греческом происходит довольно регулярно. Ср.: *възлюбѣ* I, 3, 6, III, 1, 3, 4 *ἠγάπησεν*, възлюбиша I, 2 *ἠγάπησαν*, съхранихъ I, 5 *ἐφόλαξα*, въподобихъ I, 6 *ὡμοίωσα*, украсиша сѧ I, 9, VII, 1 *ὠραιώθησαν*, оукраси сѧ VII, 6 *ὠραώθης*, заклахъ II, 7, III, 5, V, 8, 9, VIII 8 *ὠρῆσα*, сътвори III, 9, 10 *ἐποίησεν*, оудобриша сѧ IV, 10 *ἐκαλλιώθησαν*, оуследи сѧ VII, 6 *ἠδύνης*. Имеются, впрочем, немногие отступления, вероятно, связанные с семантикой славянского глагола: искахъ III, 1, V, 6 *ἐζήτησα*, звахъ III, 1, V, 6 *ἐκάλεισα*, ѣхъ сѧ III, 1 *ἐκράτησα*.

В лексико-семантической сфере свободный перевод не имеет регулярных проявлений и может быть продемонстрирован путем разбора отдельных мест.

Ст. I, 5 приставиша ма хранилицѣж — *ἐθεντό με φυλάκισσαν*, VI, 11 положи ма орѣжие — *ἔθετό με ἄρματα*, VIII, 6 положи ма ꙗко печать — *ἔθεξ με ὡς σφραγίδα*. Как видно, глагол *τίθημι* может переводиться различно в согласии с закономерностями сочетаемости слов в славянском языке.⁵³ В ГБ во всех случаях стоит *положити*.

Ст. IV, 7 и порока нѣсть на тебѣ — *καὶ μῶμος οὐκ ἔστιν ἐν σοί*, ср. въ тебѣ ГБ. Слав. *порокъ* означает *внешний изъян, зримое отступление от нормы*, ср. в Ипатьевской летописи под 6733 г.: от главы и до ногоу его не бѣ на немь порока (цитируется по «Материалам» Срезневского). Это значение особенно уместно в III, где описываются достоинства невесты; отступление от буквального перевода предложно-падежного сочетания опирается на эту семантику и сохраняет образный строй всего произведения. В христианском понимании это место является пророчеством о непорочном зачатии.⁵⁴ Осмысление «непорочного» зачатия как «безгреховного», вероятно, вторично и связано с регулярным семантическим переходом «внешний изъян» > «внутренний изъян», ср. переносное значение таких слов, как *грязь, мрак* и т. п., причем в идеологически насыщенном контексте вторичное значение естественно стремится к тому, чтобы вытеснить первичное, что грозит разрушением поэтической ткани произведения.

Ст. VI, 4 очи... възбыстристе ма — *ὀφθαλμοὶ ἀνεπτέρωσάν με*, ср.: възкрылиста ГБ. В четьем переводе, таким образом, отражено знакомство с переносным значением глагола *ἀναπτέρω*. Именно с этим значением «возбудить, воспламенить» глагол *възбыстрити* употреблен в «Беседах» Григория Двоеслова (см. Slovník, в «Материалах» Срезневского даны сходные по употреблению выписки из болгарских текстов X в.).

Ст. V, 7 обѣхъ дащеи въ градѣ — *οἱ κηλοῦντες ἐν τῇ πόλει*, ср. в ГБ буквальным перевод причастия *окружающу оградѣ*.

Ст. IV, 2 ꙗловы нѣсть — *ἀτεχνούσα οὐκ ἔστιν*, ср.: бещадѣства нѣсть ГБ. Данное выражение относится к овце, так что четий перевод при своей свободе гораздо точнее. В Вульгате *sterilis*. Аналогично в ст. VI, 5.

Ст. IV, 9 оуздвила неси срьдце наше — *ἐκαρδίωσας ἡμᾶς*, ср.: усрьдна ма сътвори ГБ. Оба перевода передают греческий глагол глагольно-именным сочетанием, однако в ГБ игнорируется сложившаяся семантика прилагательного *усрьдънии* «ревностный, старательный» (см. в «Материалах» Срезневского), четий перевод в стремлении точно выразить смысл под-

⁵² См.: A. D o s t á l. Studie o vidovém systému v staroslověňštině. Praha, 1954, s. 251.

⁵³ См. описание аналогичного явления в древнеславянском Евангелии: Е. М. В е р е щ а г и н. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. Изд. МГУ, 1971, гл. 3.

⁵⁴ Толковая Библия или Комментарий на все книги св. Писания Ветхого и Нового завета, т. 5. СПб., 1908, с. 64 (коммент. А. Глаголева).

линника отходит довольно далеко от буквы. Ср. также *осердѣчи* в древнерусском переводе с древнееврейского оригинала, *въсрьдѣчила юси настъ* Конст. Кост. В Вульгате *vulnerasti cor meum*. Даже если в двух последних случаях выбор переводчика чьего перевода определялся чтением Вульгаты, утверждение об относительно свободной передаче им своего греческого оригинала сохраняет полную силу.

Из первых переводческих школ, как кажется, только кирилло-мефодиевская позволяла себе известную свободу в отношении оригинала, в последующие десятилетия в условиях развития еретических вероучений переводчики уже не рисковали удаляться от буквы оригинала.⁵⁵ Возможно, что переход от свободы первых переводов священных текстов к буквализму последующих имеет универсальный характер, по крайней мере это имело место при возникновении Септуагинты.⁵⁶ Кажущаяся буквальность переводов Евангелия является, очевидно, результатом позднейших справ; так думают Ф. Гривец, К. Горалек и др.⁵⁷ К. Горалек, однако, полагает, что к буквальности перевода стремился уже Мефодий, чтобы избежать нареканий в ереси от латин и немцев. Если это и могло быть так, скажем, при дополнении евангелия-апракоса до тетра, то вряд ли это положение следует распространять и на III, не входившую в богослужение. К тому же следует еще раз подчеркнуть, что свобода чьего перевода сочетается с полной точностью в передаче оригинала.

Греческая основа чьего перевода III

Греческий текст III, как он представлен в авторитетном издании А. Ральфа,⁵⁸ с достаточной полнотой объясняет текст славянского перевода. Отступления от него, однако, есть; для их оценки было использовано издание Септуагинты Холмса-Парсонза,⁵⁹ основанное на несколько реконструированном тексте Ватиканского кодекса IV в. по Сикстинскому изданию 1707—1720 гг.⁶⁰ и содержащее в критическом аппарате в объеме III извлечения из 23 списков V—XV вв., цитаты из III у отцов церкви и текстовые особенности Альдинского (1518) и Комплютенского (1514—1517) изданий греческой Библии.

Отходя от основного текста по изданию А. Ральфа, славянский четий перевод имеет 15 случаев совпадения с чтениями кодекса 252 из аппарата Холмса-Парсонза; 13 — с Александрийским кодексом V в.; 12 — с кодексами 23, 106; 9 — с кодексами 161, 248; 8 — с кодексами 155, 296, 300; 7 — с кодексом 254; 6 — с кодексами 147, 157 и Комплютенской библией; 5 — с Синайским кодексом IV в. (в аппарате издания А. Ральфа) и кодексами 159, 253 и т. д.

Кодекс 252 представляет собою сборник X в., содержащий книги Иова, Притчей, Екклесиаст, III; кодекс 23 — полная Библия VIII в.; кодекс 106 — Библия XIV в.; кодекс 161 — сборник XIV в. из грузинского монастыря на Афоне, содержит книги Притчей, Иова, Екклесиаст, III; кодекс 248 — сб. XIII в., содержит книги Притчей, Екклесиаст, III,

⁵⁵ Д. И в а н о в а - М и р ч е в а. К вопросу о характере болгарских переводческих школ от IX—X до XIV века. — Старобългаристика, 1977, № 1, с. 37—39.

⁵⁶ P. de Lagarde. Anmerkungen zur griechischen Übersetzung der Proverbien. Leipzig, 1863, S. 3.

⁵⁷ F. Grivec. O svobodnih prevodih v staroslovenskih evangelijih. — Slavia, r. XXV, 1956; K. Horálek. K překladačské činnosti Metodejove. — Ibid. K. Горалек приводит аналогичные высказывания И. Вайса, А. Вайана.

⁵⁸ Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece juxta LXX interpretes edidit A. Rahlfs. Stuttgart, 1965. Сокращенно — LXX.

⁵⁹ Vetus Testamentum graecum cum variis lectionibus ed. R. Holmes et J. Parsons. T. I—V, Oxonii, 1798—1827.

⁶⁰ H. B. Swete. The Old Testament in Greek according to LXX. V. 1. Cambridge, 1895, p. IX; И. Е. Евсеев [Ред. на кн.: Н. Л. Туницкий. Книги XII малых пророков]. — ИОРЯС, т. XXIII, 1921, кн. 2, с. 285.

Иова, Премудростей Сирахова, Ездры, Есфирь, Товит, Иудифь; кодекс 155 — сб. XI в., содержит кн. Екклесиаст, III, Премудростей Сирахова; кодекс 296 — сб. XI в., содержит кн. Иова, Притчей, Екклесиаст, III, Премудростей Сирахова; кодекс 300 — рукопись XI в., содержит катены (свод толкований) на III; кодекс 254 — сб. X в., содержит кн. Иова, Притчей, Екклесиаст, III, Премудростей Соломоновых, Премудростей Сирахова и т. д.⁶¹ Таким образом, большинство кодексов, которым следует славянский перевод, представляют собою сборники приблизительно такого же содержания, как те, в которые входит славянский текст III.

Известные издания текста Септуагинты не объясняют, однако, всех без исключения чтений славянского перевода. Из рукописного греческого материала нам оказались доступны три рукописи Государственного Исторического музея: Греч. 30, XIV—XV вв., содержит Ветхий завет за исключением Псалтыри и пророков; Греч. 354, XII в., содержит пророков, все Соломоновы книги, Премудрости Сирахова, Есфирь, Иудифь, Товит, Маккавейские; Греч. 147, XIII—XIV вв., содержит катены на Иова, Притчи, Екклесиаст с толкованиями, III с толкованиями, Премудрости Соломоновы, Премудрости Сирахова. Если первые две рукописи в объеме III не дают ничего своеобразного рядом с известными изданиями, то последняя содержит довольно большое число индивидуальных чтений, из которых два объясняют два места славянского перевода, не получившие объяснения по печатным изданиям: ст. I, 7, на селѣхъ стадъ своихъ = ἐπὶ σκηνώματι τῶν ποιμνίων σου Греч. 147, ἐπὶ σκηνώματι τῶν ποιμένων σου LXX «на селах пастухов твоих»; ст. II, 9 се стоитъ = ἰδοὺ (αὐτός) ἵσταται Греч. 147, ἕστηκεν LXX «стоял».

Еще одним источником греческого текста III оказываются другие, помимо Септуагинты, переводы Ветхого завета на греческий язык, а именно Акилы, Симмаха, Феодотиона, а также «пятый» и «шестой», по обозначению Оригена, — все эти переводы сохранены в гекзаплах Оригена.⁶² Так, в ст. I, 6 прич. обьходаци соответствует, вероятно, тексту Симмаха ῥεμβομένη от ῥεμβομαι «скитаться», а не περιβαλλομένη LXX, довольно неясного содержания; III, 6 отъ всего праха стоит ближе к чтению «других», по Оригену, переводов ἀπὸ πάντος χυός, тогда как в LXX мн. ч. ἀπὸ πάντων κοινόρωτων; слово мьчь в ст. III, 8 соответствует, видимо, μάχαιρα, как у Акилы, а не ῥομφαία LXX «копье, оружие»; ст. VII, 8 имжса за вѣтви ѱго = κρατήσω τῶν βαιῶν αὐτοῦ Симмах, ср. ГБ: удръжку высоту ѱго = κρατήσω τῶν ὕψων αὐτοῦ LXX. Некоторые чтения этих переводов проникают в греческие тексты Септуагинты: так, приведенное выше чтение греческой рукописи Греч. 147 в ст. I, 7, по свидетельству Оригена, принадлежит «другим» переводам; чтение ст. III, 6 помещено в качестве схолии в кодексе 161. Исследователи отмечают, что вообще для поздних антиохийских и константинопольских текстов характерно эклектическое включение чтений и вариантов из «других» переводов,⁶³ так что можно полагать, что в основе четъего перевода лежал один из таких списков.

Наконец, некоторые чтения четъего перевода не находят себе соответствия в доступных источниках греческого текста. Так, в ст. I, 4 слову ѡла должно бы соответствовать греч. δέρη (δέρα), однако LXX и все другие переводы дают здесь δέρρεις (δέρρις) «кожа, шкура»; в ст. III, 6 кѣтоность въсходди не находит соответствия мужской род славянского причастия, в греч. ἡ ἀναβαίνουσα;⁶⁴ в ст. III, 11 видите... царя Соломона

⁶¹ Сведения о греческих кодексах приводятся по кн.: A. R a h l f s. Verzeichnis der griechischen Handschriften des Alten Testament für Septuaginta—Unternehmen. Berlin, 1914.

⁶² См.: Origenis Hexaplorum quae supersunt ed. Fr. Field. T. 1—2, Oxonii, 1875.

⁶³ И. Е. Е в с е в. Книга пророка Исаи. . . , с. 25—28; D. B a r t h e l e m y. Les devanciers d'Aquila. Leiden, 1963, p. 127.

⁶⁴ Некоторые комментаторы полагают, что речь в этом стихе идет о женихе, а не невесте, чем может быть оправдан муж. род. См.: А. А. О л е с н и ц к и й. Книга Песнь песней и ее новейшие критики. Киев, 1882, с. 358—360.

вѣтъньцъ устранен синтаксический гебраизм греческого текста ἴδατε ἐν τῷ Σαλομών τὸν στέφανον (чтение Афанасия Александрийского, в LXX ἐν τῷ βασιλεῖ κтл.). Ср. в Острожской библии: видѣте въ цри солomonу въ вѣтъньцъ; IV, 9 иньгда отъ очю твоюю — ἐνὶ ἀπὸ ὀφθαλμῶν σου «единым от твоих очей»; вероятно, переводчик читал в своем оригинале ἕνια ἀπὸ κтл.; чтение V, 5 *тѣгда же заворж* не удастся удовлетворительно объяснить на основе существующих греческих текстов. Можно надеяться, что дальнейшая разработка греческого рукописного материала обеспечит исследователей славянских текстов более надежными источниками.

Четый перевод и хорватская глаголическая традиция

Три рукописи среднеболгарской редакции в ст. IV, 7 дают чтение ξ̄ е(сть) црь ѿ п̄ женимъ, где появление омеги на месте буквы иже можно объяснить лишь на основе графики хорватской квадратной глаголицы, где эти буквы имеют сходное начертание: — омега, — иже. Сходное начертание эти буквы имеют и в более ранних текстах, написанных глаголицей «полукруглого письма», как например, в отрывках Апостола Гршковича конца XII — начала XIII в.: — омега, — иже.⁶⁵ Окружение букв, употребленных с числовым значением (ξ, π), создает здесь благоприятные условия для смешения двух литер. Можно предположить, что на основе такого же смешения появилось в ст. VII, 13 написание краѡ вѣтво плоди.

Таким образом, есть серьезное основание считать, что протограф среднеболгарской редакции был списан с хорватской глаголической рукописи квадратного (или даже полукруглого) письма, которая в свою очередь должна была быть написана в XII—XIII вв. Можно, следовательно, допустить, что библейские ветхозаветные тексты были известны в хорватской письменности не только в виде «изборов» в составе католического часослова, но и в отдельных четьих списках. Свидетельство о хорватском глаголическом оригинале среднеболгарской редакции оказывает серьезную поддержку выводу о мѣфодиевском происхождении четьего перевода ПП.

Как известно, с 1389 г. отрывки из ПП стали включаться в католическую службу навечерия Рождества Богородицы,⁶⁶ чем был открыт доступ этому тексту в хорватские глаголические бревиарии, где он сохранился почти в полном объеме за исключением 2-й главы.⁶⁷ И. Берчич, однако, опубликовал текст ПП по Пасманскому и Брожичеву часословам и миссалу 1483 г. в следующем неполном объеме: I, 1—7, 11, II, 6, 8—14, III, 1—11, IV, 1—14 (стихи 5, 6 частично), VI, 8 (частично), 9, 12, VII, 6 (частично), VIII, 3, 7.⁶⁸ В целом этот текст следует за латинскими образцами — Вульгатой и Vetus Latina (древний перевод I—II вв. с греческого оригинала), однако в тех случаях, когда латинские и греческий тексты LXX не расходятся между собой, можно отметить ряд стихов, полностью совпадающих по своему языковому выражению с четьим переводом: II, 14 гласъ убо твои сладак и лице твое красно, III, 9, носило створи себѣ цесарь солонун от дрѣв ливанских, III, 11 имже вѣнча и мати своѣ в дань женитви (женения) его и в дань веселиѣ срѣдца его, IV, 10 и вона риз твоих пѣче

⁶⁵ И. В. Я г и ч. Глаголическое письмо. — В кн.: Энциклопедия славянской филологии, вып. 3. СПб., 1911, с. 190, 204; J. V a j s. Rukovět' hlalolské paleografie. V Praze, 1932, s. 83, 95, 140.

⁶⁶ V. Š t e f a n i ć. Glagolski rukopisi jugoslovenske Akademije, t. 1. 1969, s. 126.

⁶⁷ J. V a j s. Nejstariš breviar' chrvatsko-hlalolský. (První breviar' Vrnbický). V Praze, 1910, s. XX, LXXVII; J. H a m m. Clagolizam i njegovo značenje za Južne Slavene. — Slavica, r. XXV, 1956, s. 319.

⁶⁸ I. B e r ě i ć. Ulomci svetoga pisma obojega uvjeta staroslovenskim jezikom. Dil 2. Praha, 1864.

всех араамат, IV, 11 сат капае устѣ твои невѣсто моѣ (моѣ нет), мед и млеко под езиком твоим (ти), VIII, 3 шуица его под главою моею и десница его обимет ме (в скобках приведены варианты четьего перевода). Естественно предположить, что это сходство и даже тождество слововыражения объяснано общему истоку, а не возникло случайно или в результате позднейшего влияния списков четьего перевода на хорватский перевод с Вульгаты. Нужно поэтому полагать, что в хорватских глаголических часословах сохранился тот же самый четий перевод III с греческого оригинала, подвергшийся позже правке по латинским образцам. По мнению А. В. Михайлова, изменения по латинским образцам у хорватов «могли входить в кирилло-мефодиевские тексты по частям и едва ли ранее второй половины XI в., эпохи Григория VII, когда Римская курия проявила особенную заботливость о полном единении католических церквей на почве обряда. Впрочем, возможно также, что кирилло-мефодиевское наследие стало изменяться у хорватов по уставам западной церкви и позднее, именно с половины XIII в., когда запрет с хорватской народной церкви был снят самими папами и хорваты (белое духовенство), не имея нужды скрывать своих книг от латинян, начали сами добровольно исправлять их в латинском духе».⁶⁹

Во всяком случае, тот предполагаемый хорватский глаголический оригинал, с которого была скопирована среднеболгарская редакция, еще вполне свободен от какого бы то ни было влияния латинских текстов.

История четьего перевода

Таким образом, рассмотренные материалы могут быть удовлетворительнее всего объяснены в согласии с XV гл. жития Мефодия, содержащей рассказ о полном переводе Библии. Обычное соседство в сборниках текста III с книгами Екклесиаст, Притчей, Премудростями Соломона и Сирахова позволяет предположить, что собрание этих книг было объединено при переводе в отдельный кодекс. Видимо, тогда же были переведены книги Царств, находящиеся, в частности, в рукописи F.I.461 ГПБ и относимые А. И. Соболевским к моравским переводам, а Р. Р. Нахтигалем к переводам, выполненным в западной Македонии,⁷⁰ и Апокалипсис, перевод которого мог быть выполнен в западной Македонии.⁷¹ Соотношение языка всех названных текстов нуждается в исследовании.

Ранние цитаты из III — в Беседах папы Григория Двоеслова (по рукописи ГПБ XII в., собр. Погодина, 70, здесь читаются стихи I, 1, 3, 5, 6, II, 2, 5, 6, 8, III, 2, 3—4, IV, 9, V, 5, 6, VIII, 6⁷²), в Супрасльском сборнике (I, 3, IV, 12, 16⁷³), у византийских проповедников, переведенных уже к XI в. (Иоанна Златоуста и др.), — лишь случайно совпадают с четвым переводом. В подавляющем большинстве случаев славянские переводчики предпочитали давать собственный перевод цитат, во-первых, потому что нужные тексты Св. писания не всегда были под рукой или не всегда были на памяти (поскольку дело идет о небогослужебных текстах), во-вторых, они не всегда могли опознать невыделенную цитату.⁷⁴ Это же наблюдается и в более позднее время: так, заново переводятся цитаты в беседах Иоанна Златоуста на кн. Бытия по переводу 1426 г., даже

⁶⁹ В. Михайлов. К вопросу о литературном наследии свв. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях. Варшава, 1904, с. 23.

⁷⁰ А. И. Соболевский. Церковнославянские тексты... с. 14—16; Р. Р. Нахтигаль. Несколько заметок... с. 220—221.

⁷¹ V. Oblak. Die kirchenslavische Übersetzung... S. 347.

⁷² См.: I. Páclová. Přehled staro- a novozákonních lekcí Besěd Řehore Velikého. — Slavia, r. XLV, 1976, s. 36—45.

⁷³ См.: A. Vaillant. Les citations des Écritures dans le Suprasliensis et le Clodianus. — Slavistična revija, t. X, 1957, s. 34—40.

⁷⁴ А. В. Михайлов. Опыт... с. ССІ—ССІV.

в XVII в. чудовский инок Евфимий зачастую по-своему передавал цитаты из Св. писания.⁷⁵

В сочинениях прямых учеников Кирилла и Мефодия цитат из ПП не обнаруживается. Можно обратить лишь внимание на известное сходство слововыражения в контексте, допускающем аллюзию к ПП, в Учительном евангелии Константина Болгарского: *также въ чювьствѣнѣхъ садѣхъ различни плоди соуть и овѣ сладкѣ въ грѣтани овѣ ихъ на балъство ключимъ* (ГИМ, Синодальное собр., № 262, л. 203).

Иоанн Экзарх Болгарский упоминает название ПП: Стихирьскыя Иововы, Псалтырь, Паримит Соломона, Юккисидъ сегоже, Азма азматскаа тогожде (О числе книг Св. писания).⁷⁶ Хотя название книги не переведено, а лишь морфологически славянизовано, едва ли можно думать на этом только основании, что Иоанн не знал перевода: в перечне названия всех книг даны по-гречески с морфологической славянизацией.

Как уже указывалось, из более поздних южнославянских авторов знакомство с четвым переводом ПП обнаруживает патриарх Евфимий Тырновский; у Константина Костенецкого две цитаты совпадают с четвым переводом (IV, 4, VII, 6), одна независима от него (I, 2).⁷⁷ Среднеболгарская редакция, которая должна была испытать влияние ученой деятельности Евфимия Тырновского и его последователей, не содержит, однако, никаких следов сверки с греческим оригиналом: это видно из того, что среднеболгарская и русская редакции объясняются одним и тем же греческим оригиналом. Не исключено, впрочем, что в заслугу Евфимию Тырновскому и его школе нужно поставить извлечение ПП из недр глаголической письменности.

Легко убедиться, что при переводе ПП с толкованиями Феодорита Киррского (см. выше, примеч. 12) Константин Костенецкий использовал четый перевод. Так, отдельные стихи в его переводе почти полностью совпадают с чтением четьего перевода, ср. (в скобках приведены отличающиеся слова и формы четьего перевода): I, 2—3 сего ради юние възлюбите те, привлѣкоше (вѣдоша) се въ слѣд тебе. . . Въведе (веде) ме царь въ клѣтъ свою, възрадоуем (да възрадоуемъ) се⁷⁸ и възвеселим се о тебе, възлюбим съсѣд твои паче вина. В других случаях, когда перевод Константина отличается от четьего перевода, в составе толкования на стих зачастую употребляются слова четьего перевода, ср.: II, 5 погадаема любовію азъ, в толковании — бодѣна юсмъ, II, 5 уставите на мнѣ любовь, в толковании — възчините мѣне любовь и т. п.

Трудно понять полное отсутствие каких-либо следов четьего перевода у восточных славян до XV—XVI вв. Немногие цитаты из ПП у Кирилла Туровского приближаются по форме к цитатам в славянских переводах слов Иоанна Златоуста.⁷⁹ Совершенно очевидно, что в конце XV в. в Новгороде не было списков четьего перевода, и это принудило составителей ГБ извлечь неполный текст ПП из состава толкований Филона Карпафийского. Вместе с тем, как уже говорилось, русские списки XV—XVI вв., содержащие четый перевод, лишены ярких признаков южнославянского оригинала в орфографии, следовательно, четый перевод попал на Русь в виде довольно раннего списка, в котором среднеболгарские черты в орфографии не получили заметного развития. Возможно, списки четьего пе-

⁷⁵ Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки, т. II, ч. 1, с. 50—52, ч. 2, с. 118.

⁷⁶ См.: К. Ф. К а л а й д о в и ч. Иоанн, Экзарх Болгарский. М., 1824, с. 134.

⁷⁷ В Сказании о письменах. См.: И. В. Я г и ч. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1895, с. 197.

⁷⁸ Вероятно, Константин читал в своем греческом оригинале ἀγαλλιασόμεθα (буд. время), как в кодексе 106, тогда как основная масса греческих списков дает ἀγαλλιασόμεθα (императив).

⁷⁹ Именно стихи I, 1, 4, II, 5, III, 7—8, V, 8. Цитаты у Кирилла Туровского см.: ТОДРЛ, т. XII, с. 353; т. XIII, с. 424—425; т. XV, с. 342; у Иоанна Златоуста: ВМЧ, 13 нояб., стб. 1746, 1747, 1748, в «Материалах» Срезневского на слово *смагла*.

ревода до времени имели хождение лишь в землях Западной Руси, входивших в юрисдикцию Константинопольского патриарха. Действительно, в БК, сборнике библейских книг, составленном в Супрасльском монастыре одновременно с Геннадиевской библией, текст ПП представлен в четвѣм переводе по списку, обладающему чертами особой близости с болгарской редакцией. Западнорусское происхождение можно также предполагать у Погод. 78, 227, Троицк. 773, списки ОИДР 1, 2 — как полагают, псковского происхождения — также могли быть связаны с Западной Русью. В связи с этим необходимо, видимо, согласиться с И. Е. Евсеевым в том, что Западная Русь полнее сохраняла наследие Мефодия.⁸⁰

Недостаточная известность Песни песней восточным славянам стимулировала появление новых переводов, каковыми явились перевод ПП с толкованиями Филона Карпафийского, включенный в Геннадиевскую библию, и перевод ПП с древнееврейского оригинала (см. примеч. 12). Если связь последнего с традиционными славяно-греческими версиями исключительно слаба и случайна, то первый находится в очевидной зависимости от четвѣго перевода ПП. Точно так, как и в случае с Константином Костенецким, зависимость эта выражается прежде всего почти полным совпадением в чтении отдельных стихов. Ср.: I, 1—2 (в скобках отличия четвѣго перевода) ꙗко блага съска (съсца) твоя паче вина. и вона мира твоего (мурь твоихъ) паче всѣхъ вонь (аромать). мюро излано има твое. Лексические варианты четвѣго перевода включаются в толкования тех стихов, перевод которых сделан самостоятельно: I, 5 положиша ма стража, в толковании — приставиша, I, 6 аще не оувѣдѣ тебе, в толковании — аще не разоумѣши сама себе, V, 4, оудивиса, в толковании — оужасеса и т. д. Знакомство переводчика толкового перевода с четвѣм переводом при неизвестности последнего восточным славянам заставляет думать, что толковый перевод был совершен за пределами восточнославянских земель, т. е. на Афоне или в Константинополе.

Созданная на Волыни, т. е. в Западной Руси, Острожская библия также отразила в себе знакомство с четвѣм переводом, хотя основным ее источником явился толковый перевод, входивший в состав «древнего кодекса», полученного издателями от московского государя, т. е. копии с Геннадиевской библии, как это показали в свое время с полной убедительностью А. В. Горский и К. И. Невоструев в своем «Описании славянских рукописей». Влияние четвѣго перевода ПП на текст ПП в Острожской библии проявляется более или менее случайно. Ср.: II, 1 Азь цвѣтъ полныи и кринь оудолныи, ОБ, азь цвѣтъ полскыи кринь удолныи Четий перевод, азь цвѣтъ полю крина же оудольемъ ГБ; II, 14 и оуслышанъ сътвори ми глас твой ОБ, и услышан створи ми глас свои Четий перевод, и оуслышю глас твой ГБ. Примеры такого рода немногочисленны, но все же имеются. В некоторых случаях, как кажется, обращение издателей Острожской библии к четвѣму переводу было связано с недостаточным пониманием греческого текста. Так, греч *ὡς σπάρτιον τὸ κόκκινον χεῖλη σου* в ст. IV, 3 и VI, 6 было переведено в толковом переводе ꙗко скоролоупла родиѣ аблько твое, в четвѣм — ако облоуцѣние пшпка аблько твое, причем в русских списках четвѣго перевода чтение этого стиха искажено — *оброуцѣние, обруцѣние* (см. выше); в Острожскую библию попадает именно этот искаженный вариант *обращение* IV, 3, *оброуцѣние* VI, 6, поскольку чтение толкового перевода представлялось издателям темным. Здесь опять уместно вспомнить мнение И. Е. Евсеева о том, что в объеме книг Бытия и Иисуса Навина издатели Острожской библии использовали не дошедшие до нас списки мефодиевского четвѣго перевода этих книг;⁸¹ то же самое справедливо и по отношению к тексту Песни песней.

⁸⁰ И. Е. Евсеев. Рукописное предание славянской Библии. СПб., 1911, с. 30—31.

⁸¹ И. Е. Евсеев. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916, с. 82, 84.

Текст четвертого перевода Песни песней издается по списку ГПБ, F.I. 461, XIV—XV вв., л. 365 об.—369 об. с сохранением среднеболгарской орфографии; титла не раскрываются, выносные буквы вносятся в строку и выделяются курсивом, в отдельных случаях в скобках вносятся недостающие буквы, надстрочные знаки, кроме сократительных титлов, опускаются. Все исправления в тексте оговариваются, они касаются только случаев явной порчи текста или затемненности его в результате орфографической путаницы. Разночтения из других списков приводятся несистематически и имеют целью, во-первых, способствовать реконструкции протографа, во-вторых, отмечать типичные лексико-грамматические особенности русской редакции (РР), отражающие ее древнеболгарское происхождение, но не ее ошибки. Разбивка на главы или стихи в рукописях отсутствует и выполнена при настоящем издании.

Пѣнїи пѣнїа Соломонѣ сѣна Давидова

Глава I.

1. Пѣнїа¹ пѣнїи, еже ес(ть) Соломонѣ. Да лобжет ма ѿ лобзанїа оусть² его, яко блага съсца твоя паче вина, 2. и вонѣ мурь твоихъ паче въскъхъ аромать. Міро излѣано има твое. Сего ради юныа възлюбишѣ та, 3. ведошѣся въслѣдъ тебе, на вона мира твоего потечемъ. Веде³ ма црѣ⁴ въ клѣтѣ свод. Да възрадуемѣа и възвеселимѣа ѿ тебѣ, възлюбимъ съсца твоя паче вина. Правос(ть) възлюби та 4. Чръна есмь и добра, дъщеря іеруслѣмскїа, яко села кидар'ска и яко выѣа Соломонѣ. 5. Не зрите мене, яко⁵ азъ есмь очрънена⁶, яко прѣзрѣ ма слнце. Сновѣ мѣре моеж сварїшѣся на ма, приставишѣ ма хранилицѣ⁷ въ виноградѣ, виноградъ моихъ⁸ не съхранихъ. 6. Възвѣсти ми, егоже възлюби⁹ дша моя, где пасеши, где лежиши¹⁰ въ полоудне, еда¹¹ когда бждѣ яко обходящи¹² по стадѣхъ¹³ другъ твоихъ? 7. Аще не¹⁴ разоумѣши себѣ¹⁵, добраа въ женахъ, излѣзи ты запать¹⁶ стадъ твоихъ и паси козлища своа на селѣхъ стадъ своихъ. 8. Конемъ моимъ въ оржи¹⁷ фараони въпод(об)ихъ та, искрѣнѣа моа. 9. Како украсишѣся челюсти твоя, яко грѣлици,¹⁸ выа твоя яко монисто! 10. Въ под(об)їи злат(а) сътворим ти съ пѣстротами сребра. 11. Дондеже црѣ¹⁹ на възлеженїе свое, нарѣ мой дас(ть) вона своа. 12. Іаъзель стагта братоучадъ мой мнѣ, посрѣд(ѣ) съсцоу моею въдворитѣа. 13. Гроздъ цвѣта^а братоучадъ мой мнѣ въ виноградѣхъ въ гад'ди. 14. Се еси добра, искрѣнѣа моа, се еси добра, очи твои голжбинѣ. 15. Се еси добръ, братоучадъ мой, ибѣ красенъ, къ ѿдроу моему състнень. 16. Грады^б,²⁰ домовъ²¹ наю — кедрї, стропаа стелѣ наю — кипариси.

Глава II.

Азъ цвѣтъ пол'скыи, крїнь ждолныи.²² 2. Іакоже крїнь посрѣд(ѣ) грѣнїа, тако искрѣнѣа моа посрѣд(ѣ) дъщерь. 3. Іако аблко въ дрѣвѣхъ²³ лжага, тако братоучадъ мой посрѣд(ѣ) снов. Подъ стнѣ²⁴ его възделѣхъ и сѣдохъ,

² Испр.; в ркп. свѣта, тѣхъ кѣпроу, ⁶ Испр.; в ркп. градыи

¹ пѣнїе Пог. 78 и др., ѣзма LXX, ѣзмата 23, ² оустень Син. 251 и др., ³ въведе РР (=ГБ), εἰσῆνευχε, ⁴ црѣ Пог. 81 и др., ⁵⁻⁶ очрънена есмь азъ Троицк. 773 и др., ⁷ хранилица Рум., хранилицу Пог. 78 и др., ⁸ мои Троицк. 773 и др., ⁹ любви Троицк. 773 и др., любит Барс. 12, ¹⁰ живеши Син. 251 и др., ¹¹ егда Троицк. 773 и др., ¹²⁻¹³ посрѣдѣ РР, ¹⁴⁻¹⁵ разоумѣи и себе РР, ¹⁶ от РР, ¹⁷ оружїи Пог. 81 и др., ¹⁸ горлицѣ ОИДР I, ¹⁹ црѣ Пог. 81 и др., ²⁰ грады Пог. 81 и др., дохої, ²¹ домови Пог. 81 и др., оїхѣн. ²² юдолныи Троицк. 773 и др., ²³ дрѣвѣ Рум., ²⁴ стнїю РР, ὑπὸ τῆρ σκῆν

плод его сладокъ въ грѣтани моемъ. 4. Въведѣте ма въ дѣмъ вина, в. ²⁵оучините на ма любовь, ¹, ²⁶ 5. оутврьдите ма въ мѣрѣхъ, ^{д.} ²⁷ положите ма въ аблѣцѣхъ, яко бодена есмь ²⁸азъ любовіа. ²⁹ Шоуица его на главѣ моеи, и десница его обымет ма. 7. Заклахъ вас, дѣщера іерслима, ³⁰ сілами и крѣпос(т)ми селнами, аще въздвигнете ^{е.} ³¹ и вѣставите любовь, дондеже възхоцет. 8. Глас братоучада моего — се съ приидеть, ³² скача по горамъ, играж по хльмомъ. ³³ 9. Под(о)бенъ ес(т) братоучад мой срѣтѣ ли ланицоу ³⁴ по горамъ еѣил'скамъ. Се стоить за стѣнож нашеа, прѣкницаж сквозѣ окън'ца, изницаж скозѣ ³⁵ мрѣжж. ³⁶ 10. И ³⁷ ѡвѣщаваеть ³⁸ братоучадъ мой, глет ми: вѣстани, прииди, искрѣнца моа, добраа моа, голжбице моа. 11. Яко се зима прѣиде, дѣждъ ³⁹отиде, отшелъ ⁴⁰ себѣ, 12. цвѣтъ гависа на земли, врѣма портзаніа приспѣ, глас грѣлици и ⁴¹ оуслышанъ быс(т) на земи нашеи, 13. смоковница ⁴² издѣ пжкы своа, виногради цвѣтжт и ⁴³ даша вона. Вѣстани, прииди, искрѣнца моа, добраа моа, голжбице моа, и прииди 14. ты, голжбице моа, въ покровѣ камени адѣ ⁴⁴ прѣдстѣніа. Покажи ми лице свое и оуслышанъ створи ми глас свои, яко глас твои сладокъ и лице твое красно. 15. Имѣте намъ лисица малы, казаша винограды, виногради нши цвѣтжтъ. 16. Братоучадъ мой мнѣ и азъ томъ, ⁴⁵ насыи въ крѣпѣхъ. 17. Дондеже провонѣтса днѣ и подвижнѣтса стѣневе, възвратиса, оупод(о)биса ты, братоучаде мой, срѣницоу или алницоу ⁴⁶ на горахъ глжины.

Глава III.

1. На ложки моемъ въ ноцехъ искаж, егоже възлюби дѣша моа. Искаж его и не ѡбрѣтохъ, ⁴⁷ звахъ его и не послуша мене. 3. Обрѣтошж ма стрѣгжщей и обходащей въ градѣ. Еда ⁴⁸ егоже възлюби дѣша моа видѣсте? 4. Егда малѡ ѡидохъ ѡ нихъ, дондеже обрѣтохъ, егоже възлюби дѣша моа. Жхса за нь и не оставихса его, дондеже въведохъ и въ домъ мѣре моеа и въ клѣтъ зачѣньшаа ^{ж.} ⁴⁹ ма. 5. Заклахъ вас, дѣщера іерслимскыж, сілами и крѣпос(т)ми селнами, аще въздвигнете и вѣставите любовь, дондеже възхоцет. 6. Кто ⁵⁰ ес(т) възходяи ѡ поустына, яко стльпъ дыма, окаженъ змѣрнож и ливаномъ ѡ всего праха мѣротворца. ^{3.} ⁵¹ 7. Се ѡдръ Соломонъ, ⁵² ξ ⁵³ сіленъ окрестъ его ⁵⁴ ѡ сіленъ ісаиравъ, 8. вѣси дрѣжжщей копіа, изѣоучени брани, мжжъ мечъ емоу при бедрѣ своеи ѡ страха ноцнаго. 9. Носило створилъ ⁵⁵ себѣ црѣ ⁵⁶ Соломонъ ѡ дрѣва ливан'скаго. 10. Стльпъ ⁵⁷ семоу створилъ ⁵⁸ сребрѣный, възлеженіе его злато, възхожденіе же ⁵⁹ его порѣфиро, жтрѣнее его камыкомощеніе любви ѡ дѣщерь ерслим'скыж. 11. Излѣзите и видите, дѣщера сіонскыж, ⁶⁰ вѣнѣць црѣ Соломона, ⁶¹ имже вѣнчѣ его мти своа въ днѣ жененіа его и въ днѣ вес(е)ліа срдца его.

^{в-г} *Испр.*; в ркп. оучите ма на любовь; *τάχατε ἐπ' ἐμὲ ἀγάπη, ἡ* *Испр.*; в ркп. мѣрѣ, ἐν μέτροις; ^е *Испр.*; в ркп. въздвигне; ^ж *Испр.*; в ркп. зачѣньшаа, τῆς συλλαβοῦστας. ³ *Испр.*; в ркп. ми

²⁵⁻²⁶ оучините на ма любовь *PP*, ²⁷ мѣрѣхъ *БК* (= *ГБ*), ²⁸⁻²⁹ любовью аз *PP*, ³⁰ іерслимскыж *Рум.*, *Пог. 81* и др., ³¹ въздвигнете *Рум.*, *Щук.*, *PP*, ³² приидѣ *PP*, *Тхел.*, ³³ хльмомъ *Рум.*, *PP*, ³⁴ алницоу *Щук.*, алницоу *ОИДР 2*, ланицоу *PP*, ³⁵ так *БК*, сквозѣ *Рум.*, *PP*, ³⁶ скважню *Пог. 81* и др., ³⁷ нет *PP* (= *греч.*), ³⁸ ѡвѣщаает *PP*, ³⁹⁻⁴⁰ ѡшелъ отиде *PP*, ⁴¹ нет *PP* (= *греч.*), ⁴² смоквица *Q 143*, ⁴³ нет *PP* (= *греч.*), ⁴⁴ близъ *PP*, ⁴⁵ ономоу *PP*, *αὐτῷ*, ⁴⁶ так *ОИДР 1*, *Унд.* *1121*, ланицоу *PP*, ⁴⁷ доб. его *PP*, *αὐτόν*, ⁴⁸ егда *PP*, ⁴⁹ зачѣньшаа *Пог. 81* и др., зачѣньшаа *ОИДР 1*, ⁵⁰ доб. съ *Арх. 3*, сеи *БК*, сеи *Пог. 81* и др., ⁵¹ мѣротворца *PP*, ⁵² Соломонъ *PP*, ⁵³⁻⁵⁴ окрестъ его сіленъ *PP*, ⁵⁵ створи *PP*, ⁵⁶ црѣ *Пог. 81* и др., ⁵⁷ столпы *ОИДР 1* *στόλους*, ⁵⁸ створи *ОИДР 1*, ⁵⁹ нет *Рум.*, *PP* (= *греч.*), ⁶⁰⁻⁶¹ црѣ Соломона вѣнѣць *PP*, *εὐ*

Глава IV.

1. Се еси добра, ⁶²искр'нѣа моа, се еси добра, ⁶³очи твои голжбинѣ, развѣ мл'чаніа твоего. Владѣ твоа іако стада козіа, іаже ѿкрышѣса ѿ Галаада. 2. Жби твои іако стада острижена, ⁶⁴аже изыдоша ⁶⁵ѿ бана, всѣа ⁶⁶близнечныа и галовы нѣс(ть) оу ⁶⁷них. 3. Іако врѣвь чрѣвена оустнѣ твои и бесѣда твоа красна. Іако облоущеніе шипка аблѣко твое развѣ млѣчѣніа твоего. 4. Іако стлѣзь Двѣдвѣ выа твоа, създанныи въ Тал'фицѣть, тысящи шить виси ⁶⁸на немь, всѣа стрѣлы сілных. 5. Оба съсѣа твоа іако два птица ⁶⁹близнеца срѣнѣ, іаже пасома въ кринѣхъ. 6. Дондеже провонѣтса днѣ и подвигнѣтса стѣневе, и поидѣ ^и, ⁷⁰себѣ на горѣ змир'нскѣ и на хлѣмъ ливан'кы. ⁷¹7. Вѣсѣ добра, искрѣнѣа моа, и порюка нѣс(ть) на тебѣ. 8. Гради от Ливана, невѣсто, гради ѿ Ливана! Придеши и проидеши ѿ зачала вѣры, ѿ главъ ⁷²Санирь и Ермонъ, ѿ оградъ львовъ, ѿ горь ⁷³рысеи. 9. Оуызвила еси срѣце наше, сестро моа невѣсто, оуызвила еси срѣце наше иногда ѿ очію твоею, едінож въ законѣ ^и, ⁷⁴выа твоеа. ^и, ⁷⁵10. Что ѿдобристаса съсѣа твоа, сестро моа невѣсто, что ѿдобристаса съсѣа твоа ѿ вина и вонѣ ризѣ твоихъ паче всѣхъ арумат'а? 11. Сѣт каплета ^и, ⁷⁶оустнѣ твои, невѣсто, медь и млѣко подѣ жзыком ти, и вонѣ ризѣ твоихъ іако вонѣ ливан'ска. 12. Врѣтоградъ затворенъ, сестро моа невѣсто, врѣтоградъ затворенъ, ⁷⁷источникъ запечѣтлѣнъ. 13. Посланіа ⁷⁸твоя ⁷⁹раи сѣ плод(о)мъ дрѣвномъ, цвѣтъ с' нарды, 14. нарды и крокосъ, ^и, ⁸⁰трѣсть и кунамонъ сѣ всѣми дрѣвы ливанскими, змурна, алотъ сѣ всѣми прѣвыими міры. 15. Источникъ, врѣтоградъ, стоуденець воды живы, исчрѣплаща ѿ Ливана. 16. Вѣстани, сѣвере, и гради, юже, провонѣи врѣтоградъ ⁸¹мои и да потекѣт аруматы моа.

Глава V.

1. Да с'нидет братоучадъ мой въ врѣтоградъ ⁸²свои и да гасѣ ѿ плода краевѣтвей его. Вѣнидохъ въ врѣтоградъ свои, сестро моа невѣсто, обнимаѣ змир'нѣ своа сѣ аруматы моими, гадохъ ⁸³хлѣб' свои сѣ медомъ моимъ. ⁸⁴Идите, искрѣнии, и пиіте, и оупиітеса, братіа. 2. Азъ спа, ⁸⁵а срѣце мое бѣдитъ, гласъ братѣчада моего тлѣчетъ въ двери: ѿврѣзи ми, сестро моа, искрѣнѣа моа, голжбице моа, съврѣшенаа моа, іако глава моа наплѣниса русы и власи мои каплѣми нощными. 3. Свѣтлѣкохъ ризѣ мож, каку облѣкѣсѣ(а) въ на? Оумыхъ си нозѣ, како ѿскврѣна и? 4. Братоучадъ мой посла рѣкѣ своѣ ѿ сквожна, ⁸⁶и чрѣву мое оужасеса о нем'. 5. Вѣстазъ азъ ѿврѣсти ⁸⁷братоучадоу моему, ѿ рѣкоу моею змурна искапа, прѣсти мои ⁸⁸плѣни сѣтъ ⁸⁹змурны. Тогда же заворѣ ѿврѣхъ азъ братоучадоу моему. Братоучадъ мой приіде, ⁹⁰словомъ его дѣша моа изыде. ⁹¹Исказъ его и не обрѣтохъ, ⁹²звахъ его и не послуша мене. 7. ѿбрѣтошѣ ма стражіе, об'ходащи въ градъ, поразишѣ ма, гзвишѣ ма, възаша главотажѣ ⁹³мож ѿ мене стражіе стѣнниі. 8. Закладъ вас, дѣщера іерслимскыѣ, сілами и крѣпос(ть)ми селнами, аще об'рашете братоучада моего, что възвѣстите емъ? Іако бодена есмь азъ любовіа! 9. Что братоучадъ твои ѿ братоучада,

^и Испр.; в ркп. поидѣтъ, ^{и-1} Испр.; в ркп. выѣ твоеѣ, τραχίλων σου * Испр.; в ркп. каплетъ, ^и Испр.; в ркп. кротокъ, κρόκος
⁶²⁻⁶³ нет Рум., ⁶⁴ остриженаа Пог. 81 и др., ⁶⁵⁻⁶⁶ всѣ ѿ бани РР, ⁶⁷ въ РР, ⁶⁸ висѣ Рум., висѣт БК, виситъ РР, κρέμανται, ⁶⁹ птица РР, ⁷⁰ поидоу РР, ⁷¹ ливанскѣ Пог. 81 и др., ⁷² главы РР, κεφαλῆς, ⁷³ горь ОИДР 1, горы РР, ⁷⁴⁻⁷⁵ выа твоеа БК, ⁷⁶ каплета РР, ⁷⁷ заключенъ РР, ⁷⁸ посыланіа РР, ⁷⁹ нет Рум., ⁸⁰ крокосъ, сахаръ Пог. 81 и др., ⁸¹ виноградъ Пог. 81 и др., ⁸² виноградъ Пог. 81 и др., ⁸³ жхъ ОИДР 1, жхъ Пог. 78, БК, ἔφαγον, ⁸⁴ доб. нхъ вино мое сѣ млекомоимъ БК, ἐπιον οἶνόν μου μετὰ γάλακτος μου, ⁸⁵ сплю. Пог. 81 и др., ⁸⁶ скважнаа Пог. 81 и др., ⁸⁷ ѿ верствъ ОИДР 1. ⁸⁸⁻⁸⁹ исполнь РР, ⁹⁰⁻⁹¹ дѣша моа изыде словомъ его РР (= греч.), ⁹² доб. его Пог. 81 и др., ⁹³ главотажѣ Пог. 81 и др.,

добра въ женахъ? Что братоучаѣ твои ѿ братоучаѣ, тако сице заклала ны еси? 10. Братоучаѣ мои бѣль и роусь, ⁹⁴ избранъ ѿ темъ ⁹⁵, 11. глава его златъ кефазъ, власи его елие чрно, тако вранъ, 12. очи его тако голъбица на испльненіе водъ, изъмъвеныж въ мльѣцъ, сѣдаща на наплъненіе водъ. 13. Челюсти его тако чѣша арѣмата, растъщи міротворенія, оустнѣ его кринѣ, каплаци змирнж испльнѣ. 14. Ръцѣ его растръганѣ златѣ, испльненѣ таръсисъ. Чръвѣ его дъщица слонова на камыцѣ самфира. 15. Лысты ⁹⁶ его стльпа мрѣморѣна, оснѣвана на подъстльпю златоу. Зракъ его тако Ливанъ и избранъ тако тисіе. 16. Грътанъ его сладос(тъ) и всежеланіе. ⁹⁷ Съ братоучаѣ мои и съ искрънии мои, дъщеря іерслимъскыа! 17. Камо отіде братоучаѣ твои, добраа въ женахъ? Камо ѿзрѣ братоучаѣ твои? ⁹⁸ Поищемъ его с тобож.

Глава VI.

1. Братоучаѣ мои съниде въ виноград ⁹⁹ свои въ чѣшахъ арѣматъ пасти въ врьтоградѣхъ и събирати ¹⁰⁰ крѣна. ¹¹ 2. Азъ братоучаѣдоу моемоу и братоучаѣ мои мнѣ, пасыи въ кринѣхъ. 3. Добра, ² искрънѣа моа, тако блговоленіе, красна, тако Іерслимъ, оужѣсть тако оучиненыа. 4. Ѿврати очи свои прѣмо ³ мнѣ, тако тѣ възбыстристе ма! Владѣ твоя тако стада козіа, жже павишжса ѿ Галаада. 5. Зъби твои тако стада острижена, жже изыдоша ⁴ бана, вса близненныа и паловы нѣс(тъ) оу ⁵ них. Іѣко врьвъ чръвена оустнѣ твои, и бесѣда твоя красна. 6. Іѣко облощеніе ⁶ шипка аблъко твое развѣ ⁷ мльчѣнїа твоего. 7. ^ξ ес(тъ) ⁸ црць ⁹ и р. ¹⁰ ѿ женимъ, и двѣ, имже ¹¹ нѣс(тъ) числа. 8. Едіна естъ голъбица моа, съврѣшена моа, едіна естъ мѣтри своєї, изъбрана естъ рождыш ¹² ж. Видѣшж а дъщеря и блажиша ¹³ а, црца ¹⁴ и женимы въсхвалать ¹⁵ а. 9. Кто си ес(тъ) прѣницажїа, тако оутро добра, тако лоуна избрана, тако слнце, оужѣсть тако оучиненыа? 10. Въ врьтоградѣ орѣшїа сънидохъ видѣти въ животѣ ¹⁶ потока, видѣти, аще процвель виноградъ, аще процвѣтошж шипъци. 11. Тоу дамъ тебѣ съсца моа. Не разоумѣ дша моа, положилъ ма оржжіе аминадавъ. 12. Обратиса, обратиса ¹⁷ Соуламитѣнни, обратиса, обратиса ¹⁷ и оузримъ о тебѣ.

Глава VII.

1. Что оузрите о Соуламитѣнни, градъци тако лица плѣкъ? Что оукрасишжса стъпанїа твоя въ сапозѣхъ, дъщи аминадамова? Оучиненіе стегноу твоею под(о)бно монистомъ, дѣло ржкоу хытрьца. 2. Пжпъ ^с, ¹⁸ твои чѣша, истръгана, не лишиса пива. Чръво твое стогъ пшеница, ^т, ¹⁹ ограждѣнъ въ ^у, ²⁰ кринѣхъ. 3. Оба съсца твоя тако два птица, близнѣца срѣнїа. 4. Выа твоя тако стльпъ слоновъ, очи твои тако езера въ Есевонъ, въ вратѣхъ дъщерь многъ. Носъ твои тако стльпъ Ливановъ блудни лица Дамаскова. 5. Глава твоя на тебѣ тако Карміль, и пленница главы твоеа тако порѣфіра — црць ²¹ оувазенъ въ мимотеченїи. 6. Коль оукрасиса, ²² коль оусладиса любви въ пицахъ твоихъ! 7. Се величѣство ²³ твое, оупод(о)биласа

⁹⁴⁻⁹⁵ *Испр.*; в *ркп.* изъбранъ ѿ томъ, ἐκλεχθῆσμενος ἀπὸ μαριάμ, ⁹⁶ *Испр.*; в *ркп.* ѿ, καὶ ⁹⁷ *Испр.*; в *ркп.* пжтъ, ⁹⁸ *Испр.*; в *ркп.* огражденіе
⁹⁴⁻⁹⁵ избранъ ѿ темъ *БК*, избранъ ѿ тмы *Пог. 81* и др., ⁹⁶ лыста *Пог. 81* и др., ⁹⁷ весь желаніе *Рум.*, всежеланіе *Пог. 81*, *БК*, ὅλος ἐπιθυμία, ⁹⁸ доб. и *PP*, καὶ, ⁹⁹ вертоградъ *PP*, ¹⁰⁰ събрати *PP*

¹¹, ¹ такъ *ОИДР 2*, кринѣ *PP*, σὺλλέγειν κρῖνα, ² добраа *Рум.*, *ОИДР 2*, ³ прѣмо *БК*, *ОИДР 1, 2*, *Шпрѣмо PP*, ⁴ доб. ѿ *PP*, ἀπό, ⁵ въ *PP*, ⁶ блещеніе *ОИДР 2*, оброщеніе *Барс.* 12. обрѣщеніе *Троицк. 773*, оброщеніе *Сим. 251* и др., ⁷ кромѣ *Пог. 81*, ⁸ нетъ *PP*, ⁹ црць *Пог. 81* и др., ¹⁰ и *PP*, ¹¹ ихже *PP*, ¹² рождышя *Рум.*, *БК* и др., ¹³ блгсвиша *PP*, ¹⁴ црца *Пог. 81* и др., ¹⁵ такъ *ОИДР 1*, въсхвалиша *PP*, αἰνέσουσι, ¹⁶ житѣ *PP*, ἐν γεννήμασι, ¹⁷ нетъ *PP*, ¹⁸ поуп *ОИДР 1* и др., ¹⁹⁻²⁰ огражденъ в *Пог. 81* и др., ²¹ црць *Пог. 81* и др., ²² доб. и *Пог. 81* и др., καὶ, ²³ величїство *Пог. 81* и др., величїство *ОИДР 1*

еси финікоу и съсца твоа гроздома. 8. Рѣхъ: възьдѣ на финникъ и имѣса за вѣтви его, и бждета оба съсца твоа ѣко грозда винограда, и вонѣ носа твоего ѣко аблъка, 9. и грѣтанъ твои ѣко вино блгое, шествоуи²⁴ братоу моемоу на правост', доволенъ бываѣ оустнама моима и зѣбы. 10. Азъ братоучадоу моемоу, и на ма възвращеніе его. 11. Гради, братоучаде мои, изьдѣвѣ на село, въздворивѣса въ весехъ, 12. оутрѣноувѣ въ виноградѣхъ, видѣвѣ, аще процѣвлъ ес(ть) виноград, процѣвлъ цвѣтъ, процѣвтошѣ шищи. Тоу дамъ съсца моа тебѣ. 13. Мандрагоры даша вонѣ, и при дверехъ наю все краєвѣтвоплодиє Φ .²⁵ ново къ ветхомѣ, братоучаде мои, съблюдох ти.

Глава VIII.

1. Кто дас(ть) та, братоучаде мои, съсѣща съсца мѣре твоеа? Обрѣтши та вѣнѣ, лобѣж та, ибѣ не оуничижѣт ма. 2. Имѣ та, възведѣ та въ домѣ мѣре моеѣ и въ клѣтѣ зачѣньшѣа^{x, 26} ма. Напоѣ та ѣ вина мнротворца, ѣ пива шипокѣ моиѣ. 3. Шоуица его под главоѣ^{ч, 27} моеѣ, и десница его ѣбымет ма. 4. Заклаѣ вас, дѣщерѣ іерслимскаѣ, сілами и крѣпос(ть)ми селнами, что въздвигнете и что възставите любовь, дондеѣ възсохетѣ. 5. Кто съ²⁸ естѣ възходящѣа оубѣлена, възсланѣжщѣса братоучадѣ своемѣ? Подѣ аблъкомѣ въздвигох та, тоу прижи та мати твоа, тоу прижи²⁹ та рождѣшиѣ та. 6. Положи ма ѣко печать на срѣци своемѣ, ѣко печать на мышци своеи, ѣко крѣпка ѣко съмр'ть любви, жестока ѣко адѣ зависть. Крѣпѣ³⁰ еѣ ѣгнѣ пламенѣнѣ. ³¹ 7. Вода многа не иматѣ мощи ³² оугасити любви и рѣкы не обидѣт еѣ. Аще дастѣ мѣжѣ все житіе свое въ любви, оуничиженіемѣ оуничижѣт его. 8. Сестра наша ³³ мала и ³⁴ съсцоу не иматѣ. Что створимѣ сестрѣ нашеи въ днѣ, вѣнѣ възглаго бждетѣ ѣ ней? 9. Аще стѣна ес(ть), съзиждамѣ на неѣ забрала сребрѣна. Аще дверь ес(ть), напишамѣ на неѣ дѣскѣ тисовѣ. ³⁵ 10. Азъ стѣна, и съсца моа стѣла. Азъ бѣх прѣд очима его ѣко обрѣтаѣщи міра. 11. Виноградѣ быс(ть) Соломѣноу въ Еламонѣ. Дас(ть) виноград свои стрѣгѣжщимѣ. Мѣжѣ възнесетѣ въ врѣма свое ѣа сребрѣникѣ. 12. Виноград мои мнѣ прѣд мнѣж, тысѣща Соломѣноу и ѣбѣ сътѣ^{ч, 36} стрѣгѣжщимѣ плода его. 13. Съдаи въ виноградѣ,³⁷ друзи зраще, глас свои оуслышанѣ сътвори мнѣ. 14. Бѣжи, братоучаде мои, и оупод(о)бѣса срѣнѣ или птицоу³⁸ алнію на горе арѣматѣ вонѣмѣ.

^ϕ Испр.; в ркп. краевѣтвоплоди, ^x Испр.; в ркп. заченшѣа, τῆς συλλαβοῦστος,

^ч Испр.; в ркп. главѣ, ^ч Нет в ркп., οἱ διακόσιοι.

²⁴ шествоуи РР, ποσειδίμενος ²⁵ краевѣтвоплоде Рум., краевѣтвоплодиє QI43, ²⁶ заченшии ОИДР 2, заченшоую РР, ²⁷ глава Рум., главоѣ Щук, главою Пог. 81 и др., ²⁸ си Арх. 3 и др., ²⁹ приложи РР, ὀδύνησ, ³⁰⁻³¹ еѣ крѣпѣ огнь-пламы РР, ³² Нет РР, так ОИДР 2, ³³⁻³⁴ мала ОИДР 2, нет РР, ³⁵ ке црвоу БК (= ГВ), досову ОИДР 2, досову РР, ³⁶ стѣ Пог. 81 и др., ³⁷ врьгоградѣ РР, ³⁸ птенцу РР.

Р. А. СЕДОВА

Рукописная традиция «Жития Петра» в редакции митрополита Киприана

Рукописная история Жития митрополита Петра свидетельствует о том, что среди других памятников древнерусской литературы это произведение пользовалось большой известностью у древнерусского читателя.

Уже митрополит Макарий в Приложении к 4-му тому «Истории русской церкви» указывал на существование трех редакций Жития Петра.¹ Первую он называл творением Прохора, епископа Ростовского, скончавшегося в 1327 г. Этот список был известен ему в сборнике Новгородской Софийской библиотеки, ныне — ГПБ, Софийское собр., № 1361, как он думал XIV в., на деле конца XV—начала XVI в.

Вторую, напечатанную в Степенной книге, он связывал с именем митрополита Киприана. Из рукописных списков Жития редакции Киприана «с некоторыми вариантами» (Макарий) ему были известны два: в сборнике Новгородской Софийской библиотеки № 527 и в сборнике его библиотеки № 66. Третью (из сборника его же библиотеки под №51) он называл только сокращением второй без всяких новых сведений.

Н. П. Барсуков приводит списки этих трех редакций Жития.²

Исследование первой редакции провел В. А. Кучкин. В результате изучения 19 списков Жития Петра он пришел к заключению, что Прохоровская, первоначальная, редакция Жития, или «Сказание о смерти митрополита Петра», была написана каким-то москвичом в середине 1327 г. На основе «Сказания о смерти митрополита Петра» Киприан создал свою редакцию Жития.³ О необходимости текстологического анализа всех списков Жития Петра пишет Л. А. Дмитриев.⁴ Мною была поставлена задача выявить списки Жития Петра в редакции Киприана, проследить рукописную традицию памятника, установить возникновение и взаимосвязь более поздних редакций.

Из 38 привлеченных списков 35 имеют заголовок «Месяца декабря в 21 день. Житие и жизнь и мало исповедание от чудес иже во святых отца нашего Петра архиепископа Киевского и всея Руси. Списано Киприаном смиренным митрополитом Киевским и всея Руси».

Три списка из собрания ОЛДП (№ 229—XVI в., № 819 — XVI в., № 111 — XVIII в.) имеют разночтения в заголовке. После традиционного начала следует сообщение о дне и часе смерти Петра: «. . . аще отиде пастьрю добрый, но благослови жив предстоиши. 21 декабря от жития исходит Петр в 3 час ночи».

¹ Макарий, митроп. История русской церкви, т. IV. СПб., 1886, с. 312.

² Н. П. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, с. 447—449.

³ В. А. Кучкин. Сказание о смерти митрополита Петра. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 59—79.

⁴ Л. А. Дмитриев. Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции Великотырновской книжной школы. — В кн.: Ученици и последователи на Евтимий Тырновски. София, 1980, с. 64—70.

В результате сверки 38 списков обнаружены два разночтения и в самом тексте. Первое разночтение встречается в сборнике XVII в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 155). Текст дополнен указанием на дату положения во гроб: «И полагают его в нем в лето 1326 года». Тексты чудес отмечены буквами. Два из них дополнены. Это чудеса со слухим и со слепым.

ГБЛ, собр. Ундольского, № 560

Слукому исцеление дарова, слепому же прозрение подаст.

ГБЛ, собр. Румянцева, № 155

Чудо Г

Потом же слукому некоему молящуся праведному о своем недуге, святой же вскоре исцеление ему дарова, болезни его и здрава того сотвори.

Чудо Д

Слепому же некоему человеку пришедшу ко гробу его и святому божию угоднику молящуся о своей слепоте. Абие и тому прозрение подаде. Сия же тогда явление содеяшеса у гроба святого в малых днях.

Второе разночтение содержит отрывок, рассказывающий о том, что по совету Петра князь Иван Данилович закладывает церковь Богородицы в Москве. «И бяше убо веселие непрестанно посреде обоих духовно. . . Святителю же пакы толико прилежащу сынови своему князю о душевных и телесных яко с Павлом ему глаголати: „Моляхся и сам аз отлучен быти от Христа по братии своей, еже суть израилтяне“». Эти слова Павла полностью встречаются в 19 списках. В семи списках слов «еже суть израилтяне» нет. Нет их и в списке XV в. ГИМ, собр. Уварова, № 1045, который по описанию архимандрита Леонида восходит к оригиналу 1390 г.⁵ В 12 списках слова апостола Павла исключены совсем, в том числе и в самом раннем пергаментном списке конца XIV в. из Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко под № 876 281. Исследованию этой рукописи посвятил специальную работу Г. М. Прохоров.⁶

Таким образом, разночтение, заключающееся в словах Павла, обнаруживается уже в двух самых ранних списках, свидетельствующих о его существовании при жизни Киприана. Можно предположить, что в дальнейшем распространялись оба списка Жития со словами и без слов апостола Павла как принадлежащие Киприану. Дополнение («еже суть израилтяне») встречается в более поздних сборниках, со второй половины XV в.

В сборнике второй половины XVII в. ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 811, принадлежавшем Симону Азарьину, текст Киприанового Жития заканчивается рассказом автора о пребывании его в Константинополе, о болезни, исцелении и возвращении в Москву: «Внегда убо прият и на с радостию и честью великою благоверный и великий князь всея Руси Димитрий, сын великаго князя Иоана, сына всеславнаго и великаго князя Даниила, внука Александра». Далее после заголовка «Похвала», выделенного отдельной строкой, следуют еще несколько строк Киприанового текста: «Такова убо великаго сего светителя чудотворца исправленна. Сицевы того труды и поты, ими же измлада от самыя юности богу угоди, их же ради бог того въспрослави». Затем читается краткое дополнение: «И ведавше же весь град и сий народ и приидоша видети бывшаго игумени же, священний собор в священных одеждах со крестом пришедша и молебная благодарения приноша Христос бог».

⁵ Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. 2. М., 1893, с. 342.

⁶ Г. М. Прохоров. Древнейшая рукопись с произведениями митрополита Киприана. — В кн.: Памятники культуры. Ежегодник, 1978, Л., 1979.

После заголовка «О начале соборных церкви на Москве и пророчество и благословения чудотворца Петра великому князю. О иных церквах и о пострижении и о преставлении великаго князя Иоанна» рассказывается о видении князю Ивану Даниловичу горы с заснеженной вершиной и пророчестве Петра о великом княжении Ивана Даниловича после смерти митрополита. В тексте цитируются и отрывки из Жития Петра Киприановой редакции. С самого начала своего рассказа автор возвращается к Житию, пересказывая его содержание по-своему: «Божий же человеце, пресвященный митрополит, великий чудотворец Петр прохожаше грады многи, яко обычай имеяше поучати богом порученное ему стадо. В преславном же граде Москве начать пребывати болши иных градов, видяше бо в нем благочестия держателя, сего боголюбивого великаго князя Ивана Даниловича, православием сияюща, богоугодно живуща, добрыми делы украшена и милостива до нищих. . . Его зело от душа возлюби великий чудотворец Петр».

После совета, данного Петром князю, построить соборную церковь (цитированного из Киприанового Жития буквально) следует чудесное видение Ивану Калите: «К сим же еще сказание чудно мнози в повестех обносят сице глаголюще: яко бысти некогда ему христолюбивому великому князю Ивану Даниловичу, по некоему прилучению ездящу ему на конех близ реки Немглинным, иде же ныне есть монастырь именуемый высокий. В нем же и церковь во имя чудотворца Петра. И внезапно зрит великий князь на том месте гору високу и превелику. . . Святыи же паки пророчеству глаголяше: „Разумно да будети, о чадо, яко гора высокая и превеликая юж видел еси, подобие образует твоего благородия высочайших добродетелей исправление и богом дарованного ти отческаго скипетродержания и крестоносные хоругви русского царствия Величество. Горы же онае снежныя верх близ являет моего жития и кончания, яко ж снег иж на горе скоро скрыся от очию твоего. На дорозе же смотрящу ти гора недвижима бысть. Таковым образованием мне прежде тебе жития сего отити есть. Потом же и ты, яко гора высокая и превеликая, богоугодно и довольно царствовал и яко благовидная маслина благородная чуда породив, и в добре наказании воспитав, и егда услышаши старца к тебе пришедша, и тогда уразумеши и ты добраго жития свершение течения и к богу отшествия“».⁷

Иных разночтений Житие Петра редакции Киприана не содержит.

Текст Жития второй половины XV в. ГБЛ, собр. Ундольского, № 560, взятый нами при сверке 38 списков за основной, повторяющий более ранний минейный список XIV в., представляет собой устойчивую в течение столетий редакцию, принадлежащую Киприану.

Анализ Киприанового Жития в его отношении к первоначальной редакции впервые дает В. О. Ключевский, называя Житие «образцом агнобиографического стиля древней Руси».⁸ Л. А. Дмитриев приводит точку зрения А. Глубоковского и С. А. Бугославского, которые считают Житие Петра Киприана образцом нового агнобиографического стиля.⁹ Но сравнивая две редакции, первоначальную и вторую, принадлежащую Киприану, ученый делает другой вывод. Во-первых, Житие, значительно расширенное, отличается большей литературностью, большим мастерством. Однако, заботясь о литературной форме своего произведения, Киприан «не злоупотребляет стилистическими приемами, которые довели бы его сочинение до холодной риторичности». По стилю и языку Житие отличается от

⁷ Почти на столетие раньше, чем в сборник Симона Азарьина, это же сказание вошло в Степенную книгу. См.: Книга Степенная царского родословия. — ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, с. 317.

⁸ В. О. К л ю ч е в с к и й. Жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 82.

⁹ Л. А. Д м и т р и е в. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, с. 251.

агиографических произведений периода второго югославянского влияния. Во-вторых, Житие Петра — ярко публицистическое произведение, публицистичность которого прикрита агиографической формой. В-третьих, хотя «Сказание вкратце о премудром Киприане» сообщает, что Житие Петра Киприан написал в Голенищеве, т. е. в период с 1397 по 1404 г., полемическая направленность Жития, его публицистичность позволяют думать о более ранней дате. Л. А. Дмитриев полагает, что Житие написано в 1381 г., после поставления Киприана в 1375 г. Филофеем в митрополиты Литвы и всей Руси.

К мнению Л. А. Дмитриева присоединяется Г. М. Прохоров. Он датирует обнаруженную им в Харьковской ГНБ им. Короленко служебную Минею на декабрь, включающую Житие Петра редакции Киприана, 80-ми годами XIV в. Греческие пометы на полях рукописи, допускает Г. М. Прохоров, были сделаны самим Киприаном.¹⁰

При сравнении двух редакций Л. А. Дмитриев пользовался Житием Петра по списку Макарьевских Четий Миней, который, как я скажу ниже, несколько отличается от Киприанового текста. Но и на примере этой редакции выводы Л. А. Дмитриева подтверждаются.

Во всех дополнениях, сделанных Киприаном, заметно проступает авторское начало. Во вступлении повествование носит назидательно-поучительный характер. За вступлением следует сон-предсказание отроку Петру. Петр видит мужа в святительских одеждах и получает от него благословение. Киприан подробно описывает поведение Петра в церкви, его примерную жизнь в монастыре, где он «всегда убо наставника въ всем послушаа и братии без лености служа не яко человеком, но яко самому богу. И всем образ бываше благ к добродетельному жителству смерением и кротостью, и молчаием».

Петр уходит из монастыря, но перед рассказом о том, как он закладывает Ратский монастырь, Киприан говорит: «Ни бо достояше таковому человеку не прежде даже пройти вся степени и потом на учительском седилице посадитися».

Рассказ о Петре-иконописце Киприан дополняет представлением о том, как создаются иконы: «Обычай бо е во многих съи: яко егда любимаго лице помянет, абие от любве к слезам обращает. Сице и съи божественый святитель творяше, от сих шаровных образов к пръвообразным ум възвождяше».

Новым в этой редакции является и сообщение о вручении Петром иконы, которую он сам написал, архиепископу Максиму. И заканчивается эта часть погребением епископа Максима в городе Владимире.

Затем Киприан переходит к рассказу о Геронтии — сопернике Петра. Спокойный назидательный до этого тон автора теперь становится взволнованным: «Геронтие же некто, игумен съи, дерзну дръзостию, въсхытити хотя сан святительства, не веда, яко „всяк дар свыше есть, сходя от бога, отца съветом“, ни бо слыша Писание, глаголящее: „Ни хотящому, ни текущому, но милующому богу“. Но тако самовластия недугом объят быв, своеумием не такову высоту дерзну! Некако и время благополучно себе творяше, никому же възбращающу его от таковаго бесловесия. Подемлет убо подвигы: приемлет же и святительскую одежду и утварь, еще же и ту самую икону, юже бе своею рукою отец наш Петр написал и Максиму принесл».

Киприан осуждает галицкого князя за поддержку Геронтия, сочувствуя при этом Петру: «Князь же Волинскыя земля съвещавает съвет не благ: въсхоте Галичскыя епископии в митрополь претворити, изветом творяся, Геронтиева високоумиа не хотя. И нападает на Петра словесы, под-

¹⁰ Г. М. Прохоров. Древнейшая рукопись с произведениями митрополита Киприана. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1978. Л., 1979, с. 26.

гнещаа его к Цариграду. . . И святыи преклоняется, и сходить к словесем их, и сам убо к путеву управляшеся».

Петр и Геронтий отправляются в Константинополь. Но плавание на корабле оказывается для Геронтия испытанием. Киприан рассказывает о перенесенной Геронтием буре. Описание ее едва ли не самое образное во всем тексте: «Но Геронтиеву злополучно некаково плавание случися, буря бо велика в мори въздвижеся. Исъпротивни ветри относа кораблеви опрещася, и нужду велику кораблеви творяху, и вълны велики здвизахуся. Петрову же кораблеви тих некый и хладен, яко же зефир, и пособен ветр бысть. Яко же въ сне море прешедшу, и к стенам Константинограда прилетевьшу. Геронтиеву же в печали сущу, в ноци явися ему икона Пречистыя Богородица. . .»

Геронтий услышал предсказание иконы — это кульминационный момент Жития: «Не въздет бо на тя святительскый великый сан, его же възхтити възхотел еси. Но иже мене написавый Петр, игумен Ратскый, служитель сына и бога моего и мой, ть възведен будет на высокый престол славныя митрополии Русскыя и престол украсит и люди добре упасет». Киприан заставляет Геронтия поведать о предсказании иконы всем, кто был с ним на корабле.

Описание бури Геронтием и благополучного плавания по морю Петра — это, конечно, не единственный случай контрастной оценки персонажей. В целом Житие строится на противопоставлении двух противоборствующих начал: добра, носителем которого являются Петр, патриарх Константинопольскый Афанасий, архиепископ Максим, и зла, которое олицетворяется действиями Геронтия и тверского епископа Афанасия, еретика Акиндина, в той части Жития, где Киприан пишет о себе.

Рассказ о клеветническом осуждении Петра тверским епископом Андреем также значительно дополнен Киприаном. Разбирательство дела на переяславском соборе оборачивается еще одним доказательством справедливого поставления Петра в митрополиты, но теперь уже всенародным. Очередной вставкой является характеристика Андрея: «. . . легка убо суща умом, легчайша же и разумом». Вводится ответная речь Петра на соборе.

В изложении чудес после смерти Петра Киприан предельно краток. Чудеса со слепым и глухим он исключает. Но более подробно описывает он чудо с явлением святого Петра, сидящего на одре и благословляющего народ. И вводится совершенно новый рассказ о том, как Феогност, митрополит Киевскый, обрел у гроба святого исцеление. Ответ Константинопольского патриарха на письмо Феогноста о чудесах Петра звучит в Житии как похвала святому.

Авторская косвенная причастность к излагаемым событиям в Житии не однажды подчеркивалась.¹¹ В самом деле, упоминаются соперники самого Киприана — Пимен и Митяй, и поставление Киприана в митрополиты Киевские еще при жизни митрополита Алексея, и расследование дела, которое было предпринято патриархом Нилом.¹² Сознывая себя достойным преемником Петра, Киприан придавал в Житии кульминационное значение сходным у него и у Петра эпизодам борьбы за митрополичий престол. Дополняя текст Жития, он сначала завуалированно, а потом и прямо говорит от своего лица: «И аз смиренный възведен бых на высокый престол митрополии Русска святейшим патриархом и дивным Филофеем и еже о нем священного собора». Киприан был рукоположен в митрополиты в декабре 1375 г. Спустя три года он снова прибывает в Константинополь: «И третьему лету наставшу к Царюграду устремихся». Филофей Коккина за это время заточили в монастырь, а на патриарший престол по воле византийского императора Андроника IV был возведен Макарий.

¹¹ Л. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы, с. 245—246.

¹² Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе, с. 92—93.

С горечью и возмущением Киприан пишет: «И тамо ми достигшу по многих трудах и искушениях, надеюшу ми ся некое утешение обрести, обретох всяко неустроение в царех же и в патриаршестве. На престоле бо бяше патриаршеском седя злევзведеный Макарий безумный, дръзнувый кроме избрания съборнаго паче же незнаменания Святаго духа, наскочити на высокий патриаршеский престол царским точию хотением. . . Тогдашний царь. . . по своему же нраву избирает Макариа некоего безумна и всякого разума лишена, и кроме церковнаго предания же и устава посажает. Мерзость запустения на месте святем! . . .» Рассказ о последних днях пребывания в Константинополе столь же откровенен: «Пребых же убо в оное время в Константинограде тринадесят месяцев. Ни бо ми бяше мощно изыти, велику неустроению и нужди належащи тогда на Царьствующий град. Море убо латиною дръжимо, земля же и суша обладаема безбужными турки. И въ такомом убо затворе суцу ми, болезни неудоьстерпимыя нападоша на мя, яко еле ми живу быти. Но едва яко в себе приидох, и призвах на помощь святаго святителя Петра. . . Веруйте же ми, яко от оного часа болезни оны нестерпимыя престаша. И в малех днех Царствующаго града изыдох».

В этом откровенном самовыражении нельзя не увидеть в Киприане предшественника протопопа Аввакума. Интонационное богатство повествования, эмоциональность изображения — результат свежих, «натурных» впечатлений. Ясно, что Житие Петра написано вскоре после 1379 г. и до 1381 — года окончательного поставления Киприана в митрополиты.

И все-таки «Сказание вкратце о премудром Киприане» в Степенной книге¹³ и этот же текст под заголовком «Преставление иже во святых Киприана» из сборника XVII в.¹⁴ свидетельствуют, что Киприан писал Житие Петра в Голенищеве, «иже бяше место безнашно и безмятежно, безмолвно и покойно от всякого смущения. . . и великого чудотворца Петра митрополита и всея Руси житие написа и похвалами украси. . .»

И еще об одной редакции Жития Петра, принадлежащей Киприану, сообщает болгарская исследовательница Н. Дончева-Панайотова.¹⁵ Это список, включенный в сборник Погодинского собрания № 866, датированный первой половиной XVI в. Заглавие Жития: «Житие и жизнь и мало исповедание от чудес иже во святых отца нашего Петра архиепископа Киевского и всея Руси. Списано Киприаном смиренным, митрополитом Киевским и всея Руси». Начало: «Се настойт, братие, светносное праздненство и пресветлое торжество святителя отца нашего Петра. . .» Однако в другом сборнике (ГПБ, Софийское собр., № 1500, л. 60—72 об.) этот же текст озаглавлен «Месяца декабря в 21 день. Слово похвально на память иже во святых отца нашего митрополита Киевского и всея Руси чудотворца». Начало то же, что и в Погодинском списке: «Се настойт, братие, светносное праздненство и пресветлое торжество святителя отца нашего Петра».

Н. Дончева-Панайотова ставит вопрос: к какому же жанру отнести этот памятник? На основе стилистического анализа произведения, выявившего приподнятость, панегиричность изложения, она его причисляет к жанру похвального слова. Автором называет Киприана. Но если подлинное Житие Петра, т. е. Житие Киприановой редакции, исследовательница относит к 80-м гг. XIV в., то «Похвальное слово», она полагает, возникло позднее, в пору интенсивной книжной деятельности Киприана.

В этой же статье Н. Дончева-Панайотова пишет, что в Погодинском сборнике, где «Похвальное слово» названо Житием, ему предшествует

¹³ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, с. 440—441.

¹⁴ См. сборник Библиотеки Украинской АН, собр. Петрова, 30, № 155, л. 246—249 об.

¹⁵ Н. Дончева-Панайотова. Неизвестно «Похвально слово за Петр» от Киприан. — Литературна мисъл, 1975, № 1.

произведение, действительно названное «Похвальным словом» («Слово похвальное иже во святых отца нашего в иерархох великаго чудотворца Петра митрополита всея Руси. Благослови отче»). Как показал текстологический анализ «Похвального слова» и Жития, это не два разных произведения, а одно, вошедшее в Погодинский сборник под названием «Похвальное слово», центральная часть которого в этом сборнике выделена заголовком как Житие.

По своему содержанию «Похвальное слово», напоминающее традиционную вступительную часть жития, связано со второй частью (названной «Житием»). Как обычно, автор говорит о причине, побудившей его написать о жизни святого, восхваляя которого он принижает свои писательские возможности: «Но понеже нужна, убо бяху и неудобна, и древним онем списателем, тех, иже по бозе, житие подробну написати или по достоинству похвалити ради тех високаго жития. К любве еже к богу ныняшняго же нашего последнего рода и паче попремногу. Недостижимо по достоянию похваламы коснуться, но убо не толма разумом своим упова, покусихся еже выше моея меры на сие божественное дело. Тем же сего ради на всесилнаго бога надежду возложив, святаго же и дивнаго великаго в архиереох Петра митрополита, благовещателных молитв на помощь призвав по возможному мне худейшему предложити слово и отчасти твоему величеству беседу изрещи. . .»

Во вступлении автор останавливает внимание на одном лишь событии из жизни Петра: оклеветании его тверским епископом Андреем — ситуации, типичной не только для времени Петра. Здесь Киприану важно подчеркнуть моральное превосходство, благородство и чистоту восхваляемого святого. «Аще бо начну подробно глаголати, лето постигне мя поведающа, и не постигнути могоща твоих чудес величество, елика сотворил еси и твориши. Укрепляющем тя Христе колико долго терпения и кротость показа! Оклеветающему тебе епископу никак не разневался, но паче утешительными словесы перед всеми поучив, глаголя: „Мир ти о Христе, понеже не ты сие сотвори, но иже изначала завидя и роду человеческому диавол“. Ты же отсюду соблюдайся». Эти слова Петра цитированы из распространенной редакции.

Включает вступительная часть и описание чудес: чудо с Амосом, у которого были «прикорочены руки», и чудо с отроковицей, очи у которой «израстоща телом».

Завершив изложение чудес, автор напоминает о часе смерти Петра: «Яко же и сей божественный Петр не бо в 11 час во Христов виноград прииде»; затем называет Петра «священноначальником и пастырем Христова словесного стада, пастырь, а не наемник пасти церковь божию избран бысть». В конце вступительной части следует хвала Петру-митрополиту и затем молитва ему: «Моли, святителю, от всех иже честную память твою почитающих. . .» Но перед молитвой автор призывает к слушателям: «Приидем же и мы во всечестный праздник великова архиерея Петра, ликование тому съставляше в песнех и пениих, радуящеся венчаем того верх и припадающе молимся». В этих словах, а затем и во второй, «житийной», части он неоднократно напоминает о том, что пишет «Похвальное слово» на праздник — день памяти святого. Об этом говорит уже самое начало второй части: «Се настоит, братие, светоносное праздненство и пресветлое торжество святителя нашего Петра. Рече божественный пророк: „Память праведнаго с похвалами бывает“. От нужду и естество человеческое. . . Радости бо есть день и веселия, егда муж праведен своих узрит, егда печаль остави на веселие грядет, егда землю остави и земная вся и на небеса идет, егда человеком остави и с ангелы водворятся. В сий убо день отец и учитель наш, пастырь же и наставник, преставился в вечный живот». В конце Жития автор еще раз повторяет: «День вам, братие, радоватися и веселитися духовно подобает, благоукрашатися и праздновати радостно, имуще всегда перед очима нашими раку преблагенаго отца нашего Петра святи-

теля. В ней ж день положено бысть многострадальное и святое его тело, испущающе луча чудес во все конца русьскыя земля».

Во второй части жизнь святого рассказывается подробно и с похвалами, как говорит об этом автор в начале повествования: «Аще бо начну глаголати, лето постигнет мя поведающа, и не постигнути монуца твоих чудес величество, елика сотворил еси и твориши»; и в конце, после чудес об исцелении юноши с расслабленными руками, слугого и слепого: «Аще бо начну подробно сказати, постигнет мя лето поведающа, но сия вся сказах ти прореченое слово пророческое и дам рече чудеса на небеси горе, знамения на земли низу и во благодати сугубо да подам».

«Похвальное слово» составляется на основе уже известного нам Киприанового текста, но по сравнению с ним с некоторыми сокращениями. Опущено видение отроком Петром мужа во святительских одеждах, нет ответного слова патриарха Афанасия Геронтию, когда тот достигает, наконец, стен Царьграда. Опущено описание переяславского собора, на котором был посрамлен епископ Андрей, оклеветавший Петра (о нем автор только упоминает во вступлении), нет заключительного рассказа Киприана о себе.

В результате содержание «Похвального слова» сводится к следующему: 1) рождение Петра, 2) сон матери, когда она видит ягненка на своей руке, 3) учение грамоте, 4) пострижение в монастырь, 5) строительство Ратского монастыря, 6) смерть архиепископа Максима, 7) путешествие в Царьград, 8) встреча Петра и Геронтия с патриархом, 9) поставление Петра в митрополиты, 10) жизнь в Москве и совет князю построить церковь, 11) смерть Петра, 12) чудеса, 13) похвала Петру.

Биографические факты, заимствованные автором из Киприановой редакции, дополняются строками похвал. Об этом, прибегая к образным сравнениям, говорит и сам писатель: «Егда похваляет что иному добрейшему, прилагая хвалить сладчайшему — сладкое, и красное — то краснейшими, бисер убо к самфиру прилагая, славное — славнейшим, яко же цветом во прилитии бываемом, доброе убо к себе приносящим и абие благоуховати, но аще к крину приплетуся в лепоту благоуханнейши бывають». Приведу для примера отрывок, где говорится о рождении Петра и рассказывается сон матери. «Случи же ся нечто сицево и прежде рождения его. Еще бо ему сушу во утробе матерни. Виде видение таково мати его: мянше бо ся ей агнец держати на руку своею, посреде же рогу его древо благолитвено израстоши и многы свеща светяща и благоухания исходяща. О прехвальная верста! О, добрая супруга! О, блаженое сочетание! О, святое порождение! О, честнаго корене святая отрасль! Блаженн есте и преблаженн сподобльшейся быти таковому отроку родителие. Честнаа же мати отрока блаженнаго возбудившисья и недоумеашися, что се будет, или что конец таковому видению? Обаче аще и она недомышляшешя, но конец после со удивлением яви. Коликими дарами бог угодника своего обогати! Рци же нам, о земле Волынскаа, где таковое неистощимое богатство обрете! Откуда таковой светилник, восияй, возвратсе! Во истину убо процвете плод благочестия и лоза преподобия! О, блажена еси во истину земля Волынская, яко таковое тебе дарование даровася!»

Этот поток риторических восклицаний сменяется искусным, насыщенным эпитетами и сравнениями, прославлением иноческой жизни Петра: «Блаженный Петр не одинаго, ни двюю повесе тяготу, но вся братия службу примаше. Видели терпения столп, видели сокровище духовное, видели трудоположника велика, видели твердого адаманта, видели пустынное воспитание — во истину убо богу прославляющу своего угодника и крепость толику подавающу!»

Из приведенных отрывков видно, что весь фактический материал, содержащийся в Житии, Киприан подверг в «Похвальном слове» художественной обработке в соответствии с требованиями этого жанра. Как ученик Феодосия Тырновского он, безусловно, был одним из последователей

южнославянского книжного стиля на Руси. Но первая редакция Жития Петра еще не дает оснований отнести ее к произведениям, характерным для периода второго югославянского влияния, тогда как «Похвальное слово» содержит стилистические приемы, типичные для этого времени. Здесь мы можем говорить о стиле «плетения словес». Это сочетания однокоренных слов и использование сравнений: «. . . прилагая хвалить сладчайшими сладкое, красное то краснейшим, бисер убо к самфиру прилагая»; тонкое чувство словесного ритма: «Петр добля благочестия ветвь, Петр — апостольский равнитель, Петр — церковное утверждение», «Видели терпения столп, видели сокровище духовное, видели трудоположника велика, видели твердого адаманта, видели пустынное воспитание. . .», и, наконец, новые еловообразования: плодблагочестие, лоза предподобия, трудоположник и т. д. Но эта увлеченность автора красотой слога, выразительностью ритма и торжественностью звучания ведет к исчезновению конфликтности — качества, присущего более ранней Киприановой редакции.

Таким образом, Киприан дважды обращался к Житию Петра. Первую редакцию, отличающуюся автобиографичностью и ярко выраженной публицистической направленностью, Киприан создает до 1381 г. Другая редакция вошла в рукописные сборники под названием «Похвальное слово» и написана позднее. Может быть, это и есть то Житие, которое Киприан «написал и похвалами украсил», живя в Голенищеве?

Житие Петра редакции Киприана, как уже говорилось, включалось в минейные сборники начиная с XIV в. при жизни самого автора. В XV в. Житие включают Иосифо-Волоколамские Минеи, затем Милютинские (1646—1654) и Минеи Дмитрия Ростовского (1684—1689). В известных мне минеях до Макария и после текст Жития Киприановой редакции остается без изменений.¹⁶

В Минеях же митрополита Макария (1529—1552) текст Жития значительно дополнен.¹⁷ Редактор в первую очередь уделяет внимание фактам из жизни Петра, подтверждающим мысль Киприана о том, что «всяк дар съвершен свыше есть сходя от бога, отца съветом». Такая предопределенность судьбы Петра в Житии подчеркнута дважды: сном матери и сном Геронтия. Изложение сна матери в Четвях Минеях остается без изменения. Но редактор снова к нему возвращается, рассказывая о поставлении Петра в митрополиты, акцентируя, что сон этот подтверждается: «Абие сбор съзывает, священнейших митрополитов, и епископов, и весь вселенский иже о нем сбор Премудрости Божия, и избрание по обычаю сотворяют. И явися добру достоин, иже прежде рождения нареченный Петр, матери его рожешей, како виде агнеца, древо благолиственню израстьше и многыми цветы и плоды обложено и посред ветвей его многыи свещи светящия и благоухания исходяща. И ныне сбься реченное видение. Матери его благый плод израстьше и честно воспитавшей русской земли пастыря и учителя Петра святителя всех привлекая к божественному писанию разуму божьих словес.¹⁸ И в море такожде Геронтию образом своим Пречистыя Богородица поведя, иже о поставлении Петра, блаженного митрополита Русскыя Земля».

Дополнен сон Геронтия, который тот видит на корабле: «Таковое убо чудо и страшное видение Геронтий виде и словеса услышав от честного и славного Пречистыя образом. Абие возбудися и ужасен быз зело, и начат сказовати всем сущим с ним в корабли сице глаголюя: „Всуде тружаемся, братие, толика пути суща, а иже желаемого не получим“. Онем же людем

¹⁶ Кроме того, обнаружено, что Минея первой половины XVI в. из ГБЛ, собр. Пискарева, № 122 одного почерка со сборником житий из ГБЛ, собр. Ундольского, № 530, т. е. мы имеем два текста Жития Петра, списанные одной рукой. Сборник же этот написан согласно записям в конце книги из собр. Ундольского «пресвитером Ильею в 1539 году».

¹⁷ ВМЧ, декабрь, дни 18—23. М., 1907, стб. 1620—1646.

¹⁸ Здесь и далее дополнения минейной редакции даны курсивом.

его речи вопрошающим вину увидети хотяще, он же всем виденнаа и слышаннаа сказует еже от иконы Святыя Богородица глас исходящъ вышереченный, еже от честныя митрополия. И вси слышавше, и возопиша: „Господи, помилуй! Слава Христу Богу и Пречистые Богоматере, дающе рабом своим благословения“».

В миевной редакции Геронтий передает предсказание, идущее от образа Богородицы, как внезапное и страшное событие, отчего он «ужасен быв zelo». Он еще раз повторяет сон, вещий смысл которого поражает не только его самого, но и всех, кто был с ним на корабле.

Соответственно предсказаниям проходит и жизнь Петра на земле. Дополнен рассказ Киприана о поведении инока Петра в церкви. «Но стоящу ему в церкви и с благоговением послушающу божественного писания с всяким прилежанием николи же въсклонися к стене». Миевная редакция дополняет: «Ни на десно, ни на шуе, ни своим братом проглаголя в церкви».

Попав под влияние Геронтия, князь Волынский Георгий Львович «нападает на Петра словесы, подгнетца его к Царьграду». Макарий развивает мысль: «Погнещая и глаголя блаженному: „Прими, честный отче, наш сладкий учителю, иже есть русскую митрополию благоуукращенного святительства, и скоро шествуи к Царьграду“. Преподобный же Петр себе унижая и паки славы от человек не хотяще о тех рече, иже глаголя князь, удалися».

Значительно дополнена сцена Переяславского собора, на котором был раскрыт ложный донос на Петра константинопольскому патриарху Афанасию. Я приведу в качестве примера только ответное слово Петра на этом соборе: «Кротка бо учителя короткий ученик во всем ему последуя, глаголяше бо всем: „Братия и чада о Христа возлюбленнаа! Не унши есмь аз Ионы пророка, яко морю волнами всколебаеся и кораблю идеже бе Иона велика быст нужда. И тогда ввержен бысть в море, и паки море и волны укроти“. И многими божественными словесы преподобный святитель глаголяше, отревая от себе наваждение оно лживое. И яко добри воин на обе руже стреляя, учения испущая скорейше речных быстрин и напаяя их сладчайше меда и сота. И глаголюще блаженный: „Аще убо мене явление се великое, иждените мене с престола сего честныя, и уляже молва от вас“».

На том же Переяславском соборе епископ Андрей, «делатель всем молвам», ведет себя совсем иначе, чем Петр, что подчеркивается снова сравнением: «Той же Андрей епископ Тверский на том соборе бяше помрачен лицом и умом, яко Христов отметник и ненавистник братен и своего учителя непослушатель. . . Унижен бысть и ничто не глаголя, языка своего не могуще и сидяще, акы демон темен».

Стиль дополнений ВМЧ характерен для XVI в. Появляется диалог, прямая речь, массовые ответы. Разговор Геронтия с патриархом Афанасием передается как беседа: «И восходит и той ко святейшему патриарху и не хотяще ити идяше и вся прилучашася ему сказует: „дерзость своего умышления и еще иконное видение, и в мори плавание от буря ветреная“. Патриарх же, то слышав от Геронтия и доволна словеса извещая ему не мудрити нижних, ни собою на горня помышляти, но возлагати на бога упование, ему же хоцеть, тому даст. . .»

На корабле в ответ на пересказ Геронтием сна звучит молитва: «И вси слышавши и возопиша: „Господи помилуй! Слава Христу Богу и Пречистыя Богоматери дающе рабом своим благословение“». В чуде о юноше с расслабленными руками вводится речь юноши: «Юноша некий от рождения своего имея руже расслаблении отнудь недвижимы. Яко ни к устом мощи принести их. Сей убо ко гробу святого с теплою верою притече и со слезами от сердца моляся и вопя: „О, честный наш учителю, Петре святителю, помози ми! Подай же ми исцеление и тела моего здраве“. И абие в той час исцеление получи молитвами святого святителя».

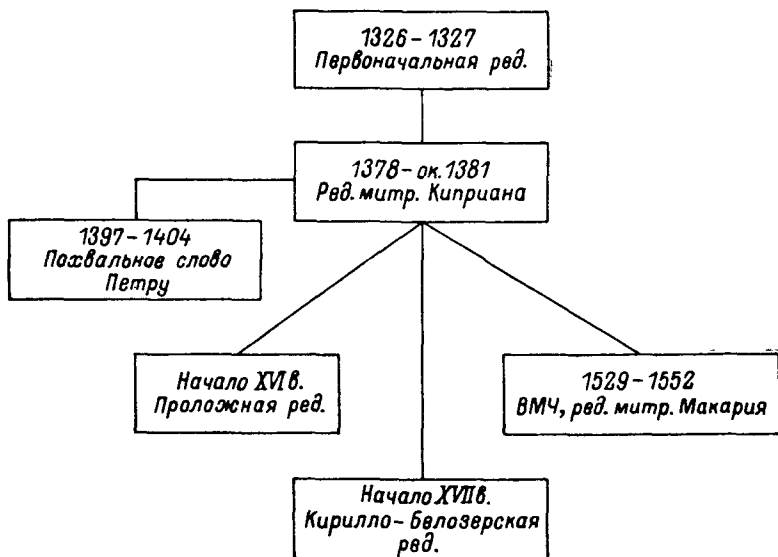
Кроме приведенных случаев вымышленных бесед, речей персонажей в текст вводятся названия глав: «О преставлении святого святителя Петра

митрополита всея Руси, како сам уведе блаженный свое иже из мира преставление и души к богу воселение», «Чудо о расслабленном юноше у гроба святого святителя», «О приходе Феогнаста митрополита», «В той же день слово похвално святителю Петру митрополиту».

Введение вымышленных бесед, молитв, массовых речей, разделение текста на главы — все это говорит о развитии повествовательного начала, характерного для литературы XVI в. Содержание дополнений, домысливание первоначального замысла позволяют предположить, что инициатором минейной редакции был сам Макарий, «автор самосмышлений, домысливаний действий и речи героев с точки зрения норм христианской морали и феодального поведения».¹⁹

Влияние киприановского Жития на другие произведения, рассказывающие о жизни Петра, оказывалось возможным тогда, когда в сборник помещалась краткая биография святого. Тогда появлялся новый текст, не дающий дополнительных сведений о Петре, а чаще всего являющийся вольным пересказом Жития Киприановой редакции. Это произведения, включенные в Прологи или сборники служб или житий, посвященные нескольким святым. Время их появления, как мне удалось выяснить, — XVI век и позднее.

Схематически рукописная история Жития Петра выглядит так:

Одна из проложных редакций Жития Петра включена в сборник начала XVI в. (ГБЛ, собр. ОЛДП, № 423). О том, что эта редакция зависит от Киприановой, свидетельствует следующее: в ней сообщается место рождения Петра (земля Волинская), излагается сон, увиденный отроком Петром, пересказывается, как ведет себя Петр во время службы, т. е. передаются факты, которых нет в первоначальной редакции, но которые есть в Житии Киприана.

Но в отличие от других известных редакций встречается дополнение о нежелании князей русских видеть Геронтия святителем, обращение к Петру и ответ Петра: «И не восхотеша князи рустии Геронтия быти ему на святительстве. И начаша молити преподобнаго Петра, дабы приял митрополию руския земля. Он же глаголя им: „Воля господня да будет“. И пославша вси князи рустии грамоту с молением к патриарху, дабы святитель Петра на русскую митрополию».

¹⁹ Д. С. Л и х а ч е в. Человек в литературе древней Руси. М., 1970, с. 98.

Такой же свободный краткий пересказ представляет Житие Петра, вошедшее в Сборник слов и житий конца XVIII в. ГПБ, Колобовское собр., № 333, л. 194 об.—200, озаглавленное как «Память Петра митрополита». Начало: «Месяца декабря в 21 день. Житие иже во святых отца нашего Петра митрополита московского и всея Руси чудотворца. Сей убо блаженный Петр родился от христиан и благословения родителю во едином от мест земля Волинская». Здесь также сообщается о месте рождения, учении грамоте, пострижении в монахи, строительстве монастыря, писании икон и т. д.

Третье сокращенное Житие Петра из сборника «Житий и служб святым Петру, Алексею и Ионе, митрополитам московским» XVIII в. ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 806 (1063) обнаруживает зависимость от двух редакций — Киприана и Макария. Сборник озаглавлен: «Похвальное и вкратце сказание от жития великих трех иерархов Петра, Алексея, Ионы митрополитов Киевских и всея Руси чудотворцев. Списано повелением святейшего патриарха Кирь Иова Московскаго и всея Руси».

Во вступлении ко всем трем житиям говорится: «Похваляему праведнику возвеселятся людие, яко же рече премудрый Соломон: „Понеже праведнии во веки живут и от господа мзда их и строение их от вышняго“. О сем же яве, предвозвещаая Давид, бог отец, похваляя глаголет: „Радуйтесь, праведнии, о господе, праведным подобает похвала“». Это отрывок из Жития Петра распространенной редакции, но библейские изречения, цитируемые Киприаном, передаются в прямой речи.

Как и в «Похвальном слове» Киприана, в этом тексте заимствованные отдельные факты дополнены похвалой. Так, после сна матери автор кирилло-белозерского списка добавляет: «Сие бе в животе и по преставлении дивно и неизреченна знаменая и чудеса. Кто бо не похвали блаженнаго оного корени израстившаго нам прекрасную леторасль. От нея же приемлем сладкия плоды благословесных вещаний. Радуется великая Россия!»

Текст Киприана пересказывается здесь с частым использованием его выражений: «Геронтий, некто игумен Владимирский самовластия недугом толику бе обжат, яко дерзости дерзну на седилице учительством сести. И приемле же пастырский жезл и вся святительская одеяния. Еще же и самую богоматере икону, юже блаженный Петр Раифьский игумен написа и иде к царствующему граду Константину. . .»

В рассказе о том, что Петр подчиняется воле князя, пожелавшего видеть Петра на митрополичьем престоле, автор использует слова из псалма 131, песнь «Восхождение», стих 16, которые употребляются и Макарием: «Петр повинувся воле божией, вспомянув пророка, глаголюща: „На тя господи уповах да не постыжуся вовеки. Священници твои облукются правдою и преподобнии твои радостию возрадуются“. И нача к путеви управлятися». Тот же отрывок в редакции Макария: «И святой преклоняется, вспомяна пророка, глаголющего: „Священници твои облукются правдою и преподобной твоей радостью возрадуются“. И пакы: „Ты еси иереи во веки, по чину Мелхиседекову. Господь одесную тебе сокрушаа брани исходит к весем их“. И сам убо блаженный Петр к путеви готовяся и управляешя».

Автор кирилло-белозерской редакции, вероятно, был знаком и с мненьным текстом. Из всех чудес сюда включается чудо у гроба святого с человеком, имевшим прежде неверие ко святому. Чудо заключается в том, что человек этот увидел Петра сидящим «аки жива» и окрест себя народ благословляющим, и рассказал о чуде князю Ивану Даниловичу. Фактических же добавлений, кроме того, что Геронтий здесь называется игуменом Владимирским, в этой редакции и вышеупомянутых двух других нет.

В одном из других произведений о митрополите Петре обнаружено чудо с голубем, ранее нигде не встречавшееся. Изложение чуда включено в «Повесть о перенесении мощей Петра» из Пролога второй половины XVI в. на июнь—август (ГПБ, ф. 354, № 20).

Голубь оказался на том месте, куда хотели положить мощи Петра, и исчез, когда мощи были положены. «Голубь был парящ на месте том, иде же святителя мощи положити хотяху. Егда ж святыя святителя мощи на святом уготованном положены быша месте, абие голубь невидим бысть. И оттоле начат праздноватися сиецевый праздник перенесения честных Петра митрополита мощей».

Таким образом, в заключении можно назвать следующие известные редакции Жития Петра.

1. Первоначальная редакция, написанная в 1326—1327 гг. неизвестным москвичом, называемая ранее Прохоровской.
2. Житие Петра, написанное Киприаном в 1381 г. на основе первоначальной — киприановская редакция.
3. «Похвальное слово Петру», написанное Киприаном в 1397—1404 гг.
4. Макарьевская, минейная редакция, 1529—1552 гг.
5. Проложная редакция, начало XVI в.
6. Кирилло-Белозерская редакция, XVIII в.

Д. Н. БРЕЩИНСКИЙ

Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции и его литературная история

Житие инокa Корнилия Выговского существует, как известно,¹ в двух редакциях — простой, написанной в 1720-х гг. бывшим келейником Корнилия Пахомием, и литературно украшенной, составленной в 1731 г. уставщиком Выговской поморской пустыни Трифоном Петровым. Первая из них подготовлена нами к печати и будет издана отдельно.² При подготовке текста пахомиевской редакции к изданию необходимо было выяснить ее литературную историю. Эта история и является предметом настоящего исследования.

Начнем с археографического обзора обследованных списков Жития, а затем уже перейдем к разбору их взаимоотношений, ставя своей целью не только построить стемму, но и обосновать выбор текста, положенного нами в основу публикации.

1. Археографический обзор списков

Списков Жития Корнилия дошло до нас довольно много — особенно его 1-й (пахомиевской) редакции.³ Правда, не все они представляют полный текст памятника. Иногда это какой-нибудь поздний сокращенный

¹ См.: Д. Н. Б р е щ и н с к и й. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 127—141.

² См.: Д. Н. Б р е щ и н с к и й. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты). — Подготовлено для печати в сборнике «Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома».

³ Первый претендующий на полноту перечень дошедших до нас списков Жития (обеих редакций) дан в ст.: Д. Н. Б р е щ и н с к и й. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник . . . , с. 127, примеч. 2. Следует сказать, что в этом перечне имеются опечатки: букву «О» в шифрах двух списков 1-й редакции (ГПБ, О.І.153; ГПБ, собр. П. П. Вяземского, О.ІІІ) и одного списка 2-й редакции (ГПБ, О.І.121) следует читать как «Q».

Источником сведений о рукописях с Житием Корнилия служат как научно-критическая литература, так и некоторые библиографические труды и справочные пособия, указывающие старообрядческие произведения в рукописных собраниях. Настоящей книгой при такого рода изысканиях является труд В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний» (СПб., 1912). Из более современных библиографий, содержащих сведения о списках Жития, можно указать книги В. И. Малышева «Усть-Цилемские сборники XVI—XX вв.» (Сыктывкар, 1960) и «Древнерусские рукописи Пушкинского дома (обзор фондов)» (М.—Л., 1965). В первой из них дается подробное описание рукописей.

Печатные источники мы дополнили непечатными — архивными указателями рукописей, хранящихся в Древлехранилище ИРЛИ (Описание древнерусских рукописей, поступивших после 1965 г.) и в Рукописном отделении БАН (Опись приемная старообрядческим рукописям собрания В. Г. Дружинина, поступившим в Библ. Ак. Наук по акту 1931 года). Следует учесть, что архивная работа была завершена в 1972 г. — с новейшими поступлениями в рукописные фонды автор не имел возможности ознакомиться.

вариант или отрывки из Жития. В общей сложности нам удалось выявить 31 список 1-й редакции, а обследовать 15 из них, т. е. почти половину (архивная работа ограничилась материалами Пушкинского дома и БАН). Речь далее будет идти только об учтенных списках, которые, надо думать, достаточно полно отражают движение текста памятника.

Как показывает изучение списков, текст 1-й редакции представлен двумя вариантами — обстоятельство, которое впервые было отмечено нами. Один вид текста (основной) отличается относительной простотой языка и стиля. Списки этого вида делятся на ряд групп, каждая из которых обладает характерными, только ей присущими чтениями. К источнику протографа одной из них восходит архетип второго (особого) вида, который сильно «олитературен» (но намного меньше редакции Трифона Петрова!) и местами распространен. Приметное отличие особого вида от основного — развернутое описание собора старообрядцев о перекрещивании с крупными добавлениями, цель которых — теоретически обосновать постановление собора (есть ссылки на конкретные религиозные догматы и церковные правила). Списки этого вида монолитны и мало различаются между собой.

Кроме основного и особого видов 1-й редакции существуют еще сокращенные разновидности текста, возникшие независимо друг от друга и представляющие собой его позднюю модификацию. Для выяснения литературной истории Жития они особого значения не имеют.

Мы располагаем 8 списками основного вида, 4 списками особого вида и 3 списками сокращенных переработок Жития. Рассмотрим их подробнее, коротко характеризуя состав рукописей, в которые они входят. Но сперва необходимо бегло охарактеризовать поздние добавления к Житию, которые, как увидим, служат внешним признаком вида.

В большинстве списков пахомиевская редакция завершается небольшим послесловием — припиской, сделанной, как явствует из ее содержания, в 1767 г. другом Пахомия, получившим от автора рукописи Жития для переписания. Приписка встречается в двух вариантах — полным и кратком (в последнем опущена вторая половина приписки).⁴ Также не принадлежат перу Пахомия «повести» о патриархе Никоне, как правило, сопровождающие Житие в рукописях.⁵ Всего этих повестей четыре, хотя не всегда они встречаются в полном составе. Во многих списках они снабжены общим заглавием.⁶ Вот как описывает их исследователь Жития В. Г. Дружинин, пользовавшийся списком ГПБ, Q.I.401: «За Житием Корнилия, в той же тетради, помещено еще несколько статей о патриархе Никоне. Из них три первые записаны со слов Корнилия, но не Пахомием. . . Все они содержат клеветы на патриарха. Первая сообщает о подьяке Филиппе, которого будто оскорбил Никон; вторая о том, будто игумен Анзерской пустыни Елеазар видел, как во время богослужения, совершаемого Никоном в монастыре, при чтении Евангелия, змей обвился вокруг шеи Никона. Третья сообщает рассказ какого-то Дмитрия с Волги о беседе Никона с бесами. Затем помещено сочинение диакона Феодора Иванова

⁴ Краткая приписка кончается словами: «И еже слышах, тако и написах от истинны в ползу слышащем и чтущим душам и в наследие живота вечнаго. Сие преписано с самого его инока Пахомия руки» (ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 42, л. 123 об.). В полной приписке вместо последней фразы — заметка о том, что Пахомиев оригинал пролежал у друга Пахомия «многа лета неперисано» (ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 52, л. 88 об.), пока наконец не был им переписан в 1767 г.

⁵ 2-я редакция тоже сопровождается добавочными статьями — традиционными рассказами о «чудесах», творимых Корнилием. Но они, по-видимому, были написаны самим Трифоном Петровым. Изредка они встречаются вместе с текстом 1-й редакции (см. ниже описание списков *М* и *Д*).

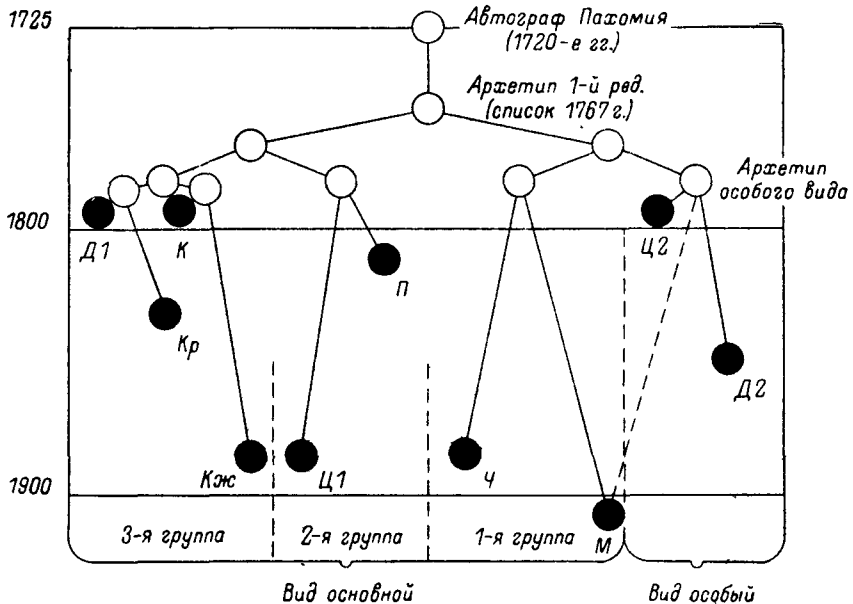
⁶ Приводим текст общего заглавия повестей о Никоне по списку БАН, собр. Дружинина, № 991, л. 23: «Сказание иное сверх онаго от святых отец и прочих вящихих людей о Никоне, патриархе Московском, что в нем збытся злое намерение и безстрашие — о том ниже сего покажет».

„о богоотметнике Никоне“...»⁷ Указание на то, что первые три повести не были написаны Пахомием, Дружинин усматривает в том, что жизнеописатель Корнилия всегда говорит о себе в 1-м лице («аз, Пахомий»), тогда как автор или авторы повестей пишут «мы».⁸ Что же касается последней, более длинной повести, встречающейся в списках и отдельно, то принадлежность ее перу пустозерского соузника Аввакума дьякона Федора оспаривалась в научной литературе,⁹ хотя раннее ее возникновение (XVII в.) не подлежит сомнению. Тексты всех четырех повестей опубликованы В. Н. Перетцом.¹⁰

При рассмотрении обследованных нами списков Жития Корнилия будем обращать внимание на характер приписки о Пахомии (послесловие) — полная ли она или краткая; будем также отмечать состав приложения к Житию — все ли повести о Никоне присутствуют (обозначим их по порядку I, II, III и IV) и имеют ли они общее заглавие (указываемые ниже листы рукописей не включают добавочных статей, так как повести не принадлежат перу Пахомия). Эти особенности помогают классифицировать списки Жития, которые мы заранее располагаем по видам в порядке, отражающем их внутреннее родство.

Списки основного вида

1. ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 52, 4°, л. 48—79, 88—88 об., полуустав, последняя четверть XIX в. (далее Ц1).

Сборная рукопись подробно описана в кн.: В. И. М а л ы ш е в. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., с. 104. Состоит из трех рукописей, вторую из которых (л. 48—89 об.) почти целиком занимает Житие Корнилия (см. рисунок) с добавочными статьями. Конец второй рукописи утерян. За Житием Корнилия следовало Житие Кирика и Улиты, только один лист которого сохранился — нет начала и конца

⁷ В. Г. Дружинин. О Житии Корнилия Выгопустынского, написанном Пахомием. — ЖМНП, 1884, сентябрь, с. 11—12.

⁸ Там же, с. 11, примеч. 5.

⁹ См., например: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898, с. XCII, примеч. 160.

¹⁰ В. Н. Перетц. Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII—XVIII веков. — ИОРЯС, т. V, 1900, кн. 1, с. 144, 147, 149—151, 162—169.

произведения. Также утеряно несколько листов с текстом IV повести о Никоне, но текст самого Пахомиева сочинения представлен полностью. Это единственный привлеченный к исследованию список памятника с иллюстрациями: на л. 58 об. изображено два креста — четырехконечный и восьмиконечный, а на противоположном листе — титло. Приписка о Пахомии полная (но помещена после повестей о Никоне); повести о Никоне — все, без общего заглавия (л. 79—88). Всего 115 л.

В указанной выше книге Малышев сравнивает Ц1 со списком Жития, который находится в сборнике № 42 того же собрания (см. ниже). Он пишет: «Список в общем сходен со сборником № 42 и имеет такие же дополнительные статьи, но приписка о Пахомии перенесена в самый конец, введено несколько новых имен и заметны сокращения и стилистические исправления. Пахомьевская редакция в печорской обработке». Говоря о расхождениях между двумя списками, Малышев без всякого основания приписывает их поздним изменениям в Ц1. Однако, как показывает текстологическое изучение памятника, дело обстоит как раз наоборот. Ц1 отражает гораздо более древний текст, чем сборник № 42 (хотя значительно моложе его), и положительно не является печорской переработкой Жития.

2. ИРЛИ, Пинежское собр., № 173, 4°, л. 1—23, беглый полуустав, начало XIX в. (далее П).

Насколько нам известно, рукопись в печати раньше не упоминалась. Содержит только Житие Корнилия с отрывком в конце из «Сказания о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского». Список дефектный — утеряно два листа текста (л. 14 и 15).¹¹ Приписка о Пахомии полная; повести о Никоне — все, без общего заглавия (л. 23 об.—32). Всего 32 л.

3. ИРЛИ, Причудское собр., № 14, 4°, л. 37—63, полуустав, 80-е гг. XIX в. (далее Ч).

Сборник указан в кн.: В. И. М а л ы ш е в. Древнерусские рукописи Пушкинского дома, с. 138. Состоит главным образом из выписок из различных древнерусских книг. Кроме Жития Корнилия содержит: полемические сочинения (некоторые вестаро-обрядческого происхождения: «Вопросы о патриархе Никоне» боярина С. Л. Стрешнева и «Ответы» митрополита Газского Паисия Лигарида, «Увет духовный» епископа холмогорского Афанасия), повесть о Тимофее Владимирском и т. п. Приписки о Пахомии нет; повести о Никоне — III и IV, с общим заглавием, но отличным от того, которое имеется в других списках (л. 63—71 об.).¹² Всего 216 л.

4. ИРЛИ, Мезенское собр., № 31, 8°, л. 6—57, полуустав, начало XX в. (далее М).

Сборник (Цветник) указан в кн.: В. И. М а л ы ш е в. Древнерусские рукописи Пушкинского дома, с. 59. Кроме Жития Корнилия содержит: выписки из Альфы и Омеги, Пчелы и большого Катехизиса, выборки из сочинений протопопа Аввакума (о том, какому святому о какой болезни молиться) и Андрея Денисова («Наречение Аввакума пророка, что праведный от веры жив будет»), послание архиепископа новгородского Василия к тверскому епископу Федору, Житие преподобного Онуфрия пустытника, различные повести, притчи и поучения, а также две добавочных статьи из 2-й редакции Жития Корнилия — «О ловитве рыбы» и «О возвращении по обещанию и прешествии реки» (л. 260—265 об.). В конце Жития есть крупные сокращения, а также добавления по списку особого вида. Список подвергался чужой правке. Приписка о Пахомии полная; повести о Никоне — все, без общего заглавия (л. 57—74). Всего 338 л.

5. БАН, собр. Дружинина, № 991, 4°, л. 1—22 об., полуустав, 80-е гг. XVIII в. (далее Д1).

Насколько нам известно, сборник в печати раньше не упоминался. Содержит Житие Корнилия и 4-е слово Григория Синаита (сохранилось только начало). Две последние тетради сборника помечены как 9 и 10, из чего следует, что рукопись вхо-

¹¹ Это не было учтено позднейшей пагинацией (впоследствии она исправлялась с учетом утерянных листов).

¹² Вот текст этого заглавия: «Сказание о Никоне патриархе изменении веры древле-православной апостольской церкви» (ср. с традиционным общим заглавием выше, примеч. 6). Не исключено, что в источнике списка Ч заглавия не было и его присочинил сам переписчик ad hoc.

дила в состав более полного по объему сборника.¹³ Список подвергался чужой правке. Приписка о Пахомии полная; повести о Никоне — все, с общим заглавием (л. 23—31 об.). Всего 31 л.

6. ИРЛИ, Карельское собр., № 38, 4°, л. 113—139 об., полуустав, 30-е гг. XIX в. (далее *Kp*).

Сборная рукопись упоминалась в литературе¹⁴ и указана в кн.: В. И. М а л ы ш е в. Древнерусские рукописи Пушкинского дома, с. 43. Состоит из восьми рукописей, семью из которых (л. 112—150) полностью составляет Житие Корнилия с добавочными статьями. Приписка о Пахомии полная; повести о Никоне — все, с общим заглавием (л. 139 об.—150). Всего 154 л.

7. ИРЛИ, колл. Ф. А. Каликина, № 71, 8°, л. 93—124 об., полуустав, XVIII в. (далее *K*).

Сборник указан в кн.: В. И. М а л ы ш е в. Древнерусские рукописи Пушкинского дома, с. 36. Кроме Жития Корнилия содержит сочинения протопопа Аввакума, инока Авраамия и др. Список подвергался чужой правке; исправления вносились в основном на полях, позже обрезанных, вследствие чего правка во многих местах частично утрачена. Рукопись подпорчена — обсыпался один угол у корешка с утратой текста Жития. Приписка о Пахомии полная; повести о Никоне — все, с общим заглавием (л. 124 об.—137). Всего 196 л.

8. ИРЛИ, Керженское собр., № 30, 4°, л. 2—17, скоропись, конец XIX в. (далее *Kж* (тот же текст полууставом — *кж*)).

Рукопись указана в кн.: В. И. М а л ы ш е в. Древнерусские рукописи Пушкинского дома, с. 54. Содержит только Житие Корнилия. Особенностью рукописи является то, что основной, скорописный, текст (*Kж*) сопровождается надстрочной копией полууставом (*кж*) вплоть до л. 16, на котором копия обрывается. На л. 6 основного текста скоропись на полуслове сменяется полууставом, идентичным почерку копии (которая в этом месте тоже имеется), а несколькими строками ниже полуустав снова переходит в скоропись. Из этого следует, что *Kж* и *кж* переписывались одним писцом. Между ними наблюдаются незначительные расхождения. Края рукописи обрезаны, вследствие чего текст Жития местами утрачен. Приписка о Пахомии полная; повести о Никоне — все, с общим заглавием (л. 17—20). Всего 22 л.

Списки особого вида

9. ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 42, 8°, л. 50 об.—123 об., поморский полуустав, конец XVIII в. (далее *Ц2*).

Сборник упоминался в литературе¹⁵ и подробно описан в кн.: В. И. М а л ы ш е в. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., с. 97—98. Житие Корнилия завершает сборник, содержащий еще памятники ранней старообрядческой литературы (отрывки из письма инока Авраамия боярыне Морозовой и «Книги бесед» протопопа Аввакума, «5-я» челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу) и выписку из Откровения Мефодия Патарского. Приписка о Пахомии краткая; повести о Никоне — II, III и IV, без общего заглавия (л. 124—145). Всего 151 л.¹⁶

¹³ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить сотрудника Отдела древнерусской литературы ИРЛИ Г. В. Маркелова за описание и датировку этой рукописи и следующей.

¹⁴ R. O. S t u m m e y. The Old Believers and the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State, 1694—1855. Madison, Milwaukee and London, 1970, p. 36; Н. В. П о н ы р к о. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 164—167.

¹⁵ S. A. Z e n k o v s k y. The Confession of Epiphany, a Muscovite Visionary. — In: Studies in Russian and Polish Literature in Honor of Waclaw Lednicki, ed. Zbigniew Folejewski et al. 's-Gravenhage, 1962, p. 52.

¹⁶ Позднейшая пагинация сборника неверная: 1) первые три листа (они без текста) не пронумерованы; 2) два листа помечены как 55, отчего весь счет сбивается. Согласно этой пагинации Житие Корнилия начинается на л. 47 об. и кончается на л. 119 об. вместо того, чтобы начинаться на л. 50 об. и кончаться на л. 123 об. Обратив внимание при описании сборника на то, что имеющаяся пагинация не учитывает трех чистых

10. ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собр., № 193, 8°, л. 45 об.—123 об., поморский полуустав, конец XVIII в. (далее *Цн*).

Насколько нам известно, сборная рукопись в печати раньше не упоминалась. Состоит из двух рукописей, первая из которых (л. 1—145 об.) представляет собой сборник, аналогичный по содержанию *Ц2* (вторая, содержащая повести дьякона Федора, была присоединена к ней позже И. С. Мяндиным, который реставрировал и переплел всю книгу). Первая рукопись подпорчена — подмокли листы у корешка, вследствие чего текст Жития местами неразборчив. Приписка о Пахомии краткая; повести о Никоне (другой рукой) — II, III и IV, без общего заглавия (л. 124—145 об.). Всего 164 л.

11. ИРЛИ, Мезенское собр., № 8, 8°, л. 30—80 об., полуустав, конец XVIII в. (далее *М1*).

Сборник указан в кн.: В. И. М а л ы ш е в. Древнерусские рукописи Пушкинского дома, с. 59. Житие Корнилия завершает сборник, содержащий еще сочинения протопопа Аввакума (отрывки из «Книги бесед», «5-я» челобитная царю Алексею Михайловичу); ср. *Ц2*. Приписка о Пахомии краткая; повести о Никоне — II, III и IV, без общего заглавия (л. 81—97 об.). Всего 98 л.

12. БАН, собр. Дружинина, № 241 (старый № 254), 8°, л. 44—104 об., полуустав, XIX в. (далее *Д2*).

Сборник упоминался в литературе¹⁷ и указан в кн.: В. Г. Д р у ж и н и н. Писания русских старообрядцев, с. 22б. Житию Корнилия 1-й редакции предшествует список его 2-й редакции с добавочными статьями в конце (л. 5—43 об.). Сборник завершается различными нравоучительными статьями. Приписка о Пахомии краткая; повести о Никоне — II, III и IV, со словами «О Никоне» вместо традиционного общего заглавия (л. 105—124). Всего 153 л.

Сокращенные варианты и переработки

13. ИРЛИ, Отдельные поступления, р. IV, оп. 24, № 22, 8°, л. 1—18, полуустав, XIX в. (далее *ОП*).

Сборник указан в кн.: В. И. М а л ы ш е в. Древнерусские рукописи Пушкинского дома, с. 152. Кроме Жития Корнилия содержит выписки из Номоканона и старообрядческое полемическое сочинение в виде вопросов и ответов. Текст Жития не полон и местами несколько переработан (нет начала и конца, отсутствует ряд эпизодов, заметны сокращения и стилистические исправления). Список явно восходит к особому виду. Приписка о Пахомии краткая; повести о Никоне — II, III и IV, без общего заглавия (л. 18—25 об.). Всего 64 л.

14. БАН, собр. Дружинина, № 976, 4°, л. 1—20 об., скоропись, XIX в. (далее *Д*).

Насколько нам известно, рукопись в печати раньше не упоминалась. Содержит только Житие Корнилия. Список, по-видимому, восходит к особому виду, хотя имеются пропуски и текст местами переработан (заметны сокращения и стилистические исправления, несколько подновлен язык). Между Житием и повестями о Никоне вклинилась добавочная статья из 2-й редакции — «О ловитве рыбы» (л. 21—21 об.). Приписка о Пахомии полная; повести о Никоне — II, III и IV, без общего заглавия (л. 21 об.—29). Всего 30 л.

15. ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 66, 8°, л. 254—270 об., печорский полуустав, третья четверть XIX в. (далее *Ц*).

Сборник подробно описан в кн.: В. И. М а л ы ш е в. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., с. 112—115. Кроме Жития Корнилия содержит выборки

листов в начале, Малышев не замечает, что дальше из счета выпадает еще один лист. Поэтому повести о Никоне начинаются у него на л. 123 (вместо л. 124) и указано всего 150 л. в сборнике; см.: В. И. М а л ы ш е в. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., с. 97—98.

¹⁷ Я. Л. Б а р с к о в. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, с. 391.

из различных исторических сочинений (в частности, из Хронографа), выписки из Великого зеркала, Стоглава, Старчества, Кормчей, Миней-четьех Дмитрия Ростовского и Пролога, отрывок из Жития преподобного Варлаама чудотворца, Житие Федора, епископа едесского, Житие Кирика и Улиты, различные древнерусские повести (иногда в печорской обработке, например, Повесть о царице и львице), а также некоторые другие произведения. Первые несколько листов с Житием Корнилия отсырели с краю, вследствие чего текст местами неразборчив. Малышев в указанной выше книге характеризует список так: «Сокращенный печорский вариант». Действительно, он резко отличается от всех остальных списков, представляя собой скорее пересказ Жития. Язык сильно подновлен и текст настолько переработан, что трудно сказать, к какому виду он восходит. Приписки о Пахомии и повестей о Никоне вообще нет. Всего 478 л.

Предварительный анализ списков Жития и рукописей, в состав которых они входят, дает результаты, представленные схематически на таблице.

Данные предварительного анализа списков
Жития Корнилия Выговского пахомиевской редакции

Список	Тип рукописи	Формат	Почерк	Возраст	Послесловие	Повести о Никоне	
						Общ. загл.	Состав

Основной вид

<i>Ц1</i>	сборн. в сб. ркп.	4°	полууст.	XIX в. (посл. четв.)	полн.	нет	все
<i>П</i>	отд. ркп.	4°	полууст.	XIX в. (нач.)	полн.	нет	все
<i>Ч</i>	сборн.	4°	полууст.	XIX в. (80-е гг.)	нет	особ.	III, IV
<i>М</i>	сборн.	8°	полууст.	XX в. (нач.)	полн.	нет	все
<i>Д1</i>	сборн.	4°	полууст.	XVIII в. (80-е гг.)	полн.	есть	все
<i>Кр</i>	отд. ркп. в сб. ркп.	4°	полууст.	XIX в. (30-е гг.)	полн.	есть	все
<i>К</i>	сборн.	8°	полууст.	XVIII в.	полн.	есть	все
<i>Кж</i>	отд. ркп.	4°	скороп. и полууст.	XIX в. (кон.)	полн.	есть	все

Особый вид

<i>Ц2</i>	сборн.	8°	поморск. полууст.	XVIII в. (кон.)	кратк.	нет	II, III, IV
<i>Цн</i>	сборн.	8°	поморск. полууст.	XVIII в. (кон.)	кратк.	нет	II, III, IV
<i>М1</i>	сборн.	8°	полууст.	XVIII в. (кон.)	кратк.	нет	II, III, IV
<i>Д2</i>	сборн.	8°	полууст.	XIX в.	кратк.	нет	II, III, IV

Переработки

<i>ОП</i>	сборн.	8°	полууст.	XIX в.	кратк.	нет	II, III, IV
<i>Д</i>	отд. ркп.	4°	скороп.	XIX в.	полн.	нет	II, III, IV
<i>Ц</i>	сборн.	8°	печорск. полууст.	XIX в. (третья четв.)	нет	нет	нет

Вид текста, который мы назвали основным, характеризуется 1) полной припиской о Пахомии и 2) наличием в приложении всех четырех повестей о Никоне. В одной группе списков этого вида (*Ц1*, *П*, *Ч*, *М*), как и в особом варианте Жития, добавочные статьи не имеют традиционного общего заглавия; в другой его группе (*Д1*, *Кр*, *К*, *Кж*) это заглавие присутствует и является одним из ее отличительных признаков. (Исключение представляет собой список *Ч*, в котором послесловие вообще отсутствует, а из четырех добавочных статей имеются только две последние. Статьи предварены общим заглавием, но оно достаточно отличается от тради-

онного, чтобы допустить, что это индивидуальная особенность \mathcal{C}^{18}). Особый вид текста характеризуется, наоборот, 1) краткой припиской о Пахомии, 2) отсутствием общего заглавия повестей о Никоне и 3) отсутствием повести I. На этом основании из списков сокращенных вариантов *ОП* можно причислить к особому виду, а *Д* — условно к особому (отсутствует общее заглавие повестей и повесть I, но приписка о Пахомии полная). Переработанный список *Ц* лишен в этом отношении характерных черт.

Житие встречается как в сборниках, так (реже) и в отдельных рукописях; и те и другие иногда входят в состав сборных рукописей — конвюлютов. Отдельные рукописи характерны для списков основного вида (*П*, *Кр*, *Кж*), хотя и здесь преобладают сборники. Списки особого вида находятся исключительно в сборниках, причем в составе последних наблюдается определенная закономерность.

Сборники *Ц2* и *Цн* (последний является частью сборной рукописи) идентичны по своему составу и расположению в них материала. Кроме Жития Корнилия, которое завершает оба сборника, они содержат отрывок из письма инок Авраамия боярыне Морозовой, отрывок из «Книги бесед» протопопа Аввакума (вступление и 1-я беседа, без конца), выписку из Откровения Мефодия Патарского и «5-ю» челобитную Аввакума царю Алексею Михайловичу. Мало того, оба сборника написаны четким поморским полууставом, резко отличающимся от полуустава всех остальных привлеченных к исследованию рукописей.¹⁹ Одинаков и их внешний вид: оба они форматом в 8-ку, имеют переплет из досок, обтянутых тисненой кожей, с двумя медными застежками. Совершенно ясно, что они восходят к одной и той же рукописной традиции и, может быть, даже вышли из одного скриптория, хотя, очевидно, переписывались разными писцами (их почерки несколько различаются между собой). Близок к ним по составу сборник *М1* (в него только не вошли сочинения Авраамия и Мефодия Патарского); как и в *Ц2* и *Цн*, Житие Корнилия с последующими статьями расположено в самом конце сборника. Обратим внимание на то, что все три сборника — *Ц2*, *Цн* и *М1* — датируются концом XVIII в. Из этого следует, что общая рукописная традиция, к которой они восходят, весьма древняя.

Последний список особого вида — *Д2* — входит в состав совершенно особого сборника (XIX в.). Это единственная известная нам рукопись, совмещающая обе редакции Жития (1-я непосредственно следует за 2-й). Некоторые другие списки 1-й редакции (*М*, *Д*) встречаются в рукописях вместе с добавочными статьями из 2-й редакции, но никогда — с самой переделкой Трифона Петрова.

Любопытно вот еще что: все списки особого вида, включая родственный им *ОП*, входят в сборники в 8-ку. В то же время для списков основного вида характерны рукописи в 4-ку. Исключение представляют собой только *М* и *К* — оба в 8-ку. *К*, по-видимому, никакого отношения к особому виду не имеет; однако *М*, как будет показано ниже, в одной своей части контаминирован текстом особого вида. Это в какой-то мере позволяет рассматривать даже формат рукописи как отличительный признак вида текста.

Наши списки показывают, что старообрядцы отдавали явное предпочтение полууставу — даже в XIX в., к которому большинство рукописей относится. Скорописью написаны только *Д* и *Кж*, да и то первый является поздней переработкой Жития, а последний был позже частично переписан тем же писцом полууставом (*кж*). Из остальных рукописей выделяются своим почерком *Ц2* и *Цн*, написанные, как сказано, поморским полууста-

¹⁸ См. выше, примеч. 12.

¹⁹ В *Цн* приложение к Житию написано другой рукой — полууставом, но не поморским. Любопытно, что сопоставление его с почерком писца *Д2* обнаруживает большое сходство, хотя почерки не идентичны.

вом. Единственный пример печорского полуустава²⁰ — сильно переработанный список *Ц*, что характерно. Как пишет В. И. Малышев, «древнерусских произведений на низовой Печоре в XIX в. было переработано, по-видимому, немало».²¹

2. Взаимоотношение списков

Исключаем из дальнейшего разбора *Цн*, *М1*, *ОП*, *Д* и *Ц* — первые два на том основании, что списки особого вида, к которым они относятся, практически не различаются между собой,²² последние три — потому что они представляют собой сокращенные, переработанные варианты Жития и стоят в стороне от главных направлений литературной эволюции памятника.²³ Ничего существенного к истории движения текста ни те, ни другие не прибавляют.

У нас остается 10 списков Жития — 8 основного варианта (*Ц1*, *П*, *Ч*, *М*, *Д1*, *Кр*, *К*, *Кж*) и 2 особого (*Ц2*, *Д2*). За основной список — к нему подводятся разночтения по другим спискам в опубликованном тексте — примем *Ц1*. Обоснование этого выбора дадим ниже.

* * *

Как было уже отмечено, текст особого вида последовательно «олитературен» и местами сильно распространен за счет разного рода дополнений и пояснений. Мы указали пространный вариант рассказа о Московском соборе старообрядцев как главную отличительную черту этого вида. В критическом аппарате к тексту основного списка (см. публикацию)

²⁰ О печорском полууставе см.: В. И. М а л ы ш е в. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., с. 19.

²¹ Там же, с. 32.

²² Как мы знаем, *Цн* и *М1* восходят к той же рукописной традиции, что и *Ц2*, в то время как последний имеющийся в нашем распоряжении список особого вида, *Д2*, судя по составу и датировке сборника, в котором он находится, стоит от них в стороне. Поэтому, чтобы охватить рукописную традицию особого вида полностью, достаточно ограничиться разночтениями лишь «крайних» его представителей — *Ц2* и *Д2*.

²³ *ОП* определенно восходит к особому виду — в нем без существенных изменений воспроизведен отличительный для этого вида пространный рассказ о Московском соборе старообрядцев. Помимо отдельных сокращений и стилистических исправлений, главное, что отличает список от особого вида, — это крупные пропуски в его тексте (опущен, например, целый ряд эпизодов как предшествующих фрагменту о старообрядческом соборе, так и следующих за ним). Можно даже охарактеризовать *ОП* как отрывки из особого варианта Жития с мелкими изменениями текста.

Хотя в *Д* фрагмент о соборе отсутствует, а в *Ц* сильно сокращен и переработан, есть основания предполагать, что источником и этих списков послужил «олитературенный» вариант Жития. Впрочем, *Д*, по-видимому, заимствует и из основного варианта: он попеременно сближается то с одним видом текста, то с другим. Это видно даже по тем внешним его особенностям, которые мы отмечали выше: приписка о Пахомии в нем полная (основной вид), первая повесть о Никоне и общее заглавие повестей отсутствуют (особый вид). Но в общем текст *Д* все-таки ближе к особому виду.

Оба списка — *Д* в меньшей степени, *Ц* в большей — опрощают язык оригинала. Вот, например, как в каждом из них передается разговор между Сергием и Филофеем, двумя московскими миссионерами, с которыми Корнилий в Каргополе «прение чинил». Сначала приведем текст по списку особого вида *Ц2* (в протографе этого вида слова Сергия были восприняты как обращение Корнилия к миссионерам): «Многажды убо рещи Сергию и Филофею: „Молчи! Хотя наша не права вера, да быть тому времени так“» (л. 92—92 об.). В *Д* читаем: «Многажды рече Сергий к Филофею: „Молчи, Филофее! Видиши сам, что наша не права вера, да быть тому времени так“» (л. 14). В *Ц* этот отрывок приобретает уже совсем просторечный характер: «Только сказали: „Молчи! Хоша вера наша и не права, да быть времени“» (л. 264).

Заметим, что слова «вера» и «времени» в этом отрывке присущи только особому виду текста. Их наличие в *Д* и *Ц* как будто указывает на связь этих списков с традицией особого вида, однако рядом других своих особенностей (в пределах данного отрывка) эти списки сближаются с основным видом, в частности, тем, что прямая речь Сергия не вкладается в уста Корнилия (ср.: Д. Н. Б р е щ и н с к и й. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты), л. 66 об. основного списка). Ясно, что вопрос о происхождении переработок Жития не так прост, как может на первый взгляд показаться, и нуждается в более подробном рассмотрении.

самые крупные добавления во фрагменте о соборе читаются в вариантах: ХХI, 91; ХХII, 2—7, 14—22. Здесь более подробно и обстоятельно, чем в основном виде, указываются причины, побудившие ревнителей старины «собраться вкупе»: в Ц1 (основной вид) говорится только о «никониянском крещении», в Ц2 (особый вид)²⁴ о «нынешнем никониянском еретическом крещении, по новопечатным книгам бывающее под двочастным крыжем», и т. д.; к этому в Ц2 прибавляется, что отцы «начаша совет творити» и «ради новоизданнаго их (сторонников Никона, — Д. Б.) символа веры», и «за отложение всего древлецерковнаго. . . благочестия» (следует перечень основных «отложенных» Никоном обрядов). Уже на основе этого примера видно стремление особого вида к большей детализации, с одной стороны, и к большей обобщенности — с другой. Обстоятельно комментируется в нем постановление старообрядческого собора: если в Ц1 указывается, что участники собора «по апостольским и соборным правилом повелеваша паки совершенно крещати второе», то в Ц2 вместо этого приводятся сами правила; если в Ц1 просто сообщается, что «есть бо таковыя правила — и простолюдину повелевают крестити при нужды», то в Ц2 это сообщение подкрепляется ссылками на отцов церкви, высказывавшихся по этому поводу. Усилена и формулировка неприятия Никоновых реформ. В основном виде читаем: «И вси присудиша купно, что никониянское крещение за крещение не вменяти. . .»; в особом виде это место распространено с введением мотива строгого осуждения «никониян»: «Сия вся и прочая с порицаением отложивше и клятвам и анафемам предавше, тяжкопорицателно устроиша соборне. И за сия и прочая новодействующая изменения вси соборне и общекупно присудиша, что никониянское нынешнее крещение за крещение не вменяти. . .» (следует вышеупомянутый перечень церковных правил, на основании которых это решение было принято). Вообще, текст особого вида намного «авторитетнее» основного и производит впечатление, что над его архетипом работал ученый редактор, часто обращавшийся за справками к писанию «святых отцов».

Кроме пространного рассказа о соборе есть в особом варианте Жития немало других распространенных мест, отличающих этот вариант от основного. Более или менее крупные добавления пронизывают всю его повествовательную ткань, но среди них выделяются три особенно значительные по объему вставки, служащие, как и добавления во фрагменте о соборе, текстологической приметой особого вида. Укажем их, ссылаясь при этом на критический аппарат к публикуемому тексту: XII, 5 (панегирик первым жертвам Никона); XV, 44 (размышления по поводу чудесного исцеления старца Елифания «по отрезании» ему языка в Пустозерске); ХХIX, 16 (предсмертные наставления Корнилия выговской братии).²⁵ Обратим внимание на то, что ни одно из этих мест — и это одинаково относится к большинству крупных добавлений в тексте особого вида — не способствует развитию сюжета: все они по преимуществу идеологического характера и служат целям не столько художественно-повествовательным, сколько религиозно-назидательным.

Особый вариант Жития расцвечен рядом новых подробностей, отсутствующих в основном варианте. Многие из более мелких добавлений в тексте Ц2 и Д2 внесены с целью пояснить или уточнить какой-нибудь факт и обнаруживают глубокое знание дела со стороны писца, творчески работавшего над своим материалом. Так, если в Ц1 сказано, что отсеченная «десная» рука Елифания была «исцелена от болезни вскоре», то в Ц2

²⁴ Поскольку между Ц2 и Д2 есть незначительные расхождения (главным образом орфографические), текст особого вида здесь и ниже приводим по первому из этих списков.

²⁵ К Ц2 и Д2 в последнем из указанных разночтений примыкает список М, в точности воспроизводящий добавленный фрагмент в связи с наставлениями Корнилия. Это объясняется контаминацией списка текстом особого вида, так как в главных своих чертах он целиком и полностью принадлежит к основному варианту Жития (см. ниже).

это уточняется («от болезни *тоя*») и, главное, указывается, каким образом рука старца была исцелена: «явлением богоматере» (XVI, 20). Эта деталь, кстати, свидетельствует о знакомстве редактора особого вида с Житием Епифания (вторая часть), где старец, особенно почитавший богородицу, объясняет свое чудесное исцеление именно ее заступничеством.²⁶ Точно так же, если в Ц1 сообщается, что Корнилий, пожив на Лексе со старцем Сергием, решил перебраться на другое место и поставил себе келию «у порога по Выге вверх», то в Ц2 сочетание «по Выге» несколько расширяется («по Выгу-реки» — опять уточнение!), а смысл слова «вверх» раскрывается так: «повыше устья Лексы» (XIX, 70—74). Редактор-выговец, по-видимому, хорошо знавший то место, где по преданию жил Корнилий, внес и эту деталь в текст Жития. Приведем еще один пример мелких добавлений и переделок в тексте особого вида, проливающих свет на характер обработки текста. К тому месту текста основного вида, где говорится о том, что Корнилий «дойде до глубоцей старости и маторства мастита», в Ц2 дается в прямых скобках (в Д2 скобок нет) пояснение: «еже есть 125 лет» (XXVIII, 47). Не исключено, что скобки восходят к архетипу особого вида (протографу Ц2 и Д2) и лишний раз свидетельствуют о том, что в источнике этого вида указанной вставки, как и других рассмотренных нами дополнений к тексту Жития, не было.

Любопытно, что в списках Ц2 и Д2 слова «дойде» и «глубоцей», читающиеся в последней вышеприведенной цитате из Ц1, заменены соответственно словами «достиже» и «глубочайшия» (XXVIII, 43, 44). Высокопарный оттенок последних очевиден. Такая стилистическая «правка» проведена в особом виде текста достаточно систематично. Если основной вид не лишен разговорных элементов, присущих живой речи, то стиль особого вида явственно тяготеет к книжному, литературному языку. Очень характерны для особого вида славянизмы и разного рода усложненные конструкции. Это особенно заметно на примере глаголов: простой глагол заменяется приставочным («приимут» — «восприимут», XXVII, 87) или — если это форма простого будущего времени — формой сложного будущего времени («приимут» — «восприяти имут», XXVIII, 20); иногда, как мы видели, используется совершенно другой глагол — сходный по смыслу, но принадлежащий к разряду более книжных слов («дойде» — «достиже»). Как правило, — и пример этого мы тоже уже видели — отдается предпочтение превосходной степени имен прилагательных перед положительной («глубоцей» — «глубочайшия»). При этом часто перерабатывается и усложняется вся конструкция. Так, вместо «восприимеши воздаяние благо» читаем в Ц2: «мздовоздание велие восприяти имате» (XXVIII, 73—74). Обратим внимание в этом словосочетании, во-первых, на инверсию (дополнение предшествует управляющему слову), во-вторых, на использование сложного будущего времени глагола и, в-третьих, на замену слов «благо» и «воздаяние» словами «велие» и «мздовоздание». Сложные слова типа «мздовоздание» являются одной из характернейших черт особого вида. В одном из процитированных выше мест Ц2 (в связи с собором старобрядцев) три таких слова следуют почти одно за другим: «тяжкопоричательно», «новодействующая» и «общекупно» (только последнее из них имеет в Ц1 аналог — однокорневое «купно»).²⁷ Кроме того, особый вид изобилует такими словами, как «убо» («Многажды убо рещи Сергию и Филофею. . .», XVII, 86) и «отнюдь» («чесого отнюд стрещися подобает», XXVIII, 1), которые хотя и встречаются в основном виде, но значительно реже.

Существенное отличие особого вида от основного состоит еще в том, что прямая речь Корнилия заменяется в нем косвенной речью. Впрочем,

²⁶ Текст Жития Епифания см. в издании: А. Н. Р о б и н с о н. Жизнеописания Авакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963, с. 194.

²⁷ См. выше, с. 278.

Никоном «подьяка меньшей статьи» Ивана Ладожки — деталь, которая могла редактору *литературного* варианта показаться непристойной. Нетрудно объяснить и сокращение послесловия: исключена его вторая часть (начинающаяся со слов: «Аз же, грешный, писавший сие повествование с самого руки отца Пахомия инока. . .», л. 88 об.), которая явно не принадлежит перу Пахомия и ничего к «аутентичности» произведения не прибавляет. Из этой пропущенной части, между прочим, следует, что оригинал Жития был впервые переписан другом автора «на пользу слышащим» в 1767 г. и тогда же, по-видимому, пущен им в оборот. Все дошедшие до нас списки памятника восходят именно к этой копии — включая и особый вариант, в котором во второй части приписки сохранились слова: «Сие преписано с самого его инока Пахомия руки» (XXX, 20—23, 24, 25—26).

Такие пропуски, как и прочие рассмотренные нами особенности особого вида текста, убеждают во вторичности этого вида, его производности от основного.

* * *

Сопоставление списков основного варианта Жития Корнилия показывает, что этот вариант делится на три группы: 1-ю (*Ч*, *М*), 2-ю (*Ц1*, *П* и 3-ю (*Д1*, *Кр*, *К*, *Кж*). Последняя в свою очередь подразделяется на две подгруппы (*Д1* и *Кр* составляют одну подгруппу, *К* и *Кж* — другую). Каждая разновидность текста обладает характерными, только ей присущими чтениями, но все они вместе взятые существенно отличаются от особого варианта Жития и лучше его воспроизводят архетип пахомиевской редакции — список 1767 г. Кроме того, те расхождения, которые имеются между группами основного вида, носят более или менее случайный, спорадический характер. Ни одна из этих групп не обнаруживает следов такой значительной и «сквозной» правки, какой подвергся особый вид.

Ближе всего к особому виду списки *Ч* и *М*, составляющие 1-ю группу основного вида. Они восходят к тексту, в котором было много пропусков, искажений и ошибок. Так, в вопрошании старца Капитона, к которому Конон (мирское имя Корнилия) пришел «иночествовати», отсутствуют слова «и что есть имя твое» (II, 72—73); в обращении Конона к игумену Корнилиева монастыря, куда будущий инок пошел от Капитона, пропущены выделенные курсивом слова: «Желаю инок быти ти и молю тя, честный отче. . .» (IV, 28—31);³⁰ вследствие повторения имени «Сергий» в родительном падеже пропущен отрывок «И не восхоте жития у Сергия. . .» (XIX, 65—67);³¹ имя существительное двойственного числа «плеча» заменено формой «плечи» (III, 63); вместо глагола «убеже» и глагольной формы «бысть» — «отбеже» (XIV, 14) и «бых» (XVI, 75); ошибочно написание некоторых имен собственных: «Чарандцы» вместо «Чаранды» (XVIII, 41), «Филофию» вместо «Филофею» (III, 3; далее это имя в *Ч* и *М* передается правильно) и т. д.

С особым видом 1-ю группу сближает ряд общих (или сходных) чтений, отсутствующих во всех остальных списках основного вида. Среди них можно указать на: 1) перестановку слов — «есть подвижник» (II, 33—34), «Капитон же отец» (II, 57—59); 2) изменение конструкции — вместо «отец Капитон» — «о отце Капитоне» (II, 29—31); 3) замену одних форм (особенно глагольных) другими, иногда исправляющими чтение, иногда, наоборот, нарушающими грамматическое единство — вместо «свитающе» (в самостоятельном дательном обороте) — «свитающе» (III, 50), вместо «пойдох» (в части, где повествование ведется от лица Корнилия) —

³⁰ Слова «ти и» — индивидуальная особенность основного списка (*Ц1*). «Ти», может быть, усилительная частица.

³¹ В *Ц1* в этом месте еще больший пропуск вследствие повторения слова «келию» (л. 68 об.).

«пойде» (IV, 1); 4) множество добавлений, большей частью мелких — «От сего святейшаго. . . патриарха Иерусалимскаго. . .» (V, 21), «и» (V, 24), «Иерусалимский» (VIII, 21), «сему» (VIII, 90) и т. д. К числу сходных, но не одинаковых чтений, сближающих списки *Ч*, *М*, *Ц2* и *Д2*, относится следующее. В описании аскетической жизни капитонцев, некоторые из которых, как сообщается во всех прочих списках, питались только «*чрез день*», в *Ц2* и *Д2* читаем: «*чрез два дни*», а в *Ч* и *М* — «*чрез день, (а) инии чрез два*» (III, 39). По всей вероятности, последнее чтение архетипное и сохранилось неполностью во всех других разновидностях текста. К неодинаковым, но сближающим эти списки чтениям также следует причислить включение новых лиц в перечень участников собора о перекрещивании — в *Ц2* и *Д2* Капитона, а в *Ч* и *М* (*в том же месте перечня*) — Феодосия и Исидора Козмодемьянского (см. XXI, 80).³² Можно предположить, что последнее чтение первичнее и восходит к общему источнику четырех списков — хотя бы потому, что старец Капитон более известная фигура, чем Феодосий и Исидор, и вряд ли бы был ими заменен, если бы числился в первоисточнике. Можно также предположить, что в архетипе пахомиевской редакции Жития этих имен вообще не было, ибо невероятно, что в одной группе списков из сравнительно длинного перечня лиц два имени подряд были опущены (*Ц1*, *П*, *Д1*, *Кр*, *К*, *Кж*), в другой сохранились (*Ч*, *М*), а в третьей заменены другим лицом (*Ц2*, *Д2*).

К прочим искажениям первоначального текста, читающимся в списках *Ч* и *М*, следует прибавить индивидуальную особенность последнего: его явную контаминацию текстом особого варианта Жития. Контаминация особенно заметна в конце, где она осложнена крупными сокращениями (в пределах разночтений XXVI, 95—XXVIII, 59; см. также XXI, 16), но мелкие заимствования, свидетельствующие о сверке *М* со списком особого вида, встречаются и в других местах, — например, во фрагменте, где рассказывается о пророчестве приехавшего в Москву патриарха Феофана (см. V, 36, 41, 42, 60, 62, 67, 71, 77, 79—80; VI, 6).

К спискам 1-й группы основного вида тесно примыкают списки 2-й — *Ц1* и *П*. Их объединяет множество общих чтений, чаще всего совпадающих с чтениями особого вида и отличающих их от списков 3-й группы — *Д1*, *Кр*, *К*, и *Кж*. Так, если в *Ц1*, *П*, *Ч* и *М* читаем, что капитонцы вместо свитки носили «*по пояс запон*», а в *Ц2* и *Д2* — «*запон по пояс*» (III, 59—62), то в списках 3-й группы это место испорчено: в их общем источнике отсутствовало слово «*по*» (III, 60), вследствие чего была утрачена смысловая связь. Поэтому в *Д1* и *К* читаем просто «*пояс запон*», в *Кж* «*пояс и запон*» (III, 61), а в *Кр* (своеобразное осмысление) — «*пояс за ноги*» (III, 62). Обратим внимание, однако, на то, что порядок слов в 3-й группе во всех случаях соответствует порядку в других списках основного вида, в то время как в особом виде здесь перестановка. Это указывает на связь всех списков основного вида, а отмеченная ошибка в протографе его 3-й группы говорит о вторичности этой группы по отношению к двум другим.

Приведем для убедительности еще несколько примеров, свидетельствующих об обособленности списков 3-й группы. Заметим при этом, что эти списки часто распадаются попарно на две подгруппы, приметное отличие одной из которых (*Д1*, *Кр*) от другой (*К*, *Кж*), а также от всех прочих разновидностей текста — замена в самом начале Архиппа (Корнилий крупил читать его житие) преподобным Нилом (см. I, 41) с последующим крупным

³² Эта деталь, кстати, указывает на тесную связь *Ч* и *М* с древнейшим датированным списком пахомиевской редакции Жития — ГПБ, Q.1.401 (1778 г.), широко использованным «расколоведами» прошлого столетия. Как видно по отрывку, процитированному П. С. Смирновым по этому списку, Феодосий и Исидор здесь тоже упомянуты (см.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII в., с. СХV). По-видимому, однако, этот список более исправный, чем *Ч* и *М*, и восходит не к их протографу, а к общему источнику 1-й группы основного вида, который также был использован составителем особого вида.

пропуском (дефект протографа *Д1* и *Кр*). В общем же списки 3-й группы очень сходны между собой, имея много общих пропусков, добавлений, искажений и ошибок. Во всех отсутствует отрывок, в котором сообщается о разговоре между Корнилием (тогда еще Кононом) и «вратником» Корнильева монастыря (IV, 7—13). Если в прочих списках как год прибытия в Москву патриарха Иерусалимского Феофана указан 7120 (1612 г.), что неверно, то в *Д1*, *Кр*, *К* и *Кж* это переправлено на 7115 (1607 г., — V, 13), что еще более удаляет дату от исторической (1619 г.). Ласковое, почти фольклорное обращение Никона к своему старому знакомому, переставшему ходить к нему под благословение, — «Корнильющко» — в *Д1* и *Кр* переосмысливается так: «Корнилию, што (что)», а следующее за ним слово «чесо» переправлено на «чего» (VII, 18—20); в *К* и *Кж* проще: «Корнилию» (VII, 19), без прочих изменений. Если в *Ц1*, *П*, *Ч* и *М* Корнилий останавливается на ночь у «уединенной» вдовы (в *Ц2* и *Д2* это слово пропущено), то в списках 3-й группы опять переосмысление: «у единой» (XXII, 80). Только в этих списках к рассказу игумена Досифея о том, как «непотребно» благословляет Никон, добавляются слова: «по малаксову преданию раскорякою» (VII, 42). Только в этих списках в сообщении об искушении, которому подвергся друг Корнилия по Ниловой пустыни Гурий Хрипунов, пропущены (вследствие повторения слова «его») выделенные курсивом слова: «Архиереи уговорили его о вере и устроили его архимандритом на Валдае». Интересно, что в попытке устранить бессмыслицу, вызванную этим пропуском в их общем источнике, каждая из подгрупп пошла своим путем: в протографе *К* и *Кж* к слову «его» была добавлена частица «и» (XII, 79), а в протографе *Д1* и *Кр* после слова «архимандритом» был вставлен глагол «быти» (XII, 84). В протографе *Д1* и *Кр* конец вышеуказанного предложения, по-видимому, был неразборчив, потому что в *Кр* «на Валдае» вообще отсутствует (XII, 85—86), а в *Д1* после предлога написано «Ва. . .», но затем перечеркнуто и написано «Москве» (XII, 86); в *К* и *Кж* здесь свой особый вариант — «на Ватуем». Топонимика вообще очень чувствительный показатель текстологического родства, и нигде она не подверглась таким глубоким изменениям, как в списках 3-й группы. Так, вместо «Волды-реки» (в некоторых списках наблюдается естественная метатеза — «Волды-реки») в *Д1*, *Кр*, *К* и *Кж* читаем «Волги-реки» (XIV, 33); систематически искажается в этих списках название р. Лексы, которое передается то как «Алекса» (XVIII, 91), то как «Легекса» или даже «Лесекса» (XIX, 60; XXVI, 19); «Кяткозеро» превращается в *Д1* и *Кр* в «Пяткозеро», а в *К* и *Кж* — в «Пякозеро» (XIV, 61; XV, 84; XVI, 28, 81) и т. д. Даже особый вид текста, далеко отошедший от традиции, представленной списками этой группы, гораздо точнее воспроизводит северные географические названия, с которыми составитель протографа списков *Д1*, *Кр*, *К* и *Кж*, как видно, был плохо знаком.

Если в ряде случаев, некоторые из которых мы только что рассмотрели, 2-я группа основного вида сближается с 1-й (а также со списками особого вида), то в целом ряде других случаев она, наоборот, совпадает с 3-й группой. Это прежде всего касается тех мест, где 1-я группа и особый вид объединяются одинаковыми или сходными чтениями, свидетельствующими об их общем источнике (см. выше). Если, например, в перечне участников собора о перекрещивании в *Ч*, *М*, *Ц2* и *Д2* значатся добавочные имена — пусть разные, то в *Ц1*, *П*, *Д1*, *Кр*, *К* и *Кж* этих имен вообще нет; если, как мы указали, в *Ч*, *М*, *Ц2* и *Д2* словосочетание «отец Капитон» переделано на «о отце Капитоне», то это изменение произошло в них относительно *Ц1*, *П*, *Д1*, *Кр*, *К* и *Кж*. Подобное сближение последнего ряда списков наблюдается почти во всех случаях обособления первых. Из этого следует, что 2-я и 3-я группы основного вида взаимосвязаны. Но каков характер их взаимоотношения? Во вторичности *Д1*, *Кр*, *К* и *Кж* по отношению к *Ц1* и *П* убеждает обилие свойственных только 3-й группе искажений текста, отчасти указанных нами выше. Возможно два предположения:

Эти последние разновидности представляют собой крайние тенденции в литературной истории памятника. Каждая из них по-своему отошла от первоначального текста — одна (особый вид) в большей степени, другая (3-я группа основного вида) — в меньшей. Но, как мы убедились, и они в какой-то мере хранят архетипные чтения, иногда утраченные в других списках.

На основании всего вышесказанного выводим стемму, которая представлена на рисунке.

Из четырех списков, лучше всего сохранивших первоначальный текст, два — *Ч* и *М* — восходят к протографу, в котором было много индивидуальных и, в частности, ошибочных чтений. Общий протограф других двух — *Ц1* и *П* — был, напротив, очень исправным. Однако в старшем из этих списков (*П*) много писцовых ошибок, и к тому же он дефектен — утрачено два листа. Поэтому и в основу опубликованного текста мы положили младший список — *Ц1*.

Г. М. ПРОХОРОВ

Гимны на ратные темы эпохи Куликовской битвы

Произведения изобразительного искусства эпохи Куликовской битвы уже давно «открыты» нашим общественным сознанием, вызывают к себе громадный интерес во всем мире и подвергаются изучению. А прямо с ними и с тогдашней борьбой Руси за свободу связанные произведения словесного искусства до сих пор пребывают в неизвестности и не изучены. А ведь именно они дают нам возможность так сказать «озвучить» иконы и фрески и увидеть их прямую связь с освободительным движением. К примеру, в Житии Сергия Радонежского сказано, что в то время, когда шла Куликовская битва, он у себя в монастыре «на молитвѣ с братиею Богу предстоа о бывшей побѣдѣ на поганыхъ».¹ Сергей с братией стоял, конечно, перед иконами и что-то говорил или пел. Что? До нас дошли от того времени канон и молитва с таким именно названием — «На поганыхъ», а также другие произведения, представляющие собой мольбы ко Христу, Богородице, святым о помощи в борьбе за свободу с «погаными», «агарянами», «иноплеменниками», в том числе каноны «За князя и за воя его в сретение ратныхъ», «В усобныхъ бранех и иноплеменныхъ», «В общенуждие, в бездождие, и неблагоприятствие времен, и в противление ветром, и в нашествие варварское». Все они переведены с греческого, их автором является константинопольский патриарх XIV в. Филофей Коккин (1353—1354, 1364—1376).² Русские списки их восходят к концу XIV— началу XV в. Только канон «В усобныхъ бранех и иноплеменныхъ» дошел до нас в более поздней рукописи — второй четверти XV в. (ЦГИА, ф. 834, оп. 1, № 575), но в его заглавии указано, что он представляет собой «потружение», т. е. перевод, митрополита Киприана (1375—1406). То же сказано в заглавии канона «На поганыхъ». Так что эпохе Куликовской битвы все эти произведения несомненно принадлежат.

Они могли звучать и на Косовом поле (1389), и на Ворскле (1399), даже во время Грюнвальдской битвы (1410) — во всех сражениях того времени, где православные христиане бились с «погаными» иноплеменниками. Но могли ли они исполняться именно во время похода великого князя Дмитрия Ивановича с войском на Дон и во время Куликовской битвы или перед ней? Ведь Киприан, ставленник патриарха Филофея, был принят в Москве в качестве митрополита, как известно, после Куликовской битвы, и то не сразу, а лишь после известия о гибели Мамая, когда стало ясно, что кампания в целом Русью выиграна (весной 1381 г.). А до того, начиная с поставления его в русские митрополиты еще при жизни митрополита Алексея (1375), он был фигурой для великого князя Дмитрия Ива-

¹ Леонид, архим. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца и Похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием Премудрым в XV в. — ОЛДЦ, ПДЦ, 1885. СПб., 1885, с. 127.

² См.: Г. М. Прохоров. К истории литургической поэзии. Гимны и молитвы патриарха Филофея. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 120—149.

новича совершенно неприемлемой, что князь доказал и делом: когда в 1378 г. после смерти митрополита Алексея Киприан попробовал явиться из Киева в Москву, чтобы занять митрополичий престол, по княжескому приказу он был силой выдворен из Москвы. Киприан в послании 1378 г. игуменам Сергию и Феодору предавал князя проклятию и отлучал от церкви; так что в то время его переводы, как и вообще произведения не менее, чем он, одиозного для князя патриарха Филофея, навряд ли могли беспрепятственно распространяться и исполняться на Руси. Они могли, конечно, сюда попадать, например, с тем же Киприаном в 1374 г., когда он приезжал на Русь как представитель и доверенное лицо патриарха Филофея, или с приходившими на Русь из Константинополя дипломатами, с ходившими на Афон русскими монахами, с торговыми людьми, с людьми, переселявшимися с Балкан на Русь,— возможностей не счесть. И они могли находить себе применение при татарских и литовских набегах, в бое на р. Воже (1378) и тому подобных случаях, каких было немало. Но, как мне кажется, до осени 1379 г. в Московской Руси они могли существовать и звучать лишь частным порядком, «келейно». И только после связанного с развитием внешних отношений, в первую очередь с «половецкой» степью, поворота в московской внутренней политике, происшедшего, как я думаю, осенью 1379 г., когда князь на время отказался от желания выделить из всероссийской митрополии митрополию Великой Руси и оказал поддержку дотоле находившимся в оппозиции сторонникам сохранения церковного единства Руси, и сам, конечно, обратился к ним за моральной поддержкой — а их главой и был «Киевский и всея Руси» митрополит Киприан,³ только после этого гимны эти получили возможность зазвучать в Московской Руси в качестве уже не частной только, но и общественной «речи». В то время, т. е. как раз незадолго перед решительным столкновением с Мамаем, должна была возникнуть и большая общественная потребность в такого рода произведениях, пафос которых — воля к победе над иноверными поработителями и призыв христиан к прекращению усобиц и единству. Потому-то мне и кажется возможным, что Сергей Радонежский, верный сторонник Киприана, молился во время битвы словами известных нам произведений патриарха Филофея «На поганя», переведенных Киприаном, что при выступлении войска из Москвы исполнялся канон патриарха Филофея «За князя и за воя его в сретение ратных» (в одном из его списков⁴ читаем в заглавии: «...егда исходити изъ града противу ратным, пѣваем за князя и за люди»), что опасность помощи Мамаю со стороны Олега Рязанского и Ягайло Литовского побуждала исполнять канон «В усобных бранех и иноплеменных».

Так что вполне возможно, что эти литургико-поэтические произведения звучали в 1380 г. перед иконой Богородицы Донской. Во всяком случае несомненно, что они исполнялись перед теми или иными замечательными произведениями изобразительного искусства эпохи Куликовской битвы, в том числе перед творениями Феофана Грека и Андрея Рублева, и потому являются неотъемлемой частью культуры того времени и не заслуживают пребывания в неизвестности. Стремясь исправить это положение, я публикую здесь четыре названные выше канона патриарха Филофея на ратные темы в славянском переводе.

Об их достоинствах и недостатках нам говорить пока трудно, как для неподготовленного человека — о художественных достоинствах иконы, потому что мы еще плохо представляем себе, какими критериями в данном случае следует руководствоваться. Молитвенные обращения этих произведений начинаются, как правило, с напоминания какого-то происшедшего прежде чуда, например: «Яко фараона-гонителя и того с колесни-

³ См.: Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1978, с. 101—112.

⁴ ЦГИА, ф. 834, оп. 1, № 575, Сборник богослужебный, XV в., л. 123 об.

цами погубив. . .», «Яко укрепил еси Давида иноплеменники погубити. . .», «Яко же древле Самсону силу вложил еси единою ослею челюстью множество враг, Иисусе, победити. . .»; за такими напоминаниями следуют просьбы сделать нечто подобное теперь: «. . .поганья погуби всех нас, убогих, врагы, вѣружающихся присно», «. . .и нас множеством щедрот, всех царю, укрепи на врагы и на супостаты. . .», «. . .так укрепи нас погубити врагы наша». И в оригинале язык такого рода греческих песнопений, как писал А. И. Соболевский, «не может похвалиться особенною простотою и удобопонятностью. Богослужебные песнопения были у греков написаны стихами, нередко с разными пиитическими хитростями, всего чаще с акростихом, заключавшим в себе имя автора. Требования ритма и акростиха заставляли поэтов давать малоестественное расположение словам, отделять дополнение от глагола, определение от определяемого и т. п.; сверх того, в видах увеличения поэтического достоинства они употребляли не встречавшиеся в живом языке слова, составляли сложные существительные и прилагательные, прибегали к игре слов. Содержание их произведений страдало в большинстве случаев риторичностью. Славянские переводчики большей части богослужебных песнопений оказались недостаточно сильными для взятой ими на себя работы. Они плохо понимали греческий язык гимнов с их риторикою, с их неправильным расположением слов, с их возвышенными словами. Живой славянский язык, которым они владели, оказывался недостаточным для передачи оригинала. Поэтому они были нередко принуждаемы к буквальному переводу, к передаче слова за словом, формы за формой и т. д. Отсюда в их труде тот же неестественный порядок слов, как и в оригинале. . .»⁵ Все это относится и к занимающим нас сейчас гимнам. Но только один из них мы имеем возможность сравнить с греческим оригиналом; он дошел до нас в Сборнике XIV в., хранящемся под № 431 (349) в Синодальном собрании греческих рукописей ГИМ (л. 12—14). Здесь публикуется не издававшийся греческий текст канона «В общенуждие, в бездождие, и неблагоприятствование времен, и в противление ветром, и в нашествие варварское». Греческие оригиналы остальных канонов неизвестны.

Сличая перевод с оригиналом, видим, во-первых, что деление (в рукописях — точками) на строки греческого и славянского текстов далеко не всегда совпадает. В греческом тексте соответствующие строки всех строфо-тропарей в пределах одной песни одинаковы по количеству слогов (т. е. равны друг другу все первые строки, все вторые, все третьи и т. д., причем первая не должна быть равна второй, та — третьей и т. д.). Смещение разделяющих знаков относительно оригинала, частое в переводе, не объясняется стремлением соблюсти равносложность соответствующих строк и тем самым изоморфность тропарей; переводчики не считали это правило греческих авторов канонам для себя обязательным. В чем же тогда дело? Может быть, в стремлении приспособить перевод для распева с помощью откритализованных мелодических «формул», как допускает музыковед И. Кондратович (в частном письме ко мне). Сходная мысль о роли «попевок» выражена в статье А. Наумова «По вопросам най-старата славянска поэзия» (Старобългарска литература, кн. 8. София, 1980, с. 37—45). Но возможно также, что дело в дальнейшем удалении от исходной формы вследствие отдельных случайных ошибок в пунктуации. По крайней мере так остается думать до тех пор, пока не будет (если когда-нибудь будет) открыт метрический или интонационно-ритмический принцип славянских переводчиков гимнов.

Обнаруживаются и некоторые смысловые отступления в переводе по сравнению с единственным известным нам списком оригинала. Так, в первом тропаре пятой песни (обозначаю его — V.1) в последней строке

⁵ А. И. Соболевский. История русского литературного языка. Изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980, с. 25.

читаем: «сего видяще и не каящися», тогда как в греческом: πλατείας εὐρη-
κότης στενὸν κατάλοιμα, что можно перевести как «улицы обрета тесным
жилищем».

В третьем тропаре той же песни (V.3) вместо εἰς αἶραν (в дуновение)
читаем «в дѣждѣ», а вместо θραύσις (разрушение, разбивание) — «стѣчь»
(то же и в VII.5).

В первом тропаре седьмой песни (VII.1) пропущено последнее слово
«Бог» (написано только «иже отецъ нашихъ»).

Во втором тропаре девятой песни (IX.2) первое слово Ἐπλασας (соз-
дал) было принято переводчиком, по-видимому, за Εὐσπλαγχνος, по-
скольку переведено как «Благоутробный».

В целом перевод дословно точен.

В основу публикации канонов «За князя и за воя его в сретение рат-
ныхъ», «На поганья» и «В общенуждѣ, в бездождѣ, и неблагорастворе-
ние времен, и в противление ветром, и в нашествие варварское» положен
список той эпохи — из Канонника 1407 г., принадлежавшего лично Ки-
риллу Белозерскому, а ныне хранящегося в Государственном Русском
музее под № др./гр. 15.⁶ Канон «В усобныхъ бранех и иноплемненныхъ»
печатается по богослужебному Сборнику второй четверти XV в. из собра-
ния Центрального государственного исторического архива (ф. 834, оп. 1,
№ 575).

За проверку публикуемого греческого текста приношу искреннюю
благодарность О. В. Гролимунду.

ГРМ, др./гр., 15, Канонник, 1407 г., л. 279—287.

Канон, пѣваемъ за князя и за воя его в срѣтение ратныхъ. Глас 6

Пѣснь 1

Ирмос: «Яко по суху . . .»

I.1 Крѣпкаго въ бранехъ
и силнаго въ крѣпости
Господа молимъ вѣрно
снитися с рабы своими
въ время сложения къ врагомъ
и погубити врагы.

Стихира 1

«Господи, услыши молитву рабъ. . .»

I.2 Множество святыхъ ангель,
Творца всѣхъ умолите
погубити и побѣдити наша
тщася врагы
и избавити насъ отчаяния ихъ.

Слава. . .

I.3 Яко фараона гонителя
и того с колесницами погубивъ
о Господи, всѣхъ цесарю,
поганья погуби,
всѣхъ насъ убогихъ врагы,
въоружающихся присно.

И нѣгѣ. . .

[Богородичен]

I.4 Всѣхъ насъ заступница
и прибѣжище, кровь и помощь
ты еси приблагая.
Потщися и помози намъ въ время
къ врагомъ обязанности, чистая.

Пѣснь 3

Ирмос: «Нѣсть свята. . .»

III.1 Яко укрѣпилъ еси Давида
иноплеменики погубити,
и насъ множествомъ щедротъ,
всѣхъ цесарю,
укрѣпити на врагы
и на супостаты, яко славим тя.

III.2 Небеснымъ начальниче,
Михаиле, воинствомъ,
посредѣ насъ приди молящихъ
ты вѣрно,
во время брани вражья
и того погубити воинство.

⁶ Об этой рукописи см.: В а р л а а м, а р х и м. Обзорение рукописей собствен-
ной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского. — ЧОИДР, 1860, кн. 2, отд. III,
с. 18—20; Г. М. Прохоров, Н. Н. Розов. Перечень книг Кирилла Белозер-
ского. — ТОДРЛ, т. XXXVI. Л., 1981, с. 361.

Слава. . .

III.3 Пророче и предтече Христовъ
с лики святыхъ мученикъ,
укрѣпите насъ
погнати врагы,
супостатныя же погубити!

И ныня. . .

[Богородичен]

III.4 Яко болши вѣистину
всѣхъ тварий, Пречистая,
болши врагъ, борющихся с нами,
явися божественными ти
ходатайствы.

П ѣ с н ь 4

Ирмос: «Христось мнѣ сила. . .»

IV.1 Яко же древле Самсону
силу вложилъ еси
единою ослоу челюстью
множество врагъ, Исусе,
побѣдити,
и тако укрѣпи насъ
погубити врагы наша,

IV.2 Безъ успѣха створи
свѣты врагъ нашихъ,
человѣколюбче,
и на тѣхъ люди своя въоружи,
яко да обратимъ вся
невидимую силоу твоею.

Слава. . .

IV.3 В часъ, Владыко, брани
явися, десница ополчая
иже на тя уповавшихъ
всегда съсѣщи главы
поганьскыя крѣпцѣ.

И нынѣ. . .

[Богородичен]

IV.4 Едина чистая,
едина благодатная,
радости сердца наша исполни,
всегда посѣщи главы
безбожныхъ воинствий.

П ѣ с н ь 5

Ирмос: «Божимъ свѣтом. . .»

V.1 Божественною си мощью, Блаже,
въоружи наша десница
низложить языкъ незаконенъ
и отчаяния тѣхъ
избави насъ.

V.2 Мучениче Проконье Христовъ,
моли приспѣти въемъ
христианьскимъ!
Побѣди сборъ незаконныхъ,
въздвизающихся и кровь
неповинну прольяти
тщасихъся.

Слава. . .

V.3 Мучениче Феодоре славне,
приди съ оружиемъ крѣпкъымъ

убити врагы наша,
ищущихъ умертвити насъ.
Въ Троици единого Бога
призываемъ!

И ныня. . .

[Богородичен]

V.4 На тя надѣющесе от душа,
упование вѣрнымъ,
всеблагая Владычице,
сложение брани створити
тщасимся
низложи всеу борющаяся с нами.

П ѣ с н ь 6

Ирмос: «Житийскаго. . .»

VI.1 Единъ мановениемъ
възнося и смиряя,
всѣхъ цсарю невидимый,
злочестивыя въверзи крѣпко
и рогъ вознеси вѣрныхъ рабъ
своихъ,
молим ти ся.

VI.2 Николае святыи,
побѣду крѣпку княземъ славне,
покаряя сихъ лукавая безбожная
патанья
священными къ Зижителю
ходатайствы.

Слава. . .

VI.3 Крестомъ си погуби
поганьскыя толпы, Блаже.
Ныня укрѣпи десница рабъ своихъ
державне,
яко да възвеличимъ многую твою,
Щедре, благодать!

И ныня. . .

[Богородичен]

VI.4 Источникъ живота бысть,
яко живыхъ живота
паче естества порожьши.
Сего ради зовемъ от душа:
Дѣво, умертви
насъ умертвительнѣ тщасяся!

Кондак. Глас 1

Подобен: «Ликъ ангелский. . .»

Оружие крестное въ бранехъ
иногда явися
цесареву вѣрному Костянтину
непобѣдимая побѣда на врагы
вѣры ради,
его же трепещотъ силы адовы.
Се бысть спасение вѣрнымъ,
а Павлови похвала.

П ѣ с н ь 7

Ирмос: «Хлагодавицу. . .»

VII.1 Погрузи и погуби
безумныя крѣпкою силоу,
Преблагый, подая намъ ныне¹

¹ Испр., в ркп. ныны

множеством щедротъ твоихъ,
Спасе, победу на врагы.

VII.2 Своего ангела послѣ,
избавляющаго насъ
от пагубныя руки.
Тщася же ся на нашу погибель,
Христе,
безъ успѣха створи,
яко же их рукою погубити,
Всесилне, в вѣкы вся.

Слава. . .

VII.3 Меркурие славный, утѣшение
Еустафия, Владыко!
Вои ево дамъ честныма ти
мученикома.
Христе, погуби державу
злочитвыхъ
и изгуби я от лица нашего.

И ныня. . .

[Богородичен]

VII.4 Пречистая Богородице, Мати-
Дево,
рабъ своихъ послушай,
призывающихъ тя во день
болѣзненъ.
Обрати силою си, Чистая,
зловѣивыя наша врагы
низложася, Пречистая.

П ѣ с н ь 8

Ирмос: «Ис пламяни. . .»

VIII.1 Рукою Моисѣвою
яко же древле спаслъ еси люди
своя
и погубилъ еси языки лукавыя,
тако и нынѣ погуби
братися с нами начинающая.

VIII.2 Въ настоящий день
нынѣ удивися
в часъ, Благодетелю,
погубити врагы,
всуде ищущихъ душъ нашихъ
погибели,
яко да благодарно поемъ твою
державу, Господи!

Слава. . .

VIII.3 Апостолъ и мученикъ утѣшенемъ,
пророкъ и преподобныхъ,
Христе, молитвами,
рогъ вѣрныхъ князь вознеси,
всегда упразднити полкы
безбожныя.

И ныня. . .

[Богородичен]

VIII.4 Молбами, Щедре, рожьшая тя,
святыхъ мученикъ и апостолъ
твоихъ,
просвѣти наша душа
славити тя радостью въ вѣкы.

П ѣ с н ь 9

Ирмос: «Бога человекомъ. . .»

IX.1 Крѣпость яко же древле
даровал еси Иисусу Наугиу,
Христе,
яко побѣдити супостатныя,
силою твоею въоружи
люди твоя,
языки безаконныя нынѣ низложи,
ищущихъ умертвити насъ.

IX.2 Яко сый, Человѣколюбче
всесильне,
положи ныня страхъ въ сердца
врагъ пагубныхъ,
хотящихъ усрѣсти,
яко да тѣхъ мужьскы побѣдимъ,
и попремъ, Христе, и погубимъ.

Слава. . .

IX.3 Святыхъ ангелъ твоихъ утѣшение,
патриархъ и мученикъ,
и апостолъ преподобныхъ же,
презрѣвъ наша прегрѣшения,
не посрами ны,
всегда хоцемъ, Владыко Христе,
брань съчтати на врагы,
невѣдущихъ тя.

И ныня. . .

[Богородичен]

IX.4 Гласы рабъ своихъ,
въпнющихъ ти, Мати Божия,
исполня,
и спаси яко человекѣлюбива'
Помози нам на ополчение врагъ,
ополчающихся на ны,
сия прогонящи
и погубляющи врагы наша от лица
нашего.

Свѣтилен.

Подобен «Нѣбо звѣздамъ. . .»

Противныя скруши,
прокаженныя, Спасе, своя люди
укрѣпяя
крѣпкою своею десницею,
и оружие ихъ сътри,
ратъ же и брань.

[Богородичен]

Матернею молитвою
своего сына и Господа
умолящи нынѣ,
Пречистая, за вѣрныя рабы
подати намъ велию милость.

Стихиры. Глас 8.

Подобен «О преславное. . .»

Не яростию твоею, Милосерде,
ни гнѣвомъ си покажи насъ,
Владыко,
но кающаяся приими,
яко древле Ниневитяны,
страстами многими
и поганьскыя находы

злѣ уязвляеми неисцѣлно.
Но тебе имуще врача
душамъ и тѣломъ,
просимъ избавления и спасения.

Яви на насъ челоувѣколюбие
и кротость бещислену,
милостиве Господи.
Не поминай нашихъ бещисленныхъ
грѣхъ,
въ отврати ярость твою от насъ,
низлагая вражия шатанія,
встающая на ны,
на мое недостояние
хвалящаяся веуе.

Тѣмъ укрѣпи на ня Господи,
люди твоею силою.

Не презрите ны оканьныя,
въ страстехъ лежаща
и в напастехъ гибнуща,
но вся подвигнѣте,
пророци, за ны молити,
мученици же и стратотерпци
Христовы
вси с Богородицею и Крестителем
и съ прехвалными апостолами,
подвигнѣте на моление
вся чины святыхъ
за христолюбивыя князя наша.
Слава... И нынѣ...

Основной текст: ГРМ, др./гр., 15, Канонник, 1407 г., л. 291—300.
Разночтения: ЦГИА, ф. 834, оп. № 1, № 575, Сборник богослужебный,
XV в., л. 128—131 об.

Канон къ господу нашему Иисусу Христу и къ пречистѣй его Матери на поганья молебн. Творение святѣйшаго и въселеньскаго патриарха Филофия.¹ Глас 8

Песнь 1

Ирмос: «Въоружена фараона»

I.1 От сердца болѣзньна, Владыко,
нынѣ приходящихъ насъ,
яко благъ единый,
и зовущихъ приими съгласно.
Еже съгрѣшихомъ
да не презриши щедре
оканьнѣ нынѣ бѣдствующихъ
божественными матере твоеа
молбамн.

I.2 Стрѣлы и луки
и поганыхъ шатанія,
иже гласы и похвалами
явѣ яко огнемъ, Слове,
или звѣрми и бурео
нынѣ обстоимъ всюду
град твой и всяку страну,
тебе рожьшою² молбами,
яко же преже фараона, погуби.

Слава...

I.3 Земли и морю творецъ и Господь
единъ сый, Христе,
иже от странъ сихъ
и поль, Владыко,
похвалами тяжкими
сътѣкающихся на ны,
яко же древле египтяны, потреби,
показавъ Моисея³ рожьшою тя.

И нынѣ...

I.4 Бѣжаща древле Израиля, Спасе,
твой Сынъ и Богъ

фараона, Деве,
и съ всѣмъ воинствомъ
волнами погрузивъ, Владычице.
Нынѣ же люди твоя
к тебѣ прибѣгающихъ спаси,
державу поганыхъ разрушивши.⁴

Песнь 3

Ирмос: «Утвержий небеса»

III.1 Силу непобѣдимую, Христе,
Матере твоеа молбамн,
препоясавъ князя нашего,
покори ему поганыхъ шатанія,
ты убо державень единъ
въ бранехъ, челоувѣколюбче.

III.2 Възбраилъ⁵ еси преже Амалика
руками преподобномъ⁶
въображаемымъ⁷
крестъ на горѣ, Христе мой.
Твоя же Матере молбамн
и дланма, Владыко, нынѣ врагы
своя возрази,
образы показавъ дѣла.

Слава...

III.3 Дышавшихъ, Владыко Христе,
нынѣ поганыхъ яростию
и бѣшениемъ,
яко же древле перскую паче
естьства
нещъ разсыпши. Ангела
росотворца⁸
показавъ⁹ намъ рожьшою тя.

И нынѣ...

III.4 Крѣпкими настоянми
поганнии нынѣ настоять

¹ Доб.: И потружение же Киприана смиреннаго митрополита всея Руси
² рожьшися ³ Моисею ⁴ раздружи ⁵ Въразил ⁶ преподобных ⁷ въоб-
раженнемъ ⁸ росодавца ⁹ показал

полеми и странами на твое
достояние.
Разори, Чистая, державноу ти
силоу,
крѣпкаго ¹⁰ единого
Бога несказанно рождши.

Песнь 4

Ирмос: «Ты ми, Христе, Господь»

IV.1 Взятся первыя
вражды, Чистая, средостѣнныя
от среды
крестомъ и кровию
въплощеннаго ис тебе Бога
и небеснымъ съвкуплеша
земная.
Нынѣ же ты, Богородице,
поганыхъ буесть низложивши,
миръ умири.

IV.2 Буесть лютую
врагъ незаконныхъ низложи,
яже буесть, Владычице, стершия
умныхъ первѣе враговъ
страшнымъ рождествомъ
и силою рожения ти.
И избави люди твои
и брани и страхъ,¹¹
и работы тяжкия,
молим тя.

Слава. . .

IV.3 Яко да твою вси свѣдуще силу,
врази твои, Владычице,
и новую державу на не,
и предстательство,
еже о насъ показуеши,
коны и полкы,
и тяжкая всеоружьства
обстоящихъ поганыхъ нынѣ ¹²
насъ порази.

И нынѣ. . .

IV.4 Слово Божие
несказанно рождшия,
еже всячская
маниемъ поставльшаго,
имаши крѣпость, Владычице,
свѣтлу
на супротивныя
и державу воистину непобѣдиму,¹³
его же ради,
князя вѣрнаго
пагубителя,¹⁴
яко же Давида преже,
на Голияфа покажи.

Песнь 5

Ирмос: «Воскую мя. . .»

V.1 Низложыши сильныя
съ престоль, Владычице,
древле рождествомъ своимъ,
смѣренныя напрасно,

яже отъ Адама земнородныя
вся возвысила еси.
И нынѣ, насилование варварское
низложыши,
смѣренныя вѣрныя рабы твоя
възвыси.

V.2 Легионы варварскыя,
съставы и чины
и полкы скруши,
от поль и странъ
находящихъ на люди твоя,
Владычице,
раба твоего князя,
яко же Гедеона,
Мадямы поразивша
с малыми вѣло.

Слава. . .

V.3 Ты, Дево, и тысячи
вся поженуть
единъ и два сихъ,
вѣрно покланяющеся рождеству
твоему,
тебѣ непобѣдимой
и воеводѣ и царици,
предходящи тѣхъ ¹⁵ силою.

И нынѣ. . .

V.4 Оружия же и стрѣлы
и състроения воинная, Владычице,
скруши
лютыхъ варваръ,
отридающихся бессѣмннаго
ти рождества,
воевода бо едина
и наставница покланяющихся
¹⁶кресту сына твоего еси.¹⁷

Песнь 6

Ирмос: «Оцѣсти мя. . .»

VI.1 Закона отступльше Божия,
врагомъ незаконнымъ быхомъ
и подвигъ некрѣпкохъ
и побѣдъ, Владычице,
исхити и избави смерти всѣхъ,
божественнымъ закономъ
научивши.

VI.2 Странни законѡвъ Христовыхъ
нечистотою бывше,
страньни и отечества и земли
своя бывше,
сбери, Владычице, плѣнения
избавльши молбами си.

Слава. . .

VI.3 Князь вѣрный,
креста предлагаа твоего сына,
устремляется на врагы
стада твоего, Владычице.
Его же и укрѣпи, твоими
обложыши
молбами, Дево, окрестъ.

¹⁰ крепка бо ¹¹ страха ¹² Доб.: на ¹³ непребориму ¹⁴ исгубителя
¹⁵ тех ¹⁶⁻¹⁷ нет, восст. по списку ЦГИА

И нынѣ . . .

VI.4 Буестъ незаконныхъ врагъ злую
и гордость и ша(та)ние
покори под нозѣ, — молимся,
Владычице, —
вѣрнымъ ти княземъ,
твое заступление —
оружие страшно одѣваючи.

Песнь 7

Ирмос: «Божия схожения. . .»

VII.1 Персъ яко избавилъ еси
и Ассурій
дѣти еврейскыя, Христе,
тысящи поразивъ иноплемныхъ,
ангеломъ въ единой ноци,
и нынѣ онѣхъ чада погуби,
ангела велика свѣта подай
рожьскую тя.

VII.2 Унишимъ поживше,
заповѣдей ти далече быхомъ,
сего ради поношение
сосѣдствующимъ врагомъ и студь
и меча ихъ дѣло быхомъ.
Разрѣши, Христе, гнѣвъ
твоя матере молитвами.

И нынѣ . . .¹⁸

VII.3 Спаса рожьши
и Творца, Дево, и Господа,
спасение подажъ людемъ твоимъ
и градовомъ, погибающимъ.
Борющихся полкъ иссѣци,
яко воевода крѣпкы
надѣющимся на тя.¹⁹

VII.4 Избавилъ естъ, Владычице,
Езекѣю рукъ варварскихъ нѣкогда,
гордость низложивъ
иноплемныхъ, твой сынъ и Богъ.
Князя твоего нынѣ же възвыси,
низложьши нынѣ
Сенахирима злаго.

Песнь 8

Ирмос: «Седмъ седмицею. . .»

VIII.1 Перская воинства
и скифская первѣ погубилъ еси,
вкупѣ налегшимъ граду твоему.
Свѣтло воеводествовавши
и спасаеши²⁰ своя люди.
Растлившихъ же своя²¹ грады
и страны
и нынѣ належащихъ
поразивши варвары,
воеводествовавши тако же,
и яви свою державу.

VIII.2 Пачеестественное ти, Владычице,
и свѣтло воеводство,
ихъ же бо от моря и земли
приринувшихъ

напрасно граду твоему,
единогласнѣ²² прияти
злѣ мотчавшихся²³
растливъ правднѣ,
его же ради и нынѣ съзкупление
еже от полъ и странъ
нуднѣ належающихъ
потреби молитвами ти.

Слава. . .

VIII.3 Полкъ тогда, Владычице,
варварскыя и чины,
и началники,
и воеводы погубила еси,
от земля и моря же
стихий сихъ дераость,
яко же воеводы, наведѣши нужны,
И нынѣ, яже от странъ и полъ
находящихъ стерши,
первое обнови свое чудо.

И нынѣ . . .

VIII.4 Князь вѣрный,
не оружиемъ и полки
воинственными,
нынѣ, надѣяся, настойтъ
брань, Владычице,
еже от странъ и полъ тѣхъ, —
споборствомъ же и свѣтлымъ
воеводствомъ
твоимъ вѣруженъ
и уповаеъ къ подвигу,
и о твоихъ бѣдствуетъ людехъ,
изволяя.

Песнь 9

Ирмос: «Устрашися. . .»

IX.1 Руки нынѣ подимемъ вкупѣ
къ всѣхъ Творцю и мысль,
исповѣдаемъ
сѣгрѣшеннымъ множества усерднѣ
вси,
грѣха тяжесть
лѣтнюю уставимъ,
яко да благооцѣстителна
молбами матерними
того обрящемъ.

IX.2 Поющихъ прими, Христе,
и припадающихъ согласно
державѣ твоей.
Разрѣши, яко благоутробенъ.
гнѣвъ праведный,
и горнѣ являщи.
Нашестей тяжелыхъ лѣтнихъ
погуби,
милостивъ явися
матерними молбами намъ всѣмъ.

IX.3 О, всѣхъ владыко Христе,
милости источникъ неистыцаемый!
Избави стадо твое,
звѣри дивна злѣ сдержажего,
волковъ настоятелнѣ злыхъ.
лѣтнѣ подвижачихъ,

¹⁸ Слава. . . ¹⁹ Доб.: И ныне ²⁰ спасе ²¹ твоя ²² Доб.: того ²³ меч-
тавшихся

вскорѣ скруши,
молбами матерними, умоляем.

Слава. . .

- IX.4 Възвыси, Владычице чистая,
вѣрныи ти князя, на победу
происходящихъ нынѣ,
помощию твоєю и благодатию.
Гордость варваръ злыхъ,
враговъ борителныхъ же,
всѣхъ покори
под ноги православно поющихъ тя.

IX.5 Пѣснь, о Владычице чистая,
от изгнания возвращаясь,
сплеть, приношко ти
сию молебную
о стадѣ семь, ему же показала еси
насъ пастыря и стражи.²⁴
Его же ради сию прими
и се съблуди
от звѣрий всячскихъ
молбами си.

Основной текст: ГРМ, др./гр. 15, Канонник, 1407 г., л. 320—328.
Разночтения: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, (ф. 304), № 253
(1229), Канонник, конец XIV в., л. 217 об.—220 об.—А; ГИМ,
Синодальное собр., № 374 (307), Требник, 1-я половина XV в., л. 240—
243 — Б.

Κανὼν ἰκετήριος εἰς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ψαλλόμενος ἐπὶ
ταῖς κοιναῖς συμφораῖς, (ἀνυδρία), καὶ λιμῶ, καὶ δυσκρασίαις, καὶ ἀντιώσε-
σιν ἀνέμων, (καὶ ἐφθόδοις βαρβαρικαῖς. Ἡ ἀκροστιχίς: «Κοινὰς δεήσεις,
Χριστέ, σῶν δούλων δέχου», Ἐν δὲ τοῖς θεοτοκίαις «Φιλοθέου» Ἦχος
πλ(ἀγίος)β'

Канон молебенъ къ Господу нашему Иисусу Христу, пѣваемы въ
общенуждѣе, въ бездождѣе, и неблагорастворение время, и въ противле-
ние вѣтромъ, и въ нашествіе варварское, ему же краегранесіе: «Обща
молбы, Христе, твоихъ рабъ прими», в богородичнѣхъ же: «Филофеево» .

Глас 6

ᾠδὴ α'

„Ὡς ἐν ἡπείρῳ περὶ σῶσας. . .“

Песнь 1

Ирмос: «Яко по суху ходив»

I.1 Κοινὸν στήσωμεθα πένθος νῦν ἀδελφοί,
ἡλικία πᾶσά τε
τάξις, γένος καὶ φυλῆ,
καὶ πικρῶς στενάζομεν ὁμοῦ
καὶ τὸν πάντων Ποιητὴν ἰλεωσώμεθα.

I.1 Обще положимъ
рыдание нынѣ, братіе,
възраст же всякій,
чинъ,
родъ
и племена,
и горчѣ въздхнѣмъ вкупѣ,
и всѣхъ творца милостива створим.

I.2 Ὁ διὰ σπλάγχνα ἐλέους παραγαγὼν
ἐκ μὴ ὄντων, Δέσποτα,
φύσιν πάσαι τῶν βροτῶν
καὶ ῥυτίσαν σώσας τῆς φθορᾶς,
κινδυνεύοντας καὶ νῦν ἡμᾶς ἐλέησον.

I.2 Иже милосердія ради милости
приведъ от не сущихъ, Владыко,
ество древле человѣческое
и, избавляя, спасл еси
от истлѣнія,
бѣдствующихъ нынѣ насъ
помилуй.

I.3 Ἱεροουργεῖς σὸν τὸ αἷμα, Λόγε Θεοῦ,
καὶ θνήσκεις ὡς ἄνθρωπος,
Θεὸς ὢν, ὑπὲρ ἡμῶν,
ἀλλ' ἡμᾶς τὴν χάριν τὴν φρικτὴν
ἀθετοῦντές σου κακῶς νῦν ἀπερρίφημεν.

I.3 Священодѣйствуеши
свою кровь, Слово Божіе,
и умираеши яко чловѣкъ,
Богъ смѣй, за насъ
но мы, благодать страшную
оставляюще твою,
злѣ нынѣ отвержени быхомъ.

I.4 Νόμους τοὺς σοὺς ἀθετοῦντες καὶ τοῖς
θεσμοῖς
ἀδεῶς τῆς φύσεως
ἐνυβρίζοντες, Χριστέ,
τὰς δικαίας φέρομεν πληγὰς,
τῶν στοιχείων φυσικῆς ἐκστάτων
τάξεως.

I.4 Законы твоя отменяюще и уставы,
бестуднымъ ествомъ
досаждающе, Христе,
праведныя стражемъ раны,
сѣставомъ ественного
истыльшимъ чина.

²⁴ стража

Θεοτοκίον

- I.5 Φρίκης καὶ κλόνου καὶ δέους πάντα
μεσά
τὴν δικαίαν βλέποντα
τοῦ Δεσπότης νῦν ὀργῆν.
Ἄλλὰ τοῦτον ἴλεων ἡμῖν
ὡς υἱὸν σου καὶ Θεὸν ἔργασαι,
Δέσποινα.

'Ωδή γ'

«Οὐκ ἔστιν ἅγιος ὡς σὺ. . .»

- III.1 Ἀδάμ τῆς πρώτης ἐντολῆς
πάλαι σου παρακούσας
παραδείσου ἐξώσθη
καὶ ζωῆς, καὶ τοῦ Θεοῦ,
ἡμεῖς δὲ πάσης ὁμοῦ
ἀποστάντες
ἄρδην θανατούμεθα.
- III.2 Στήλη πρὶν ὦφθη πονηρὰ
Καὶν φθόνου κακίστου,
ἀδελφὸν ἀπακτείνας,
ὄν ζηλοῦντες νῦν ἡμεῖς
στένειν καὶ τρέμειν δεινῶς
ὡς ἐκεῖνος
πάντες κατεκρίθημεν.
- III.3 Δεινῶς ἢ κτίσις καθ' ἡμῶν
ἀγριαίνει, θυμοῦται,
παρὰ φύσιν κινουσα
τὰς ὀρμὰς τὰς φυσικὰς,
τὴν τοῦ Δεσπότης ὀργῆν
τὴν δικαίαν
πῖσι καταγγέλλουσα,
- III.4 Ἐκρύβη, Δέσποτα Χριστέ,
τοῦ ἡλίου λαμπρότης,
ἐπεσχέθη τὸ ῥέυμα
τῶν συνήθων ὑετῶν,
αὐχμὸς καὶ σκότος κρατεῖ,
σὺ γάρ, δόξης —
ἀπεστράφης — ἤλιε.

Θεοτοκίον

- III.5 Ἰσχύς οὐκ ἔστιν ἐν ἡμῖν,
πάσης τε παρρησίας
γεγυμνώμεθα πάντες
ὕπο πράξεων αἰσχυρῶν.
Σὺ δὲ ὡς Μήτηρ ἀγνή
καταλλάττεις
τὸν Δεσπότην ἅπασιν.

'Ωδή δ'

«Χριστὸς μοι δύναμις. . .»

- IV.1 Ἡμέρα, Δέσποτα,
ὀργῆς καὶ θλίψεως,
καὶ οὐχ' ἡμέρα αὕτη καὶ οὐχὶ νύξ,
ἥτις νῦν κατέλαβε
πάντας ἡμᾶς προφρητικῶς,
καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ῥυόμενος.

[Богородичен]

- I.5 Грозы
и колѣбания, и студа
вся исполненная
праведны видяще владычны нынѣ
гнѣвъ.
Но сего милостива намъ
яко сына своего и Бога съдѣлай,
Владычице!

Песнь 3

Ирмос: «Нѣсть святъ,
яко же. . .»

- III.1 Адамъ, первыя заповѣди
преслушавъ,
рая изгнанъ бысть,
и жизни, и Бога.
Мы же, всякога вкушѣ отступльше,
нынѣ умерщвляемся.
- III.2 Образъ прежде явися лукавый
Каинъ зависти злыа,
брата убивъ.
Ему же ревнующе, нынѣ мы
стенати и трястися люте, яко же
он,
вси¹ осудихомся.
- III.3 Люте тварь на насъ сверѣнится,
ярится
прѣзь естество движащи
устремления естественая,
владычны гнѣвъ праведный
всѣмъ возвѣщающа.
- III.4 Скрыся, Владыко Христе,
солнечная свѣтлость,
удержася течение обычных
дождевъ,
суша и тма сдержитъ, —
ты бо славы² отвратался³ еси,
солнце.

[Богородичен]

- III.5 Крѣпости нѣсть в насъ.
Дерзновения же всякого
обнажихомся вси
дѣль ради студныхъ.
Ты же яко Мати чистая
умири Владыку всѣх!

Песнь 4

Ирмос: «Христось мой сил. . .»

- IV.1 День, Владыко, гнѣва и скорби,
и нѣсть день съи
и ни же ноць,
иже нынѣ постиже
всѣхъ нас пророчески,
и нѣсть избавляющаго.

¹ вскоре АБ ² Доб.: мира А ³ омрачил АБ

IV.2 Σοδόμοις πρότερον
κακῶς ἀνέφξεν
ἢ κραυγῇ πληθυνθεῖσα τὸν οὐρανόν,
τοῦτον ἀποκλείει δὲ
ἁμαρτημάτων ἢ πληθῶς
νῦν ἡμῖν δικαίως, Δέσποτα.

IV.3 Ἐσβέσθη ἥλιος,
νεφέλαι, Δέσποτα,
παρὰ φύσιν ἐπέσχον τὸν ὑπέτον,
ἢ γῆ δὲ στενάξουσα
φρίττει τὴν γύμνωσιν αὐτῆς
καὶ τὴν μάλιστα προβλέπουσα.

IV.4 Ἰδών, Φιλάνθρωπε,
ἴδε τὴν κάκωσιν
τοῦ λαοῦ σου καὶ πρόσχεε τῷ
νεύματι κατάστειλον
τὴν καταγίδα καὶ πνοαῖς
ἐναντίας ἐπιτίμησον.

Θεοτοκίον

IV.5 Λαθούσα πρότερον
ὠδῖνας τέτοκας
τὸν τῶν ὄλων Δεσπότην ὑπερφυῶς,
διὸ τὴν ὀδύνην νῦν
λύσον, ἀγνή, ταῦ σου λαοῦ,
κατευνάσσα τὸν κλύδωνα.

ᾠδὴ ε'

«Τῷ θεῷ φέγγει σου. . .»

V.1 Στενά μοι, πάντοθεν ὁ Δαυὶδ
βλέπων ἐρχομένην τὴν ὀργὴν
τὴν τοῦ Θεοῦ, ἀνεβόησεν,
ἡμεῖς δὲ τί δράσομεν οἱ ταλαίπωροι
πλατείας εὐρηκότες στεγὸν κατάλυμα.

V.2 Χειρὸς ὡς ἔσφασα παραῶ
πάλαι τὸν λαόν σου, Ἀγαθέ,
ρήξας ἀθρόως τὸ πέλαγος,
καὶ ἡμᾶς βρῆβάρου χειρὸς ἐξάρπασον
καὶ θάλασσαν αὐστειλάς ἀνέμους
πράϋουν.

V.3 ῥευμάτων βία καὶ χαλεπαῖς
στάσει κυμάτων καὶ πνοαῖς
ταῖς ἐναντίας ἐπίταξον,
καὶ εἰς αἶθρα στήτησάν σῶ
καὶ θραῦσις κοποσάτω πᾶσα,
Φιλάνθρωπε.

V.4 Ἰλὺς καὶ βόρβρος ἠδονῶν
καὶ παντοδαπῶν ἁμαρτιῶν
ἡμᾶς ἐκάλυψε κύματα,
διὰ τοῦτο ζέει σφοδρῶς τῆς θείας
τὰ κύματα καὶ πάντας νῦν
κατασύρουσιν.

Θεοτοκίον

V.5 Οἱ πάλαι, Δέσποινα, διὰ σοῦ
ῥυσθέντες θανάτου καὶ φθορᾶς
βαρβάρων βίας καὶ θλίψεως,
καὶ νῦν ταῦτα λύσον, δεόμεθα,
λαὸς γὰρ σὸς καὶ κληρὸς ἡμεῖς
ἐξαιρέτος.

IV.2 Содомитѣном дрѣвле злѣ отверзе,
воплѣ умножся, небо;
сие же заключаетъ грѣховъ
множество
нынѣ намъ
праведнѣ, Владыко.

IV.3 Угасе солнце,
облаци, Владыко, чрѣзь ествтва
удержаша дождь,
землѣ же, стенищи,
гровится, наготы своєю
и язву провидящи.

IV.4 Видѣвъ, человекѣколюбче, виждѣ
озлобление людей своихъ
и воми въздыханию!
Маниемъ послѣ одождѣние
и дыханиемъ противнымъ
запрѣти!

[Богородичен]

IV.5 Не познавши преже болѣзней,
родила еси всѣхъ владыку
преславно.
Тѣм же болѣзни нынѣ разрѣши
людемъ своимъ,
утоливши буря.

Песнь 5

Ирмос: «Божнимъ свѣтом. . .»

V.1 Снѣгъснемъ отсюду, Давидъ
видѣ грядущѣ гнѣвъ Божий,
въспилъ естъ.
Мы же что сдѣмъ страстнии,
сего видяще и не кающся!

V.2 Руки яко же спаслъ еси фараоновы
древле люди своя, Блаже:
растргъ * внезапноу
пучину.
И нас варварскыя руки исхити,
и, море спрятавъ, вѣтри укроти.

V.3 Течениамъ нужду,
и лютая вѣстанія влѣнъ,
и дыханія противная устави,
и въ дъжде да станутъ твоимъ
повелѣниемъ,
и сѣчь да прѣстанетъ всяка,
Человекѣколюбче!

V.4 Тины и смрада сластей ⁵
и всячьскихъ прегрѣшений насъ
покры волна.
Сего ради дышють божественаго
гнѣва волны
и всѣмъ нынѣ досаждаютъ.

[Богородичен]

V.5 Иже древле, Владычице, тобою
избавльшеса смерти и тля,
варварскыя мужа и скорби,
и нынѣ сия разрѣши, молимся,
людие бо твои
и жребий мы изрядни.

* разверг А ⁵ страстей Б

ᾠδὴ ε'

«Τοῦ βίου τὴν θάλασσαν. . .»

Песнь 6

Ирмос: «Житейскаго. . .»

VI.1 Σαρκὶ πρὶν δουλεύσαντες,
παρεδόθησαν αἰσχρῶς
κατακλυσμῷ οἱ ἄρρνες,
οὓς ἡμεῖς μιμησάμενοι νῦν κακῶς
σάρκες τε γενόμενοι,
τὴν φθορὰν ἀντιστρόφως ὑφίστάμεθα.

VI.1 Плоти прежде работавше,
предани бывше студий
потопу безумнии.
Им же мы подражающе нынѣ,
злѣ плотьсти бывше,
истлѣние онѣмъ подобнѣ
страждемъ.

VI.2 Τὴν τρίβον ἐκκλίναντες
τὴν εὐθείαν, Ἀγαθέ,
τὴν σκαλιὰν ἐδράμομεν,
ἀποστάντες ἀφρόνως σῶν ἐντολῶν,
διο καὶ εἰς βάραθρα
πειρασμῶν πολυπλόκων καταπίπτμεν.

VI.2 Стези уклоншеся правыя, Блаже,
стропотную текохом,
отступльше твоихъ заповѣдей.
Тѣмъ же и в ровъ искушений
многоплетенныхъ впадаемъ.

VI.3 Ἐπιβλεψὼν ἄνωθεν,
ὡς οἰκτρίμων, ὁ Θεός,
τῶν στεναγμῶν ἐπάκουσον
καὶ τοῖς δάκρυσι πρόσχες τοῦ σοῦ
λαοῦ,
νηπίων ψαλλόντων σοι
τὴν φωνὴν μὴ παρίδης, Πολυέλεε.

VI.3 Призри свыше яко щедръ,
Боже,
въздыханія услыши
и слезамъ вонми твоихъ людей,
младенець, поющихъ ти, гласа
не презри, многомилостиве.

VI.4 Στομάτων πρὶν, Δέσποτα,
ἐκ νηπίων ὡς Θεός
ὑπερφῶς τὸν ἔπαινον
κατηρτίσω, καὶ τούτοις πρόσχες διό,
καὶ δέξαι τὴν δέησιν,
τοὺς ἐπαίνους ἐκείνους ἀμειβόμενος.

VI.4 От устъ прежде, Владыко,
младенець преславно хвалу
свершилъ еси.
И симъ вонми
тѣмъ же и приими моление,
хваламъ сихъ възмездие подая.

Θεοτοκίον

[Богородичен]

VI.5 Θεοῦ Μήτηρ, Δέσποινα,
χρηματίσασα, κρατεῖς
πάσης λαμπρῶς τῆς κτίσεως.
Ἐξαιρέτως ἡμεῖς δὲ κτῆμα τὸ σόν,
διὸ φθάσον λύτρωσαι
καὶ λιμοῦ καὶ βαρβάρων τὸ σόν
ποιμνιον.

VI.5 Богу мати, Владычице, бывши,
дръживши всю свѣтло тварь.
Изрядиѣ же мы здание твое.
Тѣмъ же, варивши, избави
и глада, и варварь твое стадо.

ᾠδὴ ζ'

«Δροσοβόλον μὲν τὴν. . .»

Песнь 7

Ирмос: «Росодавицу. . .»⁶

VII.1 Ὡς τῇ χήρᾳ τὸν λιμὸν πάλα
διέλυσας,
πέμφας Ἠλίαν, Δέσποτα,
τὸν προφήτην σου,
οὕτω λύσον λόγῳ καὶ ἡμῖν
αὐχμον καὶ λιμὸν, ὡς ἀγαθός,
θρέψας συνήθως σὸν λαόν, ὁ τῶν
πατέρων Θεός.

VII.1 Яко же вдовици
глад древле разрѣшилъ еси,
пославъ Илию, Владыко,
пророка своего,
такъ разрѣши словомъ и намъ
бездождие и глад, яко благъ,
питаю обычно твоя люди,
иже отецъ нашихъ.

VII.2 Νεκρωθέντα τὸν υἱὸν τῆς Σαραφθίας
πρὶν
ἐγείρας ὁ προφήτης σου,
ὑδωρ δίδωσι
φλεγόμενη, Δέσπντα, τῇ γῇ
διὸ ταῖς εὐχαῖς αὐτοῦ καὶ νῦν
τὸν ὑετὸν δίδου τῇ γῇ κατεψυγμένη
δεινῶς.

VII.2] Умершаго сына Сараффию прежде
въздвиглъ еси пророкъ твой,
воду далъ еси
палимѣй земли. Тѣмъ же молитвами
того
и нынѣ даждь⁷ даждь
земли исхъвший лютѣ.

VII.3 Διὰ πλῆθος ἀγαθότητος, Μακρόθυμε,
πάντων τὰ παραπτώματα
παραβλέψας νῦν
τὴν σὴν θρέψον πόλιν καὶ λαόν

VII.3 Множествомъ благодисти,
Долготерпѣливе,
всѣхъ согрешения презрѣвъ,
нынѣ градъ твой препитай и людей

⁶ Хлад давцу А ⁷ дождь

εὐχαῖς τῆς ἀχράντου σου Μητρὸς
τὰς κατασχόντας συμφορὰς λύσας
ἀθρόαας ἡμῶν.

молитвами пречистыя ти Матере,
обдержимая злолютая разръшь
вѣскорѣ намъ.

VII.4 Οἱ χοροὶ σε τῶν ἀγγέλων ἰκετεύουσι,
Φιλάνθρωπε,
ῥῶσαι λαὸν καὶ πόλιν σου
πάσης θλίψεως
καὶ βαρβάρων πλήθη δυσμενῶν
κατάβαλε, κράτος κατ' αὐτῶν
τοῖς βασιλεῦσι τοῖς πιστοῖς ἡμῶν
δωροῦμενος.

VII.4 Лици тя аггельстии
молят, Человѣколюбче:
избави люди и град твой
всякою скорби
и варварское множество лютое
низложи,
крѣпость на нихъ царемъ⁸
вѣрнымъ нашимъ даруя!

Θεοτοκίον

[Богородичен]

VII.5 Ἐν κινδύνοις ἐπιφάνηθι δεόμεθα
Ῥύστις ἡμοῦ καὶ Πρόμαχος
τοῖς τιμῶσι σε,
συμφορῶν καὶ θλίψεων δεινῶν
καὶ θράσους ἀθέων δυσμενῶν
ἐξαιρουμένη κραταιᾷ χειρὶ σου,
Δέσποινα.

VII.5 Въ бѣдахъ явися, молимся,
избавителница, вкупѣ и поборница
чтущимъ тя,
злолютыя и печали лютыхъ
и сѣчѣ безбожнаго
горькихъ изимающе
державною рукою си, Владычице.

ᾠδὴ η'

Песнь 8

«Ἐκ φλογὸς τοῖς ὁσίοις. . .»

Ирмос: «Ис пламене. . .»

VIII.1 Ὑπερήφανον γνῶμην νῦν
ταπεινώσωμεν,
ἀρπαγὴν τε καὶ δόλον πάντες
ἐκφύγωμεν,
ἔρκον ἐκ ψυχῆς σὺν τῷ ψεύδει
μισήσωμεν,
ὅπως τὸν Δεσπότην ἴλεωσιν
σχώμεν
πάντες.

VIII.1 Грьдѣливый нравъ нынѣ смѣримъ,
хищения же и лъсти вси да
отбѣгнемъ.
клятву от душо съ лъжею
възненавидимъ,
яко да Владыку милостива
обращемъ вси.

VIII.2 Λογικοὶ γεγονότες ἄλογοι ᾤφθημεν,
τὴν εἰκόνα τὴν θεῖαν καὶ τὸ ἀξίωμα
πράξεισιν αἰσχραῖς ἀδεῶς καθυβρίσαντες.
Σῶσον ὡς οἰκτίρμων πρεσβείας τῶν
ἀγίων.

VIII.2 Словесни бывше,
бесловесни явихомся,
образъ божественный и достоянция
дѣянми студными
нелѣпотнѣ обезествивъще.
Спаси яко щедрѣ
молитвами святыхъ.

VIII.3 Ὡς τὴν πόρνην, Χριστέ μου, πρὶν
καὶ τὸν ἄσωτον,
ὡς ληστὰς καὶ τελῶνας πλείστους
διέσωσας,
ὡς περ Μανασσὴν προσευξάμενον ἔσωσας
πάντες ἡμᾶς σῶσον εὐχαῖς τῶν σῶν
ἁγίων.

VIII.3 Яко же блудницу, Христѣ мой,
прежде
и блуднаго,
яко же разбойники и мытаря
многия
спаслъ еси,
яко же Манасию помолившася
спаслъ еси,
всѣхъ нас спаси
молитвами твоихъ святыхъ.

VIII.4 Νηπιάζουσαι γλώσσαι, νέοι καὶ
γέροντες,
μονασταὶ καὶ μιγάδες — πάντες
δεόμεθα:
λύσον τὴν ὀργήν, τοῖς ἀνέμοις
ἐπίταξον,
ὕετόν παράσχου τῇ γῆ, Χριστέ,
διψώσῃ.

VIII.4 Младенствуеми языци,
юнии и старии,
иноци и смѣсни —
вси молимся:
разръши гѣвъ,
вѣтромъ запрѣти,
дождь подай земля, Христѣ,
жаждущой!

Θεοτοκίον

[Богородичен]

VIII.5 Οἱ ψυχὴν τε καὶ σῶμα πληγέντες
ἀπαντες
ἐργασίαις αἰσχίσταις πληγαῖς ταῖς
ἀνωθεν,

VIII.5 Иже душо же и тѣло уязвивше
вси,
дѣлесъ ради студныхъ
язвами яже свыше,

⁸ князем А

δράμωμεν ὁμοῦ τῇ Δεσποίνῃ
προσπέσωμεν,
 ὅπως καταλλάξῃ ἡμῖν τὸν πάντων
τίστιν.

ᾠδὴ θ'

«Тὴν τιμιωτέραν. . .»

IX.1 Δέξαι τὰς δεήσεις ὡς ἀγαθὴ
 τῶν σοὶ προσφευγόντων
 καὶ μεσίτις ἡμῖν γενοῦ:
 πρόστηθι, Κυρία, καὶ τὴν ὁδύνην
λύσον,
 ὡς Μήτηρ γὰρ ἰσχύεις ἅπαντα,
Δέσποινα.

Δέσποινα:

IX.2 Ἐπλάσας, Γιέ μου, τούτους χερσίν,
 ἤγειρας θανόντας
 καὶ διέθρεψας σὴ σαρκί.
 Μητέρα με τούτων ὑπερφυῶς εἰργάσω
 δικαίαν, διὸ καὶ δέξαι, Δόγε μου,
δέησιν.

Δεσπότης:

IX.3 Χρέος ποῖον, Μήτηρ, νῦν ἀπαιτεῖς;
 Τὸν ἔλεόν τίσιν
 ἐπισπεύδεις τὸν παρ' ἐμοῦ;
 Ἄνάξιοι οὗτοι φιλανθρωπίας πάσης,
 τῆς θείας συγγενείας καταφευσάμενοι.

Δέσποινα:

IX.4 Οἶδα τοῦτο, Δέσποτα καὶ Γιέ,
 ἀλλὰ μεταγρόντες
 νῦν προσπίπτουσιν, ὡς ὄρας,
 πενθοῦσι, θρηνοῦσι, διαβήγγουνται
πάντες.
 Οὐ φέρει μοι τὰ σπλάγγχνα τούτων
 τὴν μάλιστα.

Δεσπότης:

IX.5 Ὑπείκουσι, Μήτηρ, καὶ τῆς πληγῆς
 αἰσθάνονται ἄρτι.
 Μεταπίπτουσι δὲ κακῶς.
 Ἐγὼ δὲ σὴν χάριν καὶ ταύτην
φιλανθρώπως
 τὴν χάριν νῦν συνήθως ὡς Μητρί
δίδομι.

Δέσποινα:

IX.6 Ὑπὲρ λόγον, Δόγε, πάντα τὰ σὰ
 σάρκωσις καὶ πάθος
 καὶ ἡ θέωσις ἡ φρικτὴ —
 τὸ χρῆμα τὸ μέγα τῆς κοινῆς
μετανοίας,
 δι' ἧ καὶ προσκυνοῦμεν, Γιέ, τὴν
δόξαν σου.

тецѣмъ вкуплѣ, къ Владыцѣ
 припадѣмъ,
 яко да премѣнитъ намъ всѣхъ
 Зижителя.

Песнь 9

Ирмос: «Честнейшо. . .»

IX.1 Приими молбы яко блага
 тебѣ прибѣгающихъ
 и ходатаица намъ буди:
 предъстави, Госпоже, и болѣзни
 разрѣши,
 яко мати бо можеша всѣ,
 Владычице!

Владычицы:

IX.2 Благоутробный сыну мой!
 Сих рукама въздвиглъ еси
 умершихъ
 и препиталъ еси своею плотию.
 Матерь мя симъ преславно сдѣлалъ
 еси праведну.
 Тѣмъ же приими, Слове мой,
 моление.

Владычно:

IX.3 Дългъ кой, мати, нынѣ просиши?
 Милость которымъ
 спѣшиши отъ мене?
 Недостойни сии челоуѣколюбия
 всякого суть,
 божественому съродству солгавше.

Владычицы:

IX.4 Вѣмъ се, Владыко и сыне,
 но, раскаявшеся, нынѣ
 припадаютъ,
 яко же видиши,
 плачють,
 рыдають,
 растерзающеся вси.
 Не терпѣть ми утроба сихъ язвы.

Владычно:

IX.5 Послушаютъ, мати,
 и раны почиваютъ нынѣ.
 Припадаютъ же злѣ.
 Азь же тебе ради
 и сию челоуѣколюбнѣ
 благодать нынѣ
 обычно яко матери подаю.

Владычицы:

IX.6 Паче слова, Слове,
 всѣ твоя
 възлющение, страсть
 и обожение страшное —
 богатство велико общаго
 покаяния.
 Ихъ же ради и поклоняемъ, сыну,
 славу твоею.

ЦГИА, ф. 834, оп. 1, № 575, Сборник, вторая четверть XV в., л. 132 об. —137.

Канон¹ молебень къ господу нашему Иисусу Христу въ усобных бранех и иноплеменных. Творение святѣйшаго патриарха Филофѣя, потружение же Киприана митрополита Киевскаго и всея Руси

Пѣснь 1. Глас 8

Ирмос: «Вооружена фараона. . .»

I.1 Тебе, источнику благыхъ богатну, свѣту незаходимому, молюся, Слове: душу мою просвѣти славою твоея благодати и, умъ възвысивъ, подай же слово подобно и моление исправи.

I.2 Иже мира податель и вина, разрешивы всяку древнюю вражду крестомъ твоимъ, Владыко, и умиривъ благодатию яже преже растоящаяся, твой миръ назъполни нынѣ боримымъ твоимъ рабомъ.

I.3 Крѣпость и державу на врагы прѣшюаши стадо, Господи, еже от врагъ волковъ невидимыхъ възхитилъ еси, кровь двавъ честную в наше избавление, Слове, и усобную брань разреши яко Богъ благопремѣненъ.

Слава. . .

[Богородичен]

I.4 Тебе, ходатаицу живота лучшаго, Богородителнице, умныя вражды свѣтлое потребление, молимъ, Владычице, живот умирити и нынѣ нашъ, погибающъ, усобныя и внѣшня брани.

И нынѣ. . .

[Богородичен]

I.5 Носиши на руку отечною силу ипостасную, Творецъ бо, Дѣво, плоть бысть пренящствомъ благодати. Сего ради варварскую силу пагубную стрый належащую, молимъ тя.

Пѣснь 3

Ирмос: «Утвержий небеса. . .»

III.1 Въ весь мой одѣялся еси, Христе, скрушившийся образъ, человекѣколюбне наздаваеши, Сьдѣтелю.

Но мы твою страшную умилениѣ окаяннии нынѣ отрочиюще благодать, умилениѣ скрушаемъ.

III.2 Виджь смущение, Христе, и душевную болѣзнь, и плач, и безчисленную скорбь и яко естествомъ милостивѣ еже на ны устави праведне осуждение и гнѣва твоего казнь.

III.3 Окрест пси лукавии обоидоша, Спасе, безъчеловѣчне погубити ищуще, и усобие внутреннее, Боже,² разслабляютъ паче, но имя твое святое подавай намъ въ оружие.

Слава. . .

[Богородичен]

III.4 Уставила еси древнюю тлю и радость възвела еси страшнымъ рождествомъ твоимъ, Дѣво, его же ради устави и нынѣ тлѣние усобное и вмѣсто вретница скорби веселиемъ прешюаши.

И нынѣ. . .

[Богородичен]

III.5 Милостивѣи приари на ны яже милости вина и неодолимое устремление и гнѣвъ силою ти, Чистая, спротивныхъ устави, яко нѣсть паче тебе намъ помощь, Владычице.

Пѣснь 4

Ирмос: «Ты ми, Христе, Господь, ты же. . .»

IV.1 Языкомъ древле раздѣление, Владыко, ты сдѣлалъ еси, разрѣшая единство лукавое и богомерзское согласие съмущая, яко всеилень. Нынѣ же раздрѣши раздвоение и твоего единства твоего разумѣние² раздвоение совокупи.

¹ Б приписано над строкой, в строке написано же. ² По-видимому, должно быть разумѣния

IV.2 Лукавая дѣяннѣ,
Христе, и безъчисленое
злобы излияние умножился.
Потопъ второй намъ
рати и брани усобная наведоша.
Но яко сучецъ маслинный,
твою милость низъпосли,
потопление раздрѣши, молимся.

IV.3 Яко да, Христе,
разорится средостѣние вражебное,
явил еси, Человѣколюбче,
на земли
милость намъ. И твой миръ
свѣтло благовѣствующъ,
иже насъ отступльшии, —
плачем, просимъ —
възврати пакы, Долготерпѣливе.

Слава. . .

[Богородичен]

IV.4 Усобица злыя,
и молвы, и раздѣления,
и убійства уставы усобная,
яже рожествомъ ти страшнымъ
растоящихъ сдѣлавшия
свокупление
и свѣтъ, Богородице,
сладкый мира
яко смиренію вина низъпосли.

И нынѣ. . .

[Богородичен]

IV.5 Избавление, Чистая,
о насъ всѣхъ дасть сынъ твой —
плоть, ю же въсприять
от плоти, Владычице, твоя.
Отнуду же молимъ:
и нынѣ работы исхити,
руки же и меча безбожныхъ
варваръ,
представши обычнѣ рабомъ твоимъ.

П ѣ с н ь 5

Ирмос: «Въскую мя отрину. . .»

V.1 Царю смиренна,
раздрѣши усобную молву
внутреннюю
и тѣло покажи подъяющее все
духови,
яко да, смиренію умному
явьшюся,
и внѣшняя усобицы разоримъ.

V.2 Жезломъ твоя силы
язычское шатание, Владыко,
скруши,
яко ливаньскыя кедры.
Твоя же князя възвыси
и, чада пакы собравъ расточеная,
наше согласіе обнесви.

V.3 Съгрѣшенія щедре
къ грехомъ злѣ совокупляюще,
удалихомся тебе,
свѣта и покрова, окаянии,

и, яко во тмѣ ношнѣй,
нечювствующе,
другъ на друга ополчаемся.

Слава. . .

[Богородичен]

V.4 Царя всячьскихъ,
Владычице, родила еси.
Избави стадо свое
отъ страстей безъсловесныхъ
томления,
и всѣхъ покори его закономъ,
и умно покажи борение,
и внѣшняя брани разори.

И нынѣ. . .

[Богородичен]

V.5 Врази наши, Дево,
вси и оскорбляющии да
възвратятся смиренію,
воевождствующую твоему
заступленію,
на тя бо едину,
жребии твоей стяжавше,
смерти избавляемся.

П ѣ с н ь 6

Ирмос:

«Молитву си пролию къ Господу. . .»

VI.1 Миръ, яко же обѣща, Владыко,
честному и безсѣдѣнному жребію
христьянскому,
изрядному стяжанію,
да не удалиши насъ, молящихъ
ти ся,
но ущедри яко благъ
и бѣдъ послѣднихъ истергни.

VI.2 Възвысися бѣдамъ пещь,
и огонь седмь седмицею въспалися,
и узами горкими съвязавшеся
грѣховными,
посредѣ въвержени быхомъ,
но ангела, яко благъ,
росодавна, мирна низъпосли.

VI.3 Крестомъ твоимъ и смертию,
Владыко,
плѣненныхъ отъ смерти избавляеши
и нищимъ благовѣстія носиши,
я же отлагающе, окаянии,
явихомся и усобицамъ, и языкомъ,
и всячьскимъ злымъ въхищение.

Слава. . .

[Богородичен]

VI.4 Иже всячьскимъ творецъ и
Господь
отъ чистыхъ воплощается кровий
и, плотское
осуждение раздрѣшивъ,
свободение человѣкомъ даруетъ,
еже всади яко благая
въ сердца, еже желаемъ, поющихъ
тя

И нынѣ. . .

[Богородичен]

VI.5 Смерти разумныя исхитила еси
человѣчскый, Богородице, род.
Отнуду же и нынѣ
нужныя смерти
и убийственныя руки свободы
и покажи абие, Благая,
величия твоя чтущим тѣ.

П ѣ с н ь 7

Ирмос: «Божия схождениа. . .»

VII.1 Мертва убо сдѣла
завѣсть древле Авеля праведнаго.
Но мы, о ней съставившися
паче Каина, народ всякъ,
стеняги и трястися
страшнѣ осуждени быхом
и убиваемы руками борющихся насъ.

VII.2] Казнь нанесе первѣ
своихъ убийствомъ безаконна Моиси.
Но мы, безаконие
отмщающихъ ³ в безаконии мнозѣ,
молвы и убийства усобная дышемъ.
Ослаби и пощади насъ,
иже отцемъ Боже!

VII.3] Крѣпость нынѣ изчезе,
душе и телеса сотрошася,
кости твоихъ рабъ расыпашася
при адѣ, Христе!
Молвы и убийства язычская
раздѣлиша.
Но ослаби и пощади насъ!
И, отцемъ Боже, благословенъ еси.

Слава. . .

[Богородичен]

VII.4 Уныниемъ живше
и дѣяние всяко прилѣжнѣ лукавомъ
проходяще,
обираемъ болѣзни, плачь —
безаконна плоды.
Яже древному
болѣзнь отъявля,⁴
Благословеная, и нынѣ
да не отступиша ⁵ от насъ.

И нынѣ. . .

[Богородичен]

VII.5 Избавилъ есть, Владычице,
рукъ халдѣйскихъ Езекию нѣкогда
сынъ твой, Дѣво,
его же моли,
цесаря нашего,
варварскыя разорити воинства
и премѣнити насъ мучительства
ихъ.

П ѣ с н ь 8

Ирмос: «Седме седмицею пеще. . .»

VIII.1 Безаконие, Владыко,
умножився, изсуши

единственнаго благорастворнаго
рая

любовнаго, растли
живоносный воистинну сад,
и лукавую плодовства ненависть
отнуду же и брани
иноплеменныя, и молвы,
и убийства усобная
злосчастныи обираемъ.

VIII.3 Злоѣ раздѣление,
и молва безъчестная,
и единоколѣнныхъ браней ⁶ смерть
преднапишетъ будущую
от лѣвую стояниа горкаго,
избранныхъ разлучениа и студа
смерти горчайшаго,
еже насъ всѣхъ избави,
съвокупивъ, яко щедръ.

И нынѣ и в вѣкы. . .

Слава. . .

[Богородичен]

VIII.4 Законы мы естественныя
отложихом, Владычице,
сродная бо и единоколѣнныя крове
земле исполнихомъ,
и предани быхомъ врагомъ.
Яже естественныя претворшиа
законы,
обрати естество в себе
золъ настоящихъ
и будущаго осуждениа!

И нынѣ. . .

[Богородичен]

VIII.5 Царь и Господь всѣхъ,
Неискусобрачная,
образъ рабий от тѣла твоего
приять
и тѣмъ мучителя прельстивъ
всѣхъ вкупѣ волкохыщныхъ
крѣпости уплѣнивъ.
Тому убо, яко сыну своему,
подобящися,
скруши нынѣ гордость
варварскую,
избави плѣненныхъ.

П ѣ с н ь 9

Ирмос: «Устрашися всякъ слухъ. . .»

IX.1 Приемѣмъ вси во умѣ
день, братие, судный
и стяжимъ дѣявниа
и словеса, дондеже время имамы,
покааниемъ и плачемъ
благоутробнаго Господа
умилостивимъ,
преже конецъ не наидет
непрощенный.

IX.2 Единный всѣхъ царю,
миръ иже всѣя преимущий,
раздрѣши съблазны,
устави молвы,

³ По-видимому, должно быть отмщающаи ⁴ По-видимому, должно быть отъявшаи
⁵ По-видимому, должно быть отступивши ⁶ Здесь могло бы быть и братий

смирение подай же цесаремъ
 православнымъ,
 враги покори, находящая,
 молитвами, Боже, святыхъ твоихъ.

IX.3 Познаимъ другъ друга, братие,
 раздѣление туждее отѣцемъ,
 въ единство снидемъ,
 уды пакы да съставятся
 еже всячьскихъ главѣ,
 тѣло совокупимъ,
 Христови поживемъ,
 в веку с нимъ радующеся.

Слава. . .

IX.4 Имѣемъ ходатая крѣпкы
 ангелскыя лику
 и яже прославиль еси

апостолы твоя
 и мученичьстии лица,
 преподобныхъ чиновъ,
 всяческихъ доброту мируи —
 Владычицю,
 всѣхъ наставляющую,
 ихъ же молитвами, Благый, спаси
 всѣхъ насъ.

И нынѣ. . .

Богородичен]

IX.5 Възвысила еси ество тлѣнныхъ,
 въ утробѣ творца своего понесши,
 и нынѣ въздвигни
 ладшихъ окаяниѣ, Владычице,
 и отъ языкъ и змий спаси, молимся,
 величающихъ любовию,
 Дѣво, страшную ти тайну.

Л. А. ДМИТРИЕВ

«Сказка о некоем молодце, коне и сабле»

Во втором выпуске «Памятников старинной русской литературы» опубликован текст, озаглавленный в издании как «Сказка о некоем молодце, коне и сабле».¹ Никаких комментариев к публикации нет, указан лишь шифр рукописи: «Рукоп. Импер. Публ. Библ. Погод. древлехран. № 1773».² За год до выхода в свет названного издания под таким же заглавием с указанием этого же шифра данный текст был опубликован в приложении к речи Ф. И. Буслаева «О народной поэзии в древнерусской литературе».³ Не подлежит сомнению, что один из этих изданных текстов является перепечаткой с другого: об этом свидетельствует одинаковое (ошибочное) обозначение шифра рукописи. На самом деле шифр рукописи иной — ГПБ, собр. Погодина, № 1772. Несмотря на то что издание Ф. И. Буслаева вышло на год раньше издания, подготовленного Н. Костомаровым, больше оснований полагать, что публикация Ф. И. Буслаева вторична по отношению к тексту, изданному в «Памятниках старинной русской литературы»: ошибиться в обозначении шифра рукописи скорее мог Н. Костомаров — в «Памятниках» несколько текстов («Повесть о Горе Злочастии», «Девгениево деяние», «Повесть о Еруслане Лазаревиче») были изданы по рукописи Погодинского собрания № 1773.

Сборник ГПБ, собр. Погодина, № 1772 — конволют, составленный из разновременных рукописей. Первая рукопись сборника, занимающая 100 листов, включает в себя тексты «Троянской истории» (л. 1—96) и «Повести о царице Динаре» (л. 96 об.—100 об.). Скорее всего, что эта рукопись была объединена с остальной частью сборника уже тогда, когда она находилась в Погодинском собрании: почерк этих листов отличается от почерка остальных частей сборника, отличается и качество бумаги. Следующая за сотым листом часть сборника (с л. 101 по 356) также состоит из рукописей, написанных в разное время и позже объединенных в одно целое, но этот сборник, входящий в настоящее время в состав Погодинского сборника № 1772, был составлен раньше — в конце XVII в. и владельцем и составителем его был некий Анфим Шешков, который сам и переписал значительную часть этого своего сборника. Лист 101 — своеобразный титульный лист владельца рукописи, который относился либо ко всей после сотого листа части Погодинского сборника, либо к первой половине этой части.

Всю середину 101-го листа занимает обрамленная вычурными росчерками запись: «Сия книга Троицкого Сергиева монаст[ыря] подьячего

¹ Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Григорием Купелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи, вып. 2. СПб., 1860, с. 409.

² Там же.

³ Речи и отчеты, произнесенные в Торжественном собрании императорского московского университета 12-го января 1859 года. М., 1895, Приложения, с. 16. Ни в самой речи, ни в тексте Приложений Ф. И. Буслаев ничего не говорил о данном произведении.

Анфима Шешкова. А [писал] своею рукою лета 7206 (1698) г[ода] сентября в 26 день». (Правое поле рукописи было обрезано, когда в более позднее время делался переплет к сборнику, поэтому окончания отдельных слов отсутствуют). Л. 102—188 — «Повесть о семи мудрецах». На л. 102—103 — оглавление Повести; оно написано тем же почерком, что и Повесть, но позже того, как Повесть была переписана, так как в оглавлении обозначены соответствующие листы всей Повести. На л. 188 об.—190 об. — текст без заглавия, условно названный первоиздателями «Сказкой о некоем молодце, коне и сабле». Эти листы с предшествующими им л. 102—188 составляют одно целое: они пронумерованы в правом нижнем углу буквенной цифирью, почерк Шешкова. Видимо, раньше вместо оглавления Повести был какой-то один лист, позже замененный новыми листами оглавления, так как два листа оглавления не пронумерованы, а по сохранившимся обозначениям листов перед первым листом текста должен был находиться еще один лист. (Из-за того, что рукопись позже была обрезана, а также из-за обтрепанности страниц нумерация листов сохранилась не везде). На обороте последнего листа этой части Погодинского сборника (по нумерации Шешкова это л. 88, по нумерации Погодинского сборника л. 190) по низу листа идет вторая владельческая запись Шешкова: «Сия книга Троицкого Сергиева монастыря подьячего Анфима Шешкова. А писал сам своею рукою лета 7204 (1696) сентября в. . .» (конец записи утрачен — нижняя часть листа обтрепалась и частично осыпалась).

Почерк владельческих записей Анфима Шешкова свидетельствует о том, что им самим были переписаны и тексты. Следует отметить, что некоторая разница в характере письма текстов и владельческих записей объясняется тем, что переписываемый текст Шешков писал более каллиграфическим почерком. Почерк Сказки по характеру отличается от почерка «Повести о семи мудрецах». Сказка написана более небрежно, почерком, более близким к почерку владельческих записей Шешкова. Текст Сказки заканчивается на середине листа, и после него переписчиком нарисована концовка-виньетка. Концовка эта полностью совпадает с концовкой, помещенной после «Повести о семи мудрецах».

На л. 191—203 об. читается «Повесть об Акире Премудром», а на л. 204—213 — «Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле». Эти тексты также написаны рукою Анфима Шешкова. Об этом свидетельствует и почерк и оформление киноварных заголовков и инициалов. На л. 213 об. очень небрежным почерком (вероятно, Шешковым) написано: «В сей истории листов. . .» и далее идут записи и росчерки, разобрать которые невозможно. По нижнему полю л. 191—213, в середине листов, проставлено обозначение счета тетрадей — три тетради. Таким образом, и эта часть Погодинского сборника представляла когда-то самостоятельную рукопись, переписанную и собранную Шешковым. Сам же Шешков позже объединил в единый сборник эту рукопись с рукописью, в которой им были переписаны «Повесть о семи мудрецах» и Сказка, и, видимо, «титульный лист» (л. 101 Погодинского сборника) относился уже к этим обеим рукописям. Возможно, однако, что в состав этого сборника Анфима Шешкова входила и «Александрия», которой заканчивается Погодинский сборник (л. 214—356 об.). Первоначально «Александрия» была отдельной рукописью: она переписана не Шешковым, и почерк ее более ранний, чем почерк текстов, переписанных Шешковым, заметно отличается и качество бумаги с текстом «Александрии». Но принадлежность и этой рукописи Шешкову не вызывает сомнений. На л. 214—215, предшествующих тексту «Александрии» (бумага этих листов иная, чем бумага, на которой написана «Александрия»), дается оглавление — «Главы настояция книги сея». Оглавление написано Шешковым и в конце его проставлена точно такая же концовка-виньетка, как и в конце «Повести о семи мудрецах» и Сказки. В самом же тексте «Александрии» на полях рукописи в соответствующих местах рукой Шешкова обозначены порядковые номера глав,

т. е. Шешков к имевшейся у него рукописи «Александрии» присоединил оглавление, обозначил в рукописи главы в соответствии с этим оглавлением и, кроме того, три листа текста переписал заново (по-видимому, были какие-то дефекты): л. 349, 350 и 356 (последний лист «Александрии») написаны Шешковым.

Итак, Анфим Шешков переписывал сам и составлял из переписываемых им и принадлежавших ему рукописей сборники. Его интересовали произведения сюжетно-повествовательного характера. Известен еще один сборник Анфима Шешкова: ГИМ, собр. Уварова, № 619 (1931).⁴ Сборник этот составлялся в период с 1718 по 1732/33 г. Как и в Погодинском сборнике, 1-й лист Уваровского сборника — «титульный лист» с владельческой записью Шешкова, и хотя заглавие этого листа, написанного в 1730 г., имеет в виду только один, первый, текст сборника, относился он к нескольким текстам, так как после него идут тексты, переписанные ранее 1730 г. На л. 1-м читаем: «Сия книга, о хождении в Мальт остров нашего Всероссийского государства боярина Бориса Петровича Шереметева (что ныне генерал и фельдмаршал, свидетельствованный кавалер), канцелярии рекрутного щетного правления копейца Анфима Иванова сына Шешкова, а писал своею рукою лета 1730-го июня в день». На нижнем поле л. 2—32 более ранняя владельческая запись Шешкова, из которой мы узнаем еще некоторые подробности биографии этого любителя книжного чтения конца XVII—30-х гг. XVIII в.: «Сия книга канцелярии рекрутного щетного правления копейца Анфима Иванова сына Шешкова, что наперед сего был Троицкого Сергиева монастыря конной слуга Троицкого. А писал своею рукою лета 1718, апреля в разных числах. Аминь, аминь, аминь». В сборнике есть еще две записи Шешкова 1726 и 1730 гг., но они ничего дополнительного о нем не сообщают. Примечательно, что во владельческих записях Уваровского сборника, когда Шешков поднялся на более высокую ступень социально-служебного положения, он указывает не только свое имя и фамилию, как было в Погодинском сборнике («подъячий Анфим Шешков»), но добавляет и отчество («копейца Анфим Иванов сын Шешкова»).

В Уваровском сборнике именем Шешкова надписаны «Хождение на Мальту» Б. П. Шереметева (путешествие Шереметева проходило в 1697—1699 гг., в печатном виде описание путешествия увидело свет лишь в 1773 г.), «Выписка из книги Генеральной Географии» (выписки из книги, опубликованной в 1718 г.) и «Повесть о остроумном Эссопе» («Житие Эзопово» было напечатано в 1717 г., но и до этого и после этого довольно широко было известно и в списках). Судя по почерку Шешковым переписано большинство текстов Уваровского сборника, но в разное время. Наряду с произведениями сюжетно-повествовательными («Житие Эзоп», «Повесть о белом клубуке», «Повесть о царице и львице») в сборник входят тексты исторического характера, географические сочинения, тексты справочно-образовательного направления: «Хождение на Мальту», выписка из «Генеральной географии», «От книги Кроники Польския, сказание о словенском и русском роде и языке», «О взятии царства Сибирского 7092 году» (начало «Нового летописца»), «Табель, что Россия содержит губерней и в них городов, дворов купецких и крестьянских, и доходов», «различные речения иностранные», «Реестр российского морского флота кораблем» и др.⁵ Шешковский сборник из собрания Уварова в определенной степени сходен по составу с Погодинским сборником Шешкова, но в Уваровском отразилось расширение читательских интересов этого книголюбца. Имея в виду переписанное Шешковым «Хождение» Б. П. Шереметева, М. Н. Сперан-

⁴ Мое внимание на этот сборник обратила О. А. Белоброва, которой я приношу искреннюю благодарность.

⁵ Описание сборника см.: Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 4. М., 1894, с. 322—323.

ский писал, что обращение к этому сочинению характеризует то, «как новые интересы постепенно захватывали демократического читателя, привыкшего ранее к старинной литературе».⁶

Что же представляет собой переписанный Анфимом Шешковым текст, условно названный первоиздателями «Сказкой о некоем молодце, коне и сабле»?

В «Памятниках старинной русской литературы» Сказка обозначена как «отрывок». Если воспринимать этот текст как текст сюжетно-повествовательного жанра, то тогда действительно перед нами отрывок — самое начало, зачин более обширного рассказа о молодце. Но, может быть, это не часть сюжетного рассказа, а законченное описание молодца, его коня и его оружия? Сам Шешков, судя по тому, как он записал этот текст, воспринимал его как цельный и законченный: текст завершался на середине листа и после него, как уже отмечалось выше, Шешков нарисовал концовку. Выше также уже отмечалось, что Сказка написана более небрежно, более размашисто, чем остальные переписанные Шешковым тексты. Видимо, это объясняется тем, что Сказку Шешков не переписывал с другой рукописи, а записывал ее по памяти. Таким образом, внешний вид рукописи подтверждает высказанное А. М. Панченко предположение, что Сказка «является записью фольклорного произведения».⁷

По мнению А. М. Панченко, Сказка представляет собой ритмизованную пародию, в которой «пародируется богатырская тема вообще, пародия явно намекает на былину: на коне 12 подпруг, по аналогии с этим числом конь определяется 12 приметам и т. д. Однако некоторые мотивы свидетельствуют, что автор знал и авантюрные повести».⁸ Более осторожно на этот счет высказывалась В. П. Адрианова-Перетц.⁹ Она писала: «Как литературную пародию, может быть, следует рассматривать загадочную, условно названную издателем „Сказку о молодце, коне и сабле“, сохранившуюся в отрывке в рукописи собрания Погодина, № 1773. Гиперболическое описание коня и оружия „доброе молодца“, возможно, пародирует входившие в моду в XVII в. приключенческие романы-сказки типа „Бовы королевича“, „Еруслана Лазаревича“».¹⁰ По-видимому, сомнения В. П. Адриановой-Перетц послужили причиной тому, что она не включила этот текст в корпус произведений демократической сатиры XVII в.

Думается, что Сказка во многом все еще остается «загадочным» произведением. Единственно бесспорным является ее тесная связь с былинной традицией. Не только по ряду внешних признаков, но и по самой сути описания коня и богатырского вооружения Сказка близка к зачину некоторых былин.

Из-за моря, моря синева,
Из славна Волынца, красна Галичья,
Из тое Корелы богатя,
Как есён сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал, —
Выезжал удача доброй молодец,
Молоды Дюк сын Степанович.
По прозванью Дюк был боярской сын.
А и конь под ним как бы лютой зверь,
Лютой зверь конь, и бур, космат,
У коня грива на леву сторону до сырой земли,
Он сам на коне как есён сокол,
Крепки доспехи на могучих плечах.
Немного с Дюком живота пошло:
Что куяк и панцырь чиста серебра,

⁶ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963, с. 34.

⁷ См.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 491.

⁸ Там же.

⁹ Благодарю А. М. Панченко, обратившего мое внимание на то, что о Сказке писала В. П. Адрианова-Перетц.

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, с. 169, примеч. 1.

А кольчуга на нем красна золота;
 А куюку и панцырю
 Цена лежит три тысячи,
 А кольчугу на нем красна золота
 Цена сорок тысячей,
 А и конь под ним в пять тысячей.
 . . . Еще с Дюком немного живота пошло:
 Пошел тугой лук разрывчетою,
 А цена тому луку три тысячи;
 Потому цена луку три тысячи —
 Полосы были серебряны,
 А рога красна золота,
 А и титивочка была шелковая,
 А белова шолку шимаханскова.
 И колчан пошел с ним каленных стрел,
 А во колчане было за триста стрел,
 Всякая стрела по десяти рублей,
 А и еще есть во колчане три стрелы,
 А и тем стрелам цены нет,
 Цены не было и не сведомо.
 Потому трем стрелкам цены не было, —
 Колоты оне были из трость-древа,
 Строганы те стрелки во Нове-городе,
 Клеяны оне клеем осетра-рыбы,
 Перены оне перьяцам сиза орла . . .

Дюк Степанович ¹¹

Как из далеча было, из Галичья,
 Из Волынца города из Галечья,
 Как есён сокол вон вылетывал,
 Как бы белой кречет вон выпархивал,
 Выезжал удача доброй молодец,
 Молоды Михайла Казаренин.
 А и как конь под ним — как бы лютой зверь,
 Он сам на коне — как есён сокол;
 Крепки доспехи на могучих плечах:
 Куюк и панцырь чиста серебра,
 А кольчуга на нем красна золота.
 А куюку и панцырю цена стоит на сто тысячей,
 А кольчуга на нем красна золота,
 Кольчуги цена сорок тысячей;
 Шелом на буйной голове замычется,
 Шелому цена три тысячи;
 Копье в руках марзамецкая, как свеча, горит;
 Ко левой бедре припоясана сабля вострая,
 В долину сабля сажень печатная,
 В ширину сабля осьми вершков;
 Еще с ним тугой лук разрывчетою . . .

Михаил Казаренин. ¹²

С Текст «Сказки о молодце, коне и сабле» после публикации его Ф. И. Буслаевым и в «Памятниках старинной русской литературы» не переиздавался. В «Памятниках» в публикации текста допущено несколько ошибочных прочтений: в первой фразе пропущен союз *а*; *оликой* вм. *отликой* (отличный, прекрасный), *отстегнет* вм. *остегнет*, *арчицев* вм. *аргичев*, *свереч* вм. *сверег*, *ката* вм. *каталися*, *дороги* вм. *дорогие*, *жив нежив*. . . вм. *жив не езживал*. Ниже текст Сказки публикуется по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1772.

В древних было летех, а в далных странах.

Коли де себе отликой молодец смолода был бел-кудряв, конь у него был бур-космат, на ухо лыс, задняя нога по окорок бела, передняя нога по лопатку бела. И всего того хорошае было у добра коня 12 примет:

¹¹ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд. М., 1977, с. 20—21.

¹² Там же, с. 110.

рот как пасть, язык как рукав, грива колесом, уши колпаком, окорока висли памяти вышли, оленьи мышки, заечьи почки, хвост как кутас, круглые копыты, что полные морские раковины, а очи у добра коня, что
 л. 189 великие питыи чаши на лоб вышли. // Весь молодецкой конь^а в приметах, что лютой зверь.

И коли де себе отлюкой дороднѣи молодец оседлает своего добра коня и вскинет на него свое седло черкасское и подстегает двенадцать подпруг белого шелку шемахинского, у всякие подпруги пряшки красного золота аравитцкого, и положит на добра коня свою узду тесмяную, и остегнет на себя свой полный садак. А в нем 300 стрел: пол ста кибирей, 70 арגיעв, 80 ташлыков, 30 сверег, оприченно надобных стрел. А всякая стрела — морская трость: натрое колото и начетверо строgono, и наливано в них красного золота аравитцкого.

л. 189 об. И опояшел на себя // свою молодетцкую вострую саблю тулушманку: пошире драници, а немногим поуже тесницы, за конем с сажен, а перед конем с локоть. А ковано она в красном дороге заморском окулце, огничко вострое, сабля дорога камени самответного, а у ножен оконца красного золота аравитцкого.^б

И сведали про тое его молодецкую вострую саблю во многих далних ордах многие царевичи и с королевичи. И учали из далних орд своих к добру молотцу послы посылати. чтобы съ его молодецкие вострые сабли сняти образец. // Великие ради хитрости и мудрости^в обрасца не сняли и проч по своим далним ордам разъехались.

л. 190 И учал себе отлюкой молодец своею вострою саблею похвалятися: «Не потому де моя молодецкая вострая сабля дорога,^г что она кована в заморском красне дороге булате, потому де моя молодецкая вострая сабля дорога, что ее ковали 70 мастеров с семидесяти городов, а всякой мастер имал от своего хитрого мастерства по семи сот рублей. Еще де моя молодецкая вострая сабля не потому дорога — потому де моя молодецкая вострая сабля дорога, что зделана она хитростию и мудростию: на-
 л. 190 об. тоще в ней же каталися // 2 дорогие зерна бурминские от майдана и до долу. Еще де моя молодецкая вострая сабля не потому дорога, потому де моя^д молодецкая вострая сабля дорога, что ково аз тою саблею ни тиновал, тот от единого разу жив не езживал».

И коли де себе отлюкой дородной молодец сядет на своего добра коня, и выедет в чистое поле, и заиграет.

Сия книга Троицкого Сергиева монастыря подъячего^ж Анфима Шешкова. А писал сам своею рукою лета 7204 сентября в. . .^е

^а в ркп. кол ^б в ркп. аравитцкого ^в в ркп. мудрости ^г в ркп. нет
^д в ркп. моя повторено дважды ^е последние буквы записи отсутствуют.

М. А. САЛМИНА

Античные мифы в хронографе 1617 г.

Проблема восприятия античной культуры на Руси не раз затрагивалась в научных трудах последних лет.¹ Задача настоящей статьи — рассмотреть вопрос о том, как отразилась античная мифология в Хронографе 1617 г. Хронограф этот, как известно, носит светский характер, но даже на этом фоне интерес составителя редакции к античной мифологии бросается в глаза. Основными источниками, откуда составитель Хронографа 1617 г. (далее: Хр. 1617) извлекал мифологические сюжеты, были Еллинский летописец (далее: ЕЛ) и Хроника Мартина Бельского. Оба эти памятника как источники Хр. 1617 описаны еще А. Н. Поповым.² Однако у А. Н. Попова отмечены не все извлечения из этих источников; кроме того, сейчас появилась возможность более основательно проследить все обращения к источникам Хр. 1617, сравнив текст Хронографа по лучшему его списку³ с конкретными списками его источников.

ЕЛ существовал в двух редакциях. Большая часть мифологических сюжетов, вошедших в Хр. 1617, находится в Вводной части ЕЛ.⁴ Вводная часть ЕЛ сохранилась и в списках первой редакции (ГПБ, собр. Погодина, № 1437), с которой и сравнивал текст Хр. 1617 А. Н. Попов (ГИМ, Синодальное собр., № 280 и ГИМ, собр. Уварова, № 10/1334), и в списках Чудовского вида второй редакции,⁵ а также в компилятивном Хронографе ГБЛ, собр. Румянцева, № 456.⁶ Кроме того, эта же Вводная часть отра-

¹ Из работ последних лет, посвященных не всей теме отражения античной культуры в литературе Древней Руси, а лишь знакомству древнерусских книжников с античной мифологией, укажем, например: Э. М. Шусторович. 1) Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе. — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 62—70; 2) Об одном отрывке из древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы. — В кн.: Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1970, № 6, с. 105—110; С. И. Радциг. Античное влияние в древнерусской культуре. — В кн.: Вопросы классической филологии, III—IV. М., 1971, с. 3—65; Никольский Спасский. Эстетические трактаты. Подгот. текстов и вступит. статья О. А. Белобровой. Л., 1978; О. В. Творогов. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 3—34; Д. М. Буланкин. Источники античных реминисценций в сочинениях Максима Грека. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 67—69. Кроме того, ряд работ посвящен знакомству древнерусских книжников с преданием о Троянской войне, см., например: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков. Подгот. текстов и статьи О. В. Творогова. Л., 1972.

² А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, с. 77, 78, 87—111.

³ См.: О. В. Творогов. О Хронографе редакции 1617 г. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 162—177. В статье указаны списки древнейшего вида этой редакции.

⁴ Из основной части ЕЛ в Хр. 1617 вошло только известие о римских царях (в гл. 31) и несколько статей в повествование об Александре Македонском (в гл. 43).

⁵ В списках Чудовского вида утрачено начало. Наиболее полно текст Вводной части сохранился в списке ГПБ, собр. ОЛДП, F.33, с которым далее и проводится сравнение.

⁶ См.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 111—116.

зилась в памятнике, получившем наименование «Прибавление к Палее».⁷ Какой же текст явился непосредственным источником для Хр. 1617?

Решить эту задачу не так просто по двум причинам. С одной стороны, текст ЕЛ передан в Хр. 1617 довольно свободно, что затрудняет текстологические сопоставления, с другой стороны, Вводная часть ЕЛ в рассматриваемых статьях первой редакции и в Чудовском виде второй редакции близки текстуально. И все же одно чтение позволяет установить, что источником Хр. 1617 послужил ЕЛ второй редакции. В ЕЛ первой редакции в статье об Ангеноре и Велоне (в этой редакции заголовок отсутствует) читаем: «. . . пришед же внезапно Таурь, царь греческий, новою ратью бив ся, приа град».⁸ В ЕЛ второй редакции есть заголовок: «О Дингеноре (!) и Велове»; интересующее нас место читается так: «. . . пришед же внезапно Таурь, царь грѣчьский, новою ратью и уби его и вся грады его прия».⁹ В Хр. 1617 чтение, сходное со второй редакцией ЕЛ: есть заголовок «О Ангеноре и Велоне» и текст: «. . . пришед же внезапно Таурь, царь греческий, новою ратию и уби Ангенора и вся грады его приятъ».¹⁰ Таким образом, составитель Хр. 1617 обращался, видимо, к ЕЛ второй редакции; не мог он использовать и «Прибавление к Палее», так как там нет, во-первых, всех фрагментов, вошедших в Хр. 1617, а, во-вторых, рассматриваемое чтение в «Прибавлении к Палее» сходно с чтением ЕЛ первой редакции («новою ратию бив ся, приа град» — ГПБ, собр. Погодина, № 1435, л. 449 об.).

Рассмотрим все тексты Хр. 1617, содержащие сведения об античной мифологии, в том порядке, в каком они следуют в Хронографе.

В главе 7 «О Сифе» текст Хр. 1617 в основном следует за своим основным источником — Хронографом редакции 1512 г. (далее: Хр. 1512), но в одном случае обращается к ЕЛ, заменяя выпиской из него текст Хр. 1512. Сравним:

Хр. 1512

. . . первый пояс, сирѣчь великаа звѣзда Кронъ. . . вторый поясъ Диосъ; третій — Ареосъ; четвертый — Солнечный, на четвертемъ поясе солнце стоитъ; пятый — Афродитисъ; шестый — Ермиосъ; седмый — Луна, на седмъмъ поясоу стоитъ луна. . .¹¹

Хр. 1617

. . . первую звѣзду нарече Кронъ, вторую нарече Дии или Зеусъ, третью — Арея, четвертую — Афродитъ, пятую — Ермис. А велиции свѣтилъ самъ богъ нарече: старѣшему дне — Солнце, а старѣшему ноци — месяць. . . (л. 25).

Текст Хр. 1617 соответствует тексту ЕЛ по Погодинскому списку, за исключением одного уточнения: сообщается иное имя Дия — Зевс.¹²

К тому же источнику — ЕЛ, составитель Хр. 1617 обратился и в следующей главе 8, «О родословных гигантах»: «Бѣ же от Адама донележе видоша сынове божии ко дщереъмъ челоувѣческим. . . злѣ потреблени скончаша свои

⁷ Там же, с. 127—129.

⁸ ГПБ, собр. Погодина, № 1437, л. 10 об.

⁹ ГПБ, собр. ОЛДП, Ф. 33, л. 64.

¹⁰ БАН, Архангельское собр., С. 139, л. 66. Далее Хр. 1617 цитируем по этому списку, представляющему древнейший вид редакции. Листы указываются в тексте в скобках.

¹¹ ПСРЛ, т. XXII. Русский Хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911, с. 28. Далее Хр. 1512 цитируется по этому изданию, страницы указываются в тексте в скобках.

¹² Ср. ЕЛ (ГПБ, собр. Погодина, № 1437, л. 2): «. . . прьвую нарече Кронъ, вторую — Диа, третью — Арея, четвертую — Афродитъ, пятую — Ерминь. . . И велиции свѣтилъ самъ богъ нарече: старѣшему дни — Солнце, а старѣшему ноци — месяць». Нам приходится приводить здесь и в некоторых случаях еще сравнение с Погодинским списком ЕЛ первой редакции, так как списки второй редакции (и, в частности, список ГПБ, собр. ОЛДП, Ф. 33) не имеют начала.

животь» (л. 26), который с некоторыми сокращениями передает текст ЕЛ.¹³

В главе 12 Хр. 1617 содержатся легендарные сведения по истории грамматических учений и риторики. В статье «О Евере и еврейских писменах», так же как в Хр. 1512, говорится: «Иже суть первые по сих писмена грамоты своя финикияне обрѣтоша, творчество же проиское — Омиръ, диялектику — Зинопъ Елатянинъ, риторикию же Кракс Сиракусянинъ, грамотам же сложение и рѣчи и числа и мѣры и уставы Паламидии обрѣте» (л. 30 об.). Первая фраза следующей статьи Хр. 1512 «О сложении еллинскихъ грамоты» — «Исперва убо еллини не имяху своимъ языкомъ грамоту на афинеискымъ (следует — «финическим», т. е. финикийским; так в ЕЛ, — М. С.) писаху» в Хр. 1617 заменена вставкой из ЕЛ: «Инии глаголють, яко Профимеус грамматическую философию обрѣте, Епимеусъ же мусикийскую хитрость изыска, Атласъ же астрономию сказа. Сего ради глаголють, яко Атласъ в небо бьетъ, рекше небесное имать в сердца своемъ» (л. 30 об.).¹⁴ Затем в Хр. 1617 следует статья «О сложении еллинскихъ грамоты», сходная с текстом Хр. 1512.

Глава 13 «О родословии и истуканныхъ» в основном повторяет рассказ о египетской и древнегреческой мифологии, читающийся в статье «О родословии по потопо» главы 6 Хр. 1512 (с. 31—32), где приводится ряд выписок из Хроники Амартола, в которых сообщается о том, как «еллини» обоготворили «скверных» людей и дали им имена по названиям звезд и стихий. Далее объясняется, что олицетворяли собой Зевс, Посейдон, Гефест, Деметра, Афродита, Аполлон и т. д.¹⁵ Это единственное в Хр. 1512 обращение к античной мифологии. Хр. 1617 сохраняет этот текст, но правит его на основании Хроники Мартина Бельского и ЕЛ. Так, к словам «Крона себе именована» добавлено «от отца Дамия, инии же глаголють Сатурноса», слова «лет 50 и 6, облада же и всею землею Перською. . . 50 и 2» Хр. 1512 заменены вставкой из ЕЛ: «Сеи первые показа владѣти чловѣки и повину всю землю в Персиде от Асирия наченъ. Бѣ бо страшен всѣмъ, зане лють ратникъ и царствова много лѣтъ. По нем же царствова Асириемо и Персидою сынъ его Зеусъ. . . Крон же отиде на западныя страны» (л. 31 об.).¹⁶

Античной мифологии посвящено несколько статей главы 20. Все они отсутствуют в Хр. 1512. Первая из этих статей озаглавлена «Имяна волхвомъ египетскимъ, иже противишася Моисею и Аарону, имя единому Аннии, а другому Амврии, откуда же сии и се скажемъ» (л. 61 об.—62 об.). Заголовок напоминает заглавие статьи Хр. 1512 «О знамении, волхвомъ же имена, яко же Павелъ глаголетъ святымъ духомъ увѣде о Анни и Амврии» (с. 62), но содержание ее совершенно иное. В статье рассказывается о внуке Хама Невроте, затем о Кроносе, с указанием, что «по латине» он именуется «Сатурнос», о его детях—Нине, Нептуне и Плутоне, об их борьбе с Титаном, братом Крона, а затем и о самом Кроносе, его женах и детях. Статья сложена на основании двух источников — статьи «О родствѣ и о житии поганьскихъ боговъ» из русского перевода Хр-

¹³ Ср. ЕЛ: ГПБ, собр. Погодина, № 1437, л. 3—3 об. Текст этой 8 главы Хр. 1617 в большинстве списков сопровождается глоссой: «Сия повѣсть о огнемъ потребления и о чловѣцехъ змиенныхъ, выписано изъ лѣтописанъ книги Максима Грека, инока Свягтя горы Ватопедския обители». А. Н. Попов предположил, что речь идет о списке ЕЛ, принадлежавшем Максиму Греку (А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866, с. 9; вып. 2, с. 77—78).

¹⁴ Ср. в ЕЛ: «Атласъ же сказа астрономѣю, сего ради глаголють, яко Атласъ въ небо бьетъ, рекше небесное иматъ въ сердца своемъ. Профимеусъ же грамотичскую философию древнихъ лѣтъ увѣдѣти случышася. Епимеусъ же мусикийскую хитрость обрете» (ГПБ, собр. ОЛДП, Р.33, л. 66).

¹⁵ Ср.: В. М. Истриц. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. 1. Пг., 1920, с. 62, 63, 70 и 71.

¹⁶ Ср. ЕЛ (ГПБ, собр. Погодина, № 1437, л. 7 об.—8). Текст ЕЛ передан в Хр. 1617 с большим сокращением.

ники Мартина Бельского¹⁷ и статьи «О Кровь» ЕЛ.¹⁸ Чем объясняется такое несоответствие заголовка главы и ее содержания? Помещение статей на темы античной мифологии в главе 20, где они разрезают рассказ о Моисее, подсказано Хроникой Бельского, где статья «О родствѣ и о житии поганьскихъ боговъ» помещается после рассказа о потомстве Иакова и перед статьями «О Иове Праведномъ» и «О Моисее». Поводом заговорить об античных богах явилось сопоставление их с волхвами, чудеса которых «превозмог» Моисей.

Следующая статья «О Зеусе, еже есть Дии» (л. 62 об.—63) представляет собой сокращение статьи ЕЛ «О Пике Зевесе Дьи, како отца своего Крона в тимѣнии утопи и самъ царьствова»¹⁹ от слов «Царьствова же Пикъ во Асуррии лѣтъ 30» до слов «началникъ бѣ пьянству». Здесь кратко пересказывается миф о Семеле.

Статья Хр. 1617 «О Иракле еже есть Юпитере, сыне Зевесове» (л. 63—63 об.) в основном соответствует второй части статьи ЕЛ «О Пике Зевесе Дьи. . .» — рассказу о Геракле. У составителя Хр. 1617 прослеживается стремление учитывать в обозначении античных божеств две традиции (греческую, пришедшую на Русь вместе с византийскими хрониками, и римскую, которая представлена в Хронике Мартина Бельского). Так, в данной статье он добавляет: «Сеи же Иермии Асирииски же (?) глаголется Юпитерь, сего же Юпитера живуции от племени его прозваша звѣзду на небеси по имени его, рекше Ермии или Иракла, то же и Юпитерь» (л. 63).

В следующих статьях «О Персие сыне Зевесове» и «О Горгоние» (л. 63 об.—64) излагается миф о возлюбленной Зевса Данае, его сыне Персее, его победе над Медузой Горгоной и нечаянной смерти, когда он сам взглянул на голову Горгоны, «мняше» ее «уже не мощну действовать». Обе статьи восходят к статье «О Персѣи и о главѣ Горгониинѣ» ЕЛ.²⁰ Статья «О Нине сыне Кронове» (л. 64) соответствует одноименной статье ЕЛ и следующей далее статье «О Зороастѣ».²¹

Сложна по составу следующая статья Хр. 1617 «О Ермии, еже есть о Иракле, глаголет же ся в польской крониче Юпитерь» (л. 64—65): это компиляция из текста ЕЛ²² и главы «О родствѣ и о житии поганьскихъ боговъ» Хроники Мартина Бельского.²³ В статье повествуется о борьбе богов и титанов, а также о том, что во время этой борьбы боги обратились в животных и птиц. «Юпитер же обратился в телца, тако же и прочии, иже с нимъ. Апполонъ во овна, Ахомось (т. е. Бахус, — М. С.) в козла, Венусъ в рыбу, Меркурьюшь в лебедь, Офисъ (т. е. Юпитер, — М. С.) в дрозда. Тако же и жены ихъ: Диана в ланю, Юна в паву и много сихъ». Затем рассказывается, какие жертвоприношения требовались названным божествам.

Далее следует статья «Имяна волхвомъ по родословию ихъ», которая представляет собой несколько сокращенный пересказ генеалогической выкладки в составе главы «О родствѣ и о житии поганьскихъ боговъ» Хроники Бельского, сделанной в виде таблицы.²⁴ Помимо божеств и мифологических героев здесь названы «божества олицетворения». Так, на-

¹⁷ См.: БАН, Архангельское собр., Д. 422, л. 45—46.

¹⁸ Эта часть памятника также отсутствует в списке ГПБ, собр. ОЛДП, Ф. 33, поэтому мы вынуждены соотносить текст с Погодинским списком (т. 7 об.—8) или с компилятивным хронографом ГБЛ, собр. Румянцева, № 456, где читается Вводная часть ЕЛ (текст находится на л. 30б.—4).

¹⁹ Заголовок по списку ГБЛ, собр. Румянцева, № 456, текст этой статьи начинающаяся со слов «матерь свою Арию» читается в списке ГПБ, собр. ОЛДП, Ф. 33 (л. 62), с которым далее и проводится сравнение.

²⁰ См.: ГПБ, собр. ОЛДП, Ф. 33, л. 62 об.—63.

²¹ Там же, л. 63.

²² См. статью «О Ермии» (ГПБ, собр. ОЛДП, Ф. 33, л. 63—63 об.).

²³ См.: БАН, Архангельское собр., Д. 422, л. 56—56 об.

²⁴ Там же, л. 51 об.—53.

пример, у Юпитера третьего²⁵ поименованы дети: «Орфеусъ, Аристеусъ, Ескиляфонъ, Кастуръ, Полюксъ, Люцыферъ, Сарпедонъ, Ферзеусъ, да дочь Клетемнестра, богиня водная, да другая дочь, Елена Прекрасная, троиская, о которой трояне билися с греки, Ферзеусовы дѣти рекше адъскія страны сиверныя». И далее перечисляются имена «Ферзеусовыхъ детей»: «Немилость, Работа, Страсть, Измѣна, Вредъ, Сонъ, Хракотина, Кашель, Зависть, Упрямство, Убожество, Нужа, Гладь, Жалоба, Старость, Стѣнь, Смерть, Брань, Величество, Колотие, Драка, Тартаусъ, Анфиус, Фама, то есть нашимъ языкомъ Слава» (л. 65—65 об.). Пересказ таблицы сделанъ вольно: рядъ имен опущен, ошибочно в одномъ ряду перечисляются дети и внуки и т. д.

Остальные фрагменты статьи также находятъ соответствие в Хроникѣ Бельскаго и ЕЛ. Фрагменту «Юпитеръ бо востокъ принялъ. . . сирѣчь адъскій» соответствуетъ в переводѣ Хроники Бельскаго: «И после того Юпитеръ з братіею своею роздѣлился: и досталось ему надѣлу на востокъ солнца и прозвали мудрецы тотъ дѣлъ (так!) небомъ, потому что востокъ солнца, освѣщаетъ свѣтъ. Второму брату Юпитерову — Нептун(ови) — досталось надѣлу морскіе горы, Плутону досталось надѣлу на западъ солнца, и потому Плутона зовутъ пекелнымъ богомъ».²⁶ Фрагменту «Суть же и ина безчислена имена. . . а болшихъ 300» соответствуетъ: «Всѣхъ боговъ поганскихъ, которые простые люди за бога хвалили кладесть в число мудрецъ Езиодусъ 30 000, самыхъ болшихъ боговъ — 300».²⁷ Фрагменту «Яко же и Ермии Тревеликии. . . Троицу единосуцну исповѣда» соответствуетъ текстъ в ЕЛ: Ермии былъ «мужъ дивенъ и мудръ, и прѣвеликъ (следуетъ — Тревеликъ) нарицаемъ египтяны, иже сказа три великии силы суща. . . Си на Улиана царя отъ святаго Кѣрила пуцаема на казание истое, яко Тревеликии нашъ Ермии не вѣдыи будущаго, Троицу единосуцну исповѣда».²⁸ Ссылка, что «о семъ убо исповѣдании во своемъ мѣсте речемъ», относится къ упоминанию того же Ермия и его пророчества в главѣ 52 «О Еллинскихъ философехъ. . .» (л. 210).

Следующіе пять статей главы 20 восходятъ къ ЕЛ.²⁹ Это статьи: «О Ангелоре и Велоне», «О Иракле философе, како обрѣте когхиль, рекше багръ», «О Фисте, яко тои первіе бранное нача ковати оружие», «О Филистѣ» и «О Петисонеи фараонѣ» (л. 66—67).

Глава 22 «О Еуроппи и о Тире граде и Сидонѣ» (л. 90—90 об.), в которой пересказывается мифъ о похищении Европы Юпитеромъ, восходитъ къ Хроникѣ Бельскаго в некоторой переделкѣ.³⁰

Глава 23 «О судияхъ, бывшихъ по Исусѣ Наввинѣ во Израили» представляетъ собой сокращеніе текста Хр. 1512 и содержитъ по преимуществу библейскій матеріал. Но в этой главѣ имеются две относящіяся къ античной и мифологической тематикѣ вставки. В статьѣ «О Деворе пророчице и о Варацѣ судии во Израили» из ЕЛ³¹ добавлено: «В то же время во еллинехъ быша философи: Промифеусъ, Атласъ, Епимифеусъ, Епаноптисъ и Аргосъ. . . Епимифеусъ же музикиискую хитрость изыска. Давкалионъ же потоши мѣстныя списавъ» (л. 91 об.).

Следующій фрагментъ — «Пифагоръ же премудрыи численую хитрость изложивъ и слава безплотныхъ суща власти. По сихъ же бѣаху Свеклисъ, и Ратиклосъ и Ерерипитъ, и Сократѣ великии, и Пифа, иже о двою на десяте животныхъ написа. Тогда былъ и Ливанъ капишетворецъ, и Сти-

²⁵ Такъ именуется у Бельскаго сынъ Феба; в Хр. 1617 Юпитеръ третій — сынъ Нина внукъ Зевса.

²⁶ См.: БАН, Архангельское собр., Д. 422, л. 57 об.

²⁷ Тамъ же, л. 56.

²⁸ См.: ГПБ, собр. ОЛДЦ, Ф. 33, л. 63 об.

²⁹ Соответствующій текстъ в списке ГПБ, собр. ОЛДЦ, Ф. 33 находится на л. 63 об.—64 и 65 об.—66.

³⁰ См.: БАН, Архангельское собр., Д. 422, л. 115 об. (статья «О греческомъ писмѣ»).

³¹ См.: ГПБ, собр. ОЛДЦ, Ф. 33, л. 66.

сихорь и Вакулидисъ, тии бо бѣша еллиномъ учителя. Взыде же по сихъ Димостенесъ, и Аристенафанъ пѣснотворцы» (л. 91 об.—92) — восходит также к ЕЛ, но выборка сделана из разных мест источника: из статьи «Царство 7 Спердия вълхва, иже царствова въ Вавилонѣ»³² и из статьи «Начяло царства Римьскаго».³³ Таким образом, составитель Хр. 1617 собирал и соединял сведения о реально бывших и легендарных «творцах», рассеянные в разных местах его источника.

В той же главе, после статьи «О Еффае 10-мъ судии», следует отсутствующая в Хр. 1512 статья — «О грамотѣ латинской»: «В то время при Евфане, судии и израильтескомъ, в лѣта от Адама 4 тысящи 300 и 91 Аркадийския страны дщи царя Фаниуса преже научена была еллинска языка писменомъ. . . И оттоле нача быти латинския писмена» (л. 94—94 об.). Это извлечение из Хроники Бельского, из статьи «О Никостратѣ царевне Оркодѣиской».³⁴

Глава 24 «О златомъ рунѣ волшебнаго овна» (л. 96 об.—107 об.), тематически заменяющая статью «Повесть о создании и поплнении Трояском. . .» из главы 106 Хр. 1512, содержит рассказ о Троянской войне. Эта глава издана и исследована в книге «Троянские сказания»,³⁵ поэтому говорить о ней здесь не будем. К главе 24 тематически примыкает и глава 25 — «О Вритании или о Английской земли», восходящая к одноименной главе Хроники Бельского.³⁶

В главе 33 «Сказание о пророце Данииле», в основном соответствующей главам 84—90 Хр. 1512, имеется добавочная статья «О Афане философе еллинскомъ»: «При Ехонии, царѣ иерусалимскомъ, бысть во еллинехъ философъ Афанъ пѣснотворецъ, иже и лечебную хитрость позна, и о воинскихъ бранехъ книги написа, и тѣ книги Александръ Македонский любилъ и с собою ихъ возилъ и часто прочиталъ» (л. 144). Источник ее неясен. Можно предположить, что здесь сказалось влияние статьи «О мудрецахъ греческихъ» Хроники Бельского, где говорится: «Гомерус и Езиодус тѣ были мудрецы первые в Греческой землѣ, пѣвчии и звѣздочетцы и лѣкари, как у нихъ в писании пишетьца. Касиус пишеть мудрецъ, что Гомерус после Троянской войны жил 160 лѣт и таково ж перед зачатиемъ Рима. В тѣ поры Комезафатъ царствовал над жида, писал книги о дѣлахъ воинскихъ, которые книги Александръ всегда носил и челъ».³⁷

Главу 43 Хр. 1617 занимает особая редакция «Александрии». Она не имеет прямого отношения к нашей теме, поскольку Александр Македонский рассматривался как исторический герой. Глава эта подробно рассмотрена В. М. Истриным.³⁸

Последнее обращение к античной мифологии в Хр. 1617 мы встречаем в главе 50 «Царство Иулиа кесаря римскаго» (л. 196 об.), которую открывают статьи «Сказание о чудесныхъ дѣлахъ разнобывыхъ», «О царѣ Прометевле», «О плотнике Икарисе, о море Икарийскомъ», «О Волкане кузнецѣ», «О Ериктоне», «О Стеркиле волхвѣ», «О Арфеусе игреце», «О фриискомъ царѣ Мидасе златолюбномъ», а также «О Дидонии». Все эти статьи, излагающие мифы о Прометее, Дедале и Икаре, Вулкане, Орфее и других античных богах и героях, являются пересказом статей Хроники Бельского.³⁹

³² Там же, л. 109.

³³ Там же, л. 112 об.

³⁴ См.: БАН, Архангельское собр., Д. 422, л. 122.

³⁵ См. примеч. 1.

³⁶ См.: БАН, Архангельское собр., Д. 422, л. 146—147 об.

³⁷ Там же, л. 223.

³⁸ В. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893, с. 289—310.

³⁹ В Хронике Бельского соответствующий текст находится на л. 14 об. (источник первой статьи), на л. 54 об.—60 и на л. 199—199 об. (источник статьи «О Дидонии»).

Заканчивая обзор античных мифов и преданий, вошедших в состав Хр. 1617, следует подчеркнуть, что интерес его составителя к мифологии был определенным: так, ЕЛ как источник был по существу привлечен им именно из-за содержащихся в нем пересказов античных мифов. В ряде случаев мы видели, что составитель Хр. 1617 не следовал механически за текстом ЕЛ или Хроникой Бельского, а специально отыскивал интересовавшие его сведения в разных местах источника. Так поступал он при написании статьи «О Гофонии» или в статьях главы 50.

Приведенные наблюдения представляют интерес для характеристики литературных вкусов русских книжников XVII в.

Н. С. ДЕМКОВА

**Из истории ранней старообрядческой литературы.
IV. «Исповедание» Игнатия Соловецкого (1682 г.)
и отклики современников на разгром Соловецкого
монастыря царскими войсками в 1676 г.***

Имя современника Аввакума — Игнатия Поморянина, бывшего инок Соловецкого монастыря, давно известно исследователям публицистики XVII в. как имя автора полемиического сочинения «Книга о титле».¹ Сравнительно недавно Н. Ю. Бубнов опубликовал еще два сочинения Игнатия: 1) его «Челобитную» царю Федору Алексеевичу, написанную 5 октября 1676 г., описывающую взятие царскими войсками Соловецкого монастыря в январе 1676 г. и казни его защитников, и 2) фрагмент сочинения «Об Адаме первозданном», содержащий обличение «никониан», властей и умершего царя Алексея Михайловича.² Нами найдено еще одно новое, неизвестное ранее сочинение Игнатия, названное (на основании авторского обозначения в тексте) «Исповеданием» («... дерзаю... исповедание сие принести против нынешних богохулников, еретиков и отступников...», л. 7 об.). Вновь найденное «Исповедание» является, таким образом, четвертым дошедшим до нас сочинением Игнатия Соловецкого; оно содержит важный материал и для характеристики его яркой антицаристской позиции, и для понимания основных путей возникновения доктрины самосожжения — доктрины отчаяния и надежды, увлекшей за собой широкие крестьянские массы в конце XVII—начале XVIII в.

Текст «Исповедания» сохранился в небольшой рукописи (три тетради в 8^о, 14 л.) первой трети XVIII в. из Барсовского собрания (ГБЛ, ф. 17, № 1207, I, л. 7—14 об.), не привлекавшей до сих пор внимания специалистов. Перед «Исповеданием» (на л. 1—6 об.) находятся выборки из послания дьякона Федора из Пустозерска Ивану, сыну протопопа Аввакума, и «всем верным братьям» (1669 г.);³ выборки озаглавлены «Послание священнодьякона господина Феодора о нуждах лежащих ко спасению нашему настоящего времени»; текст послания не полон из-за утраты тетради (л. 6 об. кончается словами: «В старых святых книгах истинно стоит та речь, ею бо владыка Христос за наше...»). Таким образом, это типичная старообрядческая рукопись ранней традиции, сохранившая тексты первых деятелей старообрядческого движения.

* Начало этой серии публикаций Н. С. Демковой «Из истории ранней старообрядческой литературы» (I—III) см.: ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 385—392.

¹ П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе XVII в. СПб., 1898 (далее: П. С. Смирнов), с. LXXXI.

² Н. Ю. Бубнов. Незвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 92—114.

³ Ср.: Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые под редакцией Н. И. Субботина, т. VI. М., 1881, с. 60—71; см.: П. С. Смирнов, с. LXIII.

Имя автора «Исповедания» в тексте нигде не названо, но предваряющая текст заметка не оставляет сомнений в том, что автор сочинения — известный соловецкий инок, черный дьякон Игнатий, организовавший одно из самых страшных, массовых самосожжений в Поморье — самосожжение в Палеостровском монастыре (1687 г.): «. . .сей проповедник, новый страстотерпец, сожитель бывший прежде Соловецкия пустыни, ревнитель преподобных отец Зосимы и Саватия. Пострада же и он, новый страдалец, лета 7195-го, марта 20 числу, святаго и великаго поста четвертыя недели, крестопоклонной, к пятку в ночь, в Палеостровском монастыре».

«Исповедание» Игнатия можно датировать временем правления царя Федора Алексеевича (30 января 1676 г. — 27 апреля 1682 г.), так как Игнатий пишет о нем как о ныне правящем царе. Отсутствие упоминаний о казни пустозерских узников (14 апреля 1682 г.), по-видимому, можно рассматривать как *terminus ante quem*, и не только потому, что факт этот был важнейшим событием для старообрядческой России тех лет, особенно для Поморья, где выступал со своей проповедью Игнатий, но и потому, что пустозерских узников, не покорившихся властям — Аввакума, Лазаря, Федора и Епифания, казнили не поодиночке, а всех вместе, «скопом», как говорили в старину, и эта общая казнь полностью соответствовала просимой (требуемой!) Игнатием модели расправы: «Скончевайте скорые всех нас о истинне Христове, у кого с нем твердо совет пребывает. . . Почто нас вам в заточения рассылати? Не рассылайте в заточения, предайте смерти скорее, да вам обличники не будем!» Сочинение Игнатия написано, вероятно, не в первый год царствования Федора; упоминание «жен ваших» в обобщенном перечне членов царской семьи, возможно, имеет отношение и к царю Федору (царь Федор Алексеевич первый раз женился в июле 1681 г., второй — в феврале 1682 г.).

Игнатий Соловецкий — фигура колоритная и противоречивая. Известна страстность, даже фанатичность его проповеднической деятельности против «никониан» — светских и духовных властей; Игнатий пришел к крайнему отрицанию феодального государства и выступил сторонником (и практиком) такой отчаянной формы неприятия старообрядцами существующей действительности, как самосожжение. Одновременно, пытаясь создать полемические сочинения в защиту «старой веры», Игнатий выступал как богослов и публицист, опирающийся на традиции древнерусских полемических произведений и на стилистику живой разговорной речи, создавая произведения, понятные широкому кругу читателей.

«Исповедание» Игнатия в известном отношении — уникальный текст, так как оно представляет собой своеобразную «прокламацию» социального отчаяния низов России в 1680-е гг., решившихся в своей оппозиции к феодальному государству на крайнюю меру — на самосожжение. Уникально «Исповедание» и в жанровом отношении: это не «челобитная», хотя текст Игнатия содержит просьбы и даже требования; это не «прение» или «беседа» с противниками, хотя наблюдается намерение автора создать иллюзию непосредственного диалога с «никонианами». Несомненна связь «Исповедания» Игнатия с традиционным жанром «исповеданий веры», известным на Руси с XI в., и с хорошо известным русскому книжнику жанром «рукописаний» — «духовных грамот», завещаний. Жанр «духовных грамот» наряду с чисто деловой функцией завещания служил иногда (со времен Владимира Мономаха) формой для личного самовыражения и автобиографических описаний и как литературная форма нуждается еще в тщательном описании и исследовании (напомним о пародийном использовании этого жанра в публицистическом новгородском тексте XIV в. — «Рукописании Магнуша» и о широком привлечении «духовных грамот» при написании северных русских житий — Лазаря Муромского, Герасима Болдинского, Антония Римлянина и др.). Хотя «Исповедание» Игнатия и следует книжной традиции «духовных грамот», оно представляет собой интересный образец эмоциональной, личной публицистики,

обличающей царя и его слуг, напоминая тем самым о традициях Аввакума.

В приложении помещаем два неизвестных ранее текста, посвященных теме разгрома Соловецкого монастыря царскими войсками в 1676 г.: тропарь и кондак соловецким инокам (1676 г.) и отписку 1680 г., сохранившую рассказ стрельца, присланного на службу в Соловки после разгрома монастыря.

«Память» соловецким инокам находится в рукописи конца XVIII в. (ГБЛ, собр. Барсова, ф. 17, № 654, 4^о) среди текстов ранней старообрядческой традиции: в этом сборнике, обнаруженном И. М. Кудрявцевым, находится один из редких списков начальной редакции Жития Аввакума, редчайший список первоначальной редакции Жития Епифания, сочинения инока Авраамия.⁴

Такое литературное окружение текста «памяти» позволяет высказать предположение, что тропарь и кондак были написаны в тот же период времени — вскоре после разгрома восстания. Кондак «хвалит» казненных иноков за сопротивление: они «разрушили сети» врагов и попрали «Никоново злое мудрование под ноги свои». В ряду основных доблестей соловецких монахов «память» называет их «непослушание» самому царю: «земного царя не послушали есте». Отношение к царю позволяет датировать текст «довыговским» периодом старообрядческой литературы: компромисс Выга с царской властью делает невозможным предположение о выговском происхождении текста. Профессиональное же владение формой молитвословия — его «правильный» ритм, синтаксис и стиль, обнаруживают в авторе «памяти» настоящего литератора, начитанного книжника. Казненные иноки названы в «памяти» «новыми преподобномучениками», что свидетельствует не только о несомненной связи текста с XVII в., но и позволяет думать о написании «памяти» до казни Никиты Пустосвята, до стрелецких казней, до казни Аввакума и его единомышленников в Пустозерске, т. е. до 1682 г. В этом случае рукопись Барс. 654 сохранила пласт одновременно — в пределах 10—20 лет — написанных произведений.

«Видение караульного (кустодея)» сохранилось как часть подлинного свитка XVII в. в собрании Е. В. Барсова (ГБЛ, ф. 17, № 1211) и представляет собой любопытный документ эпохи, так как фиксирует крайне настроенное отношение и народных масс, и официальных правительственных чиновников к Соловецкому монастырю: взбудораженное Соловецким восстанием народное сознание продуцирует не только исторические песни о разгроме монастыря, но и «видения», а любые «видения» и молва о них подвергаются контролю и анализу. Участие приказного лица в записи рассказа караульного удостоверяется его свидетельством в конце текста о благонадежности стрельца: «А тот человек смиренной, и не досадитель никому, и сердцем претпрост».

«Видение кустодея» — это часть «распросных речей», сказанных устно и записанных рукою опытного приказного служки — гладко и складно. «Распросные речи»¹ — факт деловой письменности, не чуждый, однако, стихии устного сюжетного повествования. Именно с этой точки зрения публикуемое «видение» представляет определенный интерес.

Автобиографический рассказ о внезапном приходе соловецкого старца к воеводе построен караульным стрельцом по «законам» жанра видений: стрелец «призабылся мало» на карауле и не мог понять, во сне или наяву видел он этого старца; отсюда же и точность описания места, где находился стрелец (он стоял «на уреченем месте», на расстоянии «лакот за десять» от остальных, «о топорок оперса»). Тяготение «видения» к документальности, усиленное включением его в реальный документ, проявляется в точ-

⁴ Описание рукописи см. в кн.: Н. С. Демкова. Житие протопопа Аввакума. Л., 1974, с. 57.

ном указании времени события («часу в одиннадцатом, во дни, на едином часу все было») и обстоятельств, ему предшествующих: стрелецкий «караул», присланный на остров в 1680 г., в день памяти Зосимы и Савватия Соловецких (по-видимому, это весенний день «памяти» — 30 апреля), оказывается в удалении от основного лагеря, от «табора». Жанр видений диктовал необходимость описания чувств визионера: вначале караульный пугается («И я вздрогнул и ужась обдержит сердце мое. . .»), в конце — радуется тому, что это был только сон («И я рад бысть зело. . .»). Стихия устной речи точно воспроизводит обстоятельства быта соловецких караульных: «. . . и повелел сотник скоро хватать всякия запасы, и мы, кустодеи, ухватя пищали малыя и великия, и потащили к воеводе, и в лодьи клали, и воевода повелел скоро пихати лодьи от берегу. . .» «Видение» представляет собой интересный образец той речевой культуры, на почве которой — в соединении с книжной традицией — и произошли основные литературные открытия демократических авторов XVII в.

ИСПОВЕДАНИЕ ИГНАТИЯ СОЛОВЕЦКОГО

// Списание сие раба Христова, проповедника благочестия истинне ^{л. 7} проповеди евангелия Христова, преданнаго от сына божия святым его учеником и апостолом, а от апостол святым отцем, и святыя отцы на седми соборех утверженно, и кровию святых апостол и святых мученик и мучениц утверженно и запечатленно, занеже они телеса своя предаша в различныя муки: овии убо мучими быша, мечную прияша кончину, друзии же огнем скончашуся за Христа, якоже и сей проповедник, новый страстотерпец, сожитель бывый преже Соловецкия пустыни, ревнитель преподобных отец Зосимы и Саватия. Пострада же и он, новый страдалец, лета 7195-го, марта 20^а числу, святого и великаго поста четвертыя недели, крестопклонной, к пятку в ночь, в Палеостровском монастыре. //

// Всемогущаго и всесилнаго и непостижимаго в троицы славимаго ^{л. 7} ^{об.} бога, безначалнаго отца со едиnorodным^б сыном и с пресвятым и благим^в ^вдухом, животворящим и истинным,^г грешный и непотребный раб господа Исуса Христа, и разоренный новыми законопреступниками и богоратниками, проклятым русским Алексеем со всеми помощниками его, церковной сирота, Христова воинства последней ослалец, от имени спасителя, всемилостиваго господа бога и спаса нашего Исуса Христа едиnorodнаго сына божия и пресвятыя владычицы нашея госпожа богородица, и всех святых, от века угодивших о законе его святом евангельском, и о проповеди апостольский, и о заповедех святых отеческих, дерзаю, на непобедимую силу крестную упование положа, исповедание сие принести противу нынешних богохулников, еретиков и отступников от истиннаго благодатнаго евангельскаго закона уклонившихся^д в латыньския римския ереси, понеже злочестивии отступницы разгордешася // спасителем ^{л. 8} своим едиnorodным сыном божиим, от закона его святого евангельскаго отступили, и уклонилися в латыньския римския ереси, и иныя различныя раздоры многия, якоже римский папа и законопреступник Иулиан и Лев, от Исавр бывый, и сын его Константин Гноетезный.

Тако и сии, новии латынники, Алексей мерский, новый законопреступник и богохулник с послушающими его, и с Никоном-еретиком, и з детми его, к нам, церковным сиротам, сотворяют, и называют себя пастырями нам, и агньца своего сквернаго — таинством, и церковь свою еретическую — церковию, якоже напечатано у них в новой их книге богомерзской, в пагубной, в проклятом Жезле.

^а После цифры «К» (20) одно слово затерто и плохо различимо ^б Испр., в ркп. едиnorodным ^{в-г} Произведена перестановка слов, согласно указаниям рукописи; в ркп. животворящим духом истинным. ^д ив вписано над строкой тем же начерком

И якоже изрече к новому многотерпеливому страдалцу и исповеднику ко святому преподобномученику Авраамиию резанской арцыбискуп, а не архиепископ, Ларион, тако глагола, егда привели его второе пред них, темных властей, и перед злочестиваго мучителя Лариона Иванова ношью, и нача его увещати, арцыбискуп: «Как, бедной Авраамий, дело // божие творите без страха? Уже у вас соборная апостольская церковь — не церковь, таинство — не таинство, архиереи — не архиереи, вера православная христианьская — не вера». И аз вам ныне отвечаваю: воистинну, нам вы не архиереи, о законопреступники богомерзстии, и богохульники, и богоотступники проклятии, новии латинники! Доколе буйствуете, неправду мудрствуете и на святых отец седми соборов глаголете ложь? И отрекаетесь их, и заповеди их не брежете, якоже они заповедали нам, христианом, хранити и блюсти, ни пременити в догматах в божественных ничтоже, и аще кто приложит или отъимет, или пременил — да будет анафема!

А вы ныне смели дерзнути составить лукавую свою сонмицу на Христа-света, новую, жидовскую, иже сего не повелеша святии отцы. Вы же не точию, что добро приложили есте, и пременили, но и святаго евангельскаго благовестия и апостольския проповеди, и святых // седми соборов отреклися, и крещения святаго истиннаго отступили, а свою лукавую латынскую сонмицу прославляете. И по сему лукавому вашему делу вы нам не архиереи, и таинство же ваше — лукавой, и мерзкой, и скверной агнец латынской — не таинство. Вера же ваша — неправославная и не христианская, но латынская римская ересь, и иных ересей многия раздоры. Вы же себе учинисте теми своими лукавыми обычаи — римскому папе выблядками. Того же ради вашего лукаваго права церковь ваша развращенная — нам не церковь, но лукавое сонмище и ересем всеприятилице, римскому костелу соединение.

А еже вы нам изрицаете, будто мы истинны не знаем и без разума живем, отвечаем же мы к вам сице: всеу тако нам еретическое свое лукавство изрицаете, мы истинны Христовы не отступаем николи же, но держимся всею^е крепостию, и всею душею нашею, // и всем помышлением нашим. И разума истиннаго не отлучаемся.

Вы же сами изо ада погибели злаго еретичества изшедше, возбеснесте, яко пси и яко наставник ваш и отец древний сотана, и его слуги, и угодник любимой — Алексей, и советник его лукавой — Никон.

А что вы изрекли ко исповеднику же Авраамиию, будто вы с пагубным с Никоном крещение исправили, и тем крещением будто вы крещены, и о сем к вам мощно изрещи тако: точию разве вы ныне судим жидовским обрезанием обрезаны, а не крещены. Или будет вдругорядь таковым своим латинским крещением крещены тако, како изложили с Никоном-еретиком и со Алексеем-богохульником. Истинное же прежнее святое крещение осквернисте.

А еже он же изрек, мерской сатанин пес, рязанский арцыбискуп Ларион к нему же новому исповеднику в третьем // приводе сице: «Уже ли, Авраамей, от запада на восток обращаешься, и престал ли прекословити соборной апостольской церкви и чetyрем вселенским патриархом и нашему пятому (в то время бывшему Асафу, иже в Сергиеве монастыре был на архимаричье месте), и всем архиереом великия России? И неужели яко пес на своя блевотины обращаешься? И не церковь тебя оставила — ты церковь оставил!»

Мы же к вам отвечаем, к мерским псам сатаниным: святыя мы соборныя истинныя восточныя апостольския церкви не оставили, оставили мы вашу еретическую церковь, новую, христораспинательскую, жидовскую, не ныне, но во младенческом в самом крещении,^ж и ниже в ней бывали

^е Испр., в ркп. все

^ж Испр., в ркп. крещению

когда, ниже быти желаем, не даждь нам, господи Боже, создателю наш, такового злаго недуга ни в мысли наша нам прияти, еже к вашей еретической новой жидовской церкви пристати, // но желаем всею душею нашею того же подвига сподоблены быти и христомученически скончаться от вас, новых распинателей, и еретиков, и жидов, за истинную церковь Христову.

Восток же ваш таков есть, како каркин ходит, понеже право ходити не может, но вспять ходит. И тако вы ныне идете на тот восток, идеже сатана с бесы седит. И вси противники еретики шуею страну не запад, а не на праведный восток страну десною.

Мы на тот восток ваш³ не идем¹, а архiereом не четырем вашим все-ленским и не пятому вашему, нынешнему мерскому еретику, но всем святым отцем, угодившим господеву^к правую верою единою преданною, покоряемся и повинujemyся во всем, и слушаем их, яко воистинну истинных пастырей своих и учителей.

А что изрицаете нам, будто мы, яко пес на своя блевотины обращаемся, мы же не обращаемся никуда же никако же, но единою правую верою стоим. // Вы же сами обратистесь на блевотины самого сатаны со всем бесовским собором, и тако в безумии своем возбеситесь, соористе мрак сумудренный с миродержателем тмы века сего, с мерзким богоненавистником, с проклятым скверником, со аггелом и хранителем, со укрепителем, с правителем бездны, с пагубным царем, с хоботом сатаниным и со слугою истаинником,¹ поглотившим во всей вселенней благочестие, со Алексеевым помощником с лукавым, с Никоном, с кнутом преисподния бездны, приемшим во уши своя лукавыя сатанин совет от самых младенческих ноготь. И развративь си сердце свое, яко лук крив, иже в души своей страх божий никакоже стяжав, ниже будущаго суда убо-яся, устроил рать злочестиву и богоборну на святую честную великую обитель преподобных отец Зосимы и Саватия, Соловецких чюдотворцев, иже своему лакавому^м богоборному еретическому делу возмездие // при-обрете: при запусении тоя святыя обители святых и преподобных отец поражен бысть уст божиих пречистым духом; в его же место облечеса именовем благочестиваго царства сын его, обычаем и нравом тем же пребы-вая, яко Константин, рекомый Гноетезный.

Нас же на земли до толика разорили, не точию свободное место на житие имеем, но в прежнем платьи иноческом, ни ногою без страха поступи смеем. И наполниша царство свое всякаго осквернения и беззаконнаго мятежа. И того ради беззакония попечение нам о душах своих имущим жития своего: иноком — иночества, а девам — девства, в неоскверненной чистоте невозможно сохранити. Яко церкви все и обители святыя бе^н владела богомер//зкая мерзость их, и воинство антихристово везде и повсюду укрепилоса, речи же его лукавыя таковы исходят, будто по отцеву обычаю мучить не велит и будто тому же молится богу, что и они.

Мы же молимся вседержителю богу в троицы славиму, безначалному отцу со едиnorodным сыномъ и с пресвятымъ благим животворящим истинным духом, и крещением крестилися истинным православным. Вы же молитесь не⁰ тому богу, но иному, мерзости запусению, телу злобе, помрачению, и крещением крестилися есте еретическим латынским, а не православным христианским.

И мы благочестия истиннаго, от святых отец преданнаго, и крещения святаго не отступаем, ради от вас всяку тесноту и муки страдати. Вы же, видевше нас,^п тако пребывающих, доколе не скончеваете, но нужно // и лето^р томите и мучите.

¹ «-и Произведена перестановка слов согласно указаниям ркп.; в ркп. ваш восток не идем. ^к господеву вставлено на поле ^х Так в ркп. ^м Так в ркп. ^н Так в ркп. ⁰ Не вставлено над строкой тем же почерком ^п Испр., в ркп. на ^р Так в ркп.

Скончайте скорые всех нас о истинне Христове! У кого с кем твердо совет пребывает, аще инок, аще мирянин, аще женеск пол, или девицы, каков умыслише конец сотворити нам, скончайте скорее, а не вымучивайте повинных! Аще ли же станете повинных вымучивати, мы же от немощи плотския опусневше, аще и помутимся, и повинну вам подадим, и, подав повинную, горши того в горести душ своих вас проклинаям, воздыхание горко возсылающе ко господу богу, чтобы содетель свет наш над нами, последними нужными своими сиротами, милость свою показал такову, суд свой грозной и меч праведной послал бы противу вашего томительства, к нам сотворяемаго, како благодать его изволит, и построил бы домы ваша и все ваше богоборное воинство лукавое, и весь еретической собор, тако же, как вы божий // дом — церковь святую соборную апостольскую и святую обитель Соловецкую разорите, и такову честь даровал бы всем вам с тетками, и з братьями, и с сестрами, и з боляры, и с женами, и з детми их, как вы на пренебесный верх лаете и пречистую и пренепорочную присвятую богородицу и приснодеву Марию, еже, увы, страшно помыслити! горши онаго сквернаго еретика Нестория безчестите и называете блудницею, будто девицею растленна, Христа же, света, от блуда называете родишася^с!

О окаяннии мерзсцыи псы! Любо ди вам самим будет, как тебя самого выблюдком назвати, а жен ваших, и дочерей, и сестр, и теток блядками именувати? Аще втайне и таковы пребываете, но не велите себя тако величате,^т или аще у вас которой скверник // от блуда родился, и того себе Христом и богом именуετε и славите? Девку-блудницу богородицу именуετε? Безначальнаго же в троицы славимаго бога и содателя всяческим преже век суца и до сего времени и впреть владушаго не славите, аки несть да не бывал, да и потом не будет! Понеже воплощения сына божия не славите, то ни крещения его, ни распятия, ни воскресения, ни вознесения на небеса и одесную безначальнаго отца сядяща, ни паки грядущаго его во второе пришествие судити живым и мертвым не исповедуете, и тако ни отца, ни духа святаго исповедуете, но тако просто живете, кто скотско захочет, и себя богом именуετε, аки всею тварию владеете. Не божи есте, не божи! Аще не станете истинны сотворяти, будете поражени тако же, како и первый богоратник треснул.^у

Аще ли же нас скончаете неразлучно во едином // месте, и за то буди вам милость господня, и да просветит душа и сердца ваша своим присносущным светом и приведет в познание истиннаго благочестия. Не желаем при вашем царствии живота себе, но желаем смерти, паче в еретической прелести суцаго живота. И полезнее пельнь или желчь свиная ясти, неже вашу сладость змиеву возлюбити. И вы нас скончайте всех во едином месте, а не вымучивайте повинных!

Прежнии мучители нечестивыи, идолопоклонники, милостивее вас были, якоже в мучениях святых мученик объявлено есть. В мучении Христовы мученицы Екатерины, егда Порфирий сотник царицу к мученице в темницу водил и вси под ним воины подначальныи вероваша во Христа света истиннаго, царь же всем повеле главы отсеци. Тако же и в ыных мучениях объявлено есть. Вы же на́розно в заточениях рассылаете нас. Почто нас вам в заточения рассылати? // Не рассылайте в заточения, предайте смерти скорее, да вам обличники не будем! А донележе дух в теле нашем пребывает, не престанем вас проклинати и суда грознова, и меча вострова на вас просити, а житие нам при вас надокучило.

ГБЛ, ф, 17, № 1207, I, л. 7—14 об.

^с В рукописи в строке было рожденна, затем зачеркнуто, на поле исправлено: родишася ^т Испр., в ркп. величате ^у Так в рукописи. (Алексей?)

ТРОПАРЬ И КОНДАК ИНОКАМ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ —
УЧАСТНИКАМ СОЛОВЕЦКОГО ВОССТАНИЯ

Тропарь, глас 4. Соловецкаго монастыря преподобномучеником новым, л. 251
пострадавшим за Христа.

Земных благ возненавидели есте и небеснаго царя Христа, сына божия, возлюбили есте, многообразныя раны претерпели есте и кровию своею Соловецкий остров вторым освящением освятили есте, и венцы от бога яве приясте, о нас молитися прилежно, блажени, память всепразднъственную вам совершающим.

Великий Никоноре, Христу, сыну божию, со|страдалче, молися, умири л. 251
ти паству и люди, той бо есть верным утверждение. об.

Кондак^а, глас 2.

Разумом на враги мужески вооружившися, и вся тех сети разрушисте, и победу свыше приемше, земнаго царя не послушали есте, и Никоново злое мудрование под ноги свои попрали есте, и владыце всех, Христу, сыну божию, молитесь, святии мученицы, всехвалнии, единомысленно вопиюще: «Коль добро и красно, еже быти з богом».

ГБЛ, ф. 17, собр. Барсова, № 654, л. 251—251 об.

ВИДЕНИЕ КАРАУЛЬНОГО НА СОЛОВКАХ (1680 г.)

Некий человек, кустодей, поведа вкратце сичево видение.

Бывшу нам, кустодеем, на острове Соловецком по цареву велению лета 7188 года на память преподобных отец Зосимы и Саватия, Соловецких начальников, послали нас, 20 человек кустодеев, на отводной болшей караул. А меня послали одинаго далее себя лакот за десеть, и далее. И я отшел, и стал на уреченем месте, о топорок оперса, и призабылся мало. И вижу от Соловецкаго монастыря^а старца скоро текуща к нашему караулу, и к нам скоро притек, и мимо [нас]^б прошел,^в и к воеводе протек, и невидим бысть. [И я взд]^г рогну, и ужасть обдержит сердце мое, и от тое ужасти пошел к своим кустодеем. И пришел к ним, хожу около их, любо что оне заговорят. И оне мне ничего не глаголют, что ничего не видали. И я рад бысть зело, и пошел я опять на караул, а им ничего не сказал.

И стал на старом месте, и того же часу скоро притек сотник от воеводы ис табор, и повелел сотник скоро хватать всякия запасы, и мы, кустодеи, ухватя пищали малыя и великия, и потащили к воеводе, и в лодьи клали, и воевода повелел скоро пихати лодьи от берегу. Мы же, хватя шесты, и отпихнулись от берегу, и нас понесло скоро водою от берегу к Заяцкому острову, самоволно. А деялось сие видение в часу в одинадцатом во дни, на едином часу все было.

А тот человек смиреной и не досадитель никому, и сердцем препрост.

ГБЛ, ф. 17, собр. Барсова, № 211.

^а Испр., в ркп. контактъ

^а В ркп. описка: мо монастыря ^б Дефект ркп., восстановлено рукой Е. В. Барсова ^в Исправлено рукой Е. В. Барсова: прошел, в ркп. было пршел ^г Утрата части слова из-за дефекта ркп., восстановлено рукой Е. В. Барсова.

М. Я. Шайдакова

А. С. Гацский и его принципы издания документов

Александр Серафимович Гацский — основоположник нижегородского краеведения. Он родился 30 мая 1838 г. в г. Рязани в семье лекаря, детство провел в Нижнем Новгороде, где в 1855 г. окончил гимназию. Курс юридических наук он прошел в Казанском и Петербургском университетах. В 1861 г. А. С. Гацский возвращается в Нижний Новгород в качестве чиновника особых поручений при губернаторе и вместе с тем занимает должность редактора неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей». С 1863 г. он становится редактором «Нижегородского ярмарочного листка», а в 1865 г. занимает место секретаря Нижегородского статистического комитета.¹

Археографическая деятельность А. С. Гацкого началась в то время, когда он работал в Нижегородском статистическом комитете. Под редакцией А. С. Гацкого вышли десять томов «Нижегородских сборников», изданных комитетом в 1867—1890 гг. В сборниках печатался материал по статистике, экономике, этнографии и истории Нижегородского Поволжья.

А. С. Гацкий был неутомимым собирателем исторических документов и рукописей по нижегородской истории, а также имел обширную сеть корреспондентов, которые доставляли ему необходимые сведения и материалы.

В 1884—1887 гг. в Нижнем Новгороде создается Губернская ученая архивная комиссия. Своим образованием и развитием это учреждение во многом обязано А. С. Гацскому. Он руководил деятельностью комиссии шесть лет. Вместе с комиссией и при ней создавался исторический архив, библиотека и музей.²

Члены архивной комиссии занимались разысканием, собиранием, описанием исторических материалов, а затем и большой издательской деятельностью.

Одним из ярких моментов в археографической деятельности А. С. Гацкого является издание им текста Нижегородского летописца. Нижегородский летописец А. С. Гацкий считал важнейшим источником по истории нижегородского края. Он предпринял третью по счету издание этого памятника. Первая публикация была сделана Н. И. Новиковым во втором издании «Древней Российской Вивлиофики» в 1791 г., второе издание — в Ученых записках Казанского университета в 1836 г. В обоих случаях текст был издан по одному списку.³ А. С. Гацкий использовал в издании восемь списков Нижегородского летописца.

¹ См.: Сборник в память А. С. Гацскому. Нижний Новгород, 1897, с. 1, 8, 10, 43.

² См.: А. С. Гацкий. Историческая записка об учреждении в Нижнем Новгороде Губернской ученой архивной комиссии (1884—1887). Нижний Новгород, 1887, с. 20.

³ Древняя Российская Вивлиофика, ч. XVIII. Изд. 2-е. М., 1791; Ученые записки, издаваемые императорским Казанским университетом, кн. II. Казань, 1836.

Предварительная работа над подготовкой текста Нижегородского летописца к изданию заняла у него несколько лет. Сохранилась рабочая тетрадь А. С. Гациского, помеченная августом 1877 г., где он сопоставляет текст по четырем спискам.⁴ В ноябре 1877 г. он получил еще один список из Петербурга от Археографической комиссии, а вскоре познакомился еще с двумя списками из библиотеки комиссии.⁵ Таким образом, к началу работы в распоряжении А. С. Гациского было семь списков Нижегородского летописца, и он считал, что это вполне достаточно для публикации памятника. Позднее, в январе 1885 г., он приобрел еще один список.

В послесловии к изданию Нижегородского летописца 1886 г. А. С. Гациский пишет, что еще в 1877 г. списки с текстом Нижегородского летописца были подготовлены к изданию. Однако приступить к публикации он практически смог только в 1884 г. на страницах «Нижегородских губернских ведомостей». Нижегородский летописец был напечатан в № 31—51 за 1884 г. и продолжен в № 2—52 за 1885 г. В 1886 г. А. С. Гациский повторил это издание отдельной книгой.

Издание Нижегородского летописца 1886 г. содержит четыре списка, опубликованных полностью и условно названных так: археографический (основной), новиковский, казанский и макарьевский; три списка даны в примечаниях как варианты: брызгаловский, дополнительный 1-й и дополнительный 2-й. Восьмой список, названный Новым нижегородским летописцем, опубликован не полностью, дан лишь его конец, которого не было в других списках.

Это издание Нижегородского летописца имеет предисловие и послесловие, а также два типа подстрочных примечаний. В первом типе Гациский подводит различения с неопубликованными им списками. Второй тип подстрочных примечаний, данных к графе «Перевод», содержит довольно пространные отступления на самые различные темы: ссылки на литературу и выдержки из исторических сочинений, комментариев к историческим событиям, которые упоминаются в тексте Летописца, и целые исследования отдельных вопросов из истории Н. Новгорода; приводятся местные легенды, даются объяснения географических названий и т. д.

Издание 1886 г. снабжено указателями личных имен и географических названий, кроме того, даны церковный, топографический, предметный, литературный указатели.

В предисловии значительное место занимает археографическое описание рукописей, где кратко приведены палеографические сведения и дана пространная характеристика их состава. Здесь же А. С. Гациский излагает свои принципы отбора списков летописи для публикации и некоторые правила передачи текста.

Ко времени публикации А. С. Гациским текста Нижегородского летописца издание текста летописей имело более чем столетнюю историю. Образцом изданий древних текстов он считал издания Археографической комиссии, но при публикации Нижегородского летописца отступает от общепринятого вида изданий летописей. Он пишет: «Я печатаю варианты различных списков не в подстрочных примечаниях, а помещаю все, признаваемые мною подлежащими печати списки целиком, параллельно одиному, в продольных графах».⁶ Тем не менее в подстрочных примечаниях ему пришлось дать варианты тех списков, которые он не напечатал за неимением места и из-за схожести их с напечатанными.

Каким же образом А. С. Гациский произвел отбор списков для публикации? Сначала из имеющихся в его распоряжении семи списков он отобрал четыре — археографический, новиковский, казанский и макарьевский. Из отобранных четырех списков он выбирает основной — лучший

⁴ ГАГО, ф. 2013, оп. 602^а, д. 103.

⁵ Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886, с. IV.

⁶ Там же, с. VIII.

список. «Предлагаемый мною список — основной — принадлежит археографической комиссии и должен быть признан в настоящее время за лучший из доселе известных». Далее: «Печатаемый список не подлинник, который не найден, но по всей вероятности близок к нему по времени. . .»,⁷ т. е. ко второй половине XVII в. Таким образом, основной, лучший список — это список, близкий к подлиннику, к авторскому тексту. Почему же именно археографический список А. С. Гациский выбрал за основной? Во-первых, он считал его более полным списком в сравнении с другими, во-вторых, исторические сведения в нем излагались, по его мнению, с большей достоверностью. Например, он считал, что сведения об оползне горы у Печерского монастыря в 1597 г. написаны очевидцем. К основному списку в подстрочных примечаниях А. С. Гациский подводит разночтения еще с трех списков. Здесь А. С. Гациский делает исключение для отрывка под 7105 (1597) г., где дано «Сказание об оползне у Печерского монастыря». Разночтения этого текста он подводит к новиковскому списку.

Итак, для А. С. Гациского критерием выбора основного списка памятника явилась его полнота и историческая достоверность тех фактов, которые он предлагает. А. С. Гациский остановился на сравнении вариантов известных ему списков. Историю создания и развития текста Нижегородского летописца он не изучал. Вопрос о взаимоотношении списков, о выделении редакций памятника им поставлен не был.

А. С. Гациский стремился сделать публикуемый им летописный текст доступным для читателя, переведя его на современный язык. «Я не претендую на то, что перевод мой хорош, я только нахожу его необходимым по принципу, ради популяризации летописных сказаний».⁸

Из списков Нижегородского летописца, которые привлек к публикации А. С. Гациский, в настоящее время удалось обнаружить все. Новиковский и казанский в указанных изданиях, остальные — в рукописях.

Археографический (основной) список входит в состав Сборника, который в свое время принадлежал историку К. Н. Бестужеву-Рюмину и был подарен им Археографической комиссии. А. С. Гациский получил этот Сборник у комиссии в 1877 г. для издания списка Нижегородского летописца, а затем вернул его.⁹ Им было сделано описание Сборника, которое он впоследствии поместил в своем издании.¹⁰ В 1882 г. Сборник описал Н. П. Барсуков в составе собрания рукописей Археографической комиссии под № 47, который стал его шифром.¹¹ В 1910 г. описание Сборника сделал А. А. Шилов с шифром № 47 и указал, что этот список напечатан А. С. Гациским как основной.¹²

В настоящее время Сборник хранится в архиве ЛОИИ в коллекции 11 под № 47. Это рукопись в 1^о (малый), на 95 листах. Рукопись написана одним почерком, книжным полууставом XVII в. Филигрини: 1. Шут с семью бубенцами, Лихачев, Бум. мельн., № 479, датируется 1676—1682 гг. 2. Герб Амстердама с литерами «ISO» в рамке на другой половине листа, Клепиков, Филигр. и штемп., № 118, датируется 1676—1706 гг.¹³ Принимая во внимание то, что последняя статья Нижегородского лето-

⁷ Там же, с. III.

⁸ Там же, с. VIII.

⁹ Выписка из протоколов Археографической комиссии. Заседания от 16 июня, 24 сентября, 11 ноября 1876 г. — ЛЗАК, 1876—1877, в. 7, СПб., 1884, отд. IV, с. 1—142. На с. 135—136 излагается просьба А. С. Гациского о том, чтобы ему Археографическая комиссия выдала свой список Нижегородского летописца для подготовки издания.

¹⁰ Нижегородский летописец, с. IV.

¹¹ Н. П. Барсуков. Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882, с. 36—37.

¹² А. А. Шилов. Описание рукописей, содержащих летописные тексты, вып. 1. СПб., 1910.

¹³ С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама». — Записки отдела рукописей ГБЛ, вып. 20. М., 1958.

писца идет под 1688 г., рукопись датируется концом 80-х гг. XVII в. Хронологические рамки списка — 6720—7196 годы.

Дополнительный 1-й список представляет собой рукопись, где текст Нижегородского летописца сопровождается дополнительными материалами по истории церкви. Рукопись описана А. С. Гациским.¹⁴ В описании Н. П. Барсукова она идет под № 26.¹⁵ С этим же шифром мы встречаем ее в описании А. А. Шилова, где он сообщает, что этот список был известен А. С. Гацискому и использован им в вариантах как дополнительный 1-й.¹⁶

Дополнительный 1-й список находится в архиве ЛОИИ в коллекции 11 под № 26. Рукопись в 1^о (малый) на 9 листах, написана одним почерком скорописью XVIII в. Филигрань: Герб Ярославля с литерами «ЯМСЯ» на другой половине листа, над гербом цифры на л. 2—3 «1783», на л. 5—6 «1784». Датируется рукопись 80-ми гг. XVIII в. Хронологические рамки списка Нижегородского летописца — 6720—7195 годы.

Дополнительный 2-й список входит в состав Сборника с Родословной книгой. Рукопись подробно описана в «Летописи занятий Археографической комиссии» за 1861 г., затем кратко у А. С. Гациского и у Н. П. Барсукова идет под № 40.¹⁷

Этот Сборник в настоящее время хранится в архиве ЛОИИ, в коллекции 11, № 40. Рукопись в 4^о, на 161 листе, написана разными почерками скорописью XVIII в. Филигранные: 1. Герб Амстердама с литерами «GVH» (лигатура) под постаментом и литерами «BEAUVAIS» на другой половине листа, Клепиков, Филигр. и штемп., № 90, датируется 1715 г. 2. Герб Амстердама и литеры «IV» или «IVT» на другой половине листа, Клепиков, Филигр. и штемп., № 156, датируется 1673—1764 гг. М. Е. Бычкова датирует водяные знаки рукописи 1720 г. (Черчилль, № 48).¹⁸ Рукопись можно датировать 20-ми гг. XVIII в. Хронологические рамки списка Нижегородского летописца — 6720—7196 годы.

Макарьевский список был подарен А. С. Гацискому в 1867 г. викарием Нижегородской епархии Макарием. Текст Нижегородского летописца сопровождается дополнительными материалами по истории церкви. Рукопись впервые описана А. С. Гациским.¹⁹ Хранится в Государственном архиве Горьковской области в фонде Нижегородской ученой архивной комиссии.²⁰ Рукопись в 4^о, на 36 листах, написана двумя почерками XIX в. Филигрань «АСНХ» (сложный вензель под короной) и дата «1821» на левой стороне листа, литеры «МУСТ» на правой стороне листа. Рукопись датируется 20-ми гг. XIX в. Хронологические рамки списка — 6720—7195 годы.

Брызгаловский список входит в Сборник, который А. С. Гациский приобрел у нижегородского антиквара И. В. Брызгалова. Сборник описан А. С. Гациским,²¹ в настоящее время хранится в Горьковской областной библиотеке им. В. И. Ленина под шифром $\frac{P}{297}$. Рукопись составная, 4^о, на 54 листах, написана разными почерками скорописью XVIII в. Нижегородский летописец занимает 1—10 листы, где водяные знаки не встречаются. Датируется XVIII в. Хронологические рамки списка — 6720—7120 годы. Список Нижегородского летописца недописан.

¹⁴ Нижегородский летописец, с. VII.

¹⁵ Н. П. Барсуков. Рукописи Археографической комиссии, с. 11—12.

¹⁶ А. А. Шилов. Описание рукописей. . ., с. 2.

¹⁷ ЛЗАК, 1861, вып. 1. СПб., 1862; Нижегородский летописец, с. VII; Н. П. Барсуков. Рукописи археографической комиссии, с. 25—26.

¹⁸ С. А. Клепиков. Бумага с филигранью. . .; М. Е. Бычкова. Родословные книги XVI—XVII вв. М., 1975, с. 108.

¹⁹ Нижегородский летописец, с. V.

²⁰ ГАГО, ф. 2013, оп. 602^а, д. 98^а.

²¹ Нижегородский летописец, с. VI.

Новый нижегородский летописец приобретен А. С. Гацским в 1885 г. у антиквара Е. А. Барбатенко. Описания рукописи А. С. Гацский не приводит, так как получил ее после того, как большая часть издания была уже напечатана. В тексте списка сохранились пометы, сделанные рукой А. С. Гацского. Помимо текста Нижегородского летописца в состав Сборника входят другие материалы по истории Н. Новгорода.

В настоящее время Сборник хранится в ГАГО.²² Это рукопись в 4^о, на 52 листах, написана одним почерком XIX в. Филигрань: Герб Ярославля и цифры «1807» на одной половине листа, литеры «ЯМВСЯ» на другой половине листа. Датируется рукопись первым десятилетием XIX в. Хронологические рамки списка Нижегородского летописца — 1211—1764 годы.

Таким образом, А. С. Гацский располагал списками Нижегородского летописца разных эпох — XVII, XVIII и XIX вв.

Найденные списки Нижегородского летописца, которые использовал А. С. Гацский для публикации, дали возможность сопоставить тексты памятника в оригинале и в издании и выявить научный уровень издания 1886 г.

А. С. Гацский не сформулировал тех правил, которых придерживался при передаче текста, в издании нет системы палеографических примечаний и оговорок относительно различных текстуальных поправок. Из принципов, которые он оговорил, следует указать следующие. Во-первых, А. С. Гацский смотрел на исторический источник, будь то документ или летопись, как на единое целое, публикация которого недопустима в отрывках.²³ Во-вторых, он допускал инверсию статей. «Хронологический порядок событий нарушен во всех списках. . . Буду следовать тому порядку, который находим в Арх.»²⁴

Археографический список XVII в., написанный полууставом, представлял наибольшую трудность для издателя при передаче текста современными средствами правописания. Сверка этого списка в подлиннике и в издании 1886 г. показала, что А. С. Гацский старался придерживаться определенных правил, стремился передать текст как можно ближе к оригиналу, но последовательно выдержать это ему не удалось.

Отметим следующие правила передачи текста XVII в. в издании 1886 г. Буквенные кириллические цифры заменены арабскими. Буквы *ѡ*, *ѣ*, *ѧ*, отсутствующие в современном ему гражданском алфавите, заменены на *З*, *О*, *КСИ*, *Я* или *ИА*, сочетание *ОУ* передано как *У*. Буква *ѡ* заменена на *В* в слове «августа—августа», но оставлена в слове «Евѣмий». Сохранены в издании буквы *ѣ* и *ѡ* в словах «Сѣмеонъ, мѣроносиць, Ѳеодора» и др., а также буквы *ѧ* и *ѣ*. Титла раскрыты: кнѣзь—князь, спаса—спаса, прю—царю и т. д.

Надстрочные буквы и слоги вводятся в строку и дополняются опущенными буквами: под 6720 г. «мор^ава —мордва», под 6735 г. «нипохоче^т—нипохочеть», под 6825 г. «княземъ^а—княземже», «Сѣмеона^а—Сѣмеона жъ», под 6879 г. «кня^з—князя», под 6839 г. «рабы^н—рабынь», под 7121 г. «Оля^бевъ—Олябьевъ», под 7129 г. «бе^зчетверти—безъ четверти». Надстрочный знак *н* передается буквой *И*: под 6867 г. «Андре^н—Андрей», под 7129 г. «Дементе^н—Дементей» и т. д. Паерки в одном случае опускаются, например, под 6735 г. «в^суждалъ—всуждалъ», в другом случае заменяются буквами *Ъ* и *Ь*, например, под 6720 г. «уст^е—устье», под 6825 г. «в^тыль—въ тыль, юр^евскую—юрьевскую, с^сыном^т—съ сыномъ, вын^т—вынять», под 6879 г. «с^ѣхалъ—сѣхалъ» и т. д. Иногда в одном и том же слове паерки передаются по-разному; так, под 7126 г. «верстан^я—верстанья», а под 7130 г. «верстан^я—верстанья».

²² ГАГО, ф. 2013, оп. 602^а, д. 101.

²³ Нижегородский летописец, с. XII.

²⁴ Там же, с. 11.

Довольно непоследовательно А. С. Гациский передает окончания -аго, -ого: оставляет так, как в рукописи, меняет -ого на -аго или -аго на -ого. Местоимение «ево» заменяет на «его», но не везде. Такая же неопределенность наблюдается в написании после буквы Ч—А или Я, У или Ю, Ъ или Ь. В окончании отчества после буквы Ч в подлиннике чаще стоит Ь, а в издании — Ъ. Следует отметить также разноречие в употреблении прописных и строчных букв.

Трудно уловить какую-либо последовательность в передаче словоделения текста. Чаще всего в издании предлоги отделены от слов, если в оригинале над ними стоят паерки, и не отделены, за редким исключением, если паерков нет. Вот несколько примеров соотношения словоделения в оригинале и в издании. Словоделение оригинала сохраняется в издании: под 6873 г.²⁵ «не сомногоу», под 6879 г. «не восхотѣ», под 7028 г. «тридни», а под 7045 г. «три дни». Словоделение оригинала изменяется в издании: под 6839 г. в ориг. «всибо», в изд. «вси бо», под 6880 г. в ориг. «князя же тогда», в изд. «князя жетогда», под 7028 г. в ориг. «околограда», в изд. «около града», под 7105 г. в ориг. «животину всякую», в изд. «животинувсякую» и т. д.

В ряде случаев в издании исправлены ошибки и неточности оригинала. Под 6735 г. в ориг. «Всрволодовичъ», в изд. «Всеволодовичъ», под 6867 г. в ориг. «Константиновиъ», в изд. «Константиновичъ», под 6875 г. в ориг. «Дмитриевичи», в изд. «Дмитриевичъ», под 6879 г. в ориг. «новъ новъградъ», в изд. «новъградъ», за статьей под 6930 г. в ориг. «въ лѣсахъ», в изд. «въ лѣсахъ», под 7105 г. в ориг. «всякихъ всякихъ», в изд. «всякихъ», под 7126 г. в ориг. «Зайцовъ», в изд. «Зайцевъ», под 7146 г. в ориг. «Урусусовъ», в изд. «Урусовъ», под 7158 и 7159 г. в ориг. «Долгоруково», в изд. «Долгоруковъ», под 7163 и 7164 гг. в ориг. «Илиской», в изд. «Ильинской», под 7188 г. в ориг. «Толстово», в изд. «Толстовъ», под 7190 г. в ориг. «Хитрово», в изд. «Хитровъ» и др. В то же время имеются неисправленные ошибки, перенесенные из оригинала в издание. Под 6825 г. «въ тогѣхъ въ вержеся», под 6892 г. «вочине», под 7105 г. «успыхъ», под 7082 г. «по городомъ», под 7181 г. «анхимандритъ», «на земю», под 7190 г. «помѣщикова», под 7191 г. «межевчики», под 7194 г. «царь мелетийский». И, наконец, следует отметить ошибки прочтения, зачастую искажающие смысл текста: под 6825 г. в ориг. «оплошися», в изд. «сплошися», в ориг. «воскладаху», в изд. «поскладахъ», в ориг. «6873-мъ», в изд. «6876-мъ», под 6880 г. в ориг. «сам о себѣ», в изд. «самъ по себѣ», под 7163 и 7164 гг. в ориг. «по винѣ ихъ», в изд. «по волѣ ихъ», в ориг. «во сто 69-мъ же», в изд. «восто 169-мъ же».

Кроме того, имеются примеры сокращений и дополнений слов и фраз оригинала. Под 6735 г. в ориг. «князь», в изд. «кн.», под 7120 г. в ориг. «пришелъ князь Димитрій», в изд. «пришелъ Димитрій», в ориг. «Лѣта 7122-мъ году», в изд. «Лѣта 7122-мъ», за статьей под 6825 г. в ориг. «Того жъ года мѣсяца августа въ де прииде князь», в изд. «Того же года, мѣсяца августа прииде князь», под 6899 г. в ориг. «во Орду [градъ]», в изд. «въ Орду», под 7129 г. в ориг. «и со смюу чет», в изд. «и со смюу четверти», под 7178 и 7179 гг. в ориг. «во гра», в изд. «во градъ».

Из списков XVIII в. полностью напечатан только новиковский список. Переиздание этого списка можно назвать удовлетворительным, отметив следующие его погрешности. В издании 1886 г. новиковского списка А. С. Гациский допустил перестановку статей между 6867 и 6879 гг., изменил в ряде слов окончания и исправил без огорок некоторые ошибки. Например, в изд. 1791 г. под 6825 г. «возватился», под 6883 г. «Феогнота», «одержды», под 7039 г. «царкви», под 7105 г. «монаря»; в изд. 1886 г. этим

²⁵ В издании 1886 г. эта дата передана неверно: 6876 г.

словам соответствуют «возвратился, Феогноста, одежды, монастыря». Особо следует указать на небрежность, проявленную при издании, которую, очевидно, следует отнести к разряду типографских опечаток. В новиковском списке издания 1886 г. на с. 7 пропущена целая фраза: «. . . и съ нимъ (множество бояръ, и ратныхъ людей) много потопе. . .», на с. 59 под 7160 г. «. . . церковь соборная боголѣпнаго Преображе(ния каменная, го) — сударевою казною. . .»²⁶

Из списков XIX в. А. С. Гациский полностью издал два: макарьевский и казанский. Текст макарьевского списка в оригинале изобилует грамматическими ошибками и ошибками прочтения, допущенными писцом, поэтому при его издании А. С. Гацискому пришлось внести много изменений. Статьи списка поставлены в хронологической последовательности: в ориг.: 6875 г., 6878 г., 6873 г., в изд.: 6873 г., 6875 г., 6878 г. В ряде мест утраченный текст реконструирован по другому списку. Например, под 6811 г.: в ориг. «. . . а великий князь Дмитрий Иванович московски прислалъ къ нему на. . . воеводу своего. . . Анд. . . вича Свиброва со многуо московскою силою. . .», в изд. «. . . и великий князь Дмитрий Ивановичъ московской прислалъ къ нему на помощ воеводу своего Феодора Андреевича Свиброва со многуо московскою силою. . .»; под 7031 г.: в ориг. «. . . при Волгѣ, который. . .», в изд. «. . . при Волгѣ городъ, которой. . .» Далее издатель дополняет недописанные или искаженные слова. Так, под 6735 г.: в ориг. «. . . и повѣлелъ рус. людямъ селитесь. . .», в изд. «. . . и повелѣ рускимъ людямъ селитесь. . .», под 6879 г.: в ориг. «. . . даде на пощъ», в изд. «. . . даде на помощь. . .». Опускает фразы и отдельные буквы, заменяет предлоги, например, в ориг. «Того ж 6873—1359», в изд. «6873—1359»; исключает текст, удвоенный писцом в рукописи. Как правило, в окончаниях после буквы Ч ставит вместо Б букву Ъ, за исключением трех случаев. Изменяет окончания прилагательных, наречий и глаголов. Исправляет ошибки, искажающие смысл слова, например, под 7021 г.: в ориг. «по Волгѣ», в изд. «по Волгѣ», под 7163 г.: в ориг. «и длѣдствія», в изд. «и для слѣдствія», под 7191 г.: в ориг. «на нижнемъ посудѣ», в изд. «на нижнемъ посадѣ». Однако иногда ошибки такого характера оставлены, так, под 6735 г. «Констанкина», а под 6882 г. «а воеводу ихъ», под 6930 г. «ружь покупали». Отметим также ошибки прочтения, допущенные самим А. С. Гациским: под 7017 г. в ориг. «Заболотной», в изд. «Заболотчой», под 7043 г. в ориг. «на щипачовѣ», в изд. «на щипоговѣ».

В издании казанского списка 1886 г. мы видим тот же принцип перестановки статей и поновление языка. В этом списке на с. 7 пропущена фраза: «. . . ратныхъ людей обступиша (и удариша; они же) неуспѣша противу. . .».

Списки XVIII в. дополнительный 1-й, дополнительный 2-й и брызгаловский А. С. Гациский использовал как вспомогательные варианты в примечаниях. Способ подведения разночтений, принятый А. С. Гациским, не дает возможности составить верное представление об этих списках, об их индивидуальных особенностях. Так, во 2-м дополнительном списке выпущена целая статья под 6735 г., дублирующая предыдущую статью под 6720 г., а в сноске это не отмечено. Иногда она не дает точных разночтений, а лишь указывает, к какому списку ближе дан текст в списках-вариантах (см. с. 6, примеч. 5). Ввиду того что напечатанные им списки разные по составу, ему пришлось подводить варианты то к археографическому, то к новиковскому спискам. Из трех списков-вариантов наиболее четко подведены разночтения брызгаловского списка.

В итоге можно сказать следующее. А. С. Гациский предпринял издание списков Нижегородского летописца без предварительного изучения текстов и не смог устранить списки-копии. Научный уровень издания

²⁶ Пропущенные фразы в скобках.

1886 г. оказался ниже уровня, уже достигнутого к тому времени в издании летописей. Сам А. С. Гациский это признавал и в послесловии к изданию 1886 г. писал: «На настоящий труд свой смотрю я преимущественно как на корректурную работу, лелея мысль повторить издание при более благоприятных для меня обстоятельствах в более улучшенном виде».²⁷ Но переиздать Нижегородский летописец А. С. Гацискому не пришлось. В 1893 г. его не стало.

При всех недостатках и погрешностях этого издания в наше время оно может служить ориентиром, ступенью к дальнейшему изучению Нижегородского летописца.

²⁷ Нижегородский летописец, с. 112.

С. Г. ЗВЕРЕВА

Материалы к биографии и творческой деятельности Ивана Лукошки

Предварительный список произведений одного из прославленных древнерусских роспевщиков Ивана (Исайи) Лукошки¹ может быть пополнен еще одним наименованием. В крюковом певческом сборнике второй трети XVII в.² из рукописного собрания БАН нами была выявлена рождественская стихира «Волсви персидстии», сопровождаемая писцовой припиской, точно атрибутирующей данное песнопение Ивану Лукошке. В рассматриваемой рукописи на текст данной стихире³ записано три роспева: первый из них помечен как «Слава» (л. 63), второй — «Ин перевод. Бол. [шои]»⁴ (л. 63 об.) и третий — «Ин перевод. Лукошков» (л. 65).

Первое песнопение, «Слава», условно назовем его «кратким», выделяется сжатостью изложения (текст распевается 139 знаменами), отсутствием, помимо «фитных», других внутрислоговых распевов.⁵ «Фитные» роспевы в третьей и четвертой строках являются розводами «фит» «поводной» и

¹ Произведения Ивана Лукошки были найдены в пяти рукописях. См.: С. В. Фролов. «Иного переводу Лукошкова». — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 352; М. В. Бражников. Федор Крестьянин. Стихиры. М., 1974, с. 222; В. И. Срезневский. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение библиотеки Академии наук в 1902 году. СПб., 1902, с. 48.

² БАН, собрание Целепи 20. Филлигран: Гераклитов, № 646, № 649—1628—1630 гг. Рукопись в 8-ку, 450 л. (начальные и конечные листы утеряны). Переплет — доски в коже с тиснением. Нотация знаменная столбовая без киноварных помет и признаков. Полуустав. Текст раздельноречный. «Фиты» вынесены на поля, розводы даны в тексте. Имеются указания на Большой роспев и Путь (столбовым знаменем). Сборник содержит Стихирарь праздничный, Трезвонь и избранные песнопения Обхода (Припелы, Кафизму, Воззвахи, Стихиры водные, Блаженны).

Владельческие записи на полях и переплете рукописи указывают имена тихвинских посадских людей «Стефана да Якова да Митки». В этих записях сообщается о том, что в 1691 г. сыном Якова Давыдова Федором книга была положена в церковь Параскевы Пятницы в Лепруцко-Пятницко-Койгужской мужской пустыни, располагавшейся в Устюженском уезде Новгородской губернии. (В. В. Зверинский. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. II. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892, с. 197).

³ Общий для всех трех распевов текст относится к типу раздельноречных текстов. Вместе с тем, в каждом из распевов текст выявляет редакционные различия в огласовке редуцированных:

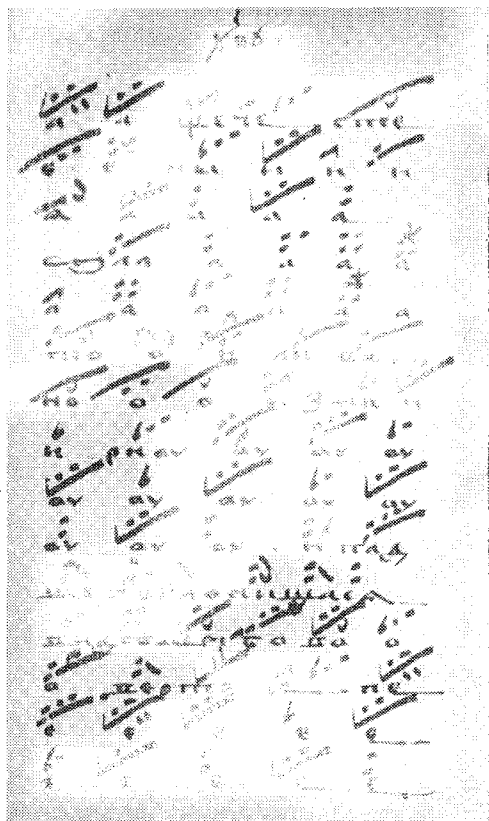
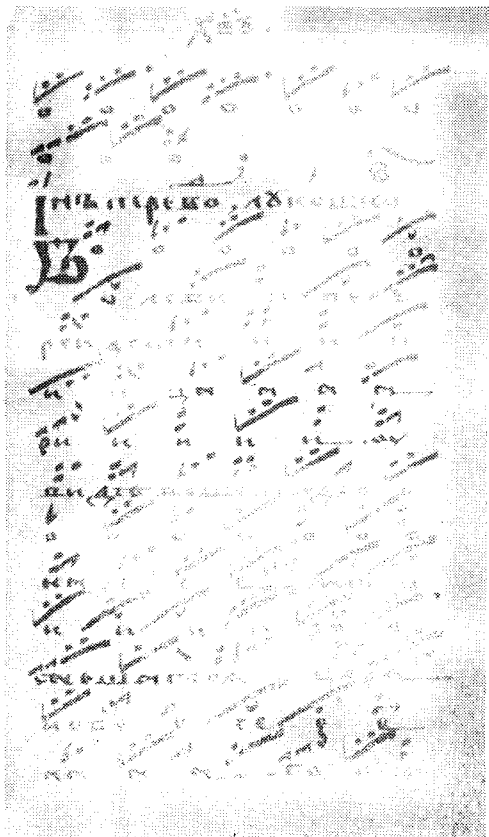
I роспев	II роспев	III роспев
царь	цари	цари
Вифлиома	Вифлиома	Вифлиома
младенец	младенец	младенец
безлетны	безлетено	безлетено

⁴ Сокращенное слово расшифровываем по аналогии с указанием на л. 150: «Ин перевод. Болшой».

⁵ Для определения типа песнопений, подобных данному, М. В. Бражников вводит термин «обычный роспев» (М. В. Бражников. Федор Крестьянин. Стихиры, л. 133).

«снейной»,⁶ начертания которых вынесены на поля. Розвод «фиты» «снейной» приходится на слово «хебуве». (Имеющееся в шестой строке начертание «фиты» «поводной» не розведено. По-видимому, здесь предполагался такой же, как и в третьей строке, распев данной «фиты»).

Структура песнопения, помеченная в рукописи точками в тексте и кадансами в знаменной нотации, образуется из девяти неравных строк.

Распев Ивана Лукошки «Волсви персидстии»
(БАН, собр. Целени, № 20, л. 65—65 об., вторая треть XVII в.)

1. Волсви персидстии царье увидевоше мудро.
2. На земли рожешагося царя небесенаго.
3. От светлыя звезды водими предостигоша.
4. Во Вифлиома хебуве.
5. Дары приносяще честеня.
6. Злато и ливано и змирну.
7. И падше поклонишася.
8. Видеша бо во вертепе.
9. Младенець лежаще безлетный.

Здесь обнаруживается девятистрочная композиция, состоящая из трех длинных (1—3) и шести коротких (4—9) строк.

В песнопении применяются различные кадансовые формулы, причем две из них известны как «лицевые начертания»⁷ «долинка» (1) и «кулизма» (2).

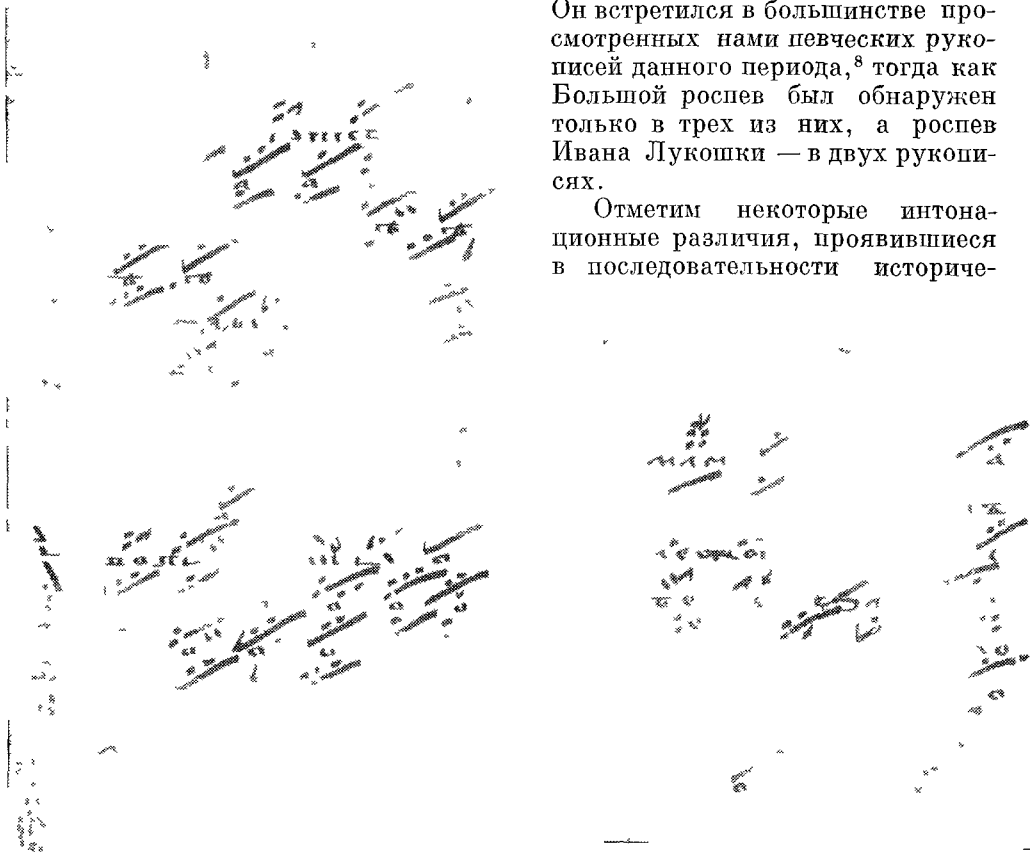
⁶ Здесь и далее наименование «лиц» и «фит» дается согласно терминологии, принятой в книге В. М. Металлова «Азбука крюкового пения» (М., 1899).

⁷ Мы даем рабочее определение понятия «лице» («лицевое начертание») как определенного сочетания знамен, выражающего в знаменном музыкальном письме характерный гласовый интонационный оборот.

1. = ∪ ∩ / = (+) 1, 2, 5, 9 строки
 2. = ∪ = \ = 2, 6, 7, строки
 3. L = = L = = 4 строка
 4. ∩) = 8 строка

Как нам представляется, «краткий» роспев был одним из наиболее употребительных роспевов на текст стихире «Волсви персидстии» в период с конца XVI до начала XVIII в. Он встретился в большинстве просмотренных нами певческих рукописей данного периода,⁸ тогда как Большой роспев был обнаружен только в трех из них, а роспев Ивана Лукошки — в двух рукописях.

Отметим некоторые интонационные различия, проявившиеся в последовательности историче-

Роспев Ивана Лукошки «Волсви персидстии»
 (БАН, собр. Целепи, № 20, л. 66—66 об., вторая треть XVII в.).

ских редакций первого роспева. Они сводятся в основном к замене знаков речитативных знаками, передающими интонационное движение.

Второе произведение в данной подборке озаглавлено «Ин перевод. Бол. [шои]», из чего следует, что переписчик сознательно отделяет его от предыдущего роспева.

В первую очередь обращает на себя внимание различная продолжительность роспевов. Это обусловлено обилием внутрислоговых распевов, которые имеют место во всех, за исключением восьмой, строках Большого роспева, благодаря чему второй роспев превышает первый на 96 знаков. По-видимому, данное обстоятельство и послужило поводом переписчику назвать второе песнопение «Ин перевод. Бол. [шои]». При этом членение

⁸ Просмотрено свыше тридцати рукописей данного периода.

Большого роспева знаками пунктуации и кадансовыми формулами принципиально иное, чем в «кратком» роспеве.

1. Волсви персидстии цари.
2. Увидевоше мудро.
3. На земли рожешагося.
4. Царя небесенаго.
5. От светлыя звезды водими предостигоша.
6. Во Вифлиома дары приносяще честеныя.
7. Злато ливано и змирну.
8. И падше поклонишася.
9. Видеша бо во вертепе младенце лежаще безлетено.

Выявленное здесь дробление текста на девять строк в отличие от предыдущего произведения организовано следующим образом: четыре коротких строки, две длинных, две коротких и одна длинная строка.

Кадансовые формулы Большого роспева таковы:

1. $\underline{\underline{L}} = \underline{\underline{L}} = \underline{\underline{L}} = \underline{\underline{L}} =$ 1, 4, 5, 6 строки
вар. $\underline{\underline{L}} = \underline{\underline{L}} =$ 2 строка
вар. $\underline{\underline{L}} = \underline{\underline{L}} = \underline{\underline{L}} = \underline{\underline{L}} = +$ 9 строка
2. $\underline{\underline{L}} :) =$ 3 строка
3. $\underline{\underline{L}} = =$ 7 строка
4. $= \underline{\underline{L}} = \underline{\underline{L}} =$ 8 строка

Первый и четвертый кадансы известны нам по предыдущему роспеву (вторая и третья формулы «краткого» перевода). Но в Большом переводе употребительность каданса, состоящего из «крюков» и «статей», возросла в шесть раз, появилось два варианта данного каданса, а употребительность «кулизмы» снизилась в три раза. Более того, изменение структуры Большого роспева привело к тому, что одинаковые кадансовые формулы приходится на иные по сравнению с первым роспевом строки.

Из всего вышесказанного следует, что два первые песнопения подборки на текст стихиры «Волсви персидстии» соотносятся на уровне с амостоятельными музыкальными произведениями.

Мелодия третьего роспева, «Ин перевода. Лукошкова», еще более пространна. Это проявляется в том, что третий роспев превышает первый на 140 знамен, а второй — на 37 знамен. Вместе с тем между роспевами Большим и Ивана Лукошки обнаруживается несомненное родство. Оно выражено в схожем дроблении песнопений на строки, кроме последней строки — «Видеша бо во вертепе младенець лежаще безлетено», которая разделена в третьем роспеве на две части и образует здесь девятую и десятую строки.

Сходство роспевов проявляется также в совпадении 68% знаков, входящих на одинаковые слоги текста (55% — начертания, совпадающие полностью; 13% — знаки, взаимозаменяемые по длительности, ритму и направлению движения), и в общности используемых в песнопении кадансовых формул.

Таким образом, во втором и третьем переводах совпадают кадансы 1, 2, 4, 5, 6, 8 и последних строк.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что переводы Большой и Лукошковой соотносятся на уровне редакций. Это означает, что «Ин перевод. Лукошковой» находится в русле стилистики Большого рос-

пева, определяющейся более пространными по сравнению с обычными роспевами внутрислоговыми мелодическими оборотами.⁹

1. $\underline{\underline{=}} = \underline{\underline{=}} = 1, 4, 5, 6, 7$ строки
 вар. $\underline{\underline{=}} = \underline{\underline{=}} = 2$ строка
 вар. $\underline{\underline{=}} = \underline{\underline{=}} = 9$ строка
 вар. $\underline{\underline{=}} \text{??} = \underline{\underline{=}} = + 10$ строка
2. $\underline{\underline{=}}) = \underline{\underline{=}}$ 3 строка
3. $= \cup = \setminus =$ 8 строка

На данном этапе невозможно установить, какой из этих двух роспевов является основным, «оригинальным», а какой — производным, поскольку протографа роспевов нами не обнаружено. (Наиболее достоверным представляется, что в третьем роспеве представлена Лукошкова редакция Большого роспева). На этот вопрос способно дать ответ лишь специальное широкое музыкальное текстологическое исследование многих разновременных списков песнопений на данный текст. В этой статье, посвященной публикации нового музыкального памятника, ограничимся лишь выявлением его некоторых особенностей, которые могут стать поводом для дальнейших рассуждений о творческом стиле выдающегося роспевщика.

Так, существенной чертой, отличающей роспев Лукошки от первого и второго песнопения, является частое употребление кадансовой формулы $\underline{\underline{=}} = \underline{\underline{=}} =$ и ее вариантов $\underline{\underline{=}} = \underline{\underline{=}} =$; $\underline{\underline{=}} = \underline{\underline{=}} =$;

$\underline{\underline{=}} \text{??} = \underline{\underline{=}} = +$. Подобными формулами завершаются восемь из десяти строк «Ин перевода, Лукошкова». Повторение в конце разнохарактерных и разномасштабных строк устойчивого кадансового мелодического оборота с ярко выраженным «тормозящим» ритмом (d o d o или d d d d d o) вызывает ощущение рефрена.

Как указывалось выше, последняя строка Большого роспева «Видеше бо во вертепе младенец лежаще безлетено» в редакции Ивана Лукошки делится на две строки. В результате этого образуется десятистрочная композиция, в которой проступают черты трехчастности: 4+2+4. Первая и третья части состоят из четырех коротких неповторных строк (от 8 до 34 знамен); средняя часть — из двух длинных, повторных с небольшим отклонением строк (от 47 до 51 знака).

Конечно, подобная характеристика роспева Ивана Лукошки несовершенна и в значительной степени схематична и условна, поскольку запись песнопения беспометной нотацией исключает прямой музыкальный анализ памятника. Но в целях расширения исторических представлений об эпохе первой половины XVII в., а также дальнейшего развития техники анализа произведений, изложенных беспометной нотацией, некоторые наблюдения подобного рода не только возможны, но и, вероятно, необходимы.

В заключение сообщим некоторые сведения, касающиеся отдельных моментов малоизученной биографии Ивана Лукошки.

До сих пор в науке было известно лишь то, что он «вельми много знаменного пения распространил и наполнил», имел многих последователей-

⁹ М. В. Бражников. Федор Крестьянин. Стихиры, с. 133.

учеников. Сам Иван Лукошко учился в «Усольской стране, у Строгановых», у знаменитого головщика, современника Федора Крестьянина, Стефана Голыша. Иноческое имя Ивана Лукошки — Исая.¹⁰

Дополним эти сведения некоторыми найденными нами подробностями.

В издании ОЛДП «Круг церковного древнего знаменного пения» цитируется владельческая запись из Сборника начала XVII в. (ГИМ, Синодальная слав. собр., № 819), в которой говорится:

«Лета зрѣк^л марта в кѣ день сѣя книга певчая домовая церковная

соборного каменного храму Благовещения Пречистые Богородицы и пределов ея у Соливычегодского на посаде, положение из Володимера града Рождественего монастыря Пречистые Богородицы архимандрита Исаяи Лукошкова для поминанья за упокой нас по себе и своих родителей».¹¹

Таким образом, Иван (Исая) Лукошко в 1615 г. был архимандритом прославленного Рождественского монастыря во Владимире.¹²

В «Списке иерархов и настоятелей монастырей российской церкви» указано, что архимандрит Исая стоял во главе монастыря с 1602 по 1621 г. (упоминается в марте).¹³ Исая упоминается в этой же связи и в «Азбучном указателе имен русских деятелей для русского биографического словаря».¹⁴ Там же содержатся и некоторые другие сведения о рождественском архимандрите:

«Исая, 1598 г. (уп.) игумен Богоявленского монастыря в Костроме (кажется тоже, что?)»

Исая, духовник Лжедмитрия, близкий к нему человек, архимандрит Рождественского монастыря во Владимире, 1602—1621 г.»

Составители «Азбучного указателя» предполагают, что игумен Богоявленского монастыря Исая (кстати, принимавший участие в избрании на царство в 1598 г. Бориса Годунова и поставивший предпоследним свою подпись на «Грамоте избранной»)¹⁵ через четыре года становится архимандритом второго по значению в стране монастыря,¹⁶ а в 1605 г. — царским духовником.

В русской историографии неоднократно указывалось, что «в духовники себе Лжедмитрий выбрал архимандрита Рождественского монастыря».¹⁷ Один из источников (быть может, единственный), дающий основание для подобных утверждений, — «Грамота правая, данная патриархом Фила-

¹⁰ ГИМ, собр. Уварова, № 152 «Предисловие, откуда и от коего времени быти в нашей русей земли осмогласное пение, и от коего времени, и от коего пошло петь на оба лика в церкви». л. 162—163 об. «Сказание инока Ефросина». л. 110; ГИМ, Син. певч. собр., № 219 «Сказание о зарембах», л. 376 об.—377 об. Опубликовано в книге: М. В. Бражников. Федор Крестьянин. Стихиры. См. также: Ю. Келдыш. Лукошко Иван (Исая). Музыкальная энциклопедия, т. 3. М., 1976, с. 338; В. В. Протопопов. Николай Дилецкий. Идея грамматики мусикийской. — Музыка. М., 1979, с. 548.

¹¹ Круг церковного древнего знаменного пения в шести частях. ОЛДП, XXXIII. Сост. Л. В. Разумовский. Т. 1. СПб., 1884 г. (с. VIII, примеч. 1). См. также: Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. III, ч. 2. М., 1917, с. 409.

¹² В. В. Протопопов на основании данных рукописи Синодального собрания упоминает о том, что Иван (Исая) Лукошко был архимандритом Рождественского монастыря. См. также: Д. М. Буланин. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси. — ТОДРЛ, т. XXXVI. Л., 1981, с. 74—79.

¹³ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стб. 662.

¹⁴ Азбучный указатель имен русских деятелей для русского биографического словаря, ч. 1 А—Л. Сборник императорского русского исторического общества, т. 60. СПб., 1987, с. 359.

¹⁵ Древняя Российская Вивлиофика, ч. VII. М., 1788, с. 122.

¹⁶ К. Тихонов. Владимирский Рождественский монастырь XII века. Владимир, 1839.

¹⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV. М., 1960, с. 430; Макарий, митроп. История русской церкви, т. X, кн. 1. СПб., 1881, с. 112.

ретом Владимирскому Рождественскому монастырю на сельцо и деревню. 1620 Октября 12», в которой сказано, что Лжедмитрий I оставил за обителью землю, незаконно присвоенную старцами, отклонив просьбу ее законного владельца, поскольку «Рождественного монастыря архимандрит был Ростриге духовник».¹⁸

Присутствовал архимандрит Исая и на свадьбе Лжедмитрия с Мариной Мнишек. Вот отрывок из описания брачного обряда: «И после речи (государя, — С. З.) велит Патриарх двум Архимандритам Троицкому да Володимерскому, да Игумену Пафнутьевскому да Осиповскому принести животворящий крест на другом на златом блюде». «А по молитве пошлет Патриарх Архимандрита Владимирского, да Спасского, да Игуменов двух Борисоглебского. . . да Угрешского, по бармы, по диадему».¹⁹

Еще одно упоминание об архимандрите Исаяе относится к 1613 г.²⁰ Он участвует в избрании на царство Михаила Романова, причем подпись его на «Грамоте избранной» стоит первой после епископов: архимандрит же первенствующей в то время по значению Троицкой лавры подписался вторым.

В 1619 г. 22 июня архимандрит Исая присутствовал при поставлении на патриарший престол Филарета, митрополита Ростовского: «А вышед (патриарх, — С. З.) из дверей (церкви Богородицы, — С. З.) встретили Митрополит Казанский Макарий, да архимандриты Володимерский Исая, да Печерский изо Пскова Антоний, да соборные старцы».²¹

¹⁸ Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 1. СПб., 1857, № 52, с. 236. См. также: Жалованная грамота первого самозванца Лжедмитрия. Сборник Муханова. М., 1856, с. 204—205, № 137.

¹⁹ Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. II. СПб., 1832, с. 205—206.

²⁰ Древняя Российская Вивлиофика, ч. VII, с. 219.

²¹ Древняя Российская Вивлиофика, ч. VI, с. 127.

Г. В. МАРКЕЛОВ

Рукописи из Латгалии

С каждым годом неуклонно пополняется Латгальское собрание рукописей в Дривлехранилище Пушкинского Дома. В 1980 г. состоялась седьмая по счету археографическая экспедиция в Латгалию — одна из самых результативных за последние годы. В ней участвовали автор этих строк и научные сотрудники ИРЛИ Д. М. Буланин и С. И. Николаев. В течение двух недель работы в Резекненском районе Латвийской ССР нам удалось собрать более 60 рукописей XV—XX вв. Обилие находок не было случайным. Руководствуясь методикой археографических поисков В. И. Малышева, Пушкинский Дом установил давние и прочные связи с местными знатоками старорусской письменности, чьи советы и рекомендации, а также личный авторитет обеспечили успех нашей экспедиции. В связи с этим мы приносим нашу благодарность Ивану Никифоровичу Заволоко (г. Рига) и Аввакуму Тимофеевичу Бурову (г. Резекне) за бескорыстную помощь и указание адресов возможных держателей старинных рукописей.

Латгальская рукописно-книжная традиция бытовала и развивалась у русского старожильческого населения в Латвии в общем сходно с традициями других, например, северно-русских районов. Это прежде всего конфессиональная деятельность старообрядческих общин, выдвигавших из своей среды грамотных наставников-начетчиков, концентрировавших в своих домашних библиотеках рукописи и книги для ведения полемики и проповеднической деятельности, это наличие книгообмена между общинами и другими старообрядческими центрами, это создание собственных рукописно-книжных школ-центров, продукция которых отличается выработанным своеобразием в почерке, в художественном оформлении и переплете рукописей и т. п., это, наконец, существование местных писателей-полемистов, создававших на местном материале свои произведения или же перерабатывавших древнерусские памятники применительно к запросам и духу своего времени, своих единоверцев.

Для Латгалии эти общие черты дополнены рядом особенностей. Латгальские рукописи по своему внешнему облику очень разнообразны, т. е. в большинстве случаев их трудно идентифицировать, «привязать» к определенному центру, к одной школе, хотя временные границы развития традиции в целом определены — от первой трети XIX в. до середины XX в. с кульминационным расцветом в конце минувшего—начале нынешнего столетия. Ясно, что образчиками при оформлении латгальской книги послужили старопечатные издания и рукописи поморского письма, однако разнообразие местных почерков и орнаментики заставляет предположить, что в Латгалии было много переписчиков, рассыпанных по многочисленным общинам и хуторам и не объединенных общей школой.

Важной особенностью местных рукописей является то, что значительная часть их содержит внелитургические тексты, предназначенные для домашнего чтения. Причем существовал определенный репертуар из повестей, житий, слов и поучений, особенно популярных у местных чи-

тателей, переходивший из одного сборника в другой. «Четый» характер многих рукописей объясняется наличием у населения старопечатных изданий, удовлетворявших потребности богослужебной практики, и обеспеченностью молитвенных храмов более или менее полным кругом служебных книг.¹ Зажиточность латгальских старообрядцев, близость к издательским центрам позволяли местным жителям часто приобретать необходимые печатные книги как наиболее удобочитаемые и «правильные», тогда как нравоучительная, историческая и полемическая литература становилась уделом переписчиков. Из найденных нашей экспедицией рукописей более трети являются сборниками литературно-исторического содержания или списками отдельных произведений.

За время экспедиции мы побывали более чем в десятке деревень, и почти в каждой были сделаны любопытные находки. Одинадцать рукописей мы приобрели у Д. А. Суворова (д. Бесовка). Владелец их сам большой любитель «древлеотеческой» литературы, начитанный в Священном писании потомок известных в Латгалии начетчиков Е. С. и М. Е. Суворовых. Библиотека досталась ему от дяди, Макария Ефимовича Суворова, приехавшего вместе с отцом Ефимом Степановичем в Бесовку из Новозыбка (Черниговской губ.) в 1907 г. Е. С. Суворов был видным старообрядческим полемистом, придерживался наиболее консервативных установок федосеевского толка. В Дрвলেখранилище находится несколько его сборников, содержащих главным образом автографы его посланий в Москву, Казань, Оренбург и др. города. Среди подаренных Д. А. Суворовым рукописей был и объемистый сборник (№ 191)² посланий и выписок Е. С. Суворова. К одному из текстов — Соборному Выговскому постановлению об исповеди³ — сделана любопытная приписка: «Сие списано ни с переводу, но с самых черновых писем и своеручных подписей, и аз, современник их многогрешный, сподобился видети и переписать святыя отец своеручныя подписи сия в память, в роды родов христианом жительствующим, и Богом свидетельствую, что самовидец сия Уложения в Москве. Ефим Стефанов Суворов, мироздания 7389 (1881 г.)». Оригинал рукописи — в Сборнике автографов выговских писателей XVIII в. — находится ныне в Дрвলেখранилище Пушкинского Дома в коллекции И. Н. Заволоко, № 3. Из рукописей, найденных в д. Бесовке, отмечу Канон Сергию Радонежскому (№ 148), Послание с наставлениями, советами, покаянными признаниями и обещанием достать старопечатные книги некоего Лазаря М. из г. Двинска в д. Парамоновку Ивану Егоровичу (№ 200), сборник духовных стихов (№ 204).

Наставник резекненской старообрядческой общины Я. А. Соколов, обладатель солидной библиотеки старопечатных книг, подарил нам девять рукописей, в числе которых пять сборников литературного содержания. Два из них — датированные: № 160 — 1855 г., № 173 — 1875 г. письма латгальского писца Л. К. Буцева, 1921 года написания певческий Обиход на крюках писца из Белоруссии Н. Т. Колпакова. В сборниках между прочим содержатся: Прение дьякона Федора с митрополитом Афанасием Иконийским в Москве о сложении перст, Мучение старцев Петра и Евдокима в лето 1669-е, апокрифы о двух разбойниках, об Иуде-предателе, об Адаме и Еве, притчи Варлаама и др. (№ 156); повести о царе Агее, об Удоне епископе, страсти Парасковии Пятницы (№ 160); Житие и хождение Агапия, повести о св. Авраамии, о прекрасном Иосифе, духовные стихи (№ 162) и др.

¹ Об этом свидетельствуют обследование и инвентаризация старообрядческих молелен в Латгалии, проведенные Всесоюзным институтом реставрации (г. Москва) совместно с представителями латвийского Общества охраны памятников, учитывавших общинные старопечатные книги.

² Цифра в скобках обозначает шифр рукописи Латгальского собрания.

³ См.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, с. 436.

Десять рукописей мы получили в дар от С. В. Терехова — сына известного в Латгалии книжника-начетчика В. М. Терехова, скончавшегося в прошлом году. В его доме в д. Римши хранится обширная библиотека, которую мы бегло осмотрели, — в состав ее входят старопечатные славянские книги четьего и полемического содержания, старообрядческие гектографы, остались еще рукописи, в том числе переписанные самим Василием Марковичем. В сборниках Терехова интересны прежде всего местные старообрядческие сочинения, отражающие разнообразие полемические темы, волновавшие латгальские общины на рубеже XIX—XX вв., по вопросам вероучительского и обрядового характера. Таковы суть: В. П. Скрипова обличительный ответ и возражения по поводу решения отцов Преображенского кладбища «извергнуть его и остальных „скриповцев“» (текст сопровождают оригинальные сатирические стихи против преображенцев) (№ 185); «Покаяние спасительное новоженам» (№ 194); Послание некоего Иоанна от 1907 года о неприсоединении к преображенцам по причине нарушения в Москве старопоморских обрядов (№ 197). Интересен объемистый сборник (№ 201), переписанный едва ли не самим В. М. Тереховым, содержащий большое число слов и повестей из Пролога, Патериков и др. книг, а также поучения отцов и учителей церкви в русском переводе.

Неподалеку от д. Римши, в д. Обелишки, от уже знакомого нам местного наставника С. Т. Белова мы получили в дар 11 рукописей, из которых выделим рукопись Якова Семеновича Порозова — местного книжника-самоучки, библиофила, обладавшего недюжинным даром полемиста. Его сочинения (№ 199) направлены в защиту браков, против пьянства и т. п., датированы 1922 годом, переписаны полууставом, но карандашом под копирку. В одной из рукописей от С. Т. Белова находится список пятой челобитной иноков Соловецкого монастыря Алёксею Михайловичу от 1667 года (№ 182).

Сочинение М. И. Вышатины «Книга Драгоценный бисер» в списке XVIII в. (№ 146) мы получили в дар от жителя д. Римши Ф. А. Строжева. В той же деревне у М. С. Груниной были приобретены рукопись певческой крюковой азбуки XIX в. (№ 179) и старопечатное Житие Николая (М., 1643 г.) с владельческой скрепой XVII в. церкви Козьмы и Дамиана «что у Чудова монастыря в Кремле». Издание передано в библиотеку им. М. Горького ЛГУ.

Житель д. Петровка Ф. Ф. Олейников подарил Пушкинскому Дому пять рукописей. В одной из них (XVIII в.) содержатся Житие Александра Свирского и «Тропник» Иннокентия папы римского в переводе Ф. Гозвинского (№ 146). В другом объемистом сборнике (№ 178) между разными житиями, сказаниями и словами содержится редкое Слово Козьмы Пресвитера болгарского «о хотящих ити в черные ризы от мира сего». Здесь же мы приобрели любопытное местное сочинение жителя д. Тимошишки Т. К. Соколова «Исследование и разбор заблуждений секты адвентистов, появившейся в Латвии», содержащее старообрядческую критику сектанства. Любопытный факт: Ф. Ф. и И. Ф. Олейниковы держали у себя в деревне в довоенное время мастерскую по изготовлению бронзового литья. Автору этих строк довелось видеть многочисленные складки, бронзовые иконы, книжные оклады и распятия, сделанные со старинных образцов братьями Олейниковыми. Тщательность и качество их отделки отменные; жаль, что «художество» старопоморского литья ныне утрачено, кажется, навсегда.

Восемь рукописей нам удалось приобрести у наставника П. А. Соколова в д. Борисовке. Из них два литературных сборника с весьма популярными у здешних жителей житиями, повестями и апокрифами (см. № 169, 174). Характерно, что большая часть этих рукописей находилась при местной молельной, куда их приносят наследники умерших владельцев. Но в храме они лежат без практического использования, так как знатоков и любителей такого чтения почти не осталось. Одна из книг борисовского

храма — Триодь цветная, М., 1591 г. — содержит владельческую помету известного причудского книжника К. А. Малышева. Это еще одно свидетельство об устойчивых связях и книгообмене между причудскими и латгальскими старообрядцами.

Рукопись лудзенского писца И. Г. Кузнецова — Триодь постную (№ 195), а также литературный сборник (№ 161) мы приобрели у наставника общины г. Лудзы П. Я. Никитина. Лудзенский район, как и соседний с ним Краславский, судя по первоначальным разведочным поездкам еще подлежат тщательному археографическому обследованию.

В д. Парамоновке участники экспедиции с удовольствием посвятили день крестьянской работе — убрали сено для больного Ф. Л. Борисенко, нашего старого знакомого. Наш труд был вознагражден — Филимон Лукич подарил нам рукопись полемического старообрядческого сочинения в защиту браков (№ 151).

В близлежащей д. Тискады, в моленной, находится весьма интересная рукопись — Сборник певческий на крюках без помет и признаков 1-й половины XVII в. Безпометное «знамя» старообрядцы не поют, поэтому рукопись ими непосредственно в богослужении не используется, она представляет интерес исключительно для музыковедов-историков. Местонахождение этой ценной рукописи указал И. Н. Заволоко. Мы начали переговоры с руководством общины о передаче рукописи в Пушкинский Дом.

Наконец, завершением нашей работы стала находка самой ценной рукописи экспедиции 1980 г. В д. Ульяново у местного наставника А. Л. Самсонова хранилась Миняя служебная июльская XV в., которую он передал в дар Древлехранилищу Пушкинского Дома (№ 145). Рукопись в прекрасном состоянии, в переплете, в ней имеются пометы на польском языке скорописью XVII в. молитвословного содержания. А. Л. Самсонов подарил нам также и литературный сборник (№ 149), в котором между прочими словами и повестями имеется Сказание Ивана Пересветова о царе турском Махмете «како хотел сожещи книги греческие».

Итоги нашей поездки еще раз показали возможность и необходимость собирания рукописей у русских старожилов в Прибалтике. Формирование Латгальского собрания далеко не закончено, и в перспективе еще могут быть интересные находки.

Ниже публикуется подробное описание рукописей, найденных в Латгалии в 1980 г.

1. (145). Миняя служебная на июль месяц, XV в. (3-й четверти), в 4-ку, 270 л., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, сохранилась одна из двух медных застежек (XIX в.). На л. 1 изображение голгофского креста в рамке с картушем в красках. На первом развороте запись о дарении книги в Древлехранилище Пушкинского Дома А. Л. Самсоновым (дер. Ульяново). По листам исправления текста и колонтитулы почерком XVIII в. Имеются пометы на польском языке скорописью XVII в. и западнорусской скорописью молитвословного содержания. Из русских служб имеются только две — 15 июля князю Владимиру «писано в следование от долнее доски» (помещены в конце рукописи, л. 200 об.), 24 июля Борису и Глебу.

От А. Л. Самсонова (дер. Ульяново)

2. (146). Житие Александра Свирского и «Тропник» Иннокентия, папы римского в переводе Ф. Гозвинского (л. 119),

XVIII в. (середина), в 8-ку, 271 л., скоропись, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с двумя медными застежками.

От Ф. Ф. Олейникова (дер. Петровка)

3. (147). Вышати́н М. И. «Книга Драгоценный бисер». XVIII в. (50-е гг.), полуустав, в 4-ку, 285 л., имеются орнаментированные заставки, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с двумя медными застежками. На полях рукописи часто встречаются пометы и приписки к тексту новейшей скорописью. Имеется оглавление, предисловие и 40 глав.

От Ф. А. Строжева (дер. Римпи)

4. (148). Канон преподобному Сергию Радонежскому, XVIII в. (последней четверти), в 4-ку, 12 л., полуустав. От бумажной обложки сохранилась лишь верхняя крышка, на обороте которой записан покаянный стих «Аще бы ведала, душе

моя. . .» со следующей припиской: «Надобно узвать, что се за псалма вписана».

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка)

5. (149). Сборная рукопись, XVIII в. (конец)—XIX в. (середина), в 8-ку, 85 л., полуустав и подражание печатному, в картонной обложке. Владельческая запись динабургского мещанина Федора Карпова. Содержит: л. 2. Повесть об иноке Авраамии «како принося ему бес камок»; л. 17 об. Иоанна Златоуста слово о умилении души; л. 27. Иоанна Милостивого слово о Петре мытаре; л. 33. Житие Кирика и Улиты; л. 67. Слово о пророчестве Исайи; л. 69. Толкование об Антихристе из Апокалипсиса; л. 75. Вопросание Григория Богослова ангела хранителя о власти архангелов; л. 78. Выписки из Бесед Евангельских Иоанна Златоуста; л. 79. Сказание Ивана Пересветова о царе турском Махмете «како хотел сожещи книги греческие» в 1453 году.

От А. Л. Самсонова (дер. Ульяново)

6. (150). Октоих с добавлениями, на крюках, XIX в. (20-е гг.), в 4-ку, 96 л., полуустав, имеется орнаментированная в красках заставка-рамка и инициалы, владельческие пометы Борисовской общины. На л. 2 запись: «По сему октаю учился Макар Назаров Тихомиров петь до солям, а учаник его Трифон Михайлов Гранастав деревни Лоси 12 рублей в месяц получал. Октаи етог опчественный». Содержатся кроме Октоиха стихиры евангельские, кондаки и икосы. Столповое знамя с киноварными пометами.

От П. А. Соколова (дер. Борисовка)

7. (151). Полемическое старообрядческое сочинение в защиту браков, XIX в. (30-е гг.), в 4-ку, 21 л., полуустав, без начала и конца, обложка не сохранилась. На полях многочисленные приписки карандашом, содержащие возражения автору. В сочинении даются многочисленные ссылки на Византийскую и русскую историю.

От Ф. Л. Борсенко (дер. Парамоновка)

8. (152). Сборник, XIX в. (40-е гг.), в 8-ку, 322 л., полуустав и подражание печатному, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с остатками двух застежек. Содержит главным образом выписки из толкований отцов и учителей церкви на Апостол и Евангелие, а также выписки из разных книг и авторов на эсхатологические темы несистематического характера.

От П. А. Соколова (дер. Борисовка)

9. (153). Месяцеслов, 1847 г., в 16-ю долю листа, 120 л., полуустав, переплет не сохранился, имеется владельческая запись Федосея Савельева Салаева (?) и надпечатка «и. с.». Имеются таблицы рождения и ущербления месяцам и вычисления пасхи.

От Ф. Ф. Олейникова (дер. Петровка)

10. (154). Ирмологий, на крюках, XIX в. (середина), в 8-ку, 151 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От Я. А. Соколова (г. Резекне)

11. (155). Сборник, XIX в. (середина), в 4-ку, 154 л., каллиграфическая скоропись, переплет картонный с кожаным корешком. На л. 150 запись: «Сей учебный Цветник принадлежит Магрене Михайловны Емельяновой». Содержит: повести о блаженной Пелагии блуднице, о преподобном Данииле (о пьянице в монастыре), из Великого Зеркала (8), о царе Феодосии; жития: Алексея человека Божия, Ануфрия пустытника; Иоанна Колоба слово о беседе старца Паисия с царем Константином; Сказание об образе Софии премудрости Божией, выписки из Пролога и др.

От Я. А. Соколова (г. Резекне)

12. (156). Сборная рукопись, XIX в. (середина), в 8-ку, 264 л., полуустав и подражание печатному, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с двумя металлическими застежками, имеются орнаментированные инициалы, на лл. 80 и 86 записи дат смерти и дней ангела семи Кудришевых. Содержит: Мучение двух старцев Петра и Евдокима в лето 1669-е; Прение дьякона Федора с митрополитом Афанасием Иконийским в Москве о сложении перст; апокрифы о двух разбойниках, об Адаме и Еве, об Иуде предателе; Жития Кирика и Улиты, Евстафия Плакиды; притчи Варлаама; слова, повести и сказания о содомлянах, о Вавилоне, о Столпе, о царе Соломоне, о злых женах, о матерной брани, о бесе «Езефере» и др.

От Я. А. Соколова (г. Резекне)

13. (157). Отрывок сборника, XIX в. (середина), в 4-ку, 11 л., подражание печатному, без обложки, имеется своя нумерация страниц (собственно 317—338). Содержит: Чудо великомученике Георгия о змие; Слово на сошествие св. духа о Содоме и Гоморе и о втором пришествии.

От С. Т. Белова (дер. Обелишки)

14. (158). Азбука певческая на крюках, XIX в. (середина), в 4-ку, 43 л., полуустав, без переплета. Содержит: имена и поступки знамен, строки и фигурки. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка)

15. (159). Отрывок из Октоиха на крюках, XIX в. (середина), в 4-ку, 22 л., полуустав, без переплета. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие.

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка)

16. (160). Сборник, 1855 года, в 4-ку, 289 л., подражание печатному, переплет — доски, покрытые тисненой кожей,

сохранилась одна из двух медных застежек. Имеются пометы Микиты Митрофанова, Петра Иванова, писцовые пометы л. 41 об. — 1855 г., 31 мая, л. 284 об. — 1855 г., 2 декабря. На л. 2 запись: «Сия богодухная нарицаясь Цветник, не все истина, много неправды есть». Содержит: Чудо Парасковии о избавлении Никомидии от царя Амира и сыроддцев; Страсти Парасковии Пятницы; Слово похвальное Парасковии Пятнице; Лист Иисуса Христа; Сказание о 12 пятницах; Повесть о царе Агее; Житие Василия Нового и Григориево видение; Повесть об Удоне епископе; Житие Иоанна Богослова; Иоанна Златоуста похвальные слова Иоанну Богослову; Прокла архиепископа похвальное слово Иоанну Богослову; Канон на исход души; Слово к поселяным в день Георгия победоносца (местное сочинение).

От Я. А. Соколова (г. Резекне)

17. (161). Сборник, XIX в. (60-е гг.), в 4-ку, 346 л., подражание печатному, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с остатками двух застежек. На л. 1 об. помета: «Цена 4 р.» Имеется помета Тимофея Петрова. Содержит: Житие Василия Нового и Григориево видение; Повесть — троеслижное умиление (из Цветника священноинокка Дороефа); Страсти Христовы (список с Супрасльского издания 1795 года); Молитва на совершение книги.

От П. Я. Никитина (г. Лудза)

18. (162). Сборная рукопись, XIX в. (3-я четверть), в 4-ку, 367 л., полуустав и подражание печатному разных почерков; переплет, начальные и конечные листы не сохранились. Имеются инициалы и заставки — рамки в красках оригинального орнамента. На л. 293 карандашом черновики писем к некоему Фадее Григорьевичу; имеется помета Григория Васильева. Содержит: Часовник с канонами и месняспесловом; Житие Алексея человека Божия; Житие и хождение Агапия; Повесть о св. Авраамии (без начала); Ефрема Сирина повесть о прекрасном Иосифе; Стих об Адаме и Еве; Стих на св. Пасху; Стих-плач кафоликов.

От Я. А. Соколова (г. Резекне)

19. (163). Азбука певческая, на крюках, XIX в. (III-я четверть), в 8-ку, 46 л., полуустав, в бумажной обложке. Содержит: л. 2, 3, 17, 17 об. — черновые изображения горювского холма; проуки; имена и поступки знаменам; фитник. Столшовое знамя с киноарными пометами, раздельноречие.

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка)

20. (164). Отрывок из Октоиха на крюках, XIX в. (III-я четверть), в 4-ку, 24 л., полуустав, без переплета. Столшовое знамя с киноарными пометами, но-вое истинноречие.

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка)

21. (165). Прорись Толгской иконы Богородицы, XIX в. (II-я половина), 18×22 см, на бумаге чернилами.

От С. В. Терехова (дер. Римши)

22. (166). Устав перковой службы, XIX в. (последней трети), в 4-ку, 38 л., подражание печатному, без обложки, некоторых листов в начале, середине и конце недостает.

От С. Т. Белова (дер. Обелишки)

23. (167). Сборник, XIX в. (последней трети), в 4-ку, 32 л., подражание печатному, без обложки. Содержит: выписки слов из Маргарита: о лжеучителях, о гневе, о стяжании книг, о падении человека; выписки из Минеи Четврь о сотворении человека, из Василия Великого, Номокавона; Слово об Иове праведном; повести и выписки из патериков; выписки об отлучении духовных отцов, о влаге естественной, «что есть человек и что есть тварь бессловесная»; поучения о чтении книг, о неспании после обеда и др.

От С. В. Терехова (дер. Римши)

24. (168). Сборник, XIX в. (последней трети), в 4-ку, 23 л., подражание печатному, без обложки. Содержит: Дороефа священноинокка слово о чистоте телесной и душевной; Поучение о воспоминании жития святых; апокрифические вопросы-ответы, типа «Беседы трех святителей»; Слово о христианском «благородии».

От С. В. Терехова (дер. Римши)

25. (169). Сборник, XIX в. (последней трети), в 8-ку, 125 л., подражание печатному, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с одной медной застежкой. Имеется помета Ивана Тимофеева. На первом развороте зашифрованная тире и точками надпись от 1881 года. Содержит: духовные стихи: колыбельный Богородицы, «Умоляла мать родная...»; повесть об Иверской иконе Богородицы, о видении Козьмы игумена, о затворнике, клявшемся бесу; чудеса Николы и Андрея Юродивого; пророчества Сивиллы; Сказание о 12 пятницах и др.

От П. А. Соколова (дер. Борисовка)

26. (170). Сборник певческий на крюках, XIX в. (последней трети), в 4-ку, 173 л., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей со следами двух застежек. Имеются пометы Борисовского наставника Флора Андреева, С. А. Козлова, надпечатка А. К. Куприянова. Содержит: Всенощное бдение, Ирмологий, Стихирарь праздничный. Значительная часть листов по всей рукописи утеряна. Столшовое знамя с киноарными пометами, раздельноречие.

От П. А. Соколова (дер. Борисовка)

27. (171). Сборник богослужебный, XIX в. (последней трети), в 4-ку, 66 л., полуустав и подражание печатному, имеется владельческая запись писца (?) Борисовского наставника Назара Мар-

кова, а также пометы А. К. Ксендзова, Харитонова, Бондарева, Волченко, Пировкина. Переплет — картонный, покрытый тисненой кожей. Содержатся: чин погребения, канон по умершим; некоторые погребальные стихиры распеты на крюках столповым знаменем с пометами, текст истинноречный. Многих листов в начале, середине и конце рукописи недостает.

От П. А. Соколова (дер. Борисовка)

28. (172). Устав малый с месящесловом, XIX в. (последней трети), в 8-ку, 119 л., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей со следами двух застеежек.

От П. А. Соколова (дер. Борисовка)

29. (173). Житие, чудеса и служба Николая Чудотворца и Житие Кирика и Улиты, 1875 г., в 4-ку, 260 л., полуустав, почерк Лариона Кузина Буцева (см. его приписку на л. 231), переплет — доски, покрытые тисненой кожей, сохранилась одна из двух медных застеежек. Житие Николая списано с издания М., 1643 г.; Житие Кирика и Улиты (с л. 234) написано другим почерком, конец не дописан. Рукопись того же писца см. № 123.

От Я. А. Соколова (г. Резекне)

30. (174). Сборник, XIX в. (последней трети), в 4-ку, 325 л., подражание печатному, имеются заставки и инициалы в красках грубого орнамента, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с двумя медными застеежками, жуками и наугольниками. На л. 178 помечено: «воръ». Содержит: Страсти Христовы; Житие Евстафия Плакиды; Житие Кирика и Улиты; слова о прекрасном Иосифе (см. л. 275, 288); Житие Алексея человека Божия.

От П. А. Соколова (дер. Борисовка)

31. (175). Псалом «На реце вавилонстей. . .», распетый на крюках, XIX в. (последней четверти), в лист, 2 л., полуустав, без переплета. Столповое знамя с киноварными пометами, разделноречие.

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка)

32. (176). Всенощное бдение, сиречь великая вечерня, на крюках, XIX в. (последней четверти), в лист, 8 л., полуустав, без переплета. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие.

От С. Т. Белова (дер. Обелишки)

33. (177). Часовник, XIX в. (последней четверти), в 4-ку, 70 л., подражание печатному, без обложки, начальных и конечных листов недостает, имеется помета карандашом Федора Быстрова.

От С. Т. Белова (дер. Обелишки)

34. (178). Сборная рукопись, XIX в. (последней четверти), в лист, 143 л., полуустав и подражание печатному, переплет — доски, покрытые тисненой кожей,

сохранилась одна из двух медных застеежек. Владельческие записи и надпечатки Ф. Д. и И. Ф. Олейниковых. Содержит: Кошмы Пресвитера болгарского слово «о хотящих ити в черные ризы от мира сего»; Жития Кирика и Улиты, Симеона Столпника, Филарета милостивого, Алексея человека Божия; поучения Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, св. Нифонта; апокрифы о Макарии Египтянине; память Марии Египтянки и др.

От Ф. Ф. Олейникова (дер. Петровка)

35. (179). Азбука певческая на крюках, XIX в. (80-е гг.), в 4-ку, 52 л., полуустав, переплет картонный. Содержит: имена и постушки знаменам, проучки, строки ирмолойные и октайные на 8 гласов, фитник. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Имеется изображение горвосходного холма. Владельческие записи рижан А. Т. Бодрова (1887 г.) и Марфы Степановны.

От М. С. Груниной (дер. Римши)

36. (180). Трезвонь на крюках, XIX в. (80-е гг.), в 4-ку, 95 л., полуустав, имеются оригинальные орнаментированные заставки в красках и инициалы, без переплета. Столповое знамя с киноварными пометами, разделноречие.

От Я. А. Соколова (г. Резекне)

37. (181). Октоих со стихирами евангельскими и припевами великими на крюках, 1888 г., в лист, 70 л., полуустав, имеются киноварные орнаментированные инициалы, без обложки. После некоторых разделов следуют датированные приписки писца. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие. Имеется указание на особый вариант распева — «Ии распев меньшей».

От С. Т. Белова (дер. Обелишки)

38. (182). Сборник, XIX в. (конец), в 4-ку, 61 л., полуустав и новейшая скоропись, без обложки. Содержит: челобитную (пятую) иноков Соловецкого монастыря Алексею Михайловичу 1667 г., выписки из Кирилловой книги, «Сына церковного», «Меча духовного», Книги о вере, Федора Студита и др.

От С. Т. Белова (дер. Обелишки)

39. (183). Иоанна Златоуста толкование на слово в неделю 25-ю по памяти всех святых о последних днях и о казнях божиих, XIX в. (конец), в 4-ку, 39 л., подражание печатному, без обложки, конца недостает, имеются пометы типа: «Сие толкование прочти со вниманием».

От С. В. Терехова (дер. Римши)

40. (184). Постановления Петербургского старообрядческого собора 1809 года (только начало), XIX в. (конец), в 4-ку, 3 л., полуустав, почерк, заставка и инициалы причудского письма.

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка)

41. (185). Полемически-обличительный ответ и возражения В. П. Скрипова по поводу решения отцов московского Преображенского кладбища «извергнуть» и отлучить его с остальными «скриповцами», XIX в. (конец), в 4-ку, 24 л., подражание печатному. Без обложки. Текст завершают сатирические стихи против преобразенцев.

От С. В. Терехова (дер. Римши)

42. (186). Отрывок сборника, XIX в. (конец), в 4-ку, 7 л., подражание печатному, без обложки. Содержит выписки из Никона Черногорца, Кормчей, Устава, из слов Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского и из Патерика.

От С. Т. Белова (дер. Обелишки)

43. (187). Певческая гектографированная азбука на крюках, XIX в. (конец), в 4-ку, 39 л., полуустав, без переплета. Содержит: объяснение знамен и помет, фитник и кокизник. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинноречие.

От С. Т. Белова (дер. Обелишки)

44. (188). Трезвонь на крюках, XIX в. (конец), в 4-ку, 187 л., подражание печатному, имеютя орнаментированные в красках инициалы, без переплета. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельноречие.

От Я. А. Соколова (г. Резекне)

45. (189). Сборная рукопись, XIX в. (конец), в 8-ку, 53 л., полуустав и скоропись письма Е. С. Суворова, без обложки, начальных и конечных листов недостает. Содержит: Е. С. Суворова обличительное послание И. И. Дагадину и П. А. Худекову в посад Злынку по вопросу о браках, вере истинной и т. п. (послание завершается стихами), выписки из разных книг о браке, блюде, исповеди, крещении, о Ироде и Предтече и др.

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка)

46. (190). Сборник служебный, XIX в. (конец), в 8-ку, 191 л., полуустав, имеютя простенькие орнаментированные заставки, переплет — доски, покрытые тисненой кожей с медными наугольниками и следами двух застежек. Имеется надпечатка Г. Н. Шабанова. Содержит: чин погребения; Синодик Иова патриарха с общими статьями и фамильным помянником; каноны за умерших и на исход души.

От П. А. Соколова (дер. Борисовка)

47. (191). Сборник, XIX в. (конец), в 16-ю долю листа, 205 л., полуустав и скоропись письма Е. С. Суворова, имеютя орнаментированные и в красках заставки, переплет — доски, покрытые кожей с одной медной застежкой. Содержит: выписки из разных книг и копии старообрядческих посланий Е. С. Суворову; послание «господину и воицу изряднейшу» об Антихристе, Илии и

Енохе и убиении их; послание о «прелести Антихристовой»; Иное послание о Антихристе, Илии и Енохе, о священстве не умираемом, о жертве, с надсловием; Иоанна Златоуста слово о любви и др. выписки; выписки из разных книг о браках, о еретиках, о блудниках; соборное Выговское постановление об исповеди; поучение (вероятно, собственно Е. С. Суворова) о крещении («читано на Богоявлении»).

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка)

48. (192). Отрывок сборной рукописи, XIX в. (конец)—XX в. (начало), в 4-ку, 37 л., подражание печатному, без обложки. Содержит: слово на ожидающих чувственного Антихриста и обличителей его (старообрядческое); Прение о вере Григория Амиритского архиепископа с Ерваном жидовином во граде Афаре (без начала, краткий вариант); выписки из Никона Черногорца и Сказание о чае и сахаре; выписки из Апостола, Четвх Миней и др. книг о падении нравов, о учителях, о эллинских богах и др.

От С. В. Терехова (дер. Римши)

49. (193). Отрывок сборника, XX в. (начало), в 4-ку, 13 л., подражание печатному, без обложки. Содержит: правило келейное, молитвы и тропари Иисусу, Богородице, ангелу хранителю и т. п.

От С. В. Терехова (дер. Римши)

50. (194). Сборная рукопись, в 8-ку, XX в. (начало), 21 л., подражание печатному, без обложки, с л. 17 об. текст на гектографе. Содержит: Покаяние спасительное новоженам (с включением повести из Великого Зеркала о видении некоей девственницы) и поучение о необходимости поминовения умерших.

От С. В. Терехова (дер. Римши)

51. (195). Триодь постная и цветная, XX в. (начало), в лист, 252 л., скоропись, писец — Кузнецов Илларион Григорьевич (г. Лудза), в картонном переплете, покрытием тканью. Из синосарных чтений отметим: л. 45 — Житие Марии Египетской, л. 72 — Повесть о беседеальном, л. 240 об. — Сказание о воздвижении пречистой Богородицы.

От П. Я. Никитина (г. Лудза)

52. (196). Программа яacobштатского старообрядческого приходского училища по старообрядческому вероучению, чтение по старопечатным книгам, соловому пению и т. п., 1906 г., в лист, 2 л., новейшая скоропись. Подписана законоучителем Иваном Вакофьей.

От С. Т. Белова (дер. Обелишки)

53. (197). Сборная рукопись, XX в. (1907 г. — середина), в 4-ку, 41 л., полуустав и подражание печатному, в картонном переплете. Содержит: послание некоего Иоанна от 1907 года к «духовному правителю» Василию Михайловичу о неприсоединении к Преображенскому клад-

бицу по причине нарушений в Москве старопоморских обрядов; отрывок из службы архистратигу; служба на Рождество Христово; выписка из книги Г. Е. Фролова «Путь к прощению. . .»

От С. В. Терехова (дер. Римши)

54. (198). Обиходник певческий на крюках, 1921 г., в 4-ку, 394 л., полуустав, писец Никон Трофимович Колпаков (г. Бобруйск, г. Борисов, дополнения 1926 и 1928 гг., см. л. 111, 136, 267 об., 297 об., 365). На листах во многих местах подклеены вырезанные из печатных книг заставки и украшения. Переплет — дощатый, с кожаным корешком и уголками и двумя медными застежками. Содержит: Всенощное бдение; утренняя; неличания праздникам и многим святым; антифоны и стихиры праздникам; светильны праздникам и нарочитым святым; светильны воскресные «малым роспевом»; обедня; задостойники; обиходник постный; канон пасце; «Последование, совершаемое о усопших. . .»; тропари и кондаки воскресные, праздничные и нарочитым святым; стихиры евангельские; богородичны и другие стихиры праздникам; акафист богородице. Столповое знамя с киноварными пометами, новое истинное речие. Некоторые тексты имеют до пяти роспевов, обозначенных: ив роспев, ин перевод, Кириллов и Тихвинский переводы, Малый и Большой роспевы, Путь, Демество, Путь малый, Путь Соловецкого монастыря, Демество Псковское, Большое Демество.

От Я. А. Соколова (г. Резекне)

55. (199). Порозов Яков Семенович, сочинение его, направленное против пьянства и в защиту браков, 1922 год, в 4-ку, 125 л., подражание печатному, текст написан карандашом под копирку, посвящено некоему Григорию Васильевичу.

От С. Т. Белова (дер. Обелишки)

56. (200). Послание некоего Лазаря М. М. из г. Двинска Ивану Егоровичу в дер. Парамоновку, XX в. (1-я четверть), в 4-ку, 10 л., подражание печатному. Содержит советы, наставления, покаянные признания, а также обещания достать старопечатные книги. Письмо любопытно по стилю и языку.

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка)

57. (201). Сборник, XX в. (1-я четверть), в 4-ку, 577 л., полуустав, переплет не сохранился. На полях большое количество приписок и помет писца рукописи (не Василия ли Марковича

Терехова, известного латгальского книжника, собирателя и наставника, «скриповца») комментирующих текст. Содержит: Сказание об Авгаревом образе Спаса нерукотворного; повести об Исаакии Печерском, о Федоре, крестившемся пещом, о девице Мононии; притчи Варлаама; памяти Иова праведного, Иоанна Крестителя, Симона Зилота, Константина и Елены и др.; слова и повести из Пролога, Старчества, патериков, Лимониса, Великого Зерцала; выписки из сочинений в русском переводе Григория Назианзина, блаж. Феодорита, Иоанна Златоуста; из ответов Нифонта Новгородского на вопросы Кирика и др.

От С. В. Терехова (дер. Римши)

58. (202). Ирмосы 1-го гласа 1-й песни, XX в. (1-я треть), в лист, 20 л., полуустав, писец — Иван Фирсович Олейников, без обложки. Столповое знамя с киноварными пометами, раздельное речие.

От Ф. Ф. Олейникова (дер. Петровка)

59. (203). «Исследование и разбор» заблуждений секты адвентистов, появившейся в Латвии, сочинение Тарасия Кирилловича Соколова (дер. Тимошишки), XX в. (1-я половина), в 8-ку, 79 л., подражание печатному, в коленкоровой обложке. Содержит старообрядческую критику сектанства, апологию икон, крестного знамения, постов и т. п.

От Ф. Ф. Олейникова (дер. Петровка)

60. (204). Сборник духовных стихов, XX в. (середина), в 4-ку, 12 л., новейшая скоропись, без обложки. Содержит: стих о рае (без начала); стих о юном отшельнике; «Поздно, поздно вечерами. . .»; «Взираи с прилежанием, тленный человек. . .»; стих о браке в Кане галилейской; стих о скончании века; стих о страстях Христовых; стих об Иоасафе-царевиче.

От Д. А. Суворова (дер. Бесовка)

61. (205). Бумаги из личного архива латгальского книжника, наставника дер. Обелишки, Самуила Тихоновича Белова, XX в., 47 л. разного формата. Содержание: черновые описи и списки старопечатных и рукописных книг; автобиографические материалы, имущественные договоры, списки деревенских жителей и прихожан, справки, планы и проекты деревенских построек и др.; временный организационный Устав армейской организации социалистов-революционеров IX армии от 7 июня 1917 года; письма родных и близких С. Т. Белова; фото- и печатные материалы.

И. А. ЕВСЕЕВА, Е. М. ШВАРЦ

Археографическая экспедиция на Северную Двину

Летом 1980 г. продолжалось археографическое обследование Виноградовского, Верхнетоемского и Красноборского районов Архангельской области. Эти места, ставшие традиционными для полевой археографии, регулярно посещаются совместными экспедициями Института русской литературы АН СССР и Ленинградского университета уже с 1967 г. — года основания Северодвинского рукописного собрания в Древлехранилище ИРЛИ. С этого же времени экспедиции стали летней археографической практикой для студентов филологического факультета ЛГУ, главным образом членов семинара по древнерусской литературе (неоднократно работу экспедиций возглавляла руководитель семинара Н. С. Демкова).

Участники экспедиции 1980 г.¹ по прибытии в Архангельск разделились на три группы. Две из них отправились вверх по Северной Двине с тем, чтобы начать работу в Пучуге, Рочегде и Топсе — местах, открытых для археографии в 1970 г. и с тех пор ежегодно посещаемых экспедициями. Двое участников в течение нескольких дней обследовали деревни Нижнее Ладино и Заостровье. Находившиеся в это же время в Архангельске в служебной командировке преподаватели ЛГУ С. А. Аверина и Т. В. Рождественская побывали с целью краткой археографической разведки в д. Лявля.

Сведения, собранные под Архангельском, указывают на общее для всего района Северной Двины затухание книжной рукописной традиции, но отнюдь не на бесперспективность археографической работы в этих местах. Доказательством этому служит пополнивший Северодвинское собрание Апостол XVI в. прекрасной сохранности в современном рукописи переплете — дар Домны Александровны Корельской, жительницы д. Заостровье.

Основной маршрут экспедиции проходил по знакомым археографическим адресам. Так, Топса уже не раз обследовалась участниками экспедиций ЛГУ и ИРЛИ, но тем не менее находки прошлого года свидетельствовали о том, что данный район заслуживает внимания археографов.

Правда, основную массу из числа виденных нами книг составили издания преображенской печати. Однако изредка мы видели и более интересные с археографической точки зрения памятники. Так, в д. Вакорино нам подарили сборную рукопись конца XIX — начала XX в., Часовник домашний, переписанный Петром Голиковым в 1876 г., Сказание о лестовке начала XX в. и др.

У Марьи Андреевны Шалагиной, которая в течение долгих лет была хранительницей одного из самых значительных собраний старославянских книг в деревне (часть из них она передала нашим предшественникам), мы получили сборник-конволют XVII — конца XIX в. Первая его часть

¹ Состав экспедиции: Е. М. Шварц (руководитель), Н. Гашкова, И. Евсеева, Е. Захарова, О. Ливдберг, Е. Терентьева.

представляет собой Святцы с краткими житиями, изданные в Вильно в конце XVIII в., вторая — Канонник, напечатанный в Москве в 1651 г., третья — рукописный молитвенник первой половины XIX в. Владельческая запись подтверждает, что уже в 1843 г. (дата записи) эти части были соединены в конволют.

Нужно отметить, что людей, которые «читают по-славянски», становится все меньше (сейчас в Топсе таких осталось лишь 6 человек). Поэтому книги, которые нам показывали, — это чаще всего остатки бывшего «книжного богатства». Такие «остатки» были нам переданы, в частности, В. Г. Алешиным. Среди его книг отметим печатное «Собрание краткия науки об артикулах веры», изданное в 1782 г.

Д. Кургомень сравнительно недавно освоена археографами. К сожалению, освоена она и «любителями» русской старины, визиты которых значительно осложняют работу. Тем не менее наиболее ценные находки привезены были именно отсюда. В Кургомени была приобретена самая «старая» рукопись экспедиции: сборная рукопись служебного типа второй трети XVI в. Чрезвычайно интересен рукописный сборник конца XVI — начала XVII в., в состав которого входят слова Василия Великого, Иоанна Златоуста, Петра Дамаскина, Анастасия Синайского, патеричные статьи, выписки из Лавсаика, слов Исаака Сирина, Ефрема Сирина, а также сочинения Нила Сорского. В Кургомени была сделана и самая ценная старопечатная наша находка: Новый Завет с Псалтырью 1580 г., изданный в Остроге Иваном Федоровым (это сорок восьмой известный экземпляр данного издания).

Пос. Рочегда — это крупный леспромхоз, и рассчитывать на находки в этом районе было трудно. Действительно, людей, которые читают старые книги, в Рочегде только четверо. Но именно здесь А. Е. и Я. М. Олифины подарили нам лицевой рукописный сборник начала XX в., который существенно расширяет наши представления о северодвинской традиции книжного оформления² подобных произведений.

Из Пучуги почти каждый год археографы привозили лицевые святцы местного письма. Этот год не был исключением. Из других пучужских приобретений укажем сборник конца XIX в., содержащий Сон богородицы, Сказание о 12 пятницах, Прение живота и смерти и др.

Нижняя Тойма была местом встречи трех групп. Здесь предстояло закончить обследование деревень, начатое в прошлом году. А. Г. Третьякова, радушная и приветливая, на протяжении многих лет помогает работе археографов советом и делом. И на этот раз она не отпустила нас с пустыми руками: подарила Древлехранилищу рукописный Пролог 30—40-х гг. XVII в.

В Нижней Тойме отряд снова разделился на две группы. Целью первой из них было обследование д. Прилук. Задача второй группы состояла в том, чтобы ознакомиться с Качемом. Эта деревня находится в сорока километрах от Нижней Тоймы и постоянного сообщения с ней не имеет, а потому не часто попадает в маршруты экспедиций. По местной легенде Качем (кстати, местное название дикой гвоздики) был основан в XIV в. двумя воинами-новгородцами, поднявшимися с частью добычи из Великого Устюга вверх по течению Тоймы, где на холмах перед небольшим озером они и поселились. Мы многого ждали от этой поездки, ибо упоминание о Качеме появлялось в разговорах всякий раз, когда речь заходила о больших книжных собраниях. Но надеждам нашим не суждено было сбыться: из пожилого и в основном женского населения деревни только четверо умеют читать «по-старому». В совместном владении жителей находится всего несколько книг.

² О. А. Белоброва. Северодвинские лицевые рукописные сборники XVIII—XIX вв. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 326—330.

В районе Красноборска держателей книжной старины почти совсем не осталось: многие умерли, некоторые переехали в города к детям. Несколько деревень исчезли с лица земли в самом прямом смысле этого слова — часть домов перевезли ближе к районному центру, другую часть разобрали на дрова. Единственной находкой стали рукописные лицевые святцы конца XIX в., к внутренней стороне обложки которых подклеен «иконописный подлинник» (своего рода ключ к изображению святых и праздников в подобных святцах), подаренные нам Е. Барминской.

Таким образом, результаты экспедиции 1980 г. показывают, что находки на Северной Двине еще возможны и поиски в этом районе необходимо продолжить. Всего нами было привезено 22 рукописи XVI—XX вв. и 12 книг кирилловского шрифта XVI—XVIII вв. Ниже публикуется краткое описание наших рукописных находок, составленное В. П. Бударагиним.

1. (549)* Сборная рукопись, XVI в. (2-ая треть)—XVII в. (20-е гг.), в 4-ку, 199 л., полуулав, и скоропись, сохранилась верхняя корка позднего картонного переплета. К ней подклеен лист с деловыми записями конца XIX в. писаря Худякова. Содержание: службы Благовещению, Воздвижению, Сретению, Преображению, рождеству Богородицы, преподобномученице Евдокии, повесть о «крестьянине, взявши злато у жидовина», слово «воспоминательное» и поучение на Преображение, «часы царские» перед рождеством Христовым и др.

2. (550). Апостол, XVI в. (конец), в лист, 215 л., полуулав, переплет — доски в тисненой коже со следами застежек и «жуковин» (верхняя доска оторвана от блока). Вязь и киноварные инициалы. На л. 215 об. полуостергая скорописная помета конца XVII века.

3. (551). Сборник, XVI в. (ков.)—XVII в. (нач.), в 4-ку, 291 л., полуулав, переплет XIX в. — доски в тисненой коже с двумя застежками (одна не сохранилась) — работы топецкого мастера И. С. Точилова. На корешке оттиснуто название: «Собор». (—ник). На л. 2 об. заставка и киноварное заглавие вязью: «Книга, глаголемая сборник, повести святых отец душеполезны и от патерика». На л. 16—50 скрепа XVIII века: «Продал сию книгу Иван Андреев сын москвитин старцу Гурию Бармину». Возможно, что остатки скрепы XVII в. сохранились на л. 15, 23, 31, 39. На полях рукописи читательские пометы конца XIX в. почерком, встречающимся на рукописях и книгах в колл. Амосова—Богдановой. Записи типа «проба пера» на л. 1 и 291 об. принадлежат, возможно, переплетчику рукописи. Содержание: послания «о мысленем делании», «о помыслех» и Устав Нила Сорского, слова и поучения Исаака Сирина, Анастасия Синайского, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Иоанна Златоуста

и др.; выписки из патериков, Диоптры. Лествицы; слова «некоего отца к сыну своему», «св. Зосимы к дочери своей Анастасии»; поучения о пьянстве и объядении, «некоего старца» о суете жизни и о смерти, «некоего черноризца к духовному брату» о молчании, повесть о старце и бесе Зерефере и др.

4. (552). Пролог (сентябрь—ноябрь), XVII в. (30—40 гг.), в лист, 349 л., полуулав, переплет — доски в коже с двумя застежками. П редакция. Возможно, что это — часть полугодового Пролога, т. к. на л. 349 об. сохранилось начало чтений на декабрь. Русские и славянские памяти: убиение князя Глеба (5 сент.); память св. Людмила, бабы св. Вячеслава Чешского (16 сент.), князя Михаила Черниговского и боярина его Федора (20 сент.); Вячеслава Чешского (28 сент.); освящение церкви св. Георгия в Киеве на горах (26 нояб.); проявление крещения Руси ап. Андреем (30 нояб.).

5. (553). Служба пасхальная (фрагмент), XVIII в. (2-я четв.), в 8-ку, 25 л., полуулав, без обложки. Киноварные инициалы. Представляет собой фрагмент рукописи Северодвинского собр., № 475.

6. (554). Сборная рукопись, XIX в., в 8-ку, 94 л., полуулав, переплет — доски с матерчатым корешком и железной застежкой. На л. 1 об., 14 таблица праздников на июль—декабрь и подпись Ивана Егоровича Засухина, на лл., 1—14 об., возможно, его же рукой черновые записи 1813—1816 гг. с именами местных жителей; на л. 12 помета 1848 г. и запись: «Сия кретрять Павла Слудного»; на л. 94 скорописные пометы с упоминанием 1843 года: «Потопецкой волости деревни Березицы Павел Бурмагин руку приложил и подписал своеручно» и «Образованная книга Бурмагина»; здесь же полуулавом «пробы пера» с упоминанием «господина Полушина» и вопросом «Что есть четыре орла одно яйцо снесли»;

* Цифра в скобках является шифром рукописи Северодвинского собрания Дрезвлекранилица ИРЛИ.

на л. 94 об. также упоминается д. Березник. Содержание: сказание о Иверской иконе Богородицы, выписки из Жития Иоанна Богослова; слова о пьянстве, Анастасия Синайского «о еже не имети гнева», Кирилла Александрийского «о страхе божии» (из Пролога) и др.

7. (555). Стих о иноческом житии. XIX в. (перв. четв.), в 8-ку, 2 л., полуустав, без обложки. Нач.: «Прошу выслушать мой слог. . .»

8. (556). Чин погребения, XIX в. (2-я четв.), в 8-ку, 31 л., поморский полуустав, без обложки.

9. (557). Часовник домашний, XIX в. (3-я четв.), в 8-ку, 60 л., полуустав и скоропись, в картонной обложке с матерчатым корешком. На л. 60 об. запись: «Книга Молитвенник Петра Голикова»; на листе у нижней корки переплета дата тем же почерком: «1876-го марта 28 числа». Голиковым, вероятно, переписаны л. 58—60. Часть листов утрачена.

10. (558). Псалтырь, XIX в. (2-я пол.), в 4-ку, 224 л., полуустав двух почерков, переплет — доски в тисненой коже со следами двух застежек. Заставки и инициалы выполнены чернилами. На листе у верхней доски переплета помета 1868 года. Текст Псалтыри переписан в середине XIX в., дополнения с л. 189 — позднее (в 70—80 гг.). Добавлены уставы о пении Псалтыри и канон за единоумершего.

11. (559). Святцы лицевые, XIX в. (посл. четв.), в 4-ку, 13 л., в картонном переплете. К верхней корке переплета подклеен «подлинник» изображений святых и праздников в тексте. На листе у нижней корки — изображение Николы Чудотворца и карандашная помета Павла Заозерского.

12. (560). Сборник лицевой, XIX в. (конец), в 4-ку, 45 л., полуустав, без переплета. Содержит 20 миниатюр в красках. На л. 18 об. владельческая помета Якова Магвеевича Олифина. Содержание: повести об отце Антонии, отца Макария о бесе «сосудами одеяном», (из Патерика); слово о Андрее Юродивом «како виде богатаго умерша», о лицемерном чернце, притча Варлаама «о временим сем веце» (из Пролога); повести из Великого Зеркала и др.

13. (561). «Книга на испровержение неосвященных браков», в 4-ку, XIX в. (кон.), 112 л., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком. Федосеевское полемическое сочинение, направленное, в частности, против Павла Прусского.

Заглавие в рукописи отсутствует (дано по списку оп. 23, № 283), конец не сохранился. Имеется своя полстная пагинация.

14. (562). Письмо сверхштатного псаломщика и помощника миссионера Степана Чуракова, XIX в. (конец), в 4-ку, 2 л., скоропись. Фрагмент. Упоминаются Феодил Степанович Бирюков, Иван Димитриевич и Василий Мих. Батурин, бывший настоятель моленной Пертозерского скита.

15. (563). Святцы лицевые. XIX в. (конец), в 4-ку, 6 л., без обложки. Возможно, переписаны Афанасией Семеновной Пахтусовой.

16. (564). Псалтырь (фрагмент, псалмы 90—102), XIX в. (конец), в лист, 12 л., полуустав, без обложки. На л. 1, 9 об.—10 заставки и инициалы, выполненные черными чернилами.

17. (565). Сборник, XIX в. (кон.)—XX в. (нач.), в 8-ку, 36 л., полуустав, без переплета, с матерчатым корешком. На л. 15 скорописная помета с именем Якова Худ(якова). Содержание: Прение живота и смерти (6 ред.), сказание о 12 ятницах, «Лист» Иисуса Христа, Сон богородицы, повести из Великого Зеркала и др.

18. (566). Чин покаяния, XIX в. (кон.)—XX в. (нач.), в 4-ку, 39 л., полуустав, переплет картонный с кожаным корешком, нижняя часть переплета оторвана. Конец не сохранился.

19. (567). «Уставо христианском житии», 1903 г. (по пасхалии, л. 236 об.), в 4-ку, 263 л., полуустав; переплет — доски, обтянутые кожей (верхняя доска утрачена). Первый лист утрачен. Список с издания Виленской типографии 1794 г. (л. 156). Заставки выполнены чернилами.

20. (568). Сказание о лестовке, XX в. (нач.), в 8-ку, 4 л., полуустав, без обложки. Листы 3 об.—4 об. без текста.

21. (569). Помянник Гаврилы Григорьевича Вакорина и Евдокии Петровны Слудной, XX в. (нач.), в 8-ку, 5 л., полуустав, без обложки.

22. (570). Сборная рукопись, XX в. (перв. треть), в 4-ку, 30 л., полуустав и подражание печ. шрифту, в картонном переплете. Содержание: молитва к Господу, канон мученику Уару, канон преподобному Паисию.

А. Г. БОБРОВ, Н. И. НИКОЛАЕВ

Пинежская экспедиция 1980 г.

Систематические ежегодные археографические экспедиции на Пинегу, начавшиеся в 1960-е гг., продолжались до 1971 г. Известно, что на Пинеге существовала древняя крестьянская книжная традиция. Книги здесь переписывались с XVI в., а крестьянские библиотеки были обычным явлением в течение столетий начиная с XVII в. В результате почти десятилетней работы в Пушкинский Дом поступило около 600 рукописей, и сейчас Пинежское собрание является одним из крупнейших территориальных собраний Древлехранилища им. В. И. Малышева. Одновременно большое число старопечатных изданий поступило в Отдел редких книг Научной библиотеки им. М. Горького при Ленинградском государственном университете.

В 1979 г. после почти десятилетнего перерыва было решено произвести контрольное обследование этого района. Экспедиция, организованная Отделом редких книг Научной библиотеки при ЛГУ, как всегда в тесном сотрудничестве с Древлехранилищем Пушкинского Дома, обошла селения по берегам Пинеге вверх по течению от Чаколы до Кушкопалы. Летом 1980 г. она продолжила свою работу в деревнях вниз по течению от Суры до Верколы. Находки, сделанные в ходе экспедиции 1980 г., в состав которой входили авторы статьи — участники прошлогодней экспедиции, вновь подтвердили вывод о древности и богатстве книжной традиции Пинежья.

Облегчались условия нашей работы тем обстоятельством, что на Пинеге хорошо запомнили археографов 60-х гг. Здесь добрую память о себе оставили А. М. Панченко, А. Х. Горфункель, Н. С. Демкова и студентки-археографы из руководимого ею семинара по древнерусской литературе. Осложнялась же работа тем, что слишком много за эти годы побывало на Пинеге «охотников до старины», злоупотребляющих издавна присущими северянам доброжелательством и гостеприимством в корыстных целях. Их противозаконная деятельность породила настороженность пинежских жителей ко всякому новому человеку. Однако эта настороженность рассеивалась, когда они узнавали при знакомстве, что с ними говорят ленинградские археографы, занимающиеся научным изучением книжных древностей.

Экспедиция начала свою работу в Суре, где в течение 10 дней обследовала весь куст прилегающих к Суре деревень (Осаново, Остров, Городецкое, Засурье, Пахурово, Холм, Оксовицы, Гора, Слуда, Горушка, Прилук, Филимоново). Состав имеющихся у населения книг и рукописей отражает запутанную вероисповедную ситуацию, сложившуюся в Суре к началу XX в., когда здесь вел наступление на местное старообрядчество уроженец Суры, известный в свое время проповедник протоиерей кронштадтского Андреевского собора Иоанн Сергиев. Он построил в Суре женский монастырь, материально помогал сурским жителям, оказывал влияние своими приездами, распространением соответствующей литера-

туры, в том числе книг против «раскольников». В д. Осаново М. А. Кычева вместе с двумя старообрядческими изданиями XVIII в. («Лествица» Иоанна Лествичника и «Евангелие учительное» супрасльской печати 1790 г.) передала участникам экспедиции письмо 1908 г. мезенского начетчика И. С. Жмаева сурскому старообрядцу М. Д. Никифорову (№ 554) *, в котором автор сообщает о своем намерении посетить Суру и при этом сетует на то, что Иоанн Сергиев сманивает деньгами к себе крестьян. Кроме И. С. Жмаева в Суру приезжали, как вспоминают родственники М. Д. Никифорова, и другие начетчики — Староверов, Сахаров. В доме Матвея Даниловича Никифорова (ум. в 1942 г. в возрасте 80 лет) в д. Городецкое в конце 1900—начале 1910-х гг. была открыта моленная австрийского старообрядческого согласия. Служивший в ней священник Иван Васильевич Волков жил в д. Осаново, дьякон Степан Афанасьевич Ширяев жил в д. Городецкое. Никифоровых было пять братьев — Матвей, Степан, Калина, Василий, Артемий. Многие находки, сделанные в окрестностях Суры, происходят из дома, где была моленная, и являются дарами родственников братьев Никифоровых. Так, в д. Городецкое Василий Степанович Никифоров, племянник М. Д. Никифорова, передал нам изданную в с. Тушка в 1912 г. книгу М. Е. Тулупова «Беседа о таинстве брака». Там же С. М. Никифорова подарила сборник духовных стихов (№ 547) и выполненную в 1885 г. перепечатку «Азбуки» В. Ф. Бурцова. Проживающие в д. Филимоново племянница М. Д. Никифорова — А. С. Кычева и ее сын А. А. Кычев принесли нам из своего старого дома в д. Осаново Минею общую, переписанную в конце XVI в. (№ 540), и печатный Пролог (июль—август), изданный в Москве в 1643 г. Сделанная в марте 1646 г. в книге неким Деметием Юриновым «за брата своего» вкладная запись в одну из церквей читается с трудом, так как выскоблена. Вероятно, в XVIII в., в период до появления перепечаток, когда спрос на дониконовские издания был особенно велик, эта книга была привезена из центральных областей России на Север, а следы, говорящие о прежних владельцах, были выведены.

Среди полученных в дар старообрядческих изданий XVIII в. — Пролог за декабрь—февраль (от И. Е. Фофановой, д. Горушка), напечатанный в 1782 г. в Вильне Псалтирь (от А. В. Фофановой, д. Гора), Служба в великую субботу и в светлую седмицу, изданная в Гродно в 1786 г. (от А. О. Ошукова, д. Городецкое), Устав о христианском житии начала XIX в. (от Е. Е. Рябовой, д. Остров). В д. Городецкое А. И. Ошукова передала нам рукописную Псалтирь XIX в. (№ 548), а Е. Л. Хромцов из прежде большого числа принадлежавших его матери книг — две тонкие тетрадки конца XIX в., содержащие апокрифические сочинения и Повесть о бражнике (№ 549, 550). О характере приобщения пинежских крестьян к новой, светской, культуре в начале XX в. говорят бумаги И. И. Нехорошкова (№ 552), подаренные нам Н. И. Нехорошковой (д. Слуда). Но особую ценность имеет дар А. П. Булыгиной (д. Остров), ибо переданный ею список с печатного издания Часовника сохранил для нас имя писца — пинежского крестьянина Сергея Ананьина. Запись сделана им в 1682 г. (№ 541).

О том, насколько жива до сих пор на Пинеге традиция прежнего крестьянского отношения к книге, свидетельствуют два таких примера. В окрестностях Суры нам довелось встретиться с А. А. Авериной, которая «по-славянски», как она говорит, читать не умеет. Имеется у нее лишь несколько изданий начала века из монастырской библиотеки. Но на каждой книге она, как и пинежский читатель сотни лет назад, записывает свое имя и фамилию, указывает возраст, отмечает время чтения, а также когда Пинега стала и вскрылась, когда картошку садила. Одну из таких книг

* Здесь и далее в скобках дается шифр рукописи Пинежского собрания Древле-хранилища ИРЛИ.

с записями она нам подарила. Это — «Молитвы почерпнутые из псалмов» (СПб., 1821), сочинение популярного тогда в России немецкого мистика К. Эккартсгаузена.

Среди полусотни книг (в том числе старопечатных), принадлежащих другой пожилой крестьянке, проживающей поблизости от Суры, нашлись книги из серии «Философское наследие» (издательство «Мысль») — том сочинений Николая Кузанского и «Философия религии» Гегеля. Купила их восьмидесятилетняя владелица сама в книжном магазине. А на вопрос, читает ли она эти книги, ответила, что читает, что книги хорошие, но старые пишут о том же лучше. Можно думать, что опыт постоянного чтения старой учительной литературы позволил ей читать и понимать, пусть очень по-своему, Кузанца и Гегеля.

Из Суры участники экспедиции перебрались в лежащую ниже по течению Пинеги Лавелу. Здесь в д. Занаволок А. И. Шубина передала нам две небольшие поздние рукописи (№ 551, 555) и две прекрасно сохранившиеся печатные книги. Одна из них — Псалтирь (М., 1640) работы печатника В. Ф. Бурцова, другая — Часовник, изданный в Клинцах в 1786 г. (перепечатка с московского издания 1652 г.).

Редкие селения от Лавелы до Верколы, где сохранились остатки строения древнего Веркольского мужского монастыря, разделяют десятки километров. Эта удаленность от обоих — сурского и веркольского — монастырей, вероятно, способствовала тому, что в таких деревнях, как Явзора, прежде было крепкое старообрядческое население. В Явзоре нам назвали и имена пользовавшихся большим авторитетом в этом районе местных наставников. Ими были последовательно с конца XIX в. Матвей Южаков, Егор Ионыч Дунаев, Яким Андреевич Дурьнин. Однако, несмотря на радушный прием, в Явзоре нам удалось обнаружить лишь Шестоднев, напечатанный В. Ф. Бурцовым в 1640 г. в Москве (дар А. М. Кунниковой). Книга эта принадлежала некогда одному из последних пинежских наставников — веркольскому жителю Ивану Андреевичу Бурачкину, после смерти которого пожилые хранительницы «древлего благочестия» уже не могут точно ответить на вопрос, к какому из старообрядческих толков они принадлежат. Лишь в Верколе одна из них вспомнила, что они — филипповского согласия.

Почти совсем оставлена жителями д. Касконемь, где жила наставница А. А. Родионова (1902—1974), передавшая еще в начале 1970-х гг. несколько рукописей для Древлехранилища. Нынешний поход в Касконемь оказался безрезультатным.

В Летопале, следующей после Явзоры вниз по течению деревне, Т. И. Подрезова подарила Псалтирь (Вильна, 1795), принадлежавшую ранее учителю С. Р. Голубцову, жителю находившейся прежде на другом берегу Пинеги д. Котово.

Зато Веркола порадовала рукописными находками. От М. Т. Минина был получен служебный сборник XVIII в. (№ 542), от У. М. Вороницыной — отрывок рукописи XVIII в. (№ 544), от А. С. Ставровой — старообрядческий синодик (№ 545), принадлежавший ранее И. А. Бурачкину. Переданный же А. Т. Клоповой сборник (№ 543) особенно важен для истории пинежской рукописной традиции. Писцовая запись датирована 1798 г., а имя писца Григорья Иванова сына Рудакова нам знакомо по прошлогодней находке, когда в Немнюге была найдена рукопись с его владельческой записью 1786 г. Книги, принадлежавшие семейству Рудаковых, известных прежде книжников на Пинеге, хорошо представлены в Пинежском собрании Древлехранилища. Новый сборник, возможно, со временем позволит точнее очертить круг книжных пристрастий и интересов одного из представителей этого семейства.

Наконец, в последний день работы участники экспедиции отправились из с. Карпогоры на другой берег Пинеги, в Немнюгу. Там, в д. Киглохта, хранилась рукопись XIX в., переговоры о судьбе которой в 1979 г. закон-

чились неудачей; на этот раз А. М. Нетесова передала рукопись (№ 546) в дар Пушкинскому Дому.

Какими ни покажутся скромными в количественном отношении результаты пинежской экспедиции 1980 г., она была небесполезна, хотя бы уже потому, что еще раз показала, сколь необходимо для археографов вновь и вновь обращаться к районам древней книжной культуры.

Ниже публикуется краткое описание привезенных рукописей, составленное В. П. Бударагиным.

1. (540). Минея общая, XVI в. (конец), в 4-ку, 117 л., полууустав, переплет — доски в тисненой коже с двумя застежками (одна не сохранилась).

2. (541). Часовник, 1682 г., в 8-ку, 174 л., полууустав, переплет — доски в коже с остатками двух застежек (нижняя доска оторвана). На л. 173 об. писцовая запись: «Божиею милостию и молитвами пречистыя его Богоматере и всех святых списана бысть сия богодохновенная книга Часовник с печатные книги московские. А списывал сию книгу на Пенеги реке Кевролского стану Кушкопалской волости Сергушка Анапшин своею рукою про себя лета 7190 году месяца марта». На л. 2—9 скрепа: «Продад сию книгу Часовник Петрушка Феофилов Никифору Григорьеву на Казкомемь, а цены взял деньги все сполна, подписал лета 7205 году февраля. . .». На л. 174 запись почерком 2-й половины XVIII века: «Книга сия Часовник Казкомемской волости казенная; и начала XIX века: «Лавельской волости Каскомемской деревни крестьянин Евдон Андронов сын С (нрзб.) зачинал учитьца».

3. (542). Сборник службе быи, XVIII в. (70—80 гг.), в 4-ку, 176 л., полууустав, переплет — доски в коже со следами двух застежек (нижняя доска с шестью «жуковинами»). Содержание: Часовник; Месяцеслов (с кондаками и тропарями святым и праздникам); «кондаки воскресны» (4 гласа); Последование Четыредесятницы.

4. (543). Сборник. 1798 г., в 8-ку, 154 л., полууустав, переплет — доски в коже с одной застежкой. Киноварные инициалы и концовки. На л. 152 об. писцовая запись: «Сия святая книга, поучения святых отец и прочия душе-спасительныя вещи, списанием и труды мно(го)грешнаго человека на Пенеги реке в Кевроле на Ваймуши жителя Григорья, Иванова сына, прозванием Р(у)дакова писана 1798 года мая по 21 число». Содержание: слова Палладия мниха о страшном суде; Ипполита папы римского об антихристе; Иоанна Златоуста о лжепророках и ложных учителях (из Маргарита, Острог, 1595), о исходе души от тела; Кирилла Иерусалимского о прменении пашки; Климента Словенского на память апостола Марка; Евгария мниха о умилении души; выписки из Катехизиса, Книги о вере, Кормчей, Пчелы, Риторикы, сочинений Иосифа

Волоцкого, Цветника священноинкока Дорофея и др.

5. (544). Иерусалимский свиток и молитва царя Давида, XVIII в. (конец), в 8-ку, 4 л., полууустав, без обложки.

6. (545). Синодик старообрядческий, XIX в. (10-е гг.), в 8-ку, 91 л., полууустав, в картонном переплете с ремешком-завязкой. Печатное издание, дополненное с л. 70 об. рукописным чином погребения мирянам.

7. (546). Чин исповедания, XIX в. (первая треть), в 8-ку, 16 л., беглый полууустав, в картонной обложке. На верхней корке обложки владельческая помета Алексея Осипова, на нижней — изображение голгофского креста.

8. (547). Сборник духовных стихов, XIX в. (50—60 гг.), в 8-ку, 19 л., полууустав, в бумажной обложке. На л. 1 об. позднейшая миниатюра, изображающая инока в саду пустынном. Содержание: стих о пустыне Иоасафа царевича, о страстях Господних, плач прбелезных кафоликов, о разлучении души от тела, о Кане Галилейской.

9. (548). Псалтырь, XIX в. (60—70 гг.), в 4-ку, 113 л., полууустав, без переплета, С л. 110 об. переписан канон за единоумершего.

10. (549). Слово Евсевия Самосатского о сошествии Иоанна Предтечи во ад и Повесть о бражнике, конец XIX в., в 8-ку, 22 л., полууустав, без обложки. Утраты текста в начале и конце рукописи. Имеются полистные записи: «Сия книга читается в великий четверток, слово святого Евсевия о Предтечи во ад к проповеди Господни, благослови отче» (л. 1—8) и «Сия книга тетрат Кевролского уезда (нрзб.) Моисеевича сына Ширяевых. . .» (л. 12 об.—14).

11. (550). Слово св. Иакова на рождество Христово и Повесть о бражнике, конец XIX в., в 8-ку, 6 л., полууустав, без обложки. Конец рукописи не сохранился.

12. (551). Азбука, конец XIX в., в 8-ку, 14 л., подражание печатному шрифту, без обложки. На л. 13 об.

приписка Якова Ивановича Мерзлого (переписчика Азбуки?).

13. (552). Бумаги и записные книжки Ивана Ивойловича Нехорошкова: с записями стихов и песен (в том числе своего сочинения), XIX в. (конец)—XX в. (нач.).

14. (553). Духовное завещание лавельской крестьянки Марии Романовны Куляшовой, 1904 г., 1 л., скоропись.

15. (554). Письмо мезенского начетчика Ивана

Степановича Жмаева сурскому старообрядцу Матвею Даниловичу Никифорову, 1908 г., 2 л., скоропись.

16. (555). «Святое письмо», XX в., 4 л., скоропись.

17. (556). Начальный лист «великой вечерни» 8-го гласа Октоиха (на крюках), XIX в. (40-е гг.), в лист, 1 л., фрагмент. Заставка и инициал гуслицкого орнамента. Столповое знамя с киноварными пометами и признаками, новое истинно-речие.

В. П. БУДАРАГИН

Экспедиция в Горьковскую область

Экспедиция 1980 г. в Уренский и Тонкинский районы Горьковской области была своего рода контрольной. Археографы Пушкинского Дома успешно работали здесь в 1957 г.,¹ после чего несколько лет поиски рукописей велись в Горьковской области научными сотрудниками Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В последние же годы археографическая работа в этом районе практически прекратилась, хотя Древлехранилище и сохранило связи с некоторыми горьковскими коллекционерами и ценителями старины.

В экспедиции, кроме автора данного отчета, участвовал реставратор-переплетчик ЛКРД АН СССР Б. Г. Хованов. Мы начали уточнение сведений о районе будущих поисков еще в Горьком, где удалось получить важные для нас адреса местных книжников. В Горьком ждали нас и первые находки: Октоих со стихирами евангельскими 20-х гг. XIX в., Ирмологий гуслицкого письма начала XX в., сборник служебный последней четверти XIX в., подаренные Древлехранилищу Л. И. Пименовым. Вскоре мы, однако, выехали в Урень, где сразу почувствовали, что работать в этом районе, несмотря на имеющиеся адреса, будет сложно. Об археографах здесь уже забыли, а случающиеся кражи предметов старины привели к тому, что ко всякому приезду местные жители относятся теперь настороженно и с недоверием. Так, в Усте, например, мы около часа проговорили с местным книжным авторитетом И. А. Коробейниковым во дворе его дома, но так и не были приглашены в дом. Удачным оказался, правда, поход в с. Б. Непряхино, где Г. З. Заботин не только помог нам советом, но и передал в дар Пушкинскому Дому восемь рукописей XVIII—XIX вв. Он подтвердил, что разговаривать с людьми о книжной старине теперь трудно. Рукописи же попали к нему из Тонкинского района, куда мы и решили перебраться в самое ближайшее время. Еще в одном доме удалось нам посмотреть несколько лицевых «преображенских» изданий, но единственный сохранявшийся в доме рукописный сборничек оказался уже увезенным в Горький.

Обследование Тонкинского района мы начали с д. Б. Аверино, где выяснили, что случаи воровства затронули и этот удаленный от железнодорожных и водных путей район. Это было тем более досадно, что Б. Аверино пользуется особым авторитетом у старообрядцев-беспоповцев и всегда было богато книжными людьми. Не принесло результатов и посещение д. Вая, хотя разговор здесь получился, а несколько книг поздней печати мы даже видели. Больше повезло нам на следующий день в д. Малое Тонкино. Здесь сохраняется значительное книжное собрание у 88-летнего З. И. Красильникова. Несколько изданий XVII—XVIII вв. нам удалось подержать в руках, но родственники считают книги уже своим наследством

¹ Ю. К. Бегунов, А. М. Панченко. Археографическая экспедиция сектора древнерусской литературы в Горьковскую область. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 387—397.

и сочли излишней подобную откровенность «дедушки Захара» — они просто отказались доставать другие книги.

В этой же деревне видели мы печатную Триодь Постную XVII в., Страсти Христовы XVIII в., несколько рукописных фрагментов, а Е. Ф. Груздева подарила нам рукописный сборник XVIII в., где переписаны повести из Великого Зеркала, служба и канон Тихвинской иконе Одигитрии и другие произведения. Сборник стал последней нашей находкой в этой экспедиции. Оставшиеся дни мы посвятили обследованию дд. Простоквашино, Худобабково, Егоровской, Двоеглазово, Кузьминки, самого районного центра Тонкино, но только в д. Худобабково Т. А. Горопова вполне доброжелательно отнеслась к нашему приходу и показала пять своих книг «преображенской» печати. Одна из них оказалась интересна кожаным переплетом замшей наружу, раскрашенным по замше своеобразным геометрическим орнаментом. Переплетал книгу Карп Якимович Полянин, умерший в 30-е гг. уже в преклонном возрасте.

В итоге поездки нами было привезено 11 рукописей XVIII—XX вв., краткое описание которых публикуется ниже. Однако сам район заслуживает более пристального внимания археографов, и находки здесь безусловно еще возможны.

1. (103).* Сборная рукопись XVIII в. (2-я треть), 148 л., полуустав нескольких почерков, переплет — доски в тисненой коже, корешок и застежка не сохранились. На л. 120 об., помета Ивана Кузина. Содержание: сказание Максима Грека об Иверской иконе Богородицы, повести из Великого Зеркала, выписки из уставов о постах и псалтыри, о «павечернице» Иосифа Волоцкого, служба Покрову, служба и «канон благодарствен» Тихвинской иконе Одигитрии, тропари и кондаки, каноны Зосиме и Саватию Солонечским, Иоанну Богослову, «за творящих милостыню», стих Иоасафа даревица и др.

2. (104). Сборник, XVIII в. (3-я четверть), в 8-ку, 444 л., полуустав, без переплета (с остатками тисненой кожи на корешке). Инициалы выполнены охрой, л. 1—16 дефектны. Содержание: повести о царице и львице, о царе Мамере, из Скитского паверика, Пролога; жития Евстафия Плакиды, Марка Афинейского, Харлампия, Вавилы, мученицы Феодилии; выписки из Пчелы; стихи покаянные и стихи духовные о конце света, о памяти смертного часа, плач Адама, о страстях Христовых, плач Иосифа Прекрасного и др.; слова и поучения Максима Грека о крестном знамении, Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста; сказания о кадиле и «како лице свое крестити крестообразно»; слова Евсевия Самосатского о сошествии во ад Иоанна Предтечи, Палладия мниха о втором пришествии Христовом и др.

3. (105). Книга о вере, XVIII в. (70-е гг.), в лист, 294 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже с остатками бархата на корешке и следами двух застежек. Заставки в красках на л. 1, 5, 9

(заставка-рамка), 287 об. На л. 1 помета конца XIX в.: «№ 3. Ив. Староваров»; на л. 289 пометы 1804 и 1806 гг. с упоминанием с. Хвощевки и г. Саратова. Список с московского издания 1648 г.

4. (106). Сборник певческий (крюковой), 1780 г., в 4-ку, 332 л., полуустав, переплет — доски, обтянутые мешковиной, с одной застежкой поверх прежнего кожаного переплета с двумя застежками. На листе у нижней доски переплета рисунок пером, изображающий Николу Чудотворца. На л. 332 об. киноварная писцовая запись скорописью: «Написася сия книга Ирмологий в лето от рождества Христова 1780-го года». Столповое знамя с киноварными пометами и признаками, новое истинноречие. Содержание: Октоих со стихирами евангельскими, Ирмологий с розницами.

5. (107). Октоих со стихирами евангельскими и фрагмент Обиходника (крюковые), XIX в. (20-е гг.), в большую 4-ку, 95 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже со следами двух застежек (корешок поновлен). На листе у верхней доски переплета караванная помета: «Стоимость сего Октя 22 руб(ля) сереб(ом)». Столповое знамя с киноварными пометами и признаками, новое истинноречие. На полях выписаны фитные начертания, имеются указания на «Путь» (столповым знаменем) и «Ии роспев».

6. (108). Сборник, XIX в. (20-е гг.), в 4-ку, 56 л., полуустав двух почерков, переплет картонный с кожаным корешком. На л. 54 об. запись: «Сия книга принадлежит крестьянину Владимирской губернии Ковровского уезда господина

* Цифра в скобках является шифром рукописи Керженского собрания Древлехранилища.

Ивана Сергееча Безобразова деревни Кислякова Гаврилу Иванову Ельцову. 1850-го года марта 19-го дня подписался крестьянин д. Кисляковой Гаврила Ельцов». На л. 56 об. помета полууставом: «Аз грешный инок Дмитрий» и запись: «Читал сию книгу с удовольствием пермской мещанин Митрей Иванович Зубранский». Содержание: старообрядческое сочинение об антихристе (без начала), «Вопросы и ответы... святых отец Елезаровы пустыни с разными секты», послание царградского патриарха Антония о новгородских стригольниках, выписки о поставлении священников и ответственности священства от Павла Коломенского, выписки из Истории о бегствующем священстве Ионы Курносого и др. книг.

7. (109). Октоих со стихирами евангельскими и Обиходник (крюковые), XIX в. (40-е гг.), в лист, 168 л., полуустав, переплет — доски в тисненой коже с поздним матерчатым корешком и следами двух застежек. Заставки и инициалы в красках гуслицкого письма, на л. 2 об. миниатюра «Сшествие во ад». Столповое и демественное знамя с киноварными пометами и признаками, новое истинноречие. Имеются указания на «Путь» и «Ин роспев».

8. (110). Конволют, XIX в. (30—80 гг.), в 4-ку, 357 л., полуустав нескольких почерков, без переплета. Имеются изображения «рук вруцелетия», заставки и концовка-рамка (на л. 292). На л. 57 позднейшая помета: «1872 года писал Петр Иванов Панов, бывший канцелярист, его же пометы по-французски на л. 83 и 86. Содержание: старообрядческий журнал «Истина», № 4 (1865, март); «Прение» Лаврентия Зи-

зания с московскими справщиками; старообрядческие статьи против бракоборов, «о сообщении пищею со внешними», «о платъе»; «Защитение церковнаго целомудрия» (просьба федосеевцев города Т к авторитетам Преображенского кладбища разъяснить постановления от 25 февраля 1809 г.); письмо И. Леднева к приемлющим бесвященнословные браки (с печатного издания, Яссы, 1865); выписки о крестном знамении и молитве Исусовой; «Рука богословия сиречь наука о пасхалии» и др.

9. (111). Часовник и Последование причащения (конволют), 1891 г., в 4-ку, 71 л., полуустав, сохранилась нижняя доска тисненого кожного переплета со следами одной застежки. На л. 18 писцовая приписка скорописью: «1891 года октября 8 дня. Писарь Дмитрий Матвеев».

10. (112). Сборник служебный, XIX в. (последняя четверть), в 8-ку, 104 л., полуустав нескольких почерков, переплет картонный с кожаным корешком. На л. 2, 54, 82 заставки, выполненные чернилами, на л. 42 об. — незаполненная рамка. Содержание: псалом 142-й, тропари и каноны Федоровской иконе Богородицы, Иисусу сладкому, Николае Чудотворцу, кресту (Григория Синаита) и др.

11. (113). Ирмологий (крюковой), XX в. (начало), в лист, 129 л., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя застежками, жуковинами и железными наугольниками. Имеются заставки и инициалы в красках и золоте гуслицкого письма (на л. 1 об.—2, 42 об., 77, 102). Столповое знамя с киноварными пометами и признаками, новое истинноречие.

И. М. ГРИЦЕВСКАЯ, В. Н. РУСИНОВ, Т. В. ЧЕРТОРИЦКАЯ

Археографическая экспедиция
Горьковского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского

Интерес к археографическим разысканиям возник на историко-филологическом факультете ГГУ в 1978 г. Летом этого и следующего 1979 г. в Большемурашкинском, Княгининском, Лысковском, Семеновском районах Горьковской области были направлены группы студентов во главе с преподавателями университета В. Н. Русиновым и Т. В. Черторицкой для составления археографической карты районов, их предварительной разведки. Студенческие отряды побывали на родине протопопа Аввакума, в местах, связанных с именами Никона, Ивана Неронова, в селах, деревнях по реке Керженец.

Полученные сведения привели нас к выводу, что систематическое археографическое обследование Горьковской области целесообразно начать с северных и северо-западных районов: Уренского, Ковернинского, Городецкого, которые уже были объектом археографических поисков.¹ Мы остановили свой выбор на Ковернинском районе.

Подготовка к экспедиции началась заблаговременно: студенты прослушали лекции по истории старообрядчества, его расселения на территории Костромской (ныне частично вошедшей в Горьковскую область) и Нижегородской губерниях. Старший научный сотрудник кафедры источниковедения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова И. В. Поздеева прочитала цикл лекций о целях, задачах полевой археографии, методике проведения археографических экспедиций.

В составе нашей экспедиции было 17 человек.² Работа велась несколькими отрядами и носила в известной степени разведывательный характер. Мы старались посетить как можно больше селений, чтобы выявить наличие у местного населения рукописных и старопечатных книг и в зависимости от этого определить задачи обследования этих мест. С 5 по 25 июля 1980 г. члены экспедиции побывали в следующих населенных пунктах Ковернинского района: р. п. Ковернино, д. Большие Мосты, Малые Мосты, Лукино, Гавриловка, Грачевка, Гари, Бутавка, Большие Талицы, Малахово, Ново-Покровское, Семино, Сухоноска, Хрящи, Черная; Большекрутовский сельсовет: Большие Круты, Романово, Мягкие, Малые Круты,

¹ И. М. Кудрявцев, Б. А. Шлихтер, Я. Н. Шапов. Археографические поездки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в 1953—1956 гг. — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, с. 265—304; Я. Н. Шапов. Археографическая экспедиция в Горьковскую область. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 613—619; Ю. К. Бегунов, А. М. Панченко. Археографическая экспедиция сектора древнерусской литературы в Горьковскую область. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 387—397.

² Кроме авторов данной заметки студенты филологи и историки: Н. Амосова, И. Барина, В. Кузнецов, О. Майорова, Г. Мельничук, А. Палеев, Т. Привезенцева, Б. Пудалов, М. Разговица, Н. Семива, А. Сергуяин, Л. Старосельская, Л. Сычева, А. Чирканов.

Марковка, Хвощевка, Чудово, Шамаки, Большие Долы, Пеуза, Бобыльск, Язвино, Коловоть, Трифоново, Максимово, Шеломки; Белбажский сельсовет: Белбаж, Наумово, Высоково, выселок Успенский; Шадринский с/с: Шадрино, Большая Калениха, Копани, Острая, починок Ключи, Овсянниково; Анисимовский с/с: Анисимово, Михайлово, Арефьево, Протазаново, Васильево; Гавриловский с/с: Гаврилово.

Дело иметь приходилось здесь главным образом с представителями поморского согласия старообрядцев. Иногда встречались последователи сравнительно малочисленного в здешних местах спасова согласия. У населения обследованных сел и деревень в основном сохраняются псалтири, канонники и часовники, причем, как правило, поздней печати. Однако у отдельных лиц оказались книги, заслуживающие внимания. Так, жительница Ковернино П. О. Денисова подарила нам рукописный сборник слов, поучений и житий начала XVII в. со словами Иоанна Златоуста, житием Марка Фраческого, многочисленными некалендарными дидактическими сочинениями и патеричными новеллами, сборник вопросов и ответов (о различных ересьях) в списке середины XVIII в. и «Жезл правления» Симеона Полоцкого (М., 1753, 2-е изд.). В Ковернино у А. А. Смирнова удалось приобрести Триодь цветную (М., 1621) и Минею майскую (М., 1627), Октоих (М., 1638), Шестоднев (Вильно, 1802). Сундук книг достался в наследство от отца А. Г. Полякову. Практически все книги — служебные, напечатанные в XIX—XX вв. Нам их владелец передал два старообрядческих полемических сборника начала XX в. Из ковернинских находок отметим еще рукописный сборник второй половины XVIII в., содержащий выписки из различных четьих книг: Сборника, Патерика, Маргарита, Пролога, книг Кирилла Иерусалимского и др.

Рассказывают, что в Ковернино, когда сгорела Ильинская церковь и на этом месте стали закладывать фундамент для нового здания, строители наткнулись на дверь подземного склада, где было большое количество книг и икон. Склад оставили нетронутым, закрыли и закопали.

В этих местах бытует легенда (летопись, как ее называют старообрядцы) о переселении из Карелии в центральную часть России — именно на территорию современного Шадринского сельсовета Ковернинского р-на части старообрядческого населения, откуда оно в дальнейшем стало распространяться по округе. Легенда, естественно, не могла не заинтересовать нас, тем более что и до этого многие нити вели в Шадрино. Но оказалось, что интересные находки ждали нас не в самом Шадрино, где в 1970 г. работала археографическая экспедиция под руководством И. В. Поздеевой, а в маленьких деревнях-выселках в 2—5 км от центральной усадьбы.

В д. Копани среди поздних служебных книг, хранящихся в моленной, мы обнаружили Учительное евангелие, очень похожее на заблудовское Евангелие Ивана Федорова. Шрифты, инициалы, заставки, бумага — все вселяло уверенность, что это именно так и есть. Вкладная запись скорописью начала XVII в. сообщает, что книга была дана в Ферапонтов монастырь иноком Кириллова монастыря. К сожалению, дальнейшую историю бытования книги выяснить не удалось. Хозяйка дома Фунтова Миропея Капитоновна уже не помнит, откуда появилась у нее эта «странная» книга, и любезно согласилась подарить ее нам. Впоследствии оказалось, однако, что книга представляет собой издание В. М. Гарабурды, перепечатавшего в Вильно около 1580 г. заблудовское Евангелие 1569 г. Ивана Федорова. Евангелие Гарабурды точно следует своему оригиналу по содержанию и по расположению набора, а отличается от него только отсутствием тигульного листа, предисловия и заключительной концовкой, добавленной по сравнению с заблудовским изданием.

В соседней деревне у Л. Т. Поляковой мы приобрели рукописный сборник середины XVIII в., содержащий чтения из Пролога, Патерика, рассуждения «о чувствах душевных и телесных и о добродетелях». А. В. Сычева подарила нам рукописный Синодик XIX в., две печатные книги

XIX в. и рукопись-загадку, которая впоследствии вызывала недоумение у всех старообрядцев. В произвольной последовательности в этом сборнике переписаны отрывки текстов из Панихидника, Псалтири и Канонника.

Дальше путь лежал на Белбаж, куда нас привлекли легенды о древнейших старообрядческих скитах и деятельности нижегородского епископа Питирима, который основал в этих краях для искоренения старообрядчества два монастыря: женский в Белбаже и мужской единоверческий в Высоково. В отношении книг поездка в Белбаж была почти безрезультатной, если не считать одного рукописного Канонника середины XVIII в., подаренного нам Т. Я. Сметкиной. Старых книг здесь не осталось: книги из Белбажского монастыря были сожжены в Ковернино, книги Высоковского монастыря частично погибли, частично оказались вывезенными в самые глухие места Ковернинского и Семеновского районов, куда мы из-за крайнего бездорожья и нехватки времени уже не смогли добраться.

Одним из мест работы экспедиции был Большекрутовский сельсовет, в котором удалось обследовать большую часть населенных пунктов. В д. Романово П. М. Беляков подарил нам рукопись 2-й половины XVIII в. «Драгоценный бисер» — весьма популярное в старообрядческой среде эсхатологическое сочинение. Записи, имеющиеся на полях книги, свидетельствуют о том, что в свое время она принадлежала библиотеке Высоковского монастыря. Рукопись переписана полууставом и украшена вязью и многочисленными инициалами.

В д. Большие Доли А. В. Соколова подарила нам Минею общую (М., 1618), а Е. П. Смирнова — Поучения Ефрема Сирина (М., 1667) с вкладной и владельческой записями.

Результаты работы на территории Анисимовского сельсовета, селения которого расположены неподалеку от мест, где когда-то в значительном количестве находились старообрядческие скиты, не оправдали возлагавшихся на этот район надежд. Старообрядческое население здесь живет и сейчас, но традиции нарушились, и нередко жители даже не могли сразу ответить, какому согласию или толку они принадлежат. Такая же картина наблюдалась и в деревнях Гавриловского сельсовета.

Всего в итоге работы экспедиции было приобретено и доставлено в фундаментальную библиотеку ГГУ 40 книг XVI—XX вв., из них 12 рукописных. Хронологически книги распределяются следующим образом: XVI в. — 1, XVII в. — 6, XVIII в. — 13, XIX в. — 16, XX в. — 4.

Основные трудности нашей работы заключались в том, что население, напуганное участвовавшими в последнее время случаями кражи книг и икон со стороны неких «художников» и туристов, настороженно встречает новых людей, не всегда соглашается показать рукописные и старопечатные книги, а порой и вовсе отказывается вести разговоры на эту тему. Необходимо долго развяснять цели и задачи нашей экспедиции, значение сохранения старинных книг как памятников культуры.

В целом наша поездка наглядно показала, что на территории Ковернинского района Горьковской области целесообразно продолжать поиски рукописных и старопечатных книг. Нам не удалось побывать во многих явно перспективных в археографическом отношении местах этого района. Многие интересные книги нами поставлены на учет. Их еще предстоит получить у старообрядцев. Кроме того, в Горьковской области необходимо срочно провести археографическое обследование районов будущего затопления, проверить наличие книг в этих местах, определить их научную ценность.

А. С. ДЕМИН

**Новонайденный экземпляр
печатного виленского Апостола 1591 г.
в Библиотеке Института мировой литературы
им. А. М. Горького АН СССР**

В составе малоизвестного собрания редких книг Библиотеки ИМЛИ нами был обнаружен экземпляр Апостола, изданного в Вильне, в типографии Мамоничей, в 1591 г. Экземпляр, не учтенный в науке, ибо до последнего времени он почему-то числился как московский Апостол 1648 г.

Известно, что виленский Апостол 1591 г. представляет собой копию Апостолов Ивана Федорова: текст — со львовского Апостола 1574 г., фронтиспис — с московского Апостола 1564 г. Апостол 1591 г. затем переиздавался в Вильне дважды — в 1592 г. и вскоре после 1595 г.¹ Налицо любопытный, пожалуй, даже уникальный факт из истории русско-украинско-белорусского книгопечатания: пять очень близких, восходящих друг к другу кирилловских изданий Апостола XVI в.

Прежде чем заниматься комментированием данного феномена, необходимо четко различать сами издания. Ведь существование похожих Апостолов создает возможность неверной атрибуции, особенно в тех частых случаях, когда экземпляры дефектны, например без начала и конца. Так, в ЦГАДА все три экземпляра виленского Апостола ошибочно определены как издания 1591 г. На самом же деле мы установили, что это издания 1592 и после 1595 гг. Апостола 1591 г. в ЦГАДА нет.

В настоящее время на основе сведений из различных книгохранилищ сотрудниками ГБЛ создается сводный каталог книг кирилловской печати. Ошибки в определении изданий могут надолго исказить общую картину.

В предлагаемом сообщении мы систематизируем некоторые внетекстовые, находимые без специальных альбомов индивидуальные признаки каждого из указанных пяти изданий Апостола, а затем описываем экземпляр Библиотеки ИМЛИ.

Индивидуальные признаки московского Апостола 1564 г. следующие.

1. Изображение на фронтисписе (л. 2 об.): евангелист Лука не пишет, задумался, перо в чернильнице, вокруг головы нимб из лучей; в прочих же Апостолах Лука пишет, держа перо, а его голова в кругу.²

2. Концовка имеется только на л. 81; в прочих же Апостолах концовки есть и на многих других листах.

¹ Об изданиях виленского Апостола и их последовательности см.: А. С. З е р н о в а. Типография Мамоничей в Вильне (XVII в.). — В кн.: Книга. Сб. 1. М., 1959, с. 197 и след. Описание Апостолов 1591, 1592 и после 1595 гг. см.: В. И. Л у к ь я н е н к о. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв., вып. 1. Л., 1973, с. 79—83, 89—92, 120—124 (ротапринт).

² Об остальных различиях фронтисписов Апостолов 1564 г. и 1591, 1592, после 1595 гг. см.: А. А. С и д о р о в. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, с. 113.

3. Пагинация листов: на л. 105, 117 и 205 стоят неверные обозначения соответственно 106, 120 и 204; в прочих же Апостолах нет ошибок в пагинации именно этих листов.

4. Знаки над пагинацией листов: над обозначением л. 1 стоят два знака — титло и оксия (ǎ'); в прочих же Апостолах — только титло. При пагинации в Апостоле 1564 г. оксия больше нигде не встречается; в прочих же Апостолах оксия обязательно ставится над двух- и трехзначной пагинацией листов.

Индивидуальные признаки львовского Апостола 1574 г. следующие.

1. Изображение на фронтиспise (л. 2 об.): евангелист Лука сидит, заложив нога за ногу; в прочих же Апостолах у Луки обе ноги опущены.

2. Пагинация листов полностью правильная; в прочих же Апостолах при пагинации допускаются различные ошибки и пропуски.

3. Сигнатура тетрадей: на л. нумерованн. 1, 2, 7—10 (второго счета) тетрадная сигнатура косыми линиями (I, II, III и т. д. до шести линий); в прочих же Апостолах такой сигнатуры нет.

Индивидуальные признаки виленского Апостола 1591 г. следующие.

1. Пагинация листов: обозначение л. 67 размазано, почти не видно, на л. 209 стоит неверное обозначение 220; в прочих же Апостолах нет таких нарушений в пагинации листов.

2. Знаки над пагинацией листов: нет титла над обозначением л. 9; в прочих же Апостолах титло здесь есть (о пагинации в Апостоле после 1595 г. см. ниже).

3. Сигнатура тетрадей: на л. 258 напечатана сигнатура ЮЮ; в Апостолах же 1564 и 1574 гг. сигнатура тетрадей вообще не употребляется, а в Апостолах 1592 и после 1595 гг. здесь напечатана сигнатура ЮВ.

4. Употребляются предречия; в прочих же Апостолах предречий нет.

5. Укажем также на интересную ошибку в наборе текста. На л. 5, строка 12 сверху не оттиснулась буква в слове: буде ь; в прочих же Апостолах здесь оттиск полный: будеть.

Индивидуальные признаки виленского Апостола 1592 г. следующие.

1. Пагинация листов: не напечатана пагинация на л. 215 и 256; в прочих же Апостолах пагинация здесь есть (об Апостоле после 1595 г. см. ниже).

2. Знаки над пагинацией листов: над обозначением л. 202 стоят два титла; в Апостолах же 1564 г. здесь стоит одно титло; а в Апостолах 1574 и 1591 гг. — титло и оксия. Над обозначением л. 239 напечатана не оксия, а вария ('); в Апостоле же 1564 г. ни вари, ни оксии нет, а в Апостоле 1574 и 1591 гг. здесь оксия.

3. Знаки над сигнатурами тетрадей: на л. 237 над сигнатурой БЕ нет знаков; в Апостолах же 1564 и 1574 гг. сигнатур нет, а в Апостолах 1591 и после 1595 гг. над сигнатурой БЕ стоит соответственно покрытие (˘) или титло. На л. 258 над сигнатурой ЮВ напечатано покрытие; в Апостоле же 1591 г. здесь сигнатура ЮЮ, а в Апостоле после 1595 г. сигнатура ЮВ под титлом.

Индивидуальные признаки виленского Апостола после 1595 г. следующие.

1. Изображение на фронтиспise: над Лукой, на верхней заштрихованной перекладине, слева имеется белое пятно; в прочих же Апостолах его нет (в Апостоле 1592 г. пятно маленькое, почти незаметное).³

2. Пагинация листов отсутствует полностью; в прочих же Апостолах листы нумерованы, и счет начинается после 16 или 17 нумерованных листов.

3. Сигнатура тетрадей: на л. 53 (нумерованном в Апостоле после

³ О нарушении штрихов на фронтиспise Апостола после 1595 г., см.: А. С. Зернов а. Типография Мамоничей в Вильно, с. 202.

1595 г.) напечатано неверное обозначение ДЕ; в Апостолах же 1591 и 1592 гг. на этом листе ошибки нет, стоит ЗЕ.

4. Знаки над сигнатурами тетрадей: начиная с л. 10 и до л. 253 (ненумерованных в Апостоле после 1595 г.) над двухбуквенными сигнатурами стоят титла; в Апостолах же 1564 и 1574 гг. сигнатур нет, а в Апостолах 1591 и 1592 гг. на тех же листах над сигнатурами стоят покрытия. На л. 117 (ненумерованном) над сигнатурой ПЕ нет знаков; в Апостолах же 1591 и 1592 гг. на этом листе над сигнатурой ПЕ покрытие. На л. 258 (ненумерованном) над сигнатурой ЮВ напечатано титло; в Апостоле же 1591 г. здесь сигнатура ЮЮ, а в Апостоле 1592 г. сигнатура ЮВ под покрытием.

Думается, что перечисленных признаков практически достаточно для быстрого и уверенного различения даже дефектных экземпляров Апостолов 1564, 1574, 1591, 1592 и после 1595 гг. (если они не очень сильно обрезаны).

Перейдем теперь к описанию новонайденного экземпляра виленского Апостола 1591 г. В крупнейших хранилищах Москвы и Ленинграда имеется не более 15 экземпляров Апостола 1591 г. (ГБЛ-3, ГИМ-2, ГПИБ-1, БАН-2, ГПБ-4⁴). Напомним для сравнения, что, например, экземпляров львовского Апостола 1574 г. в тех же хранилищах насчитывается в два раза больше.

В экземпляре виленского Апостола 1591 г. Библиотеки ИМЛИ (инв. № 137040), как и в большинстве прочих известных экземпляров, утеряны начало и конец: нет л. ненумерованн. 1—3 (первого счета) с гербом Т. Скумины, «Епикграммой» на герб Т. Скумины и посвящением Л. И. Мамонича Т. Скумине; нет л. 259 с окончанием Месяцеслова и после л. 259 нет л. ненумерованн. последнего с издательским послесловием.

Бумага в виленских Апостолах еще не описывалась, хотя по ней можно получить представление о самом процессе издания книг. В рассматриваемом экземпляре Апостола 1591 г. использована бумага шести сортов: 1) с гербом «Остоя» двух разновидностей, 2) с гербом «Элита», 3) со знаком «Колосья» двух разновидностей, 4) с гербом «Любич» двух разновидностей, 5) с гербом «Абданк» и 6) с гербом «Гоздава».⁵

Почти 40% экземпляра напечатаны на бумаге № 1, причем целиком из нее составлены тетради преимущественно в начале книги: тетради 1—2, 5—8 и еще 21—22 (л. ненумерованн. 1—14, л. 17—48, 145—160).

Почти 30% экземпляра напечатаны на бумаге № 2, причем целиком из нее составлена тетрадь 3 (л. 1—8).

На бумаге № 3 напечатано 38 л., из нее почти полностью составлены тетради 9—10, 20, 30 и полностью тетрадь 15 (л. 97—104).

На бумаге № 4 напечатано 44 л., из нее почти полностью составлена тетрадь 16 (л. 105—106, 108—109, 111—112); но обычно эта бумага рассеяна по разным тетрадам (в тетрадах 11, 13, 14, 17—19, 26, 27, 29, 30, 34).

На бумаге № 5 напечатано всего лишь 6 л. в составе тетрадей 12 и 25 (л. 74—75, 78—79, 177, 184).

На бумаге № 6 напечатано 10 л. в конце книги: часть тетради 31 и вся тетрадь 33 (л. 228—229, 241—248).

Начиная с тетради 9 и до конца книги все тетради (кроме тетрадей 21, 22 и 33) составлены обычно из двух сортов бумаги, чаще всего из № 1 и № 2 или из № 2 и № 4. Последние же тетради 25, 27, 29, 31 (л. 177 и сл.) состоят даже из трех сортов бумаги, с разнообразными добавлениями к № 1 и 2 листов бумаги других номеров.

⁴ О количестве экземпляров Апостола 1591 г. в ленинградских хранилищах мне любезно сообщили М. В. Рождественская и А. Х. Горфункель.

⁵ Похожие филигранные знаки: Э. Л а у ц я в и ч ю с. Бумага в Литве в XV—XVIII вв. Видлюс, 1967, № 2530—2533 и 2542—2546; 1551; 3737 и 3735; 2702, 2685, 2710, 2713; 1029—1046; 2063.

Сопоставление с бумагой других экземпляров Апостола 1591 г. позволит узнать, действительно ли у печатников не хватило бумаги и сколько станков работало в то время в типографии Мамониной.

Скажем об истории новообнаруженного экземпляра Апостола 1591 г., выделив два интересных момента. В 1650 г. этот экземпляр уже находился в Новгородской области, о чем свидетельствует запись: «Лета 7041-го [так!] книга Апостола [так!] Бежецкой пятины, Белозерской половны [так!], Новьгородского уезду, Троицкого и Архангелского погоста, Устрецкого стану, Устрецкие волости домовая Троицы живоначальной, и покрова пречистые богородицы, и Махаила [так!] архангела, и Николы чудотворца церковная. А хто книгу возмет, а не отдаст к тем церквам, не буди милость божия на нем от ныне и до века. А подписал сию книгу церковной дьячек Лазорко Мокеев лета 7158-го году марта в 24 день» (л. нумерованн. 13, 14, л. 1—81).

По-видимому, тот же дьячок пробовал перо на обороте фронтисписа, где среди росчерков можно разобрать: «Сей Апостол. . . троицкого. . . у Троицы. . . живоначалныя пресвятыя. . .» (л. 2).

О распространении книг «литовской» печати на Руси в первой половине XVII в. известно в самых общих чертах; Мамонины рассчитывали на сбыт своих изданий и на московском рынке.⁶ Русские записи первой половины XVII в. на изданиях Мамониной не редкость; например, в ГПБ на одном из экземпляров виленского Апостола 1592 г. есть русская запись 1648 г.⁷ Экземпляр виленского Апостола Библиотеки ИМЛИ добавляет еще один факт такого рода; все они нуждаются в систематизации.

Последующая история рассматриваемого экземпляра недостаточно определена. Вероятно, в XVII в. какой-то читатель сделал многочисленные пометки на полях книги — отсылки на содержание других библейских книг и выписки исправленных им слов. В XVII—XVIII вв. книга была обрезана и грубо реставрирована: добавлен рукописный л. 259, списанный с какого-то иного издания Апостола, сделан кожаный переплет, типа троице-сергиевского, с цветком в центре, на корешке появилась наклейка с названием книги. В XVIII—XIX вв. книгу марали небрежными рисунками, а на обороте нижней доски переплета записали заговор на прогнание бесов.

Однако второй интересный момент в истории данного экземпляра Апостола 1591 г. — это то, что он в конце концов и, видимо, не случайно попал в библиотеку крупного литературоведа В. А. Десницкого, который, по сообщению П. Н. Беркова, собирал между прочим и старопечатные книги XVI—XVIII вв., ценил старинные гравюры и переплеты; в числе русских старопечатных изданий у В. А. Десницкого были, например, Грамматика Мелетия Смотрицкого (М., 1648) и печатные акты Петровского времени (1707, 1724). Привлекали ученого и иллюминированные рукописи, русские и латинские; в его коллекции имелись, например, лицевые Лествица XV в. и Круг миротворный XVII в. По списку Рафлей начала XVIII в. В. А. Десницкий подготовил даже работу «Рафли. Памятник древнерусской гадательной литературы».⁸

⁶ На Руси XVII в. «своей высшей точки литовский импорт достиг во второй четверти столетия» (Б. В. Сапунов. Из истории международных книжных связей Московской Руси XVI—XVII веков. — В кн.: Книга, вып. 22. М., 1974, с. 126). О проникновении книг «литовской» печати на Русь см. также: История русской литературы, т. 2, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 141; А. С. Зернова. Типография Мамониной в Вильне, с. 169, 203.

⁷ Запись опубликована: В. И. Лукьяненко. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв., вып. 1, с. 91.

⁸ О «древнерусских» интересах В. А. Десницкого см.: П. Н. Берков. Профессор Василий Алексеевич Десницкий (К 70-летию со дня рождения). — Вестник ЛГУ, 1948, № 2, с. 254—255; В. И. Малишев. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновца, Риги, Двинска и других городов. — ТОДРЛ, т. 7. М.—Л., 1949, с. 459—460; Р. Б. Заборова. Обзор собрания рукописей В. А. Десницкого, хра-

Правда, сам В. А. Десницкий точно не знал, какой именно Апостол находился в его распоряжении, ибо когда в 1938 г. продал его с 90 другими книгами в Библиотеку ИМЛИ (об этом факте П. Н. Берков не упоминает), то в инвентарную книгу данный экземпляр был записан предположительно как львовский Апостол с неизвестным годом издания.⁹ Интересы В. А. Десницкого к древнерусским литературным памятникам заслуживают специального внимания.

Вот те вопросы, которые ставит перед нами обнаружение нового экземпляра виленского Апостола 1591 г.

В заключение добавим, что кроме виленского Апостола 1591 г. в Библиотеке ИМЛИ хранятся еще несколько старопечатных кирилловских книг. Перечислим только издания XVII—начала XVIII в.

1. Пролог на декабрь—февраль. М., 1659 (инв. № 84386). На обороте верхней крышки переплета и на форзаце запись: «Сия книга глаголемая Пролог церковная города Колязина Николской церкви подписана 1781-го года июля 14 дня». На л. 2 предисловия запись XVII в.: «Сия книга другая половина Пролога с Семене дни старца Филарета». Книга поступила в 1937 г. от некоего Айвозьяна.¹⁰

2. Арифметика Леонтия Магницкого. М., 1703 (инв. № 139213). Книга поступила в 1938 г. от И. Д. Смолянова вместе с частью его библиотеки.¹¹

3. «Богородице дево» Иоанна Максимовича. Чернигов, 1707 (инв. № 149193). Книга поступила в 1939 г. из книжного магазина Издательства Главсевморпути.¹²

Кроме того, Библиотека ИМЛИ располагает двумя русскими рукописями XVIII в.

Первая рукопись — Поморские ответы Андрея и Семена Денисовых, в 4°, в кожаном переплете (инв. № 108541); список восходит к оригиналу сочинения, поданному выговцами иеромонаху Неофиту 21 июня 1723 г.¹³ Время создания списка устанавливается по читательской записи на л. 232 об.: «Отец Ксенофонт скончался 7333-го 29 августа в ден святого Иоанна крестителя во время часов во время чтения святого евангелия, а похоронили 31 августа». Значит, данный список Поморских ответов был изготовлен довольно рано — не позднее августа 1725 г. (на бумаге с водяными знаками — ярославский герб и буквы РФ, АГ, ЯӨЗ).

Владельцами рукописи в XIX в. последовательно являлись С. И. Рисков, Б. М. Маковский, А. Вялышев, а в 1937 г. из магазина МГИЗ № 14 рукопись поступила в Библиотеку ИМЛИ.¹⁴

Вторая рукопись — сборник документов и записей о дворянском роде Ивинских, в 8°, в рваном кожаном переплете (инв. № 292738). «Книшка» была заведена Матвеем Михайловичем Ивинским скорее всего в 1746 г.

нающихся в Ленинградской Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1958, т. 170, с. 321—322, 324—325; П. Н. Берков. 1) Русские книголюбцы. Очерки. М.—Л., 1967, с. 127—129; 2) История русского библиофильства (1917—1967). М., 1971, с. 178. В неописанной коллекции рукописей В. А. Десницкого, поступившей в 1962 г. в ГБЛ, преобладают иллюминированные рукописи; с ее составом меня ознакомил Л. В. Тиганова. См. также: В. А. Десницкий. Статьи и исследования. Л., 1979.

⁹ Библиотека ИМЛИ. Инвентарная книга, № 29, л. 67 об.—68. Запись 29 сентября 1938 г. Благодарю сотрудницу библиотеки Е. Д. Лебедеву за указание этого документа.

¹⁰ Библиотека ИМЛИ. Инвентарная книга, № 15, л. 125 об.—126. Тут же, под № 84387, записано поступившее от Айвозьяна «Евангелие от Иоанна Богослова с поучениями Иоанна Златоуста» (М., 1665). В настоящее время этой книги в Библиотеке ИМЛИ нет.

¹¹ Библиотека ИМЛИ. Инвентарная книга, № 30, л. 29 об.—30. О собирателе И. Д. Смолянове см.: П. Н. Берков. Русские книголюбцы, с. 125—127.

¹² Библиотека ИМЛИ. Инвентарная книга № 32, л. 11 об.—12.

¹³ О двух оригиналах Поморских ответов, находящихся в ГБЛ, см.: В. Г. Дружинин. 1) Подлинная рукопись Поморских ответов и ее издание. СПб., 1912, с. 5; 2) Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг., 1921, с. 21.

¹⁴ Библиотека ИМЛИ. Инвентарная книга № 19, л. 125 об.—126.

(бумага с водяным знаком «Pro Patria» и буквами WKM, а также RO и GR под коронами¹⁵). На л. 1—52 об. М. М. Ивинский переписал тексты документов 1743—1745 гг. по делу о предстоящем пожаловании ему дворянства и герба — «скаски», аттестаты, родословные росписи, «экстракт» о фамилии Ивинских, «изъяснение на герб» и пр.¹⁶ Затем на л. 53—116 продолжал делать выписки и записи до самой своей кончины в 1777 г.: переписал жалованную грамоту 1747 г. на дворянство, указы о произведении в чины, свидетельство о двух женитьбах и участии в походах, вносил записи о наградах, о рождении и смерти детей, подклеил схему «Род Ивинских мужеска колена» 1759 г. (л. 217), наконец, стал отмечать продвижение по службе своего сына. На л. 116 об.—202 об. и на чистых листах предыдущей половины книги различные биографические записи производились уже сыном и другими членами рода Ивинских вплоть до 1856 г.

В XIX—XX вв. рукопись, судя по именной печати, принадлежала А. Ивинской; в 1931 г. в Ленинграде А. А. Савельев подарил книгу Л. Б. Модзалевскому, изумительную черту которого, по выражению П. Н. Беркова, составляло редкое знание почерков всех сколько-нибудь крупных деятелей русской литературы и науки XVIII—начала XIX в. и почерков писарей Академии наук XVIII в.¹⁷ В 1956 г. вместе с книжным собранием Л. Б. Модзалевского рукопись поступила сначала в Фундаментальную библиотеку Академии общественных наук, а оттуда в Библиотеку ИМЛИ.¹⁸

¹⁵ Похожие филигранные см.: С. А. Клепиков, М. В. Кукушкина. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного производства. (Материалы для датировки рукописных и печатных документов). — Сборник статей и материалов по книговедению, вып. 3. Л., 1973, № 622 и 624 — 1753 и 1766 гг.

¹⁶ Подлинники этих документов частично издали: Дело о даче диплома и герба по силе именного Е. И. В. указу лейб-компания вице-сержанту Матвею Ивинскому. Сообщил Ю. В. Татищев (см.: Московский архив Министерства юстиции. Дела Герольдмейстерской конторы. Книга № 259. Из сказок лейб-кампанцев, л. 805, 806, 807, 807 об.). — Летопись Историко-родословного общества в Москве, вып. 3. М., 1905, Семейные архивы. Материалы, с. 3—8. Указание на это издание записано Л. Б. Модзалевским на обороте верхней обложки переплета рукописи М. М. Ивинского.

¹⁷ О библиотеке Л. Б. Модзалевского см.: П. Н. Берков. История русского библиофильства, с. 172.

¹⁸ Библиотека ИМЛИ. Инвентарная книга, № 70, л. 119 об.—120. См. также: Книга суммарного учета библиотечного фонда, № 156.

Н. С. ДЕМКОВА

Древнерусские рукописи в некоторых собраниях ФРГ

Один из первых обзоров славянских рукописей в библиотеках Германии принадлежит С. Строеву,¹ С. Ф. Шевченко описал рукописи Дрезденской королевской публичной библиотеки,² Г. З. Кунцевич — рукописи из библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле,³ А. И. Яцимирский — рукописи Мюнхена, Лейпцига, Дрездена и Берлина,⁴ и др. Ряд сведений об отдельных собраниях древнерусских или славянских рукописей встречается в различных статьях немецких исследователей.⁵ В 1960 г. появился весьма информативный обзор К. Гюнтера, составившего сводный перечень всех славянских рукописей, имеющих по данным каталогов и описаний в немецких библиотеках.⁶ Ряд новых сведений о славянских рукописях и документах в ФРГ содержат библиографические обзоры, опубликованные Институтом русского языка АН СССР в 1963—1973 гг.⁷ Новые печатные каталоги рукописных книг, издающиеся немецкими библиотеками, включают сведения и о славянских рукописях.⁸

Цель настоящего краткого обзора — сообщить новые сведения о рукописях, имеющих в некоторых библиотеках ФРГ, с которыми автор имел возможность познакомиться во время научной командировки в ФРГ в декабре 1978—январе 1979 г. и которые недостаточно хорошо известны

¹ С. Строев. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции, со снимками из рукописей. М., 1841.

² С. Ф. Шевченко. Кирилловские рукописи Дрезденской королевской публичной библиотеки. — Университетские известия, Киев, 1911.

³ Г. Кунцевич. Перечень русских рукописей Герцогской библиотеки в Вольфенбюттеле. СПб., 1912.

⁴ А. И. Яцимирский. Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек. Т. 1. Вена—Берлин—Дрезден—Лейпциг—Мюнхен—Прага—Люблина. Пг., 1921 (СОРАС, т. 98).

⁵ См., например, описание нескольких рукописей из собрания Славянского института при Гейдельберском университете в статье Д. Чижевского: D. Tschizewskij. Die Handschriftensammlung des Slavischen Instituts der Universität Heidelberg. — Ruperto — Carola (Universität Heidelberg), Bd 22, Dezember 1957, S. 45—50; сведения о рукописях Диллингена и Вюрцбурга — в статье: D. Tschizewskij. Zur slavischen Bibliographie. Paul Diels zum 80 Geburtstag. — Die Welt der Slaven, Jahr. VII, 1962, S. 375—386.

⁶ К. Гюнтер. Slavische Handschriften in Deutschland. — ZfS, Bd V, 1960, H. 3, S. 317—355, далее: Günter.

⁷ См.: В. Г. Демьянов. Публикации и описания русских рукописей за рубежом с 1950 по 1960 г. (Библиографический обзор). — В кн.: Лингвистическое источниковедение. М., 1963, с. 78—103; Н. И. Галкина, В. Г. Демьянов. Публикации и описания русских рукописей за рубежом с 1961 по 1965 г. (Библиографический обзор). — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 208; Т. Ф. Ващенко, А. М. Сабенина. Публикации и описания русских рукописей за рубежом с 1966 по 1970 г. (Библиографический обзор). — В кн.: Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973, с. 292—294.

⁸ Несколько славянских рукописей вновь описано, например, в печатном каталоге рукописей Гамбургской университетской библиотеки, изданном в 1972 г.: Katalog der Handschriften der Staats- und Universitätsbibliothek Hamburg. Bd VII. Die Codices in scrinio 1—110, beschrieben von Tilo Brandis. Hamburg, 1972, далее: Brandis.

специалистам по древнерусской литературе, но представляют несомненный научный интерес. Сравнительно короткие сроки работы в библиотеках Гамбурга, Штутгарта, Тюбингена, Мюнхена и Вольфенбюттеля обусловили и обзорный характер ряда сообщаемых сведений, и отсутствие точных датировок рукописей по филиграммам. Однако знакомство с рукописями не по каталогам, а *de visu* позволило сделать ряд существенных уточнений и полнее раскрыть содержание рукописных книг, оказавшихся доступными, что может помочь в дальнейшей работе советских и зарубежных славистов.⁹

Среди небольшого количества славянских рукописей Гамбургской библиотеки есть несколько интересных рукописей, причем некоторые из них уже опубликованы. Таково письмо патриарха Филарета от 12 августа 1632 г. герцогу Шлезвиг-Голштинскому «Фридрику-князю» (Cod. ms. 22),¹⁰ сборник копий документов и решений церковного Собора 1667 г. (Cod. ms. 102), наряду с ними содержащий отрывок из письма Паисия, константинопольского патриарха, к патриарху московскому Никону «о перстосложении» (л. 75—77 об.) и «послание Симона митрополита о попех», 1504 г. (л. 109—114 об.),¹¹ Синодик конца XVII—начала XVIII в. с миниатюрами.¹²

В библиотеке Гамбургского университета, по сведениям обзора К. Гюнтера, должно находиться 18 рукописных славянских книг. На самом деле ряд рукописей, указанных К. Гюнтером, в библиотеке отсутствует:¹³ это № 1 (Cod. ms. theol. 2072) — стихирарь, 8°, XVI в.; № 2 (Cod. ms. theol. 1078) — «сентябрьская минея», 4°, XVI в.; № 13 — письмо Георга Штарка А. В. Луначарскому (от 18 августа 1924 г.) о введении интернационального латинского шрифта; № 14 (Cod. ms. theol. 1559) — «Agenda Croatica» (в 4°); № 15 (Cod. ms. philol. 360) — словарь латинского и старославянского языков.

Работа в библиотеке позволила уточнить ряд названий рукописей, неверно названных и у Гюнтера (вслед за описанием С. Арсеньева), и у Брандиса. Так, № 3 (Cod. ms. 103) является не «фрагментом» из «Русской летописи»,¹⁴ а неполным текстом «Сказания Авраамия Палицына», состоящим из 79 глав (4°, скоропись середины XVII в., 84 л.), оборванным здесь на 22 главе; глава седьмая сохранила имя автора («Сказание того же келаря Авраамия Палицына»). Рукопись № 8 (Cod. ms. orient. 269-a) названа в перечне Гюнтера в соответствии с заглавием текста, имеющегося в ней: «О турках, откуда произыдоша и о проклятом лжеучителе их Магомете. . .» (4°, конец XVII—начало XVIII в.,¹⁵ 99 л.). Однако в конце рукописи есть запись: «переведена сия книга с полскаго языка на словенский язык с печатния польския книги, печати краковской, в лето от рождества Христова 1706». Тип описания и заголовки внутри текста («Вмысел первый» и т. д.) не оставляют сомнений, что это перевод книги Иоанникия Гаятовского «Лебедь с перием», перевод с краковского издания 1677 г.

⁹ Сердечно благодарю профессора Тюбингенского университета Лудольфа Мюллера за полную поддержку и помощь, оказанные мне в работе над славянскими рукописями в библиотеках Штутгарта, Мюнхена, Вольфенбюттеля и Тюбингена.

¹⁰ Опубликовано С. В. Арсеньевым: Грамота патриарха Филарета Никитича герцогу Шлезвиг-Голштинскому Фридриху, 1632 г. августа 12. — ЧОИДР, 1911, кн. 1, IV, с. 46—48.

¹¹ Подробное описание рукописи см.: B r a n d i s, с. 172—173.

¹² Издан фототипически в 1968 г. См.: I. N o w i k o w a. Eine anonyme russische Handschrift des 17. Jahrhunderts. Göttingen—Vandenhoeck—Ruprecht, 1968, Blatt 34; описание рукописи см.: I. N o w i k o w a. Zur Geschichte des Schreibwesens und Waserzeichen in Russland. An Hand einer anonymen russischen Handschrift des 17. Jhs. — Die Welt der Slaven, Wiesbaden, 1969, Jg. 14, Hf. 1, S. 51—72.

¹³ В библиотеке хранится рукописное описание 1906 г. Сергия Арсеньева (22 с. на немецком языке), содержащее описание первых 11 рукописей; оно сопровождается пометами современных библиотекарей об утрате некоторых из них.

¹⁴ См.: B r a n d i s, S. 177 («Russische Geschichte, Fragment»).

¹⁵ К. Гюнтер датирует рукопись XVIII веком (S. 345).

Рукопись № 12 перечня К. Гюнтера была кратко обозначена им как сборник молитв на церковнославянском языке XVIII в. («Cod. Slav. 12. Kirchen Slavisches Gebetbuch 18 Jh.»). Обращение к самой рукописи (16^о, 48 л.) и к ее машинописному описанию 1916 г., сохранившемуся в бумагах Отдела рукописей (Handschrift 1916/2072), позволяет более точно ее датировать (середина XVIII в.), узнать имя ее владельца (священник Иосиф Ратхимович), место бытования (сербский монастырь Студеница), язык (сербский извод старославянского языка). Молитвословия, находящиеся в рукописи, оказались очень любопытны по содержанию: это сборник апокрифических молитвословий, пронизанных элементами народного, языческого мироощущения и, по-видимому, энергично использовавшихся в крестьянском быту: есть молитвы для суда, для пути, от болезней и т. д. Некоторые молитвы фактически носят характер заговоров (рассказывается о встрече бога и «нежитя», который идет к человеку, чтобы у того голова болела, зубы выпадали и т. п. Бог направляет на него оленя, зверя и т. д.). Описание № 13—18 у Гюнтера полностью совпадает с описанием, имеющимся в Отделе рукописей и продолжающим труд С. Арсеньева.¹⁶ Кроме того, в библиотеке обнаружили еще три поздних славянских рукописи, неизвестные К. Гюнтеру: «Русская грамматика» 1722 г. (русско-немецко-латинский словарь), 107 л. (№ 20), «Христианское богословие», 4^о, скоропись 1842—1843 гг., 400 л. (№ 21), польский перечень — «Repertorium aktow dobrej woli Regenta Powiata Gostynsies Piotra Lewandowskiego» за 1829—1843 гг. (№ 22).

Интересные древнерусские рукописи оказались в библиотеках Штутгарта и Вольфенбюттеля.

Библиотека земли Вюртемберг в г. Штутгарте располагает 10 рукописями в 1^о; это кодексы Mss 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445 (конвюльт), 446, 447, 448. В связи с рукописью № 439 в печатном описании сделано следующее примечание: «Dies und die folgenden Nummern bis 448 stammen aus der Sammlung des Staatsrats Emin in Petersburg», сноска к нему: «. . wohl desselben, dessen russische Geschichte in drei Oktavbänden von 1767 an herauskam; s. Schlözers Nestor 2, 273». («Этот и последующие номера до 448 происходят из собрания статского советника Эмина в Петербурге. . .», сноска к примечанию поясняет: «. . . того самого, Русская история которого выпущена в трех томах в 8^о в 1767 г.; см. Шлецер, Нестор, 2, 273».)¹⁷ Насколько это сообщение о принадлежности рукописей Эмину соответствует действительности — сказать трудно. Любопытно, что часть рукописей как будто вышла из одной канцелярии: у них одинаковый формат (1^о), одна бумага (филигрань — герб Амстердама) и однотипный почерк — четкая скоропись первой половины XVIII в.

Однако в коллекции есть и более древние рукописи. Наиболее древним кодексом этой коллекции является Cod. hist. fol. 439: это Разрядные книги, содержащие записи о событиях конца XVI—начала XVII в. (записи начинаются с 1576 г. и заканчиваются известиями 1610 г.; дополнены

¹⁶ Историк С. В. Арсеньев известен рядом публикаций по истории немецко-русских культурных связей, см., например (кроме публикации письма патриарха Филарета, указанного выше, примеч. 10): С. В. Арсеньев. О Любском типографике Варфоломее Готане, бывшем в Москве в XV в. — ЧОИДР, 1909, кн. IV, Смесь, с. 17—20.

¹⁷ Die Handschriften der Königlichen Öffentlichen Bibliothek zu Stuttgart. Beschrieben von Dr. W. von Heid. Bd 1, H. 2, Stuttgart, 1889, S. 201; по-видимому, эти сведения заимствованы Хейдом из рукописного каталога Библиотеки начала XIX в.: именно здесь MS. 439 обозначена как «Розрядные книги», краткое описание ее содержит ссылку на Шлецера и помету: «От G. R. Emin in S. Petersburg». Имеется в виду книга: Ф. А. Эмин. Российская история, т. I—III. СПб., 1767—1769. См. также: Die Handschriften der Württembergischen Landsbibliothek, Stuttgart. Reihe 2. Die Handschriften der ehemaligen Königlichen Hofbibliothek, Bd 2. Codices historici (HB V. 1—105). Auf Grund der Vorarbeiten von Ulrich Sieber beschreiben von Wolfgang Irtenkauf und Ingeborg Krekler. Wiesbaden, 1975.

1643 годом; рукопись в 1°, переплет — доски в тисненой коже, застежки не сохранились, по обрезу книги — золотое тиснение, писана скорописью середины XVII в.; филигрань — шут с семью бубенцами); особенностью текста являются многочисленные его исправления: много вставок на полях начиная с л. 703. Первые тетради рукописи (л. 1—13) вставлены позже, на них записаны события 1606 г. (л. 1 — грамота Василия Шуйского от 15 июля 1606 г. князю Ивану Андреевичу Хованскому о прекращении местного спора с окольным Михаилом Борисовичем Шеином; у грамоты «справа подъячева Макара Поздеева»); 1643 г. (л. 3—9, о встрече датского принца Вольдемара); л. 10—13 — чистые. Самые ранние известия начинаются с л. 14 — события 1 сентября 7086 г. (1576): «государю-царю» и «великому князю» писали «Богдан Бельской да Деменша Черемисинов»; с л. 14 обозначен новый счет тетрадей: цифра «91» (полуустановом); л. 14—217 об. — разряды царя Ивана IV (1576—1584); л. 218—509 — разряды царя Федора (1584—1598); л. 509—698 — разряды Бориса Годунова, л. 698—701 об. — разряды царевича Федора Борисовича; л. 702—707 — события времени Лжедмитрия; л. 708—715 об. — разряды царя Василия Шуйского (7114 г.—7118 г.).

Если учесть, что данная рукопись является продолжением разрядных книг (счет тетрадей в ней начинается с 91-й), а разряды царя Василия Шуйского за 1606—1610 гг. не найдены,¹⁸ то штутгартскую разрядную книгу следует оценить очень высоко.

В настоящее время к этой рукописи добавлена вторая часть — Ms. 439a, где неизвестный переводчик, по-видимому, украинец, начал в 1914—1915 гг. переводить текст на немецкий язык и приготовил краткий экстракт по русской истории с 1578 по 1616 г.

Cod. hist. fol. 440 — «Родословная книга» в 56 глав, с дополнениями; составлена в 1584—1598 гг. (царь Федор Иванович назван «ныняшним»); рукопись начала XVIII в. (филигрань — герб Амстердама), писана четкой писарской скорописью первой половины XVIII в. на 132 л. Содержит: «род великих князей московских», «род удельным князем», «род турецких царей», «род крымских и казанских царей», «предисловие о великих князях Литовских», «род ярославских князей», «род Бороздиных» (56 гл.); далее (л. 127 об.) — «Черниговские князи», «Начало муромским князем», «Начало орде Нагайской» (л. 129).

Cod. hist. fol. 441 — «Скифская история» Андрея Лызлова, 1°, XVIII в., 303 л. Заглавие: «История скифская. . . от разных иностранных историков, паче же от российских верных историй и повестей от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета от сотворения света 7200, а от рождества Христова 1692. Разделяется же на четыре части, к тому приложена повесть о поведении и жителстве в Константинополе султанов турецких, еже переведено, с славянопольского языка на славянороссийский им же, Андреем Лызловым».

Несомненный интерес для русских историков-медиевистов представит рукопись конволют № 444—445.

Cod. hist. fol. 444—445 — состоит из двух частей. Бумага первой рукописи (№ 444, л. 1—13 об.) та же, что и в № 440, 441; бумага второй рукописи (№ 445, л. 1—142) — другая, ее филигрань — Ярославский герб (медведь с алебардой в картуше и буквы «ЯМС»).

Содержание № 444 — «Выписка о трухменцах, сочиненная в генваре 1746 года»: (нач.: «Прошлога 1741 года февраля от 13, бывшей калмыцкой хан Дондук-Омбо к бывшему ж генералу-адмиралу графу Остерману писал, что напред сего бывшие у деда и отца его ханскаго в подданстве трухменцы. . . пришли в несогласие. . .»).

¹⁸ О «разрядных книгах» см.: В. И. Буганов. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962; на с. 211: «Последний Государев разряд» был составлен, вероятно, в 1604 или 1605 г.; см. также: Разрядные книги 1598—1638 гг. Сост. В. И. Гуганог, Л. Ф. Кузьмина. М., 1974, с. 4.

Рукопись № 445, названная «Летописец псковский и новгородский», начинается с известия о закладке новгородской Софии в 1045 г. и содержит выборки из летописей: краткие известия за 1045—1050 гг., 1136—1216 гг. (битва на Липице), краткую повесть о битве на реке Калке («Кальское побоище»), два цикла известий, почерпнутых из разных источников,¹⁹ о нашествии Батюга на Русь, о князе Довмонте («Доманте»), о Михаиле Тверском, «Шолкановщина» (л. 38 об.), о княжении Московском («княжение Иоанново, московское»), о присылке послов от Магнуша в Новгород, «Рукописание Магнуша» (л. 45—45 об.), о «море» в Пскове, битва на Воже, «Повесть о Митяе» (л. 55 об.—60 об.), летописная повесть «О побоище, иже на Дону и како бился великий князь Димитрий Иоаннович и како мужество его над татары» и т. д. вплоть до 1547 г. — венчания Ивана IV на царство. На л. 130 заканчивается хронологическое последовательное повествование, представляющее собой выборки (в основном повествовательного материала) из Новгородской IV летописи. Далее, л. 130—142 об., идут самостоятельные литературные тексты, дополняющие летопись: Послание Вассиана Рыло Ивану III на Угру (1480 г.), «Рукописание великого князя Всеволода», «Писание о Динаре царице», «Повесть о царе козарине и о его жене», Родословие литовских князей.

Рукописи № 442—444, 446—448, а также Q.35 содержат копии различных русских исторических материалов XVIII в.

Cod. hist. fol. 442 — сборник-конволют, 58 л. (филигрань — герб Амстердама), содержащий копии документов первой половины и середины XVIII в. Здесь находится Духовная Стефана Яворского, копии указов Петра II относительно «Малороссии», указы Елизаветы Петровны о запорожцах, перечень первых запорожских гетманов и др. (л. 27—58 об. — «Описание кратчайшее знатнейших действий и случаев, что в котором годе делалось в Украине малороссийской и около Украины, и кто имянно когда был гетманом козацким»).

Cod. hist. fol. 443 — (бумага и почерк рукописи совпадают с № 442, филигрань — герб Амстердама), 113 л. «Летописец краткий, принадлежащий к истории Украинской о владевших в ней прежних гетманах, в котором приполнено многими грамотами, указами и инструкциями, принадлежащими к сей истории» («Летописец» — л. 1—44, л. 44 об.—101 об. — указы, кончая 20 октября 1746 г.) (№ 444 — входит в состав конволюта, состоящего из двух частей — 444 и 445, см. выше).

Cod. hist. fol. 446 (филигрань Pro Patria), в 1°, содержит копии материалов по делу царевича Алексея и царицы Евдокии Лопухиной («Объявление» Петра от 3 февраля 1718 г.; письма Алексея 1717 г., «Манифест или Объявление. . .» о царице Евдокии, скинувшей монашеское платье, от 5 марта 1718 г., копии писем Евдокии Степану Глебову, итоги розыска по делу (июль 1718 г.) и др.).

Cod. hist. fol. 447 — рукопись в 1°, 292 с.; с остатками сургучной печати с именем и датой: «J. G. Apitz d. 14 Sept. 1747»; содержит «Известия о начале и о состоянии Оренбургской комиссии. . . собрано в Оренбурге в 1744 году», указы Анны Иоанновны, перечень крепостей на Южном Урале.

Cod. hist. fol. 448 — в 1°, 90 л. (филигрань Pro Patria), содержит переводы документов и писем, связанных с внешней политикой России — войной с Фридрихом Прусским (л. 1: «Притчины, для которых его вели-

¹⁹ Первый цикл (заглавие: «Нашествие безбожнаго царя Батюга на Рускую землю»; начало: «Хощу рещи, о друзи. . .»), генетически связанный, по-видимому, с текстом Хронографа 1512 г., содержит краткое описание взятия Рязани, нашествия татар на Москву и Владимир, мучения Михаила Черниговского и Федора, известие об убийстве Батюга (л. 17—17 об.). Заглавие второго цикла — «Батюевщина иным образом» (л. 21 об.); здесь повторяется текст повествования о взятии Рязани, известия о походе татар на Владимир, о гибели великого князя владимирского Юрия Всеволодовича и Василья Константиновича Ростовского и др.

чество король Прусской принужден предпринять оружие противу двора венского. . .» — содержит объяснение причин войны, начатой Фридрихом, и полное оправдание его действий).

Cod. hist. Q.35 — в 4^о, 187 л. (филигрань — герб Амстердама), картонный переплет; это каталог русских медалей начиная с 1698 г. (первая медаль выдана на имя «адмирала и государственного канцлера» графа Федора Алексеевича Головина); л. 1—142 об. — перечень и описание русских, в основном петровских, медалей, включая и медаль на коронацию Петра II, с л. 144 об. — каталог раритетов («старых» медалей и червонцев), хранившихся в кабинете Якова Брюса (золотая медаль 1493 г. Ивана III, медаль Ивана IV, около 1560 г., червонец и медаль царя Алексея Михайловича, около 1650 г. и т. п.).

Обзор К. Гюнтера указывает еще одну рукопись — Cod. hist. fol. 760, будто бы содержащую «русскую летопись за 1375—1676 гг.²⁰ Однако обозначение этой рукописи как русской летописи ошибочно: в рукописном каталоге Библиотеки под этим номером числится немецкая рукопись середины XIX в., поступившая в библиотеку из бумаг вюртембергского военного министра Рудольфа Вагнера в 1891 г.²¹

Кроме рукописей по данным библиотечного каталога в Штутгартской библиотеке имеется 12 экземпляров славянских книг, напечатанных кирилловским прифтом, некоторые из них — старопечатные и весьма редкие. В разделе «folio» каталога перечислены: Библия, Острог, 1581; Библия, Москва, 1663; Ветхий Завет, изданный в Амстердаме в 1721 г.; Библия, Москва, 1751. В разделе «quarto»: Псалтирь, Вильна, 1628; Псалтирь, Киев, 1691; Новый Завет, 1682; Новый Завет, Москва, 1732. В разделе «octavo»: Новый Завет, Москва, 1702; Псалтирь, Москва, 1716; Библия, Москва, 1759; Новый Завет, Санкт-Петербург, 1822.

De visu удалось посмотреть три книги: Острожскую Библию Ивана Федорова, Новый Завет 1682 г. и Псалтирь 1691 г.

Библия Ивана Федорова — вновь выявленный экземпляр, не учтенный в библиографиях изданий Ивана Федорова и неизвестный до сих пор специалистам; экземпляр прекрасной сохранности, полный, со знаком Ивана Федорова и с послесловием. Хорошо сохранился и кожаный переплет книги, на котором изображено распятие и вытиснена надпись вязью: «Библиа словенская». На титульном листе запись владельца: «G. Lorck. Pastor Hasniensis».

Новый Завет 1682 г., обозначенный в каталоге как «Biblia russ», оказался молдавским Евангелием, напечатанным в «Букурешти» при румейском воеводе Ионе Щербане, Феодосии, митрополите ясском, типографом Кириаком «в лето от создания мира 7190» (л. 174).

Несомненный интерес для истории бытования славянской книги на рубеже XVII—XVIII вв. представляет экземпляр Псалтири 1691 г., принадлежавший тому же владельцу — пастору Лорку (на титульном листе сохранилась та же латинская запись: «G. Lorck. Pastor Hasniensis»). Печатному тексту Псалтири в книге предшествуют л. 1—3, списанные полуставом: «Како подобает петь псалтирь»; перед текстом рукописного настав-

²⁰ См.: Günter, S. 350: «cod. hist. fol. 760; Russische Chronik, umfasst den Zeitraum 1375—1676 (ohne genauere Beschreibung)».

²¹ Особое значение материалы Вюртембергской библиотеки могут иметь для изучения фактов русской истории и культуры XVIII в. Так, например, из каталога Хейда могут быть извлечены указания на два любопытных документа XVIII в.: 1) речь профессора философии Тюбингенского университета Иоганна Генриха Фромманна от 16 декабря 1772 г. «Нечто о воспитательных учреждениях в России» (Heyd, Bd II, S. 36, ms. Q.90) или 2) секретные сведения о России времени русско-турецких войн (об экспедиции против турок «на Архипелаг», связанной с именем гр. Орлова — Heyd, Bd I, S. 172—173, ms. F. 385) и т. д.

ления находятся еще четыре дополнительных листа, на первом из которых читается латинская запись: «*Psalterium Grace, caractere Sclavonico iwe Шугисо. Venebus, 1691*». На л. II—II об. — текст записи владельца книги, священника Христофора Рассовецкого, подарившего ее 12 октября 1700 г. в знак дружбы («В знамение приснопамятного, присноцветущаго, неуваждаемого и никогда же решимаго союза дружелюбия») знаменитому Г. Лудольфу, известному составителю «Русской грамматики» (Оксфорд, 1696). Таким образом, штутгартский экземпляр Псалтири восстанавливает имя одного из славянских друзей, возможно одного из научных собеседников Г. Лудольфа во время его пребывания в Гааге.²² Виленская Псалтирь 1628 г., также обозначенная в каталоге как «*Biblia russ*», и Библия 1663 г. (обе — прекрасной сохранности) происходят из того же собрания пастора Г. Лорка.

В Университетской библиотеке Тюбингена познакомиться с каталогом не удалось (не хватило времени), однако благодаря любезности проф. Л. Мюллера удалось посмотреть единственную рукопись, отмеченную в обзоре К. Гюнтера, и ознакомиться с ее содержанием: Mg. 1, в 8°, 81 л., переплет — доски в коже, почерк — имитирует уставное письмо, рукопись «написана . . . 23 декабря 1720 г.» (л. 49 об.); л. 1—49 об. — содержит «Исповедание грехов» Каллиста Ксанфопуло, л. 50—81 — «Канон богородице Одигитрию, тропарь».

Согласно данным перечня К. Гюнтера в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене хранится 21 славянская рукопись, однако древнерусских (или древнеславянских) рукописей здесь гораздо меньше, только 6 (Cod. slav. 1, 4, 5, 6, 13, 14). 7 рукописей — древнечешских (Cod. slav. 3, 11, 12, 15, 16, 17, 19), 1 чешская рукопись нового времени (Cod. slav. 20), 2 — польских XVII в. (Cod. slav. 2, 10), 1 польская нового времени (Cod. slav. 3g), 1 сербская, конца XVIII в., содержит грамматику немецкого языка (Cod. slav. 7), 1 книга (Cod. slav. 9) — печатная («Книга об экзерцициях, церемониях и должностях, воинским людям надлежащих.» СПб., 1715). Две имеющие непосредственное отношение к славянским древностям рукописи — латинские: одна рукопись — это всемирно известные Фрейзингенские листки (Cod. lat. manus Clm 6426 или Fris. 226), содержащие фрагменты славянской литургии (X—XII вв.), другая — рукопись 1755 г. (Cod. slav. 8) «*Grammatica Latino-Germanico-Slavonica*», представляющая собою извлечение из книги, изданной Адамом Бохоричем в Виттенберге в 1584 г., как указывает сноска на л. 1 об. («*Adami Bohorish, Anticae horae*»).

Четыре древнейших славянских рукописи коллекции — богослужебные. Cod. slav. 14 — это пергаменный лист с рамкой и надписями. В качестве рамки используется текст молитвы «О тебе радуется», написанный черной вязью. Судя по сделанным надписям, на миниатюре должны были быть изображены богородица и Христос (надписи « $\tilde{m}p$ $\tilde{e}y$ » и « $\tilde{i}c$ $\tilde{x}c$ »), однако изображение отсутствует. Cod. slav. 4 — лицевая псалтирь 70-х гг. XIV в., в 1°, 229 л., сербского извода;²³ Cod. slav. 5 — Требник второй четверти XV в., в 4°, 220 л., возможно, восходит к тырновскому оригиналу. Cod. slav. 6 — «Каноник», последней четверти XVI в., в 4°, 302 л. (все эти рукописи были описаны в свое время Строевым и Яцимирским).

Большую палеографическую и историческую ценность представляет также Евангелие 1492 г., написанное на пергамене (Cod. slav. 1) повеле-

²² Текст дарственной записи Христофора Рассовецкого, подарившего Псалтирь Г. Лудольфу, печатается в Приложении к обзору.

²³ Запись на л. 1 Псалтири сообщает об истории книги: написанная для сербского деспота на Афоне (имя не сохранилось), книга в конце XVII в. находилась в Баварии, во владении генерального комиссара Вольфганга Г. Гемеля и была подарена им в монастырь («*Posthac his codex migravit ad S. Emeram. Ratisbonam*»). См.: *Catalogus codicum manuseriptorum bibliothecae regiae Monocensis, tomus VII. Wiesbaden, 1971, S. 328.*

нием молдавского господаря Стефана, сохранившее запись об истории создания рукописи «потруждением многогрѣшного кир Феодора диакона, сына Мършескула» «въ Нѣмецком монастырѣ» и предназначенное для храма Успения богородицы «града Хотинскаго». ²⁴ Эта книга стала впоследствии собственностью митрополита Петра Могилы (молдаванина по происхождению) и была отдана им в 1637 г. в Киево-Печерский монастырь (текст автографа Петра Могилы и запись о создании Евангелия в 1492 г. воспроизведены с небольшими ошибками в описании С. Строева. ²⁵

Cod. slav. 13 — «Космография», русская рукопись конца XVII в., в 16^о, написанная скорописью на 130 л.

Интересное собрание славянских книг — рукописных и печатных — хранит великолепная библиотека герцога Августа в г. Вольфенбюттеле, Брауншвейг. Росту славянского фонда библиотеки несомненно способствовали династические связи между Брауншвейгом и Россией в начале XVIII в. (сын Петра I Алексей был женат на дочери брауншвейгского герцога), а также активные культурные связи: в библиотеке работал великий немецкий ученый Лейбниц, живший в Вольфенбюттеле; интересуясь Россией, он поддерживал связи с русскими корреспондентами и самим Петром I. ²⁶ По сведениям Строева, все славяно-русские рукописи библиотеки были подарены ей герцогом Карлом I Брауншвейгским в 1739 г. Библиотека была разорена во время наполеоновских войн («французы в 1807 г. увезли оттуда все лучшие манускрипты»), но после 1815 г. книги (в том числе и славянские рукописи) вернулись из Парижской библиотеки в Вольфенбюттель.

Из 13 книг, обозначенных в обзоре К. Гюнтера, только 8 являются древнерусскими (или древнеславянскими) рукописями. Перечислим их в хронологическом порядке.

Две рукописи библиотеки — лицевая чешская Библия XV в. (Extr. 25.12) и «Вольфенбюттельская» (сербская) Псалтирь, написанная латиницей, XVI в. (?) (39. Aug. 2^о) — самые старые книги славянского фонда. Фрагмент из служебника (8 л., в 1^о) с ирмосами «неисходному божеству» и др. датируется XVII в. (405 Helmst.).

Наряду с богослужебными текстами Вольфенбюттельская библиотека имеет три рукописи исторического содержания.

«Соловецкий патерик» (Sign. 96 или 96 Gud. Graec.) — рукопись в 4^о, начала XVII в. (филигрань — «кувшинчик»), 249 л., писана полууставом. Содержит житие Зосимы и Савватия соловецких, чудеса их (последнее — датируется 1602 г.), стихиры и каноны Зосиме и Савватию, повесть «о сотворении жития» (л. 123 об.—126).

«Проскинтарий» Арсения Суханова (Extr. 210.5) — находится в сборнике конца XVII в., 4^о, 437 л. Содержание сборника полно раскрыто Строевым и Кунцевичем, ²⁷ уточним лишь указание на листы рукописи: л. 1—1 об.— заглавие, л. 1 об.— 167 — «Хождение» Арсения Суханова, л. 168—255 — II часть Проскинтария — описание Иерусалима; после чистых листов (255—259 об.) идут включенные в текст «Хождения» дополнительные статьи: «Вопрошение» Арсением патриарха александрийского Иоанникия (л. 260—265), послание цареградского патриарха Афанасия царю Алексею Михайловичу от 13 декабря 1654 г. (л. 266 об.—293 об.),

²⁴ Отметим, что другое подобное же Евангелие, переписанное по повелению господаря Стефана в том же 1492 г. и предназначенное для другого храма — Воздвиженского, — также сохранилось и находится в настоящее время в библиотеке Дж. Пирпонта Моргана в Нью-Йорке (описание рукописи см.: Н. С. Демкова. Древнерусские рукописи и старопечатные книги в некоторых собраниях США. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 395).

²⁵ Строев, с. 31—32.

²⁶ См., например: П. П. Некарский. Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях (по поводу письма Лейбница к Петру I 22.1.1715 г.). — В кн.: Записки имп. АН, 1863, т. IV, кв. I, отд. I, с. 1—19.

²⁷ Строев, с. 102—103; Кунцевич, с. 11—13.

список с грамоты патриарха иерусалимского Феофана от 8 июня 1620 г. (л. 294—296 об.). С л. 303 начинается III часть «Проскинитария» — «Чин церковный». Ряд статей связан с «делом Никона» и борьбой внутри церковной иерархии (послание Паисия Лигарида Семену Лукьяновичу Стрешневу о патриархе Никоне, послание Никона патриарху константинопольскому Дионисию — известный, но редко встречающийся в рукописях текст, «соборное деяние» на суздальского архиепископа Стефана 1 июня 1663 г.) и др.

В рукописи конца XVII—начала XVIII в., в 4^о, 1715 л. находится «Степенная книга» (Extr. 210.6) с дополнениями; кроме основного текста Степенной — 17 «степеней», в сборник вошли различные древнерусские литературные памятники: «Рукописание Магнуша», Повесть о Митяе, Летописная повесть о Куликовской битве, послание Вассиана Рыло на Угру Ивану III, описание взятия Казани (со «славой» Ивану Грозному), статьи о еретиках, родословная литовских князей и т. д. Со с. 1553 по 1676 идет «Книга, глаголемая Пчела»,²⁸ л. 1677—1715 — чистые.

Подлинной редкостью в собрании Вольфенбюттельской библиотеки является «Новый Маргарит» князя А. М. Курбского (Extr. 64.43), переписанный в конце XVI—начале XVII в. в рукописи в 1^о, на 466 л. Это единственный список, сохранивший автобиографическое предисловие А. Курбского (во втором списке «Нового Маргарита» — в собрании Ундольского № 187 в ГБЛ — предисловие утрачено). Подробное описание рукописи делалось неоднократно. В настоящее время рукопись издана немецкой исследовательницей И. Ауэрбах.²⁹

Остальные 5 рукописей библиотеки датируются XVIII в. и представляют несомненный интерес для изучения ряда фактов русской культуры. Так, например, очень ценным является альбом медалей петровского времени (описание их дано на русском и латинском языках) — Extr. 281.1, рукопись в укороченную 4^о, 220 л.; в последнее время изучается советским ученым И. Г. Спасским. Сборник Extr. 115.1, в 4^о, 172 л., содержит разнообразные бумаги, собранные вместе в XVIII в. под один переплет (филигрань на основной бумаге — герб Амстердама, кончается сборник указами Анны Иоанновны); л. 24—25 конволюта — фрагменты из книг XVI в. — Апостола и Евангелия, принадлежавших Никите Григорьевичу Строганову.³⁰ Сборником копий разных документов XVIII в. (преимущественно первой трети века) является Extr. 115.3 (рукопись в 1^о, 246 л., новая пагинация указывает 206 л., филигрань — герб Амстердама). Рукопись содержит указы Петра I и Анны Иоанновны, выписки из разных документов (табель о полевой армии 1722 г., объявление о войне со Швецией, указ о казни Вилима Монса и Столетова, «суплимент» о продаже книг Академической типографии «в субботу 2 дня декабря 1728 г.», «Роспись о том, кому с кем быть в кадрили» и др.). Материалы исторические читаются и в двух других рукописях: Extr. 210.7. — в 4^о, первой половины XVIII в. (филигрань — герб Амстердама), 598 с. (пагинация постраничная) — содержит «Ядро российской истории» А. Манкиева, с посвящением книги Петру I, написанным 7 апреля 1715 г. в Вестеросе. Extr. 115.2 — немецкая рукопись в 1^о, середины XVIII в. (филигрань — Pro Patria); рукопись представляет собой выписки из русской истории

²⁸ Еще одна рукопись Степенной книги, в 1^о (Extr. 115.4), находившаяся в Вольфенбюттельской библиотеке, была передана, как сообщает инвентарный каталог, в 1818 г. в Румянцевский музей в обмен на немецкие исторические материалы.

²⁹ Подробное описание сборника было сделано Г. З. Кунцевичем и осталось в рукописи (ЛОИИ, русск. секция, ф. 276, оп. I, № 30). Опубликованы описания: Ф. Ливер (F. Liewehr, Kurbskijs «Novyi Margarit», in: Veröffentlichungen der slawistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität Prag, II Reihe, H. 2. Prag, 1928), И. Ауэрбах в ее издании: Novyi Margarit: Historisch — kritische Ausgabe auf der Wolfenbütteler Handschrift. Hrsg. von Inge Auerbach. Giessen, 1976.

³⁰ Еще одна книга из библиотеки Никиты Строганова находится в ГПБ, см.: В. И. Лукьяненко. Каталог белорусских книг XVI—XVII вв. Л., 1973.

за 1600—1717 гг. (выписки из сочинений иностранцев о России — Маржерета, Петрея, Олеариуса, из Нюрнбергских анналов и т. д.); события начала XVIII в. фиксируются по дням (17 августа 1717 г., 22 августа и т. д.).

Старопечатные русские книги в Вольфенбюттельской библиотеке следующие: Библия Ивана Федорова, Острог, 1581 г. (Bibel, S. 4°, 121); Библия, Москва, 1663 г. (Bibel, S. 2°, 152); Псалтирь, Москва, 1634 г. (435.1. Theol. 2); на л. 2 запись: «Микифорко смотрел, полна»; на л. 1 — дарственная надпись на латинском языке герцогу Августу Брауншвейгскому); Псалтирь, Вильно (?), 1596 г., 4°, 116 л. (Bibel, S. 588a). Эта книга использовалась, по-видимому, для сеансов черной магии: на верхней крышке переплета — портрет Фауста (гравюра из Лондонского издания 1489 г.) с подписью: «D. Johann Fausts. Nigromantia Seu.» и нарисован черный ворон, на об. листа — «кабала». Между л. 111 и 112 вклеен лист с изображением Фауста в кабинете и черта (на цепи), на л. 116 об. — снова гравюра с изображением Фауста (несколько иная — ворон улетает). Такое использование славянской Псалтири представляет собой интересный факт в истории средневековой культуры: иноязычная книга в иной культурной среде может быть использована с «перевернутым» значением — не как священная книга, а как магическая.³¹

Изучение старинных славянских рукописей и книг, хранящихся в немецких библиотеках, имеет давнюю научную традицию. Это изучение следует продолжить.

В Приложении к обзору публикуются два текста:

1. Повесть о казарине и его жене (списки повести не очень часто встречаются);
2. Дарственная надпись на книге, подаренной Генриху Лудольфу (12.Х. 1700 г.).

П Р И Л О Ж Е Н И Е

1. ПОВЕСТЬ О КАЗАРИНЕ И ЕГО ЖЕНЕ

Повесть о царе козарине и о его царице.

л. 136
об.

Бысть некий царь, козарин родом, и жена его тех же козар, и воста на него другой царь и ем его, заточи далече, и царицу его во ину страну заточи. И пребываше царь в заточении гладом и наготою погибая, и часто моляшеся богу глаголя: «Господи, избави мя от беды сея, яко без вины стражду». И взыде ему на сердце взыскати царства своего, и совещашася с воины, иже во стране той, и обеща им саны, и чести, и дары многи. И приплыв к царству своему, и сиде в сокровене месте, и посла единого уведети, где есть царь, и уведа, яко хочет изыти на лов, и ста на пути.

Грядущу же царю, и шедше убиша его, и прият паки царство свое, и поят царицу ину, и начат царствовати с нею.

л. 137

Слышавши же то перьвая царица, //воставши же, поиде во царство, молящися богу и святей богородице, сице глаголя: «Веси, господи, терпение и слезы моя, и беду мою, наготу и глад, и всяку скорбь, еже приях мужа моего ради, надеюшися приобрести его, ныне же слышу, яко оженился есть иною и аз сице забвена бысть, яко сосуд погублен, и ныне, господи, обрати сердце мое и слезы моя в радость мне, мольбами рождшия тя».

И тако доиде во царство и уведа, где есть царь и царица и иде едина, не имущи помощника, токмо бога и пречистую богородицу.

Вшедшу же и во двор царский, и ста близь полаты, в ней же бе царица. Бяше же та царица верна и христолюбива, и милостива отнюдь ко убогим,

³¹ Пользуюсь случаем, чтобы искренне поблагодарить доктора Мильде, заведующего отд. рукописей библиотеки в Вольфенбюттеле, за внимание к моей работе и помощь в разыскании древнерусских книг в фондах библиотеки.

и обидимым помогаючи. И возопи жена: «Взовите ми царицу, понеже прою имею с нею, обиду есть ми сотворила велику!» Предстоящи же ея глаголаше: «Жено, отьиди да не срамоту нанесеши на себе», и абие поведи царице. Царица же удивльшися рече: «Что се будет?» Изыде к ней и рече: «Что имаши прою со мною?» Глагола ей жена: «Почто сице сотвори? Пояла еси мужа моего, не веси ли, яко писано есть, иже второй брак по нужди бывает. Аз же ничто же сотворих мужу своему, но паче пострадах его ради», и сказа ей все поряду.

Слышавши же царица глаголы вся, исходящия изо уст жены, удивися вельми, паче же бога убоися, и глагола жена: «Вправду претерпела еси, твоя есть муж и обидих тебе». И даде ю мужеви своему, а сама изыде из полаты царския в монастырь. (Штутгарт, Библиотека земли Вюртемберг, Cod. hist. 445).

II. ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ НА КНИГЕ, ПОДАРЕННОЙ ГЕНРИХУ ЛУДОЛЬФУ

// В знамение приснопамятного, присноцветущаго, неувядаемого и л. II
никогда же решимаго союза дружелюбия орган сей, водхновением свя-
таго духа чрез пророка Давида сочиненный, на нем же всяк в плачевной
удоли при временныя сея жизни повседневым в богомыслии чтением ум
вперивше к вышнему, духовне бряцаей, глаголюще с псаломником: «Твой
есмь, аз, спаси мя!»,^{1,2} и паки: «Вразуми мя, и испытаю закон твой, и со-
храню ъ всем сердцем моим»,^{2,6}// и паки: «Помози ми, и спасуся»,^{3,6} присно л. II
суцнаго и некончаемаго в горнем Сионе наслаждения ангельских пеней не об.
лишится, его же вседушно усердствуя любительнейшему моему другу
Гендрику Людолфу при желании нечислемых (так! — Н. Д.) лет в не-
изменном общелюбительства пребывании телесного здравия и душевнаго
спасения предложися, и всех благ рачителя, многогрешнаго иерея Христо-
фора Рассовецкого.[†]

В лето 1700-го, октября в 12 день. В Гаге. (Штутгарт, Библиотека земли Вюртемберг, Biblia russ. Q. 1691, л. II—II об.).

¹ Псалом 118, 94 ² Псалом 118, 34 ³ Псалом 118, 117

⁴ На поле: Пс. 118 ⁶ На поле: Там же ³ На поле: Там же [†] Замысловатый росчерк может быть прочитан и как «Радовецкого».

Е. В. ЛИТВИНОВА

Списки «Откровения Мефодия Патарского» в Древлехранилище ИРЛИ

«Откровение Мефодия Патарского»¹ — один из наиболее популярных переводных памятников эсхатологической литературы, известный на Руси начиная с XII в.²

В монографии В. М. Истрина, посвященной «Откровению», рассмотрены греческие, латинские и славяно-русские списки памятника. В. М. Истрин привлек 38 славяно-русских списков и выделил среди них три группы. Первая такая группа — 6 списков XII—XVII вв., относящихся к первому славянскому переводу «Откровения», известному на Руси уже в начале XII в.;³ вторая группа — 10 списков XIV—XVIII вв., относящихся ко второму славянскому переводу, выполненному в XIII—XIV вв.;⁴ третья группа — 22 списка XIV—XIX вв., относящихся к интерполированной редакции собственно русского происхождения, возникшей, вероятно, в XV в. и получившей распространение в XVII в. «со времени появления раскола».⁵

Задача настоящей заметки — археографический обзор списков «Откровения Мефодия Патарского», находящихся в Древлехранилище ИРЛИ.⁶

Обращение к рукописному собранию Древлехранилища, в котором богато представлена старообрядческая крестьянская книжность, было не случайным, так как еще В. М. Истрин отмечал, что «Откровение» было широко распространено среди старообрядцев.⁷

В Древлехранилище находится 15 списков «Откровения Мефодия Патарского» XVII—XX вв. 4 списка из них были рассмотрены В. И. Малышевым,⁸ остальные рассматриваются здесь впервые.

В соответствии с классификацией В. М. Истрина можно выделить списки первого и второго славянского переводов, а также интерполированной редакции.

¹ По наблюдениям В. М. Истрина, «правильнее было бы называть его Откровением Псевдо-Мефодия». — См.: В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897. Далее раздел этой монографии «Исследование. Откровение Мефодия Патарского», с. 5—250 обозначаем в сносках: Истрин. При цитировании раздела «Тексты», с. 84—130, указываем в скобках в тексте работы страницы, а в необходимых случаях — строки.

² Историю бытования текста «Откровения» см.: Истрин, с. 233—250.

³ Истрин, с. 121—156.

⁴ Истрин, с. 156—174.

⁵ Истрин, с. 175—232.

⁶ В процессе работы был использован библиографический указатель «Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов)», составленный В. И. Малышевым (М.—Л., 1965), а также именной каталог Древлехранилища ИРЛИ и обзоры поступлений последних лет.

⁷ Истрин, с. 244.

⁸ В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX веков. Сыктывкар, 1960 (далее: Малышев), с. 61, 95, 97, 116.

Первый славянский перевод представлен в Древлехранилище лишь одним списком из собрания Богословского, № 64, л. 27 об.—33, последней трети XIX в. Заглавие списка: «Книга зерзало душа зрительная (так! — *Е. Л.*). Сказание Мефодия Патрского от ходящих быти в последние дни вельможях». В том же сборнике № 64 находится список «Откровения Мефодия», относящийся к интерполированной редакции и рассматриваемый ниже.⁹ Список первого славянского перевода обозначаем: Богосл. 64б, список интерполированной редакции: Богосл. 64а.

Текст списка Богосл. 64б сходен с текстом списка Хиландарского монастыря, № 24, л. 70^а—77^с, опубликованного В. М. Истриным (с. 84—100),¹⁰ он начинается с описания нашествия агарян на греков и полностью соответствует далее тексту Хиландарского списка, с незначительными различиями (ср. с. 92—100).

В списке Древлехранилища пропущено описание греческого развращения нравов¹¹ и сокращен рассказ о бесчинствах агарян.

Второй славянский перевод представлен семью списками. Это следующие списки (в хронологическом порядке):

1) Фонд «отдельные поступления», оп. 24, № 48, л. 1—3, 80—90-е гг. XVIII в. Заглавие: «Мефодия Пермского слово о втором Христове пришествии, и о антихристе, и о злокозненной его прелести, и о пятинадесяти знаменьях, грядущих пред судным днем» (далее: оп. 24, № 48).

2) Усть-Цилемское собрание, № 36, л. 293 об., последней четверти XVIII в. Заглавие «Святаго священномученика Мефодия епископа Патрского слово» (далее: У-Ц 36).

3) Коллекция В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой, № 50, л. 5 об.—16 об., начала XIX в. Заглавие: «От слова иже во святых отца нашего епископа Мефодия Патрского о царствии язык последних времен» (далее: Ам.—Богд. 50).

4) Усть-Цилемское собрание, № 67, л. 128—131, третьей четверти XIX в.¹² Заглавие: «Книга Мефодия Патрского (киноварью, — *Е. Л.*) Слово о царствии язык последних времен, известно сказание от первого человека до скончания века» (в строку) (далее: У-Ц 67).

5) Коллекция В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой, № 112, л. 172—178, последней трети XIX в. Заглавие идентично списку Ам.—Богд. 50 (далее: Ам.—Богд. 112).

6) Северодвинское собрание, № 485, л. 271—276 об., конца XIX в. Заглавие: «От слова иже во святых отца нашего Мефодия епископа Патрского» (далее: Северодв. 485).

7) Мезенское собрание, № 24, л. 31—39, начала XX в. Заглавие: «Списано сие слово с древней харатейной книги, иже в Киеве обретается. Святаго отца нашего Мефодия епископа Патрского. Слово о царствии язык последних времен, известно сказание от первого человека до скончания века» (далее: Мез. 24).

Наиболее полными из списков второго славянского перевода являются списки Ам.—Богд. 50, Ам.—Богд. 112 и Мез. 24. Они почти совпадают с текстом Хиландарского списка, № 179, XVI в., опубликованного В. М. Истриным (с. 102—114),¹³ и представляют собой фрагмент текста, включающий предсказание апостола Павла о последнем времени, описание нашествия измаильтян на греков и заканчивающийся описанием прихода к власти греческого царя и наступлением царства мира (с. 107—113).

⁹ См. с. 387.

¹⁰ В каталоге хиландарских рукописей (1978 года) этот список следует под № 382, л. 69—76, см.: Д. Б о г д а н о в и й. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978, с. 150.

¹¹ М а л ы ш е в, с. 93.

¹² М а л ы ш е в, с. 115.

¹³ См.: Д. Б о г д а н о в и й. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара, с. 166, № 434, л. 10—12.

Интересно «примечание объяснительное», которое следует за текстом списка Мез. 24 (л. 40): «Примечание объяснительное об том, что вышесписанное слово о царствии язык выписано не в полном составе его, то есть не все вполне выписано есть, того ради и недостаточно есть. А в полном составе то слово под названием: „Святаго Мефодия епископа патрсакого о царствии язык“ есть и обретається в синодальной древней рукописи, под номером 38-м находящейся. И можно то полное слово из той древней синодальной рукописи и выписать или какую справку сделать. В том в полном слове хорошо говорится еще о Гоге и Магоге и о антихристе, и о Енохе и Илии, и сыне громове Иоанне, и прочее»

Примечание на л. 40 отличается по почерку от текста списка Мез. 24 и выполнено, очевидно, уже после того, как был переписан основной текст. Список, о котором идет речь в этом примечании, «Слово святаго отца нашего Мефодия епископа Патарскаго» в рукописи 1345 г., содержащей Хронику Константина Манассии,¹⁴ издан Н. С. Тихонравовым¹⁵ и является старшим из известных списков второго славянского перевода «Откровения Мефодия». Решить, откуда именно переписан текст — из издания Тихонравова или непосредственно из рукописи — нам не удалось, так как многие написания в списке Мез. 24 упрощены и заменены более понятными для читателя начала XX в.

Точные библиографические ссылки на источники, с которых переписаны тексты, неоднократно встречаются в тексте сборника № 24 из Мезенского собрания и свидетельствуют о большой начитанности их автора.

Сборники № 50 и 112 из собрания В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой сходны по составу. Списки Ам.—Богд. 50 и Ам.—Богд. 112 идентично оформлены киноварью и совпадают по тексту. Известно имя переписчика сборника № 112 — Степан Бирулин. На переплете и на корешке этого сборника имеется заглавие: «Странническа».¹⁶

Интересны многочисленные приписки, встречающиеся в сборнике № 50 из собрания Амосова—Богдановой, и, в частности, приписки на полях «Откровения».

Большинство приписок выполнены одним почерком XIX в. и содержат материал для характеристики бытования текста «Откровения Мефодия Патарскаго» в крестьянской среде. Автор приписок толкует текст «Откровения Мефодия», находя в нем материал для обличения врагов по вере. Так, характеристику нечестивых измаильтан автор переносит на своих современников. Приписка на л. 12 об. гласит: «. . .не оды турки¹⁷ сынове измаиловы названы, но вообще вси нечестивцы разумеются сыны агаринь».

Описание бесчинств измаиловичей: «. . .и будут все под ермом их, человецы же и скоти», — комментирует приписка: «. . .под ермом антихриста вси будут разными верами» (л. 10). В этой приписке, как и в нескольких других, выражено, как нам представляется, отрицательное отношение автора к различным религиозным соглашениям, существовавшим в начале XIX в. Продолжение характеристики измаиловичей: «. . .и напишут себе пределы земли, пустыню и рыбу», — прокомментировано следующим образом: «. . .последние мнимые христиане будут антихристовы пустычники» (л. 10). Против слов (л. 15): «и вси полцы их сущей на земли предадутся в руже греческаго царя»: «вси предадутся в руже антихристу разным жженаставникам ароновым и самокрестам»¹⁸ причем в этом послед-

¹⁴ Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Сост. Т. Н. Протасьева. Ч. II. № 820—1051. М., 1973, с. 124, № 1035 (Син. 38).

¹⁵ Памятники отреченной русской литературы, т. 2. СПб., 1863, с. 213—226.

¹⁶ В. П. Б у д а р а г и н. Северодвинская рукописная традиция и ее представители. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 402.

¹⁷ Здесь, видимо, соотнесение с реальными турками во время русско-турецких войн.

¹⁸ Очевидно, имеется в виду секта самокрещенцев. См.: П. И. М е л ь н и к о в (Андрей Печерский). Собр. соч. в 6-ти томах, т. 6. М., 1963, с. 234. Свидетельство

нем случае текст осмыслен неверно, так как греческий царь, по мысли автора «Откровения», освободит народ от ярма измаильтян.

Также не понятно, но соотносено с эпохой описание тесного пути, по которому пойдут пленники измайловичей «и жаждуще, и связаны; и блажити имут мертвые» (л. 11 об.). Комментирует эти слова приписка: «. . .станут хвалить мертвых и жженаставников всех: а добрых людей возненавидят и прогонят в каземат и в ссылку навек». Также соотносится с эпохой приписка на л. 15: «. . .сыновы царевы же (. . .) (в ркп. неразборчиво) и слуги антихристу или полица».

В качестве примера приведем еще несколько приписок на полях списка Ам.—Богд. 50. На л. 10 против слов: «. . .и наполнится земля обетованная человек от четырех ветр небесных, и будут яко пружи» — приписка: «Россия, земля обетованная, наполнится со всего света пругов». На л. 10 об. против слов: «И вознесется сердце их дондеже воспросят у мертвых дани, якоже и от живых; такоже и от вдовиц и сирот» — внизу на полях приписка: «Что суть у мертвых дани? Вся жженаставники мертвы: сироты брачные и самокрещенцы. Ныне у их просят браку и крещения, а все мертво». На л. 13 об. против слов: «. . .и гной попрап будут человецы на поли сынов измайловых» — приписка: «Зри, староверы яко гнои иметися будут». На л. 15 об. против слов: «И возвратятся кождо в землю свою и в наследие отечества своего» — приписка на полях: «Возвращение и наследие их, значит, в езеро огненно со антихристом вовеки горети». Здесь же на полях внизу приписка: «В свою землю, значит — в согласие свое, а отечество их — значит, сатанин ад искони уготован им».

Список Северодв. 485 содержит ряд эпизодов, связанных с нашествием измаильтян, приходом греческого царя и царством мира, которые значительно сокращены и носят характер кратких выписок из текста (с. 108—113).

Списки У-Ц 36 и У-Ц 67 также представляют собой выборки из текста «Откровения Мефодия». Список У-Ц 36 содержит краткое описание бесчинств измаильтян и картину царства мира (с. 110, 112). Список У-Ц 67 содержит описание бесчинств, обличение лжехристиан и описание мучения праведников от неверных (с. 110).

По отношению к тексту Хиландарского списка № 434 и списков Ам.—Богд. 50, Ам.—Богд. 112 и Мез. 24 тексты списков Северодв. 485, У-Ц 36 и У-Ц 67 также являются отрывками.

Отдельно стоит список оп. 24, № 48. Его текст совпадает с текстом списков Ам.—Богд. 50, Ам.—Богд. 112 и Мез. 24 в своей конечной части, пророчествующей о приходе измаильтян. Предшествующая историческая часть повествования сокращена. Из нее исключены все эпизоды, где встречается имя Александра Македонского. Текст списка с некоторыми разночтениями сопоставим с текстом Хиландарского списка № 434 (с. 104—105, 106, 113).

Таковы особенности списков второго славянского перевода, имеющих в Древлехранилище.

Интерполированная редакция, собственно русская по своему происхождению, представлена в Древлехранилище 7 списками:

1) Усть-Цилемское собрание, № 11, л. 126—126 об., XVII в. (конец),¹⁹ без заглавия

2) Коллекция В. Н. Перетца, № 240, л. 102—108, 1-я треть XVIII в. Заглавие: «Слово иже во святых отца нашего Мефодия епископа Патрикийского сказание о житии человечестем и о последнем времени» (далее: Перетц, 240).

3) Карельское собрание, № 41, л. 337—346, 1-й половины XVIII в. Заглавие: «Слово святого Мефодия епископа папы Римского сказание о последнем житии и о измайловичех» (далее: Кар. 41).

о существовании ароновского согласия на Северной Двине имеется в рукописном сборнике XVIII в. из собрания Амосова — Богдановой, № 41, л. 53 и др.

¹⁹ М а л ы ш е в, с. 59.

4) Собрание Ф. А. Каликина, № 83, л. 1—22 об., XVIII в. (3-я четверть). Заглавие: «Слово иже (. . .) (в ркп. неразборчиво) отца нашего Мефодия епископа Ариторискаго сказание о житии человечестем и о последне (. . .) (неразборчиво) и о пришествии Христо (. . .) (неразборчиво) и о царствии антихристове» (далее: Калик. 83).

5) Собрание В. Н. Перетца, № 482, л. 141—146, 155—163, конца XVIII в. Заглавие пространное, с упоминанием всех основных эпизодов «Откровения»: «Сказание святого отца нашего Мефодия Патриарха Царяграда о Александре царе Македонском, и о последних днех, и о царех, и яко на кончину века начнут царствовати. . .» (далее: Перетц, 482).

6) Коллекция П. С. Богословского, № 64а,²⁰ л. 20 об.—27, последней трети XIX в. Заглавие: «Сказание иже во святых отца нашего Мефодия Патриарха о Александре царе и о последних днех и о царех» (далее: Богосл. 64а).

7) Латгальское собрание, № 69, л. 67—79 об., 1907 г. Заглавие: «Сказание святого отца нашего Мефодия архиепископа Иерусалимского, о Александре царе Македонцем и о последних днех и о царех, како на кончину века станут царствовать. Благослови, отче» (далее: Латг. 69).

По наблюдению В. М. Истрина, «среди неполных списков» интерполированной редакции «можно усмотреть такие, которые указывают на известную преднамеренность редактора. Таких списков можно наметить две группы: к одной принадлежат списки, начинающиеся с пророчества апостола Павла, к другой — начинающиеся с истории Филиппа и Александра».²¹

Та же закономерность наблюдается и на примере списков Древлехранилица, относящихся к интерполированной редакции «Откровения». Три из них можно отнести к первой группе, выделенной В. М. Истриным (списки Калик. 83, Кар. 41, Перетц, 240). Все они начинаются с пророчества Павла и соответствуют тексту, опубликованному В. М. Истриным (с. 122—131), завершаясь описанием Страшного суда. Каждый из этих трех списков обладает индивидуальными разночтениями, из которых наиболее интересны дополнения в списке Калик. 83. Например, в этом списке встречаем неожиданную фразу: «. . . тогда антихрист со слугами своими поскрежет на Христа зубами своими, господь же посмеется ему» (л. 21). Очевидно, здесь мы имеем дело с поздним осмыслением текста, так как в тексте списка интерполированной редакции «Откровения» XVI—XVII вв., опубликованного Истриным, здесь сказано: «. . . тогда неведомою силою держим будет» (с. 130). Формулу «И ты, господи, посмеешься им» встречаем в Ветхом завете (например, Псалтырь, 58, 9). Описание новозаветных героев при помощи ветхозаветных формул — явление не редкое для апокрифов, но в данном случае оно противоречит православной традиции, в которой «всегда преобладала та линия, которая считала смех греховным».²²

К II группе неполных списков интерполированной редакции, выделенной Истриным, относятся списки: Перетц, 482; Латг. 69; Богосл. 64а. Текст списков соответствует опубликованному Истриным начиная с истории Филиппа и Александра и до описания Страшного суда (с. 124—131).

Список Перетц, 482 разорван вставкой из «Слова Ипполита в неделю мясопустную о скончании мира и о антихристе», находящегося в том же сборнике. Листы 147—154 должны по порядку следовать в тексте «Слова Ипполита» за листом 202 об.; очевидно, порядок следования листов был перепутан при переплетении сборника.

²⁰ См. выше, с. 3.

²¹ Истрин, с. 229.

²² Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, с. 146.

Список Богосл. 64а непосредственно предшествует в сборнике Богословского списку первого славянского перевода.²³

В обоих списках находим пророчество о нашествии нечистых народов, заключенных Александром Македонским, воцарении Антихриста и Страшном суде. Но в списке Богосл. 64б этой общей части предшествует пророчество о приходе измаильтян, о греческом царе и царстве мира, а в списке Богосл. 64а эти общие для обоих списков эпизоды осложнены интерполяциями: историей Александра, описанием трех нечестивых правлений, правления царицы Мандоны, подробными деталями об антихристе и Страшном суде.

Благодаря этим различиям составитель сборника № 64 из собрания Богословского мог воспринимать списки Богосл. 64а и Богосл. 64б как различные тексты, близкие по тематике.

Соседство списков Богосл. 64а и Богосл. 64б может пролить свет на происхождение заглавия списка первого славянского перевода.²⁴

Между Диоптрой (Зерцалом душевительным) и интерполированной редакцией «Откровения Мефодия» действительно существуют текстовые параллели.²⁵ Характер этих параллелей и их происхождение требуют дополнительного рассмотрения.

Список У-Ц 11 представляет собой отрывок текста интерполированной редакции, включающий несколько эпизодов: развращение нравов, уход царя Михаила «во остров морской», история Филиппа и Александра Македонского, нашествие нечистых народов (с. 124—126).

Кроме славянских переводов и интерполированной редакции «Откровения Мефодия» в Древлехранилище представлены также старообрядческие компиляции, в которых использованы отрывки текста «Откровения». Мы остановимся на двух кратких компиляциях такого типа. Первая из них представлена восемью списками:

1) Усть-Цилемское новое собрание, № 193, л. 23—24, конец XVIII в. Заглавие: «Мефодия Патрсага» (Далее: У-ЦН 193).

2) Усть-Цилемское новое собрание, № 299, л. 28—30, конец XVIII в. Заглавие: «Мефодия Патрсага» (далее: У-ЦН 299).

3) Усть-Цилемское собрание, № 42, л. 24 об.—26, конец XVIII в.²⁶ Заглавие: «Мефодия Патрсага» (далее: У-Ц 42).

4) Карельское собрание, № 550а, л. 66—66 об., конец XVIII в. Заглавие: «Ис книги Мефодия Патрсага. От слова 60-го о последних временах и днех» (далее: Кар. 550).

5) Фонд «отдельные поступления», оп. 24, № 123, л. 193 об.—194 об., 20-е гг. XIX в. Заглавие: «Мефодия Патрсага» (далее: оп. 24, № 123).

6) Коллекция Ф. А. Каликина, № 94, л. 130 об.—132, 1-й четверти XIX в. Заглавие: «Мефодия Патрсага» (далее: Калик. 94).

7) Коллекция И. Н. Заволоко, № 24, л. 36 об.—37, последняя треть XIX в. Заглавие: «Книга Мефодия епискупа Патрсага от слова 400-го²⁷ о последних временах и днех» (далее: Завол. 24).

8) Карельское собрание, № 550, л. 86—86 об., последняя треть XIX в. Заглавие: «Из книги Мефодия Патрия (. . .) (неразборчиво) о последних днех и времех от слова 60-го» (далее: Кар. 550б).

²³ См. выше, с. 383.

²⁴ См. с. 383.

²⁵ Ср. список Диоптры из собрания БАН, Александровского монастыря № 21 (3986), XV в., л. 77—79 об.; (цит. в ст.: Г. М. Прохоров. «Диоптра» Филиппа Пустынника — «Душевительное Зерцало». — В кн.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979, с. 161—162) и интерполированную редакцию «Откровения Мефодия Патарского», по списку XVIII в., опубликованному Н. С. Тихонравовым в кн.: Памятники отреченной русской литературы, т. 2. М., 1863, с. 262—266.

²⁶ М а л ы ш е в, с. 97.

²⁷ Вероятно, искаженное: «60-го».

Неполный список первой компиляции опубликовал В. М. Истрин, не касаясь вопроса происхождения текста.²⁸

Как нам представляется, автор этой компиляции творчески осмыслил две фразы второго славянского перевода «Откровения Мефодия Патарского» применительно к современным ему событиям, дал этим фразам свое толкование, при этом он сохранил в заглавии имя Мефодия Патарского для подтверждения истинности своего сочинения.

Ко второму славянскому переводу в этом тексте восходят фразы: «Въпросят и от мертвых дани яко и от живых» (с. 110, строки 8—9) в переработанном виде, и «. . мнози отрекутся истинные веры и от животворящего креста и святых тайн без нужде и мучения и ран» (с. 111, строки 10—12). Первая из приведенных фраз позволяет нам отнести происхождение компиляции именно ко второму славянскому переводу, так как в первом славянском переводе она существует в ином виде: «. . яко и за мрътвыя дани възимати вьчнуть» (с. 94, строки 26—27), а в тексте интерполированной редакции вообще нет упоминания о взимании дани с мертвых (с. 122).

Списки этой компиляции в свою очередь поддаются группировке. Наиболее интересными из них представляются списки У-ЦН 193, У-ЦН 299 и У-Ц 42. Все три списка находятся в сборниках одного времени — конца XVIII в.;²⁹ сборники сходны по составу и оформлению: все они одного формата — в 8^о, написаны поморским полууставом. Переплет сборников — доски, покрытые кожей, с двумя застёжками; кожа переплета без тиснения (У-ЦН 193) и с вытисненным орнаментом (У-Ц 42, У-ЦН 299).

Сб. У-Ц 42 подробно описан В. И. Малышевым.³⁰ В его состав входят следующие тексты:

- (1) отрывок послания инока Авраамия боярыне Морозовой;
- (2) вступление к «Книге бесед» протопопа Аввакума;
- (3) первая беседа из «Книги бесед» Аввакума (без конца);
- (4) компиляция из текста «Откровения Мефодия Патарского»;
- (5) пятая челобитная Аввакума к царю Алексею Михайловичу;
- (6) Пахомиевская редакция Жития Корнилия Выговского;
- (7) Повесть о Никоне и о змие;
- (8) Сказание о Никоне и видение Димитрия волжанина;
- (9) Сказание о Никоне соловецкого старца Кирика;
- (10) Сказание о Никоне ученика его Андриана;
- (11) рассказ о беззакониях Никона.

Состав сборников У-ЦН 193 и У-ЦН 299 совпадает с У-Ц 42 с некоторыми расхождениями. В У-ЦН 193 текст (1) ошибочно озаглавлен: «О настатии антихристова времени. Из послания Аввакума» (л. 1). В У-ЦН 193 тексты (7) и (8) отличаются по почерку от всего сборника; вместо текстов (9), (10) и (11) находим выполненные третьим почерком «священно-диякона Феодора сказание о отцех протопопе Аввакуме и иноце Елифании и священнице Лазаре» (л. 146—150 об.), а также «о святых новых исповедание о Евдокиме и Петре» (л. 151—164). В У-ЦН 299 отсутствуют тексты (10) и (11).

Сходство У-Ц 42, У-ЦН 193 и У-ЦН 299 позволяет предположить существование их общего протографа, возможно, возникшего в первой половине XVIII в. и близкого по составу У-Ц 42.

К тому же протографу, как об этом можно судить по сходному составу, можно возвести и список Калик. 94. Сборник № 94 из собрания Ф. А. Каликина совпадает с усть-цилемскими сборниками по формату, однако по почерку и оформлению отличается от них. Хотя состав сборника и порядок следования текстов отличаются от усть-цилемских рукописей, но рассмотренную выше компиляцию находим здесь в неизменном виде,

²⁸ Истрин, с. 247.

²⁹ Сборники эти мы обозначим: У-Ц 42, У-ЦН 193 и У-ЦН 299.

³⁰ Малышев, с. 97—98.

в том же окружении сочинений Аввакума. Эти тексты следуют в таком порядке: (2), (3), (4), (5). Предшествуют им тексты (6), (8) и «Исповедание грехов повседневное. . .» (л. 95—97). Вслед за текстами (2), (3), (4), (5) идут текст о крещении (л. 152 об.—167 об.) и Слово Ефрема Сирина о втором пришествии Христе (л. 168—181). Можно предположить, что сборник Калик. 94 восходит не непосредственно к протографу, а переписан с некоего сборника трансформированного вида, или составитель сборника из собрания Каликина подверг протограф редактированию.

Список Кар. 550а по тексту соответствует усть-цилемским спискам и Калик. 94. Он входит в сборнике в состав тетради конца XVIII в., содержащей духовные стихи, отрывки из сочинений отцов церкви, сочинения о последнем времени. Очевидно, текст компиляции здесь воспринимался в ряду сочинений о последнем времени.

Список оп. 24, № 123 совпадает по тексту со списками, рассмотренными выше. Он входит в состав цветника и воспринимается в контексте сочинений о последнем времени, как и предыдущий список.

Сокращенный текст той же редакции содержат списки Завол. 24 и Кар. 550б.

Еще одна краткая компиляция, основанная на тексте «Откровения Мефодия», представлена в списке из собрания И. А. Смирнова, № 11, начала XIX в. Заглавие списка: «В книге святаго священномученика Мефодия епископа Патрсакого в слове 60-м между прочим напечатано». Текст списка из собрания И. А. Смирнова полностью соответствует списку ГПБ, Q.I.489, начала XIX в., опубликованному В. М. Истриным.³¹ Определить, восходит ли текст компиляции к первому или второму славянскому переводу или к интерполированной редакции, нам не удалось.

Интереснейшая компиляция, включающая текст интерполированной редакции «Откровения Мефодия», находится в списке из Пинежского собрания, № 60, л. 1—24,³² 1-й половины XIX в., без заглавия. В рукописи представлен плохо сохранившийся текст без начала и конца, совпадающий со списком ГПБ, Q.I.108, л. 121 об.—143, под заглавием «Слово об антихристе».

В. М. Истрин датировал список ГПБ XIX веком.³³ Представляется возможным датировать список более ранним временем — серединой XVIII в. (филигрань — «лилия» с буквами, датирована 1720 г.).³⁴ По отношению к этому тексту список Пин. 60 является частью. В нем отсутствует текст, соответствующий л. 121—124 об. и 141—143 рукописи ГПБ.

Список ГПБ начинается с рассказа Христа ученикам о последнем времени. Этот текст восходит к апокрифу «Вопросы Иоанна Богослова Аврааму на Елеонской горе».³⁵ Далее, как излагает содержание памятника В. М. Истрин, «описывается порча нравов и бедствия народные, потом умилосердится бог и в 8-й тысяче будет плодородие и мир и хорошие нравы»;³⁶ следует легенда о происхождении царя Михаила от нагомудрецов. По-видимому, автор «Слова об антихристе» воспользовался здесь не только сербской, как указывал В. М. Истрин,³⁷ но и хронографической Александрией (при описании реки и деревьев).³⁸ Далее «Слово об анти-

³¹ Истрин, с. 245—247.

³² За указание на этот список благодарим Н. С. Демкову. Далее список обозначаем: Пин. 60.

³³ Истрин, с. 194.

³⁴ Клепиков, Филigr. и штемп. № 1227. Датировку списка по нашей просьбе любезно уточнил В. М. Загребин.

³⁵ Ср.: Памятники отеченной русской литературы, том II. М., 1863, с. 204.

³⁶ Истрин, с. 194. Следует отметить, что это описание перекликается с «Книгой Еноха», ср.: И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872, с. 202—203.

³⁷ Истрин, с. 195.

³⁸ См., например: В. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследования и текст. М., 1893, с. 84.

христе» сюжетно следует интерполированной редакции «Откровения Мефодия Патарского», но дополнено интерполяциями из «Александрии», «Плача Исаяи о последних днях».³⁹ На данном этапе работы мы не можем назвать всех источников компиляции, но, вероятно, они достаточно многочисленны. Текст «Слова об антихристе» требует специального исследования как текст, на котором легко проследить формы составления и переработки рукописных произведений, установить их источники. Все это важно для понимания народной книжной культуры в ее развитии.

³⁹ И. Я. П о р ф и р ь е в. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877, с. 263—268.

ЗАМЕТКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. С. КОВТУН, В. В. КОЛЕСОВ

Новый труд о древних теориях искусства слова на Руси

Чрезвычайно важный и во многих отношениях новаторский труд С. Матхаузеровой¹ ставит перед медиевистами множество актуальных проблем; эта книга будет изучаться, но самые первые впечатления от ее прочтения также могут оказаться полезными в дальнейшем.

В этой книге выявлены, если не сказать открыты, и исторически целостно изучены литературные теории древнерусской письменности. Сама преемственность литературы, по словам автора, есть определенная форма теоретического обобщения, так как образуется в итоге осознания достигнутого предшественниками, путем освоения их художественного опыта.

Для древнерусской книжности, отмечает автор, характерна рано выработавшаяся традиция литературного изображения. Эстетические традиции — стили, жанры, основной запас образов (что можно понимать и как художественный язык) складывались как при чтении литературных произведений, так и при восприятии и формировании тех или иных теорий.

Цель автора — выяснить, были ли такие теории в древнерусской письменности. В источниках оказались их несомненные следы. Уловив отдельные свидетельства и факты и обобщив их, исследователь сумел воссоздать ход развития мысли, ее историческую логику и изменчивость применительно к историческим обстоятельствам.

Упомянув о трактате Георгия Хировоска «Об образах» в древнерусских списках Изборника 1073 г. как о примере литературной теории в самом узком смысле (теория тропов), Светла Матхаузерова замечает, что теоретические высказывания есть и в других сборниках (пожалуй, больше всего в Изборниках) и что в своих изысканиях она ориентируется именно на эти тексты.

«Столкновение теоретических обобщений имело чаще всего свое место в догматических спорах, сопровождающих новые переводы книг, их канонизацию или исправление» (с. 9). Обращение к подобному источнику при разработке объявленной темы, возможно, покажется неожиданным. В этом, как и во многом другом, видна пронизательность автора и глубина его знакомства с культурой русского средневековья.

Оригинальность книги сказалась и в том, что рассмотрение суждений и концепций, причастных к избранной теме (искусство слова), начинается в ней не с древних источников, а ретроспективно, с XVII в. Реформы патриарха Никона резко обострили догматические споры, поэтому особенно четко обозначились все бывшие подспудными противоречия. И те, кто отстаивал новое, и те, кто защищал отвергаемое ими, стремились к теоретическим обоснованиям своей позиции и к обобщениям. Уже в самом начале книги автор использовал это оживление теоретической мысли

¹ С. М а т х а у з е р о в а. Древнерусские теории искусства слова. — Acta Universitatis Carolinae Philologica, Monographia LXIII, Praha, 1976, s. 146 (далее с. указаны в тексте).

для очень яркого представления дифференциальных признаков расхождения. Непостижимость красоты, определяемой идеальными константами качества и воспринимаемой чувством в постоянстве символа (т. е. аллегории), субстанциональность текста, т. е. ориентация на синтагматические цепи с одновременным отрицанием грамматики как организующей силы языка и вместе с тем с абсолютизацией некоторых грамматических категорий (вечносущие — аористные и мимошедшие — перфектные формы), истовая вера в букву как в знак, воплощающий бога посредством канонического текста, пренебрежение излишним украшательством в стилистической сфере изложения — у Аввакума и у его сторонников. Познание как одна из форм прекрасного, которая доступна измерению и постигается в ее развитии, пропорциональность и соразмерность вещей, возможность их познания; поэзия разума, а не чувства; интерес к изменчивому символу и многозначность этого символа; сопоставимая ценность текста в его отношении к грамматической системе, а следовательно, и выработка «парадигматического» миросозерцания; свобода субъекта по отношению к каноническому тексту (правда, текста не в его незыблемой вечности, а в постоянном столкновении с познавательными способностями читателя в связи с развитием знания); предпочтение звону (звуку, звучанию), а не букве, т. е. в представлениях того времени — мирскому, а не освященному; любование тонкими извилами стилистически вычурной формы — у С. Полоцкого и его сторонников. Светла Матхаузерова четко показывает, как по мере обмирщения литературы и ее демократизации все ошутимей становилось воздействие новых факторов ее развития — науки и образования.

В ходе пристального анализа материалов определились и были выдвинуты в качестве ключевых четыре аспекта изучаемой проблемы, которые, как оказалось, жестко связаны друг с другом и изофункциональны в своих проявлениях: 1) поляризация эстетических взглядов в русской культуре как отражение социальной борьбы на исходе средневековья; 2) теория перевода; 3) теория стиха; 4) мировоззренческий характер стилеобразующих доминант, например, представление о времени.

Обобщение показаний источников требовало сочетания философского, историко-литературного и лингвистического подходов к предмету и объекту изучения. Синтетический анализ данных привел автора к важнейшим результатам. Они существенны и для филологии в целом и для отдельных, ее составляющих, дисциплин.

В первом отделе книги прямой выход в лингвистику имеют проблемы текста, художественного значения и попутно затронутая проблема глагольных времен. Нельзя не упомянуть и о лексикографии, хотя непосредственно о ней в исследовании автора и нет речи.

Говоря о начитанности как об особом типе образованности, автор пишет, что и до XVII в. несомненно существовало четкое представление о «беззавистной отеческой науке», но еще не возникло нужды в ее точном определении: «Только столкновение с критицизмом никоновской реформы и с влиятельной наукой Киево-могилянской академии заставило московских книжников попытаться сформулировать характер и смысл своего типа образованности» (с. 14). Видимо, в этой связи стоит учесть, что со второй половины XVI в. стал складываться и активно развиваться на протяжении всего XVII в. особый тип словарей — азбуковники (или алфавиты) иностранных речей, которые со временем образовали обширный и весьма характерный раздел древнерусской книжности. Созданные в этот период азбучные своды лексики содержат не только переводы иноязычных слов, но и истолкования понятий, в том числе и символики, описание реалий, сведения об именах и лицах, и т. д. По всей видимости, они как раз и были направлены на утверждение того самого принципа начитанности, о котором говорится в книге Светлы Матхаузеровой. Не случайно предисловия азбуковников обращены к благочестивому и рачительному читателю, а их источники — в основном «книги благодатного закона». Назна-

чение азбуковников в том и состоит, чтобы способствовать пониманию этих книг, усвоению их текстов. Азбуковники возникли на базе экзегетики и переводческой культуры шести веков.

В исследовании нашего автора проведена мысль о мировоззренческой подоснове всех стилистических категорий. Авторский стиль и стиль литературной школы отражает то или иное видение мира. Так, понятие абсолютно прекрасного, принятое в творчестве Аввакума, «повлияло на его образную систему, его метафоры, символы, эпитеты, на отношение к тексту и его толкование...» (с. 17). Это воздействие было всеобъемлющим, организующим языковую ткань вплоть до грамматических категорий; «мир абсолютных идей потребовал своего абсолютного времени, вечного, без начала и без конца. . . В этом мире нет и движения, есть только абсолютное существование» (там же). И далее о связи этих элементов, о наличии художественной системы: «Эстетические взгляды и их реализация в творчестве Аввакума представляют единство. Все было взаимосвязано, и отказаться от единственного эпитета или глагольной формы нельзя было без нарушения всей концепции» (там же).

С той же отчетливостью представлены в книге и основы эстетических воззрений противников школы Аввакума — Симеона Полоцкого и других, которые также исходят из христианского мировоззрения, но уже прошедшего период схоластики и ренессанса. «Учение о пропорциональности или соразмерности вещей сделалось основой новой эстетики» (с. 18). Платоновские понятия пространства уступили место понятиям аристотелевским. Статическим количествам противопоставлено движение и процесс. «В физике Аристотеля универсальный строй проявляется как иерархия мест. Эта соизмеримость делает возможным движение и стремление к более высокому назначению» (с. 19). Образы Симеона Полоцкого динамичны. В этой связи в книге поставлены в оппозицию два типа образов — аллегория и метафора. Значение аллегорического символа, — отмечает автор, — закрыто, «оно раз навсегда дано и дальше не развивается: корабль, солнце, луна и т. д.» (с. 20). Та же мысль высказана и выше, где говорится, что именно такой тип образов предпочитал Аввакум (с. 17). Однако, видимо, стоит отметить, что подвижность метафоры остается в границах реального мира, пусть даже и фантастически преобразованного. Что касается аллегории, то в силу своей условности, знаковости она при статичном значении обладает практически неограниченной свободой модификаций. Поскольку в аллегориях средневековых текстов скрыт внутренний, духовный мир, мир абсолютных идей, непостижимых и неизмеримых, поскольку эти символы даже избранным открываются лишь отчасти, представляя то в одной, то в другой из своих ипостасей, то и раскрытие («познание») их мыслилось как беспредельное, каждый из текстов мог получить не одно, а много, причем несходных, а иногда и противоположных толкований. Отсюда возникали пучки символов, скрывающих тот или иной «духовный» смысл, и, наоборот, те же самые символы выступали как знаки вовсе несходных объектов.

Показательны в этом отношении статьи старинных словарей, где по византийской традиции толкуются символические значения имен библейских мест и персонажей, наименований народов и т. д. Приведем несколько примеров из глоссария XVI в., названного «Скудных язык произволение» (по списку ГПБ, Соловецкое собр., № 907 (1017), л. 484—496): *едem* — 'пища,² жизнь, помощь и печаль'; *заулон* — 'ночевание, и молва ночная, и разум'; *Илья* — 'солнце и божья крепость'. Ср. также статью из азбуковника конца XVI в. (ГБЛ МДА, 173 (35), Л. 84), где проявилась контрастность приводимых значений: эфиопи—смирени, наричет же писание и бесов мысленне аравлянами, и эфиопами, и муринами.

² В значении 'наслаждение, радость, блаженство', возникшем в результате ошибки переводчиков, смешавших греческое слово *τροφή* 'пища, еда' со словом *τρυφή*.

Символами бога поэтому могли оказаться и *свет*, и *тьма*. Упрекнутый Никиту Добрынина в незнании патристики (в том, что ему незнакомо толкование образа «тьма» Дионисием Ареопагитом) Симеон Полоцкий, как и тот, с кем он спорит, видимо, воспринимают этот образ как метафору, а не как аллегорию, если ищут для него естественных оснований.

Символы средневековья — явления религиозного сознания (это не риторические фигуры из трактата Хировоска, хотя и он был знаком русским с XI в.). Отрицая греческую мифологию, Аввакум (так же как и азбуковники в их следовании византийским хроникам и Максиму Греку) отвергал в ней не «античное искусство» (с. 14), а язычество, нехристианские верования.

Обе концепции текста, которыми располагал XVII век, — субстанциальная и рационалистическая, — нашли отражение в теории перевода. Второй раздел книги и посвящен теориям перевода от древнейшего периода вплоть до XVII в. Во всех тонкостях рассмотрен и последний этап развития древнерусской культуры, предваивший петровское время (см. с. 27—55).

До сих пор концепции перевода были известны лишь в самом фрагментарном виде. Автору удалось выявить их основные черты и тем самым в сущности доказать их реальное существование. Анализ взглядов по вопросам перевода показал, как тщательно они продуманы. Переводческие теории предстали в виде целого ряда противостоящих друг другу и сменяющих друг друга концепций. В книге отчетливо показано, чем и почему каждая из них обогатила древнерусскую культуру.

Тщательно разобраны суждения о переводах, представленные в Македонском листке, принадлежащие, по А. Вайану, Кириллу (Константину), и развитие их в «Прологе» Иоанна Экзарха. Эта наиболее ранняя из славянских теорий перевода названа автором теорией открытого перевода. Ее основной принцип: перевод по смыслу, примат содержания над выражением. Светла Матхаузерова подчеркивает широту культурно-исторического подхода к тексту первоучителей славянства, а также и связь этих взглядов с философией стоиков, с позднеантичным стоицизмом и средневековой схоластикой, близость их вместе с тем и к современным знаковым теориям (у св. Августина *signum* 'знак' как совмещение двух его компонентов: *signans* и *signatum*).

В связи с изложением концепции открытого перевода большое внимание уделено специфически философскому значению слова *разум* 'смысл, значение, содержание' в его противопоставлении термину *глагол* 'слово', понимаемому как материальная данность. Автор пишет, что в Македонском листке и «Прологе» Иоанна Экзарха *глагол* и *разум* представляют две стороны слова и текста. В трактатах проводится мысль о том, что соблюдение смысла стоит выше дословности перевода (с. 33).

Здесь возможны и некоторые дополнения. При анализе семантики средневековых терминов непременно приходится учитывать ее архаичку. Синкретизм значения слова *разум* в этот период сказывается в самой высокой степени. О каком разуме идет речь? Автор полагает, что при употреблении этого слова в трактатах реализуется понятие 'содержание, значение, смысл', а специфически религиозное понимание этого слова, сближающее его, например, с такими словами, как *мудрость*, *премудрость*, уходит на второй план. «Слово *разум*, конечно, имело в данной теории перевода еще одно значение, — пишет Матхаузерова, — а именно тот образный смысл, который относится к какой-то другой действительности и который скрыт в словах, как в явлениях более низкого плотского характера» (с. 33). Но дело в том, что это семантическое явление вряд ли верно характеризовать как «еще одно значение»: смыслы слова *разум* выступают еще нерасчлененно, они как бы наслаиваются друг на друга. Данное слово, как и многие другие, в силу этого может быть понято и так, и иначе, и в реальном, и в религиозном планах. Не имеют четкого разграничения

и такие семантические филиации слова *разум*, как «значение слова» и «значение всего контекста», а в применении к специфическому объекту — переводу Писания — это означает богословский смысл переводимого сочинения. Характерно, что при слове *разум* может и не быть ограничительных определений типа *вдушный, духовный, внутренний*, и тем не менее передаваемый ими смысл подспудно присутствует в его семантике, проявляясь то в тех, то в иных контекстах. Двойственность, таким образом, заключается не только в наличии двух сторон содержания и выражения, но и в том, что за содержанием текста, по представлениям того времени, кроется некое духовное начало, раскрытие которого и являлось целью экзегетики (Толковая псалтирь, Толковое евангелие, Толковый апостол и др.).

Синкретизм средневековых терминов может быть выявлен лишь при сопоставительном изучении истории их развития (*мудрость, разум, ум, слово* (λόγος и ῥῆμα), *речение, речь, глаголение, глагол, имя* и т. д.) Ср., например, сочинение Максима Грека «Беседует ум к душе своей». Сложность и особый характер семантики слова *ум* в этом применении явно обнаружат себя, лишь только мы сопоставим его со всем комплексом выражаемых этим словом в древних текстах значений.³ Следует уточнить и представление о знаке. Средневековый знак — это совокупность значений не только одного слова, но и всех семантически близких (перечисленных выше) слов, и эти значения по принципу парадигматических отношений как бы «вкладывались» друг в друга, и каждое из них раскрывалось лишь в определенном контексте и только в системе своих собственных отношений, например, только в определенном жанре или типе высказывания. В этом-то и заключается трудность расшифровки средневекового источника с точки зрения его стиля. То же относится и к словесному знаку, т. е. к глаголу. *Глагол* не противопоставлен *разуму*, если в тех же контекстах (именно так и обстоит дело с сочинениями Иоанна Экзарха) *глагол* противопоставляется еще и *гласу* («гласы нагы»); следовательно, в полном соответствии с пониманием Августином этой проблемы мы можем говорить о том, что *глагол* есть совмещение *гласа* и *разума*, а при таком толковании *разум* есть «означаемое» — категория более широкая, чем «смысл, значение».

В историческом осмыслении нуждаются и собственно филологические термины, например, такие, как *грамматика* и *грамматический*. Нужно учесть и специфику их употребления в древних текстах, и некоторую вольность в применении их исследователями при разборе явлений древнерусского и среднеперусского периодов. Исторические словари не отмечают эволюции семантики слов *грамматикия*—*грамматика* (например, того, что под воздействием комплексного значения греческого γραμματικῆ τέχνη слова эти сближались в известной мере то с термином *философия* (любомудрие), то со словами *риторикия*—*риторика*).

Что касается современных исследователей, то они все старинные сочинения о языке (и по фонетике, и по орфографии, и по просодии и т. д.), а не только по грамматике именуют «грамматическими», делая исключение лишь для словарных опытов. В этом они следуют за старинными грамматиками, в которых на вопрос: «В koliko частей граматика делится?» — следовал ответ: «В четыре части: во орфографию, во етимологию, в просодею, в синтаксис» (Азбуковник, ГПБ, Q. XVI.7, второй половины XVII в.). Но это, как кажется, не способствует ясности изложения и пониманию текста.

В книге Светлы Матхаузеровой термин «грамматический» служит для квалификации переводческой концепции Максима Грека, а также и его теории стиха. Между тем Максим был не только грамматистом, но

³ По свидетельству исторической лексикографии «душа, совокупность духовных сил», «способность мыслить и познавать, разум», «разумение и понимание», «рассудок», «мысль», «образ мыслей» и т. д. (С р е з н е в с к и й, т. III, стб. 1211 и след.).

столь же выдающимся лексикологом и лексикографом (возникновение азбучников — прямой результат деятельности его последователей), и стилистом. «Разум» отдельных частей и оригинала и перевода ставился им в прямую зависимость от верного понимания и выбора слов, а точность перевода он проверял общим смыслом всей фразы и соответствием идеологии и стилю всего сочинения. Отметив это некоторое расхождение с автором, хочется все же сказать, что в книге Светлы Матхаузеровой филологическая деятельность Максима Грека получила на редкость яркое и разностороннее освещение, причем последовательно во всех главах исследования.

В общей хронологической последовательности «смены теорий перевода» (открытый—вольный—пословный—грамматический—синтетический), которую тонко воссоздает Светла Матхаузерова чисто аналитически, видимо, на самом деле не было резких граней. Е. М. Верещагин говорит о пословности первоначального перевода Евангелия, Климент Смолятич в XII в. призывал к «плетению словес», а Кирилл Туровский тогда же этот принцип отчасти и воспроизводил в своих цитатах и пересказах; пересказ как форма вольного перевода широко распространился в новое время; другими словами, не будет ли вернее говорить, что развитие науки о переводе происходит как изменение принципов перевода в связи с преимущественным вниманием к какой-то одной стороне дела в соответствии с конкретными историческими, художественными и идеологическими аспектами духовной жизни общества? (см. сказанное автором книги на с. 55).

В исследовании теории стиха Светла Матхаузерова также дает своеобразную периодизацию типов стихосложения, легко соотносимых с мировоззренческими и художественными симпатиями определенного времени: 1) ритмико-динамическое стихосложение народной поэзии; 2) древнеславянская силлабическая поэзия; 3) переводная книжная поэзия, основанная на ритмической организации акцентов; 4) ритмическая организация текста в стиле «плетения словес»; 5) грамматическая концепция стихосложения, основанная на искусственной системе количественных противопоставлений гласных в XVI в.; 6) новый силлабический стих, основанный уже на эстетической концепции стиха.

Исчерпывающе и доказательно показано своеобразие каждого типа и его связь с особенностями языка определенного времени. Совершенно ясно, что историческая смена типов стихосложения есть уже собственно развитие на национальной почве, потому что связана с изменением форм языка. При этом этапы собственно развития сменялись этапами временной стабилизации и даже возвращения к старым типам стихосложения. Например, типы 3 и 5 — несомненно реакция на бурное развитие народных форм стихосложения в определенные эпохи, своеобразная попытка подавить их проявлениями традиционно книжной культуры. В содержательном отношении 3 тип есть реакция на тип 2, а 5 — реакция на тип 4, но все они несомненно связаны с определенной ритмической организацией художественного текста, существующей реально в языке, которую Р. Пяккио назвал «изоколическим принципом членения древнерусского текста» и которая связана с ритмическим чередованием акцентов в равносложных стопах. В таком случае развитие средневекового стиха оказывается «обузданием ритмичности текста», построением «парадигмы стиха». Очень интересны наблюдения Светлы Матхаузеровой над совмещением ритма и напева, ритма и исполнения, и т. д. — синкретизм древнего стиха от формы к форме постепенно вычленил «стих» из музыки, из сопровождения, из языка. Однако в древности подобное совмещение стиха и музыки при исполнении несомненно, но если это так, тогда неясно, каким образом может, например, силлабический стих развиваться в языке с музыкальным ударением (как в древнерусском до XII в.) или почему следует отказываться в утверждении зависимости между средней длиной древнерус-

ского слова и типичной «стопностью» древнерусского (былинного) стиха? Эта связь кажется несомненной и подтверждается существующими статистическими разработками древнерусского текста. Добавим, что автор очень проницателен в наблюдениях над историей развития стиля «плетения словес», его функциональных особенностей; это же можно сказать и об изучении «меры и согласия» в творениях Симеона Полоцкого.

Но мы обратим внимание читателя на другую теорию средневекового стихосложения, которую автор называет грамматической и которая связана с именем Максима Грека. «Стих стал сознательно изучаться как специфическое языковое явление, подлежащее закономерностям чисто языкового характера», стихотворство «стало предметом грамматических и специальных статей» (с. 91), т. е., формулируя иначе, обозначился переход от текстуально ритмической организации слова на «парадигму стиха». На примере данной теории стиха можно видеть, что и прерывы постепенности в развитии средневековой поэтической техники на самом деле не являлись регрессом; это были периоды остановки с целью теоретического осмысления достигнутых результатов и подготовки к следующему этапу развития. Византийский стих с характерными для него количественными признаками ритмизации стал как бы масштабом для сравнения с известными типами стихосложения. В данном случае в центре внимания не буква, а звук (долгота или краткость слога), не содержание текста, а форма его воплощения. Сразу же стало ясно, что распределение долгих и кратких гласных в русском языке не соответствует подобному распределению в других языках, например в греческом, и потому русский стих должен получить свое развитие на основе законов русской просодии и фонетики. В тот исторический момент, о котором идет речь, только на материале стихосложения, видимо, и возможны были разработки в области просодии и фонетики слова; судьба авторов «Лаодикийского послания» показывает, что изучение этих проблем на другом материале становилось делом небезопасным в условиях усиления церковной и государственной ортодоксии.

Самостоятельный интерес в книге представляют и ритмические реконструкции стиха в текстах Максима, проведенные Светлой Матхаузеровой. Эта часть книги иллюстрирует огромные возможности, которые открываются при исследовании средневековой поэтики лингвистическими методами, что и показано автором на примере его реконструкций. Необходимо только оговорить, что представленная реконструкция несколько абстрактна, дана как один из возможных вариантов, она не всегда учитывает реального соотношения позиционных долгот в среднерусском языке. Приведем пример.

В «Сявилле» большинство стихов (шестистопный размер) указывает на гекзаметр. Квантитативный ряд строится следующим образом:

Изпоеет бо земля знамение суда егда будет.

— ∪ ∪ ∪ | — ∪ ∪ | — || — | — ∪ ∪ | — ∪ ∪ | — ∪

Транскрипция реальных звуковых соответствий на самом деле иная:

Испотѣет бо земля // знаменьє суда егда будет.

Если же квантитативный ряд совместить с позиционным распределением акцента (который не мог не принимать во внимание русский стих), то окажется, что две соседние краткости равны одной долготе, а в каждой стопе оказывается хотя бы один ударный гласный:

— ∪ | — ∪ ∪ ∪ ∪ — | — ∪ ∪ ∪ — ∪ | ∪ ∪ — ∪.

Следовательно, в данной строке число мор по стопам соответственно оказывается 5+5+5+5+3=23 моря на 17 слогов.

Такое же положение и в следующих стихах этого текста, ср. некоторые уточнения к реконструкции Светлы Матхаузеровой (с. 97—100):

Приидет же с° небесе царь веком бѹдущим

— ∪ ∪ ∪ | ∪ ∪ ∪ ∪ || — ∪ | — ∪ ∪ ∪ = 5 + 4 + 5 + 4

Плоті прииде всякой и міру всему сѹдит

∪ — ∪ | ∪ — ∪ ∪ | ∪ — ∪ ∪ | ∪ ∪ — ∪ = 4 + 4 + 4 + 5

Узрять же бога чловѣци вѣрнии и невѣрнии

— ∪ ∪ ∪ | ∪ ∪ — ∪ || — ∪ ∪ ∪ ∪ | ∪ — ∪ ∪ ∪ = 5 + 5 + 5 + 5

Вышняго со святыми на кбнѹ вѣкомъ

— — ∪ | ∪ — ∪ — | ∪ — ∪ ∪ | — ∪ = 5 + 5 + 5 + 5

Легко определяется особенность такого НЕграмматического стиха: разделение по морам происходит не между словами, а именно по принципу общего членения текста; следовательно, стих оказывается чем-то общим, он целен в ритмическом отношении и не разграничивается грамматически. Здесь налицо совмещение двух принципов: стопограницы создаются ударением (причем ударение акцентно слабых слов не принимается во внимание), а сами стопы строятся по квантитативному принципу. Ударение оказывается чисто синтагматическим признаком, оно не являлось еще строго лексическим (смысловым) и согласно обозначениям в русских акцентованных рукописях XVI в. (с XVII в. оно как раз уже ставится над каждым словом отдельно, в том числе и над служебным словом!). Для этой системы важно также, «мягкие» или «твердые» слоги вступают в ритмическое соотношение: мягкие всегда воспринимаются как длинные, а твердые — нет, ср.:

Лядича егда весь миръ тѣрчие будет.

— — ∪ | ∪ ∪ — ∪ | — ∪ — ∪ | — — = 5 + 5 + 5 + 4

Эта особенность (хотя и факультативная) также соотносится с собственно русской фонетикой, которая накладывалась на квантитативный византийский стих, «приручая его» к русской почве (долгота «мягких» слогов обозначается и в грамматических руководствах того времени).

Влияние общемировоззренческих импульсов на развитие даже и собственно грамматических категорий раскрывает последняя глава книги, посвященная становлению понятия времени в эстетических представлениях средневековой художественной культуры: времена вечные (например, аорист) по необходимости отличались от преходящих (перфектная группа). Основной пафос книги Светлы Матхаузеровой — обратить внимание на те дифференциальные признаки эстетики слова, которые в различные эпохи развития русской культуры становились доминирующими. Тем не менее многие явления существовали на протяжении всего средневековья, хотя иногда они могли находиться и на периферии культурной жизни. Это относится и к использованию форм прошедшего времени в символическом значении. Еще Кирилл Туровский в своих молитвах строго разграничивал аорист и перфект в зависимости от субъекта действия, то же характерно для всей средневековой литературы, а протопоп Аввакум, неустанно редактируя текст своего Жития, старается использовать аорист только в «высоком» стиле и в прямых цитатах из Писания. Но есть одна грамматическая тонкость в текстах Аввакума, мимо которой нельзя пройти, поскольку это одна из доминант его стиля. Если перфект — «мимошедшее», а действия простого человека нельзя передать формами аориста (только упоминания о боге, бесах, а изредка о самом Аввакуме сопровождаются употреблением аориста), то для обозначения «вечного, постоянного» действия простого человека используется настоящее историческое, т. е. формы

настоящего времени в значении прошедшем, ср. замены в редакциях Жития: *плакала и рыдала* > *плачет и рыдает*; особенно часта замена перфекта на причастие настоящего времени: *сотворил* > *сотворя*, *вскочил* > *вскач* и др. Противопоставление вечного и текущего времени в XVII в. как бы нейтрализуется в «вечном настоящем», которое понимается как «текущее прошлое». Даже Аввакум, хранитель средневековой традиции, в своей конкретной художественной практике на уровне формы не мог противостоять давлению нового, а это давление определялось тем, что система русского глагола изменилась с XII до XVII в. совершенно, необходимо было искать какие-то эквиваленты для выражения старых символических отношений хотя бы и ради того, чтобы не казаться слишком смешным в глазах современников. Таким-то образом традиционализм Аввакума и оборачивается революционностью его языковой формы: последняя вынуждена.

В интересные и перспективные соображения Светлы Матхаузеровой хотелось бы внести одно уточнение. Символика средневекового текста пользовалась архаичными грамматическими формами весьма широко, но обычно в тернарном противопоставлении; например, в отношении времени: как можно судить по некоторым грамматическим (стилистическим, риторическим) руководствам, кроме аориста и перфекта использовался еще и совершенно вышедший из употребления имперфект. Преследование Максима Грека и было вызвано тем, что он своими парными противоположностями пытался нарушить сложившееся представление о троичности отражения «мира», выраженное таким образом:

божественное	—	человеческое	—	бесовское
аорист		имперфект		перфект
мужское		среднее		женское
единственное		двойственное		множественное и т. д.

Средневековое мировоззрение в принципе тернарно, поэтому и символические оппозиции обязательно строились по градуальному принципу. Между прочим, именно это и задерживало развитие грамматических форм в церковнокнижном языке, хотя вместе с тем и определяло направление последующих нейтрализаций в пользу нейтрального варианта, нейтрализаций, которые определялись в столкновении народно-разговорного языка с церковнокнижным. Аорист обозначал само действие, имперфект — характер действия (отсюда смешения с формами несовершенного вида), перфект — качество действия в прошлом. *Ста ту* — действие (по 'преимуществу, *стоязуть* — характер длительного действия вне времени, но *стальсть* есть указывает на качество, обозначившееся как результат действия в прошлом. Поэтому *горѣльсть* есть — это просто *горелый*, *уныль бѣ* — это *унылый* и т. д. Тождественность форм на протяжении длительного времени существования древнерусской литературы еще не отражает тождественности их значений, и это следует постоянно помнить. Смысл стилистического анализа и заключается, как кажется, не только в указании на символическое использование грамматических форм, но и на те возможные изменения в смысле самих грамматических форм, которые в связи с изменениями языка постепенно заглушают смысловой ряд древнего текста. В этой связи хочется указать следующие глубоко справедливые слова автора, отражающие самый глубинный смысл происходивших сдвигов — и в языке, и в художественном освоении мира, и в мышлении. «Культура, пользовавшаяся латинским языком, была культурой цивилизационного понятия времени, измеряющего время движением пункта (-точки — авторы) в пространстве. Такое понимание времени считалось с определенной точки зрения, которая сама по себе может меняться, и глагольные формы выражают прежде всего временное отношение действия к этой точке зрения. Евфимий, наоборот, как сторонник средневекового субстанциального понятия времени, по которому время не движется, а только рас-

пространяется в своем ограниченном или бесконечном существовании, старался закрепить за этим понятием определенные глагольные формы славянского языка» (с. 120) — потому что «время еще сохраняло свой цвет и запах, будучи отчасти процессом, отчасти предметом, иногда двигаясь, а иногда останавливаясь на месте, чтобы излучать вечность» (с. 126). Совокупность всех этих вопросов, встающих перед исследователем, когда он приступает к изучению древнерусских текстов, настоятельно требует совместной работы специалистов разных областей знания. Во всяком случае, смысл древней литературы невозможно понять без предварительной расшифровки ее поэтики, воплощенной в языковых формах. В том, что эта мысль еще раз высказана со всей отчетливостью, бескомпромиссно и доказательно, и заключается основная заслуга Светлы Матхаузеровой.

В. И. КРЕКОТЕНЬ

**Труды А. А. Назаревского по истории
восточнославянских литератур XI—XVII вв.**

¹ Профессор Александр Адрианович Назаревский (30 XI (12 XII) 1887—30 IX 1977) — выдающийся украинский советский филолог. Его многолетняя научная и научно-педагогическая деятельность неразрывно связана с Киевским университетом, с Центральной научной библиотекой Академии наук УССР, с Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко Академии наук УССР.

Начало своей исследовательской и литературной работы А. А. Назаревский датировал 27 октября 1907 г., когда он выступил с докладом «Приемы критики текста применительно к древним и новым памятникам русской литературы» на одном из первых занятий филологического семинария, сложившегося в начале XX в. вокруг профессора Киевского университета В. Н. Перетца.

Это было своеобразное вольное научно-учебное общество, независимое от факультета. В его работе принимали участие университетские студенты и курсистки высших курсов, а также оставленные при университете для подготовки к профессорской деятельности (по современной терминологии — аспиранты). За годы существования семинария в нем прошло научную подготовку около 130 человек. Из них выделилась целая плеяда выдающихся ученых и деятелей культуры, в том числе В. П. Адрианова, А. В. Багрий, А. П. Баранников, С. А. Бугославский, Н. К. Гудзий, А. К. Дорошкевич, М. А. Драй-Хмара, Б. А. Ларин, С. И. Маслов, Д. Н. Ревуцкий, С. В. Савченко, Е. К. Тимченко П. П. Филиппович, С. А. Щеглова и др.

Из семинария А. А. Назаревский вынес способность стимулировать своих учеников и сотрудников, заряжать их творческой энергией. Семинарий воспитал у него вкус к работе «на черном дворе науки», как любил говорить В. Н. Перетц, четкость, регулярность и неторопливую основательность в изложении результатов своих разысканий, наблюдений и размышлений. Ученый не спешил публиковать или оглашать свои монографии, статьи, доклады, лекции, выступления, стремясь всесторонне их обдумать, скрупулезно отделать. Этот принцип, возможно, несколько тормозил его творческую отдачу, зато обеспечивал ее научную доброкачественность.

В своих трудах первых послереволюционных десятилетий А. А. Назаревский стремился сохранить и продолжить лучшие традиции отечественной академической филологии, а начиная с тридцатых годов — соединить эти традиции с марксистско-ленинским пониманием литературы как общественного явления, обусловленного закономерностями классовой борьбы и исторического развития, обращая, в частности, особенное внимание на выделение и истолкование прогрессивных, эстетически и идейно значительных явлений в литературных памятниках восточнославянского средневековья и в наследии русской и украинской литератур XIX—

XX вв. В это же время он активно включается в работу по популяризации историко-литературных знаний среди широких кругов трудящихся, выступая с многочисленными рецензиями и информационными заметками в журналах и газетах.

Научные интересы А. А. Назаревского сосредоточивались прежде всего в области древних восточнославянских литератур. Поиск, учет, научное описание, библиография, изучение и издание памятников старинной письменности — филологические основы истории литературы — всегда находились в центре его внимания. На протяжении всей творческой жизни, с первых самостоятельных исследовательских шагов ученого привлекают памятники, в которых наиболее выразительно проявляется художественное начало: повествовательные жанры — апокрифы и легенды, переводные и оригинальные повести, а также вершина древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Вслед за Ф. И. Буслаевым, В. Н. Перетцем, одновременно с А. С. Орловым, А. П. Белецким, В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзием он выдвигает на передний план как объект историко-литературного изучения проявления литературной художественности в старинной письменности, утверждая при этом, что исследование эстетических качеств древних литературных памятников может быть плодотворно только лишь при условии предварительного углубленного их изучения в филологических аспектах.

Особенно весомы достижения А. А. Назаревского в исследовании старинной повествовательной литературы. Еще в 1908 г. он печатает обстоятельный труд о популярном апокрифе «Хождение богородицы по мукам» в украинских списках XVII—XVIII столетий. Занятия этим апокрифом нашли отражение и в других его публикациях. Неутомимо трудится он над уточнением репертуара старинной украинской повести и разрабатывает подробную программу ее изучения, описывает повествовательные тексты киевских рукописных собраний, составляет археографию и библиографию старинной восточнославянской повести. Часть собранных им сведений образовала фундаментальную «Библиографию древнерусской повести» (М.—Л., 1955), существенно дополняющую изданную ранее одноименную книгу В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (вып. 1. М.—Л., 1940). Сведения об украинских рукописях, содержащих повествовательные тексты, изложены в его статьях 1928, 1929 и 1959 гг. Этот цикл трудов А. А. Назаревского является надежным путеводителем для всех исследователей, продолжающих изучение повествовательных жанров в древних восточнославянских литературах. Оставил он им и образцы оригинального научного анализа повестей.

А. А. Назаревский постоянно привлекала проблема взаимосвязей между старинной литературой и фольклором, в частности, в сфере повествовательных жанров. Еще в 1919 г. он публикует статью «К истории русской народной сказки. Сказка о Рахе разбойнике», а в 1963 г. выходит в свет результат его многолетних разысканий — книга «Из истории русско-украинских литературных связей. Старинные книжные легенды и их связи с русским и украинским фольклором». Эту же тему продолжили его публикации 1969 г. о повести Н. В. Гоголя «Вий», легендах о Касьяне и народных поверьях о 29 февраля.

А. А. Назаревский был авторитетным знатоком «Слова о полку Игореве». В течение всей жизни он сохранял влюбленность в эту жемчужину древнерусской литературы. Ему принадлежат работы, рассматривающие вопросы авторства и жанровой природы «Слова», толкующие «темные места» его текста и намечающие перспективы дальнейшего изучения памятника. В Киевском университете он читал специальный курс по «Слову».

А. А. Назаревский был одним из пионеров в исследовании литературных особенностей старинной документальной прозы.

Большое значение для разработки русско-украинских литературных взаимоотношений в XVI—XVII вв. имеют наблюдения А. А. Назарев-

ского над украинскими списками, переводами и переделками памятников русской литературы.

Интерес к рукописному наследию писателей преобладает и в его трудах, посвященных литературе XIX в. Ученый глубоко знал и неутомимо пропагандировал поэзию А. С. Пушкина. Ему, в частности, принадлежит основательное описание пушкинских материалов, хранящихся в рукописных собраниях Киева. Будучи одним из лучших знатоков гоголевских рукописей из киевской «Гоголианы», он принимал активное участие в подготовке академического издания сочинений Н. В. Гоголя. Большой вклад внес А. А. Назаревский в работу над осуществлением десяти томного академического издания сочинений Т. Г. Шевченко. В его архиве сохранилось 107 л. планов, инструкций, текстологических комментариев и других материалов, относящихся к подготовке этого издания. (Отдел рукописей ЦНБ АН УССР, ф. 83, н. 125). Ему принадлежит, в частности, составление разделов «Другие редакции и варианты» в томах, посвященных поэтическому наследию Шевченко, текстологическая разработка и комментирование повестей «Наймичка» и «Прогулка с удовольствием и не без морали», «Дневника». Много внимания уделил он исследованию шевченковской эпистолярной литературы, был одним из составителей печатного описания рукописей Шевченко.

Круг научных интересов А. А. Назаревского не ограничивался литературой. Среди его работ есть исследования по истории украинского и белорусского языков, по украинскому, белорусскому и русскому фольклору, по истории культуры, по истории общественного и в частности, студенческого движения в Киеве. В последние годы жизни А. А. Назаревский сосредоточился на истории литературоведения, в частности, он создал цикл интересных мемуарных очерков о В. Н. Перетце, В. П. Адриановой-Перетц, С. И. Маслове, Н. К. Гудзии, В. М. Отроковском и подготовил к публикации несколько работ участников семинария В. Н. Перетца, не изданных в свое время и все еще сохраняющих научное значение.

А. А. Назаревский почти семьдесят лет не покидал кафедру филологического факультета. Многие учителя, ученые, преподаватели вузов, журналисты, писатели учились у него любить, понимать и знать литературу, совершали под его опекой первые самостоятельные шаги в своей профессиональной деятельности. Накопленный за долгие годы богатый опыт в области археографии, палеографии, библиографии, текстологии и истории восточнославянских литератур А. А. Назаревский неутомимо передавал студентам в лекционных курсах, на семинарских занятиях, на заседаниях научного кружка, как руководитель курсовых, дипломных и диссертационных сочинений, как советчик, требовательный и доброжелательный критик и оппонент. Он всегда щедро делился с учениками и коллегами знаниями, навыками филологического исследования, литературного и педагогического мастерства, идеями, найденными и собранными материалами. Высокая требовательность и строгость научного мышления сочетались в нем с внимательностью к труду товарищей по профессии, с готовностью всегда помочь в работе, поддержать все талантливое, по достоинству оценить свежие факты и мысли, вовремя предостеречь от чрезмерных увлечений и ошибок.

Человек, ученый и педагог высокой общей и профессиональной культуры, А. А. Назаревский оставил заметный след в истории отечественной филологической науки. Его труды надолго сохраняют свое значение как существенное подспорье в исследовательской и просветительской работе последующих поколений литературоведов-славистов.

**СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А. А. НАЗАРЕВСКОГО ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР XI—XVII вв.¹**

1908

Исследование текста. — В кн.: *Перетц В. Н.* Введение в изучение русской литературы. Лекции, читанные на Высших Женских Курсах в Киеве в 1907—1908 академическом году (осенний семестр). Киев (лиитографированное издание). [Приложение]. Пособие к лекциям по введению в изучение русской литературы. Рефераты участников филологического семинария, с. 30—73.

«Хождение богородицы по мукам» в новых украинских списках XVII—XVIII вв. — Записки Українського Наукового Товариства в Києві, кн. II. Киев, с. 173—216. Отдельный оттиск, Киев, с. 1—44.

1911

[Отчет о занятиях в Житомире в 1910 г.]. — *Перетц В. Н.* Отчет об экскурсионном семинарии русской филологии в Житомир 21—26 октября 1910 г. — УИ, № 9, с. 1—56. Отдельный оттиск, Киев, с. 37—56.

«Хождение богородицы по мукам»; Вольтское или Житомирское Евангелие 1571 г.; заметки на полях Острожской Библии 1581 г.; дополнения к описаниям двух сборников статей апокрифического характера; описание Евангелия-тетр первой половины XVI в.; «Вослѣдованія погребенія ивоческаго» (Почаев, 1780); «Описи Луцкаго повѣта села Лица» (1806 г.) с перечнем старопечатных книг.

К истории легенды о происхождении картофеля. — РФВ, № 3—4, с. 15—21.

Язык Евангелия 1581 года в переводе В. Негалевского. — УИ, № 8, с. 1—40; № 11, с. 41—78; № 12, с. 79—139. Отдельный оттиск, Киев. 138 с.

1912

Отчет о занятиях в Воронежском губернском музее (24—27 июня 1911 года). — УИ, № 8, с. 1—45.

В «Приложениях» опубликованы тексты «Хождения богородицы по мукам», «Плача Адама», «Стиха об убогом Лазаре», «Аптеки духовной», «Сказания о книгах», «Повести о Новгородском белом клубке», «Слова Даниила Заточника».

Рец.: «Лекции по славяно-русской палеографии, читанные в Московском Археологическом Институте в 1908, 1909 и 1910 гг. проф. Романом Федоровичем Брандтом. Издание Московского Археологического Института. М., 1910, 8°. 70 с.—42 табл. — ЧИОНЛ, кн. 23, вып. 1, Киев. Отдел IV. Библиография, с. 3—17. [Эта статья должна была печататься в ИОРЯС за 1912 г., однако напечатана там не была, сохранился лишь корректурный оттиск].

[Отчет о занятиях в Петербурге в 1911 г.]. — *Перетц В. Н.* Отчет об экскурсионном семинарии русской филологии в С.-Петербург, 13—28 февраля 1911 г. — УИ, № 7. Отдельный оттиск, Киев, с. 12—13; о докладе в ОЛДП «Новый Завет 1581 г. в переводе В. Негалевского»; с. 38—51; наблюдения над списками «Хождения богородицы по мукам», «Сказания о молодце и о девице» и «Повести о старом муже и молодой девице»].

[Отчет о занятиях в Москве в 1912 г.]. — *Перетц В. Н.* Отчет об экскурсионном семинарии русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г. — УИ, № 1. Отдельный оттиск: Киев.

(С. 5—8: резюме реферата А. А. Назаревского «К истории русской повести: «Сказания о молодце и девице» и «О старом муже и молодой девице» на заседании Славянской комиссии Московского археологического общества; с. 46—52: списки «Слова о старом муже и молодой девице»; повести о Шиле, посаднике Новгородском; легенды о Касьяне Римлянино; «Сказания о муках пекельных»; «Сказания о 12 пятницах»; евангелия Фомы; «Слова и мучения св. Христова Никиты», «Жития о бражнику»; «Чудес всемилогитваго Спаса на Красной горе»; сказания «О вере и о Василии Кесарийском»; с. 109—113; украинский список XVIII в. «Хождения богородицы по мукам»).

1913

Каталог выставки печатной книги с XV в. по настоящее время. Киев, Всероссийская выставка 1913 года, с. 1—16.

¹ Составители В. И. Крекотень, П. А. Назаревский.

В библиографии приняты следующие условные сокращения: ВУАН — Всеукраїнська Академія наук; РФВ — Русский филологический вестник (Варшава, с 1915 г. — Москва); УИ — Университетские известия (Киев); ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца (Киев); ЧШ — Червоный шлях (Харьков).

1915

Рец.: Повесть об Акире Премудром в исследовании А. Д. Григорьева. — ЧИОНЛ, кн. 25, вып. 1, Киев, 1915, с. 3—35. Отдельный оттиск, Киев, 1915, с. 1—36.

Рец.: П. Сухотин. Древнерусская повесть. — София, 1914, № 2, с. 34—60. — В. И. Дунаев. Библиотека старорусских повестей, I, М., 1914; II, М., 1914; III, М., 1915. — РФВ, 1915, № 2, с. 430—435.

Рец.: Описание русских рукописных собраний. Выпуск 1-й: Г. П. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в Императорском Московском и Румянцевском музеях. Изд. ОРЯС. Пгр., 1915. УШ+455 стр. — РФВ, 1915, № 3, с. 191—198.

1916

Рец.: Описание русских рукописных собраний. Выпуск 2-й. Ф. А. Мартинсон. Указатель к каталогу хранящегося в Императорской Публичной библиотеке собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. Изд. ОРЯС, Пгр., 1916, 191 с. — РФВ, 1916, № 3, с. 165—167.

Заметка об имени автора и списках «Повести о некоей брани». — РФВ, 1916, № 3, с. 162—165.

1923

Рец.: Новые труды по описанию рукописных собраний г. Киева. 1) Александр Лебедев. Рукописи Церковно-Археологического Музея Императорской Киевской Духовной Академии, т. 1. Саратов, 1916, 472 стр.; 2) С. А. Щеглова. Описание рукописей Киевского Художественно-промышленного и Научного музея. Пгр., 1916, 111 с. (Отдельный оттиск из ИОРЯС, 1916, т. XXI, кн. 1—2). — ИОРЯС, 1921, т. XXVI. Пгр., 1923, с. 277—288.

1926

Рец.: Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. 68 фототипических снимков с древнерусских памятников, преимущественно XI в., на 29 таблицах. К печати подготовил и вводною статьею снабдил проф. Н. М. Каринский. Л., 1925. — Библиологічні вісті. (Український науковий Інститут книгознавства), 1926, № 3 (12), с. 77—79.

1928

Рец.: «Архівна справа», журнал Укрцентрархіву, ч. 1, 2, 3, 4. — Життя й революція (Киев), 1928, кн. II, с. 189—191.

До студій над давньою українською повістю. — Записки Історично-філологічного відділу ВУАН. Кн. XVIII (1928). Киев, 1928, с. 25—34. Отдельный оттиск, Киев, 1928, 10 с.

1929

Видавнича діяльність Комісії Давнього Українського Письменства. — Вісті ВУАН, 1929, № 11—12, с. 82.

Від редакції. [Предисловие к ч. 1 корпуса «Давня українська повість»]. — В кн.: Пам'ятки мови та письменства давньої України. Видав Комісія давнього письменства ВУАН. За редакцією голови Комісії акад. Вол. Перетца. Т. III (Збірник Історично-філологічного відділу ВУАН, № 98). Киев, 1929, с. V—VIII.

Знадоби до історії давньої повісті. 1. Повістевий репертуар київських рукописних збірок. — Записки Історично-філологічного відділу ВУАН, кн. 25. Киев, 1929, с. 1—20.

Рец.: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. (Сборник по русскому языку и словесности АН СССР, т. 1, в. 1). Л., 1928. — ЧШ, 1929, № 2, с. 232—233.

Рец.: Степан Гавський. «Александрія» в давній українській літературі. — В кн.: Пам'ятки мови та письменства давньої України. Видав Комісія давнього письменства ВУАН. За редакцією голови Комісії акад. Вол. Перетца. Т. III (Збірник Історично-філологічного відділу ВУАН, № 98). Киев, 1929, с. IX—XIV, 1—233.

1930

Проф. Теодист Сушицький. Західно-руські літописи як пам'ятки літератури. упорядкував та до друку виготував О. А. Назаревський. Киев, 1930, с. V—IX, 1—404 (Збірник Історично-філологічного відділу ВУАН, № 2).

Історичний курс української літератури. Вступ. Лекція I. Усні твори часів родового побуту та початку феодальної доби, с. 1—24. Лекція II. Усні твори (не зв'язані з обрядами) пізніших часів феодальної доби та доби торговельного капіталізму, с. 1—14. Лекція III. Вступ до літератури XI—XVIII віку. (Література доби феодалізму), с. 1—22. Лекція IV. Література доби торговельного капіталізму. (Література XV—XVIII вв.), с. 1—32. Видання Всеукраїнського заочного Інституту народної освіти. Киев, 1930.

Рец.: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. III. (Сборник по русскому языку и словесности, т. 1, в. 3. Акад. наук СССР). Л., 1929. — ЧШ, 1930, № 3, с. 235—236.

1948

Давня східнослов'янська повість в радянському літературознавстві. (1917—1947). — Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка. Наукові записки. Том. VII. Вип. 3. Філологічний збірник № 2. Київ, Вид-во Київського державного університету, 1948, с. 147—163.

1949

Ред.: Хрестоматія давньої української літератури. (Доба феодалізму). Упорядкував дійсний член АН УРСР О. І. Білецький. Київ, Вид-во «Радянська школа», 1949, 556 с.

1951

Автор «Слова о полку Игореве» и его политическое мировоззрение. — В кн.: Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка. VIII наукова сесія. Тези доповідей. Секція філології. Київ, Вид-во Київського державного університету, 1951, с. 15—17.

Автор «Слова о полку Игореве» и его общественно-политические взгляды. — В кн.: Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка. Наукові записки. Том. X. Вип. III. Філологічний збірник, № 3. Київ, Вид-во Київського державного університету, 1951, с. 195—212.

Празднование в Киеве 150-летия со времени напечатания «Слова о полку Игореве». (Совместно с Б. Райзманом и А. Титаренко). — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., Изд. АН СССР, 1951, с. 424—426.

1952

Вопрос о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — В кн.: Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. IX научная сессия. Секция филологии. Тезисы докладов. Киев, 1952, с. 6—9.

1954

Пора использовать богатые фонды. — Советская культура, 1954, № 104 (182), 31 августа, с. 2.

Отклик на статью Д. С. Лихачева «Скрытые сокровища. Почему не популяризируются редчайшие рукописные памятники?» — Советская культура, 1954, № 78 (156), 1 июля, с. 2.

1955

О жанровой природе «Слова о полку Игореве». — В кн.: Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка. Наукові записки. Том XIV. Вип. 1. Збірник філологічного факультету, 1955, с. 113—144.

Библиография древнерусской повести. Ред. Н. К. Гудзий и Л. А. Дмитриев. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, 191 с.

1956

«Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия. — ТОДРЛ, т. XII, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, с. 546—575.

1958

Літературна сторона грамот та інших документів Московської держави початку XVII століття. — В кн.: Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка. Науковий щорічник за 1957 рік. Київ, Вид-во Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка, 1958, с. 143—144.

Какие возникают задачи дальнейшего изучения «Слова о полку Игореве»? — В кн.: IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. АН СССР. Советский комитет славистов. М., 1958, с. 32—34.

Несколько замечаний о «Послании дворянина к дворянину». — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, с. 284—289.

О некоторых конъектурах к тексту «Слова о полку Игореве». — Вісник Київського університету, № 1, Серія філології та журналістики, випуск 1. Київ, Вид-во Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка, 1958, с. 39—47.

Еще о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — Вісник Київського університету, № 1. Серія філології та журналістики. Випуск 2. Київ, Вид-во Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка, 1958, с. 68—71.

Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, Изд-во Киевского университета, 1958, 184 с.

1959

Памяти друга. (С. И. Маслов — ученый и педагог). — Вісник Київського університету, № 2. Серія філології та журналістики. Випуск 1. Київ, Вид-во Київського університету, 1959, с. 127—135.

До тлумачення деяких «темних місць» у тексті «Слова о полку Ігоревім». — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури. Том 1. Давня українська література. Доба феодалізму — до кінця XVIII ст. Упорядкували академік О. І. Білецький і доцент Ф. Я. Шолом. Київ, «Радянська школа», 1959, с. 188—193.

До вивчення давньої повісті в українській літературі. — Там же, с. 311—319.
[Преподавание и изучение русской литературы в Киевском университете дооктябрьского периода]. — В кн.: Історія Київського університету. Київ, Вид-во Київського університету, 1959, с. 226—229.

1961

О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, Изд-во Киевского университета, 1961. 80 с.

1963

Из истории русско-украинских литературных связей. Старинные книжные легенды и их связи с русским и украинским фольклором. Киев, Изд-во Киевского университета, 1963. 112 с.

1965

Следы «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе. — Вісник Київського університету, № 7. Серія філології та журналістики. Київ, Вид-во Київського університету, 1965, с. 47—55.

Рец.: В. П. Колосова. Климентій Зіновієв. Життя і творчість. Київ, «Наукова думка», 1964. — Радянське літературознавство (Киев), 1965, № 8, серпень, с. 87—88.

Рец.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов). Составил В. И. Малышев. Изд-во «Наука», М.—Л., 1965. — ИОЛЯ, 1965, том XXIV, выпуск 5, 1965, с. 441—443.

1966

Памяти учителя (к 30-летию со дня смерти акад. В. Н. Перетца). — Вісник Київського університету, № 8. Серія філології та журналістики. Київ, Вид-во Київського університету, 1966, с. 55—63.

1967

К истории русско-украинских литературных связей (статья первая). — Вопросы русской литературы. Межведомственный республиканский научный сборник. Выход 3 (6). Изд-во Львовского университета, 1967, с. 16—27.

(Памятники древнерусской литературы (литературы Киевской Руси) в украинских списках, переводах и переделках. Оригинальные произведения: «Хождение» игумена Даниила, Житие княгини Ольги, Житие князя Владимира, Киево-Печерский патерик, Толковая палая. Переводные произведения: Апокрифы (Хождение богородицы по мукам, Сказание Афродитиана, Евангелие Фомы), Повести (Повесть о царе Адариане (Дариане), Александрия, Повесть о Варлааме и Иосифе, Сказание об индийском царстве), Псалтырь).

1968

К истории русско-украинских литературных связей (статья вторая). Памятники русской литературы XIV—XVII ст. в украинских списках, переводах и переделках. — Вопросы русской литературы. Межведомственный республиканский научный сборник. Выход 2 (8). Изд-во Львовского университета. Львов, 1968, с. 3—13.

(Оригинальные произведения: Изумруд, Сказание о Мамаевом побоище, Повесть о нашествии на Москву Темир-Аксака, «Просветитель» Иосифа Волоцкого (Савина), Сочинения Максима Грека и Нила Сорского, Повести (Повесть о белом клубке, Повесть о Дракуле, Беседа отца с сыном, Повесть о бражнике). Переводные произведения: Сочинения Нила Синайского, Лествица, Литовские летописи, Повесть о Бове Королевиче, Рассказы из «Великого Зеркала» и «Римских деяний», «Сводный патерик», «Юго-западнорусские» сборники).

Из далекого и недавнего прошлого. — В кн.: Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. Изд-во МГУ, 1968, с. 16—24.

1969

К изучению «Повести о Горе-Злочастии». — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., Изд-во «Наука», 1969, с. 199—204.

1974

Из воспоминаний о молодых годах В. П. Адриановой-Перетц. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., Изд-во «Наука», 1974, с. 33—37.

Литература о А. А. Назаревском

«Ми вас дуже любимо». — За радянські кадри (многотиражка Київського університета), 1957, № 70 (435), 18 грудня, с. 1. (Сообщение о заседании литературных кафедр университета, посвященном 70-летию А. А. Назаревского).

Назаревський Олександр Адрианович. — Українська радянська енциклопедія. Том 9. Київ, Головна редакція Української радянської енциклопедії, 1962, с. 478.

Крекотень В. І, Павлюк М. М. Півстоліття за кафедрою. — Радянське літературознавство (Київ), 1963, № 2, березень-квітень, с. 153—154.

Назаревський Олександр Адрианович. — Український радянський енциклопедичний словник. Том 2. Київ, Головна редакція Української радянської енциклопедії, 1967, с. 573.

Крекотень В. И. Назаревский Александр Адрианович. — Краткая литературная энциклопедия, т. 5, М., 1968, с. 78.

Заславский И. Я. Александр Адрианович Назаревский. — Вопросы русской литературы. Межведомственный республиканский сборник. Выпуск 3 (9). Изд-во Львовского университета. Львов, 1968, с. 84—88. (С портретом).

Крекотень В. Пам'яті вченого-філолога. — Радянське літературознавство (Київ), 1978, № 3, с. 95—96.

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

Из наблюдений над текстом «Сказания о Мамаевом побоище»

Во всех редакциях «Сказания о Мамаевом побоище», занимающего главное место среди произведений древнерусского «Куликовского цикла», описанию боя князя Дмитрия Ивановича с ордою Мамаю предшествует изображение ночи и утра перед началом сражения. Вот какими словами дается это изображение в тексте распространенной редакции памятника: «Против живоносна праздника Рожества пресвятыя Богородицы, осень же бо тогда долга, и днем летним еще сияющим и теплота быть и тихость. В нощи же той мрацы рос(т)нии явишася. Воистину бо рече: „Нощь несветла неверным, а верным просвещена быть“».¹

Заключительные фразы абзаца несомненно представляют собой цитату из какого-то традиционно-книжного источника. В некоторых списках «Сказания» прибавлено после вводящего цитату глагола «рече» слово «пророк».²

Между тем, как удастся установить, источником цитаты является не какая-либо из пророческих книг Библии, а православная богослужебная книга «Октоих» (иначе — Охтай, или Осьюмогласник). Текст, приводимый в «Сказании», — это несколько сокращенный ирмос (запев) 5 песни воскресного канона 7 гласа из названной богослужебной книги. Там это песнопение представлено в следующем виде:

«нощъ несвѣтла невѣрнымъ Х(ри)с(т)е,
вѣрнымъ же просвѣщеніе въ сладости словесъ Твоихъ
сего ради к Тебѣ оутренюю
и воспѣваю Твое божество».³

В списках Охтая, современных созданию «Сказания», текст ирмоса подвергнулся существенному варьированию. Так, в рукописи БАН, 33.8.7 (XV в.) читается вместо «въ сладости» — «в пещи» и вместо «божество» — «рожество». Такой вариант, конечно, не может не рассматриваться как явное искажение подлинного первоначального текста.⁴ Однако и при таком варианте основной поэтический образ остается неизменным и правильно передается в «Сказании».

Естественно возникает вопрос: случайно ли попала в литературный памятник эта богослужебная цитата или ее появление связано с закономерностями годовичного церковного круга, которым определялась частная и общественная жизнь Древней Руси?

То, что взята именно 5 песнь канона, вполне объяснимо, так как это песнопение посвящается наступлению утра, победе света над тьмою, будучи основано, согласно структуре богослужебного жанра, на тексте «библейской песни» пророка Исаяи (XXVI, 9—20). В ирмосах этой песни ка-

¹ Цит. по: рукопись ГИБ. Q.XVII. 223, л. 322об.

² См.: «Поле Куликово». Сказания о битве на Дону. М., 1980, с. 180—181.

³ Октоихъ. М., 1962, ч. II, л. 162 об.

⁴ Рукопись БАН, 33.8.7, л. 137.

нона всегда говорится о «свете богоразумне», которым озаряются «от ночи утренюющие с пришествием Христа».⁵ Что же касается вопроса о том, почему именно в памяти автора (или авторов) «Сказания» запечатлелся 7 глас Октоиха, то ответить на него можно только тогда, когда будет установлен день недели, в который произошла Куликовская битва. Источники единогласно свидетельствуют о дате 8 сентября иулианского стиля, дне праздника Рождества Богородицы, как о дне сражения. В 1380 г. эта дата падала на субботу. Для того, чтобы это установить, необходимо указать, что Пасха в том году праздновалась 25 марта;⁶ исходя из этого, день Пятидесятницы (св. Троица) приходился на 13 мая. Согласно церковному (иерусалимскому) уставу, принятому русскими с XIV в., начало исполнения Октоиха падало на 27 мая; тогда открывался первый гласовой цикл («столп»), состоявший из 8 недель. Второй гласовой столп начинался 22 июля, по этому столпу время исполнения песнопений 7 гласа приходилось на числа сентября со 2 по 8, т. е. в течение всей недели, предшествовавшей Куликовской битве, исполнялись песнопения именно 7 гласа. О том же, что составители «Сказания» тщательно отмечали даты церковного календаря, мы неоднократно находим свидетельства в тексте самого памятника (см., например, в кн. «Поле Куликово», с. 155 и др.).

Таким образом, появление цитаты именно из канона 7 гласа тоже не случайно, поскольку это песнопение естественно могло закрепиться в памяти участников похода, совершавших каждый день церковную службу. А автором «Сказания», по всей вероятности, был какой-либо церковник, хорошо знавший устав православного богослужения, в памяти которого живы были все события современности. Сказанное позволяет нам согласиться с теми авторами, которые предполагают более раннюю датировку появления «Сказания» — временем, когда еще были живы очевидцы битвы.⁷

Даже авторы, придерживающиеся более поздней датировки «Сказания», признают, что «ряд черт реальных событий, происшедших в 1380 году, это произведение сохранило».⁸

В заключение укажем, что и в творчестве А. А. Блока, отразившего в своей статье «Народ и интеллигенция» и в стихотворном цикле «На поле Куликовом» события 1380 г., как один из ведущих поэтических образов выступает мгла «ночная и зарубежная», сгустившаяся перед началом сражения над вражеским станом.

Именно этот языковой художественный образ наиболее полюбился великому русскому поэту начала нашего века.⁹

Для глубокого понимания произведений русской литературы, древней и новой, необходимо комплексное изучение культуры и истории народа. Ведь все писавшие и творившие на русском языке, от Илариона Киевского и Нестора-летописца до Блока и Маяковского, хорошо знали произведения традиционной книжности и умели кстати и со смыслом их цитировать.

⁵ См.: Н. Б. Тихомиров. Ирмологий (ненотный). — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 1. М., 1973, с. 325.

⁶ Для выяснения дня Пасхи по иулианскому календарю мы пользовались расчетами, приведенными в статье: А. Н. Зелинский. Конструктивные принципы древнерусского календаря. — В кн.: Контекст 1978. М., 1978, с. 92—135.

⁷ См. об этом: Л. А. Дмитриев. Куликовская битва в литературных памятниках Древней Руси. — Русская литература, 1980, № 3, с. 3—29.

⁸ В. А. Кучкин. Победа на Куликовом поле. — Вопросы истории СССР, 1980, № 8, с. 3—21. Отметим, что начало названной статьи останавливает внимание современных читателей именно на этой детали.

⁹ См. в этой связи статью: Г. А. Левинтоп, И. П. Смирнов. «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 72—95.

О выкладке лет в Русском хронографе

В предисловии к Русскому хронографу в главе «Изложение о вере» читается текст, где явно зашифровано время начала и окончания работы над хронографом: «Отнеле же убо всепремудрый хитрец и содетель бог от сотвореннаго света в первый день сотвори зеницу всех сущих на земли, превеликое светило солнце, и во обновление того двосотное и тридесять первое двадесять четвертаго лета начах таковыя гранеси и кончах втораго лета во второе обновление».¹ Было предпринято несколько попыток расшифровать эту важную для истории Русского хронографа запись, результаты расшифровок следующие: 6464—6470 гг., 6964—6970 гг., 7024—7030 гг., 6996—7002 гг.² Последние цифры получил Б. М. Клосс. Ход его рассуждений следующий: «. . . текст выкладки допускает вполне однозначное толкование. Обратим внимание, что получившаяся в результате подсчета дата и та действительно реальная, на которую указывают источники Хронографа, различаются между собой на 500 лет с лишним. При справках о числе солнечных кругов в древней Руси пользовались так называемыми таблицами Миротворного круга. Но оказывается, что соседние колонки этих таблиц отличаются на один индикт, т. е. 532 года. Отсюда и возникает предположение, что составитель Хронографа при определении количества солнечных кругов по ошибке заглянул в соседнюю колонку. Как видно из текста выкладки, количество солнечных кругов в цикле, предшествующем году, в котором началась работа над Хронографом, определено автором как 230. Существует единственная таблица, где среди значений числа солнечных кругов фигурирует 230: в этой таблице указан год 6972, ему соответствует 249 солнечных кругов, а рядом с числом 249 в соседней колонке как раз и стоит число 230. Таким образом, из приведенных рассуждений следует, что Хронограф был начат в $6972 + 24 = 6996$ г., а окончен в 7002 г.»³ Из этой цитаты видно, что в основе полученных Клоссом результатов лежит предполагаемая ошибка древнерусского автора. Но те же самые цифры можно получить более естественным для древнерусского знания путем. Большинство исследователей читали вышеприведенную выкладку следующим образом: количество солнечных обновлений — 230 — умножали на число лет в солнечном обновлении — 28 и прибавляли к этому числу 24, т. е. $230 \times 28 = 6440 + 24 = 6464$. Получался год начала работы, а год окончания равнялся 6470 г. Эти даты, по мнению исследователей, явно были зашифрованы. Если же к этим датам прибавить число 532, то получается результат, равный результату Клосса: 6996—7002 гг. Но спрашивается: почему в данном случае необходимо прибавить число 532?

¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 18.

² Б. М. К л о с с. О времени создания Русского хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 244—255. Здесь дана краткая историография вопроса.

³ Б. М. К л о с с. О времени создания Русского хронографа, с. 253—254. Период в 532 г. лучше называть не индиктом, а великим индиктом или индиктионом.

Как правильно отметил Клосс, все цифры, которые читаются в выкладке, связаны со специальными знаниями древнерусского человека, с таблицами Миротворного (Церковного) круга. Эти таблицы были нужны для определения времени празднования пасхи. В таблицах основными единицами были солнечный (28 лет) и лунный (19 лет) циклы, от умножения этих цифр получается цикл в 532 года (великий индиктион), который интересен тем, что через 532 года дни недели и день пасхи полностью совпадают. Выходит, что когда мы к дате, указанной в выкладке Хронографа — 6464 г., прибавим 532, то получим полное соответствие дней недель и дня пасхи, т. е. 6464 г. и 6996 г. как бы равнозначны.

Спрашивается: кто из русских людей конца XV в. мог так просто и со знанием дела зашифровать время своей работы?

В 7000 г. был созван митрополитом Зосимой собор русской церкви по составлению пасхалии на 8000 лет. В 7001 г. Зосима поручил новгородскому архиепископу Геннадию составить пасхалию на 8000 лет; результаты, полученные Геннадием, были проверены пермским епископом Филофеем.⁴ Отсюда видно, что знатоки пасхалии на Руси в это время нам известны. Если же к этому прибавить сообщение, которое содержится в одной из рукописей конца XV в., где слово хронограф и имя Геннадия упоминаются вместе, то вывод получается однозначным. Это сообщение читается в одном из списков Евангелия, где на последних листах приводится текст под заголовком «А се выписано из хронографа по Константине велицем царе». После же рассказа о подвигах царя написано: «О том же слышал есмь у архиепископа Генадья».⁵

Факты, приведенные в этой заметке, естественно, не решают вопроса о времени создания первоначальной редакции Русского хронографа, но сочетание этих фактов может послужить дополнительным импульсом для будущих исследователей.

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI. СПб., 1897, с. 229, примеч. 618, 619, 620.

⁵ РГБ, Q.1.18 (Толст. II, 38). Евангелие по евангелистам, 329 л., полуустав, конец XV в., л. 328—328 об.

Т. В. БУЛАНИНА

Об именах героев «Повести о Марфе и Марии»

«Повесть о Марфе и Марии» («Сказание об Унженском кресте») — малоизученный памятник русской литературы XVII в. Поэтому большой интерес представляет статья Т. А. Брун «К вопросу о возникновении Сказания об Унженском кресте», опубликованная недавно в сборнике работ молодых ученых.¹ В этой работе пересматривается традиционный взгляд на происхождение памятника.

Вопреки устоявшемуся в науке мнению о том, что Повесть основана на каком-то древнем предании, автор статьи считает, что такого предания вовсе не было, а произведение не могло быть написано раньше 1615 г., когда Унженский крест был заключен в ковчег. Надписи на этом ковчеге, согласно интересной гипотезе автора, являются источником имен действующих лиц Повести — сестер Марфы и Марии и их мужей Иоанна и Логгина. Сам ковчег не сохранился, однако из работы К. Н. Тихонравова известно, какие надписи находились на нем: над женскими фигурами —

МАРІА и МР ΘΥ, а над мужскими — ΙΟΑ^Α и ΛΟΓΙΝΓ. ² В этих надписях Т. А. Брун и предлагает видеть имена героев Повести. Уязвимым местом этой гипотезы является объяснение источника имени старшей сестры — Марфы. По мнению Т. А. Брун, автор Повести, будучи человеком образованным, не мог ошибочно раскрыть титла имени Богоматери (Μήτρ θεοῦ) как «Марфа». Он дал героине имя вкладчицы, вырезанное тут же на ковчеге, — «великие государыни иноки Марфы Ивановны».

Неожиданное подтверждение гипотезе Т. А. Брун об источнике имен героев Повести находим в одном из сочинений Максима Грека, посвященном раскрытию титла имени Богоматери, — «Сказании о богородичнем имени».³ Привожу его полностью: «А что пишут обоюду святыя иконы Богородицы сице: МР ΘΥ, виждь, яко и та и писмена, и пословицы гречески суть, толкуется же сице: митир Θεу, еже есть по-русски: мати божия, а не Марфа, ни Мирфу, яко же нецыи мнят всуе, от неведения греческия речи. Мария есть имя Богородицы, а не Марфа, ни Мирфу».⁴

Не является ли этот текст ключом для понимания одного загадочного сюжета в памятнике русского искусства значительно более раннего времени — в росписях Нередицкой церкви? Здесь изображен совершенно необычный деисус: справа от Спасителя помещена Богоматерь, но вместо обычных титлов снабжена надписью — ΑΓΙΩ ΜΑΡΘΑ. Ученые предлагали

¹ Т. А. Брун. К вопросу о возникновении Сказания об Унженском кресте (Повесть о Марфе и Марии). — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 216—226.

² К. Н. Тихонравов. Древний крест в церкви погоста Унжи, Меленковского уезда, Владимирской губернии. — В кн.: Известия Императорского Археологического общества, т. 1, вып. 1. СПб., 1859, с. 6—9 и рис. IV.

³ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, № 280.

⁴ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, с. 116—117.

много гипотез, пытаюсь объяснить смысл этой надписи.⁵ «Сказание о богородичне имяни» Максима Грека дает возможность высказать наиболее простое предположение — слово «святая» (ἁγία) было добавлено (по образцу других изображений) к неверно раскрытым титлам имени Богоматери.

⁵ Б. А. Колчин, А. С. Хорошев, В. Л. Янин. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981, с. 157—161.

Г. ХОРВАТ

Об «Измарагде» из собрания Румянцева Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина*

Рукопись «Измарагда» (ГБЛ, собр. Румянцева, № 186) представляет собой ценный памятник древнерусской литературы и языка. Рукопись содержит «слова» и поучения отцов церкви (в том числе и произведения русских авторов — Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского и др.), предназначенные для домашнего назидательного чтения не только для монахов, но и для белого духовенства и мирян. Название «Измарагд» сборник получил по аналогии с другими сборниками сходного состава, имеющими такое заглавие.¹ О популярности «Измарагда» свидетельствуют дошедшие до нас многочисленные списки XIV—XVII вв. Данный список «Измарагда» Румянцевского собрания (далее — ИР), относящийся к XIV в., вызывает к себе особый интерес как древнейший пергаменный список первой (краткой) редакции памятника, известной также лишь в двух списках XVI в.²

ИР широко известен в научных кругах, его изучали с разных точек зрения исследователи различных отраслей знания. Не стремясь дать исчерпывающие библиографические сведения об истории изучения рукописи, упомянем все же наиболее известные и обстоятельные работы, посвященные специально этой рукописи. ¶

Самое подробное описание ее состава осуществлено А. Х. Востоковым.³ А. Х. Востоков сообщил и краткие сведения, касающиеся палеографии и орфографии данной рукописи. Им же замечено здесь и «правописание

* Настоящая заметка является вступлением к незавершенной статье венгерского слависта Г. Хорвата, безвременно скончавшегося в 1981 г. *Ред.*

¹ В рукописи ГБЛ, Ф. I. № 233 (XVI в.) на л. 108 стоит заглавие: «Книга глаголемаа Измарагдъ, въ неи же всяка ухищрения божественныхъ писаний истолковано святыми отцы». Измарагд — от греч. *измарагдос* «изумруд». В научной литературе существуют разные толкования названия сборника. Н. П. Попов связывает название сборника с толкованием Св. Епифания «О 12 камыку, иже бѣаху на огни святителейъ насаждани», встречающемся, в частности, в Изборнике Святослава 1073 г., л. 121 об.: «Змарагдъ зеленъ убо есть въ горахъ же имѣднскихъ копающе варьвари сѣкутъ. И сила же его есть лице видѣти въ немъ». (Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880, Изд. ОЛДП LV). По этому пониманию Изумруд по своей цели родствен с столь распространенными в литературе средневековья Запада «Зерцалами». (Н. П. Попов. Памятники литературы, стригольников. — ИЗ, 1940, № 7, с. 44).

Другого мнения придерживался А. С. Орлов, толковавший название сборника «Измарагд» по более поздним рукописям, где название — подобно сборнику «Золотая Цепь» — поясняется следующим образом: «Яко же кто носит на выи цепь златую, красит выю, токо и в сию книгу проникая, красит измарагд, сиречь ум» (История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, с. 158).

² Измарагд. XVI в. ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 204. См.: Арсений. Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1878, с. 227—231. См.: В. А. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования Измарагда. Одесса, 1883, с. 8.

³ А. Х. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842, с. 233—235, № 186.

русское, меняющее ч на ц». И. И. Срезневский отнес ИР к XIV в., «до 1350 года».⁴ Это авторитетное мнение И. И. Срезневского было принято многими исследователями «Измарагда». Каталоги и описания рукописей, увидевшие свет после только что упомянутых трудов, во многом опираются на данные А. Х. Востокова и И. И. Срезневского, однако здесь уже встречаем и новые суждения о времени и месте написания ИР. Так, в частности, «Предварительный список» относит ИР ко второй половине XIV в., «ближе к концу» столетия.⁵ Упомянутыми работами исчерпывается перечень трудов, посвященных рукописи ИР с точки зрения палеографии. Языкового анализа памятника, насколько нам известно, в научной литературе до настоящего времени не существует.

Литературной истории «Измарагда», анализу его «идейного» содержания, происхождению помещенных в сборнике «слов» и поучений посвящены труды А. С. Архангельского⁶ и В. И. Яковлева.⁷ Работы этих ученых внесли ценный вклад в исследование «Измарагда», они во многом актуальны и в наши дни, однако некоторые их положения в свете новых исследований, на наш взгляд, подлежат пересмотру и требуют дополнительных разысканий. В последние годы, исследуя этические воззрения древнерусской литературы, к «Измарагду» обратилась В. П. Адрианова-Перетц, указавшая — хотя сама она и работала с изданным текстом — на необходимость обращаться исследователям к рукописным редакциям «Измарагда».⁸ Об актуальности изучения списков Измарагда высказался недавно в своих новых работах и академик Д. С. Лихачев. Обратив внимание исследователей на недостаточное знание древнерусских правоучительных сборников, Д. С. Лихачев определил пути и задачи исследования «Измарагда».⁹

Несмотря на отсутствие подробного и тщательного анализа самой рукописи, на нее часто ссылаются в своих работах литературоведы и историки культуры. Особенно большое внимание было уделено рукописи в дискуссии о литературе новгородских еретиков-стригольников. Однако недостатки разработки палеографии, языка и отчасти даже состава памятника привели либо к необоснованным гипотезам о прямой принадлежности ИР к литературе стригольников — этой точки зрения придерживались А. Седелников¹⁰ и Н. П. Попов,¹¹ — либо к полному отрицанию возможности такой связи. Так, например, А. И. Клибанов, ссылаясь в первую очередь на высказывание И. И. Срезневского, по которому ИР относится к первой половине XIV в., категорически отрицал принадлежность ИР

⁴ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Общее повременное обозрение. СПб., 1862, стб. 302—303.

⁵ Н. Б. Шеламанова. Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно»). — В кн.: Археографический Ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 228, № 708.

⁶ А. С. Архангельский. К изучению древнерусской литературы. Очерки и исследования. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, вып. I—II (1889); вып. III (1890); вып. IV (1890). А. С. Архангельским изданы некоторые «слова» Измарагда по списку ИР.

⁷ В. А. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1883. Книга репринтом переиздана в 1974 г.: Zentralantiquariat der DDR, Leipzig, 1974. См. подробную историографию изучения Измарагда на с. 1—9.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. 1) К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV веков. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.—Л., 1968, с. 15—24; 2) Человек в учительной литературе Древней Руси. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 3—68; 3) К вопросу о круге чтения древнерусского писателя. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 3—29.

⁹ Д. С. Лихачев. Заметки о русском. — Новый мир, 1980, № 3; История русской литературы в 4-х т., т. 1. Л., 1980. Введение (Д. С. Лихачева), с. 17.

¹⁰ А. Д. Седелников. Следы стригольнической книжности. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, с. 121—136.

¹¹ Н. П. Попов. Памятники. . . , с. 34—58.

к литературе стригольников, которая могла появиться, на его взгляд, только во второй половине XIV в.¹² Такое же расхождение наблюдается во взглядах о месте составления «Измарагда». Так, А. С. Орлов связывает составление ИР с Владимирской землей,¹³ Н. П. Попов и А. Д. Седельников — с Новгородом.¹⁴

Полного научного издания ни исследуемой рукописи, ни «Измарагда» краткой редакции еще не осуществлено. «Измарагд» издан только по 2-й (по первой видимости, более поздней) редакции.¹⁵

Для подготовки рукописи к изданию и для решения ряда вопросов, связанных с литературной историей «Измарагда», со временем и местом его составления и т. д., на наш взгляд, необходим тщательный палеографический и языковой анализ древнейшего сохранившегося списка краткой редакции памятника.

¹² А. И. Клибанов. Реформационное движение в России первой половины XVI века. М., 1960, с. 385—386.

¹³ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945. Гл. XI. Сборник поучений (А. С. Орлов), с. 162.

¹⁴ А. Д. Седельников. Следы. . .; Н. П. Попов. Памятники. . ., с. 36—37.

¹⁵ Измарагд. Издание Московской старообрядческой старопечатни. М., 1912. И в этом единственном полном издании 2-й редакции Измарагда много ошибочных воспроизведенных слов.

Список трудов Анджело Данти*

1. Ivan Peresvetov: Osservazioni e proposte. — In: Ricerche Slavistiche, XII, Roma, 1964, p. 3—64.
2. La rielaborazione secentesca dei «Pamiętniki Janczara» alla luce di cinque nuove copie (in collaborazione con G. Jovanović). — In: Ricerche Slavistiche, XIV, Roma, 1966, pp. 42—52. Lo stesso è apparso in polacco su «Ruch Literacki», IX, Kraków, 1968, p. 223—229.
3. Alessandro Cilli e la sua «Historia di Moscovia». — In: Archivio Storico Italiano, II. Firenze, 1968, p. 171—189.
4. Contributi all'edizione critica dei «Pamiętniki Janczara». — In: Ricerche Slavistiche, XVI, Roma, 1968, p. 126—162.

* Библиография трудов Анджело Данти и биографические сведения о нем любезно предоставлены редакции ТОДРЛ М. Колуччи и Ст. Гардзонно.

Анджело Данти, умерший во Флоренции 17 августа 1979 г. в возрасте сорока лет от лейкемии, был представителем нового поколения итальянских филологов-славистов. Он родился в Пелаго (Флоренция) 8 апреля 1939 г., где и получил образование. В 1963 г. он получил звание доктора литературы, защитив на факультете литературы и философии Флорентийского университета диссертацию об Иване Пересветове. В 1967 г. А. Данти защитил в Римском университете диссертацию на тему «Записки янычара». В 1970 г. он получил звание приват-доцента славянской филологии.

Данти начал преподавательскую деятельность как лектор итальянского языка в Ягеллонском университете в Кракове. С 1968 по 1973 г. был внештатным профессором славянской филологии в Университете в Перудже. В 1974 г. стал штатным профессором славянской филологии в католическом университете в Милане. В 1975 г. перешел во Флорентийский университет, где вплоть до своей кончины являлся ординарным профессором славянской филологии.

Научные труды А. Данти свидетельствуют о многообразии его интересов — исторических, филологических и литературных. Наибольших успехов он добился в изучении литературы и духовной культуры южных и восточных славян от древнейших времен до эпохи гуманизма и Возрождения. Помимо изучения литературы Руси и южных славян, А. Данти с глубоким профессионализмом исследовал литературу и культуру Польши и Богемии. Значительны его работы по сравнительному литературоведению, особенно в области славяно-романских связей. Наиболее значительны труды А. Данти по текстологии. Овладев методикой, принятой западными специалистами по классической, византийской, романской и германской филологии, он параллельно изучал текстологические принципы, выработанные славянскими филологами, стремился к преодолению различий между славянской и западной филологией в теоретическом и практическом аспектах.

Методологические принципы А. Данти в области славянской текстологии изложены во многих исследованиях, см., например, № 5, 11, 15—17 и 20 библиографии.

В 1977 г. А. Данти опубликовал совместно с М. Колуччи критическое издание «Слова» и «Моления» Даниила Заточника, получившее широкую международную известность и единодушно оцененное как одно из самых значительных исследований в области современной славянской текстологии.

Смерть застала А. Данти в период его совместной работы с Риккардо Пиккио над изданием «Слова о полку Игореве».

5. Criteri e metodi nella edizione della «Zadonščina». — In: Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia della Università degli Studi di Perugia, VI, 1968—1969, p. 187—220.
6. Od Kroniky Turecké k «Pamiętnikom Janczara». — In: Slavia, XXXVIII, s. 3. Praga, 1969, p. 351—372.
7. Ani Janczar, ani autor «Kroniki Tureckiej?». — In: Pamiętnik Słowiański, XIX, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969, p. 101—113.
8. Machiavelli e l'Europa Orientale. — In: Accademie e Biblioteche d'Italia, XXXVIII, 3. Firenze, 1970, p. 180—189.
9. Drevne-russkij tekst gramoty florentijskogo Sobora 1439. Firenze, 1971, p. 24.
10. Studenti polacchi a Perugia (seconda metà del XIV sec. — 1623). — In: Atti del Settimo Convegno di Studi Umbri. Perugia, 1973, p. 75—87.
11. Sulla tradizione dello «Slovo o Zakone i Blagodati». — In: Ricerche Slavistiche, XVII—XIX. Roma, 1970—1972, p. 109—117.
12. Il viaggio in Italia di Ignacy Potocki (1783). — In: Italia Venezia e Polonia tra Illuminismo e Romanticismo. Firenze, 1973, p. 257—272.
13. Cantelli Centurione Paolo. — In: Dizionario Biografico degli Italiani. Roma, 1975, t. 18, p. 255—257.
14. Sui rapporti culturali tra Italia e Russia fino al XVI secolo. — In: Cultura e Scuola. Roma, 1974, n. 49—50, p. 295—304.
15. Di un particolare aspetto della tradizione manoscritta antico-russa: testi a duplice redazione e problemi della loro edizione. — In: Atti del VII Congresso Internazionale degli Slavisti, Varsavia, Agosto 1973. Roma 1973, p. 1—28.
16. Per l'edizione della «Zadonščina». — In: AION (Sezione Slava), XVIII—XIX (1974—1975). Napoli, 1977, p. 163—176.
17. O znaczeniu tekstu krytycznego. — In: Slavia, XLVI, s. 4, Praga, 1977, p. 395—398.
18. Daniil Zatočnik — Slovo i Molenie (in collaborazione con M. Colucci). Firenze, 1977.
19. Sulla «Zadonščina» e sulla Filologia. — In: Studi Medievali, XIX, II, Spoleto, 1978, p. 881—897.
20. Filologia e Storia: A proposito della «Cronaca Turca» di Konstantin di Ostrovia. — In: Studi Slavistici in Ricordo di Carlo Verdiani. Pisa, 1979, p. 65—81.
21. Le «Slovo o Polku Igoreve» à Zagreb. — In: Polata Knigopisnaja, Nijmegen, 1979, 2, p. 76—80.
22. L'aspetto 'utopico' della letteratura antiturca in Italia e in Polonia alla metà del XVI secolo. — In: Italia, Venezia e Polonia tra Medio Evo e Età Moderna. Firenze, 1980, p. 551—570.
23. O nowa interpretacje «Kroniki Tureckiej» — po latach. — In: Studia porównawcze o literaturze staropolskiej. Wrocław, 1980, p. 135—156.
24. О «Задонщине» и о филологии. Ответ Д. С. Лихачеву. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 71—91.
25. Note sul prologo dello «Slovo o Polku Igoreve». — In: Ricerche Slavistiche XXIV—XXVI. Roma, 1977—1979, p. 23—32.
26. L'itinerario spirituale di un santo: dalla saggezza alla Sapienza. Note sul capitolo III della Vita Constantini (in corso di stampa su «Paleobulgarica»).
27. Edizione documentaria e edizione critica (in corso di stampa).
28. The Igor'Tale, Its Meaning and composition (in collab. con R. Picchio) (in corso di stampa).
29. Dalla Kronika Turecka al Pamiętniki Janczara. — In: Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli Studi di Perugia, VII, (1969—1970), 11—46 (trad. n. 6).

РЕЦЕНЗИИ

1. Henryk Barycz: Spojrzenia w przeszłość Polsko-włoska, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, p. 446. — In: Lettere Italiane, XVII, 1. Firenze, 1966, p. 111—119.
2. Karolina Targosz-Kretowa: Teatr dworski Władysława IV (1635—1648), Kraków, 1965, p. 341+1. — In: Ricerche Slavistiche, XIII. Roma, 1965, p. 231—235.

3. Kostantin Michailović iz Ostrovice, Janicarove uspomene ili turska hronika, predgovor prevod i napomene dr. Dorde Zivanović, Belgrado, 1966, p. 267. — In: *Ricerche Slavistiche*, XIV. Roma, 1966, p. 311—314.

4. Prispěvky k dějinám Fašizmu v Československo a Mad'arsku, Bratislava, Vydavateľ'stvo Slovenskij akademie věd., 1969, p. 322+7. — In: *Il Pensiero Politico*. Firenze, 1970, III, 1, p. 157.

5. Stuparich G.: La nazione ceca, pref. di V. Frosini, Milano, Longanesi, 1969, p. 328. — In: *Il Pensiero Politico*. Firenze, 1970, III, 3, p. 475—476.

6. Senko W.: Mateusza z Krakowa «De Praxi Romanae Curiae», Varsavia, Ossolineum, 1969, p. 187. — In: *Il Pensiero Politico*. Firenze, 1970, III, 3, p. 455.

7. Kazakova N. A.: Očerki po istorii ruskoj obščestvennoj mysli. Pervaja tret' XVI veka, Leningrado, Nauka, 1970, p. 298. — In: *Il Pensiero Politico*. Firenze, 1971, IV, 3, p. 475.

8. Racconto dei tempi passati. Cronaca russa del secolo XII, a cura di I. P. Sbriziolo, Torino, Einaudi, 1971, p. CXXIII—190. — In: *Il Pensiero Politico*. Firenze, 1972, V, 2, p. 345.

9. N. Radovich: Le Pericopi Glagolitiche della Vita Constantini e la tradizione manoscritta cirillica, Cymba, Napoli, 1968, p. 171. — In: *Pamiętnik Słowiański*, XX, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1970, p. 281—283.

10. Mychalski J.: Schyłek Konfederacji Barskiej, Varsavia, Ossolineum, 1970, p. 205. — In: *Il Pensiero Politico*. Firenze, 1972, V, 2, p. 358—359.

11. Picchio R.: L'Europa orientale dal Rinascimento all'età illuministica, Milano, Vallardi, 1970; e Tamborra A.: L'Europa centro-orientale nei secoli XIX e XX (1800—1920), Milano, Vallardi, 1970, p. 523. — In: *Il Pensiero Politico*. Firenze, 1972, V, 3, p. 586—588.

12. Machiavelli N.: Wybór Pism. Wybór opracował K. Zaboklicki—Wstępem opatrzył J. Malarczyk, Warszawa, P. I. W., 1972, p. 1195. — In: *Il Pensiero Politico*. Firenze, 1973, VI, 2, p. 284—285.

13. Portal R.: La Russia, Torino, UTET, 1972, p. 365 («Nuova Storia Universale dei popoli e delle civiltà», XVII). — In: *Il Pensiero Politico*. Firenze, 1974, VII, 3, p. 458.

14. Popov A.: Istoriko-literaturnyj obzor drevne-russkich polemičeskich sočinenij protiv latinjan (XI—XV v.), Moskva, 1875, rist. anast. a cura di I. Duicev, London, 1972, p. 417. — In: *Il Pensiero Politico*. Firenze, 1974, VII, 2, p. 299.

15. Duti Al., Cartile de intelepciune in cultura romana, Bucaresti, Editura Academici Republicii Socialiste Romana, 1972, p. 167; e Georgescu VI: Ideile politice si iluminismul in principatele romane, Bucaresti, Editura Academici Republicii Socialiste Romana, 1972, p. 226. — In: *Il Pensiero Politico*. Firenze, 1973, VI, 2, p. 298.

16. «Rossija—Russia». Studi e Ricerche, I, a cura di V. Strada, Einaudi, Torino, 1974, p. 240. — In: *Aevum*, L (1976) Milano, fasc. V—VI, p. 688—689.

17. Ju. K. Begunov. Kozma Presviter v slavjanskich literaturach, Izdatel'stvo Bolgarskoj Akademii Nauk, Sofija, 1973. — In: *Aevum*, Milano LI (1977), III—IV, p. 384—386.

18. For Wiktor Weintraub. Essays in Polish Literature, Language, and History presented on the Occasion of his 65th Birthday, The Hague—Paris, 1975. — In: *Aevum*, Milano, LI (1977), V—VI, p. 589.

19. Letteratura e filologia, a cura di B. Basile, Bologna, 1975. — In: *Aevum*, Milano, LI (1977), V—VI, p. 599.

20. Memoiren eines Janitscharen oder Türkische Chronik, eingeleitet und übersetzt von R. Lachmann kommentiert von C. P. Haase, R. Lachmann, G. Prinzing, «Slavische Geschichtsschreiber» hrsg. von G. Stökl, Band VII, Graz—Wien—Köln, 1975. — In: *Aevum*, Milano LI (1977), V—VI, p. 552.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные. . . Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
 АФЗиХ — Акты феодального землевладения и хозяйства.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Брикe — С. М. В r i q u e t. Les filigranes. Paris, 1907.
 ВИ — Вопросы истории.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие Минее Четии, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
 Гераклитов — А. А. Г е р а к л и т о в. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).
 ДАИ — Дополнения к актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
 ИпОРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
 Клепиков, Филигр. и штемп. — С. А. К л е п и к о в. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 Лихачев, Бум. мельн. — Н. П. Л и х а ч е в. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Вод. зн. — Н. П. Л и х а ч е в. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.

- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
- МДА — Московская духовная академия.
- НІЛ, НІІЛ, НІІІЛ; — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
- НІVЛ, НVЛ
- ОИДР — Общество истории и древностей российских.
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
- ПВЛ — Повесть временных лет.
- ПДП — Памятники древней письменности.
- ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
- ППС — Православный Палестинский сборник.
- ПІЛ, ПІІЛ, ПІІІЛ — Псковские первая, вторая и третья летописи.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- РЛ — Русская литература.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- СПб. ДА — Санктпетербургская духовная академия.
- СИЛ, СИЛ — Софийские первая и вторая летописи.
- Срезневский — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
- Материалы
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
- Тромонин — К. Т р о м о н и н. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Д. М. Буланин</i> (Ленинград). О некоторых принципах работы древнерусских писателей	3
<i>В. В. Колесов</i> (Ленинград). Ритмика «Слова о полку Игореве» (К вопросу о реконструкции)	14
<i>М. А. Момина</i> (Ленинград). Вопросы классификации славянской Триоди . . .	25
<i>И. Н. Лебедева</i> (Ленинград). К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога	39
<i>А. М. Панченко</i> (Ленинград), <i>Б. А. Успенский</i> (Москва). Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха	54
<i>О. А. Белоброва</i> (Ленинград). Из истории древнерусской геральдической литературы	79
<i>Т. Ф. Волкова</i> (Ленинград). «Казанская история» и троичские литературные памятники о взятии Казани. (К вопросу об историко-литературных особенностях «Казанской истории»)	104
<i>С. И. Николаев</i> (Ленинград). Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683 г.) и проблема стиля в русской литературе первой трети XVIII в.	118
<i>Ю. И. Юдин</i> (Курск). Традиции фольклорного мышления в исторических свидетельствах народной поэзии и древнерусской письменности (К постановке вопроса)	130

ПОЛЕМИКА

<i>А. Л. Гольдберг</i> (Ленинград). Идея «Москва — третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в.	139
---	-----

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>И. В. Левочкин</i> (Москва). Синодальный список Изборника Святослава	150
<i>Я. Н. Щапов</i> (Москва). Календарь в псковских рукописях XV—XVI вв.	157
<i>И. Н. Латышев</i> , <i>А. К. Свирлова</i> , <i>Р. А. Симонов</i> (Москва). Анализ астрономических данных псковского календаря XIV в.	184
<i>О. В. Творогов</i> (Ленинград). Материалы к истории русских хронографов. 2. Софийский хронограф и «Хроника Иоанна Малалы»	188
<i>М. И. Чернышева</i> (Москва). О соотношении славянского перевода «Хроники Иоанна Малалы» и ее греческого текста. (На материале портретной лексики)	222
<i>А. А. Алексея</i> (Ленинград). К определению объема литературного наследия Мефодия. (Четый перевод Песни песней)	229
<i>Р. А. Седова</i> (Пермь). Рукописная традиция «Жития Петра» в редакции митрополита Киприана	256
<i>Д. Н. Брежневский</i> (Вест-Лафайет, США). Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции и его литературная история	269
<i>Г. М. Прохоров</i> (Ленинград). Гимны на ратные темы эпохи Куликовской битвы	286
<i>Л. А. Дмитриев</i> (Ленинград). «Сказка о некоем молодце, коне и сабле».	305
<i>М. А. Салмина</i> (Ленинград). Античные мифы в хронографе 1617 г.	311
<i>Н. С. Демкова</i> (Ленинград). Из истории ранней старообрядческой литературы. IV. «Исповедание» Игнатия Соловецкого (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1676 г.	318
<i>М. Я. Шайдакова</i> (Горький). А. С. Гациский и его принципы издания документов	326
<i>С. Г. Зеерова</i> (Смоленск). Материалы к биографии и творческой деятельности Ивана Лукошки	334

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

<i>Г. В. Маркелов</i> (Ленинград). Рукописи из Латгалии	341
<i>И. А. Евсева, Е. М. Шеварц</i> (Ленинград). Археографическая экспедиция на Северную Двину	350
<i>А. Г. Бобров, Н. И. Николаев</i> (Ленинград). Пинежская экспедиция 1980 г.	354
<i>В. П. Бударгаин</i> (Ленинград). Экспедиция в Горьковскую область	359
<i>И. М. Грицевская, В. Н. Русинов, Т. В. Черторицкая</i> (Горький). Археографическая экспедиция Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского	362
<i>А. С. Демин</i> (Москва). Новонайденный экземпляр печатного виленского Апостола 1591 г. в Библиотеке Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР	365
<i>Н. С. Демкова</i> (Ленинград). Древнерусские рукописи в некоторых собраниях ФРГ	371
<i>Е. В. Литвинова</i> (Ленинград). Списки «Откровения Мефодия Патарского» в Древлехрамнище ИРЛИ	382

ЗАМЕТКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Л. С. Ковтун, В. В. Колесов</i> (Ленинград). Новый труд о древних теориях искусства слова на Руси	391
<i>В. И. Крекотень</i> (Киев). Труды А. А. Назаревского по истории восточнославянских литератур XI—XVII вв.	401
<i>Н. А. Мецкерский</i> (Ленинград). Из наблюдений над текстом «Сказания о Мамаевом побоище»	409
<i>В. К. Зиборов</i> (Ленинград). О выкладке лет в Русском хронографе	411
<i>Т. В. Булакина</i> (Ленинград). Об именах героев «Повести о Марфе и Марии»	413
<i>Г. Хорват</i> (Будапешт). Об «Измарагде» из собрания Румянцева Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина	415
Список трудов Анджело Данти	418
Список сокращений	421

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

т. XXXVII

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства Н. А. Румянцева. Художник М. И. Разулович
Технический редактор Н. Ф. Соколова. Корректоры О. В. Олендская,
С. Т. Семиглазова и Г. И. Тимошенко

ИБ № 20296

Сдано в набор 19.07.82. Подписано к печати 18.02.83. М-41019. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 26.5. Усл. печ. л. 37.10. Усл. кр.-отт. 39.50. Уч.-изд. л. 39.79. Тираж 3250. Изд. № 8058. Тип. зак. 1304. Цена 4 р. 50 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение. 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12